В. В. ЛЕСЕВИЧЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

Пров. 1939

145
36

поставщикъ двора Его величества
m-me Скоропадской
1915.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Въ настоящемъ изданіи сочиненій В. В. Лесевича собрано почти все, что было имъ написано; какъ то, что вышло въ свѣтъ при жизни автора въ журналахъ, газетахъ, въ отдѣльныхъ выпускахъ книгъ и брошюръ, такъ и то, что осталось послѣ его смерти въ рукописи.

Всѣ сочиненія будутъ распредѣлены по ихъ содержанію и раздѣлены на пять томовъ съ сохраненіемъ, за немногими исключеніями, хронологическаго порядка въ каждомъ отдѣлѣ.

Въ первый и второй томы войдутъ статьи по вопросамъ философіи; въ третій—статьи обще-научнаго характера; въ четвертый—литературно-критическія и въ пятый—статьи по фольклору и по изслѣдованію религіозныхъ ученій. Къ пятому тому будутъ приложены: біографія автора и его портреты, а также статья академика С. Ф. Ольденбурга, посвященная фольклорнымъ работамъ В. В. Лесевича.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

(1869—1878 г.).

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРІИ НА НАУЧНОЙ ПОЧВѢ.

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ XIX ВѢКА).

> «Je ne suis pas assez épris de la nouveauté pour être plus flatté du mérite d'enfanter un système qui me soit propre, que de celui d'exposer seulement des vérités qui me paraissent bien établies».
>
> *Montucla. Hist. des Mathémat. L. I.*

Подъ философіей исторіи мы понимаемъ выработавшееся въ наукѣ сознаніе законовъ жизни и развитія человѣчества. Каждый моментъ этого сознанія находится въ такой тѣсной связи съ жизнію и развитіемъ самаго общества въ данную эпоху, что знакомство съ этимъ состояніемъ возможно только при предварительномъ знакомствѣ съ характеромъ умственной дѣятельности самаго общества.

Приступая къ очерку состоянія строющейся на научныхъ началахъ философіи исторіи, мы, на основаніи вышесказаннаго, считаемъ необходимымъ представить читателю краткую характеристику умственнаго развитія нашего вѣка.

Вѣкъ нашъ есть, всего прежде, вѣкъ борьбы за свободное, самобытное развитіе человѣческаго общества и человѣка—какъ отдѣльной личности. Борьба эта, унаслѣдованная нашимъ вѣкомъ отъ восемнадцатаго, ведется съ извѣстною степенью упорства и послѣдовательности, побѣды, одержанныя въ ней, осуществили уже многія *pia desideria* прошлаго вѣка; но при этомъ единствѣ въ цѣляхъ борьбы, средства, избранныя бойцами прошлаго и настоящаго столѣтій, почти противоположны между

собою по характеру. Восемнадцатый вѣкъ, проникнутый восторженною мыслію о всеобщемъ обновленіи, порывисто устремился къ лучшему будущему, заявляя необходимость не только свободнаго изслѣдованія *всего*, но и отрицанія *всего* (Тюрго). Все сказанное въ этомъ вѣкѣ о прошедшей жизни человѣчества есть обвинительный актъ этой жизни. Не къ пониманію ея прилагаются главныя усилія передовыхъ людей этой эпохи, а къ освобожденію отъ всего, что̀ пришлось имъ отъ него наслѣдовать... Не отрицая плодовъ дѣятельности великихъ людей иниціативы XVIII вѣка, понимая, что крайне страстное увлеченіе было неизбѣжно и необходимо въ ихъ положеніи, вѣкъ нашъ избралъ однако же иной путь. Борьба зашла весьма далеко, успѣхъ ея слишкомъ очевиденъ, замѣшательство враговъ слишкомъ явно: способы веденія борьбы не могли остаться тѣ же. Притомъ же, необычайные успѣхи исторической критики и естествознанія, могущественно воздѣйствующаго на современное міросозерцаніе, въ такой сильной степени способствуютъ успѣху борьбы, что оставаться на прежней почвѣ было ей положительно невозможно.

Историческая критика въ наше время пріобрѣла значительную широту, глубину и точность, достигла безпристрастія и строгой научности. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ не можетъ представить образцовъ этого рода изысканій, хотя бы даже подобныхъ современнымъ. Критика нашего времени понимаетъ, что многіе вопросы предстоитъ ей рѣшить вполнѣ и окончательно, а потому и на самые ничтожные даже она направляетъ весь сложный аппаратъ своей эрудиціи. Значеніе ея особенно важно въ экзегетикѣ (герменевтикѣ). Здѣсь она рѣшаетъ съ твердостью и увѣренностью, неизвѣстною прежнимъ вѣкамъ, тѣ капитальные вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущее цивилизаціи. Мѣсто легкихъ, насмѣшливыхъ, саркастическихъ, страстныхъ разрушителей XVIII вѣка заняли спокойные, методическіе, добросовѣстные ученые экзегеты... Штраусы, Бауры предводительствуютъ цѣлою арміею критиковъ, подобно тому, какъ нѣкогда фернейскій патріархъ предводительствовалъ арміей энциклопедистовъ. Эти критики, точно термиты, забрались во всѣ углы и во всѣ щели стараго зданія... Повидимому все благополучно, все на своемъ мѣстѣ, ничто не шевелится; но это только такъ кажется... На самомъ дѣлѣ основаніе зданія подточено, весь скрѣплявшій его це-

ментъ превращенъ въ порошокъ, и съ минуты на минуту надобно ожидать, какъ оно грохнетъ среди всеобщаго ужаса.

Разрушеніе, о которомъ мы говоримъ, небезплодно. Экзегетика и историческая критика вообще не ограничиваются произнесеніемъ суда надъ прошедшимъ ради одного только разрушенія. Подтачивая старое зданіе ортодоксіи, онѣ не кидаются въ путаницу теологическихъ и метафизическихъ преній, но обогащаютъ и освѣжаютъ мысль положительнымъ изученіемъ прошедшаго, открытіемъ сокровищъ минувшихъ вѣковъ, изъ которыхъ они, при вѣрной оцѣнкѣ ихъ, извлекаютъ живительные уроки и матеріалы для будущаго... Не слѣдуя примѣру минувшаго вѣка, современная критика не облекаетъ своихъ доводовъ въ форму умозрительной аргументаціи и разныхъ діалектическихъ тонкостей, но исключительно опираетъ ихъ на фактахъ, передъ которыми безсильно какъ *самое тонкое* умозрѣніе, такъ и *самая краснорѣчивая* діалектика. Дѣйствуя такимъ образомъ, она обратила весь старинный арсеналъ ортодоксіи въ складъ оружія, негоднаго къ употребленію, и приводя ее въ такое беззащитное состояніе, выставила ее, помощью популяризаціи своихъ изысканій, предъ глазами всего образованнаго міра. Не видѣть всего этого могли только слѣпые или люди, отдѣленные естественными и искусственными преградами отъ сцены, на которой происходило это зрѣлище.

Традиціонное міросозерцаніе дожило такимъ образомъ до критическаго момента. Нравственныя истины ужъ не могутъ быть болѣе принимаемы въ ихъ ортодоксальной формѣ, и вездѣ сильно обозначается стремленіе къ научной достовѣрности и доказательности. Супра-натуральное и легендарное міросозерцаніе потеряло всякій смыслъ и значеніе съ наступленіемъ этого энергическаго стремленія къ наукѣ, къ положительному знанію; оно не въ состояніи ужъ болѣе удовлетворять потребностямъ, вызваннымъ новыми стремленіями. Разумъ, наука, свобода—вотъ новыя силы, влекущія къ неизбѣжному обновленію.

Въ принципѣ побѣда этихъ новыхъ началъ не можетъ быть подвергнута сомнѣнію; обновленіе однако же не совершилось еще; зданіе подточено, но еще не развалилось. Нравственный авторитетъ не перешелъ еще, но переходитъ только къ новому научному міросозерцанію, которое, благодаря успѣхамъ всѣхъ отраслей знанія, складывается изъ новаго матеріала и на но-

выхъ основаніяхъ и, въ наше время, настолько уже сдѣлало успѣховъ, что можетъ служить вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ, благовременно покинувшихъ старое шаткое зданіе.

Такое положеніе вещей, очевидное въ наше время, представлялось еще довольно смутно въ началѣ настоящаго вѣка, и потому неудивительно, если метафизика могла показаться тогда спасительной и привлечь къ себѣ величайшіе умы того времени. Процвѣтаніе трансцендентальныхъ системъ дѣйствительно относится къ этому періоду; Шеллингъ, Фихте, Гегель приковываютъ къ себѣ значительную часть работы мысли, чуть не всю энергію исканія истины... Но метафизика оказалась безсильна. Успѣхи ея были крайне непрочны, и окончательно овладѣть движеніемъ европейской мысли она не могла. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ даже у нѣмецкихъ писателей (непризнающихъ, пока, открыто своей принадлежности къ положительному міросозерцанію и весьма склонныхъ щадить метафизику) самое рѣшительное сужденіе о метафизическомъ движеніи того времени. Трансцендентальная философія Фихте и гегелевская философія, говоритъ одинъ изъ нихъ, остались большею частью непоняты, что̀ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ нихъ самихъ. Что же касается до шеллинговской философіи, то она, наконецъ, сама перестала себя понимать, становясь все болѣе и болѣе нелогичной.

Но если таковъ былъ окончательный результатъ метафизическихъ теорій, то попытки метафизико-мистическихъ ученій, относящихся къ тому же времени и повторяющихся и въ наше, должны были имѣть или будутъ имѣть еще печальнѣйшій исходъ. Какъ извѣстно, даже Огюстъ Контъ, первый представитель позитивной философіи, пытался основать мистико-метафизическую доктрину, имѣющую и до настоящаго времени горсть послѣдователей. Число подобныхъ попытокъ было громадно въ нашемъ вѣкѣ, начиная отъ всѣмъ извѣстныхъ ученій Сведенборга, Ирвинга и др. и оканчивая неизвѣстными— какой-нибудь *физіоническою* религіей Туреля, или *эвадіанской* (evadiènne) религіей Мишеля Ганнò и мн. др.

Всѣ эти метафизическія попытки стать во главѣ движенія вѣка стушевываются на задній планъ или совершенно забываются, и руководительницею успѣховъ общественнаго развитія остается въ концѣ-концовъ—наука.

Ужъ съ первыми проблесками умственной дѣятельности но-

вой Европы, ученіе объ опытѣ и наблюденіи, объ измѣреніи и исчисленіи, какъ источникахъ знаній и средствъ, помощью которыхъ достигалась его удобопримѣнимость, прошло чрезъ жизнь всѣхъ культурныхъ народовъ, развитіе которыхъ произвело его. По мѣрѣ успѣховъ этого опытнаго ученія, обусловливающагося прогрессомъ наукъ, характеръ его все болѣе и болѣе опредѣлялся, и съ паденіемъ, въ принципѣ, метафизики, извращавшей его до извѣстной степени, онъ опредѣлился, наконецъ, вполнѣ и окончательно.

Научныя работы приняли въ нашъ вѣкъ громадные размѣры. Обыкновеннымъ умамъ стало едва возможно овладѣть даже отраслью или частью великаго цѣлаго. Обнять однимъ взглядомъ всѣ направленія движенія мысли, всѣ стороны какой-нибудь науки, не теряясь въ подавляющей массѣ матеріаловъ, стало дѣломъ доступнымъ только для весьма немногихъ. Зато умѣніе воспользоваться этимъ громаднымъ богатствомъ обѣщаетъ результаты, превосходящіе все, что̀ было сдѣлано когда-либо, и о чемъ не дерзали и помышлять еще не особенно давно. Обширное примѣненіе опытнаго метода, тщательное изученіе фактовъ, наведеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ,—вотъ могущественныя средства, которыми современная наука достигаетъ своихъ результатовъ.

Масса работающихъ на различныхъ отдѣльныхъ пунктахъ широкаго поля разработки наукъ и количество собраннаго матеріала превосходитъ все, о чемъ только могъ мечтать ученый минувшей эпохи. Здѣсь, какъ и въ области физическаго труда, развилось его раздѣленіе и дало совершенно аналогичныя послѣдствія. Многія науки потерпѣли въ нашемъ вѣкѣ совершенную передѣлку; другія организовались вновь, и ни одна не оставалась въ застоѣ. *Астрономія*, средства которой возрасли поразительно, сдѣлала открытія вполнѣ имъ соотвѣтствующія. Стоитъ припомнить удивительное открытіе Леверрье, блестящія изслѣдованія Гершеля и Росса, приложеніе спектральнаго анализа къ изученію химическаго состава небесныхъ тѣлъ, чтобы получить идею о важныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ наслѣдниками Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона и Лапласа. *Физика* совершенно преобразилась: она достигла подведенія подъ математическіе законы и численныя опредѣленія всѣхъ входящихъ въ ея область явленій; открыла связь и соотношеніе силъ; обогатилась цѣлыми новыми отдѣлами и выста-

вила новыя научныя теоріи. *Химія* претерпѣла не меньшее преобразованіе, чѣмъ физика. Унитарная система свидѣтельствуетъ о томъ въ достаточной степени. Открытія въ области химіи такъ же многочисленны, какъ и важны. Органическая химія, не болѣе какъ въ три, четыре десятилѣтія произвела громадное количество опытовъ и развивается съ быстротою, удивительною даже и въ наше время. *Біологія* въ современномъ ея состояніи есть плодъ научной дѣятельности нашего вѣка и блистательное доказательство его неистощимыхъ средствъ. *Соціологія*, какъ наука, не существовала еще въ прошломъ столѣтіи. Стремленіе возвысить изученіе общества до степени науки принадлежитъ XIX столѣтію и, если остается еще сдѣлать многое на этомъ поприщѣ, то нельзя отрицать, что сдѣланное уже свидѣтельствуетъ о громадной и плодотворной работѣ. Науки, относящіяся къ соціологіи какъ вспомогательныя—филологія, исторія, политическая экономія и др.—сдѣлали также важные успѣхи. Филологія извлечена изъ безплоднаго буквоѣдства и производитъ животворныя послѣдствія въ воззрѣніяхъ современниковъ на древнюю жизнь человѣчества. Исторія развилась широко и совершенно обновилась подъ скальпелемъ критики. Политическая экономія, своими изслѣдованіями, приготовляетъ выработку взгляда на будущее...

Вотъ самый бѣглый перечень успѣховъ однѣхъ только основныхъ наукъ (по классификаціи Ог. Конта). Мы ни слова не сказали о наукахъ побочныхъ и прикладныхъ, успѣхи которыхъ очевидны для всѣхъ въ безчисленныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, общій характеръ которыхъ заключается въ замѣнѣ человѣческой силы механическою и въ экономіи времени. Успѣхи здѣсь громадны, и вліяніе ихъ на жизнь безгранично. Справедливо говоритъ Бокль, что въ Европѣ не осталось, кажется, ничего такого, что̀ человѣкъ побоялся бы предпринять...

Такая усиленная дѣятельность безпрестанно увеличиваетъ безчисленными опытами и наблюденіями запасъ собраннаго матеріала и даетъ новѣйшей наукѣ возможность охватить чрезвычайно обширный кругозоръ. Обозначающееся въ ней все сильнѣе и явственнѣе стремленіе къ философскимъ обобщеніямъ должно считаться поэтому не только совершенно естественнымъ и законнымъ, но даже необходимымъ. Основной характеръ ея въ настоящее время заключается въ постановкѣ, такъ недавно

еще принадлежавшихъ исключительному вѣдѣнію метафизики, вопросовъ о принципахъ. Она работаетъ надъ ихъ разъясненіемъ. Она ищетъ началъ, которыя могли бы соединить въ извѣстныя отношенія даже самые несходные и аномальные факты, и старается понять порядокъ, соединяющій эти части въ цѣлое. Она ищетъ закона вездѣ и во всемъ и, при его помощи, стремится возвыситься надъ разнообразіемъ и множествомъ владѣемаго ею матеріала къ единству универсальнаго.

Это стремленіе науки организоваться въ доктрину, обнимающую всю сферу человѣческаго знанія, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что доктрина эта, слѣдуя духу времени, не можетъ замкнуться въ сферахъ отвлеченнаго ученія и должна сдѣлаться тѣмъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ воздвигнется все соціальное зданіе. Такимъ образомъ, созданъ выходъ изъ той путаницы и мрака, которые, при господствѣ прежняго умственнаго режима, казались совершенно безвыходными. Сколь возможно полное и равномѣрное удовлетвореніе человѣческихъ нуждъ признается наукой неоспоримой истиной, и она усиленно работаетъ надъ разъясненіемъ многочисленныхъ и сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ этой великой задачи нашего вѣка.

Итакъ, наука стремится прійти, въ окончательномъ результатѣ, къ доктринѣ, обнимающей все, что только можетъ регулировать жизнь и развитіе человѣчества. Она стремится къ тому, чтобы сдѣлаться не только истолковательницей, но и руководительницей жизни; она ставитъ соціальную систему конечной цѣлью всей своей работы. Стремленіе это, какъ мы и сказали уже, совершенно законно; но полнаго успѣха въ настоящее время оно еще имѣть не можетъ, потому что, несмотря на громадные успѣхи наукъ, предварительный анализъ, необходимый для осуществленія такого стремленія, все-таки далеко еще не оконченъ. Многое остается еще недоступно научному изслѣдованію, многое гадательно, неточно, неполно... Но справедливо замѣтилъ Фейербахъ, что никто не становится подъ водосточныя трубы для того, чтобы укрыться отъ дождя... Возврата къ прошлому нѣтъ; мы это знаемъ, и потому смѣло предпочитаемъ неполноту попытокъ, обобщающихъ наше положительное знаніе, мнимой законченности системы традиціоннаго міросозерцанія. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи была попытка Ог. Конта. Соціаль-

ная задача ей не удалась, правда, вполнѣ; но рѣшеніе ею задачи философской представляетъ въ высшей степени замѣчательную ступень къ достиженію цѣли стремленій современной науки. На нашихъ глазахъ уже, тропинка, пробитая Ог. Контомъ, обращается въ широкую дорогу, и вмѣсто системы, которую мы можемъ назвать *контизмомъ*, возникаетъ *позитивизмъ* или—чтобъ не спорить о словахъ—научное міросозерцаніе, научная философія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, философія съ непрестанно расширяющейся и теперь уже весьма широкой сферой вліянія.

Этой философіи предстоитъ играть важную роль въ современномъ ходѣ жизни. Подъ вліяніемъ различныхъ ея развѣтвленій складывается идеалъ личности и общества, во всемъ отличный отъ идеала минувшихъ временъ. Мышленіе теряетъ свою выспренность и туманность и пріобрѣтаетъ простоту, ясность, точность, опредѣленность... Человѣкъ перестаетъ предпочитать мечтаніе и фантазерство трезвости мысли и прозѣ труда; чаще оглядывается на свое положеніе въ средѣ человѣчества; онъ обращаетъ болѣе вниманія на улучшеніе своего нравственнаго и матеріальнаго быта, среди реальной его обстановки. Жизнь его становится человѣчнѣе, свѣтлѣе, и все болѣе и болѣе устраняются изъ нея явленія, оскорбляющія справедливость, препятствующія успѣхамъ цивилизаціи, нарушающія миръ...

Наконецъ, одному только научному міросозерцанію предстоитъ подвинуть человѣчество къ высочайшей цѣли, какая только можетъ быть ему представлена,—къ цѣли объединенія его. Прежнія міросозерцанія оказались безсильными на этомъ пути и привели только къ усиленію международной вражды. Разумъ, освобожденный отъ ихъ путъ, предоставленный самому себѣ, опирающійся на свободное изученіе природы и жизни, окажется, конечно, состоятельнѣе. Различныя степени омраченія и искаженія его исчезнутъ, и его естественное единство во всемъ родѣ человѣческомъ будетъ служить вѣрнымъ залогомъ дѣйствительнаго объединенія человѣчества.

Но первое условіе для дѣятельнаго перехода къ лучшему будущему, приготовленному для человѣчества трудами стольких вѣковъ, есть смѣлый разрывъ съ прошедшимъ. Въ принципѣ, онъ, какъ мы уже сказали, совершился; рубежъ, отдѣляющій традиціонное міросозерцаніе отъ научнаго, перейденъ пере-

довыми людьми цивилизаціи, и для перехода остальныхъ нужно время. Тѣмъ не менѣе, однакоже, оставаясь послѣдовательнымъ, нельзя предоставить все одному времени. Эта истина, какъ кажется, не стала еще для всѣхъ очевидною, и въ наше время есть даже раціоналисты и свободные экзегеты, которые думаютъ, что ходъ науки можетъ быть отдѣленъ отъ хода жизни. Они не понимаютъ, что такимъ образомъ, они безсознательно подаютъ руку реакціи, неперестающей дѣлать усилія къ задержанію современнаго движенія и даже къ возвращенію его вспять.

Говоря объ интеллектуальномъ состояніи настоящаго вѣка, нельзя не упомянуть объ этой реакціи, неперестающей поднимать голову при первомъ дуновеніи благопріятныхъ ей обстоятельствъ. Мы не говоримъ, конечно, о грубой реакціи,—такая реакція губитъ только свое дѣло,—но мы обращаемъ вниманіе на реакцію болѣе тонкую, болѣе пронырливую, на реакцію, старающуюся представить мертвую идею въ современной, живой формѣ, окружающую ее аттрибутами вѣка, щеголяющую своимъ полнымъ согласіемъ съ его открытіями и завоеваніями въ области знанія. Мистификація такой реакціи должна быть указана смѣло и прямо, какъ зло, угрожающее своевременному осуществленію благъ, вырабатываемыхъ наукой. Оставляя частности въ сторонѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе на корень зла, на его основу. Могутъ ли возстановители прошедшаго отказаться отъ этой основы, какъ бы они ни украшали ее извнѣ? Мы спросимъ всего прежде у ретроградовъ этого закала, можетъ ли основатель какого бы то ни было мистическаго міросозерцанія, подобно ученому или философу, обращаться къ людямъ и приглашать ихъ къ совмѣстному и равноправному исканію истины, къ пренію о ней, къ свободной провѣркѣ его метода, его наблюденій и открытій?.. Нѣтъ: въ первомъ словѣ его слышится уже тонъ власти: истина предлагается имъ готовою и полною, нетерпящею ни обсужденій, ни возраженій. Это его точка исхода; ею рѣшается все... Рѣчь идетъ о власти въ сферѣ умственной дѣятельности... Власть здѣсь, какъ и вездѣ, можетъ принадлежать только лицу. Она не можетъ принадлежать доктринѣ. Можетъ ли лицо, проповѣдуя такую, исключающую свободу, доктрину, не проповѣдывать само себя, не навязывать, лучше сказать, само себя вмѣстѣ съ своею проповѣдью? Это естественно и понятно. А если

такъ, то при чемъ же здѣсь аттрибуты вѣка, при чемъ согласіе съ наукой, преклоненіе предъ знаніемъ? И не мистификація ли, въ сущности, это хитрое заманиваніе въ прошедшее?..

Характеристика, которую мы набросали, можетъ, какъ мы полагаемъ, служить фономъ, на которомъ обозначатся главныя направленія научной философіи исторіи. Характеристика эта, при всей ея бѣглости, показала, какъ мы думаемъ, съ достаточной ясностью, что среди различныхъ міросозерцаній, оспаривающихъ одно у другого направленіе мысли настоящаго вѣка, первенствующимъ, по праву, должно быть поставлено міросозерцаніе научное или положительное, и что метафизическія воззрѣнія оттѣснены научнымъ движеніемъ на задній планъ интеллектуальнаго развитія. Въ каждомъ изъ этихъ направленій философія исторіи считаетъ своихъ представителей; но значеніе ихъ въ томъ или другомъ изъ нихъ зависитъ, очевидно, отъ значенія самого направленія. Имѣя въ виду краткость нашего очерка, мы считаемъ себя вправѣ вовсе не говорить о воззрѣніяхъ, основывающихся на положеніяхъ, точки зрѣнія которыхъ, по убѣжденію нашему, ложны и которыя поэтому лишены жизненнаго вліянія. Мы не станемъ говорить ни о теоріи *откровенія абсолютнаго* (Шеллингъ), ни о воззрѣніи, открывающемъ въ жизни и развитіи человѣчества *стремленіе абсолютнаго къ самосознанію* (Гегель). Мы также пройдемъ молчаніемъ попытки отождествленія судебъ человѣчества съ планами внѣміровой силы (Бональдъ, Балланшъ, Шатобріанъ), а также ничего не скажемъ и о прагматическомъ провиденціализмѣ или доктринерствѣ (Гизо). Такимъ образомъ, мы будемъ говорить о философіи исторіи на научной почвѣ *исключительно*, какъ о такомъ направленіи въ пониманіи законовъ исторической жизни, которое одно только и имѣетъ будущее. Намъ предстоитъ поэтому ознакомиться съ тѣми воззрѣніями, которыя имѣли своимъ представителемъ въ минувшемъ періодѣ вѣка Ог. Конта и которыя были разработаны въ новѣйшее время Боклемъ, Литтре, Ст. Миллемъ, Спенсеромъ и др. Мы упомянемъ также тамъ, гдѣ того будетъ требовать изложеніе, и о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ тѣхъ мыслителей, которые, хотя и не принадлежатъ къ положительной школѣ, но нѣкоторыя мысли которыхъ имѣютъ значеніе съ ея точки

зрѣнія; таковы—Прудонъ, Лоранъ, Дрэперъ, Ренувье, Раденгаузенъ.

Мы не можемъ, однакоже, изложить вполнѣ воззрѣнія мыслителей, которыхъ назвали выше, если даже и ограничимся одной положительной школой. Невозможность эта происходитъ оттого, что сочиненія, о которыхъ намъ пришлось бы говорить, такъ обширны, что самое бѣглое знакомство съ ними, при разсмотрѣніи ихъ во всемъ ихъ объемѣ, завело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Мы принуждены, поэтому, ограничиться разсмотрѣніемъ только *нѣкоторыхъ* воззрѣній писателей, которымъ философія исторіи обязана чисто-научной разработкой; мы представимъ читателю однѣ главнѣйшія, общія черты современнаго состоянія этой важной отрасли соціологіи и, ограничиваясь картиной развитія ея изысканій, позволимъ себѣ только бѣглыя частныя замѣчанія, воздерживаясь отъ общей критической оцѣнки, которая слишкомъ удлинила бы очеркъ нашъ и не согласовалась бы съ цѣлью, имѣющеюся у насъ въ виду.

Уже въ XVIII столѣтіи главнымъ мотивомъ всѣхъ изысканій въ области философіи исторіи сдѣлалась идея развитія или прогресса человѣчества. Вспомнимъ сущность трактатовъ Гердера *(Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menscheit)*, Лессинга *(Erziehung des Menschengeschlechts)*, Тюргò *(Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain* и др.), Кондорсэ *(Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain)*,— всѣ они выставляютъ на первый планъ прогрессъ, развитіе... Научное міросозерцаніе нашего вѣка, усвоивъ отъ этихъ писателей тѣ воззрѣнія, которыя согласуются съ его основоположеніями, повело далѣе развитіе философіи исторіи и, согласно своему организаторскому духу, опредѣлило ей мѣсто въ наукѣ объ обществѣ (соціологіи) и связь ея съ общимъ строемъ этой науки.

Соціологія имѣетъ предметомъ—изученіе общественныхъ явленій въ смыслѣ неизбѣжной подчиненности ихъ естественнымъ законамъ. Для открытія этихъ законовъ, научное изслѣдованіе считаетъ необходимымъ пользоваться въ соціологіи, какъ и въ другихъ наукахъ, всѣми тремя методами общаго искусства изученія, т.-е. *наблюденіемъ*, *опытомъ* и *сравненіемъ*. Только добытые этимъ путемъ результаты считаетъ оно вполнѣ положительными данными и только ими пользуется оно для своихъ выводовъ и заключеній.

Вообще говоря, дѣйствительное *наблюденіе* возможно только тогда, когда оно сначала направляется, а потомъ объясняется какой-нибудь теоріей. Очевидно, что явленія, столь сложныя, какъ факты общественной жизни, совершенно ускользаютъ отъ наблюденія безъ соблюденія этого условія. Одна теорія только можетъ руководить выборомъ фактовъ, а потому безъ нея наблюденіе совершенно невозможно. Факты, подлежащіе наблюденію, безчисленны, но при недостаткѣ умственнаго построенія и философскихъ указаній, они всегда останутся безплодными, и изслѣдованіе ихъ никогда не сдѣлается научнымъ. Итакъ, для превращенія факта въ соціологическій матеріалъ необходимо руководство теоріи, которымъ и обусловливается наблюденіе, какъ первый способъ изученія общественныхъ явленій.

Второй способъ изученія,—*опытъ* въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ въ соціологіи лишь косвенное примѣненіе въ патологическихъ случаяхъ. Случаи эти представляютъ разуму данныя для лучшаго раскрытія законовъ человѣческой природы, путемъ научнаго анализа разстройствъ, сопровождающихъ ея развитіе.

Третій способъ изученія,—*сравненіе*, необходимо долженъ быть главнымъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ общественныхъ явленій. Главный пріемъ этого способа—сопоставленіе современнаго состоянія общества въ различныхъ частяхъ свѣта, при чемъ выборъ долженъ падать преимущественно на самыя независящія одно отъ другого племена.

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе цѣлей и способовъ соціологіи, научное значеніе которой обозначено нами уже довольно опредѣленно, мы перейдемъ къ объясненію отношенія къ ней философіи исторіи, входящей въ нее какъ составная часть.

Научная философія распространяетъ и на общественныя явленія тѣ строго-опредѣленныя различія, которыя она всегда указываетъ при изслѣдованіи всѣхъ изучаемыхъ ею отдѣльныхъ группъ явленій. Всѣ эти группы явленій, съ точки зрѣнія науки, распадаются на явленія *статическія* и *динамическія*. Въ біологіи, напримѣръ, всѣ анатомическія явленія подводятся подъ отдѣлъ явленій статическихъ, а факты, представляемые физіологіей, составляютъ отдѣлъ явленій динамическихъ. Первый отдѣлъ ставитъ предметомъ изученія *органи-*

зацію живого тѣла; второй—*дѣятельность* этой живой организаціи. Этотъ примѣръ показываетъ съ достаточной опредѣленностью сущность разсматриваемыхъ различій и дѣлаетъ яснымъ приложеніе ихъ къ соціологіи. Здѣсь—статическая часть или *соціальная статика* разсматриваетъ условія существованія или организацію общества, а *соціальная динамика* изучаетъ законы дѣятельности этой организаціи. Статическое представленіе общественной организаціи, естественно, лежитъ въ основаніи соціологіи; но философскій характеръ этой науки дается ей соціальной динамикой, составляющей ту главную часть ея, которая обыкновенно называется *философіей исторіи.*

Обозрѣвая съ научной точки зрѣнія общую совокупность измѣненій, которымъ подвергалась и подвергается жизнь человѣческихъ обществъ, нельзя не замѣтить прежде всего, что измѣненія эти заключаются въ постоянномъ возрастаніи преобладанія свойствъ, характеризующихъ человѣка, надъ свойствами чисто-животными. Въ этомъ смыслѣ, самая высшая цивилизація должна быть разсматриваема какъ состояніе общества, наиболѣе согласующееся съ естественными условіями, такъ какъ состояніе это обнаруживаетъ тѣ свойства человѣческой природы, которыя находились какъ бы въ оцѣпенѣніи на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Біологическія изслѣдованія доказываютъ, что въ царствѣ животныхъ жизнь общеорганическая постепенно подчиняется жизни животной, по мѣрѣ возрастанія измѣненій, приближающихъ организмы эти къ организму человѣческому. Итакъ, развитіе человѣчества представляется намъ, при этомъ сближеніи, самымъ высшимъ моментомъ общаго хода развитія органической жизни, начиная съ простѣйшихъ растеній и оканчивая человѣкомъ. Этотъ взглядъ на общее значеніе человѣческаго развитія подтверждается анализомъ развитія общественнаго, несомнѣнно доказывающимъ, что высшія способности человѣка непрестанно стремятся къ преобладающей роли въ общей экономіи человѣческаго существованія.

Развивая въ громадной и постоянно возрастающей степени вліяніе человѣка на внѣшнюю природу, цивилизація стремится, повидимому, къ сосредоточенію нашего вниманія исключительно на попеченіи о матеріальномъ существованіи; при ближайшемъ же разсмотрѣніи ея развитія, оказывается, напротивъ того, что она способствуетъ преобладанію самыхъ

высшихъ способностей человѣческой природы. Это преобладаніе достигается возрастаніемъ обезпеченности физическихъ нуждъ и высочайшею степенью возбужденія умственной дѣятельности. Въ эпоху младенчества общества, инстинкты самосохраненія преобладаютъ до такой степени, что даже половая жизнь, несмотря на всю грубость ея первобытной возбудительности, уступаетъ имъ въ энергіи. Семейныя чувства, конечно, весьма слабы въ эту эпоху, а общественныя связи ограничиваются самою незначительною фракціею человѣчества. Все существующее же внѣ предѣловъ этой небольшой фракціи считается не только совершенно чуждымъ ей, но и враждебнымъ. Такимъ образомъ, чувство вражды и физическіе инстинкты господствуютъ въ этой группѣ людей, какъ главные руководители ихъ дѣятельности. Только съ пробужденіемъ высшей человѣческой способности, умственной дѣятельности, начинаетъ складываться общественность, которая развивается потомъ въ зависимости отъ развитія этой высшей способности.

Итакъ, съ какой стороны ни станемъ разсматривать измѣненія, которымъ подвергался человѣкъ въ различныя эпохи своего существованія, мы всегда замѣтимъ, что общій результатъ развитія не заключается въ одномъ только матеріальномъ улучшеніи быта, достигаемомъ возрастаніемъ власти человѣка надъ внѣшнею природой, но и въ постоянномъ возрастаніи преобладанія высшихъ человѣческихъ способностей. Въ этомъ смыслѣ индивидуальное развитіе воспроизводитъ передъ нашими глазами главныя фазы общественнаго развитія. Наблюдая и то и другое, мы можемъ замѣтить, что они одинаково имѣютъ цѣлью подчиненіе личныхъ инстинктовъ инстинктамъ соціальнымъ и, въ то же время, стремятся къ власти надъ страстями при посредствѣ установленнаго разумомъ закона. Такимъ образомъ объясняется научно та *неизбѣжная и необходимая борьба животности и человѣчества*, которую сознаетъ въ себѣ человѣкъ отъ первыхъ проблесковъ цивилизаціи и до настоящаго времени и которая представляется постоянно въ той или другой формѣ въ различныхъ міросозерцаніяхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ степенямъ развитія цивилизаціи.

Съ этимъ взглядомъ на развитіе или прогрессъ человѣчества согласуется вполнѣ опредѣленіе прогресса одного изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка—Прудона. Въ 9-мъ этюдѣ своего изслѣдованія «De la justice dans la revolution et dans l'ég-

lise» онъ опредѣляетъ прогрессъ, какъ самобытное совершенствованіе человѣчества, совершающееся подъ вліяніемъ идеала и имѣющее слѣдствіемъ непреодолимое возрастаніе свободы и справедливости*). Въ другомъ сочиненіи: «La philosophie du progrès» онъ опредѣляетъ прогрессъ, какъ утвержденіе всеобщаго движенія, какъ отрицаніе всякаго покоя и всякой неподвижности. Хотя опредѣленіе это стремится къ совершенно иной (чисто-объективной) постановкѣ вопроса, чѣмъ предыдущее, однакоже, по прочтеніи всей брошюры, содержащей «философію прогресса», оно можетъ быть совершенно отождествлено съ нимъ, такъ какъ движеніе, о которомъ въ немъ говорится, приводится къ движенію къ тому же идеалу, на который указывается въ первомъ опредѣленіи. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, говорить здѣсь о воззрѣніяхъ Прудона такъ подробно, какъ они того заслуживаютъ, потому что въ такомъ случаѣ одно это отступленіе должно было бы равняться тому объему, который мы предположили для цѣлой статьи. Не упомянуть же о немъ вовсе, говоря о современномъ состояніи философіи исторіи, невозможно, такъ какъ Прудонъ занимаетъ очень видное мѣсто въ ея разработкѣ.

Не болѣе, чѣмъ на взглядѣ Прудона, можемъ мы остановиться и на воззрѣніи Спенсера, посвятившаго разсматриваемому нами вопросу нѣсколько главъ въ своихъ «Основныхъ началахъ», и отдѣльную статью, помѣщенную въ первомъ выпускѣ русского перевода его сочиненій. Спенсеръ также старается найти объективную точку зрѣнія на ходъ исторической жизни; но это удается ему такъ же мало, какъ и Прудону. Чисто-объективная точка зрѣнія не даетъ возможности отличать явленій прогрессивныхъ отъ регрессивныхъ; она принуждена разсматривать одну безразличную совокупность измѣненій, которой подвержена жизнь человѣчества, а потому она и не даетъ возможности избѣжать смѣшенія понятій при разрѣшеніи капитальнѣйшаго вопроса всей философіи исторіи. Эта неизбѣжность смѣшенія понятій не могла, конечно, укрыться отъ Спенсера, и онъ старается положить различіе между двумя стоящими передъ нимъ противоположностями (прогрессомъ и регрессомъ), оставаясь на своей точкѣ зрѣнія. Ему, какъ мы

*) Мы говоримъ здѣсь только объ *опредѣленіи*, не касаясь дальнѣйшаго развитія взгляда, изложеннаго Прудономъ въ этомъ сочиненіи.

полагаемъ, это удается далеко не вполнѣ, такъ какъ не только положенные имъ признаки различія, но и самое опредѣленіе прогресса, какъ осложненія того, что̀ прогрессируетъ, примѣняются къ ходу соціальныхъ измѣненій весьма неудовлетворительно.

Взглядъ на разсматриваемый вопросъ двухъ новѣйшихъ историковъ, притязающихъ на научность своихъ изысканій,— Лорана («Etudes sur l'histoire de l'humanité») и Ренувье («Essai de critique générale») совершенно ошибоченъ. Мы скажемъ о немъ два слова лишь для того, чтобы опровергнуть заблужденіе, которое раздѣляется многими. Лоранъ и Ренувье утверждаютъ, что прогрессъ есть *фактъ*, въ настоящее время неподлежащій сомнѣнію. Смѣшеніе понятій здѣсь очевидно. Оставаясь въ области фактовъ, мы можемъ утверждать только одно— *измѣненіе;* но ни о прогрессѣ, ни о регрессѣ говорить не можемъ. Понятіе о прогрессѣ или о регрессѣ есть результатъ субъективнаго отношенія къ процессу наблюдаемыхъ измѣненій. Изъ этого видно, что понятіе это находится въ прямой зависимости отъ міросозерцанія наблюдателя и что субъективной оцѣнкѣ можетъ быть дано значеніе только тогда, когда будетъ доказано, что міросозерцаніе, на которомъ она основана, опирается на положительное знаніе, что оно, по праву, можетъ назваться *научнымъ**).

Возвращаясь къ взгляду на прогрессъ, какъ на стремленіе къ идеалу, опредѣляемому словомъ *человѣчность*, мы займемся изученіемъ того процесса, который ведетъ къ достиженію этого идеала. Процессъ этотъ, очевидно, въ высшей степени сложенъ. Сложность его, обусловливаемая многочисленностью элементовъ, подлежащихъ выработкѣ, дѣлаетъ весьма трудными наблюденіе и сравненіе, необходимыя, какъ мы сказали, для открытія закона, управляющаго всякимъ явленіемъ. Очевидно, что если бы изъ числа многочисленныхъ соціальныхъ элементовъ человѣческой жизни одинъ перевѣшивалъ другіе въ качествѣ главнаго рычага соціальнаго движенія, то изученіе ихъ пріобрѣло бы неоцѣнимое пособіе, такъ какъ развитіе этого

---

*) Мы не останавливаемся надъ мнѣніемъ Лорана о возрожденіи человѣка на другихъ планетахъ и продолженіи на нихъ своего существованія, подлежащаго тѣмъ же законамъ развитія, какъ и жизнь на землѣ. Мнѣніе это навѣяно традиціей и слишкомъ ужъ нелѣпо.

элемента могло бы быть принято за центральную цѣпь, къ каждому звену которой примыкали бы соотвѣтственныя звенья всѣхъ другихъ развитій. Послѣдовательность фактовъ, уже вслѣдствіе одного этого, представилась бы въ нѣкоторомъ самопроизвольномъ порядкѣ, гораздо ближе подходящемъ къ дѣйствительному порядку ихъ послѣдовательности, чѣмъ какой могло бы дать иное, болѣе эмпирическое представленіе прогресса.

Такой преобладающій и почти господствующій элементъ представляетъ *умственная дѣятельность*. Общая совокупность всѣхъ измѣненій, черезъ которыя прошла жизнь человѣчества, несомнѣнно совершалась подъ ея вліяніемъ. Вотъ почему во всѣ времена преобладающее значеніе умственной дѣятельности, умственнаго развитія, признавались въ большей или меньшей степени прямо и опредѣлительно. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что умственная дѣятельность есть одна изъ слабѣйшихъ склонностей человѣка, на которую, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ, потрачивается наименьшая часть жизни большинства людей, несмотря на это, вліяніе умственной дѣятельности есть единственная коренная причина соціальнаго прогресса, потому что она служитъ средствомъ удовлетворенія всѣхъ другихъ нашихъ склонностей, способствующихъ этому прогрессу. Вообще говоря, уровень знаній въ данное время представляетъ крайнюю границу всѣхъ улучшеній, возможныхъ въ это время. Естественно также, что соціальный бытъ возможенъ только при подчиненіи сильнѣйшихъ соціальныхъ элементовъ общей системѣ мнѣній, усвоенныхъ общественнымъ пониманіемъ. Изъ этого можно вывести, что прогрессъ промышленности, искусства, нравственности и политики существенно опредѣляется уровнемъ развитія умственной дѣятельности и характеромъ ея направленія. Исторія вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ на значеніе умственной дѣятельности, доказывая фактами, что порядокъ человѣческаго развитія во всѣхъ отношеніяхъ былъ результатомъ развитія умственной дѣятельности, т.-е. результатомъ послѣдовательныхъ религіозныхъ и научныхъ переворотовъ.

«Писать исторію какой-либо страны»—скажемъ мы словами Бокля, въ заключеніе общаго очерка значенія умственной дѣятельности—«писать исторію какой-либо страны, не принимая въ соображеніе хода ея умственнаго развитія, было бы то же

самое, какъ если бы астрономъ составилъ планетную систему, не включивъ въ нее солнца, котораго свѣтъ одинъ даетъ намъ возможность видѣть планеты и притяженіе котораго даетъ направленіе планетамъ и заставляетъ ихъ обращаться въ назначенныхъ имъ орбитахъ. Великое свѣтило, сіяніемъ своимъ озаряющее небеса, не болѣе величественно и всемогуще, чѣмъ разумъ человѣческій въ нашемъ земномъ мірѣ. Человѣческому разуму—и только ему одному—обязаны всѣ народы своими знаніями; и чему, если не успѣхамъ и распространенію знаній, одолжены мы нашими искусствами, науками, мануфактурами, законами, мнѣніями, обычаями, удобствами жизни, роскошью, цивилизаціей—короче сказать, всѣмъ тѣмъ, что̀ ставитъ насъ выше дикарей, невѣжествомъ своимъ униженныхъ до уровня животныхъ, съ которыми они составляютъ одно стадо». (Исторія цивилизаціи въ Англіи. Ч. I).

Изъ числа писателей, причисляемыхъ обыкновенно къ научной школѣ, одинъ только Спенсеръ оспариваетъ преобладающее вліяніе умственной дѣятельности. Онъ утверждаетъ, что не идеи управляютъ міромъ, а чувства, которымъ идеи служатъ только руководителями. По его мнѣнію, соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на идеяхъ, а исключительно на характерахъ. «Всѣ соціальныя явленія,—говоритъ онъ,—порождаются общимъ строемъ человѣческихъ ощущеній и вѣрованій, изъ которыхъ первыя опредѣлены почти всегда напередъ, а вторыя опредѣляются почти всегда впослѣдствіи. Большинство желаній человѣческихъ унаслѣдовано, между тѣмъ какъ большинство вѣрованій пріобрѣтается и зависитъ отъ окружающихъ условій; а важнѣйшія изъ окружающихъ условій зависятъ отъ того состоянія общества, какое породили наиболѣе сильно господствующія желанія. Соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и проч. гражданъ-предковъ и гражданъ-современниковъ. Общепринятыя идеи такого соціальнаго состоянія должны, въ среднемъ выводѣ, быть вполнѣ соотвѣтственны чувствамъ гражданъ и, слѣдовательно, въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, какое породили эти чувства. Идеи, вполнѣ чуждыя этому соціальному состоянію, не могутъ въ немъ развиться, а если вводятся извнѣ—не принимаются, или же, если и принимаются, то вымираютъ, какъ только кончается временный фазисъ чувствъ,

допустившихъ ихъ принятіе. Поэтому, хотя передовыя идеи, установившись разъ, вліяютъ на общество и содѣйствуютъ дальнѣйшему его прогрессу, но установленіе такихъ идей зависитъ все-таки отъ подготовленности общества къ ихъ воспріятію. На дѣлѣ,—заключаетъ Спенсеръ,—выходитъ такъ: народный характеръ и соціальное состояніе опредѣляютъ, какія идеи должны получить ходъ въ обществѣ; а не идеи эти опредѣляютъ соціальное состояніе и народный характеръ. Поэтому, измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое безпрерывнымъ вліяніемъ соціальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ соціальнымъ отношеніямъ, есть главная, ближайшая причина общественнаго прогресса». (Г. Сп.: «Причины разногласія съ философіей Конта». См. брошюру: «Классификація наукъ»).

Милль весьма справедливо замѣчаетъ, что бо̀льшая часть этихъ положеній была бы принята самимъ Контомъ, т.-е. другими словами, бо̀льшая часть этихъ положеній нисколько не противорѣчитъ воззрѣніямъ, приписывающимъ умственной дѣятельности первенствующее значеніе. Что же касается до тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ убѣжденія Спенсера расходятся съ этими воззрѣніями, то о нихъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Мысли, высказанныя въ приведенной выше цитатѣ, даютъ основаніе полагать, что Спенсеръ смотритъ на факты, которые можно прослѣдить исторически, напримѣръ, хоть въ области религіи, какъ на *слѣдствія* не вѣры въ Бога, а чувства страха и благоговѣнія къ нему. Такой взглядъ невѣренъ уже потому, что благоговѣніе и страхъ *предполагаютъ* вѣру, такъ какъ неизбѣжно необходимо *прежде* вѣровать въ Бога, а потомъ бояться и почитать его. Чувства самобытно не порождаютъ вѣры въ Бога: они сами по себѣ могутъ сосредоточиваться на всякомъ предметѣ. Объектъ вѣры опредѣляется именно умственною дѣятельностью, а потому значеніе ея въ этой области очевидно. Въ алхимію и астрологію, напримѣръ, вѣрили не потому, что народъ былъ падокъ до золота и старался взглянуть въ будущее: эти желанія сильны и въ наше время; но умственное развитіе нашего времени не допускаетъ болѣе этой вѣры. Вообще, умственная дѣятельность, вопреки мнѣнію Спенсера, лежитъ въ корнѣ всѣхъ великихъ перемѣнъ, пережитыхъ человѣчествомъ... Не людскія страсти и волненія открыли дви-

женіе земли или обнаружили очевидность ея древности; не онѣ изгнали схоластику и выдвинули впередъ изслѣдованіе природы; не онѣ изобрѣли книгопечатаніе, компасъ, бумагу... Реформація, англійская и французская революціи и еще болѣе всѣ нравственныя и соціальныя перемѣны, стоящія на очереди, суть прямыя слѣдствія этихъ и тому подобныхъ открытій...

Для подкрѣпленія этихъ доводовъ, мы приведемъ теперь воззрѣнія на основной характеръ измѣненій, совершающихся въ исторической жизни человѣчества, двухъ современныхъ писателей, которые, при всей своеобразности аргументаціи каждаго изъ нихъ, представляютъ выводы чисто-научные и, притомъ, вполнѣ согласующіеся, по основной мысли, съ воззрѣніями, изложенными выше.

Начнемъ съ Раденгаузена, автора весьма замѣчательнаго обширного философскаго сочиненія: «Isis, der Mensch und die Welt».

Раденгаузенъ считаетъ человѣка высшимъ результатомъ развитія жизни на землѣ. Развитіе это совершилось такъ давно, что длинный рядъ промежуточныхъ степеней не могъ не затеряться. Такъ какъ есть основаніе предполагать, что древность человѣческаго рода простирается до 60,000 лѣтъ, то естественно, что эти промежуточныя степени имѣли болѣе чѣмъ достаточный срокъ для того, чтобы вымереть или быть истребленными. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго,—утверждаетъ Раденгаузенъ,—если мы вспомнимъ, что за какія-нибудь 3,000 лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ нашему времени, многочисленные народы могли подвергнуться естественному или насильственному уничтоженію. Но такъ какъ взаимное истребленіе оказывается тѣмъ болѣе обширнымъ, чѣмъ дальше взглядъ проникаетъ въ условія давно минувшей жизни, то изъ этого можно вывести заключеніе, что вымираніе низшихъ степеней должно было происходить тѣмъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ болѣе отдаленна отъ насъ эпоха. Человѣкъ и до сихъ поръ остается истребителемъ своего собственнаго рода; такъ въ Америкѣ, переселившіеся туда европейцы, безпощадно уничтожаютъ краснокожихъ, въ Новой Зеландіи, переселенцы играютъ ту же роль относительно туземцевъ (маори). Въ Африкѣ людоѣды ведутъ правильно организованную охоту за болѣе слабыми племенами, и нерѣдко истребляютъ ихъ совершенно. Такъ было и прежде, но только

въ сильнѣйшей степени и на болѣе обширныхъ пространствахъ. Постоянно уничтожая отстающихъ, человѣчество не переставало увеличивать разстояніе, отдѣляющее человѣка отъ животнаго. Человѣчество не похоже въ этомъ отношеніи на другіе роды животныхъ, на обезьянъ, напримѣръ, у которыхъ сохранилась довольно полно лѣстница ихъ прогрессивнаго развитія въ нисходящемъ порядкѣ до сліянія ихъ съ низшими породами. Тѣмъ не менѣе, самыя отсталыя племена настоящаго времени показываютъ въ своей жизни гораздо болѣе склонности къ искорененію слабыхъ, чѣмъ европейцы. Итакъ, человѣкъ, согласно воззрѣнію Раденгаузена, есть высшій продуктъ земли и верховный владыка всего, что̀ на ней существуетъ. Въ началѣ господство его надъ животными и растеніями было произвольно; онъ похищалъ и пожиралъ ихъ для поддержанія своего существованія, или истреблялъ въ томъ случаѣ, когда они препятствовали его свободному развитію. Позже, достигши высшихъ степеней развитія, онъ сталъ укрощать животныхъ, лишать ихъ свободы, приручать ихъ, и научился заставлять почву производить именно тѣ растенія, которыя были ему наиболѣе полезны. Поднимаясь еще выше по лѣстницѣ развитія, человѣкъ сталъ замѣнять господство грубой силы господствомъ разума, т.-е. онъ замѣнилъ дѣйствіе силъ чисто-животныхъ силами человѣческими. Онъ велъ борьбу съ животными, одолѣвая ихъ своею хитростью и изобрѣтательностью. Взаимная борьба между людьми совершенно измѣнила свой характеръ: грубая сила стала отступать передъ средствами, доставляемыми образованіемъ. Такимъ образомъ, сравнительно болѣе образованныя группы (жреческіе и дворянскіе союзы) порабощали менѣе образованныя толпы и принуждали ихъ служить своею работой въ пользу развитія побѣдителя. Милліоны стали, помимо своей воли, подчиняться высшему развитію горсти личностей или даже одного лица, превосходившихъ ихъ образованіемъ. На мѣсто, дававшей прежде преобладаніе, грубой силы, сталъ все болѣе и болѣе выдвигаться разумъ и, наконецъ, въ настоящее время мудрость избранныхъ признается въ образованныхъ странахъ необходимою для замѣщенія господства отдѣльныхъ лицъ.

Преобладаніе наивысшей человѣческой способности—разума обнаруживается теперь во всей жизни образованныхъ народовъ. Вліяніе человѣка на неорганическій міръ въ нѣсколько тысячъ

разъ превосходитъ его мускульную силу. Человѣкъ сумѣлъ поработить море и заставилъ служить его своему развитію. На твердой землѣ вѣтеръ и вода работаютъ также для него. Посредствомъ огня онъ превращаетъ воду въ паръ и создаетъ машины, которыя можно сравнить съ милліонами слѣпо и вѣчноповинующихся рабовъ, избавляющихъ человѣка не только отъ рабства, но даже и отъ грубаго труда... Словомъ, онъ достигъ громадной власти надъ внѣшнимъ міромъ, посредствомъ развитія и примѣненія своихъ высшихъ способностей, т.-е. тѣхъ способностей, которыя характеризуютъ его какъ человѣка и отличаютъ отъ остальныхъ животныхъ.

Другой писатель, американскій историкъ *Дрэперъ*, еще опредѣленнѣе говоритъ о значеніи умственной дѣятельности въ своей «Исторіи интеллектуальнаго развитія Европы». «Человѣкъ—говоритъ онъ—заканчиваетъ собою безчисленные ряды организмовъ, которые развивались съ теченіемъ времени въ силу опредѣленнаго закона. Законъ управлялъ неорганическимъ міромъ и провелъ землю чрезъ разнообразныя физическія состоянія, слѣдовавшія одно за другимъ, правильно и безъ скачковъ. Тотъ же законъ управляетъ и развитіемъ общества и развитіемъ личности».

Разсматривая исторію соціальнаго развитія человѣка, Дрэперъ доказываетъ, что направленіе этого развитія—чисто умственное. Онъ утверждаетъ, что и анатомическій анализъ приводитъ къ тому же заключенію, такъ какъ во всей нервной системѣ нельзя найти никакого аппарата для улучшенія нравственности (развѣ только косвенно, посредствомъ умственнаго). Съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ точно также, что нравственность занимала только подчиненное мѣсто, и въ поступательномъ движеніи общества, разумъ всегда шелъ впереди. Онъ всегда былъ источникомъ движенія, а нравственность только пассивно воспринимала его. Было бы ошибочно, поэтому, предполагать, что прогрессъ общества зависитъ отъ того, что̀ само контролируется высшей силой.

Всякая система, дѣйствующая только посредствомъ нравственной стороны, рано или поздно вступитъ въ антагонизмъ съ умственной, утверждаетъ Дрэперъ, и если она не заключаетъ въ себѣ элементовъ приспособленія къ измѣняющимся обстоятельствамъ, то не выдержитъ столкновенія и непремѣнно будетъ ниспровергнута. Въ этомъ именно и заключается великое

заблужденіе католической системы, господствовавшей во время протекшей эпохи развитія европейской цивилизаціи. Система эта принимала за основаніе однообразное, стоячее психологическое состояніе человѣка. Забывая, что сила ума растетъ пропорціонально владѣніямъ ума, она смотрѣла на людей минувшихъ поколѣній, какъ на людей въ умственномъ отношеніи нисколько не ниже тѣхъ, которые живутъ въ данную минуту, хотя наши дѣти въ 16 лѣтъ могутъ имѣть болѣе широкій кругъ знаній, чѣмъ наши предки въ 60. Долговременное существованіе подобной несовершенной системы доказываетъ только неразвитость современнаго этой системѣ ума; умъ этотъ не возмущался противъ нравственнаго убѣжденія, часто весьма нелогическаго, которымъ на него дѣйствовали. Относиться презрительно къ идеямъ, руководившимъ первыми вѣками европейской жизни, было бы, конечно, неразсудительно, какъ неразсудительно смотрѣть съ насмѣшкой и пренебреженіемъ на побужденія, руководившія нами въ юности. Слабость и неудовлетворительность тѣхъ и другихъ извиняются ихъ соотвѣтствіемъ тому періоду жизни, къ которому они относятся. Цѣлыя столѣтія націи могутъ существовать въ формахъ жизни, удовлетворяющихъ потребностямъ ихъ неразвитаго ума; но воображать, что эти условія будутъ примѣнимы вѣчно—чистѣйшая иллюзія. Критическій взглядъ разомъ замѣтитъ, что умственныя черты даннаго поколѣнія уже разнятся съ умственными чертами предковъ. Новыя идеи и новый образъ дѣйствій—вотъ признаки безмолвно совершившейся перемѣны. Итакъ, каждый разъ, когда соціальная система дѣлается несовмѣстимой съ умственнымъ развитіемъ, она должна уступить... Никакія принудительныя мѣры не могутъ спасти ее. Какъ бы ни велика была сила правительства и авторитетовъ человѣчества, они не могутъ задержать умственнаго развитія, потому что оно прокладываетъ себѣ путь въ силу органическаго закона, надъ которымъ они не имѣютъ ни малѣйшей власти.

Мы не останавливаемся надъ попыткой Дрэпера найти аналогію между общественнымъ развитіемъ и развитіемъ личности, такъ какъ аналогія эта сближаетъ воззрѣнія Дрэпера съ теоріею вѣчнаго круговращенія, неимѣющей, по нашему убѣжденію, научнаго основанія.

Намъ предстоитъ теперь войти въ ближайшее разсмотрѣніе процесса развитія умственной дѣятельности въ исторіи и, всего

прежде, указать и очертить тѣ послѣдовательные фазисы, чрезъ которые проходитъ разумъ, начиная съ возникновенія его въ родѣ человѣческомъ и оканчивая современнымъ состояніемъ. Изученіе этихъ послѣдовательныхъ фазисовъ привело Ог. Конта къ открытію руководящаго ими закона, который и принятъ въ настоящее время большинствомъ историковъ позитивной школы. Такъ какъ законъ этотъ есть главный, основной законъ всей соціальной динамики, т.-е. всей философіи исторіи, то мы и позволимъ себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностью.

Умственная дѣятельность человѣка, по ученію Конта, была всегда устремлена къ объясненію разнообразныхъ явленій окружающаго его міра. Исторія указываетъ намъ, что объясненія эти, ранѣе чѣмъ достигли характера положительной достовѣрности, прошли двѣ послѣдовательныя степени, такъ что общій ходъ развитія умственной дѣятельности представляетъ *три состоянія: первоначальное* (теологическое), *переходное* (метафизическое и *окончательное* (научное или положительное). Теологическое состояніе разума представляетъ себѣ міръ управляемымъ произволомъ; метафизическое подчиняетъ міръ идеямъ, представляющимся универсальными и присущими нашему разуму; положительное утверждаетъ, что міръ управляется законами, въ научномъ смыслѣ этого слова.

Три эти міросозерцанія имѣютъ свое особое происхожденіе: первое исходитъ изъ различныхъ сверхъестественныхъ откровеній; второе—изъ субъективныхъ умозрѣній, пріурочивающихъ міръ къ своимъ построеніямъ; третье—изъ опыта и наблюденія, утверждающихъ, то, что̀ есть.

Возникая одно вслѣдъ за другимъ, всѣ эти состоянія исключаются одно другимъ въ томъ смыслѣ, что хотя они и могутъ существовать вмѣстѣ въ одно и то же время и даже могутъ существовать въ разумѣ одной личности, но они никакъ не могутъ существовать совмѣстно въ рѣшеніи одного и того же вопроса. Метафизическое рѣшеніе устраняетъ или даже уничтожаетъ рѣшеніе теологическое; положительное же рѣшеніе дѣлаетъ излишнимъ и то, и другое. Въ этой послѣдовательной смѣнѣ, ни для теологіи, ни для метафизики не существуетъ возврата къ господству надъ умами, такъ какъ всѣ изобрѣтенія, открытія, расширенія научныхъ знаній, весь прогрессъ умственной дѣятельности служитъ положительному міросозерцанію, а

не двумъ первымъ, такъ что позиціи, однажды ими потерянныя, потеряны навсегда.

Ознакомимся теперь ближе съ этими періодами умственнаго развитія, руководствуясь характеристиками ихъ, находимыми нами у популяризаторовъ позитивнаго ученія.

Въ теологическомъ періодѣ на природу смотрятъ какъ на арену, на которой произвольныя желанія и минутныя прихоти верховныхъ существъ разыгрываютъ свои разнообразныя и измѣнчивыя роли. Самыя обыкновенныя явленія, если только они совершаются при такихъ условіяхъ, что наводятъ на людей страхъ, приписываются капризу внѣміровой силы и считаются чудесами. Такъ, напримѣръ, солнечныя затмѣнія, появленія кометъ, метеоровъ и т. п. принимались въ теологическомъ періодѣ какъ проявленія воли высшихъ существъ. Зараза въ лагерѣ Агамемнона приписывается дѣйствію невидимыхъ стрѣлъ Аполлона.

Всѣ эти объясненія исходятъ всегда изъ извѣстной совокупности идей, которымъ приписывается сверхъестественное происхожденіе, т.-е. нисхожденіе къ людямъ путемъ откровенія. Исторія представляетъ длинный періодъ, въ которомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ моменты возникновенія такихъ супра-натуральныхъ откровеній. Послѣднее изъ нихъ совершилось въ Аравіи при посредствѣ Магомета. Ранѣе извѣстны намъ откровенія: Зороастра, Шакія-Муни (Будды) и друг. Буддійское и до сихъ поръ еще процвѣтаетъ въ большей части Азіи и считаетъ своихъ послѣдователей сотнями милліоновъ. Другія находятся на большей или меньшей степени разложенія или же застоя, предвѣщающаго упадокъ. Древность болѣе глубокая есть уже эпоха коллективныхъ откровеній, эпоха универсальнаго политеизма, на которомъ и останавливается историческое изслѣдованіе.

Это простое сближеніе показываетъ, что всѣ факты, до которыхъ оно касаться можетъ, представляя различныя формы теологическаго міросозерцанія, одинаково подлежатъ исторической критикѣ, которая не имѣетъ права давать которому-нибудь изъ нихъ преимущество надъ другимъ. Разсматривая эти факты, критика требуетъ отъ нихъ, во первыхъ, чтобы они были засвидѣтельствованы достаточно компетентными современниками или достаточно достовѣрнымъ преданіемъ, т.-е. такимъ, которое имѣетъ возможность доказать несомнѣнность своего происхожденія отъ этихъ современниковъ, и во-вторыхъ, чтобы эти свидѣтельства

не противорѣчили законамъ, присущимъ природѣ. Всѣ факты, которые мы имѣемъ теперь въ виду, имѣютъ еще и то общее сходство, что всѣ представляютъ свидѣтелей и всѣ противорѣчатъ естественнымъ законамъ.

Наука представляетъ однако же самыя несомнѣнныя доказательства того, что времена минувшія рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ настоящаго времени, по отношенію къ постоянству и непрерывности дѣйствія естественныхъ законовъ, и что поэтому свидѣтельствамъ тѣхъ временъ нельзя придавать бо́льшаго значенія, чѣмъ свидѣтельствамъ настоящаго времени въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ. Всякое же свидѣтельство такого рода въ настоящее время есть результатъ обмана чувствъ, иллюзіи и невѣжества...

Но историческая критика на этомъ не останавливается. Прилагая сравнительный методъ къ разсматриваемымъ ею фактамъ, она открываетъ несомнѣнную однозначность между всѣми точками исхода различныхъ формъ теологическаго міросозерцанія и, такимъ образомъ, приходитъ къ убѣжденію о единствѣ разсматриваемаго ею явленія. Изучая это явленіе, она открываетъ между моментами его послѣдовательность, связь, филіацію. Открытіе этихъ признаковъ, существенно присущихъ всему производящемуся силами, врожденными человѣку, завершаетъ достовѣрность и прочность результатовъ ея работы.

Изъ этого видно, что формы теологическаго міросозерцанія суть произведенія умственной дѣятельности первой эпохи развитія человѣческаго рода и что, слѣдовательно, ихъ можно разсматривать какъ послѣдовательныя ступени философскаго мышленія, всегда необходимо согласовавшагося съ уровнемъ развитія производившихъ его умовъ. Взглядъ этотъ подтверждается также сравненіемъ этихъ послѣдовательныхъ ступеней. Новѣйшія—представляютъ довольно сложныя построенія, содержащія въ себѣ отвѣты на вопросы о происхожденіи міра, о его устройствѣ, о человѣкѣ, о его обязанностяхъ и назначеніи,—словомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для соперничества съ философіей. По мѣрѣ же того, какъ мы удаляемся въ болѣе и болѣе глубокую древность, ученія эти становятся проще, философская мысль въ нихъ слабѣетъ и, наконецъ, когда мы достигнемъ древнѣйшей формы политеизма, стоящей на самомъ рубежѣ историческаго развитія, мы встрѣчаемъ совокупность понятій, философское значеніе которыхъ ничтожно, которыя не

возвысились еще до обобщеній, могущихъ дать имъ систематическую связь; нравственныя идеи сбивчивы, понятій объ отношеніи высшихъ силъ къ міру вовсе не существуетъ, и самыя силы эти имѣютъ характеръ частностей, чуждыхъ какой-либо общей концепціи... Словомъ, мы останавливаемся предъ простымъ олицетвореніемъ естественныхъ силъ (натурализмъ), предъ самою первобытною формою теологическаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ, весь теологическій періодъ развитія умственной дѣятельности представляется рядомъ доктринъ, главнѣйшія изъ которыхъ связаны между собою какъ послѣдовательныя звенья одной цѣпи развитія. Изученіе быта народовъ, въ настоящее время обитающихъ на землѣ, приводитъ къ тому же результату. Теологическое состояніе доисторическаго періода неизвѣстно; но то, что̀ мы знаемъ объ этомъ періодѣ, даетъ намъ право утверждать, что состояніе это было въ сущности то же, какое можно наблюдать у современныхъ намъ дикарей. Изъ этого можно заключить о степени усилій, которыя привели къ политеизму, и о медленности этого перехода.

При переходѣ къ метафизическому состоянію, дѣятельность эта усиливается представить чисто-раціональныя рѣшенія вопросовъ, на которые теологія давала отвѣты, почерпнутые изъ различныхъ откровеній. Каково было метафизическое движеніе у египтянъ, у халдеевъ, у финикіянъ—этихъ прародителей нашей цивилизаціи—мы не знаемъ; но намъ хорошо извѣстно, что въ средѣ арійскаго политеизма, у индійцевъ и грековъ движеніе это было блестящее. Индійская метафизика, не распространявшаяся далѣе береговъ Ганга, не имѣетъ для насъ значенія. Мы должны обратить вниманіе только на метафизику греческую и, находящіяся къ ней въ отношеніи филіаціи, схоластику и новѣйшую философію.

Итакъ, метафизика современна тому періоду, въ которомъ теологія еще процвѣтаетъ, тогда какъ положительное знаніе находится только въ зародышѣ и лишено всякаго вліянія. Съ одной стороны, ей обязаны происхожденіемъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя, вліяніемъ своимъ на теологію, заставляли ее совершенствоваться и были, такимъ образомъ, причиной многихъ важныхъ перемѣнъ въ ея области; съ другой стороны, метафизика смотрѣла съ естественнымъ презрѣніемъ на опытъ, который ничего не могъ дать еще въ то время, и обратилась къ умозрѣнію, открывавшему ей безконечный кругозоръ. Ничто еще не

могло научить человѣка не довѣрять субъективнымъ представленіямъ, а потому представленія эти легко облекались во внѣшнія формы системы и преобразовывались въ длинный рядъ связныхъ, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого положеній. Разумъ человѣческій бросился по этому пути съ увлеченіемъ, со страстью: онъ систематизировалъ, строилъ, предавался тончайшему умозрѣнію... Въ работѣ этой онъ не зналъ утомленія, зато онъ нисколько не подвигался къ высокой цѣли своихъ горячихъ стремленій. И того болѣе, безпрестанно смущаемый возникновеніемъ и паденіемъ новыхъ системъ и видя, какъ постепенно уходитъ почва изъ-подъ ногъ его, какъ ему безпрестанно приходится отступать передъ завоеваніями положительнаго знанія, онъ мало-по-малу былъ поставленъ въ то печальное положеніе воина, который тратитъ силы свои на преслѣдованіе безоружныхъ отсталыхъ бѣглецовъ.

Метафизика покоится всецѣло на психологическомъ основаніи, а именно на положеніи, что все, согласующееся съ требованіями разума, дѣйствительно существуетъ. Метафизика субъективна и чужда наблюденія и опыта, или, вѣрнѣе, она придерживается опыта и наблюденія, но только въ смыслѣ совершенно одностороннемъ, въ смыслѣ опыта и наблюденія, замкнутыхъ въ предѣлахъ внутренняго созерцанія и не провѣряемыхъ внѣшнею дѣйствительностью. Абсолютное, представлявшееся теологическому міровоззрѣнію объективнымъ, и, слѣдовательно, обязательнымъ для разума, мыслится метафизикой какъ идея, подчиняющая себѣ дѣйствительность.

Разсмотримъ критически это положеніе. Метафизики увѣряютъ, что идея абсолютнаго не можетъ мыслиться разумомъ, если абсолютное не существуетъ въ дѣйствительности. Мы согласны принять этотъ аргументъ, если только хоть одна изъ отраслей знанія обнаружитъ намъ дѣйствительное существованіе абсолютнаго. Но знаніе нигдѣ не открываетъ абсолютнаго; ему извѣстно только относительное. Такимъ образомъ, аргументъ метафизиковъ, оставаясь строго-заключеннымъ въ предѣлахъ разума, потому что перехода отъ него къ знанію и отъ знанія къ нему не существуетъ, представляетъ одно только лишенное содержанія умозрѣніе. Умозрѣніе это, вслѣдствіе такой замкнутости представляетъ безвыходный кругъ, невозможность выхода изъ котораго была для метафизики вѣчною причиною безплодности. Научное міровоззрѣніе, основываясь на знаніи, то-

есть на отношеніи разума къ дѣйствительности, избѣгло этой безвыходности, и потому никогда не переставало подвигаться впередъ.

Заслуга метафизики заключается въ томъ, что она замѣнила представленіе о прихотливыхъ божествахъ представленіемъ объ *отвлеченныхъ сущностяхъ*, образъ дѣйствія которыхъ она признала *неизмѣнными*. Въ этой неизмѣнности кроется зародышъ науки, совершенно невозможной еще въ теологическомъ періодѣ. Зародышъ этотъ не могъ развиться, однакоже, въ метафизическомъ періодѣ, потому что, попавъ на принципъ неизмѣнности, метафизика *придумала* ему основаніе, и не *искала* его въ изученіи природы. Это придуманное объясненіе заключалось въ представленіи разныхъ силъ или началъ. Такъ Кеплеръ воображалъ, что правильность планетныхъ движеній была слѣдствіемъ того, что планеты были одарены умами, которые могутъ дѣлать наблюденія надъ воображаемымъ діаметромъ солнца и регулировать свои движенія такимъ образомъ, чтобы описывать дуги, пропорціональныя временамъ. Также точно придумано было «жизненное начало»—«vis medicatrix naturae»—правило, что природа не терпитъ пустоты и т. д.

Но кромѣ произвольнаго объясненія частныхъ явленій, метафизика постоянно стремится къ объясненію всего сущаго, посредствомъ такихъ же чисто-умозрительныхъ положеній, достигавшихъ въ этомъ случаѣ чрезвычайной степени сложности, а нерѣдко запутанности и туманности.

Такъ, напримѣръ, желая доказать бытіе совершеннѣйшаго существа, метафизика исходила изъ того положенія, что идеи вещей заключаютъ въ себѣ столько же реальности, сколько и сами вещи, а потому утверждала, что и идеѣ абсолютнаго непремѣнно соотвѣтствуетъ абсолютное бытіе (*Декартъ*). Такимъ образомъ, метафизика искала опоры въ чистомъ умозрѣніи—основаніи совершенно ложномъ, изслѣдованіе котораго (когда метафизика принялась за него) послужило къ ея собственному истощенію и паденію.

Греко-римская метафизика не задавалась этимъ изслѣдованіемъ. Начало ея принадлежитъ схоластикѣ. Оно служило содержаніемъ споровъ реалистовъ съ номиналистами; оно перешло и къ новѣйшей метафизикѣ, которая взялась за него съ бо̀льшей свободою и бо̀льшею проницательностью.

Послѣдній и величайшій номиналистъ, Кантъ, утверждалъ

что между двумя замкнутыми областями—чистаго разума и эмпирическаго знанія не существуетъ никакой связи. Аргументъ этотъ подорвалъ теизмъ; но былъ еще безсиленъ противъ пантеизма. Послѣдующіе метафизики замѣтили это и, воскрешая идеи Спинозы, провозгласили, что разумъ человѣческій есть только проявленіе разума всеобщаго. Необходимость перехода отъ человѣческаго разума къ объективному бытію, присущая теистической метафизикѣ, теряла значеніе, такъ какъ бытіе это находилось въ насъ самихъ и отождествлялось съ нашимъ разумомъ. Такимъ образомъ, метафизика вступала въ послѣдній фазисъ своего существованія, послѣ истощенія всѣхъ своихъ предыдущихъ тезисовъ, истощенія, сдѣлавшагося очевиднымъ для ней самой. Но, избѣгнувъ аргумента, представленнаго критикой Канта, пантеизмъ ничего не выигралъ отъ того для своей устойчивости. Въ самомъ дѣлѣ, отождествленіе разума человѣческаго съ разумомъ всеобщимъ предполагаетъ сравненіе одного съ другимъ, то-есть предполагаетъ, что всеобщій разумъ познается какимъ-нибудь образомъ; но если онъ познается субъективно, то пантеизмъ опять попадаетъ въ ту ловушку, отъ которой онъ считалъ себя избавленнымъ; если же всеобщій разумъ познается объективно, то-есть при посредствѣ явленій природы, то познаваніе это должно быть подтверждено положительнымъ знаніемъ. Знаніе же это никогда не могло подтвердить существованіе того, безъ чего пантеизмъ немыслимъ.

Ст. Милль, питающій нерасположеніе къ нѣмецкой метафизикѣ, говоритъ, что французы, которыхъ обыкновенно упрекаютъ въ недостаткѣ изобрѣтательности, могутъ похвалиться, однакоже, тѣмъ, что ими изобрѣтена нѣмецкая метафизика, такъ какъ отцомъ ея слѣдуетъ считать Декарта. Замѣчаніе это, высказанное шутя, тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какое обаяніе имѣло на всю мыслящую Европу утвержденіе Декарта, что въ нѣсколькихъ психологическихъ явленіяхъ, подвергнутыхъ внутреннему наблюденію, заключается источникъ глубокой философіи! Какая-то притягательная сила заключалась въ этомъ открытіи для всѣхъ умовъ, способныхъ на тонкія и глубокія построенія. Нѣмецкій умъ предался имъ съ нѣкотораго рода упоеніемъ и произвелъ самыя грандіозныя и темныя системы. Движеніе это теперь завершилось: гегельянизмъ такъ же отжилъ, какъ и картезіанизмъ, и что̀ же осталось? Память о юношеской попыткѣ разума вывести дѣй-

ствительность реальнаго міра изъ своей собственной сущности— и ничего болѣе... если не говорить о томъ, что попытка эта была необходимой подготовкой дальнѣйшаго развитія умственной дѣятельности.

Обратимъ вниманіе еще и на то, что по метафизическому методу, какъ замѣтилъ Бокль, не было сдѣлано никакого открытія ни въ одной отрасли наукъ. Фактъ этотъ весьма краснорѣчиво доказываетъ тщету и безплодность метафизики. Этого мало, вся внутренняя работа самой метафизики привела только, какъ мы видѣли, къ истощенію ея и не имѣла никакихъ другихъ результатовъ. «Ни въ какой другой отрасли умственной дѣятельности не было такъ много движенія и такъ мало успѣха—говоритъ Бокль.—Люди съ величайшими способностями и съ честнѣйшими намѣреніями, во всѣхъ образованныхъ странахъ, впродолженіе многихъ вѣковъ, занимались метафизическими изслѣдованіями; между тѣмъ, до настоящаго времени, системы ихъ, вмѣсто того, чтобы приближаться къ истинѣ, все болѣе и болѣе расходятся съ нею, и притомъ съ такою быстротою, которая, повидимому, возрастаетъ съ успѣхами знанія. Безпрерывное соперничество враждебныхъ между собою системъ, чрезмѣрный жаръ, съ которымъ ихъ отстаивали, и исключительная, не философская самоувѣренность, съ которою каждая защищала свой методъ—все это повергло изученіе ума человѣческаго въ такое разстройство, которое можетъ быть сравнено лишь съ разстройствомъ, произведеннымъ въ изученіи религіи преніями богослововъ» («Исторія цивилизаціи въ Англіи». Т. I, гл. III). Еще Берклей говорилъ, что метафизики ничего не могутъ видѣть изъ-за ими же взбитой пыли; они продолжали, однакоже, взбивать ее, заслоняя свѣтъ отъ себя и другихъ до тѣхъ поръ, пока, шедшее независимо отъ ихъ праздныхъ преній, развитіе наукъ не привело человѣческаго разума къ третьему фазису его развитія, фазису научному или положительному.

Мы не остановимся надъ характеристикой научнаго міросозерцанія, потому что, какъ полагаемъ, достаточно охарактеризовали его въ началѣ этой статьи; теперь же, резюмируя вышесказанное о прогрессивномъ развитіи умственной дѣятельности, скажемъ, что развитіе это проходитъ три ступени—теологію, метафизику и положительное знаніе; другими словами, что оно руководствуется сначала инстинктомъ, потомъ умозрѣніемъ и, наконецъ, опытомъ. Этотъ основной законъ философіи

исторіи, опирающейся на положительныя знанія, подтверждается всею исторіею развитія человѣчества и, въ то же время, объясняетъ эту исторію.

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію значенія физическихъ и экономическихъ условій, расовыхъ отличій, вліянія на развитіе человѣчества религіи, литературы, правительства, послѣ чего приступить, наконецъ, къ повѣркѣ и примѣненію нашихъ положеній къ фактамъ, посредствомъ связнаго взгляда на всеобщую исторію; но мы принуждены обойти всѣ эти вопросы, такъ какъ мы пишемъ не трактатъ, а только небольшой очеркъ, и имѣемъ въ виду только общій абрисъ научнаго направленія философіи исторіи, не болѣе. Разсмотрѣніе же, хотя бы и самое бѣглое, всѣхъ вопросовъ, связанныхъ болѣе или менѣе существенно съ разсматриваемымъ нами предметомъ, заставило бы насъ выйдти далеко за предѣлы журнальной статьи. Ближайшее же знакомство съ предметомъ мы предоставляемъ дѣлать читателю по книгамъ, недостатка въ которыхъ, въ европейской литературѣ, нѣтъ. Что касается до насъ, то посвятивъ бо̀льшую часть этой статьи разсмотрѣнію главной и существенной части соціальной динамики—вопросу развитія умственной дѣятельности, мы не имѣемъ возможности остановиться надъ другими вопросами и, въ общихъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, постараемся исчерпать избранный нами вопросъ на тѣхъ двухъ-трехъ страницахъ, которыя остаются еще въ нашемъ распоряженіи.

Если все вышесказанное не оставляетъ сомнѣнія въ важномъ значеніи умственной дѣятельности для развитія человѣчества, если всѣми благами, которыми мы пользуемся, мы, дѣйствительно, обязаны успѣхамъ разума, то возникаетъ вопросъ,—важный для настоящаго и будущаго,—вопросъ о томъ, какія условія необходимы для проведенія въ жизнь всѣхъ результатовъ, къ какимъ только можетъ привести развитіе разума, для достиженія возможности не утерять ни одного изъ нихъ для приращенія благъ, которыми можетъ пользоваться человѣчество.

Всѣ условія, требуемыя разрѣшеніемъ этого вопроса, резюмируются словомъ *свобода*. Она одна можетъ въ настоящемъ случаѣ дать то, чего не дадутъ никакія мѣропріятія самыхъ честныхъ, мудрыхъ и благонамѣренныхъ руководителей общества. И всего прежде для развитія умственной дѣятельности необходима свобода слова, свобода печати, свобода совѣсти...

Справедливо говоритъ Ст. Милль, что принужденіе не высказывать того или другаго мнѣнія равносильно кражѣ не только у поколѣнія современнаго, но еще и у будущаго; это—кража у человѣчества. И не очевидно ли въ самомъ дѣлѣ, что въ томъ случаѣ, когда задушенное мнѣніе вѣрно, люди лишаются возможности замѣнить одно изъ своихъ заблужденій истиною; если же оно ложно, то у нихъ отнимается почти столь же благодѣтельное вліяніе впечатлѣнія, производимаго столкновеніемъ лжи съ истиной, всегда способствующимъ ученію этой послѣдней. Не правъ ли былъ поэтому Ст. Милль, утверждая, что если бы весь родъ человѣческій, кромѣ одного человѣка, держался одного мнѣнія, а одинъ человѣкъ только мнѣнія противоположнаго, то и тогда невозможно было бы оправдать родъ человѣческій, если бы онъ заставилъ молчать этого человѣка, точно такъ же, какъ нельзя было бы оправдать одного человѣка, который заставилъ бы молчать весь родъ человѣческій, если бы только это было возможно. Я напомнилъ только читателю мысли Ст. Милля *«о свободѣ»* въ двухъ-трехъ словахъ, и не буду останавливаться далѣе надъ вопросомъ, къ которому они относятся, полагая, что книга Милля («On liberty») знакома читателю.

Не забудемъ однакоже, что стремленіе не утерять ни одинъ изъ результатовъ, добытыхъ развитіемъ умственной дѣятельности, не исчерпываетъ вопроса, такъ какъ требуется опредѣлить еще, *для кого* не должны быть потеряны эти результаты. Прямая, здравая человѣческая логика такъ ясно указываетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что надъ нимъ не стоило бы вовсе останавливаться, если бы историческое развитіе европейскаго общества не образовало извѣстной среды, въ которой вопросъ этотъ получилъ особенное, своеобразное рѣшеніе, подкрѣпляемое своей оригинальной аргументаціей и считающее не мало приверженцевъ, благодаря вліянію политическихъ и экономическихъ условій, придающихъ этому рѣшенію немаловажное практическое значеніе. Сторонники мнѣнія, о которомъ мы говоримъ, утверждаютъ, что общественный прогрессъ, и въ особенности прогрессъ умственнаго развитія долженъ быть удѣломъ только незначительнаго меньшинства; всю же остальную массу они считаютъ полезнымъ лишить всякаго участія въ умственной дѣятельности, въ видахъ наибольшаго прогресса этой самой дѣятельности. Мотивы такого убѣжденія разнообразны.

Одни изъ нихъ выставляются какъ аргументы, долженствующіе поддержать тезисъ;—другіе умалчиваются, хотя и имѣютъ первостепенное значеніе для поборниковъ мнѣнія, о которомъ мы говоримъ.

Мотивы гласные заключаются въ слѣдующемъ: народныя массы,—говорятъ сторонники ограниченія умственной дѣятельности извѣстною фракціею общества,—народныя массы безвозвратно осуждены самою природою вещей на непрерывный и тяжелый трудъ, который не можетъ идти рука объ руку съ высокимъ развитіемъ; а потому онѣ должны обречь себя на подчиненное положеніе въ отношеніи къ средѣ, которой, по самому положенію ея, одной только и доступно высокое развитіе. Среда эта, естественно, должна руководить ими. Стараться же поднять ихъ до уровня ея умственнаго развитія,—значитъ только напрасно смущать и мучить ихъ, внушая имъ желаніе подняться выше условій ихъ быта. Желаніе невозможное, потому что средствъ для исполненія у нихъ нѣтъ и взять ихъ неоткуда. А потому лучше оставить ихъ въ блаженномъ невѣдѣніи: стремленіе къ умственному развитію не можетъ улучшить ихъ положенія.

Негласные мотивы имѣютъ цѣли преимущественно практическія. Сторонники мнѣнія, о которомъ мы говоримъ, имѣютъ въ виду въ однѣхъ странахъ поддержать, въ другихъ—создать себѣ такое положеніе, при которомъ руководство общественными дѣлами было бы для нихъ не только возможно, но и удобно. Они хорошо понимаютъ, что развитая и просвѣщенная среда не только не нуждается, но и тяготится такой опекой, а потому попеченіе ихъ о невѣжествѣ массъ становится совершенно понятнымъ.

Мнѣніе это, несмотря на его первобытную, безчеловѣчную грубость, принимаетъ иногда утонченныя формы, подъ которыми грубость эта старается скрыться. Вотъ, напримѣръ, какъ оно высказывается однимъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ писателей Ренаномъ. Ренанъ, извѣстный какъ оріенталистъ и какъ писатель, способный неумѣренно, хотя и увлекательно, идеализировать нѣкоторые довольно блѣдные историческіе образы, еще въ 54-мъ году философствовалъ и о вопросѣ общественнаго образованія. (Въ настоящемъ году, онъ, какъ извѣстно, издалъ цѣлую книгу своихъ философствованій.) Въ статьѣ, о которой мы теперь упомянули, онъ касается разсматриваемаго нами вопроса по поводу сужденія о направленіи, которое при-

няло умственное развитіе въ Америкѣ. Всего прежде отдавъ въ пышной фразѣ дань своего полнаго уваженія этому направленію, онъ замѣчаетъ вслѣдъ затѣмъ, что «не слѣдуетъ противополагать этого направленія, тому совершенно различному отъ него направленію, которому, *по всей вѣроятности*, будетъ слѣдовать Европа. Если, продолжаетъ онъ—въ вопросѣ этомъ разъ навсегда мы примемъ одно рѣшеніе, а именно, если признаемъ необходимость пожертвованія *нѣкоторыхъ* (de quelques uns) для потребностей общаго блага, если, подобно древнимъ, остановимся на убѣжденіи, что общество необходимо состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ личностей, пользующихся полною жизнью и что остальная масса существуетъ лишь для того, чтобы давать возможность этой полной жизни осуществиться, то задача безконечно упростится и получатся способы къ высшему ея разрѣшенію. Тогда не придется принимать въ соображеніе тысячи унизительныхъ мелочей, о которыхъ должна заботиться современная демократія». Вообще, уровень цивилизаціи, по мнѣнію Ренана, находится въ обратномъ отношеніи къ числу цивилизованныхъ. «Умственное развитіе—говоритъ онъ—перестаетъ подниматься тогда, когда оно расширяется; вступленіе толпы въ среду образованнаго общества всегда *почти* понижаетъ уровень развитія этого послѣдняго...» Далѣе Ренанъ утверждаетъ, что народъ, въ которомъ образованіе было бы развито по всѣмъ слоямъ его, могъ бы быть народомъ честнымъ, порядочнымъ, состоящимъ изъ добрыхъ и счастливыхъ личностей, но никакъ не народомъ великимъ. Онъ, по мнѣнію Ренана, не былъ бы способенъ къ осуществленію ничего такого, что̀ превосходило бы вульгарность, въ которую погружено существованіе обыкновенныхъ людей. Геній въ такомъ народѣ былъ бы невозможенъ. «Что̀ такое вся Америка—восклицаетъ Ренанъ—въ сравненіи съ однимъ лучемъ той безконечной славы, которой блещетъ второстепенный или третьестепенный итальянскій городъ, какая-нибудь Флоренція, Сіэнна, Перуджія?» (Revue de deux M. 1854).

Но Ренанъ далеко не одинъ на этомъ поприщѣ. Если бы мѣсто позволяло намъ, мы представили бы цѣлый рядъ выписокъ, который обнаружилъ бы эту сторону взглядовъ многихъ представителей европейской интеллигенціи. Но я полагаю, что и одной, приведенной выше, цитаты достаточно для резюмированія ихъ мнѣній. Къ чему приводитъ, спросимъ мы, окончательное

заключеніе, къ которому они стремятся, но высказать котораго не смѣютъ?.. Очевидно, къ *рабству*, къ рабству первобытнѣйшему, полнѣйшему. Вникните въ то, что̀ говоритъ Ренанъ: онъ утверждаетъ, что уровень цивилизаціи понижается съ увеличеніемъ числа цивилизованныхъ... Значитъ, онъ поднимается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ этого числа... Значитъ, идеалъ общества есть масса идіотовъ, руководимая небольшимъ числомъ высокоразвитыхъ личностей, или даже однимъ человѣкомъ!!

Быть можетъ, когда наше классическое образованіе успѣетъ дать плоды и когда мы выучимся, наконецъ, «*знать цѣну древнимъ доблестямъ*», тогда ссылки на древность (*à la* Ренанъ) и будутъ приниматься нами съ благоговѣніемъ; теперь же мы смотримъ на нихъ, какъ на попытки самаго отчаяннаго ретроградства и твердо убѣждены, что только совершенное непониманіе истиннаго величія народовъ могло внушить Ренану всѣ его громкія, но пустыя фразы. Ссылка же на «лучъ славы какой нибудь Сіэнны, Перуджіи...» не болѣе счастлива, чѣмъ ссылки на древнее рабство.

Мы не унижаемъ искусства, но твердо убѣждены тѣмъ не менѣе, что у общества есть цѣли высшія, чѣмъ служеніе искусству,—цѣли, стремленіе къ которымъ въ тысячу разъ дороже артистической славы всѣхъ итальянскихъ городовъ вмѣстѣ. Поэтому намъ кажется смѣшнымъ и жалкимъ усиліе Ренана умалить славу Америки передъ славой какого-нибудь итальянскаго города. Кто не знаетъ теперь, что Америка представляетъ живой и могучій протестъ противъ всѣхъ возгласовъ, тянущихъ въ тонъ съ тѣми, которые мы теперь разбираемъ. Америка фактами разбиваетъ всѣ эти умозрѣнія и неопровержимо доказываетъ, что развитіе массъ не исключаетъ возникновенія геніальныхъ личностей, и что всеобщность распространенія образованія въ ней послужила не къ паденію, а къ возвышенію ея уровня. Вообще, стремленіе ограничить умственную дѣятельность небольшимъ кружкомъ избранныхъ является въ наше время праздным умозрѣніемъ, рѣшительно отвергаемымъ новѣйшимъ ходомъ исторіи, и рѣшеніе постановленнаго нами вопроса прямой, здравой человѣческой логикой остается непоколебимо, а рѣшеніе это, очевидно, то, что развитіе человѣчества должно принадлежать человѣчеству, и на умственную дѣятельность, слѣдовательно, не должно быть и не можетъ быть монополіи.

Оканчивая этотъ очеркъ, мы еще разъ напоминаемъ читателю, что предѣлы журнальной статьи не дозволяли намъ касаться всѣхъ сторонъ современнаго состоянія философіи исторіи какъ науки, а потому мы и были принуждены ограничиться разсмотрѣніемъ только одной ея части. Обзоръ нашъ, несмотря на всю его краткость и неполноту, можетъ, однако же, какъ мы полагаемъ, дать читателю понятіе о тѣхъ воззрѣніяхъ на историческую жизнь человѣчества, которыя выработались теперь, благодаря всеобщему прогрессу наукъ. Мы разсмотрѣли существеннѣйшія черты закона развитія и очертили его значеніе въ приложеніи къ умственной дѣятельности, какъ къ главному элементу соціальной жизни, и указали при этомъ на тѣ практическіе вопросы, которые тѣсно и неразрывно связаны съ теоретическими данными, вытекающими изъ нашихъ положеній. Намъ остается сказать въ заключеніе, что идея развитія, составляющая душу новѣйшей философіи исторіи, есть одно изъ великихъ умственныхъ завоеваній нашего вѣка, одно изъ тѣхъ завоеваній, которое должно имѣть громадныя послѣдствія... Многое предстоитъ еще совершить людямъ для своего собственнаго блага; но на сколько облегченъ ихъ трудъ, на сколько доступнѣе стала для нихъ цѣль ихъ стремленій, сколько шансовъ пріобрѣли они въ своей трудной, вѣковѣчной борьбѣ... все это можетъ оцѣнить только тотъ, кто въ торжествѣ идеи самобытнаго развитія человѣчества видитъ паденіе началъ, закрѣплявшихъ мнѣнія, убѣжденія, дѣятельность... паденіе всего, освѣщавшаго своею мнимою абсолютностью принципъ застоя и неизмѣняемости, которыя всегда были смертью для общества или даже хуже самой смерти.

1869 г.
«Отеч. Зап.» № 1.

ПОЗИТИВИЗМЪ ПОСЛѢ КОНТА.

> Je ne prétends pas que l'oeuvre de la philosophie positive soit close et qu'il n'y ait plus qu'à répéter la parole du maître. Loin de moi cette pensée; M. Comte nous a seulement, nous et nos successeurs, mis sur le seuil; d'immenses travaux sont à executer; car, l'ancien point de vue des choses étant changé, il s'agit de tout remettre au nouveau. J'aurai donné à mon idée toute l'étendue et en même temps toute la restriction qu'elle comporte, en disant que M. Comte a fait la constitution de la philosophie positive, voulant dire, d'apres le sens attribué par moi à constitution d'une science que, depuis M. Comte, elle a sa base qui est dans les sciences, sa méthode qui est dans la hierarchie scientifique, et son résultat qui est dans la conception du monde, mais voulant dire aussi qu'une philosophie constituée est seulement une philosophie commencée.
>
> *Littré*. A. Comte et Stuart Mill, p. 40.

Въ статьѣ моей о философіи исторіи, на которую прошу читателя смотрѣть, какъ на введеніе къ настоящему этюду, я старался объяснить значеніе умственной дѣятельности въ процессѣ историческаго развитія, и привелъ доказательства на то, что дѣятельность эта была главнымъ элементомъ прогресса. Разсматривая интеллектуальное развитіе съ этой точки зрѣнія, я представилъ общій очеркъ основного закона развитія, *закона трехъ состояній*, установленнаго Ог. Контомъ и составляющаго одно изъ основоположеній позитивной философіи. Законъ о которомъ я говорю—если помнитъ читатель—представляетъ послѣдовательные историческіе фазисы умственнаго развитія, и опредѣляетъ постепенность перехода отъ теологическаго міросозерцанія къ метафизическому, и отъ этого послѣдняго къ міросозерцанію научному или положительному. Вступивъ въ этотъ фазисъ, разумъ отказывается отъ супра-натуральнаго и субъек-

тивно-умозрительнаго объясненія наблюдаемыхъ имъ явленій, а обращается къ знанію, къ наукѣ, и, въ обобщеніяхъ ея изысканій, ищетъ и находитъ желаемое объясненіе, подлежащее, по самому существу своему, широкому и неопредѣленному развитію. Я сказалъ также, что прогрессъ наукъ въ нашемъ вѣкѣ далъ возможность окончательно осуществиться переходу отъ метафизическаго міросозерцанія къ научному въ умахъ нѣкоторыхъ передовыхъ мыслителей, и что въ наше время переходъ этотъ начинаетъ уже совершаться мало-по-малу и въ общественномъ сознаніи. «Наука—сказалъ я—стремится придти, въ окончательномъ результатѣ, къ доктринѣ, обнимающей все, что только можетъ регулировать жизнь и развитіе человѣчества. Она стремится къ тому, чтобы сдѣлаться не только истолковательницей, но и руководительницей жизни; она ставитъ соціальную систему конечной цѣлью всей своей работы. Стремленіе это совершенно законно, конечно; но полнаго успѣха въ настоящее время оно еще имѣть не можетъ, потому что, несмотря на громадные успѣхи наукъ, предварительный анализъ, необходимый для осуществленія такого стремленія, все-таки далеко еще не оконченъ. Многое остается еще недоступно научному изслѣдованію, многое гадательно, неточно, неполно... Метафизики и т. п. ставятъ все это въ укоръ наукѣ и выставляютъ полноту и законченность своихъ системъ. Но справедливо замѣтилъ Фейербахъ, что никто не становится подъ водосточныя трубы, чтобы укрыться отъ дождя... Возврата къ прошлому нѣтъ; мы это знаемъ, и потому смѣло предпочитаемъ неполноту попытокъ, обобщающихъ наше положительное знаніе, мнимой законченности предшествовавшихъ имъ міросозерцаній. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи была попытка Ог. Конта... На нашихъ глазахъ уже, тропинка, пробитая Контомъ, обращается въ широкую дорогу, и вмѣсто системы, которую мы можемъ назвать *контизмомъ*, возникаетъ *позитивизмъ* съ непрестанно расширяющейся, и теперь уже весьма широкой сферой вліянія».

Такой успѣхъ позитивизма совершился, однакоже, весьма медленно. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ появлялся томъ за томомъ «Курсъ положительной философіи» Ог. Конта, и не находилъ почти нигдѣ отголоска. Поверхностному наблюдателю легко могло показаться, что ученіе Конта лишено связи съ идеями вѣка и не имѣетъ будущности. Молчаніе, окружавшее Конта,

имѣло, однакоже, совершенно частную, преходящую причину, а именно ту, что въ эпоху, когда появился «Курсъ положительной философіи», разобщеніе между наукой и философіей рѣшительно препятствовало пониманію философіи, основанной на наукѣ. Представители науки работали отдѣльно и независимо отъ господствовавшей тогда философіи, а эта послѣдняя развивалась тоже отдѣльно и независимо отъ положительнаго знанія и держалась въ Европѣ вообще (особенно же въ Германіи) въ формѣ болѣе или менѣе туманныхъ метафизическихъ системъ, рядомъ съ которыми, во Франціи, процвѣталъ еще и выродокъ метафизики—эклектизмъ. Неудивительно поэтому, если Ог. Контъ не разсчитывалъ болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ читателей во всей образованной Европѣ. Для него было очевидно, конечно, что его могутъ понять только тѣ очень немногія личности, которыя, по особенно-счастливому стеченію обстоятельствъ соединяли въ себѣ солидныя научныя знанія со способностью къ обобщенію, не затемненною вліяніемъ метафизики. Это предвидѣніе было вѣрно до такой степени, что даже въ 1859 году, то-есть черезъ 17 лѣтъ послѣ выхода послѣдняго тома «Курса позитивной философіи», Литтрé, замѣчательнѣйшій изъ послѣдователей Ог. Конта, имѣлъ основаніе писать слѣдующее: «Назвать позитивную философію—далеко не значитъ еще дать понять, что̀ она такое... Позитивная философія обрѣтается еще—это не подлежитъ сомнѣнію—въ мракѣ... Извѣстны только ея отрывки: въ цѣломъ она совершенно неизвѣстна. Для однихъ она представляется какимъ-то математическимъ умозрѣніемъ... Для другихъ она кажется возобновленіемъ ученій Эпикура и Гольбаха и т. д...» (E. Littré. Paroles de philos. positive. 1863. P. 1 et suiv. 2-e éd.). Въ самомъ дѣлѣ, еще и въ это время, если не считать послѣдователей всей системы Ог. Конта, то-есть и той ея части даже, которая появилась во время несомнѣнно патологическаго состоянія его разума, если не считать, говорю я, позитивистовъ-мистиковъ *) — Лафитта, Робине, Констанъ-Ребека, Конгрева и проч.—можно было по пальцамъ счесть всѣхъ

*) Интересныя свѣдѣнія о нихъ можно найти у Робине (Robinet: Notice sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte. 1860) и у Эрдана. (A. Erdan: La France Mystique. 1858). Для знакомства съ ними слѣдуетъ обратить еще вниманіе и на Baron de Constant-Rebecque: Reflexions synthétiques du point de vue positiviste sur la religion, la morale et la philosophie.

послѣдователей Ог. Конта, какъ философа. Кромѣ упомянутаго уже Литтрé, къ числу ихъ принадлежали: д'Ейхталь, Робенъ, Лебле и де-Блиньеръ во Франціи, Ст. Милль и миссъ Мартинò—въ Англіи. О позитивизмѣ было еще почти не слышно. Сочиненія самого Конта, написанныя языкомъ крайне-тяжелымъ, были совершенно неспособны провести идеи его въ общество; то немногое же, чтò вышло до этого времени изъ-подъ пера того или другого изъ послѣдователей Ог. Конта, не было еще замѣчаемо публикой, и только развѣ «Система дедуктивной и индуктивной логики Ст. Милля» (1843) имѣла въ этомъ отношеніи какое-нибудь значеніе. Не особенно послужило дѣлу пропаганды даже и то, что Литтрé посвятилъ позитивизму нѣсколько страницъ предисловія къ своему переводу Штраусовой «Leben Jesu», вышедшему въ 1856 году. Какъ ни жадно читалась книга, но предисловіе ея было все-таки мало замѣчено.

Позитивизмъ не могъ, однакоже, остаться навсегда въ неизвѣстности. Существенный характеръ его заключается въ томъ, что онъ есть естественный результатъ всей предшествовавшей ему работы мысли, что онъ есть тотъ неизбѣжный выводъ, къ которому идетъ положительная наука, не чуждая философскихъ обобщеній. Позитивизмъ поэтому есть болѣе дѣло времени, чѣмъ личности. Личность могла *предвосхитить* его—и это заслуга безсмертная—но личность не могла преподать его обществу, какъ *свою* доктрину; всему, чтò было въ этой доктринѣ контовскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, предстояло, такъ-сказать, *отшелушиться*, и позитивизмъ долженъ былъ выработаться, наконецъ, какъ продуктъ умственнаго развитія своего времени.

Такое расширеніе и распространеніе значенія Контовой доктрины и совершается именно въ настоящее время, когда мыслящая часть общества начинаетъ мало-по-малу давать своему міросозерцанію строй научнаго ученія, и когда, вслѣдствіе того, интересъ къ системѣ Конта принимаетъ значительную интенсивность. Усиленіе этого интереса начало замѣтно обозначаться лишь съ первыхъ годовъ настоящаго десятилѣтія. Въ 1864 году потребовалось новое изданіе «Курса позитивной философіи», такъ какъ первое изданіе стало рѣдкостью и покупалось за цѣны баснословныя.

Всего же важнѣе то, что за это время явились поводы къ возникновенію полемики. Литтрé, въ предисловіи своемъ къ

новому изданію «Позитивной философіи» Конта, отвѣчаетъ на статью Ложеля, помѣщенную во 2-й, февральской, книжкѣ «Revue de deux Mondes» за 1864 г., и Спенсеру, по поводу воззрѣній, изложенныхъ въ его «Основныхъ началахъ». «Время идетъ быстро—пишетъ Литтрé въ этомъ предисловіи—и недолго придется ждать, вѣроятно, пока борьба возобновится на почвѣ болѣе подготовленной, болѣе опредѣленной. Только *двадцать два* года прошло со времени выхода послѣдняго тома «Позитивной философіи», сочиненія, которое, по словамъ автора, могло быть оцѣнено только по окончаніи его, какъ цѣлое. Въ противоположность другимъ системамъ, которыя надѣлали много шуму и вслѣдъ за тѣмъ не находили послѣдователей, позитивная философія произвела мало шуму, не перестала, тѣмъ не менѣе, укрѣпляться посредствомъ скрытаго прозелитизма, основывающагося на силѣ вещей, а не пропагандѣ» (*Préface d'un disciple. XLVI*). И дѣйствительно, Литтрé не ошибся. Въ слѣдующемъ же году появилось замѣчательное сочиненіе Милля «A. Comte and Positivism. London 1865» *), въ которомъ знаменитый авторъ подвергалъ систему Ог. Конта глубокой критикѣ, опирающейся—и это было въ высшей степени важно—на положительную же точку зрѣнія. Отвѣтъ Литтрé на критику Милля появился во 2-й, августовской, книжкѣ «Revue de deux Mondes» за 1866 годъ, и въ слѣдующемъ же году вышелъ отдѣльной брошюрой, къ которой была приложена статья соотечественника нашего г. Вырубова «St. Mill et la philosophie positive», написанная также противъ Милля и назначенная для «Revue Encyclopédique», существованіе котораго, благодаря бонапартовскому режиму, было подвержено такимъ превратностямъ судьбы, что статья не появилась въ свѣтъ, хотя и была уже отпечатана. Такимъ образомъ борьба мнѣній, возбужденная вопросами позитивизма, все болѣе и болѣе усиливалась... Становилось очевидно, что насталъ моментъ вступленія положительной философіи въ новый фазисъ. Моментомъ этимъ какъ нельзя лучше воспользовались: Литтрé и вступившій съ нимъ въ товарищество Вырубовъ. Они, съ 1-го іюля 1867 года, начали издавать обозрѣніе, которое и назвали «La philosophie positive». Обозрѣніе

*) Сочиненіе это переведено на русскій и на французскій языки. См. Д. С. Милль: Ог. Контъ и положительн. философія. 1867. A. Comte et le Positivisme par J. S. Mill. trad. de l'anglais par le d-r g. Clémenceau. 1868.

это выходитъ 6 разъ въ годъ небольшими книжками, и, группируя вокругъ себя послѣдователей позитивизма, служитъ центромъ развитія положительной философіи и главнымъ очагомъ ея пропаганды. Хотя обозрѣніе это существеннымъ образомъ обосновывается на «Позитивной философіи» Ог. Конта, тѣмъ не менѣе, оно относится къ нему совершенно свободно, и можно уже теперь указать на нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, въ которыхъ «Обозрѣніе» отошло отъ первоначальныхъ рѣшеній этихъ вопросовъ Ог. Контомъ. Своевременность появленія «Обозрѣнія» обнаруживается не только богатствомъ его содержанія, но еще и тѣмъ, что ему нерѣдко приходится заносить въ свою библіографію обзоры книгъ, написанныхъ позитивистами, и отъ времени до времени вступать и въ полемику. Все это показываетъ, что положительная философія вышла изъ того состоянія неизвѣстности, въ которомъ она была еще 10 лѣтъ назадъ, что она дѣйствуетъ уже въ качествѣ культурнаго элемента и даетъ результаты, которые неизбѣжно будутъ имѣть свое воздѣйствіе. Есть, поэтому, основаніе полагать, что въ будущемъ непрерывное развитіе положительной философіи вполнѣ обезпечено. Начиная второй годъ своего обозрѣнія, Литтрé могъ уже заявить, что обозрѣніе это пріобрѣло свой кругъ читателей и принесло свои плоды *).

Въ 1867 же году позитивизмъ сталъ замѣтнымъ явленіемъ и въ итальянской литературѣ. Здѣсь особеннаго шуму надѣлала статья профессора Вилляри, напечатанная въ «Politecnico» и изданная потомъ отдѣльной брошюрой, разошедшейся такъ быстро, что лѣтомъ прошлаго года достать ее ужъ было невозможно, и мнѣ удалось прочесть ее только тогда, когда она вошла въ общій сборникъ статей автора, появившійся въ Миланѣ въ концѣ прошлаго года подъ заглавіемъ: «Saggi di storia, di critica e di politica». Метафизика, недостаточно потрясенная еще возрожденіемъ умственнаго движенія въ Италіи, значительно препятствуетъ успѣхамъ позитивизма въ этой странѣ; но важно

*) Замѣчательнѣйшія новыя книги, написанныя съ точки зрѣнія положительной философіи, суть слѣдующія: 1) *Leblais:* Materialisme et spiritualisme. 2) *Bourdet:* De la morale dans la philosophie positive. 3) Id.: Principes de l'éducation positive. 4) *Buysset:* Catéchisme du XIX siècle. 5) *L. André:* Le positivisme pour tous. 6) *Littré:* Etude sur les barbares et le moyen age. 7) *Grenier:* Etudes médico-psychologiques du libre-arbitre humain и др.

уже и то, что положительная философія сильно занимаетъ тамъ умы въ настоящее время. Въ теченіе одной только половины прошлаго года (за другую у насъ нѣтъ еще свѣдѣній) въ итальянскихъ журналахъ появилось болѣе десяти статей о позитивизмѣ, а именно: въ «Nouva Antologia», «Rivista Bolognese», «Politecnico», «Rivista universale», «Palestra» и даже «Civilta Cattolica» *). И кромѣ того, мы можемъ указать на обширное ученое сочиненіе профессора Боккардо («Fisica del globo»), какъ на имѣющее позитивный характеръ и не лишенное достоинствъ серьезнаго научнаго труда.

Философскія направленія мысли въ Германіи слишкомъ самостоятельны, и нѣмцы слишкомъ свысока относятся ко всякому философскому движенію, совершающемуся внѣ германскихъ предѣловъ, а потому и неудивительно, если здѣсь на позитивизмъ обращаютъ пока мало вниманія, и кромѣ статьи Гарстена (въ философскомъ журналѣ Фихте), чуть ли и говорилъ тамъ еще кто хоть нѣсколько словъ о позитивизмѣ. Зато направленіе мысли здѣсь принимаетъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе позитивный строй, и я думаю, что нѣмецкій корреспондентъ журнала Литтре́ и Вырубова не безъ основанія находитъ возможнымъ писать въ первой книжкѣ журнала («Juillet-Aout» 1867, p. 156), что Германія, быть можетъ, болѣе Англіи и Франціи подготовлена для позитивизма и что здѣсь повсемѣстно замѣчаютъ позитивистическія тенденціи.

Что касается Англіи, то позитивистическія тенденціи здѣсь обнаруживаются въ значительной степени, хотя, разумѣется, трудно рѣшить, обнаруживаются ли онѣ въ большей или меньшей степени, чѣмъ во Франціи. Мы упомянули уже о Ст. Миллѣ и миссъ Мартино, какъ послѣдователяхъ позитивизма. Прибавимъ теперь, что книга миссъ Мартино («The positive philosophy of A. Comte freely translated and condensed». 2 vol.), вышедшая

---

*) Nuova Antologia: *G. Puccianti:* Della filosofia galileiana edel positivismo odierno. (Gennajo). Rivista Bolognese: *P. Siciliani:* Critica del Positivismo. (Gennajo). *Id:* Sulle fonti storiche della filosofia positiva in Italia. (Aprile). *C. Matteucci:* Positivismo, paolottismo, razionalismo. (Maggio). *F. Bonatelli:* Due fatti contro le molte parole dei positivisti. (Giugno). *Politecnico: Prof. g. Mongeri:* La difesa del positivismo fatta da un metafisico. Rivista universale: *L. Dragonetti.* Il positivismo ed il panteismo. (Agosto). Pale-tra: *A. Maffei.* Della filosofia positiva (№№ 1, 2, 3, 5). *Civilta Cattolica*: четыре статьи (Quaderno 430, 433, 437, 440).

еще въ 1853 году, свидѣтельствуетъ, что въ Англіи предрасположеніе къ позитивизму весьма живо. Замѣтимъ еще, что знаменитый физикъ Брюстеръ (Brewster) былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ въ Европѣ, признавшихъ ученое достоинство философскаго труда Ог. Конта. Тогда, когда трудъ этотъ ограничивался еще двумя первыми томами, Брюстеръ помѣстилъ въ «Edimburg Rewiew» (1838) статью, въ которой отзывался о Контѣ, какъ о глубокомысленномъ ученомъ.

Извѣстности позитивизма въ Россіи помѣшало прежде всего малое развитіе у насъ интереса къ философіи вообще и, наконецъ, условія положенія, въ которомъ находится печатное слово. Впрочемъ, несмотря на это, русскій читатель можетъ познакомиться съ ученіемъ Ог. Конта по статьѣ г. Ватсона, помѣщенной въ «Современникѣ» за 1865 годъ, и по книгѣ, содержащей трактаты Льюиса и Милля, о которой я уже упоминалъ. Что же касается критическаго разбора этого ученія, то, кромѣ упомянутыхъ статей и трактатовъ, я укажу еще на одну статью, а именно: на «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе» г. П. Л. *). Статья эта, по глубинѣ и ширинѣ взгляда, можетъ быть поставлена по меньшей мѣрѣ рядомъ со статьей Ст. Милля и можетъ служить прекраснѣйшимъ руководствомъ для пониманія задачъ позитивизма. Я вполнѣ увѣренъ, что появленіе этой статьи во французскомъ переводѣ произвело бы оживленную полемику и послужило бы непремѣнно къ уясненію многихъ важныхъ вопросовъ положительной философіи.

Но если читатель можетъ ознакомиться съ позитивизмомъ по русскимъ источникамъ, то все же знакомство это не можетъ идти далѣе 65 года; на этомъ годѣ обрываются всѣ имѣющіяся у насъ на русскомъ языкѣ свѣдѣнія о развитіи этого ученія. Неблагопріятныя ли условія, въ которыхъ такъ долго послѣ этого времени находилась наша литература, или иныя обстоятельства были тому причиной, но русскій читатель лишенъ свѣдѣній о ходѣ развитія положительной философіи, именно за тотъ періодъ времени, когда развитіе это, пріобрѣтя новый органъ, приняло новую жизнь и стало заявлять себя рядомъ статей и трактатовъ, въ высшей степени интересныхъ для всякаго, не чуждаго умственной дѣятельности Европы, и имѣю-

*) Статья, о которой я здѣсь говорю, принадлежитъ одному изъ уважаемѣйшихъ и ученѣйшихъ нашихъ писателей. (П. Л. Лаврову. *Прим. ред.*) Она помѣщена въ майской книжкѣ «Современнаго Обозрѣнія».

щихъ чрезвычайно важное значеніе для тѣхъ, которые, будучи утомлены безплодностью метафизическихъ умозрѣній, ищутъ твердой точки опоры для своего мышленія. Въ виду всего этого, я рѣшился пополнить пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о положительной философіи и представляю теперь читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» статью, въ которой стараюсь очертить современный фазисъ развитія положительной философіи и указать на главнѣйшіе вопросы, разработываемые новой позитивной литературой.

Въ основаніи всякаго міросозерцанія всегда лежитъ положеніе, отъ принятія или непринятія котораго зависитъ усвоеніе или отверженіе самаго міросозерцанія. Основное положеніе это представляется послѣдователямъ ученія, принимающимъ его за точку исхода, аксіомой и служитъ предѣломъ, за который они не переходятъ. Такъ какъ положеніе это не можетъ быть принимаемо или отвергаемо на основаніи доказательствъ, то принятіе или непринятіе его всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто произвольное и можетъ быть объяснено однимъ только историческимъ закономъ послѣдовательности въ рядѣ этихъ основоположеній различныхъ міросозерцаній, рядѣ, представляющемъ свои правильные фазисы измѣняемости. Предѣльное понятіе, сказалъ я, составляетъ принадлежность всѣхъ философскихъ ученій. Они неизбѣжны, какъ въ ученіяхъ непозитивныхъ, такъ и въ позитивной философіи. Предѣльное понятіе супра-натуральной философіи, напримѣръ, есть понятіе о внѣміровой силѣ. Бытіе этой силы признается супра-натуралистами аксіомой, не подлежащей ни изслѣдованію, ни доказательству. Очевидно, однакоже, что вопросъ о возможности логическаго изслѣдованія, шагающаго за предѣлъ, обозначаемый понятіемъ объ этой силѣ, остается вѣчно открытымъ, такъ какъ супра-натуралистическій отвѣтъ, утверждающій, что за предѣломъ этимъ *ничего* не существуетъ, равнозначущъ съ нежеланіемъ идти далѣе и обнаруживаетъ необходимость принять положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, *какъ предѣльное*. То же самое можно сказать и о всякой метафизической системѣ. Иначе и быть не можетъ. На этомъ пунктѣ всѣ философскія системы согласны между собою, и разница между ними заключается лишь въ выборѣ того или другаго основного положенія. Въ

какомъ же порядкѣ слѣдовали смѣны этихъ основныхъ положеній? Въ общемъ, порядокъ этотъ заключался въ томъ, что понятіе о бытіи супра-натуральномъ было замѣнено, въ смыслѣ основного положенія, понятіемъ о бытіи натуральномъ: такъ пантеизмъ и матеріализмъ принимали силу или силы, присущія матеріи, какъ предѣльную аксіому своихъ философскихъ построеній. Этотъ шагъ впередъ сравнительно съ супра-натуральнымъ міросозерцаніемъ былъ важенъ; но оставалось пойти еще далѣе, что̀ и сдѣлала положительная философія. Пантеизмъ и матеріализмъ вмѣсто бытія невидимаго поставили бытіе видимое; положительная же философія изъ всей совокупности свойствъ этого бытія избрала только свойства, подлежащія наблюденію. Изъ этихъ свойствъ состоитъ, согласно ея взгляду, то, что̀ она считаетъ *познаваемымъ*; все же, лежащее внѣ ихъ предѣловъ, она исключила изъ сферы своего міросозерцанія, какъ *непознаваемое*. «Все, говоритъ Литтре́, что̀ находится внѣ предѣловъ положительнаго знанія, въ области ли матеріи или въ области разума, т.-е. въ глубинахъ безпредѣльнаго пространства или въ нескончаемой цѣпи причинъ—все это безусловно недоступно человѣческому разуму. Говоря «недоступно», я не утверждаю, что оно не существуетъ. Безпредѣльность, какъ матеріальная, такъ и интеллектуальная, тѣсно связана съ нашимъ знаніемъ и, въ силу этой связи только, становится она идеей положительной; я хочу сказать, что, соприкасаясь и граничa съ положительными идеями, безпредѣльность эта представляется въ своемъ двойственномъ видѣ: реальности и недоступности. Это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ о наши берега, но пуститься въ который мы не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ ни ладьи, ни паруса...» (A. Comte et la philos. pos. p. 519. 1 éd.).

Читателю извѣстно, конечно, что и Спенсеръ тоже различаетъ познаваемое отъ непознаваемаго. Взглядъ Спенсера существенно отличается, однакоже, отъ взгляда позитивистовъ. Спенсеръ полагаетъ, что супра-натуральное міросозерцаніе и наука сливаются въ одно въ сферѣ непознаваемаго и такимъ образомъ міросозерцаніе это и наука представляются какъ бы двумя различными сторонами одного ученія. Положительная философія, какъ извѣстно уже, отрицаетъ пунктъ соединенія науки съ супра-натуральнымъ міросозерцаніемъ, находя, что между ними, въ качествѣ переходной ступени, стоитъ метафизика. Такимъ

образомъ, непознаваемое, отвергаемое совершенно положительной философіей, всецѣло принадлежитъ супра-натуральной философіи.

Итакъ, предметъ изученія позитивной философіи есть дѣйствительность въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. та часть вселенной или космоса, которая въ какой-либо мѣрѣ можетъ, во времени и пространствѣ, подлежать нашему наблюденію и опыту. Понятіе о дѣйствительности есть, слѣдовательно, то предѣльное понятіе, о которомъ было говорено выше. Положительная философія систематически отвергаетъ переходъ за черту, опредѣляемую этимъ понятіемъ, хотя и признаетъ, что *логически* возможно идти далѣе. Замыкаясь въ такой кругъ, сравнительно ограниченный, она приводитъ тотъ основательный доводъ, «что орудія прежнихъ философскихъ доктринъ пришли въ негодность, а тѣ орудія, которыя находятся въ ея распоряженіи, не дозволяютъ переступить этой черты». Положительная философія, слѣдовательно, ничего не знаетъ и знать не хочетъ о томъ, чего не знаетъ наука, съ которой она составляетъ одно нераздѣльное цѣлое.

Объяснивъ значеніе понятія о познаваемой дѣйствительности, какъ предѣльнаго понятія положительной философіи, мы можемъ предварительно опредѣлить ее, какъ *міросозерцаніе, слагающееся изъ всей совокупности положительнаго знанія*. Болѣе полное опредѣленіе мы представимъ при дальнѣйшемъ развитіи нашего предмета.

Данное намп опредѣленіе естественно предполагаетъ два элемента: 1) явленій, существующихъ внѣ человѣка, и 2) человѣка, наблюдающаго и подтверждающаго эти явленія, а потому, слѣдя за развитіемъ основного принципа, высказаннаго въ опредѣленіи, намъ слѣдуетъ познакомиться теперь съ воззрѣніемъ положительной философіи на отношенія, существующія между двумя этими элементами, то-есть намъ предстоитъ опредѣлить, какія знанія имѣемъ мы право считать положительными или истинными. Поставленный такимъ образомъ вопросъ сводится на опредѣленіе отношеній между истиною и дѣйствительностью. Разработку этого въ высшей степени важнаго вопроса находимъ мы въ статьѣ г. Вырубова «Le certain et le probable», помѣщенной во 2-й книжкѣ «Обозрѣнія» за 1867 годъ. «Очевидно, говоритъ авторъ статьи, что два термина— *истина и дѣйствительность*, принятые въ самомъ общемъ ихъ

значеніи, не могутъ считаться синонимами. Если мы и можемъ брать для точнаго исхода всѣхъ нашихъ философскихъ построеній аксіому, что все истинное должно быть и дѣйствительно, то мы не имѣемъ права обратить эту аксіому и утверждать, что все дѣйствительное должно быть истинно. Утверждать оба эти положенія, значило бы питать пристрастіе къ той игрѣ словъ, которую такъ любила схоластика, значило бы установлять одинъ изъ тѣхъ принциповъ, которые всегда вѣрны, потому что они стоятъ внѣ всякаго контроля. Дѣйствительность не непремѣнно истинна; и не трудно доказать, почему это именно такъ. Фактъ дѣйствительный есть тотъ фактъ, существованіе котораго было подтверждено нашими чувствами, фактъ, открытый нашимъ наблюденіемъ. Но всегда ли достовѣрно свидѣтельство нашихъ чувствъ? Настаивать на утвердительномъ отвѣтѣ, конечно, не станетъ никто... Никто не станетъ отвергать, что всякій человѣкъ способенъ заблуждаться, можетъ плохо видѣть, плохо слышать... И этого достаточно, чтобы не дозволить намъ вывести общее заключеніе, будто все кажущееся намъ дѣйствительнымъ—истинно. Можно возразить, пожалуй, что наше понятіе о дѣйствительности не есть еще самая дѣйствительность, что все насъ окружающее нисколько не зависитъ отъ ошибокъ въ нашихъ наблюденіяхъ и, что, слѣдовательно, эта, окружающая насъ дѣйствительность всегда истинна. Но такое разсужденіе есть не болѣе, какъ тонкая уловка, которая не можетъ затруднить философію, строющуюся на научномъ основаніи. Истина для насъ не есть нѣчто отвлеченное, ни нѣчто такое, что̀ можетъ существовать, независимо отъ человѣческаго разума; истина, напротивъ того, есть понятіе относительное и условное, результатъ наблюденія и опыта, произведенныхъ посредствомъ метода, выработаннаго спеціальными науками. Безъ человѣка, или точнѣе, безъ науки, безъ длиннаго ряда способовъ изслѣдованія, истина невозможна». («Le certain et le probable» p. 170).

Опредѣляя истину не какъ нѣчто реальное, не какъ нѣчто существующее *an sich und für sich*, а какъ условное отношеніе между субъектомъ и объектомъ, между познающимъ человѣкомъ и познаваемою имъ дѣйствительностью, положительная философія должна была опредѣлить и свой критеріумъ достовѣрности. Критеріумъ этотъ заключается въ томъ, что всякое явленіе, согласно требованію положительной философіи, не должно быть разсматриваемо отдѣльно, но непремѣнно въ связи съ

другими сопутствующими и сосуществующими ему явленіями. Слѣдуя этому правилу, мы уже не подвергаемъ себя опасности, угрожающей намъ отъ иллюзій, производимыхъ нашими чувствами, а устраиваемъ наше наблюденіе такимъ образомъ, что чувства перестаютъ играть первую роль, и повѣрка становится возможной для всѣхъ. Разсматривая явленіе въ связи со всѣми сопутствующими и сосуществующими ему явленіями и тщательно отдѣляя въ этихъ послѣднихъ то, что̀ въ нихъ есть постояннаго по отношенію къ разсматриваемому явленію, отъ того, что̀ есть въ нихъ случайнаго, мы получаемъ то, что̀ въ наукѣ принято называть *закономъ*. До тѣхъ поръ, пока явленіе не подведено подъ законъ, то-есть пока оно остается совершенно обособленнымъ отъ другихъ явленій, которыми оно окружено, до тѣхъ поръ оно можетъ быть *до извѣстной степени* (принимая во вниманіе обманы чувства) дѣйствительнымъ; но понятіе о немъ мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать достовѣрнымъ или истиннымъ.

Когда законъ установленъ, наблюденіе и его повѣрка перестаютъ зависѣть отъ одного человѣка, но уже могутъ быть производимы всѣми. Такая постановка вопроса исключаетъ вѣру въ авторитетъ и установляетъ автономію мышленія каждаго отдѣльнаго человѣка. Но, чтобы законъ могъ служить удовлетворительнымъ критеріумомъ достовѣрности, слѣдуетъ признавать законами только тѣ формулы подмѣченной между явленіями связи, которыя не имѣютъ исключеній и дозволяютъ предсказывать явленія. Опытъ и наблюденіе выработали уже множество такихъ законовъ, и на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на типы, къ которымъ должны стремиться всѣ наши усилія. Только совокупность *такихъ* законовъ составляетъ то, что̀ *по праву* можетъ называться наукой. Поэтому-то наука, какъ совокупность законовъ, *непогрѣшима*. Ошибиться можетъ ученый, но не наука. Ученый можетъ формулировать законъ, терпящій исключенія; такой законъ будетъ только *вѣроятнымъ;* наука же обосновывается на законахъ *достовѣрныхъ*, т.-е. на законахъ, не имѣющихъ исключеній.

Принимая въ руководство такое воззрѣніе на значеніе закона, положительная философія приступаетъ къ изученію дѣйствительности и, имѣя въ виду необходимость строгой систематичности этого изученія, она всего прежде подмѣчаетъ тотъ общій естественный порядокъ или ту натуральную градацію есте-

ственныхъ явленій, которая можетъ послужить ей твердой точкой опоры для достиженія ея цѣли.

Общее изученіе дѣйствительности обнаруживаетъ, что всѣ совершающіяся въ ней явленія распадаются на три группы:

1) *Группу математико-физическую*, характеризуемую свойствами, общими всей матеріи, въ какомъ бы состояніи она ни находилась; эти свойства суть свойства величины и ея формъ и всѣ свойства, обусловливаемыя движеніемъ какъ частицъ, такъ и цѣлыхъ массъ. 2) *Группу химическую*, характеризируемую свойствами менѣе общими, а именно свойствами, обнаруживающимися только въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ частичное соединеніе двухъ различныхъ тѣлъ, и 3) *группу органическую*, характеристическія свойства которой обнаруживаются при сложности, превосходящей сложность соединеній предъидущей группы, и носятъ въ общежитіи названіе *жизненныхъ* явленій.

Приведенное нами расположеніе этихъ трехъ группъ есть единственное, допускаемое самими свойствами этихъ группъ, такъ какъ группа органическая предполагаетъ группу химическую, а эта послѣдняя группу математико-физическую, которая не предполагаетъ уже ничего и обнимаетъ собою всю познаваемую дѣйствительность, понятіе о которой есть, какъ мы уже сказали, предѣльное понятіе положительной философіи.

Если мы сдѣлаемъ сближеніе между названными тремя группами и массою наукъ, обнимаемыхъ въ настоящее время человѣческимъ знаніемъ, то замѣтимъ, что каждая изъ этихъ многочисленныхъ наукъ соотвѣтствуетъ нѣкоторой части явленій, тождественныхъ или въ какомъ-либо отношеніи аналогическихъ съ тѣми, которыя входятъ въ ту или другую изъ исчисленныхъ выше трехъ группъ. Такое соотношеніе между науками и натуральною градаціею явленій ясно показываетъ, что если умъ человѣческій и теряется среди массы наукъ, разсматриваемыхъ отдѣльно и независимо одна отъ другой, то у него есть точка опоры для расположенія ихъ въ такомъ порядкѣ, который дозволитъ ему охватить ихъ въ одно общее представленіе, и дастъ возможность легко оріентироваться въ нихъ, не взирая на ихъ многочисленность. Расположеніе ихъ въ томъ порядкѣ, о которомъ я говорю, и есть то, что̀ называется ихъ *классификаціей*. Классификація наукъ, слѣдовательно, имѣетъ очень важное значеніе въ положительной философіи: она вноситъ въ изученіе

дѣйствительности методическій строй и, опредѣляя каждой наукѣ ея настоящее мѣсто въ этомъ общемъ строѣ, способствуетъ пониманію значенія и смысла какъ каждой науки отдѣльно, такъ и общаго синтеза философій этихъ наукъ, который есть не что иное, какъ положительная философія.

Разсматривая одну за другой группы наукъ, соотвѣтствующія группамъ натуральной градаціи явленій, положительная философія замѣчаетъ, что каждая изъ группъ наукъ распадается на два весьма различные по характеру отдѣла: науки одного отдѣла имѣютъ дѣло съ законами, управляющими элементарными явленіями соотвѣтственной натуральной группы, съ законами, отъ которыхъ естественно должны зависѣть не только всѣ, дѣйствительно осуществившіяся явленія, но и всѣ комбинаціи, возможныя въ данномъ случаѣ. Науки другаго отдѣла, напротивъ, занимаются единственно частными комбинаціями явленій, открываемыхъ въ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, минералы, составляющіе нашу планету или находимые въ ней, представляютъ частныя комбинаціи явленій, зависящія отъ законовъ, изучаемыхъ науками перваго отдѣла. Изъ этого видно, что науки перваго отдѣла или науки абстрактныя составляютъ основаніе и точку исхода соотвѣтствующихъ имъ наукъ втораго отдѣла или наукъ конкретныхъ, и что, слѣдовательно, онѣ должны всегда предшествовать этимъ послѣднимъ и руководить ими. Это геніальное раздѣленіе наукъ, которымъ положительная философія обязана Ог. Конту, проливаетъ яркій свѣтъ на весь строй человѣческаго знанія и крайне упрощаетъ классификацію, такъ какъ является возможность подчинить всю массу конкретныхъ наукъ небольшому числу наукъ абстрактныхъ, расположенныхъ соотвѣтственно натуральной градаціи естественныхъ явленій и связанныхъ такимъ образомъ, что онѣ представляются частями одного цѣлаго.

Для лучшаго объясненія изложеннаго раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, сравнимъ раздѣленіе это съ подобнымъ же раздѣленіемъ, принадлежащимъ Герб. Спенсеру, употребляющему термины «абстрактный», «конкретный» не въ томъ значеніи, въ которомъ принимаетъ ихъ положительная философія. Спенсеръ говоритъ, что «абстрактная» истина рѣдко воспринимается какъ осуществленная въ какомъ-либо изъ случаевъ, относительно которыхъ утверждается, а потому онъ называетъ и науку абстрактною, когда ея истины не вполнѣ ис-

черпываются дѣйствительностью, каковы, напримѣръ, истины геометріи или такъ называемый законъ инерціи. Истины эти хотя и заключаются въ данныхъ опыта, но на самомъ дѣлѣ не замѣчаются, потому что всегда болѣе или менѣе полно парализируются. Итакъ, матеріалъ абстрактныхъ наукъ, по понятію Спенсера, есть матеріалъ идеальный; въ противоположность ему матеріалъ конкретныхъ наукъ есть матеріалъ реальный. Цѣль конкретныхъ наукъ состоитъ, полагаетъ онъ, не въ томъ, чтобы отдѣлять и отдѣльно обобщать составные элементы явленій, а въ томъ, чтобы выяснять каждое явленіе, какъ продуктъ этихъ составныхъ элементовъ. По этой причинѣ онъ считаетъ химію и біологію науками конкретными. Явленія, изучаемыя этими науками, въ самомъ дѣлѣ совершаются такъ, какъ то предполагаютъ эти науки. (См. Герб. Спенсеръ: «Классификація наукъ». Переводъ Н. Тиблена).

Замѣчаніе Милля на приведенное здѣсь воззрѣніе Спенсера подрываетъ это воззрѣніе въ самомъ корнѣ, и такъ какъ оно не длинно, то я приведу его вполнѣ:

«Значеніе, придаваемое Контомъ (словамъ «абстрактный» и «конкретный»), соотвѣтствуетъ въ высшей степени глубокому и жизненному разграниченію. Значеніе же, придаваемое Спенсеромъ, доступно радикальному возраженію: оно классифицируетъ истины не на основаніи ихъ предмета или ихъ взаимныхъ отношеній, а на основаніи неважнаго различія въ способѣ, какимъ мы признаемъ ихъ. Какое дѣло, что законъ инерціи (разсматриваемый какъ точная истина) не составляетъ обобщенія изъ нашихъ непосредственныхъ впечатлѣній, но представляетъ результатъ сопоставленія движеній, какія мы замѣчаемъ, съ тѣми, какія бы мы замѣчали, еслибы не было парализирующихъ причинъ? Въ томъ или другомъ случаѣ, мы одинаково увѣрены, что это есть точная истина: потому что каждый динамическій законъ выполняется совершенно даже тогда, когда, кажется, встрѣчаетъ противодѣйствіе. Можно предположить, что въ физіологіи, напримѣръ, должно быть много истинъ, которыя узнаются только подобнымъ посредственнымъ процессомъ: Спенсеръ едва ли оторвалъ бы ихъ отъ цѣлаго науки и назвалъ бы абстрактными, а остальныя—конкретными». (Милль: «О. Контъ и позитивизмъ». Стр. 34.)

Устранивъ недоразумѣнія, которыя могли возникнуть у читателя, знакомаго съ воззрѣніями Спенсера по русскому пе-

реводу его брошюры, мы опять возвращаемся къ классификаціи наукъ, основывающейся, какъ ужъ было сказано, на соотношеніи наукъ съ натуральной градаціей явленій и отдѣленіи конкретныхъ наукъ отъ абстрактныхъ, имѣющихъ въ позитивной классификаціи первенствующее или руководящее значеніе и вообще, по самому смыслу раздѣленія, предшествующихъ наукамъ конкретнымъ. Несомнѣнно, что классификаціи однѣхъ абстрактныхъ наукъ достаточно для внесенія порядка и ясности въ массу человѣческихъ знаній; очевидно также и то, что классификація эта не исключаетъ, а напротивъ, пролагаетъ путь классификаціи наукъ конкретныхъ. Такая классификація, однако же, станетъ возможною только тогда, когда конкретныя науки достигнутъ той законченной формы, въ которой онѣ дѣйствительно получатъ право считаться науками, т.-е. когда и онѣ, подобно наукамъ абстрактнымъ, будутъ слагаться изъ (достовѣрныхъ) *законовъ* изучаемыхъ ими явленій, и будутъ въ силахъ *предсказывать* эти явленія. Всякому знакомому съ современнымъ состояніемъ конкретныхъ наукъ извѣстно, конечно, какъ далеки науки отъ такой зрѣлой степени своего развитія. Отчасти по недостаточности фактовъ, а больше еще потому, что даже и нѣкоторыя абстрактныя науки не достигли еще того состоянія, которое бы дѣлало конкретныя науки возможными, эти послѣднія представляютъ пока одни матеріалы для науки, но науками назваться еще не могутъ. А потому понятно, что и классификація ихъ еще невозможна. Изъ этого не слѣдуетъ выводить, однако же, того заключенія, что положительная философія остается безъ всякаго вліянія на конкретныя науки. Напротивъ, она вноситъ свѣтъ свой и въ ихъ область и подготовляетъ классификацію, которой и онѣ должны рано или поздно подлежать непремѣнно. Пока, такая подготовка возможна только въ частныхъ сферахъ, и мы представимъ ниже опыты внесенія положительнаго элемента въ конкретныя науки, опыты въ высшей степени интересные и замѣчательные. Вникнувъ въ нихъ, читатель въ состояніи будетъ понять и оцѣнить всю великость значенія положительной философіи для предстоящаго пересозданія всей системы человѣческаго знанія.

Чтобы классификація абстрактныхъ наукъ была не шаткою, необходимо,—сказали мы,—согласить ее съ натуральной градаціей естественныхъ явленій. Градація эта представляетъ рядъ, начинающійся съ простѣйшихъ и всеобщихъ явленій матема-

тико-физическихъ и оканчивающійся наиболѣе сложными и наименѣе общими явленіями жизненными, въ промежуткѣ же находится группа явленій, общность и сложность которыхъ представляетъ средину этихъ двухъ крайностей. Такимъ образомъ характеристическая черта этого ряда натуральной градаціи явленій заключается въ томъ, что явленія эти, если ихъ разсматривать послѣдовательно, представляютъ, начиная съ простѣйшихъ и подымаясь къ болѣе сложнымъ, различныя степени убывающей общности и возрастающей сложности. Точно такое же расположеніе возможно и для наукъ. Оно установитъ между ними точно такую же связь, какая существуетъ и между явленіями. Связь эта даетъ возможность изучать науки въ томъ именно порядкѣ, въ которомъ онѣ расположены, и при переходѣ отъ одной науки къ другой, не оставлять позади себя законы, узнанные прежде, а напротивъ пользоваться и ими, добавляя только къ нимъ тѣ новые законы, которые составляютъ принадлежность, слѣдующей по порядку классификаціи, науки. Такимъ образомъ каждая наука, если разсматривать рядъ ихъ въ восходящемъ порядкѣ, покоится на истинахъ науки предшествующей и, сама, въ свою очередь, служитъ основаніемъ наукѣ послѣдующей.

Первая группа явленій есть группа математико-физическая. Ей соотвѣтствуетъ три абстрактныя науки: математика, астрономія и физика. Какъ первое звено классификаціи, науки эти должны представлять три первыя ступени убывающей общности и возрастающей сложности. Ясно поэтому, что *математика* представляетъ крайнюю науку ряда, такъ какъ тѣла немыслимы даже безъ свойствъ математическихъ. За математикой должна слѣдовать *астрономія*, потому что явленія, ею изучаемыя, зависятъ отъ законовъ предшествующаго класса съ прибавленіемъ закона тяготѣнія. Наконецъ, 3-й наукой должна быть поставлена *физика*, которая предполагаетъ математику (такъ какъ всѣ тѣла подлежатъ законамъ математическимъ), а также и астрономію (такъ какъ всѣ тѣла подчинены закону тяготѣнія) и присоединить къ нимъ законы тяжести, теплоты, звука, свѣта и электричества.

Вторая группа явленій изучается одною наукою—химіею. Законы этой науки, также какъ и явленія имъ соотвѣтствующія, вполнѣ согласуются съ общимъ требованіемъ классификаціи, т.-е. представляютъ возрастаніе сложности и убываніе общности и, кромѣ того, зависятъ отъ всѣхъ предшествующихъ.

Двѣ науки, наконецъ, имѣютъ своимъ предметомъ явленія *третьей группы*—жизненной, а именно: біологія и соціологія. Біологія изучаетъ явленія органической природы; соціологія—явленія общественной жизни человѣчества. Оба эти рода явленій подчиняются своимъ особеннымъ законамъ, но не зависятъ отъ нихъ исключительно: они вполнѣ подчиняются также законамъ всѣхъ предшествующихъ группъ и составляютъ послѣднія два звена ряда постепенно убывающей общности и возрастающей сложности. Явленія соціологическія, какъ самыя сложныя, подчиняются также законамъ какъ органической, такъ и неорганической природы. Эти послѣдніе дѣйствуютъ на общество путемъ вліянія на жизнь и путемъ опредѣленія физическихъ условій, среди которыхъ совершается развитіе общества. Такимъ образомъ, абстрактныя науки классифицируются слѣдующимъ образомъ:

Математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія *).

Философское значеніе этого ряда будетъ понятно только тогда, когда читатель, обозрѣвая его, отрѣшится отъ того понятія, которое мы обыкновенно связываемъ съ названіями вхо-

---

*) Объясненная здѣсь связь наукъ показываетъ, что каждая высшая наука установляется на низшей какъ на своемъ основаніи и служитъ, въ свою очередь, основаніемъ для той, которая стоитъ еще выше. Можно сказать, слѣдовательно, что низшія науки служатъ почвой для высшихъ. Въ этомъ смыслѣ и философія исторіи, какъ составная часть соціологіи, строится на почвѣ всѣхъ, предшествующихъ соціологіи, наукъ. Изъ этого слѣдуетъ, что заглавіе статьи моей, помѣщенной въ 1-ой книжкѣ «От. Зап.» (Философія исторіи на научной почвѣ), могло показаться непонятнымъ только тѣмъ, которые, или незнакомы съ классификаціей наукъ Конта, или игнорируютъ ее намѣренно. Дилемму эту я считалъ себя въ правѣ примѣнить къ редакціи одного журнала, въ одной изъ неподписанныхъ статей котораго заключалось глумленіе надъ будто бы непонятнымъ заглавіемъ упомянутой выше статьи. Я, дѣйствительно, не ошибся. Редакція упорно игнорируетъ Конта даже и тогда, когда пользуется его идеями, которыя она выдаетъ какъ бы за свои. Въ томъ нумерѣ, который слѣдовалъ за упомянутымъ выше, напечатано слѣдующее: «Если серьезная разработка болѣе сложныхъ общественныхъ вопросовъ должна опираться на болѣе элементарные и простые вопросы, рѣшаемые естествознаніемъ, то каждая естественная наука имѣетъ свою болѣе элементарную, ей предшествующую и занимающуюся разработкой болѣе простыхъ явленій, на которую она и опирается. Если всѣ знанія составляютъ въ этомъ смыслѣ нѣчто цѣлое, непрерывную цѣпь, то послѣдней точкой опоры всему ряду постепенно усложняющихся

дящихъ въ него наукъ. Не слѣдуетъ забывать, что это рядъ наукъ не конкретныхъ, т.-е. такихъ, какія мы подъ этими названіями встрѣчаемъ въ учебникахъ и курсахъ, но—абстракт-

---

наукъ должна служить наука, имѣющая дѣло съ самыми простыми и элементарными понятіями. Такую науку составляетъ математика». И послѣ этого все-таки игнорируютъ Конта, и не понимаютъ связи между соціологіей и предшествующими ей науками! Странно.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ для объясненія одного мнѣнія, высказаннаго въ упомянутой статьѣ моей о «Философіи и исторіи» и подвергшагося въ томъ же журналѣ, о которомъ шла рѣчь, ложному толкованію. Выступая съ этимъ объясненіемъ, я не имѣю въ виду защищать себя отъ укора въ промахѣ или незнаніи, такъ какъ не признаю, чтобы въ мнѣніи, о которомъ идетъ рѣчь, заключалось то или другое; не имѣю я въ виду обращаться съ подобнымъ укоромъ и къ моему критику и дѣлать ему назиданія, какъ онъ это дѣлаетъ мнѣ. Если бы въ настоящемъ случаѣ кому-нибудь изъ насъ удалось неопровержимо обнаружить другому его промахи и незнаніе, то самымъ умѣстнымъ назиданіемъ было бы, по моему мнѣнію, то, которое еще недавно выслушалъ работающій въ томъ же журналѣ, что и мой критикъ—г. Антоновичъ, по поводу своихъ промаховъ и многочисленныхъ случаевъ обнаруженія незнанія въ его переводѣ «Исторіи индуктивныхъ наукъ Уэвелля». «Не промахи и незнаніе важны—внушалъ критикъ г. Антоновичу—промаховъ не дѣлаетъ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; незнаніе исправляется изученіемъ, опасна потеря способности къ усовершенствованію, утрата сознанія о томъ, что знаешь и чего не знаешь, мѣшающая человѣку овладѣть техникой своего дѣла и изъ крикливаго, заносчиваго и плохого ученика сдѣлаться мастеромъ». Итакъ я не хочу заниматься личными перекорами и загромождать цѣлыя страницы журнала крикливою полемикою; отъ крикливости до заносчивости одинъ шагъ—моему критику это извѣстно конечно—а заносчивость и Богъ вѣсть куда занесетъ: опять пойдетъ исторія «о лукошкѣ», о «бутербродѣ» и тому подобная дребедень, а ужъ все это куда какъ мало интересно, и какъ мало полезно читателямъ. Я хочу поэтому, съ своей стороны, сдѣлать все отъ меня зависящее для того, чтобы несогласіе мое со взглядомъ моего критика было чуждо того недостойнаго серьезной литературы поползновенія «отдѣлать» своего противника, которое такъ замѣтно чуть не въ каждой строчкѣ статьи, по поводу которой я желаю теперь представить объясненіе. Изъ объясненія этого я устраню личный элементъ и тѣсно ограничу его (то-есть объясненіе) вопросомъ: имѣетъ или не имѣетъ современная экзегетика вліяніе на будущее цивилизаціи? Я утверждалъ, что имѣетъ. Критикъ мой, желая опровергнуть мое мнѣніе, начинаетъ съ того, что перетолковываетъ его по-своему и притомъ какъ-то странно. Онъ говоритъ, что то мѣсто моей статьи, въ которомъ говорится о значеніи экзегетики, навѣрно огорошитъ тѣхъ, «которые для *разрѣшенія вопросовъ о будущности цивилизаціи* занимаются политической экономіей, *естествознаніемъ*, *физіологіей* или философіей, и потомъ утверж-

ныхъ, то-есть не наукъ собственно, а философій наукъ. Ошибется тотъ, кто подъ астрономіей, напримѣръ, будетъ разумѣть науку о разстояніяхъ, объемахъ, скорости, температурѣ, фи-

---

дaетъ, будто изъ статьи моей слѣдуетъ, что подобныя занятія—ерунда, такъ какъ *всѣ* капитальные вопросы будущаго цивилизаціи зависятъ отъ экзегетики. Не знаю, что могутъ думать люди, занимающіеся «разрѣшеніемъ вопросовъ о будущности цивилизаціи» и обращающіеся за этимъ рѣшеніемъ къ какой-то выдѣленной изъ естествознанія физіологіи; но знаю только навѣрно, что самъ я *никогда* не занимался разрѣшеніемъ вопросовъ о будущности цивилизаціи, а указывалъ только на явленіе, имѣющее вліяніе на ту будущность, что, надѣюсь, далеко не одно и то же. Я также *никогда* не говорилъ, что всѣ вопросы будущаго цивилизаціи зависятъ не отъ чего другаго, какъ отъ экзегетики и, наконецъ, никогда не предполагалъ, чтобы изъ статьи, посвященной уясненію зависимости прогресса отъ развитія умственной дѣятельности, то-есть отъ успѣховъ *всей* совокупности знаній, слѣдовало, будто все ерунда кромѣ экзегетики. Впрочемъ, объ искаженіи моихъ мыслей и приплетеніи къ нимъ разныхъ нелѣпостей не стоитъ и говорить, такъ какъ неспокойный до неприличія тонъ статьи, по поводу которой я теперь пишу, такъ явно обнаруживаетъ ненормальное состояніе писавшаго, что этимъ объясняется все. Возвратимся къ поставленному выше вопросу. Очевидно, что если прогрессъ зависитъ отъ всей совокупности знаній, то онъ зависитъ также и отъ экзегетики, какъ науки, то-есть отъ экзегетики Штраусовъ и Бауровъ, а не отъ семинарской, какъ думаетъ мой критикъ. Если же я сказалъ о Штраусѣ и Баурѣ особо, то сдѣлалъ это потому, что зналъ, какъ много у насъ охотниковъ смѣшивать ихъ съ грязью, и какъ мало «изучающихъ ихъ по косточкамъ». Итакъ, ни одна отрасль знанія не принесена у меня въ жертву экзегетикѣ и значеніе ея, слѣдовательно, нисколько не преувеличено. Критикъ мой не довольствуется, впрочемъ, опроверженіемъ имъ самимъ же выдуманнаго *исключительнаго* значенія экзегетики; онъ усиливается еще доказать, что экзегетика не имѣетъ ровно *никакого* значенія. Такое мнѣніе я имѣю основаніе считать одностороннимъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

Всякому, усвоившему себѣ понятіе о связи и отношеніи наукъ между собою ясно, что соціологія, какъ наука, опирающаяся на всѣ предшествующія ей науки іерархическаго ряда, неизбѣжно пользуется этими науками для своихъ цѣлей. Очевидно, что экзегетика, какъ отдѣлъ соціологіи, пользуется также этимъ преимуществомъ. Такимъ образомъ, значительная часть вопросовъ, ею разсматриваемыхъ, можетъ быть распредѣлена между іерархически-низшими науками и разрѣшена ими. Примѣръ, избранный моимъ критикомъ, относится къ астрономіи. Можно подобрать примѣры изъ физики, химіи, біологіи—доказательство показалось бы еще богаче—и затѣмъ, остановясь произвольно, увѣрять, что экзегетикѣ ничего не осталось дѣлать, что значеніе ея низводится слѣдовательно до нуля. Но въ томъ-то и дѣло, что вопросъ еще не исчерпывается такимъ произвольнымъ пріемомъ. У соціологіи есть своя соб-

зическомъ строеніи и т. д. солнца, земли и другихъ тѣлъ, движущихся въ безпредѣльномъ пространствѣ. Наука, изучающая эти явленія, есть астрономія конкретная; абстрактная же астро-

---

ственная область, свои собственные законы, и игнорировать ихъ нельзя. Экзегетика же находится въ такой тѣсной связи съ соціологіей, что эта послѣдняя безъ нея неполна, отрицаніе ея ведетъ прямо къ непониманію исторіи, къ неполнотѣ и несостоятельности самого міросозерцанія. А изъ этого видно, я думаю, вліяетъ или не вліяетъ экзегетика на будущее цивилизаціи. Но это еще не все. Очень важно то, что *практически* экзегетика очень часто предупреждаетъ такую степень научнаго образованія, которая даетъ возможность людямъ общеобразованнымъ относиться къ вопросамъ экзегетики самостоятельно. Дѣло въ томъ, что пріемъ экзегетики въ высшей степени педагогиченъ. Она всегда начинаетъ съ извѣстнаго и можетъ затѣмъ обойтись однимъ здравымъ смысломъ слушателей. Кто не жилъ жизнью исключительно кабинетной, тому это особенно хорошо извѣстно. Что экзегетика освобождаетъ отъ остатковъ средневѣковаго режима нерѣдко въ такихъ семействахъ и общинахъ, гдѣ плохо извѣстна еще система Коперника, это фактъ безспорный и легко объяснимый. Кто бывалъ, напримѣръ, въ Италіи и видѣлъ тамъ не однѣ картины и статуи, тотъ знаетъ, конечно, какое значеніе для этой страны имѣютъ изысканія современной экзегетики. Да и не въ одной Италіи дѣло идетъ въ этомъ направленіи...

Итакъ, если мы видимъ теперь дѣятельную работу экзегетики, то мы имѣемъ основанія утверждать, что работа эта будетъ небезплодна и для будущаго; если для насъ понятна связь экзегетики съ соціологіей, а этимъ путемъ и со всѣмъ строемъ положительнаго знанія, отдѣльныя части котораго, какъ мы видѣли, связаны между собою тѣсно, то мы, я полагаю, нисколько не преувеличили значеніе экзегетики, сказавъ, что она вліяетъ на будущее цивилизаціи. Выражаясь языкомъ положительной философіи, для будущаго цивилизаціи важно все то, что помогаетъ переходу отъ низшихъ фазисовъ развитія къ высшимъ и способствуетъ установленію въ умахъ позитивнаго міросозерцанія. Но довольно; свойство предмета, о которомъ я говорю, къ сожалѣнію, таково, что поневолѣ приходится не досказывать своей мысли. Сказаннаго, однако же, достаточно, я думаю, для того, чтобы читатель могъ видѣть тѣ основанія, которыми я руководился при моей оцѣнкѣ значенія экзегетики. Такую же надежду можно бы, пожалуй, высказать и по отношенію къ моему критику; но я этого не дѣлаю, и всего болѣе потому, что, по общему духу и смыслу его статьи, также и по другимъ причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь было бы неумѣстно, имѣю основаніе думать, что *суть дѣла* для него вовсе не въ экзегетикѣ... Осмѣлюсь обратить вниманіе его только на то, что статья его слишкомъ ужъ развязно и безстѣнчиво пренебрегаетъ чертой, отдѣляющей оспариваніе чужого мнѣнія отъ инсинуаціи. Нельзя не пожелать, чтобы это обстоятельство было принято во вниманіе, если г. фельетонистъ вздумаетъ продолжать полемику.

номія есть теорія тяготѣнія, не имѣющая въ виду никакой конкретной системы, но одинаково объясняющая всѣ явленія, какія только возможны въ безпредѣльномъ пространствѣ, независимо отъ той или другой группы небесныхъ тѣлъ. Но абстрактная наука не ограничивается одною философіею изучаемой группы явленій; она, кромѣ того, заключаетъ еще и изслѣдованіе метода, посредствомъ котораго получаются результаты, излагаемые въ философіи науки соотвѣтствующей группы. Такимъ образомъ, каждая абстрактная наука есть полная и всесторонняя философія науки; совокупность же этихъ философій и составляетъ систему положительной философіи.

Это послѣднее заключеніе даетъ намъ возможность сформулировать опредѣленіе положительной философіи вполнѣ и окончательно: *положительная философія есть міросозерцаніе, слагающееся изъ методическаго строя философій наукъ, охватывающихъ всю совокупность положительнаго знанія.*

Представленный мною общій абрисъ положительной философіи былъ необходимъ для пониманія тѣхъ частныхъ вопросовъ, о которыхъ я намѣренъ говорить ниже. Представляя абрисъ этотъ читателямъ, я съ намѣреніемъ ограничивался однѣми только общими чертами цѣлаго и главнѣйшихъ частей позитивной системы. Поступая такъ, я имѣлъ въ виду сдѣлать первоначальное общее представленіе системы сколько возможно простѣйшимъ и общедоступнѣйшимъ. Теперь, когда читателемъ усвоено уже это представленіе, я приступлю къ обзору главнѣйшихъ вопросовъ, разработывавшихся позитивной литературой послѣдняго времени.

Всего прежде мы остановимся на уясненіи опредѣленія положительной философіи. Уясненіе это необходимо потому, что глава англійскихъ позитивистовъ Ст. Милль отвергаетъ приведенное нами, принадлежащее французскимъ позитивистамъ, опредѣленіе и выставляетъ свое, существенно отличающееся отъ того, съ которымъ мы познакомили читателей. Аргументы Милля встрѣтили серьезное опроверженіе со стороны Литтрé. Доводы его, какъ мы полагаемъ, укрѣпили то воззрѣніе, которое онъ отстаиваетъ, и знакомство съ ними, слѣдовательно, не безполезно. Но прежде слѣдуетъ выслушать его противника.

Отвергая такой существенный пунктъ доктрины, какъ ея опредѣленіе, Ст. Милль съ глубокимъ уваженіемъ относится къ Ог. Конту, какъ ея творцу. Мы пользуемся настоящимъ слу-

чаемъ для ознакомленія читателей со взглядомъ Ст. Милля на общее значеніе Ог. Конта и его ученіе по той причинѣ, что приведеніе однихъ только опроверженій Милля дало бы совершенно ложное понятіе объ отношеніяхъ Милля къ положительной философіи.

«Имя Конта, говоритъ Милль, болѣе, чѣмъ всякое другое, отождествилось «*положительнымъ*» видомъ мышленія. Онъ первый взялся вполнѣ систематизировать его и дать ему научное приложеніе ко всѣмъ предметамъ человѣческаго знанія. При этомъ онъ обнаружилъ такое количество и качество умственныхъ силъ, достигъ такого громаднаго успѣха, которые не только доставили ему, но и упрочили за нимъ высокое уваженіе мыслителей, радикально и упорно расходившихся съ нимъ относительно почти всѣхъ позднѣйшихъ его воззрѣній и касательно многихъ прежнихъ его мнѣній *). Можно бы смотрѣть какъ на проступокъ, что эти мыслители старались въ первое время останавливать вниманіе на томъ, что̀ казалось имъ ошибочнымъ въ великомъ твореніи Конта. До тѣхъ поръ, пока оно не заняло еще принадлежавшаго ему мѣста въ мірѣ мысли, до тѣхъ поръ главная задача состояла не въ томъ, чтобы критиковать его, а въ томъ, чтобъ, какъ можно скорѣе, распространять его. Обстоятельство, что люди, *неспособные* понять всю важность этого труда, были ознакомлены прежде всего съ его слабыми сторонами, могло бы только отдалить время надлежащей его оцѣнки, а между тѣмъ ни мало не было необходимо для отвращенія какого-либо серьезнаго неудобства. Пока писатель имѣетъ немного читателей, пока кругъ его вліянія ограничивается самостоятельными мыслями, до тѣхъ поръ единственная вещь, которая должна насъ интересовать въ немъ, это то, что въ нѣкоторыхъ вещахъ онъ свѣдущъ менѣе насъ,—объ этомъ нѣтъ надобности упоминать до того времени, когда его ошибки начнутъ угрожать опасностью. Видное мѣсто, какое занимаетъ Контъ въ ряду европейскихъ мыслителей, и возрастающее вліяніе его капитальнаго произведенія—все это заставляетъ въ наше время, болѣе, чѣмъ прежде, ожидать труда, который выставилъ бы на

*) Въ другомъ мѣстѣ своего трактата Милль называетъ систематизацію наукъ Конта изумительною и говоритъ, что еслибы Контъ не сдѣлалъ ничего другаго, то одна эта систематизація «поставила бы его во мнѣніи людей понимающихъ въ число главныхъ мыслителей вѣка». (Стр. 49 русск. перев.).

видъ и подтвердилъ прочныя положенія его философіи. Но это же самое обстоятельство дѣлаетъ своевременнымъ и опроверженіе его ошибокъ». (*Ст. Миллъ*: «Ог. Контъ и позитивизмъ», стр. 5.)

Руководствуясь такимъ взглядомъ, разсматриваетъ Ст. Милль ученіе Ог. Конта въ сочиненіи, изъ котораго мы взяли только-что приведенную цитату. Еслибы мы стали теперь слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ критики Милля, то намъ пришлось бы отмѣтить нѣсколько пунктовъ разногласія Милля съ воззрѣніями, принятыми французскими позитивистами; но, не имѣя въ виду останавливаться на подробностяхъ, которыя могутъ интересовать читателя только въ томъ случаѣ, когда онъ станетъ знакомиться съ позитивизмомъ по обширнымъ трактатамъ о немъ или по источникамъ, мы ограничимся, какъ и сказали уже, только разсмотрѣніемъ одного пункта спора, а именно, разногласія въ опредѣленіи положительной философіи.

«Истинное значеніе философіи, говоритъ Милль, мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ принимали его въ древности, т.-е. въ смыслѣ научнаго знанія о человѣкѣ, какъ о существѣ разумномъ, нравственномъ и соціальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ и его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что̀ онъ можетъ знать—насколько это касается способа познаванія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія» (тамъ же, стр. 50).

Приступая къ возраженію на это воззрѣніе, Литтре́ говоритъ, что, хотя Милль и понимаетъ подъ наукой о человѣкѣ такую науку, «которая обнимаетъ собою все то, что̀ человѣкъ можетъ знать», и такимъ образомъ установляетъ принципъ, изъ котораго можно вывести всѣ положительныя науки и даже, *можетъ быть*, и ихъ классификацію; но что, тѣмъ не менѣе, Миллевское опредѣленіе положительной философіи все-таки ложно, такъ какъ оно во главѣ философіи ставитъ науку о человѣкѣ, т.-е. такую науку, которая стоитъ, естественнымъ образомъ, въ подчиненномъ положеніи относительно другихъ наукъ іерархическаго ряда, а потому, придерживаясь опредѣленія Милля, нельзя избѣжать путаницы, отнимающей у этого опредѣленія всякое значеніе.

Чтобы возраженіе Литтре́ стало намъ совершенно яснымъ, припомнимъ то раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, которое самъ Милль, какъ уже мы знаемъ, считаетъ столь жиз-

неннымъ и глубокимъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этого раздѣленія положительная философія немыслима даже, такъ какъ не будь этого раздѣленія, не было бы никакой возможности выйти изъ лабиринта спутанныхъ между собою абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ и пришлось бы прибѣгать къ какому-нибудь безполезно-многосложному и произвольному порядку наукъ, образцомъ котораго можетъ служить, напримѣръ, попытка автора «Общаго изложенія человѣческихъ знаній» *). Положительная философія, какъ намъ извѣстно уже, слагается исключительно изъ наукъ абстрактныхъ, обнимающихъ всю совокупность естественныхъ явленій, начиная со свойствъ математическихъ и кончая свойствами жизненными. Такимъ образомъ, изученіе человѣка становится частью общаго изученія міра, и въ этомъ послѣднемъ изученіи получаетъ свое опредѣленное мѣсто; а изъ этого слѣдуетъ, что наука о человѣкѣ не только не можетъ быть поставлена во главѣ всей совокупности человѣческихъ знаній, но даже, какъ наука частная, слѣдовательно—конкретная, не можетъ, въ качествѣ отдѣльной и самостоятельной науки, быть включенной въ іерархическій строй абстрактныхъ наукъ, а составляетъ не болѣе какъ отдѣлъ (département) біологіи.

Этотъ взглядъ на науку о человѣкѣ имѣетъ не столько важности для ней самой, сколько для той философіи, которая держится этого взгляда и характеристической чертой которой является такимъ образомъ подчиненіе субъективнаго объективному, въ противоположность тѣмъ философскимъ системамъ, которыя держатся обратнаго воззрѣнія на отношенія между этими двумя элементами. «Сопоставляя двѣ эти точки зрѣнія, говоритъ Литтрé, можно бы поднять вопросъ: которая изъ нихъ должна быть признана истинною, и попытаться разрѣшить вопросъ этотъ путемъ логики. Я не сомнѣваюсь, что основательно проведенный этимъ путемъ, вопросъ разрѣшится въ пользу точки зрѣнія объективной. Но я предпочитаю опытное доказательство, всегда болѣе обязательное, чѣмъ доказательство отвлеченное. Опытное доказательство заключается въ томъ, что психологія или физіологія мозговой дѣятельности есть только частный случай *общей* физіологіи этой дѣятельности, которая въ свою очередь находится въ зависимости отъ біологиче-

*) La science au XIX siècle. Exposition générale des connaissances humaines. Paris. Puissant, administrateur. 1865.

скихъ и химическихъ условій существованія матеріи. Такимъ образомъ субъективный принципъ не можетъ не быть подчиненнымъ принципу объективному, и вопросъ рѣшается окончательно одною только позитивною іерархіею; до такой степени вѣрно, что методу принадлежитъ первенство во всѣхъ высшихъ вопросахъ». Литтрé говоритъ далѣе, что обыкновенное возраженіе противъ приведеннаго воззрѣнія заключается въ томъ, что различіе между субъективнымъ и объективнымъ принципомъ призрачно, что, собственно говоря, все субъективно, такъ какъ знаніе объекта неизбѣжно принадлежитъ субъекту. Не оспаривая этого послѣдняго замѣчанія, Литтрé обращаетъ вниманіе всего прежде на невѣрность постановки вопроса. Вопросъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, каково должно быть отношеніе между знаніями субъекта какъ объ объектѣ, такъ и о себѣ самомъ, такъ какъ между знаніями этими должно существовать непремѣнно то или другое отношеніе. Отвѣтъ здѣсь ясенъ: субъектъ зависитъ отъ объекта, жизненныя (біологическія) условія зависятъ отъ химическихъ и физическихъ свойствъ матеріи, умственная же дѣятельность находится въ зависимости отъ біологическихъ условій. Обратный порядокъ невозможенъ, потому что онъ неестественъ.

Въ заключеніе Литтрé обращаетъ еще вниманіе на то, что человѣкъ есть частное явленіе въ пространствѣ, такъ какъ онъ обитаетъ только на одной планетѣ; онъ представляетъ такое же частное явленіе и во времени, такъ какъ происхожденіе его далеко несовременно происхожденію земли; онъ есть частное явленіе и по своей субстанціи, такъ какъ тѣло его состоитъ лишь изъ весьма немногихъ простыхъ тѣлъ, входящихъ въ составъ земного шара; наконецъ, онъ есть частное явленіе и въ развитіи жизни на землѣ. Крайне ошибочно поэтому то міросозерцаніе, которое, взявъ за точку исхода явленіе столь частное, думаетъ достичь вѣрнаго пониманія *всей совокупности* естественныхъ явленій.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что опредѣленіе положительной философіи, выставленное Миллемъ, не выдерживаетъ критики и не въ состояніи замѣнить то, которое поддерживается французскими позитивистами и которое было приведено нами выше.

Соображенія, приведшія насъ къ этому заключенію, были еще полезны намъ и въ другомъ отношеніи: они выяснили вопросъ о зависимости науки о человѣкѣ отъ общаго изученія

дѣйствительности и показали, что наука о человѣкѣ составляетъ въ общемъ строѣ положительнаго знанія не болѣе, какъ конкретный отдѣлъ біологіи. Такое подчиненное положеніе, нисколько не умаляя ея значенія, важно для этой науки въ томъ отношеніи, что будучи вѣрно поставленной по отношенію къ другимъ наукамъ іерархическаго ряда, она въ состояніи развиваться на основаніи ихъ положительныхъ данныхъ, и, въ свою очередь, быть имъ полезною своими изысканіями, строго держащимися въ опредѣленныхъ границахъ и не захватывающими, какъ это безпрестанно бываетъ при ложной классификаціи, чужія области. Одной изъ важнѣйшихъ отраслей науки о человѣкѣ, понимаемой такимъ образомъ, есть изученіе законовъ морали, которые, какъ видно изъ постановки вопроса, должны быть выведены для частной морали изъ біологическихъ данныхъ, а для общей изъ соціологическихъ и требуютъ совершенно новыхъ изысканій, едва еще тронутыхъ физіологами и соціологами. Новая теорія морали, которая выведется такимъ путемъ, составитъ, вмѣстѣ съ такимъ же образомъ построенными психологіей и эстетикой, важный отдѣлъ положительной философіи, который Литтре́ называетъ «субъективной теоріей человѣчества». Работы въ этомъ направленіи, представляемыя новѣйшей позитивной литературой, имѣютъ пока характеръ подготовительный; но важно уже то, что разрѣшеніе этихъ важныхъ вопросовъ стоитъ на вѣрной дорогѣ. Дальнѣйшая ихъ разработка зависитъ отъ успѣха положительныхъ наукъ, обусловливающаго и вообще и въ частности успѣхи позитивизма.

«Вопросы морали—говоритъ Литтре́—мы, не колеблясь, включаемъ въ область наукъ положительныхъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ всего прежде установить факты и провѣрить ихъ наблюденіемъ, затѣмъ указать, опираясь все на то же наблюденіе, существующую между ними связь. Всякое разсужденіе, пытающееся вывести ихъ *a priori* изъ какой-нибудь отвлеченной аксіомы, химерично... Наблюденіе надъ явленіями нравственнаго міра, изученіе взаимныхъ отношеній между ними, постепенное обобщеніе и непрестанная провѣрка этихъ отношеній—вотъ элементы, служащіе основаніемъ научнаго взгляда на природу человѣка. Методъ, разрѣшающій вопросы міра матеріальнаго и промышленнаго, есть единственный, который можетъ разрѣшить и который рано или поздно разрѣшитъ основ-

ныя задачи, относящіяся къ организаціи общества» («Préface d'un disciple» XXXIV).

Глядя на вопросы морали съ этой точки зрѣнія, позитивисты дѣлаютъ опыты выясненія сложныхъ и трудныхъ вопросовъ этой области явленій посредствомъ общаго всѣмъ наукамъ положительнаго метода. Къ числу работъ, въ этомъ направленіи, появившихся за два послѣдніе года, относятся статьи: *Литтрé*: «О методѣ въ психологіи» (Rev. №№ 1 et 2. 1867); *Баньо:* «Что такое свобода?» (*id.* № 1. 1868); *Де-Блиньера:* «Изученіе позитивной морали» (*id.* № 2. 1868) и сочиненія: *Бурде:* «De la Morale dans la philosophie positive» и *Гренье:* «Etudes médico-psychologiques du libre arbitre humain». Наконецъ, читатель найдетъ много прекрасныхъ мыслей и свѣтлыхъ взглядовъ на этотъ вопросъ у *Андре-Нюи* въ его брошюрѣ «Le positivisme pour tous» и въ книгахъ *Буассе*—«Le catéchisme du XIX siècle» и *Сіербуа*—«La Morale fouillée dans ses fondements».

Мы видѣли уже, въ какой степени полемика съ Миллемъ выяснила вопросъ объ опредѣленіи положительной философіи и о связи науки о человѣкѣ съ общимъ строемъ положительнаго знанія. Подобную же услугу принесла полемика Литтрé со Спенсеромъ для классификаціи наукъ. Мы не станемъ теперь излагать хода этой полемики, такъ какъ для этого намъ пришлось бы сдѣлать очеркъ классификаціи наукъ, предложенной Спенсеромъ; классификація же эта, основанная на собственно Спенсеру принадлежащемъ различеніи абстрактнаго отъ конкретнаго, отвергается несостоятельностью воззрѣнія Спенсера, доказательства на что приведены выше. Читатели, интересующіеся этимъ вопросомъ, могутъ ближе ознакомиться съ нимъ по сочиненіямъ, трактующимъ о немъ болѣе или менѣе подробно *). Мы же приведемъ теперь только одни результаты, выработанные этой полемикой, для чего и воспользуемся извѣстнымъ сочиненіемъ Литтрé о философіи Конта («A. Comte et la philosophie positive». II partie, ch. VI).

Чтобы линейный рядъ наукъ удовлетворялъ тѣмъ философскимъ требованіямъ, которыя можно ему предъявить, необходимо, чтобы науки были въ немъ расположены въ такомъ по-

*) *Спенсеръ:* Генезисъ науки (Опыты т. I). *Его же.* Классификація наукъ. *E. Littré:* A. Comte et la philosophie positive. *Ст. Милль*: О. Контъ и позитивизмъ. *Г. П. Л*: Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. (Соврем. Обозр. Май).

рядкѣ, который дозволялъ бы всякой послѣдующей наукѣ основываться на наукѣ предыдущей. Мы уже знаемъ, что рядъ наукъ, изъ которыхъ слагается положительная философія, представляетъ классификацію, вполнѣ удовлетворяющую только что упомянутому требованію. Причина такой удовлетворительности позитивной классификаціи заключается въ томъ, что классификація эта построена согласно съ объективными, а не субъективными требованіями. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается то воззрѣніе, основы котораго разсматривались нами на предшествовавшихъ страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя познаваніе объекта субъектомъ обосновано на интеллектуальныхъ условіяхъ, но, въ свою очередь, объектъ познается такимъ, какимъ онъ есть. Но объектъ, какъ мы видѣли уже при обозрѣніи группъ естественной градаціи явленій, іерархизованъ независимо отъ воли субъекта; изъ этого и слѣдуетъ, что познаваніе его субъектомъ должно непремѣнно сообразоваться съ этой іерархизаціей. Субъектъ не можетъ ничего угадывать; пытаясь угадывать, онъ неизбѣжно путается въ своихъ загадкахъ. Присущія ему логическія условія не могутъ открыть ему свойствъ вещей: знаніе этихъ свойствъ пріобрѣтается извнѣ. Такимъ образомъ всякая удовлетворительная, въ философскомъ и научномъ отношеніяхъ, классификація не изобрѣтается *a priori*, а дается *a posteriori*. И позитивная классификація также не есть плодъ творчества, а открытіе, имѣющее основаніемъ своимъ опытъ, которымъ она и провѣряется.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ историческомъ развитіи наукъ.

Сообразность этого развитія съ позитивной классификаціей долго казалась нѣсколько смутной и давала поводъ къ ложнымъ выводамъ, каковы, напримѣръ, выводы Спенсера. Чтобы устранить это неудобство, Литтрé старался установить различіе между *развитіемъ* науки и ея *установленіемъ*. Подъ развитіемъ наукъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ понимать тотъ прогрессивный путь, по которому онѣ восходятъ къ истинамъ все высшаго и высшаго порядка. Это прогрессивное развитіе совершается при помощи *взаимной зависимости* между науками (*interdependance* Спенсера) и не имѣетъ ничего общаго съ установленіемъ науки (constitution). Установленіе науки можетъ считаться совершившимся тогда, когда наука въ состояніи удовлетворять двумъ условіямъ: 1) когда она признала какое-нибудь основное свой-

ство матеріи и 2) когда на этомъ свойствѣ она установила абстрактное ученіе, способное къ *развитію*. Въ математикѣ, вслѣдствіе крайней простоты тѣхъ основныхъ свойствъ матеріи, на которыхъ строится эта наука, установленіе сливается съ развитіемъ; во всѣхъ же остальныхъ наукахъ различіе установленія отъ развитія очевидно. Физика установляется тогда, когда она признаетъ тяжесть, теплоту, электричество и пр. тѣми основными свойствами, на которыхъ она строитъ свою абстрактную теорію. Химія установляется, когда она открываетъ законы сродства. Біологія, когда она признаетъ спеціально свойственную тканямъ жизненность. Соціологія, наконецъ, когда она можетъ въ основаніе свое взять законы развитія соціальнаго тѣла.

Такимъ образомъ, можно сказать, что всякая высшая наука установляется тогда, когда она можетъ взять своимъ предметомъ, такъ сказать, *остатокъ* (résidu), какъ бы выдѣляемый наукой низшей. Остатокъ этотъ есть *нѣчто* необъяснимое абстрактной теоріей той науки, отъ которой получаетъ его слѣдующая высшая наука и строитъ на его изученіи свою теорію. Такъ, напримѣръ, остаткомъ физики должно считаться частичное сродство. Такъ какъ сродство это не можетъ быть объяснено физической теоріей, то и возникаетъ новая наука—химія и т. д. Такимъ образомъ, установленіе наукъ приводится въ полное согласіе съ порядкомъ, въ которомъ онѣ располагаются въ позитивной классификаціи, то-есть съ порядкомъ объективнымъ. Развитіе же наукъ, опирающееся, какъ мы сказали уже, на ихъ взаимную зависимость, на ту взаимную помощь, которую онѣ представляютъ одна другой, развитіе отвѣчаетъ субъективнымъ условіямъ познаванія, подчиняющимся, какъ было объяснено выше, условіямъ объективнымъ.

Такъ какъ найдутся, конечно, читатели, которымъ нелегко будетъ установить вѣрный взглядъ на степень важности разсматриваемыхъ нами вопросовъ, то я считаю полезнымъ привести мнѣніе Спенсера, которое, вѣроятно, покажется и читателямъ столь же убѣдительнымъ, какъ оно кажется мнѣ. Спенсеръ говоритъ, что часто предметы съ такимъ абстрактнымъ характеромъ, какъ генезисъ и классификація наукъ, пренебрегаются, какъ неимѣющіе практической важности. «Но значеніе истинъ—говоритъ онъ—часто бываетъ соразмѣрно широтѣ ихъ общности. Какъ бы онѣ ни казались далекими отъ практиче-

скаго примѣненія, высочайшія обобщенія бываютъ нерѣдко наиболѣе могущественными въ своихъ дѣйствіяхъ, въ силу вліянія на тѣ подчиненныя обобщенія, которыя управляютъ практикой. То же должно быть и здѣсь. Правильная теорія историческаго развитія наукъ (и, очевидно, и классификаціи ихъ), когда бы она ни была установлена, должна имѣть громадное вліяніе на воспитаніе, а чрезъ воспитаніе и на цивилизацію» (Генезисъ науки. Опыты т. I, стр. 366).

Говоря о полемикѣ между Миллемъ и Литтре́ по поводу опредѣленія положительной философіи, мы коснулись уже области конкретныхъ наукъ и дали читателю общее понятіе о связи, существующей между этою областью и науками абстрактными. Теперь, когда всѣ главные вопросы, касающіеся этихъ послѣднихъ и служившіе предметомъ разработки для новѣйшей позитивной литературы, уже нами разсмотрѣны, мы перейдемъ къ послѣднему отдѣлу нашей статьи и представимъ тотъ образецъ анализа въ области конкретныхъ наукъ, о которомъ упоминали и который намъ дастъ понятіе о значеніи вліянія положительной философіи и на эту область. Трудъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ г. Вырубову и помѣщенъ имъ въ 1-й книжкѣ «Обозрѣнія». Онъ носитъ заглавіе: «Что̀ такое геологія?» *(Qu'est ce que la géologie?)* Что̀ такое геологія? Вопросъ кажется столь простымъ и обыкновеннымъ, что непонятно даже, что̀ новаго надѣется сказать авторъ въ своемъ этюдѣ. Простота и обыкновенность этого вопроса очень обманчивы, однако-же, и читатели увидятъ, ознакомясь съ этюдомъ по тому краткому извлеченію, которое мы намѣрены имъ представить, что г. Вырубову удалось сказать весьма много новаго, такъ много даже, что, по нашему убѣжденію, онъ имѣлъ полное право сказать, въ заключеніе своей статьи, что существуетъ не мало даже геологовъ-спеціалистовъ, не знающихъ, что̀ такое геологія и незадававшихся даже этимъ вопросомъ.

Чтобы обозначить предѣлы, въ которыхъ заключается область геологіи, и имѣть опредѣленное понятіе о вопросахъ, заключающихся въ этой области, необходимъ всего прежде анализъ общепринятаго опредѣленія этой науки. Анализу этому предстоитъ рѣшить годность или негодность стараго опредѣленія и быть, въ послѣднемъ случаѣ, путеводной нитью для новаго, болѣе научнаго и болѣе философскаго. Подъ геологіей разумѣютъ обыкновенно науку, изучающую земной шаръ какъ

въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, такъ и въ тѣхъ, которыя соотвѣтствовали минувшимъ періодамъ его образованія *). Одно это опредѣленіе даетъ уже понятіе о сложности задачи геологіи. Земная кора состоитъ изъ предметовъ весьма разнообразныхъ, и это разнообразіе, въ свою очередь, зависѣло отъ условій тоже очень разнообразныхъ. Съ перваго же взгляда на землю, какъ на предметъ изученія геологіи, представляются три большія группы аналогическихъ явленій, на которыя естественно распадается этотъ предметъ: 1) группа органическихъ остатковъ, находимыхъ въ земной корѣ, 2) группа минеральныхъ продуктовъ и 3) группа явленій, обусловливаемыхъ физическими свойствами земли, воды и атмосферы. Этимъ тремъ группамъ соотвѣтствуютъ три науки: 1) палеонтологія, 2) геогнозія и 3) физическая географія. Намъ предстоитъ разсмотрѣть каждую изъ этихъ наукъ отдѣльно.

1) *Палеонтологія*, по самому предмету своего изученія, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Къ первой относятся остатки растеній, ко второй—остатки животныхъ. Хотя растенія и животныя эти въ настоящее время и не существуютъ, тѣмъ не менѣе они составляютъ цѣпь развитія, необрывающуюся тамъ, гдѣ обыкновенно назначается предѣлъ области палеонтологіи, а, напротивъ, продолжающуюся далѣе и составляющую въ настоящее время предметъ двухъ наукъ: ботаники и зоологіи. Изъ этого видно, что первая часть палеонтологіи ничѣмъ существенно не отличается отъ ботаники, а вторая—отъ зоологіи. Ботаника же и зоологія суть, очевидно, конкретныя науки, подчиненныя законамъ біологіи и составляющія ея конкретный отдѣлъ. Такимъ образомъ, мы нашли ту абстрактную науку, съ которой мы должны связать палеонтологію въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать какъ отдѣльную конкретную науку.

2) *Геогнозія* изучаетъ минералы и горныя породы, входящія

*) Геологія въ сущности наука положительная, которой основаніе есть анатомія земного шара, какъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ... Геологъ по совершившимся уже событіямъ можетъ судить о цѣломъ земномъ шарѣ: о содержащемся внутри его, о различныхъ организмахъ, прежде на немъ жившихъ, и о первобытномъ времени планеты, прежде чѣмъ на ея поверхности развились органическія существа. *К. Фохтъ.* Руководство къ геологіи, стр. 1.

въ составъ земной коры. Сообразно съ этимъ, она и дѣлится обыкновенно на минералогію и собственно геогнозію. Не говоря уже о томъ, что раздѣленіе это произвольно, мы обратимъ вниманіе только на то, что точно такъ же, какъ зоологія и ботаника возможны, какъ науки, только въ подчиненіи ихъ біологіи, точно такъ же геогнозія не можетъ существовать независимо отъ химіи. Такъ какъ объ отношеніи минералогіи къ химіи было уже говорено прежде, то, я полагаю, читателю ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что геогнозія есть наука, составляющая конкретный отдѣлъ химіи.

3) *Физическая географія* изучаетъ форму земли, какъ небеснаго тѣла, явленія приливовъ и отливовъ, явленія атмосферическія и многія другія менѣе важныя, совершающіяся на сушѣ и морѣ. Если мы остановимся только на первыхъ трехъ разрядахъ явленій, то замѣтимъ, что явленія приливовъ и отливовъ, находясь въ зависимости отъ закона тяготѣнія, относятся къ конкретной астрономіи, къ которой также слѣдуетъ отнести и все то, что̀ касается изученія формы земли, какъ небеснаго тѣла. Что же касается метеорологіи, то явленія ея, представляя частные случаи дѣятельности законовъ физики (снѣгъ, дождь и пр.) и астрономіи (вѣтры, падающія звѣзды и пр.), должны быть отнесены частью къ конкретной физикѣ, частью къ конкретной астрономіи.

Въ анализѣ этомъ всего прежде поражаетъ насъ то, что, если геологія есть наука самостоятельная, то она не можетъ состоять изъ частей, столь различныхъ по своему основному характеру, каковы, какъ мы видѣли, составныя части геологіи. Какимъ образомъ установимъ мы науку, нелишенную единства и однородности, если въ распоряженіи нашемъ находятся отрывки различныхъ наукъ: отрывокъ конкретной біологіи, отрывокъ конкретной химіи, конкретной астрономіи, конкретной физики. Еслибы возможно было слить всѣ эти разнохарактерные отрывки въ одну науку, то изъ этого слѣдовало бы заключить, что позитивная классификація не имѣетъ прочнаго основанія и что въ теоріи установленія наукъ лежитъ коренная ошибка.

Какъ же выйдти изъ этого затрудненія?

Выходовъ тутъ два: можно или отрицать геологію, какъ науку, и тогда нѣтъ необходимости настаивать на единствѣ и связи ея частей, или можно возвести геологію на степень науки, и тогда слѣдуетъ изслѣдовать ея связь съ основнымъ принци-

помъ положительной философіи и дать ей опредѣленное мѣсто въ позитивной классификаціи. Оба эти рѣшенія вопроса одинаково вѣрны и выборъ того или другого зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ. Первое рѣшеніе легче и проще второго; зато второе болѣе сообразно съ духомъ положительной философіи, болѣе соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ и даетъ такіе результаты, которые, гармонируя съ общимъ строемъ позитивной системы, дѣлаютъ для насъ еще яснѣе и очевиднѣе ея высокія философскія и научныя достоинства. Итакъ, займемся рѣшеніемъ этого втораго вопроса.

Если геологія есть наука конкретная—въ чемъ для читателя, я думаю, не существуетъ сомнѣнія—то съ какой же изъ абстрактныхъ наукъ слѣдуетъ связать ее? Разнохарактерность ея дѣлаетъ вопросъ этотъ нелегкимъ и для разрѣшенія его намъ слѣдуетъ руководствоваться той объективной точкой зрѣнія, которой постоянно держится положительная философія. А съ этой точки зрѣнія, предметъ геологіи представляется совершенно инымъ, чѣмъ съ точки зрѣнія субъективной: для человѣка земля есть міръ въ тѣсномъ смыслѣ слова, міръ разнообразный, разнохарактерный, представляющій безконечное поле для изученія почти по всѣмъ отраслямъ наукъ; но этотъ же міръ, взятый какъ часть міра болѣе обширнаго, какъ часть познаваемой дѣйствительности, есть единица, индивидъ, отличающійся отъ прочихъ единицъ и индивидовъ, наполняющихъ пространство, нѣкоторыми частными свойствами.

Земля—планета. Это показываетъ уже, что существуетъ цѣлая группа небесныхъ тѣлъ, отличающихся отъ прочихъ извѣстными, опредѣленными свойствами, которыя присущи также и землѣ. Пользуясь терминомъ, очень часто употребляемымъ въ конкретныхъ наукахъ, мы можемъ сказать, что планеты составляютъ родъ, къ которому должна быть отнесена земля, какъ индивидъ. Но, самая идея индивида предполагаетъ уже существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ болѣе частныхъ, чѣмъ свойства, одинаково принадлежащія всему роду. Остается только опредѣлить свойства эти изученіемъ даннаго индивида. Очевидно, однакоже, что, каковы бы ни были эти характеристическія черты индивида, какъ бы онѣ ни были сложны и разнообразны, изученіе ихъ, однако же, получитъ характеръ однородности и единства, по той причинѣ, что всѣ эти частности будутъ связываться съ основными родо-

выми свойствами, которыя и опредѣлятъ общее значеніе и характеръ той конкретной науки, которая сложится изъ общей совокупности результатовъ изученія какъ родовыхъ, такъ и индивидуальныхъ свойствъ изучаемаго предмета, то-есть, земли. Общее значеніе и характеръ геологіи, слѣдовательно, опредѣляется тою точкою зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ землю какъ планету, какъ индивидъ небеснаго пространства. Излишне добавлять послѣ этого, что геологія, съ этой точки зрѣнія, есть *конкретная астрономія* *).

«Мы нашли вѣрное опредѣленіе геологіи, утверждая, что наука эта есть конкретная астрономія; вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ указать ей опредѣленное мѣсто въ единственной удовлетворительной классификаціи наукъ. Намъ остается теперь показать тѣмъ, которые презираютъ философію, что разсужденія, приведшія насъ къ такому заключенію, не могутъ считаться пустыми діалектическими тонкостями, и что самое заключеніе одинаково важно для мыслителя и ученаго».

«Первое слѣдствіе зависимости, въ которой находится геологія по отношенію къ астрономіи, касается различія, установляющагося естественнымъ образомъ между разными частями геологіи, сообразно степени важности каждой изъ нихъ. Вопросъ о соотношеніи между частями геологіи служилъ, какъ извѣстно, поводомъ къ многочисленнымъ спорамъ, въ которыхъ принимали участіе замѣчательнѣйшіе ученые нашего времени. Одни утверждали, что важна только одна минералогія; другіе—имѣвшіе успѣхъ въ послѣдніе годы—давали первое мѣсто палеонтологіи. Никто не станетъ спорить, что это рѣшеніе играло важную роль въ судьбахъ геологіи; неорганическій міръ былъ оставленъ, и все вниманіе, всѣ силы были устремлены на изученіе ископаемыхъ остатковъ. Это узкое и исключительное направленіе принесло несомнѣнную пользу; обширное поле было разработано и многія тайны были объяснены; но направленіе это не можетъ удовлетворять разума, потому что исходитъ изъ ложнаго взгляда на вопросъ, подлежащій разрѣшенію. Дѣлая изъ палеонтологіи нѣчто почти равнозначущее геологіи, уче-

*) Нельзя при этомъ не обратить вниманія на слѣдующія слова К. Фохта: «Въ отношеніи исторіи земного шара, геологія есть собственно продолженіе астрономіи». См. Руководство къ геологіи. Перев. Кормилева. Стр. 2.

ные становились на точку зрѣнія слишкомъ практическую. Каковы свойства, особенно необходимыя для различенія разныхъ земныхъ напластованій между собою и для классификаціи этихъ напластованій сообразно со степенью ихъ относительной древности? Вотъ вопросъ, которымъ задавались и на который весьма основательно отвѣчали возведеніемъ палеонтологическихъ указаній на первую степень важности. Но распознаваніемъ напластованій не ограничивается еще геологія, такъ же какъ распознаваніемъ растеній не ограничивается ботаника. Распознаваніе напластованій есть только приложеніе палеонтологіи, приложеніе весьма полезное, конечно, для изученія земли, но не составляющее независимой науки. Преувеличить, такимъ образомъ, значеніе одной части геологіи въ ущербъ остальнымъ, не значитъ ли низвести ее на степень искусства, основывающагося на наукѣ—палеонтологіи. Слѣдствія этого заблужденія, весьма распространеннаго въ наше время, столь же вредны для геологіи, сколь полезны для зоологіи. Геологами привыкли себя считать тѣ, которымъ удалось описать нѣсколько новыхъ ископаемыхъ раковинъ, и вошло въ обычай придавать важность такимъ фактамъ, которые не имѣютъ никакого значенія для геологіи и пропускать безъ вниманія такіе, которые слѣдовало бы поставить на первомъ планѣ».

«Сообразуясь съ тѣмъ понятіемъ, которое мы составили о геологіи, мы должны дать въ ней первое мѣсто всему тому, что̀ характеризуетъ землю, какъ планету. Всего прежде должны мы, слѣдовательно, изучить ея форму, движеніе, положеніе по отношенію къ другимъ небеснымъ тѣламъ, вліяніе, которое она отъ нихъ претерпѣваетъ и т. д., вообще говоря, астрономическія ея свойства; затѣмъ, ея атмосферу, моря, температуру, вообще свойства физическія; далѣе ея плотность, а слѣдовательно, химическій составъ и форму различныхъ частей ея коры, вообще свойства минералогическія; въ заключеніе же мы должны поставить животныхъ, ее населявшихъ, и расположить ихъ по степени ихъ сравнительной древности—отдѣлъ палеонтологическій. Эта іерархизація предметовъ, входящихъ въ область геологіи, есть единственная раціональная, единственная, удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить естественной классификаціи. Она не только даетъ первое мѣсто астрономическимъ условіямъ, безъ которыхъ

геологическія изысканія невозможны, но она располагаетъ и другія ея части сообразно со степенью убывающей общности и возрастающей сложности, присущей каждой изъ нихъ. Рядъ, получаемый такимъ образомъ, тождественъ, какъ мы видимъ, съ рядомъ абстрактныхъ наукъ, составляющихъ одно изъ величайшихъ открытій великаго основателя положительной философіи. Такимъ образомъ, также получается еще способъ для повѣрки этого абстрактнаго ряда, такъ какъ, если установленный выше рядъ вѣренъ, то вѣренъ и онъ». (Qu'est ce que la géologie? p. 48 et 49).

Читатель спроситъ, можетъ быть, отчего же опущена геогенія, безъ которой неполна геологія, съ какой бы точки зрѣнія мы на нее ни смотрѣли. Она неполна—это вѣрно, но полнота, доставляемая ею, есть полнота мнимая. Геогенія—какъ ни величественна ея теорія—есть чистая гипотеза, удовлетворяющая потребности ума, но не имѣющая научнаго характера и потому и не включаемая въ составъ положительной науки—геологіи. Впрочемъ, если бы для какой-нибудь гипотезы о происхожденіи земли, какъ для такой, которой не противорѣчитъ ни одинъ изъ извѣстныхъ фактовъ, и можно бы сдѣлать исключеніе, то, очевидно, что гипотеза эта вполнѣ согласовалась бы въ такомъ случаѣ съ характеромъ геологіи, какъ конкретной астрономіи, такъ какъ всѣ факты, на которыхъ строится теорія происхожденія земли, относятся къ области этой абстрактной науки.

Приведенный нами взглядъ на значеніе геогеніи, хотя случай этотъ имѣетъ совершенно частное значеніе, даетъ уже намъ понятіе о взглядѣ современныхъ позитивистовъ на гипотезы. Всѣмъ, знакомымъ съ ученіемъ Конта, извѣстно, что у него взглядъ на гипотезы былъ весьма не выдержанъ, а потому вѣроятно не безынтересно будетъ узнать, какъ выработанъ этотъ взглядъ у новѣйшихъ послѣдователей положительной философіи. Представителемъ ихъ и въ этомъ случаѣ мы опять выбираемъ г. Вырубова, въ статьѣ котораго «L'hypothèse de l'éther en optique» (Revue, № 5. 1868) мы находимъ опредѣленный отвѣтъ на занимающій насъ теперь вопросъ. Онъ говоритъ, что страсть къ гипотезамъ поддерживается желаніемъ непремѣнно объяснить все, все считать познаваемымъ и, безъ достаточной критики, дозволять воображенію перегонять точныя научныя положенія. Но такой порядокъ вещей, очевидно,

противорѣчитъ основнымъ положеніямъ позитивной философіи. Пробѣлы въ наукѣ никогда не могутъ быть пополнены вымыслами, а потому гипотезы, кто бы ихъ ни создалъ и кто бы ихъ ни поддерживалъ, не могутъ взойти въ систему наукъ въ качествѣ чисто-научныхъ положеній. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительная философія и не отвергаетъ гипотезъ, то она дѣлаетъ это только въ виду слишкомъ настоятельной необходимости связи и объединенія нѣкоторыхъ отдѣловъ знанія; но во всякомъ случаѣ, смотритъ на гипотезы, какъ на временное средство, которое будетъ устранено дальнѣйшими успѣхами положительнаго знанія, и какъ на такое удовлетвореніе потребности разума, которое допускается только въ виду удовлетворенія болѣе полнаго, ожидаемаго отъ науки.

Разсмотрѣніемъ вопроса о значеніи гипотезъ мы оканчиваемъ нашъ очеркъ современнаго состоянія положительной философіи, хотя вполнѣ сознаемъ, что предметъ нашъ далеко не исчерпанъ. Принимая во вниманіе, что исчерпать его невозможно не только въ одной журнальной статьѣ, но и въ цѣломъ рядѣ ихъ, мы нашли полезнымъ ограничиться одними только главными вопросами позитивизма, совершенно умалчивая о второстепенныхъ. Притомъ же мы не имѣемъ притязанія дать читателю такое изложеніе позитивной системы, которое могло бы замѣнить ему тѣ трактаты и сочиненія о ней, о которыхъ мы упоминали; цѣль наша была гораздо болѣе скромная, и если между читателями «Отеч. Записокъ» найдется нѣсколько такихъ, которыхъ статья наша побудитъ къ знакомству съ положительной философіей, то мы будемъ считать, что работали не напрасно.

Какъ ни неполно, однако-же, понятіе о положительной философіи, которое можетъ составить читатель по нашему этюду,— оно достаточно, какъ мы полагаемъ, для того, чтобы онъ могъ опредѣлить, хотя приблизительно, значеніе положительной философіи для настоящаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, если безсиліе метафизики и предшествовавшаго ей міросозерцанія не можетъ подлежать сомнѣнію, то гдѣ же, если не въ научныхъ обобщеніяхъ, должны мы искать основъ для новаго міросозерцанія, долженствующаго замѣнить отжившія? Если же, съ другой стороны, по тщательномъ изученіи положительной философіи, мы придемъ къ убѣжденію, что она въ настоящее время представляетъ самое широкое, глубокое

и полное, сколько это возможно, обобщеніе научныхъ результатовъ, то намъ нельзя будетъ не согласиться, что она именно и представляетъ то міросозерцаніе, которе имѣетъ полное право на наслѣдіе всѣхъ другихъ, ей предшествовавшихъ, и что игнорировать ее въ наше время невозможно. И дѣйствительно, изъ предисловія къ этой статьѣ мы уже видѣли, какъ обширно въ настоящее время вліяніе позитивизма и какъ неудержимо проникаетъ онъ въ образованное европейское общество. Мало того, вліяніе позитивизма обнаруживается еще и тѣмъ, что метафизики, ультрамонтане и т. п. принуждены изучать его, чтобы имѣть возможность опровергать, что разные философствующіе самодуры даже не могутъ обойтись безъ обрывковъ его, что позитивизмъ, однимъ словомъ, встрѣчается въ наше время всюду, такъ что даже одинъ изъ противниковъ его долженъ былъ сознаться, что позитивизмъ въ наше время хотя и находится часто въ «скрытомъ состояніи», но, тѣмъ не менѣе, владычествуетъ надъ умами.

Припомнимъ теперь то, что̀ мы сказали въ началѣ этой статьи о зависимости прогресса отъ развитія умственной дѣятельности и объ историческомъ законѣ, постепенно приводящемъ эту дѣятельность къ положительному фазису, представляющемуся, такимъ образомъ, той ступенью развитія, достиженіе которой доставляетъ пользоваться результатами всей умственной работы прошедшихъ поколѣній и которая, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на все, что̀ только ни совершается въ области научной, промышленной и соціальной. Тотъ, кто пойметъ это жизненное значеніе позитивизма, не затруднится, конечно, открыто признавать себя послѣдователемъ этого ученія, и всегда найдетъ возможность быть полезнымъ его развитію или распространенію и, въ глубокомъ убѣжденіи полезности своей работы, станетъ продолжать ее и тогда, когда гнусныя выходки мнимыхъ общественныхъ наставниковъ и разныхъ евнуховъ мысли или другія болѣе серьезныя препятствія, ими и не ими вызванныя, не только стали бы встрѣчаться на его пути, но и угрожали бы сдѣлаться его постоянными спутниками.

1869 г.

«Отеч., Зап.», № 4.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЗИТИВИЗМА.

Условія успѣшнаго развитія и распространенія позитивизма.—Новѣйшія сочиненія о позитивизмѣ:—по общимъ вопросамъ: заявленіе Бернгарда Котты, критическая статья Дюринга, полемика Соттини съ итальянскими метафизиками; книга Анджулли, понятіе о позитивизмѣ Лорана, рѣчь кардинала Раушера, стихотвореніе, посвященное обличенію положительной философіи Луизы Аккерманъ;—по частнымъ вопросамъ: «La philosophie positive, Revue за 1869 и 70 годы, объясненіе значенія миѳовъ, взглядъ на переходъ древняго міра въ новый, отрывокъ изъ очерка плана всеобщей исторіи, политическія мнѣнія—Литтрѣ; статья о пьянствѣ въ Россіи, вопросъ о методѣ въ статистикѣ, взглядъ на значеніе преступленій и наказаній—Вырубова. Новыя книги: «Histoire du travail»—Фуку, «L'origine de l'homme et des sociétés»—Кл. Ройе, «La terre et l'homme» Альфр. Мори, лекція Фаррара о научномъ значеніи филологіи. Нѣкоторыя неточности у писателей, говорившихъ о позитивизмѣ и позитивистахъ: статья г. Михайловскаго о суздальской критикѣ, диссертація г. Драгоманова «Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацитъ».—Заключеніе.

Когда въ умственной жизни общества, привыкшаго къ борьбѣ извѣстныхъ направленій мысли, возникаетъ идея новая, то прежде, чѣмъ идея эта завоюетъ соотвѣтствующее значенію ея положеніе, прежде чѣмъ она получитъ слѣдуемыя ей права гражданства, она, выражаясь языкомъ юристовъ, должна выиграть передъ мыслящей частью общества свой процессъ. Процессъ этотъ, подобно всякому процессу, ведущемуся въ правильно-организованныхъ судахъ, долженъ начаться съ знакомства съ документами, предъявленными для полученія требуемыхъ правъ, и свидѣтельскими показаніями, поддерживающими или оспаривающими эти требованія. Пока знакомство это почему-либо неполно, правильное судебное преніе невозможно, и рѣшеніе или не должно быть произносимо, или, если оно все-таки же было произнесено, подлежитъ кассаціи.

Но, если и въ правильно-организованныхъ судахъ, гдѣ и судьи, и стороны такъ тщательно слѣдятъ за правильнымъ развитіемъ процесса, столь часто являются поводы къ кассаціи, то какъ не быть имъ относительно суда общественнаго мнѣнія или частныхъ мнѣній той или другой фракціи общества? Здѣсь процессъ неизбѣжно переживаетъ множество самыхъ разнообразныхъ перипетій, пока, наконецъ, установится мнѣніе, которое, для нѣкоторой части общества, по крайней мѣрѣ, получаетъ значеніе окончательнаго.

Если мы приложимъ вышесказанное къ процессу, который вела и ведетъ положительная философія съ предшествовавшими ей міровоззрѣніями, то замѣтимъ, что процессъ этотъ обставленъ многочисленными трудностями, такъ какъ основательное знакомство съ подлинными документами или дѣльными и вѣрными свидѣтельскими показаніями въ видѣ компиляцій, рефератовъ, конспектовъ и т. п. весьма не легокъ, ибо требуетъ солидной научной подготовки. Точно также, необладающему такой подготовкой нечего и думать о томъ, чтобы ему удалось оріентироваться среди хаоса, неизбѣжнаго въ процессѣ, ведущемся на столь обширной сценѣ, среди массы ложныхъ или неточныхъ показаній свидѣтелей, среди преній, въ которыхъ голоса знающихъ и безпристрастныхъ людей нерѣдко заглушаются тенденціознымъ враньемъ и всякаго рода вздоромъ. Всѣ эти обстоятельства служатъ немаловажнымъ препятствіемъ для успѣховъ позитивизма, такъ что процессъ его нельзя еще считать оконченнымъ, не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Еще могутъ существовать такія мнѣнія о позитивизмѣ, какъ, напр., извѣстное читателямъ мнѣніе Гэксли и подтягивающихъ ему хористовъ, или сужденіе Лорана, о которомъ я еще буду имѣть случай говорить въ этой статьѣ. Мнѣнія эти потеряютъ окончательно всякое значеніе только тогда, когда образованное общество ознакомится основательно съ тѣмъ, что я называю подлинными документами позитивной философіи. А это знакомство обусловлено, какъ сказано выше, успѣхами научнаго образованія.

Говоря о подлинныхъ документахъ положительной философіи, я разумѣю не одни только сочиненія Огюста Конта, но и работы того кружка позитивистовъ, которые группируются вокругъ Литтрé и Вырубова и могутъ считаться прямыми и

непосредственными продолжателями О. Конта, какъ философа. «Обозрѣніе» (La philosophie positive, Revue), наполняемое исключительно ихъ статьями, представляется такимъ образомъ для насъ какъ бы сборникомъ подлинныхъ документовъ. Знакомство съ существеннѣйшими изъ нихъ будетъ служить дополненіемъ тѣхъ свѣдѣній о содержаніи позитивнаго ученія, которыя читатель, слѣдящій только за русскими статьями о позитивизмѣ, могъ имѣть прежде. На ряду со статьями «Обозрѣнія» я представлю отчетъ о статьяхъ и книгахъ, появившихся въ прошедшемъ и настоящемъ году, которыя, въ цѣломъ или частью, посвящены положительной философіи или проникнуты ея ученіемъ, и, наконецъ, я разсмотрю нѣкоторыя неточности у писателей, говорившихъ о позитивизмѣ, и постараюсь устранить возникающія отъ этихъ поводовъ недоразумѣнія, могущія искажать правильное развитіе процесса.

Переходя теперь къ обзору позитивной литературы за минувшій годъ, считаю нужнымъ сказать еще, что все, могущее служить введеніемъ къ этому обзору, читатель найдетъ въ статьѣ моей о позитивизмѣ послѣ Конта, помѣщенной въ «Отеч. Запискахъ» въ прошломъ году. Въ статьѣ этой я представилъ читателю сводъ тѣхъ положеній, которыя составляютъ, такъ сказать, пропедевтику положительной философіи. Матеріаломъ для этой статьи служили мнѣ вышедшія до того времени книги и нумера «Обозрѣнія», въ которыхъ были разработаны вопросы, входящіе именно въ сферу пропедевтики. Если читатель сравнитъ эту разработку съ содержаніемъ соотвѣтствующихъ ей первыхъ двухъ уроковъ курса положительной философіи О. Конта, то для него станетъ конечно очевидно, что ученики Конта сдѣлали здѣсь весьма многое, и что эта часть курса, имѣвшая у Конта характеръ бѣглаго очерка, представляетъ теперь часть ученія настолько развитую, что силы позитивистовъ могли перейти къ другимъ отдѣламъ системы. Работы позитивистовъ за послѣдній годъ, дѣйствительно, не касаются болѣе вопросовъ пропедевтики, а содержатъ разработку отдѣльныхъ наукъ, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто у нихъ занимаетъ соціологія, созданная геніемъ Конта—наука новая, а потому и наиболѣе нуждающаяся въ трудахъ современныхъ писателей позитивной школы.

Но если редакторы и сотрудники «Обозрѣнія» не посвящали болѣе статей вопросамъ пропедевтики, то вопросы эти продол-

жали занимать умы внѣ того кружка позитивистовъ, которые группируются вокругъ редакторовъ «Revue». Полупризнаніе позитивной философіи такимъ ученымъ, какъ Бернгардъ Котта, стремленіе быть позитивнѣе самихъ позитивистовъ весьма талантливаго итальянскаго писателя Анджулли, болѣе чѣмъ благопріятный системѣ Конта отзывъ берлинскаго профессора Дюринга, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о вліяніи позитивныхъ началъ на умы. Наблюденіе надъ ростомъ этого вліянія не менѣе важно, чѣмъ наблюденіе надъ ростомъ самого ученія; о немъ приходится говорить даже прежде, чѣмъ о послѣднемъ, потому что онъ охватываетъ ученіе въ цѣломъ его составѣ, тогда какъ ростъ самого ученія, по причинамъ, понятнымъ для всякаго знакомаго съ нимъ, можетъ происходить путемъ развитія и разработки частей.

Читатель помнитъ, конечно, статью Вырубова о геологіи, представляющую прекрасный образецъ приложенія положительной философіи къ конкретнымъ наукамъ. Отчетъ объ этой статьѣ я далъ въ моемъ этюдѣ о позитивизмѣ послѣ О. Конта, упомянутомъ выше. Извѣстный фрейбергскій геологъ Бернгардъ Котта обратился по поводу этой статьи съ письмомъ въ редакцію «Обозрѣнія». Письмо это хотя и заключаетъ въ себѣ замѣчанія на весьма важные пункты положительной системы, можетъ однакоже считаться полупризнаніемъ позитивизма, какъ теоріи. Котта начинаетъ съ того, что называетъ статью «Что такое геологія?» статьею замѣчательною и заявляетъ намѣреніе высказать по поводу ея мысли, касающіяся всей системы положительной философіи. Мысли эти распадаются на два рода: во-1-хъ, Котта по нѣкоторымъ вопросамъ присоединяется къ позитивному ученію и дѣлаетъ къ нему дополненія, согласныя съ его духомъ; во-2-хъ, отвергаетъ нѣкоторые его пункты. 1) Онъ сходится съ позитивистами по вопросу о классификаціи 5 абстрактныхъ наукъ и въ области наукъ конкретныхъ отрицаетъ вмѣстѣ съ послѣдователями позитивной системы ненаучность вопросовъ, составляющихъ то, что обыкновенно разумѣютъ подъ геогеніей. Далѣе, дополняя развитіе позитивной системы, Котта доказываетъ, что элементы, дающіе содержаніе наукамъ контовой классификаціи, возникали въ теченіе геологическихъ эпохъ развитія именно въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ расположены въ этой классификаціи. Такимъ образомъ, Котта даетъ новую опору этой важной части

положительной системы. Согласіе Котты съ этими основными положеніями позитивнаго ученія тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно заявлено послѣ выхода въ свѣтъ замѣчательнаго сочиненія Котты «Geologie der Gegenwart», написаннаго совершенно независимо отъ позитивныхъ взглядовъ и сошедшагося съ ними только вслѣдствіе своей строгой научности и независимости руководящей точки зрѣнія. Читателю, интересующемуся позитивнымъ ученіемъ, весьма поучительно поэтому прочесть упомянутую книгу Котты и сравнить его воззрѣнія на геологію со взглядами позитивистовъ.

2) Критическія замѣчанія Котты далеко не такъ удачны, какъ замѣчанія дополнительныя. Во-первыхъ, Котта желаетъ исключить математику изъ контовой классификаціи и оставить ее, какъ науку положительную, однакоже рядомъ съ этой классификаціей, и во-вторыхъ, допускаетъ возможность образованія новой науки кристаллологіи, мѣсто которой, по его мнѣнію, должно быть между химіей и біологіей. Вырубовъ, возражая на эти замѣчанія, весьма справедливо говоритъ, что первое изъ нихъ обнаруживаетъ внутреннее противорѣчіе въ той классификаціи, которая возникаетъ отъ поправки Котты, ибо признаніе за математикой значенія положительной науки и устраненіе ея въ то же время изъ ряда этихъ наукъ несовмѣстимо, и далѣе, если допустить существованіе положительныхъ наукъ внѣ іерархическаго ряда, установленнаго Контомъ, то тогда пожалуй и теологія, и метафизика станутъ въ качествѣ положительныхъ наукъ особого рода внѣ ряда, какъ новый рядъ, равноправный съ первымъ. Такого абсурда допустить однакоже невозможно, такъ какъ всякая дѣйствительно положительная наука неизбѣжно связана съ остальными положительными науками и потому немыслима внѣ іерархическаго ряда ихъ. Невозможность вмѣстить какую-нибудь науку въ этотъ рядъ показываетъ только, что желающій сдѣлать это не уяснилъ себѣ вполнѣ основныхъ положеній позитивной философіи. И дѣйствительно, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, Б. Котта, желая изъять изъ ряда математику и включить въ него кристаллологію, руководствовался невѣрно понятымъ отличіемъ наукъ абстрактныхъ отъ наукъ конкретныхъ. Можно съ увѣренностью утверждать, что, не впади Котта въ ошибку въ этомъ пунктѣ, онъ не сдѣлалъ бы и своихъ нѣсколько странныхъ критическихъ замѣчаній.

Коттѣ, какъ не философу, было впрочемъ до извѣстной степени простительно не понять различія, имѣющаго преимущественно философское значеніе. Но такова ужъ судьба новыхъ идей; онѣ проникаютъ въ общество не скоро. Не только геологъ-спеціалистъ Котта, но и профессоръ философіи Дюрингъ— котораго, казалось, должна была бы поразить эта новая и глубокая философская идея—остается ей чуждымъ, не понимаетъ ее. Въ контовой іерархизаціи абстрактныхъ наукъ онъ видитъ поэтому одно только схематизированіе «части (?) наукъ, обыкновенно называемыхъ положительными» (Kritische Geschichte der Philosophie. S. 485). «Подъ біологіей, напримѣръ, говоритъ онъ, Контъ разумѣетъ почти то, что̀ обыкновенно понимается подъ физіологіей (id.). Контово схематизированіе, по его мнѣнію, не можетъ имѣть никакого философскаго значенія и даже не приноситъ пользы наукамъ. Читая Дюринга, люди незнакомые съ ученіемъ Конта, могутъ въ самомъ дѣлѣ подумать, что Контъ произвольно остановился на извѣстной группѣ точныхъ наукъ и построилъ ихъ въ измышленную имъ схему. Какъ это ни наивно, но чтеніе дальнѣйшаго Дюрингова разбора курса позитивной философіи убѣждаетъ окончательно, что авторъ держится именно такого наивнаго понятія или, что онъ допускаетъ у Конта и его послѣдователей такой простодушный взглядъ на классификацію наукъ. Дюрингъ говоритъ, что въ изложеніи каждой изъ наукъ, вошедшихъ въ классификацію, имѣетъ значеніе одна только спеціальная сторона, а потому онъ полагаетъ, что почти и говорить не стоитъ объ обработкѣ Контомъ какой-нибудь полъ-дюжины наукъ. Читатель, знакомый съ истиннымъ значеніемъ позитивной классификаціи, оцѣнитъ, конечно, всю грубость такого сужденія о ней; незнакомому же съ ней я могу только предложить обратиться къ курсу Конта или къ многочисленнымъ сочиненіямъ и статьямъ на разныхъ языкахъ; вдаваться же здѣсь въ ея объясненіе было бы слишкомъ долго. Дюрингъ, въ этомъ случаѣ, скажу мимоходомъ, напомнилъ мнѣ господина, которому я принужденъ былъ дать на разсмотрѣніе рукопись одной статьи о Контѣ. Это было еще до 65-го года, и статья гуляла по разнымъ мытарствамъ, такъ какъ въ ней встрѣчались слова: «теологія», «теизмъ», и кажется еще и *Теофрастъ*. Господинъ этотъ, прочитавъ статью, не пропустилъ въ печать всего того, что̀ относилось къ закону трехъ состояній. Я не препятствую вамъ говорить о томъ, что̀ слѣдуетъ далѣе, ска-

залъ онъ, передавая статью, ибо все это не болѣе, какъ одна только *классификація вещей*. Онъ не сообразилъ, что, судя такъ, кое-что значитъ было даже и не вещью. Дюрингъ также не сообразилъ, что абстрактныя науки, вошедшія въ іерархическій рядъ Конта, представляютъ нѣчто цѣлое, чего не можетъ представлять никакая произвольная схема конкретныхъ наукъ.

Непониманіе различія между абстрактными и конкретными науками мѣшаетъ Дюрингу сдѣлать полную и основательную оцѣнку контовой системы. Такой оцѣнки у Дюринга поэтому и нѣтъ; тѣмъ не менѣе однако-же онъ ставитъ Конта и его систему чрезвычайно высоко и посвящаетъ ему 23 страницы своего необъемистаго курса, тогда какъ на изложеніе системъ Шеллинга, Фихте, Гегеля и Гербарта, разсматриваемыхъ имъ въ одной главѣ, онъ даетъ среднимъ числомъ только по 10 страницъ на каждаго. Такое отношеніе къ Конту, при непониманіи столь важнаго отдѣла его системы, какъ іерархическая классификація наукъ, объясняется тѣмъ, что отдѣлъ этотъ Дюрингъ не считаетъ философскимъ и основываетъ поэтому свое мнѣніе о Контѣ только на остальной части системы. Въ этой части онъ видитъ проявленіе высоко-философскаго таланта О. Конта. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ надъ контовой критикой метафизики и надъ его соціологическимъ закономъ трехъ состояній, которыя находитъ новыми, оригинальными, плодотворными. Поэтому-то онъ и думаетъ, что положительная философія представляетъ источникъ поученія для міра (s. 423), не только для одной Германіи, которая непремѣнно должна много выиграть отъ соприкосновенія съ такимъ высокимъ умомъ, какъ О. Контъ.

Разсматривая частности позитивной системы, Дюрингъ нерѣдко дѣлаетъ весьма мѣткія сближенія между Контомъ и нѣкоторыми извѣстнѣйшими нѣмецкими философами настоящаго вѣка, почти всегда отдавая при этомъ преимущество французскому мыслителю. Такъ, говоря о томъ, что изслѣдованіе связи явленій должно быть, по взгляду Конта, независимо отъ метафизическаго понятія о конечныхъ причинахъ, онъ говоритъ, что это основное разграниченіе имѣетъ нѣкоторое сходство съ разграниченіемъ, сдѣланнымъ Кантомъ, но что существенное различіе между обоими заключается въ томъ, что контово понятіе о явленіи есть понятіе научное, тогда какъ у Канта понятіе это замѣняетъ опредѣленный *метафизическій* образъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что О. Контъ *никогда* такъ не заблуждался, какъ Кантъ въ своей философіи природы, и что, наконецъ, разсматриваемыя Контомъ науки дѣйствительно знакомы ему и придуманы имъ, а не профантазированы, какъ у Гегеля. Въ дальнѣйшемъ разборѣ частностей Дюрингъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія и опроверженія, надъ которыми мы, по ихъ незначительности, останавливаться не будемъ. Въ большинствѣ случаевъ, однакоже, Дюрингъ находитъ и частности контовой системы въ высокой степени замѣчательными и поучительными.

Общій выводъ Дюринга изъ критическаго разбора системы О. Конта тотъ, что этотъ мыслитель складомъ своего философскаго ума наиболѣе соотвѣтствуетъ естественно-научному образу мышленія, что его системѣ свойственна высокая степень умственной силы, что духъ ея ставитъ ее выше всѣхъ явленій періода реставраціи, что она и теперь еще полна жизни. «Извѣстный позитивизмъ, говоритъ онъ въ заключеніе, будетъ все болѣе и болѣе получать господство въ наше время; частныя же системы будутъ въ той мѣрѣ ограничиваемы общеобязательными положеніями, въ какой научное направленіе выигрываетъ въ силѣ и распространеніи. Отъ ихъ особенностей будетъ оставаться только то, что̀ выдѣлится какъ отдѣльное положеніе и станетъ общимъ достояніемъ, подобно тому, какъ это совершается въ области научной. Но и въ этомъ отношеніи контовъ кругъ мыслей не потеряетъ своей оригинальности, и исторія философіи всегда останется признательна ему за его замѣчательный вкладъ въ критику ложнаго рода метафизики и, съ другой стороны, за его основоположенія въ философіи исторіи» (s. 494).

Обратимся теперь къ Италіи.

Проявленіе успѣховъ позитивизма въ этой странѣ весьма заслуживаетъ вниманія, хотя имена писателей, обнаружившихъ позитивистическое направленіе, и не пользуются такою извѣстностью, какъ имена Б. Котты и Дюринга. Джузеппе Соттини и Андреа Анджулли, конечно, далеко не авторитеты въ какомъ бы то ни было отношеніи; но первый, какъ сотрудникъ одного изъ лучшихъ итальянскихъ журналовъ и второй, какъ писатель замѣчательно-талантливый, не останутся, конечно, безъ вліянія на мыслящую часть итальянскаго общества. Еще же важнѣе то, что доказываемое этими писателями, все болѣе и болѣе усили-

вающееся возрастаніе наклонности къ позитивизму у итальянской интеллигенціи должно сильно разочаровывать тѣхъ, которые смотрѣли на Италію, какъ на обѣтованную землю метафизики вообще и гегелевой въ особенности. Паденіе гегелева ученія въ Германіи такъ огорчаетъ «ветхихъ днями», послѣднихъ апостоловъ этой школы, что въ отчужденіи нѣмцевъ отъ Гегеля они видятъ признакъ недостаточнаго народнаго самоуваженія и обращаютъ свои полные надежды взоры на отечество Спавенты, Маріано и Вэры. Розенкранцъ въ своей «Hegels Naturphilosophie und die Bearbeitung derselben durch den Italienischen Philosophen Vera» горько жалуется на то, что нѣмцы не только сами равнодушны къ Гегелю, но и предостерегаютъ еще и другія націи отъ увлеченія имъ. Онъ возмущается выходкою одного журнала, совѣтовавшаго лучше читать исторію цивилизаціи въ Англіи Бокля, чѣмъ «The secret of Hegel» Джемса Стирлинга. Послѣ такой профанаціи священнаго имени Гегеля въ Германіи, Розенкранцу оставалось только возложить свои упованія на Италію, гдѣ, по его соображеніямъ, гегелизмъ непремѣнно долженъ процвѣсти. Всѣ эти надежды были высказаны еще такъ недавно, всего только два года тому назадъ, а между тѣмъ, именно за эти два года начала подыматься рядомъ съ гегелизмомъ новая сила, угрожающая серьезною опасностью успѣхамъ проповѣди гг. Вэры и комп. Послѣ Вилляри и Бокардо являются теперь Сотгини и Анджулли, и этихъ четырехъ личностей довольно для того, чтобы, по увѣренію ихъ противниковъ, о позитивизмѣ заговорили вездѣ, и при всякомъ случаѣ, заговорили болѣе, чѣмъ сколько говорили когда-либо о Гегелѣ. Что будетъ дальше, особенно же, если принять во вниманіе, что рядомъ съ позитивизмомъ преуспѣваетъ очень близкое къ нему направленіе экспериментализтовъ, считающихъ въ средѣ своей весьма много крупныхъ талантовъ и солидныхъ ученыхъ?

Мы не станемъ останавливаться надъ статьею Соттини, потому что она не имѣетъ общаго интереса. Статья эта есть отвѣтъ на различные критическіе разборы системы положительной философіи, появившіеся въ разныхъ итальянскихъ журналахъ. Слабость, неумѣлость и бездоказательность разныхъ Сичиліани, Фіорентино, Панцакки и пр. въ ихъ нападкахъ на позитивизмъ не могутъ остановить на себѣ, разумѣется, нашего вниманія. Довольно того, если я скажу, что статьи этихъ го-

сподъ оказались передъ судомъ позитивной критики, приложенной къ нимъ профессоромъ Соттини, до такой степени неудовлетворяющими своему назначенію, что почтенный профессоръ усмотрѣлъ въ нихъ не нападеніе на позитивизмъ, а защиту его, а потому и назвалъ всѣ ихъ статьи защитой позитивизма метафизиками. Обиженные метафизики не могли ничего придумать лучше, какъ съобезъянничать не только его критическій пріемъ, но и самое заглавіе статьи. Метафизика ровно ничего не выиграла отъ этого, конечно, такъ какъ всѣ подобныя столкновенія обнаруживаютъ только, на чьей сторонѣ сила.

Не прошло и году послѣ полемики Соттини съ итальянскими метафизиками, какъ появилось небольшое, но весьма богатое по содержанію, сочиненіе Анджулли «La filosofia e la ricerca positiva, questioni di filosofia contemporanea». Въ сочиненіи этомъ, содержащемъ не болѣе десяти печатныхъ листовъ, Анджулли излагаетъ исторію развитія позитивнаго ученія въ связи съ исторіей паденія метафизики, дѣлаетъ критическій разборъ позитивной системы О. Конта и разсматриваетъ ее сравнительно съ другими философскими системами новѣйшаго времени, наконецъ, излагаетъ свои собственныя воззрѣнія, которыя считаетъ болѣе положительными самой положительной философіи. Изложеніе Анджулли отличается ясностью, опредѣленностью и, мѣстами, оригинальностью. Тенденціи его имѣютъ несомнѣнно позитивный характеръ, и только нѣкоторыя недоразумѣнія препятствуютъ ему стать въ ряды позитивистовъ; желаніе же быть ультра-позитивистомъ, благодаря этимъ недоразумѣніямъ, сохраняетъ въ немъ только нѣкоторые метафизическіе предразсудки, приводящіе его, при полной выдержкѣ общаго позитивнаго характера его книги, къ противорѣчіямъ, на которыя уже и указало ему «Обозрѣніе».

Разсматривая развитіе философскихъ ученій, Анджулли представляетъ положительную философію, какъ результатъ и заключеніе различныхъ историческихъ теченій (correnti della storia) и во многихъ мѣстахъ своей книги говоритъ объ О. Контѣ съ большимъ уваженіемъ. «Положительная философія—говоритъ онъ—основываетъ систему наукъ, сообразную системѣ космоса: она въ одно и то же время и ученіе о наукахъ (dottrina delle scienze), и объясненіе міра. Она доказываетъ гармонію бытія и гармонію знанія; она прекращаетъ окончательно дуализмъ духа и природы, науки и философіи. Предметъ и сред-

ства положительнаго знанія опредѣлены. Предметъ положительной философіи тождественъ съ предметомъ положительныхъ наукъ, совокупность которыхъ и образуетъ ее; методъ же ихъ общій—методъ опытный. Характеръ позитивной философіи относителенъ, не абсолютенъ; она научна, положительна, а не умозрительна; она оставила изысканія о конечныхъ причинахъ, не даваемыхъ опытомъ, но получаемыхъ путемъ метафизическаго воззрѣнія; она ограничивается опытными изысканіями законовъ явленій. Итакъ, явленія и опытъ, вотъ основаніе положительной философіи. Этотъ характеръ научной основательности дѣлаетъ впредь невозможнымъ многочисленность философскихъ системъ. Единство философіи сливается съ единствомъ положительныхъ наукъ. Многочисленность системъ свойственна метафизическимъ построеніямъ, а въ настоящее время новое метафизическое построеніе было бы анахронизмомъ; оно было бы явленіемъ субъективнымъ и находилось бы внѣ историческаго теченія, было бы регрессомъ. Положительная философія можетъ имѣть иныя и различныя опредѣленія, но она остается великимъ фактомъ и великой идеей настоящаго времени» (р. 64, 65).

Анджулли, ставя такъ высоко положительную философію, принимаетъ почти вполнѣ ученіе ея и можетъ служить проводникомъ позитивныхъ идей въ Италіи. Однакожъ, Анджулли не позитивистъ. Онъ отвергаетъ, правда, одинъ только пунктъ ученія, но пунктъ столь важный, что непринятіе его лишаетъ до нѣкоторой степени значенія принятіе остальныхъ. «Позитивизмъ—говоритъ онъ—слишкомъ ограничиваетъ могущество человѣческаго ума и утверждаетъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи достичь путемъ науки познанія сущности и первыхъ причинъ, что далѣе явленій, доступныхъ намъ, находится вещь въ себѣ (?), мракъ, тайна; наконецъ, положительная философія отрицаетъ возможность метафизическаго познанія. Въ этомъ пунктѣ положительная философія находится въ полномъ противорѣчіи не съ другими системами, но сама съ собою» (р. 97). «Не метафизика ли и не дурная ли притомъ метафизика—продолжаетъ онъ—та, которая находитъ нужнымъ partager l'univers en deux parties *) и установляетъ отдѣленіе доступнаго отъ недоступнаго? И не была ли бы болѣе положительной та поло-

*) Слова эти оставлены безъ перевода съ французскаго, какъ въ подлинникѣ.

жительная философія, которая ограничилась бы указаніемъ на незнаніе въ настоящее время первыхъ причинъ, какъ на фактъ и не дискредитировала бы безусловно непознаваемости?» (р. 97, 98). Такимъ образомъ, стремленіе быть позитивнѣе самихъ позитивистовъ вырождается въ заботу объ оставленіи метафизическимъ изысканіямъ отнятаго у нихъ позитивной школой значенія. Изысканія эти, по мнѣнію Анджулли, могутъ быть разсматриваемы въ трехъ отношеніяхъ: или какъ логическая критика понятій, или какъ изслѣдованіе сущности, или какъ понятіе о мірѣ. Это значитъ, что метафизика отождествляется съ тремя различными предметами: психологіей, философіей наукъ и собственно метафизикой. Еслибы Анджулли сдѣлалъ этотъ анализъ своему мнимому ультра-позитивному мнѣнію, онъ бы замѣтилъ, что противорѣчіе, въ которомъ онъ упрекаетъ положительную философію, не существуетъ въ ней, такъ какъ она отвергаетъ только метафизику въ тѣсномъ смыслѣ. Самъ Анджулли не рѣшается утверждать, что сущность вещей будетъ когда-нибудь познана, но онъ только говоритъ, что это вопросъ будущаго, относительно котораго нельзя теперь сдѣлать никакихъ предвѣщаній, такъ какъ нельзя положить напередъ предѣлъ прогрессу наукъ. Но сущность вещей есть понятіе à priori; зачѣмъ же вплетать его въ прогрессъ наукъ и основывать цѣлую систему изысканій, самый способъ производства которыхъ немыслимъ внѣ умозрѣній, такъ энергически изгоняемыхъ изъ науки и философіи самимъ Анджулли. Въ положительныхъ наукахъ нѣтъ и не можетъ быть того опорнаго пункта, который могъ бы стать краеугольнымъ камнемъ изысканій, составляющихъ предметъ мечтаній итальянскаго философа; опытъ не даетъ и не дастъ ничего, что̀ могло бы сдѣлаться исходной точкой познанія того, что̀ предварительно придумано какъ будущій, имѣющій явиться объектъ. Итакъ, оставимъ сущность вещей метафизикамъ, оставимъ имъ и первыя причины—для разгаданія ихъ средствъ у насъ не существуетъ—и сохранимъ убѣжденіе, что позитивнѣе того, что позитивно, также ничего не можетъ быть, какъ не можетъ быть что-либо научнѣе науки. А такъ какъ позитивная философія тождественна съ наукой, то отсутствіе въ ней позитивнаго элемента могло бы быть доказано только посредствомъ сопоставленія ея съ наукой; Анджулли же говоритъ объ априорныхъ понятіяхъ, а потому и впадаетъ въ грубую ошибку.

Изъ писателей, говорившихъ объ общихъ вопросахъ положительной философіи въ минувшемъ году, нельзя не упомянуть о Лоранѣ, извѣстномъ авторѣ «Etudes sur l'histoire de l'humanité», XVIII-й томъ которой недавно вышелъ въ свѣтъ. Лорану, какъ идеалисту, чуждъ и недоступенъ реализмъ положительной философіи и его пониманіе исторіи, основанное на идеѣ провиденціализма, не можетъ мириться съ законносообразностью соціологическихъ явленій, установленныхъ позитивною школою. Возникающее отсюда отношеніе къ позитивизму не могло служить для Лорана побудительной причиной къ близкому и основательному знакомству съ нимъ и, вслѣдствіе того, въ главѣ (XVI тома), посвященной этому ученію, накопилось такъ много невѣрныхъ данныхъ, такая масса ошибокъ, что вся эта глава стала никуда негодной и обратилась почти въ одну сплошную ложь. Съ первыхъ же строкъ вы узнаете, что изъ всей литературы позитивизма Лорану извѣстны только два сочиненія Литтре—«Révolution, Positivisme, Conservation» (вѣрное заглавіе—«Conservation, Révolution et Positivisme») и «Paroles de philosophie positive», да еще сочиненіе контиста Ломбраля—«Aperçus généraux sur la doctrine positiviste» и статья Л. Бюхнера изъ сборника «Aus Natur und Wissenschaft»,—вотъ и все. Такое неудовлетворительное знакомство съ источниками, объясняемое отчасти спѣшностью работы, встрѣчалось у Лорана и прежде, но никогда еще Лоранъ не былъ до такой степени легковѣсенъ, какъ по отношенію къ позитивизму. Здѣсь онъ безъ труда торжествуетъ надъ авторомъ, къ которому становится въ отношенія противника, потому что вмѣсто дѣйствительнаго объекта критики, онъ беретъ вымыслы своей собственной фантазіи. Начнемъ съ того, что имѣя передъ собой сочиненія позитивиста Литтре и контиста Ломбраля, Лоранъ не замѣтилъ, однакожъ, никакой между ними разницы, и, наивно игнорируя о розни, существующей между послѣдователями Конта, говоритъ о позитивизмѣ, какъ о религіи, отвѣтственность за нелѣпости которой налагаетъ, однакожъ, прежде всего на отвергающаго религію эту Литтре. Я не стану, разумѣется, слѣдить за тѣмъ, что говоритъ Лоранъ о позитивной религіи, такъ какъ это въ настоящемъ случаѣ нисколько не интересно, а обращу вниманіе исключительно на сужденіе его о позитивизмѣ, какъ философской системѣ. Система эта представляется ему въ крайней степени смутно: онъ очевидно не различаетъ общихъ ея поло-

женій отъ обработки отдѣльныхъ наукъ: онъ проходитъ молчаніемъ и отличіе абсолютнаго отъ относительнаго, и раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, и взаимную связь наукъ, и ихъ іерархизацію. Онъ скачетъ по верхамъ отдѣльныхъ наукъ, порядокъ которыхъ представляется ему произвольнымъ; онъ возмущается, мимоходомъ, біологическимъ ученіемъ позитивизма, приписываетъ тутъ же позитивистамъ признаніе системы Галля (столь рѣшительно отвергаемой Литтре) и, бросивъ два, три восклицанія по поводу идей позитивистовъ о первой причинѣ, дѣлаетъ легко и скоро свое общее заключеніе о позитивизмѣ. Онъ обвиняетъ позитивизмъ въ томъ, что ученіе это считаетъ мечтаніемъ тѣ великія задачи, которыя въ теченіе вѣковъ заставляютъ страдать человѣка. И удивительно, въ число этихъ задачъ Лоранъ ставитъ и капитальнѣйшіе вопросы морали. Онъ увѣряетъ, что ихъ позитивизмъ считаетъ химерами. Онъ увѣряетъ, наконецъ, что единственными мыслями, единственнымъ занятіемъ современнаго человѣка, позитивизмъ считаетъ телеграфы, желѣзныя дороги, пароходы, льняныя и хлопчатобумажныя прядильни, мастерскія разныхъ родовъ и... ничего больше. Затѣмъ слѣдуетъ плачъ Іереміинъ о томъ, что Моцартъ и Бетховенъ не могутъ находить вдохновенія среди шума и стука машинъ. И далѣе, протестъ противъ стремленія ограничить одною промышленностью всю дѣятельность человѣчества и, наконецъ, восклицаніе «Pourquoi continuer ces interrogations? L'humanité n'est pas disposé, nous semble-t-il, à se faire positiviste à la façon d'Auguste Conte!» И главѣ о позитивизмѣ конецъ.

Передавая это скомканное и безсвязное осужденіе позитивизма языкомъ положительной философіи, я могу сказать, что существенныхъ недостатковъ въ позитивизмѣ Лоранъ находитъ три: 1) что позитивизмъ относитъ нѣкоторые вопросы теологіи и метафизики къ области непознаваемаго, 2) что къ числу этихъ вопросовъ отнесены вопросы морали и 3) что промышленнымъ интересамъ принесены въ жертву всѣ другіе элементы научнаго и соціальнаго развитія.

Я нисколько не желаю снимать съ позитивизма перваго обвиненія и не намѣренъ возражать на замѣчаніе Лорана, видящаго въ указываемомъ имъ основномъ положеніи позитивной системы недостатокъ. Такое сужденіе обнаруживаетъ, что воззрѣніе, на которомъ оно основано, принадлежитъ къ одному

изъ предшествовавшихъ положительной философіи міросозерцаній. Это фактъ, который всегда придется имѣть въ виду, пока время и возрастающее торжество надъ умами разгоняющей мракъ науки не сдѣлаютъ своего дѣла.

Что касается до втораго обвиненія, то оно основывается на крайнемъ невѣдѣніи элементарныхъ началъ положительной философіи. Если бы Лоранъ прочелъ курсъ положительной философіи Конта, онъ нашелъ бы въ IV, V и VI томахъ этого курса многочисленныя разсужденія, которыя вывели бы его изъ заблужденія; но, минуя Конта, на котораго Лоранъ никогда и не ссылается, и, имѣя въ особенности въ виду то, что̀ Лоранъ говоритъ о современномъ позитивизмѣ, ему слѣдовало бы знать то, что̀ говоритъ, напримѣръ, Литтре́ и другіе современные позитивисты: Баньо, де-Блиньеръ, Бурде и др. (См. Литтре́—Des origines organiques de la morale, Баньо—La morale dans la démocratie, де-Блиньеръ—Etude de morale positive, Бурде—De la morale dans la philosophie positive).

Переходя къ третьему обвиненію, мнѣ приходится сказать, что оно основано не только на незнаніи того, что̀ есть въ дѣйствительности, но діаметрально противоположно ей. Позитивизмъ не чуждъ, конечно, промышленному движенію нашего времени, не чуждъ—прежде всего—потому, что знаетъ цѣну связанному съ этимъ движеніемъ рабочему вопросу; но между такимъ отношеніемъ къ современной промышленности и пожертвованіемъ ей всѣхъ научныхъ и соціальныхъ интересовъ еще большая разница. Позитивная система далека отъ всякихъ субъективныхъ увлеченій и, никакое движеніе, какъ бы оно велико ни было, не можетъ примѣнить ея принциповъ, установленіе которыхъ обусловлено болѣе глубокими мотивами, чѣмъ временное усиленіе дѣятельности того или другого изъ элементовъ соціальнаго строя. Еслибы Лоранъ понялъ это, онъ не взводилъ бы на позитивизмъ обвиненія, нелѣпѣе котораго и придумать трудно.

Послѣ абсурдовъ метафизика Лорана, не знаю спускаться ли намъ еще ниже: говорить ли объ абсурдахъ кардинала Раушера, посвятившаго позитивизму весьма длинную и весьма безтолковую рѣчь? Точка зрѣнія, на которой стоитъ, забавный въ своемъ гнѣвѣ, кардиналъ, избавляетъ меня, конечно, отъ необходимости перетряхивать старый хламъ, которымъ бойкій вѣнскій прелатъ думаетъ завалить возрастающій и укрѣпляю-

щійся позитивизмъ. Мнѣ бы, разумѣется, довольно было упомянуть только, что вотъ-де и кардиналы заговорили о позитивизмѣ, и этого было бы довольно. Но для Раушера приходится этотъ разъ сдѣлать исключеніе, такъ какъ онъ заявилъ о фактѣ крайне интересномъ и прямо относящемся къ вопросу, который насъ занимаетъ, а именно къ вопросу о распространеніи позитивизма. «Позитивизмъ!» восклицаетъ кардиналъ: «что это такое? Слово это рѣдко произносится у насъ, но дѣло каждодневно распространяется вокругъ насъ. Взгляды, которымъ позитивизмъ даетъ ясно-опредѣленный характеръ, разсматриваются въ журналахъ какъ потребность прогресса, какъ законъ будущаго; взгляды эти господствуютъ въ политическихъ корпораціяхъ, о нихъ шумятъ въ тавернахъ и кафе, они производятъ бури въ конгрессахъ рабочихъ, а потому разсмотрѣть ихъ сущность было бы дѣломъ не лишнимъ». (Discours de son Em. le card. Rauscher, tenu le 7 mars 1869). Итакъ, скрытое состояніе позитивизма въ умахъ современнаго общества, такъ давно замѣченное позитивистами, наконецъ, бросается въ глаза и такимъ лицамъ, которыя наименѣе способны понимать современное умственное движеніе. Изъ этого можно только заключить, что въ отечествѣ кардинала Раушера симптомы внутренней работы мысли окружающаго его общества стали настолько явственны, что онъ не можетъ уже ихъ не видѣть. Это его огорчаетъ, конечно, какъ кардинала, и онъ старается раздавить новую силу всѣми имѣющимися въ его распоряженіи орудіями ветхаго римскаго арсенала; но это удается ему еще менѣе, чѣмъ тѣмъ, которые заимствуютъ свои аргументы изъ менѣе мертвыхъ источниковъ. О Раушерѣ говорить болѣе нечего.

Я бы не исчерпалъ всего, что было писано о позитивизмѣ, еслибы не упомянулъ еще объ одномъ стихотвореніи, посвященномъ обличенію его. Стихотвореніе это не ново, но еще неизвѣстно русскимъ читателямъ; оно написано нѣкоей Луизой Аккерманъ.

LE POSITIVISME.

Il s'ouvre par là toute science humaine
Un vide dont la Foi fut prompte à s'emparer.
De cet abime *obscur* elle a fait son domaine;
En s'y précipitant *elle a cru* l'éclairer.
Eh bien! nous l'expulsons de tes divins royaumes,

Dominatrice ardente, et l'instant est venu
Oú tu ne saura où loger tes fantômes;
Nous fermons l'inconnu!
Mais ton triomphateur expiera ta défaite.
L'homme déjà se trouble, et, vaincueur éperdu,
Il se sent ruiné par sa propre conquête;
Pour te déposséder nous avons tout perdu.
Nous restons sans clarté, sans éspoir, sans refuge,
Tandis que le Désir, noble et dernier transfuge
S'égare encore autour du gouffre défendu.

Этимъ курьезомъ мы оканчиваемъ обозрѣніе мнѣній, высказанныхъ въ сферѣ общихъ вопросовъ.

Если теперь мы обратимся къ сочиненіямъ, которыя изслѣдуютъ вопросы спеціальные, то здѣсь, прежде всего, намъ придется остановиться надъ 8 книжками «Обозрѣнія» Литтрé и Вырубова за весь прошлый годъ и за четыре мѣсяца текущаго года. Книжки эти полны матеріала въ высшей степени важнаго и интереснаго для всякаго, не безразлично относящагося къ позитивной философіи. Какъ я и упомянулъ уже, на первомъ планѣ здѣсь стоятъ статьи по соціологіи. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ редакторамъ «Обозрѣнія»—Литтрé и Вырубову, и на нихъ мы только и остановимся, имѣя въ виду краткость нашего отчета. Весьма хорошія статьи по разнымъ отдѣламъ соціологіи принадлежатъ также Кателинó, Монтрун, Стюпюи, Баньо, и др. Между статьями по другимъ наукамъ нельзя не упомянуть о трудѣ доктора Робена «De l'appropriation des parties organiques et de l'organisme à l'accomplissement d'actions déterminées»;—Ноэля «Le science géometrique dans l'Inde ancienne»;—Вырубова «De l'individu dans le règne inorganique». Объ остальныхъ я умолчу, потому что, имѣя возможность дать идею о содержаніи только крайне ограниченнаго числа статей «Обозрѣнія», я, поневолѣ, довольствуюсь тѣмъ, что стараюсь возбудить интересъ къ этому изданію. Болѣе же или менѣе полное перечисленіе статей, помѣщенныхъ въ немъ, было бы совершенно безполезно.

Начнемъ со статей Литтрé.

Этюдъ, озаглавленный: «Du mythe de l'arbre de vie et de l'arbre de la science du bien et du mal dans la genèse» есть несомнѣнно трудъ весьма замѣчательный. Литтрé даетъ въ немъ понятіе о корнѣ и развитіи той догматической идеи, на которую указываетъ заглавіе. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, слѣдить

за всѣми фактами и доводами, доставляемыми обширной эрудиціей и могучей аргументаціей Литтрé, такъ какъ предметъ его изслѣдованія и до сихъ поръ еще находится у насъ за шлагбаумомъ свободнаго слова; но пользуясь тою частью статьи, которая намъ доступна, мы можемъ сдѣлать намекъ на воззрѣнія Литтрé, представивъ очеркъ происхожденія и роста миѳа Прометея. Объясненіе этого миѳа можетъ служить для объясненія и многихъ другихъ, особенно же тѣхъ, которые представляютъ съ миѳомъ Прометея болѣе или менѣе разительныя черты сходства.

Читатель помнитъ, конечно, миѳъ Прометея. Завязка этого миѳа совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ легендарной традиціи, когда боги не были расположены къ людямъ и боялись, чтобы люди, сдѣлавъ какое-либо важное открытіе, не сравнялись съ ними, не получили ихъ славы, не посягнули на ихъ могущество. Эта черта отношеній между людьми и богами болѣе или менѣе свойственна всѣмъ религіознымъ преданіямъ и намекаетъ на первые шаги торжества надъ природою, на первые шаги культуры, а, быть можетъ, и на первые шаги сомнѣнія. Въ миѳѣ Прометея, Зевсъ, не расположенный къ роду человѣческому, подобно всѣмъ другимъ жителямъ Олимпа, удерживаетъ огонь, не открываетъ его людямъ, зная, что безъ огня никакая жизнь, никакой трудъ не могутъ развиваться. Участіе въ судьбѣ людей принимаетъ титанъ Прометей; онъ похищаетъ огонь у Зевса и передаетъ его людямъ. Онъ оказываетъ имъ неоцѣнимое благодѣяніе: онъ спасаетъ ихъ отъ вѣчнаго дикаго состоянія. Зевсъ не сноситъ этого смѣлаго поступка титана и приковываетъ его къ кавказской скалѣ, гдѣ ежедневно орелъ выклевываетъ ему наростающую печень. Отъ этихъ страданій спасаетъ Прометея сынъ самого Зевса—Геркулесъ, убивающій орла и освобождающій Прометея отъ оковъ. Это освобожденіе Прометея есть вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе человѣчества, примиряющагося теперь съ Зевсомъ.

Отвлеченный смыслъ этого миѳа ясенъ даже безъ комментарій, такъ какъ мотивы дѣйствій Прометея и Геркулеса опредѣленно указываютъ на борьбу о благѣ человѣчества, стремящагося побѣдить или умиротворить враждебныя ему силы; удачныя же дѣйствія героевъ показываютъ, что борьба велась, хотя и съ перипетіями счастія и несчастія, но въ концѣ-концовъ удачно: приводила къ торжеству человѣка, торжеству, созидающе-

му и внѣшнее благосостояніе и внутренній миръ. Но, кромѣ смысла отвлеченнаго, новѣйшая наука умѣла найти въ каждомъ миѳѣ тотъ конкретный элементъ, который послужилъ ему корнемъ и изъ котораго миѳъ развился потомъ въ болѣе или менѣе пышный поэтическій цвѣтъ; какъ, напримѣръ, миѳъ Прометея изъ простого конкретнаго начала, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, перешелъ въ легенду, въ образное выраженіе извѣстнаго міросозерцанія, и еще позже, въ трилогію Эсхила— это чудное созданіе эллинскаго ума.

Корень миѳа въ настоящемъ случаѣ есть фактъ открытія огня. Но какимъ образомъ фактъ этотъ остался въ народной памяти и былъ восхваленъ и возвеличенъ? Такимъ, отвѣчаютъ новѣйшіе изслѣдователи, что открытіе огня было издревле освящено въ богослуженіи индо-европейскихъ народовъ. «Pramathius», по-санскритски называется то дѣйствующее лицо древнѣйшей литургіи, которое воспламеняетъ жертву при ея приношеніи. Такимъ образомъ, «Pramathius» былъ открытою темою для легенды, и если въ Индіи онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и въ древности, за то въ Греціи онъ развился въ геніальный миѳъ, миѳъ заключающій въ себѣ опредѣленное философское и религіозное воззрѣніе на судьбы человѣческаго рода и его развитіе.

Но кромѣ развитія миѳа для соціолога не менѣе важно и его разложеніе. Такое разложеніе миѳа, о которомъ идетъ рѣчь въ статьѣ Литтрé, имѣетъ для насъ тѣмъ бо́льшую важность, что совершается у насъ передъ глазами и имѣетъ, и будетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія.

Изслѣдуя развитіе и разложеніе избраннаго имъ миѳа, Литтрé приходитъ въ соприкосновеніе съ общими вопросами историческаго развитія европейскихъ народовъ и дѣлаетъ по этому поводу общій очеркъ перехода древняго міра въ новый. Знакомство съ этимъ очеркомъ можетъ дать понятіе о взглядѣ Литтрé на одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ исторіи.

«Когда Римъ сталъ владыкой судебъ цивилизованнаго міра и соединилъ въ одно соціальное тѣло парѳянъ на востокѣ и германцевъ на сѣверѣ,—говоритъ Литтрé,—въ это время всѣ теологическіе и метафизическіе элементы были готовы для новой обработки: монотеизмъ у евреевъ и главныхъ философовъ греческихъ; идея злого духа у евреевъ и дуалистическое ученіе Авесты; «вѣчная премудрость» Зороастра и «логосъ» Пла-

тона; ученіе объ искупленіи въ Иранѣ и у евреевъ, не чуждое и грекамъ чрезъ посредство миѳа Прометея; воскресеніе у фарисеевъ и послѣдователей Зороастра;—вотъ что̀ испытывало процессъ броженія въ столь смѣшанныхъ тогда идеяхъ Востока и Запада; все это въ цѣломъ имѣло свое начало въ элементахъ предшествующихъ и приготовляло посредствомъ того же закона преемства элементы будущаго. Обновленію особенно благопріятствовало то, что политеизмъ падалъ самъ собою, презираемый философами, подрываемый ихъ критикою, слабо поддерживаемый чувствами толпы, страстно кидавшейся на всякого рода религіозныя крайности. Когда масса исчисленныхъ выше теологическихъ элементовъ получила опредѣленную форму и была запечатлѣна духомъ высокой морали, тогда благая вѣсть о такомъ событіи быстро распространилась между жителями городовъ; села дольше оставались чужды этому движенію. Спасаясь отъ бѣдствій времени, народъ со всѣхъ сторонъ спѣшилъ въ это нравственное убѣжище, которое стало такимъ образомъ кровомъ, пріютившимъ бѣжавшихъ изъ язычества и началомъ новаго общества. Если впослѣдствіи это новое общество взяло верхъ надъ варварами, положило основы средневѣковаго періода и стало на столько прогрессивнымъ, что было въ состояніи произвести новую эру, то оно было тѣмъ обязано не своей теологіи и морали, но другимъ условіямъ. Теологическое міросозерцаніе, не менѣе моральное, чѣмъ то, о которомъ идетъ рѣчь,—буддизмъ,—было лишено однако же всякой прогрессивной силы и оставило населенія, принявшія его, въ томъ же состояніи застоя, въ которомъ оно застало ихъ. Прогрессивнымъ элементомъ въ разсматриваемомъ случаѣ была греческая наука, греческая литература, греческое искусство. Они извлекли міръ изъ той колеи, въ которой онъ шелъ и исходная точка котораго находится на Востокѣ, и съ тѣхъ поръ переработавшись мало-по-малу въ ученіе философско-положительное, они стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе преобладающее значеніе для судебъ цивилизаціи» («Les deux arbres de la genèse» Revue, № 3, 1869, p. 352).

Другая статья того же автора «De l'ancien Orient» написана по поводу сочиненія Ленормана «Manuel de l'hist. ancienne de l'Orient». Не отвлекаясь частными вопросами, мы остановимся только надъ нѣкоторыми мыслями, относящимися къ «эскизу плана всеобщей исторіи». Сдѣлавъ очеркъ развитія, обнимаю-

щаго древнія восточныя монархіи, Грецію, Римъ, средневѣковой Западъ и народовъ новаго времени, Литтрé ставитъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ народамъ, о которыхъ онъ умолчалъ. Согласно его взгляду, охватить все человѣчество, не нарушая его единства, возможно только при томъ условіи, чтобы частныя исторіи вводились тогда только, когда онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ великою исторіею, имѣющею предметомъ *жизнь человѣчества* и созданіе его господства надъ землею. «Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—исторія Индіи должна быть включена во всеобщую исторію только въ тотъ моментъ, когда страна эта вступаетъ въ сношенія съ регулирующимъ политическимъ тѣломъ. Быть можетъ, будетъ выражено удивленіе по поводу того, что о странѣ, исторія которой слываетъ за столь глубоко-древнюю, я не желаю говорить тогда же, какъ и о Вавилонѣ и Египтѣ; но подлинная достовѣрность этой исторіи не восходитъ ранѣе Ведъ, древность которыхъ далеко не достигаетъ древности египетскихъ памятниковъ; кромѣ того, Индія оставалась изолированною на своемъ полуостровѣ, въ своихъ кастахъ, въ своей неподвижности; она не вліяла на судьбы развитія. То же слѣдуетъ сказать и о Китаѣ: онъ не вліялъ на ходъ цивилизаціи и его древность, хотя и глубокая, не можетъ сравниться съ древностью восточныхъ монархій. Индія и Китай представляютъ собой двѣ великія страны, остававшіяся внѣ движенія и никогда небывшія органами развитія. Остальное—Америка, Африка, Австралія имѣютъ гораздо меньшее значеніе и подводятся подъ тотъ же законъ» («Revue». № 6. 1869, p. 376).

Кромѣ упомянутыхъ статей и этюдовъ по психологіи и морали, есть еще въ «Обозрѣніи» и публицистическія статьи Литтрé по поводу современныхъ событій. Чтобы дать понятіе о направленіи, которое сообщаетъ положительная философія въ сферѣ этихъ вопросовъ, мы представимъ небольшое извлеченіе изъ статьи «De la méthode en sociologie». «Наивысшая наука іерархическаго ряда,—говоритъ Литтрé,—соціологія. Въ ней поэтому всего труднѣе дѣлать дедукціи, выводить отдаленныя заключенія, строить будущее». Литтрé не отрицаетъ того, чтобы въ привычкахъ не лежало нѣчто прямо противоположное, но, слѣдуя своему методу, онъ не навязываетъ объекту того, чего въ немъ нѣтъ. Такое рѣшеніе принято имъ не потому, чтобы ему было непріятно идти скорѣе, но потому что онъ дѣ-

лаетъ только то, что̀ возможно. Сама дѣйствительность какъ бы подкрѣпляетъ его своимъ ровнымъ поступательнымъ ходомъ. Она какъ бы представляетъ соціологическій методъ въ дѣйствіи и даетъ эмпирическое объясненіе могущества этого метода. «Выходитъ ли изъ этого,—говоритъ Литтре́,—что надо слѣдовать за слѣпымъ ходомъ событій безъ путеводной нити, безъ указаній для выбора? Нѣтъ, разумѣется; и не трудно указать, гдѣ эта нить, гдѣ слѣдуетъ выбирать? Не вступая въ споры съ почитателями прошедшаго, можно указать на фактъ, противъ котораго не существуетъ никакихъ возраженій, а именно, что положительная наука находится въ постоянномъ возрастаніи, что мы постоянно научаемся лучше знать законы вещей и лучше пользоваться ими. Установивъ эту точку зрѣнія, мы переходимъ къ тому заключенію, что воспитаніе должно быть такъ же прогрессивно, какъ и наука, а прогрессивное воспитаніе—это непрестанное измѣненіе общественной нравственности; другими словами, это значитъ, что нашъ принципъ установляетъ необходимость улучшенія въ положеніи классовъ и отдѣльныхъ личностей. Вотъ нить, по которой надо слѣдовать; вотъ выборъ, который должно дѣлать въ ряду событій, сообразно съ тѣмъ, происходятъ ли они или подготовляются». («Revue». 1870. № 5, p. 202).

Какъ ни общи эти правила, они однакоже безъ затрудненія примѣняются къ ряду событій, совершающихся теперь во Франціи и, руководствуясь ими, Литтре́ установляетъ на эти событія тотъ взглядъ, который, будучи взглядомъ позитивиста, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ европейца, чуждый національной исключительности. Мнѣ особенно пріятно было бы остановиться надъ гуманными, истинно-просвѣщенными и либеральными взглядами Литтре́ и показать на нихъ нашимъ псевдо-патріотамъ какъ на образецъ дѣйствительно-разумнаго отношенія къ вопросамъ, которые они успѣли такъ пропитать своимъ золотушнымъ міросозерцаніемъ; но чтобы не обратить статьи этой въ политическое обозрѣніе, я ограничиваюсь сдѣланнымъ указаніемъ и продолжаю слѣдить далѣе за статьями «Revue».

Въ ряду статей по соціологіи для русскаго читателя имѣетъ особенный интересъ статья Вырубова «О пьянствѣ въ Россіи» («De l'ivrognerie en Russie». 1869, № 5). «Идея этой статьи,—говоритъ авторъ,—возникла у меня при чтеніи одного очень замѣчательнаго доклада о пьянствѣ русскаго народа, предста-

вленнаго петербургскому экономическому обществу, и разсужденій, возбужденныхъ этимъ докладомъ въ русской публицистикѣ. Докладъ этотъ, написанный превосходнымъ статистикомъ, совершенно чуждымъ впрочемъ тому ученію, развить и распространить которое мы стараемся, заключаетъ въ себѣ факты, показавшіеся мнѣ въ высшей степени важными для соціологической науки. На эти-то факты я и обращаю вниманіе мыслителей и политиковъ, прибавляя съ своей стороны нѣкоторыя разсужденія, выходящія изъ нихъ какъ естественное ихъ слѣдствіе. Въ статьѣ этой не встрѣтятъ поэтому ни изліяній скорби по поводу пьянства въ Россіи и его печальныхъ послѣдствій, ни соображеній о средствахъ, способныхъ остановить его: нельзя скорбѣть о томъ, что̀ исторически необходимо, и нельзя уничтожить слѣдствій прежде уничтоженія причины, ихъ производящей, такъ какъ нельзя излечить симптомы, не излечивъ болѣзни» (р. 264).

Обратимся теперь къ фактамъ, представленнымъ отчетомъ, о которомъ говоритъ Вырубовъ, и, для лучшаго ихъ уясненія, припомнимъ прежде всего, что законодательство о винокуреніи и продажѣ вина въ Россіи руководствовалось въ новѣйшее время двумя системами: прежде—откупной, теперь—акцизной. Система откупная, существовавшая до 1863 г., и система акцизная, введенная въ этомъ году, какъ извѣстно конечно читателю, представляютъ между собою двѣ діаметральныя противоположности по отношенію къ условіямъ потребленія народомъ водки. Чтобы вполнѣ оцѣнить эту противоположность, недостаточно сравнить обѣ системы какъ два законоположенія, но надо обратить еще вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя вызывались введеніемъ одной системы послѣ другой именно въ томъ порядкѣ, какъ это было, т.-е. вольной продажи водки послѣ монополіи торговли ею. Обстоятельства эти крайне важны и весьма разнообразны; напомнимъ только о тѣхъ, которыя произвели слово *дешевка* и о тѣхъ, которыя вызвали крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ къ такому непомѣрному производству этой дешевки, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочимъ охотнѣе платили ею, чѣмъ деньгами. Припомнимъ еще, наконецъ, что легкій способъ нажить деньги, опаивая народъ, привелъ въ движеніе даже ту часть общества, которая причисляетъ себя къ интеллигенціи и на которой лежитъ естественная обязанность заботиться о поднятіи матеріальнаго и нрав-

ственнаго уровня народнаго быта. Извѣстно, что многіе помѣщики жадно схватились за винокуреніе и кабаки, какъ за вѣрное средство поправить свои дѣла, подпорченныя эмансипаціей. Такимъ образомъ, на массу народа, издавна преданнаго пьянству, хлынуло, по мѣткому выраженію Вырубова, цѣлое море водки, а у народа не существовало иной защиты противъ этого наводненія, кромѣ естественныхъ законовъ, управляющихъ общественною жизнью. Что же должно было произойти при такихъ обстоятельствахъ?

Особенность этого вопроса заключается прежде всего въ томъ, что онъ касается столь рѣдкихъ въ соціологіи случаевъ, которые имѣютъ всѣ свойства соціологическаго опыта. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна условій потребленія алкоголя шла для народа извнѣ и не имѣла никакихъ промежуточныхъ, посредствующихъ мѣропріятій, которыя бы приспособляли испытуемую среду къ предстоящему надъ ней эксперименту и такимъ образомъ усложняли его. Экспериментъ былъ сдѣланъ такъ, какъ дѣлаютъ эксперименты въ опытныхъ наукахъ, и соціологъ поставленъ въ самыя благопріятныя условія для изученія значенія, дѣйствія и послѣдствій этого эксперимента. Такимъ образомъ, неожиданно является случай повѣрки и подтвержденія соціологическихъ законовъ, открытыхъ преимущественно путемъ наблюденія.

Этотъ взглядъ на вопросъ связываетъ его съ другимъ, болѣе общимъ вопросомъ, а именно съ вопросомъ о томъ: въ какой мѣрѣ зависитъ развитіе народа отъ декретовъ и внѣшнихъ вліяній? Читателю извѣстно, конечно, что положительная философія, признавая извѣстные естественные законы соціологическаго развитія, не можетъ допустить, чтобы законы эти могли быть нарушены посредствомъ болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ толчковъ извнѣ; она утверждаетъ, что соціологическіе законы такъ же, какъ и всѣ естественные законы дѣйствуютъ независимо отъ всякой воли, а потому и измѣнены быть не могутъ. На основаніи такого взгляда позитивистъ имѣетъ возможность отвѣчать на поставленный выше вопросъ. Онъ можетъ утверждать, что потребленіе алкоголя народомъ, не будучи обусловлено извнѣ, не можетъ измѣниться поэтому отъ измѣненія внѣшнихъ условій, или точнѣе, что количество потребляемой водки пропорціонально населенію страны должно быть одинаково, какъ при откупной, такъ и при акцизной си-

стемѣ (если только это потребленіе не возрастетъ отъ другихъ причинъ, коренящихся въ жизни самаго народа).

Принципы положительной философіи, прежде какъ и теперь, были неизвѣстны тѣмъ, которые съ тѣми или другими цѣлями дѣлали себя, такъ сказать, прикосновенными вопросу о потребленіи водки, а потому въ первые годы акцизной системы и составилось убѣжденіе, что пьянству предстоитъ въ нѣкоторомъ родѣ блестящая будущность. Моралисты и исправляющіе ихъ должность, испугались искренно или лицемѣрно такой будущности и усилили свою проповѣдь; тѣ же, которымъ возрастаніе потребленія водки было выгодно, стали бороться противъ общества трезвости, плодить кабаки, созидать винокурни. Въ первое время и моралисты и производители повидимому возбуждены были не напрасно: потребленіе водки усилилось; но утекалъ годъ за годомъ и заведенія начинали закрываться. Моралисты поуспокоились. И когда, наконецъ, по прошествіи 6 лѣтъ, собраны были точныя статистическія данныя о количествѣ водки, потребляемой въ Россіи, то оказалось, что количество это не возросло и твердо стоитъ на томъ уровнѣ, на которомъ оно стояло во времена откупа. Цифры, подтверждающія этотъ выводъ, приведены въ докладѣ Бушена, представленномъ вольно-экономическому обществу. Такимъ образомъ, вполнѣ подтверждается то, что̀ утверждаетъ положительная философія, и соціологическій опытъ, о которомъ сказано выше, имѣетъ, слѣдовательно, весьма важное для нея значеніе.

Не меньшее значеніе имѣютъ и выводы положительной философіи изъ изученія совершеннаго передъ глазами ея опыта. Въ дѣйствіи и воздѣйствіи жизни и философіи, наблюдаемыхъ въ настоящемъ случаѣ, открываются какъ нельзя лучше связь, которую онѣ взаимно имѣютъ, и цѣна одной для другой. А это взаимнодѣйствіе, въ свою очередь, наводитъ насъ на мысль о сравненіи философіи, опирающейся на науку, съ метафизикой, теряющейся въ туманныхъ сферахъ своихъ отвлеченныхъ умозрѣній.

Чтобы вѣрно оцѣнить фактъ, добытый статистическимъ изслѣдованіемъ Бушена, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду различіе между количествомъ алкоголя, потребляемаго тою или другою страною, и степенью распространеннаго въ ней пьянства. Потребленіе алкоголя есть результатъ естественной потребности, свойственной всѣмъ человѣческимъ обществамъ безраз-

лично, ибо повсемѣстно въ томъ или другомъ видѣ потребляется опредѣленное количество алкоголя, не только безъ вреда для организма потребляющихъ, но съ пользою для него. Совсѣмъ другое—пьянство, представляющее аномалію общественнаго порядка, ибо оно существуетъ всегда въ одномъ слоѣ общества преимущественнѣе чѣмъ въ другомъ, и, слѣдовательно, вызывается не естественною, общею всѣмъ, потребностью, но иными причинами. Съ успѣхами цивилизаціи пьянство всегда уменьшается и замѣняется правильнымъ потребленіемъ водки, т.-е. потребленіемъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ организма и не доводящимъ до опьяненія. Такое потребленіе увеличиваетъ общее количество алкоголя, потребляемаго народомъ, и, такимъ образомъ, ставитъ это количество въ отношеніе обратно пропорціональное къ пьянству.

Имѣя въ виду это различіе, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что окончательное заключеніе изъ доклада Бушена и свидѣтельствуетъ именно о томъ, что введеніе акцизной системы нисколько не измѣнило дѣла, до котораго касалось: количество потребляемаго алкоголя осталось то же и пьянство, существовавшее прежде, продолжало существовать. Итакъ, причина пьянства не въ системѣ правилъ производства и продажи вина. Въ чемъ же она заключается? Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который и приведетъ насъ къ выводамъ, о которыхъ сказано выше.

Изслѣдуя различныя объясненія причинъ пьянства, Вырубовъ начинаетъ съ климатическихъ условій: не склоннѣе ли къ излишеству потребленія водки народы, обитающіе на сѣверѣ, болѣе чѣмъ тѣ, которые живутъ на югѣ и въ умѣренномъ поясѣ? спрашиваетъ онъ. Нѣкоторые утверждаютъ, на основаніи различныхъ данныхъ, что холодный климатъ значительно способствуетъ усиленію потребности для организма въ алкоголѣ. Разсужденія эти, однакоже, рѣшительно опровергаются фактами. Тщательное статистическое изслѣдованіе показало, что русскій народъ, напримѣръ, пьетъ очень мало, гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ, такъ что существующее въ немъ пьянство никакъ не можетъ считаться результатомъ избытка потребляемой водки. Я не привожу цифръ, какъ онѣ ни интересны;—читатель найдетъ ихъ въ статьѣ Вырубова.

Было высказано еще мнѣніе, что пьянство въ Россіи происходитъ отъ невѣжества русскаго народа, отъ отсутствія въ немъ нравственности и преобладанія матеріальныхъ интересовъ надъ

интересами духовными. Вырубовъ находитъ, что мнѣніе это не идетъ далѣе неопредѣленныхъ, общихъ фразъ, ровно ничего не объясняющихъ и дающихъ только поводъ къ длиннымъ поученіямъ, неисполняемымъ прежде всего тѣми, которые думаютъ исправлять ими другихъ. Да, наконецъ, еслибы та мораль, которую считаютъ высшею и спасительною отъ всѣхъ пороковъ и между прочимъ и отъ пьянства, обладала дѣйствительно чудною силою исцѣленія отъ него, то не магометане отличались бы какъ образцы трезвости, а тѣ, которые ею проникнуты. Что же касается невѣжества, какъ причины склонности къ пьянству, то нельзя не замѣтить, что пьянство наиболѣе распространено именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя справедливо считаются наиболѣе образованными (Московская, Тверская, Новгородская), и что оно достигаетъ *maximum*'а, какъ и вездѣ въ Европѣ, въ большихъ городахъ, гдѣ работникъ несомнѣнно болѣе развитъ умственно, чѣмъ крестьянинъ. И развѣ кто утверждалъ когда-нибудь, что трезвые татары болѣе развиты умственно, чѣмъ русскіе? «Нѣтъ сомнѣнія,—прибавляетъ къ этому Вырубовъ,—что еслибы массы были столь же развиты какъ то меньшинство, которое повсемѣстно составляетъ либеральную партію, то пьянство перестало бы существовать; но это обстоятельство не дало бы еще права заключить отъ одного факта къ другому, какъ отъ причины къ слѣдствію, потому что тогда все измѣнилось бы и соціальный порядокъ былъ бы другой» (р. 276).

Не отыскавъ причины пьянства въ указанныхъ выше условіяхъ быта русскаго народа, намъ теперь остается только разсмотрѣть условія экономическія.

Масса русскаго народа живетъ обработкой небольшого клочка земли, который, вслѣдствіе климатическихъ условій, не доставляетъ работы на весь годъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ вынужденъ работать усиленно нѣкоторую часть года и осужденъ на бездѣйствіе во все остальное время. Какъ работаетъ русскій крестьянинъ, пока у него есть работа, то, конечно, хорошо извѣстно русскому читателю, который, вѣроятно, если не бывалъ въ деревняхъ въ періодъ страднаго времени, то ужъ безъ сомнѣнія слышалъ о немъ. Результатомъ усиленныхъ трудовъ, въ теченіе которыхъ работникъ отличается всегда примѣрною трезвостью, бываетъ скудный заработокъ, который за вычетомъ разнаго рода платежей, лежащихъ такимъ бременемъ на на-

шемъ мужикѣ, даетъ столь ничтожный остатокъ, что не всегда бываетъ возможно прожить безъ нужды зимніе мѣсяцы. О сбереженіяхъ и запасахъ на случай неурожая, пожаровъ и пр. не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, проработавъ лѣто какъ волъ, русскій крестьянинъ не всегда можетъ добиться даже и того, чтобы обезпечить семью. Что же удивительнаго, если осѣдлой жизни среди нищеты и горя онъ предпочитаетъ скитаніе по разнымъ мѣстамъ обширнаго отечества для отысканія себѣ работы, которую часто не находитъ, и нищенствуетъ. Когда же именно пьетъ онъ при такихъ условіяхъ своего быта? Очевидно, что онъ не можетъ пить постоянно, не можетъ онъ регулярно удовлетворять потребности натуры своей въ алкоголѣ; онъ пьетъ тогда, когда у него являются деньги; деньгами этими онъ не дорожитъ, такъ какъ они не могутъ вывести его изъ бѣдности, не могутъ установить порядка въ его жизни. Онъ пьетъ много сразу; онъ пьянствуетъ. Конечно, есть исключенія. Есть крестьяне, которымъ удалось побѣдить окружающія ихъ трудности и добыть себѣ достатокъ. Но за то и извѣстно всякому, что пьянствуетъ въ Россіи не синій кафтанъ, а сермяга. Всматриваясь въ бытъ фабричныхъ и сельскаго духовенства, мы легко найдемъ, конечно, существенныя черты сходства этого быта съ бытомъ крестьянскимъ. Вездѣ одна и та же причина, одни и тѣ же слѣдствія. Бѣдность, происходящая отъ плохо—и главное нерегулярно вознаграждаемой работы,—вотъ корень зла. «Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ Вырубовъ—что этотъ корень находится въ зависимости отъ другихъ корней и, еслибы продолжать анализъ, то легко было бы замѣтить, что климатъ, этотъ великій врагъ русской цивилизаціи, географическое положеніе, населеніе пока еще очень не густое, и тысяча другихъ явленій причиняютъ то плачевное экономическое положеніе, которое мы теперь видимъ въ Россіи. Но, при изученіи соціальныхъ фактовъ, всегда столь сложныхъ, надо умѣть остановиться на причинахъ самыхъ прямыхъ, самыхъ непосредственныхъ; подъ этимъ условіемъ только соціологическіе законы могутъ быть наблюдаемы».

Опредѣливъ такимъ образомъ причину существующаго въ Россіи пьянства, Вырубовъ дѣлаетъ общій выводъ, заключающійся въ томъ, что: такъ-какъ не система производства и сбыта водки, не то или другое внѣшнее вліяніе на народъ опредѣляетъ то количество алкоголя, которое необходимо народу и, такъ-какъ пьянство, т.-е. нерегулярность потребленія водки

также не зависитъ отъ причинъ внѣшнихъ, то различныя мѣры, касающіяся мѣста, числа, величины и проч. кабаковъ и винокурень и тому подобныя, не трогающія корня дѣла, средства искорененія пьянства, не имѣютъ смысла и по самой природѣ вещей никогда не могутъ имѣть сколько-нибудь прочныхъ результатовъ.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Вырубова, что потребленіе алкоголя—какъ правильное, такъ и неправильное —зависитъ отъ экономическаго состоянія народа, я полагаю, что выводъ этотъ остается вѣренъ и въ томъ случаѣ, если цифры Бушена не вполнѣ точны, и если даже будетъ доказано, что въ послѣдніе 6 лѣтъ пьянство усилилось въ значительной степени. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, изслѣдуя причины пьянства надо будетъ только расширить анализъ и, не останавливаясь на явленіяхъ, имѣющихъ внѣшній и случайный характеръ, стараться охватить всю совокупность условій экономической жизни народа. Я думаю, что есть основанія не слишкомъ довѣрять собираемымъ у насъ статистическимъ даннымъ, а потому и нѣтъ причины останавливаться на выводахъ Бушена, какъ на несомнѣнныхъ. Съ другой же стороны и экономическое положеніе нашего народа такъ мало изслѣдовано, что нельзя отрицать, чтобы причина усиленія пьянства не лежала именно въ условіяхъ этого положенія, если только она не бросается въ глаза всякому. Въ одномъ офиціальномъ отчетѣ, явившемся послѣ статистическихъ изслѣдованій Бушена и статьи Вырубова, я встрѣчаю основанное на многочисленныхъ мѣстныхъ наблюденіяхъ рѣшительное увѣреніе, что пьянство во многихъ мѣстахъ усилилось, при чемъ причину такого явленія отчетъ видитъ въ дешевизнѣ водки и происходящемъ оттого безмѣрномъ умноженіи питейныхъ заведеній. Фактъ усиленія пьянства можетъ быть и вѣренъ, какъ я и сказалъ уже, но выводъ очевидно слишкомъ поспѣшенъ и основанъ на смѣшеніи понятія о пьянствѣ съ понятіемъ о потребленіи алкоголя вообще. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же дешевизна водки и многочисленность кабаковъ обусловливаютъ непремѣнно *неправильное* потребленіе водки, т.-е. пьянство? Этого изъ отчета не видно, да и не объяснено. Не рутинное ли ужъ это повтореніе затверженнаго объясненія, поверхностность котораго очевидна конечно для всякаго, вникнувшаго въ доводы Вырубова? Если пьянство у насъ усилилось, то вѣдь одновременно съ этимъ уси-

леніемъ народъ терпѣлъ страшныя слѣдствія неурожаевъ и другія тягости, доведшія его мѣстами до совершеннаго разоренія; да, наконецъ, на немъ не можетъ не отзываться паденіе нашего кредитнаго рубля. Вотъ причины, на которыя должно быть обращено вниманіе изслѣдователя, несбивающагося мыслью, что условія народной жизни такъ не сложны, что ихъ можно регулировать столь же легко, какъ, напримѣръ, уровень воды въ шлюзѣ. Пьянство, какъ мы видѣли, не прямо пропорціонально массѣ выпитой водки, а обратно. Этого какъ бы не хочетъ знать офиціальный отчетъ, а пора бы взглянуть на дѣло это серьезно.

Анализируя вопросъ о пьянствѣ въ Россіи, Вырубовъ указываетъ на то, что вопросъ этотъ прямо ведетъ къ другому, болѣе общему, къ вопросу о вліяніи искусственныхъ мѣръ на общественную нравственность. «Этотъ послѣдній вопросъ,—говоритъ онъ,—есть одинъ изъ тѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, которыми должна заниматься современная наука, ибо его общее разрѣшеніе неизбѣжно приводитъ къ рѣшенію одного изъ наиболѣе интересующихъ общество вопросовъ, а именно къ рѣшенію вопроса о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, было доказано, что преступленія суть явленія правильныя—а статистика повидимому доказываетъ это, потому что преступленія всегда выражаются постоянными цифрами въ данной средѣ; если бы, съ другой стороны, могла бы существовать увѣренность въ томъ, что наказанія и награды нисколько не измѣняютъ сущности народной совѣсти, тогда наказанія стали бы дѣломъ жестокости, дѣломъ, для котораго цивилизація наша не можетъ найти оправданія. Что до меня касается, то я склоненъ смотрѣть на это именно такъ, ибо тѣ факты, какіе до сихъ поръ извѣстны, говорятъ въ пользу этого взгляда, и потому еще, что взглядъ противоположный никогда не былъ доказанъ; но я не желаю теперь забѣгать впередъ и говорить о трудѣ, который обдумываю, и который появится въ этомъ «Обозрѣніи» (р. 282). Какъ бы подготовленіемъ къ этому труду, который нельзя не ожидать съ большимъ интересомъ, Вырубовъ помѣстилъ въ январьской книжкѣ «Обозрѣнія» за этотъ годъ статью «О методѣ въ статистикѣ». Въ статьѣ этой онъ проводитъ параллель между воззрѣніями на статистику О. Конта и Кеттле, и, указывая вѣрные взгляды и ошибки обоихъ, установляетъ тотъ методъ, который можетъ имѣть всѣ права на

названіе положительнаго. Читателю извѣстно, конечно, что вопросъ, разработку котораго обѣщаетъ Вырубовъ, былъ уже не разъ предметомъ изученія статистиковъ и что, кромѣ трудовъ Кеттле, положившаго основанія нравственной статистики, изучающій не можетъ обойти работъ Дюфо, Энгеля, Бокля, Вапеуса, Герри и многихъ другихъ. Въ высшей степени интересно въ этомъ смыслѣ небольшое сочиненіе Адольфа Вагнера «Die Gesetzmässigkeit in dem scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen». Нѣтъ сомнѣнія, что богатый матеріалъ, представляемый трудами этихъ ученыхъ, дастъ возможность Вырубову поднять разработку разсматриваемаго вопроса на ту высоту, которая удовлетворяла бы требованіямъ положительнаго метода.

Мнѣ приходится ограничиться тѣмъ, что̀ я сказалъ объ «Обозрѣніи», хотя въ немъ есть еще множество вещей, надъ которыми стоило бы остановиться; но передо мной еще нѣсколько новыхъ книгъ, и то, что̀ я долженъ сказать по поводу ихъ, не будетъ кратко, а потому я и намѣренъ перейти теперь къ нимъ.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ трудовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ позитивное ученіе, слѣдуетъ считать, я полагаю, сочиненіе Феликса Фуку—«Исторія работы» («F. Foucou. Hist. du travail».) Фуку обобщаетъ понятіе работы и разумѣетъ подъ этимъ словомъ совокупность всѣхъ условій, производящихъ цивилизацію. Прежде всего, согласно этому взгляду, работа у Фуку распадается на работу природы и работу человѣка. Работѣ природы посвящена первая половина книги: здѣсь авторъ разсматриваетъ тѣ силы, работа которыхъ произвела извѣстный рельефъ земли до появленія человѣка или видоизмѣнила этотъ рельефъ позже. Во второй половинѣ книги авторъ разсматриваетъ работу человѣка и дѣлаетъ очеркъ прогресса, существованіе котораго обусловлено этой работой. Такъ онъ послѣдовательно разсматриваетъ работу, потраченную на улучшеніе жилища, одежды, пищи, средствъ сообщенія и далѣе дѣлаетъ обзоръ вліянія наукъ на успѣхи цивилизаціи, переходя отъ одной науки къ другой по порядку ихъ іерархической классификаціи. Въ этомъ интересномъ обзорѣ читатель встрѣтитъ много дѣльныхъ мыслей, тонкую наблюдательность, весьма обширную эрудицію и причислитъ, конечно, книгу Фуку къ одному изъ полезныхъ вкладовъ въ столь мало еще разработанную соціологію. Нельзя обойти молчаніемъ, впрочемъ,

весьма крупной ошибки Фуку: работѣ природы онъ придаетъ слишкомъ обширное значеніе и, говоря о ея вліяніи на цивилизацію, часто забываетъ о другихъ условіяхъ, имѣвшихъ на нее не меньшее вліяніе. Ошибка эта значительно ослабляетъ достоинства первой части книги и какъ бы выставляетъ на первый планъ—вторую, въ которой особенно хорошъ очеркъ вліянія наукъ.

Для ближайшаго ознакомленія съ книгой Фуку, я выбираю XII главу 2-й части: «Influence des sciences pures sur le travail de l'homme». Глава эта служитъ вступленіемъ въ изслѣдованіе вопроса, на который она указываетъ, и содержитъ, между прочимъ, разъясненія весьма важныхъ для исторіи наукъ вопросовъ. Ни одна отрасль исторіи не разработана такъ мало, какъ исторія наукъ: единственный трудъ, обѣщавшій удовлетворить современнымъ требованіямъ, давно остановился на 1-мъ выпускѣ, и съ настоящаго года только опять явилась счастливая надежда на его окончаніе. Но, пока трудъ этотъ разрабатывается при болѣе благопріятной, чѣмъ прежде, обстановкѣ, тамъ, гдѣ работали Монтюкла и Либри, литература исторіи наукъ остается попрежнему бѣдной, и вслѣдствіе того ложные факты, предразсудки, даже нелѣпости въ сильной степени подмѣшаны къ тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя распространены въ обществѣ даже о новѣйшей эпохѣ развитія и успѣховъ наукъ. При такихъ условіяхъ, данныя, доставляемыя книгой Фуку, могутъ быть очень полезны. Такъ, глава, о которой я хочу сказать нѣсколько словъ, направлена противъ весьма распространеннаго предразсудка, будто великія научныя открытія произошли не въ силу медленнаго, постояннаго прогресса, обусловливаемаго прежде всего дѣятельностью тысячи тружениковъ, подготовлявшихъ открытіе въ теченіе долгаго времени, но исключительно благодаря тому или другому внезапному и непредвидѣнному случаю. Народное воображеніе еще и теперь любитъ театральные эффекты, а потому, объясняя возникновеніе какого-нибудь великаго открытія, оно измышляетъ одинъ разительный, случайный фактъ и сопоставляетъ его съ героемъ, который, безъ всякой посторонней помощи, одинъ дѣлаетъ всѣ выводы изъ этого факта и доходитъ до прославляющаго его открытія. Такъ, Ньютонъ, видя паденіе яблока, доходитъ до открытія закона тяготѣнія; Папенъ открываетъ свойства пара и примѣняетъ его какъ движущую силу, замѣчая

приподниманіе крышки горшка, въ которомъ варилась вода; Гальвани, при видѣ судорогъ трупа лягушки, открываетъ, названныя его именемъ, электрическія явленія; Рожеръ Бэконъ, случайно смѣшавъ селитру, сѣру и уголь и случайно взорвавъ эту смѣсь, открываетъ порохъ. Всѣ эти анекдоты новы и поддерживаются даже учеными авторитетами, но тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ ни слова правды. Фуку напоминаетъ, что новѣйшимъ популяризаторамъ удалось уже опровергнуть ихъ. Въ настоящее время всякому должно быть извѣстно, что не паденіе яблока, а законы Кеплера привели Ньютона къ открытію всемірнаго тяготѣнія. Точно также, упругость пара, при всей неоспоримой геніальности Папена, не могла быть примѣнена ранѣе, чѣмъ не была установлена теорія сгущенія пара, которая, въ свою очередь, установилась только съ помощью термометра, послѣднія усовершенствованія въ устройствѣ котораго явились весьма поздно. Динамическое электричество или гальванизмъ точно также не явились вслѣдствіе случая: Гальвани около семи лѣтъ занимался физіологическими изслѣдованіями лягушекъ, когда въ лабораторіи его, въ Болоньѣ, начались физическіе опыты, чуждые его спеціальности, и теперь извѣстно, что характеръ его занятій былъ таковъ, что тотъ случай, на который всегда указываютъ, какъ на источникъ открытія, только ускорилъ это открытіе; Гальвани же и безъ помощи этого случая неизбѣжно пришелъ бы къ своему открытію. Относительно пороха слѣдуетъ сказать то же: открытіе пороха не было случайно: составъ весьма къ нему близкій былъ извѣстенъ уже арабамъ, но составъ арабовъ не производилъ взрывовъ, по причинѣ неумѣнія очищать входившей въ него селитры. Успѣхи химіи были, слѣдовательно, необходимы для этого открытія и оно явилось дѣйствительно только благодаря имъ.

«Всѣ эти факты—говоритъ Фуку—показываютъ, что открытія подчинены строгимъ законамъ развитія и совершенствованія. Порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ, вовсе не случайный. Тотъ или другой зародышъ будущаго открытія, возникая, благодаря уму генія или ряду неизвѣстныхъ усилій, остается обреченнымъ на безплодіе въ теченіе столѣтій, потому что для развитія онъ нуждается въ такихъ условіяхъ, которыя не успѣли еще выработаться, въ такой научной теоріи, которая почему-либо запоздала. Эта теорія, въ свою очередь, ждетъ, быть можетъ, своего орудія наблюденія, требующаго вещества, обра-

ботка котораго еще неизвѣстна. Но настаетъ время, когда обработка этого вещества открывается гдѣ-нибудь, и, вслѣдъ за тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ какой-нибудь темный труженикъ, не сознавая той услуги, которую онъ оказываетъ людямъ, придаетъ веществу этому ту форму, благодаря которой оно дѣлается орудіемъ наблюденія; еще въ иномъ мѣстѣ орудіе это попадаетъ въ руки ученыхъ, которые совершенствуютъ при его помощи запоздавшую теорію. Далѣе, подъ вліяніемъ какой-нибудь потребности, давно уже заявленной потребителями, изобрѣтательность изощряется въ примѣненіи научныхъ открытій и извлеченіи изъ нихъ силъ, производящихъ работу. Наконецъ, промышленность, побуждаемая законною жаждою прибыли, подстрекаемая свободною конкуренціей, эксплуатируетъ эти силы и, работая для возрастанія своего благосостоянія, работаетъ въ то же время въ пользу возрастанія производительныхъ силъ общества. Родъ человѣческій не инымъ путемъ шелъ къ обладанію тою суммою богатствъ и тѣми средствами дѣйствія, которыя нынѣ находятся въ его распоряженіи» (р. 246).

Рядомъ съ книгой Фуку можно поставить работу извѣстной ученой женщины Клемансъ Ройе—«Происхожденіе человѣка и обществъ» (Cl. Royer. Origine de l'homme et des sociétés). Сочиненіе Ройе, уступая труду Фуку по оригинальности, стоитъ выше его по громадной рудиціи автора, собравшаго въ своемъ огромномъ томѣ (около 600 стр.) почти все (280 сочиненій), что̀ даетъ новѣйшая наука по разсматриваемому въ книгѣ вопросу. Ройе—сотрудница «Обозрѣнія» и—еще въ прошломъ году помѣстила въ немъ статью о Ламаркѣ. Нечего и говорить послѣ этого, что и новое ея сочиненіе проникнуто тѣмъ же міровоззрѣніемъ, что и предыдущая работа. Замѣчу только, что обширная работа ученаго автора обошлась не безъ промаховъ, и что книгѣ много вредитъ незнакомство Ройе съ трудами Гэккеля.

Близкимъ по своему предмету къ названнымъ двумъ сочиненіямъ стоитъ вышедшее новымъ изданіемъ сочиненіе А. Мори—«Земля и человѣкъ» (A. Maury. La terre et l'homme). О сочиненіи этомъ приходится упомянуть потому, что Мори, какъ авторъ его, справедливо причисляется къ полупозитивистамъ, какихъ мы встрѣчали въ лицѣ В. Котты и Анджулли. Замѣтимъ только, что позитивизмъ Мори совершенно безсознателенъ и является помимо воли автора, какъ результатъ строго-научнаго

метода. Съ этой стороны книга Мори можетъ справедливо считаться, какъ говорятъ, явленіемъ знаменательнымъ.

Чтобы не пройти молчаніемъ всѣхъ проявленій позитивизма, за которыми мнѣ удалось услѣдить, я упомяну еще о лекціи Фаррара, напечатанной, въ переводѣ съ англійскаго, въ «Revue des cours littéraires» (1869 г., № 45). Лекція эта посвящена объясненію научнаго значенія филологіи и проводитъ на развитіе этой науки взглядъ чисто-позитивный. «Исторія филологіи— говоритъ Фарраръ—совершенно сходна съ исторіей всѣхъ другихъ наукъ. Точно также, какъ эти науки, филологія проходила черезъ три послѣдовательные періода: періодъ теологическій, періодъ эмпирическій (который Фарраръ называетъ ниже и метафизическимъ) и періодъ позитивный» (р. 710). Мы не будемъ останавливаться надъ развитіемъ мысли Фаррара, такъ какъ это слишкомъ увлекло бы насъ въ сторону, и обратимъ вниманіе читателя только на то, что нелѣпыя сужденія Гэксли о позитивизмѣ не помѣшали этому ученію проникнуть въ Англіи въ ту отрасль знаній, на которую, сколько мнѣ извѣстно, позитивизмъ не оказывалъ еще до сихъ поръ вліянія.

Разсмотрѣнныя статьи и книги представляютъ, сколько мнѣ извѣстно, главныя явленія новѣйшей иностранной литературы позитивизма. Теперь оставалось бы только обратиться къ литературѣ русской; но, принимая во вниманіе, что читатель, интересующійся положительной философіей (а другого въ виду я и не имѣю), конечно, на столько знакомъ съ мнѣніями, высказанными о ней у насъ, что я ужъ не могу сообщить ему ничего новаго, и ограничусь только указаніемъ на нѣкоторыя неточности, замѣченныя мною у писателей, говорившихъ о позитивизмѣ. При этомъ я буду имѣть случай говорить о тѣхъ сторонахъ позитивизма, которыя еще недостаточно извѣстны читателю, знакомому съ этимъ ученіемъ по источникамъ, имѣющимся на русскомъ языкѣ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ я долженъ поставить прекрасную статью г. Михайловскаго, помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ «Отеч. Зап.» текущаго года, подъ названіемъ: «Суздальцы и суздальская критика». Я боюсь, чтобы у тѣхъ читателей помянутой статьи г. Михайловскаго, знакомство которыхъ съ позитивизмомъ сдѣлано преимущественно по источникамъ, имѣющимся на русскомъ языкѣ, не образовалось понятія, будто есть основанія заподозрить позитивистовъ въ суздальскомъ отношеніи къ

идеямъ О. Конта. Между тѣмъ маленькая неточность, допущенная г. Михайловскимъ, даетъ поводъ къ образованію такого понятія или, по крайней мѣрѣ, открываетъ дверь сомнѣнію, котораго г. Михайловскій, конечно, допустить не хотѣлъ. «Ученики Конта—говоритъ онъ—распались на двѣ группы. Одни, которыхъ можно назвать собственно позитивистами, остались вѣрны идеямъ «Курса положительной философіи»; другіе—ихъ можно, пожалуй, назвать контистами—приняли всего Конта цѣликомъ, отъ первой до послѣдней строки. Это суздальцы» (стр. 172). Изъ этого отрывка можно заключить, что позитивисты отличаются отъ контистовъ-суздальцевъ только тѣмъ, что суздальцы были неспособны различить, въ общей совокупности идей О. Конта, первой ихъ половины отъ второй и приняли все отъ a до z, а позитивисты были настолько не суздальцы, что замѣтили разницу между двумя частями, на которыя распадаются идеи Конта, и приняли одинъ только «Курсъ положительной философіи». Затѣмъ остается невыясненнымъ, *какъ* они приняли эту избранную ими часть: точно ли такъ же, какъ сдѣлали это контисты, т.-е. безъ критики, по-суздальски, или отнеслись къ ней критически. Такимъ образомъ, закрадывается сомнѣніе—не свойственно ли суздальство и позитивистамъ, но только въ сравнительно слабой степени. Это сомнѣніе разрѣшается отчасти въ пользу позитивистовъ на стр. 173-й, но здѣсь дѣло идетъ не объ общихъ, а о спеціальныхъ вопросахъ, такъ что суздальство позитивистовъ, вслѣдствіе упомянутой выше неточности, остается невыясненнымъ.

Я очень хорошо знаю, что выясненіе этого вопроса не входило въ намѣренія г. Михайловскаго; я и не думаю поэтому винить его за маленькую неточность, которую онъ имѣетъ даже право считать лишенной всякаго значенія; я упоминаю объ этой неточности потому, что вопросъ, ею подымаемый, прямо входитъ въ мою задачу. Имѣя въ виду знакомить читателей съ позитивизмомъ, я и желаю теперь доказать, что ученіе это безусловно чуждо и тѣни даже тѣхъ свойствъ, которыя г. Михайловскій охарактеризовалъ словомъ «суздальство».

Чтобы выяснить этотъ вопросъ, долго не останавливаясь на немъ, я приведу нѣсколько указаній изъ сочиненій писателя, стоящаго теперь во главѣ позитивной школы.

«Я не полагаю—говоритъ Литтрé—чтобы дѣло положительной философіи было завершено и чтобы оставалось только пов-

торять слова учителя. Далека отъ меня такая мысль; г. Контъ поставилъ только насъ и нашихъ наслѣдниковъ на порогѣ; въ будущемъ предстоятъ обширныя работы, ибо вслѣдствіе измѣненія старой точки зрѣнія, приходится все передѣлать зà ново. Я бы далъ моей мысли всю широту и въ то же время всѣ ограниченія, какія необходимы, сказавъ, что г. Контъ *установилъ* положительную философію; выражаясь такъ, я бы далъ понять,—согласно смыслу, который я придаю слову *установленіе*,—что со времени г. Конта философія имѣетъ *основаніе*, а именно—науки, *методъ*, заключающійся въ іерархизаціи наукъ, и *результатъ*—въ міросозерцаніи; но говоря такъ, я въ то же время утверждалъ бы, что *установленная* философія есть только философія *начинающаяся* (Littré, A. Comte et St. Mill, p. 40).

Сообразно съ такимъ взглядомъ на значеніе О. Конта для положительной философіи, Литтрé указываетъ на пробѣлы, оставленные Контомъ въ его системѣ (см. Littré, A. Comte et la philos. positive, p. 674 et suiv.), и дополняетъ теоріи іерархизаціи уясненіемъ значенія вводимаго имъ термина *установленіе* (id. p. 301). Не довольствуясь этими общими капитальными указаніями на несовершенства контовой системы, Литтрé въ своемъ «Revue» дѣлаетъ еще частныя указанія на ошибки О. Конта въ обработкѣ отдѣльныхъ наукъ; такъ, напримѣръ, въ статьѣ «De la méthode en psychologie» онъ указываетъ на двѣ важныя ошибки Конта въ физіологіи (1867, № 2). Я имѣлъ уже случай упомянуть въ этой статьѣ, что и товарищъ Литтрé, Вырубовъ дѣлаетъ подобныя же указанія на ошибки Конта по поводу вопроса о методѣ въ статистикѣ. Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, что замѣчанія, которыми Литтрé сопровождаетъ свои работы по отдѣльнымъ наукамъ, имѣютъ для вѣрнаго пониманія современнаго направленія позитивизма еще большее значеніе, чѣмъ указаніе ошибокъ Конта. Такъ напр., по поводу статьи «Объ органическихъ основаніяхъ морали» онъ говоритъ: «то, что происходитъ въ области каждой отдѣльной науки, нисколько не касается позитивной системы: съ тѣхъ поръ какъ О. Контъ произвелъ эту систему, разнообразныя открытія, обширныя теоріи получили права гражданства въ различныхъ отдѣльныхъ наукахъ, безъ всякаго вреда для самой системы. Такой вредъ былъ бы неминуемъ тогда, если бы какая-нибудь частная наука получила въ конечномъ своихъ изысканій—абсолютъ, первую причину, и если бы было дока-

зано, что для изученія астрономіи и физики не должно знать математики, что можно знать химію—не зная физики, біологію—не зная химіи, и соціологію—не зная біологіи. Пока эти основы остаются непоколебимы, положительная философія непоколебима» (1870, № 4).

Изъ этихъ словъ Литтрé видно, что о позитивистахъ далеко нельзя сказать того же, что̀ о контистахъ; что они приняли отъ Конта то-то, а контисты то-то. Между безусловнымъ принятіемъ въ основу своего міросозерцанія 6 толстыхъ томовъ контовой системы и принятіемъ въ концѣ концовъ, какъ мы только что видѣли, двухъ основоположеній—одно изъ которыхъ раздѣляется, впрочемъ, и другими философскими системами—лежитъ цѣлая пропасть, заполненіе которой обусловлено для позитивиста не догматически, а научно. Изъ этого видно также, что кругозоръ современнаго позитивизма далеко не такъ узокъ, какъ можетъ полагать тотъ, кто бдительно не слѣдитъ за его развитіемъ, и видно также и то, что многіе нападки на позитивизмъ или основаны на недоразумѣніи, или помѣчены, такъ сказать, заднимъ числомъ, т.-е. относятся къ Конту, а не къ позитивизму.

Можно ли сближать послѣ этого отношеніе позитивистовъ къ великому труду Конта—труду, считаемому, впрочемъ, великимъ и не одними только позитивистами—съ рабскимъ приниженіемъ предъ Контомъ суздальцевъ-контистовъ. Люди эти просто *вѣруютъ*, что «съ точки зрѣнія логической, научной и нравственной» контова система положительной философіи и положительной религіи составляютъ полное обновленіе человѣчества. Мало того, они говорятъ о Контѣ, какъ объ идеалѣ совершенства и относятся къ нему не только безъ всякой критики, но униженно, рабски. При жизни его они были способны, изъ желанія угодить ему, полу-сумасшедшему старику, на величайшія мерзости, на которыя только способны люди: на подслушиваніе, доносы и шпіонство (См. Erdan: La France mystique). Послѣ смерти его, они сдѣлали изъ него какого-то святого, собрали его вещи и хранятъ ихъ какъ святыню; квартиру его, долженствующую изображать собой храмъ человѣчества, они не называютъ иначе, какъ священнымъ жилищемъ, и вообще впали въ тотъ грубый, мистическій формализмъ, который очень и очень ужъ не новъ, и въ которомъ ровно ничего нѣтъ философскаго (См. Robinet: Notice sur A. Comte).

Я не безъ намѣренія остановился на вопросѣ о различіи между контистами и позитивистами, такъ какъ вопросъ этотъ дѣйствительно не лишенъ значенія для интересующихся позитивизмомъ, а между тѣмъ о немъ говорили у насъ только мимоходомъ и вскользь.

Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь еще два слова объ одной неточности въ статьѣ г. Михайловскаго, касающейся лично меня, поскольку я былъ причастенъ пропагандѣ у насъ положительной философіи. Желаніе мое не пропустить этой неточности въ статьѣ г. Михайловскаго основано на томъ, что одно мѣсто этой статьи даетъ поводъ къ совершенно ложному толкованію всего того, что̀ я писалъ о позитивизмѣ, а всякому, мысли котораго толкуютъ превратно, не будетъ отказано, конечно, объясниться и устранить недоразумѣніе.

Г. Михайловскій на стр. 203-й своей статьи говоритъ о томъ, какъ относятся къ позитивизму самъ онъ и г. П. Л. Общій смыслъ этого мѣста тотъ, что оба они относятся къ нему критически. Засимъ я читаю слѣдующее: «Нѣсколько иначе относятся къ Конту и позитивизму гг. Лесевичъ и де-Роберти». Какъ понимать это «нѣсколько иначе», отвѣта на это въ статьѣ г. Михайловскаго я не получаю. Не мое дѣло говорить о г. де-Роберти; что же касается лично меня, то я никакъ не хотѣлъ бы, чтобы при объясненіи упомянутаго неточнаго выраженія г. Михайловскаго не было принято во вниманіе то, что̀ я говорилъ о всякой научно-философской системѣ настоящаго времени въ статьяхъ моихъ, помѣщенныхъ въ «От. Зап.» за прошлый годъ. Я говорилъ именно, что такая система въ наше время еще невозможна, потому что, несмотря на громадные успѣхи наукъ, предварительный анализъ, необходимый для ея осуществленія, еще не оконченъ. Затѣмъ я приходилъ къ тому заключенію, что система положительной философіи должна быть принята какъ наиболѣе удовлетворительная попытка, не болѣе. Далѣе я говорилъ о позитивизмѣ, какъ о продуктѣ своего времени, и отрицалъ возможность, чтобы позитивное ученіе было навязываемо обществу, какъ личная доктрина Конта. Я не входилъ, правда, въ спеціально-критическое разсмотрѣніе системы, но установивъ критическую точку зрѣнія на нее, я, по крайнему моему убѣжденію, не далъ повода утверждать, что принимаю ее догматически.

Теперь я обращусь къ неточности, встрѣчаемой мною въ

одномъ обширномъ и весьма замѣчательномъ ученомъ трудѣ, а именно въ диссертаціи г. Драгоманова «Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацитъ». Прежде всего я не могу пройти молчаніемъ тѣхъ немногихъ строкъ, въ которыхъ г. Драгомановъ говоритъ о позитивизмѣ, какъ философской системѣ.

«Изъ историко-философскихъ понятій послѣдняго времени, говоритъ онъ, выдѣляется сильно и оригинально только ученіе, такъ-называемаго, позитивизма,—который впрочемъ далъ еще весьма мало собственно историческихъ трудовъ» (стр. 387). И въ другомъ мѣстѣ, по поводу книги Литтре: «Etudes sur les Barbares et le moyen âge»: «Такимъ образомъ положительное направленіе въ наукѣ объ исторіи римской имперіи получаетъ себѣ поддержку не только отъ многихъ политико-соціальныхъ идей новаго времени, но и отъ историко-философской школы, которая теперь рѣзче другихъ выдѣляется и несомнѣнно имѣетъ передъ собой блестящее будущее» (стр. 390).

Изъ этихъ отрывковъ видно, что въ лицѣ г. Драгоманова мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, расположеннымъ къ позитивизму, а потому онъ, конечно, не посѣтуетъ на указаніе въ трудѣ его нѣкоторыхъ неточностей по отношенію къ этому ученію,—неточностей, которыя, нисколько не умаляя важнаго научнаго значенія высказанныхъ имъ историко-философскихъ взглядовъ, только подтверждаютъ и укрѣпляютъ приведенное выше мнѣніе его о позитивной историко-философской школѣ.

Перечисливъ историковъ, причисляемыхъ къ позитивной школѣ, г. Драгомановъ продолжаетъ такъ: «Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что основныя и наиболѣе вѣрныя идеи позитивной школы состоятъ въ томъ, что a) прогрессъ жизни человѣческой совершается законосообразно, по эпохамъ, которыя смѣняются не фаталистически (какъ въ теоріи миссіи народовъ), но органически, и логически вытекая одно изъ другого, и b) что прогрессъ этотъ зависитъ отъ непрерывнаго хода умственнаго развитія. До сихъ поръ еще философы и историки позитивной школы не высказались ясно по самому важному пункту вопроса о прогрессѣ въ исторіи: совершается ли онъ въ жизни каждаго народа, или только въ послѣдовательной цѣпи народовъ, называемой человѣчествомъ. Идеи Ог. Конта ближе къ послѣдней формулѣ, ибо онъ весь классическій міръ отнесъ въ вѣкъ политеизма, а средніе вѣка—въ вѣкъ моно-

теизма. Наоборотъ, Дрепперъ видитъ возрасты развитія въ жизни каждаго народа и возвращается къ сравненію развитія по возрастамъ жизни народа и отдѣльнаго лица,—сравненію, которое помѣшало ему оцѣнить послѣднія эпохи въ жизни разныхъ народовъ, напримѣръ, александрійскую эпоху греческой цивилизаціи. Формула прогресса имѣетъ особенную важность для вопроса о переходѣ древняго міра въ новый, и объ историческомъ значеніи среднихъ вѣковъ,—эпохи, въ которую извѣстнымъ образомъ продолжалась старая цивилизація, и въ то же время историческую жизнь совершали новые народы, начавшіе свой ходъ развитія отъ степени первобытной дикости.

Въ эту эпоху дѣйствительно видна и историческая цѣпь народовъ, если не всего человѣчества, то европейскихъ народовъ, и въ то же время нельзя не видѣть и сильнаго разрыва жизни одной группы народовъ отъ другой, прежней. Новые народы въ средніе вѣка усвоиваютъ и продолжаютъ старую цивилизацію, и въ то же время представляютъ во многомъ шагъ назадъ въ историческомъ развитіи. Не мудрено, что этотъ пунктъ исторіи есть самый трудный пунктъ для историко-философскаго разъясненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ для историко-философскихъ системъ. Не удивительно, что сравнительно недавняя историко-философская доктрина еще не выработала точнаго и яснаго взгляда на этотъ вопросъ» (стр. 388).

Приведенная цитата содержитъ три неточности: 1) причисленіе Дрепнера къ позитивной школѣ; 2) утвержденіе, что философы и историки позитивной школы до сихъ поръ еще не высказались *ясно* по самому важному пункту вопроса о прогрессѣ въ исторіи, а именно по вопросу о томъ: совершается ли онъ въ жизни каждаго народа, или только въ послѣдовательной цѣпи народовъ, называемой человѣчествомъ и 3) мнѣніе, что позитивная школа не выработала еще *точнаго* и *яснаго* взгляда на вопросъ о переходѣ древняго міра въ новый и на историческое значеніе среднихъ вѣковъ.

Что Дрепперъ къ позитивной школѣ причисленъ быть не можетъ, это видно изъ словъ самого г. Драгоманова о методѣ Дрепнера. «Дрепперъ—говоритъ г. Драгомановъ—возвращается къ сравненію развитія по возрастамъ жизни народа и отдѣльнаго лица». Выражаясь языкомъ положительной философіи, это значитъ, что Дрепперъ переноситъ выводы, добытые біологіей, въ область іерархически-высшей науки—соціологіи.

Пріемъ этотъ до такой степени противорѣчитъ началамъ положительной философіи, что, принимая даже тотъ широкій принципъ для различенія позитивистовъ отъ непозитивистовъ, который установленъ Литтре́, и о которомъ я говорилъ уже въ настоящей статьѣ, приходится все же таки безусловно исключить Дреппера изъ числа историковъ позитивной школы.

Приступая къ разсмотрѣнію двухъ остальныхъ указанныхъ мною неточностей, я считаю нужнымъ сказать напередъ, что исправлю ихъ не посредствомъ выводовъ, которые можно бы сдѣлать изъ общихъ положеній, выработанныхъ позитивной школой въ соціологіи, а подлинными цитатами изъ историческихъ сочиненій, прямо отвѣчающими на поставленные вопросы. Цитаты эти я буду заимствовать исключительно изъ сочиненій Литтре́, потому что пока онъ одинъ только писалъ о предметѣ, теперь насъ занимающемъ. Такъ какъ мы разсматриваемъ не количественную, а качественную силу позитивной школы, то единичность Литтре́ въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія.

Отрывки изъ статей Литтре́ о двухъ деревахъ книги бытія и о древнемъ востокѣ, приведенные выше, могли бы служить достаточнымъ основаніемъ для исправленія 2-й изъ указанныхъ мною неточностей; но такъ какъ статьи эти появились или одновременно съ диссертаціей объ историческомъ значеніи Римской Имперіи, или послѣ нея, то я обращаюсь теперь къ тѣмъ сочиненіямъ Литтре́, на которыя ссылается г. Драгомановъ.

Уже въ статьяхъ, цитаты изъ которыхъ приведены выше, Литтре́ употребляетъ выраженіе: «соціальное тѣло». Выраженіе это не разъ попадается и въ этюдѣ о Полиптикѣ Ирмонона, находящемся въ сборникѣ «Etudes sur les Barbares et le moyen âge». Здѣсь онъ даетъ и объясненіе этого выраженія. Въ концѣ I главы онъ говоритъ: «Понятіе о соціальномъ тѣлѣ есть идея новая, принадлежащая исторической наукѣ. Соціальное тѣло не есть совокупность народовъ, разсѣянныхъ по земному шару, это нѣчто болѣе ограниченное. Въ первый разъ различить его явственно можно въ Греціи. Маленькія государства, покрывавшія эту страну, и ихъ колоніи, разсѣянныя въ Азіи, Сициліи, Италіи, Галліи, Африкѣ, составляли цѣлое, связанное общностью цивилизаціи. Народъ римскій, вступая въ свою очередь въ эту цивилизующую ассоціацію, значительно расширилъ ее,

и, можно сказать, положилъ ей несокрушимыя основы. Въ средніе вѣка предѣлы ея еще болѣе раздвинулись вслѣдствіе включенія въ нее всего Сѣвера. Наконецъ, въ новѣйшія времена она распространилась чрезвычайно. Европа составляетъ уже одно цѣлое, Новая Европа создается въ Америкѣ; и можно предсказать, что по истеченіи не особенно значительнаго времени соціальное тѣло займетъ собою всю землю» (р. 209).

Перейдемъ теперь къ третьей неточности.

Приведя мнѣніе Герара о послѣдствіяхъ варварскаго вторженія, и соглашаясь съ нимъ, что послѣдствія эти были пагубны для цивилизаціи, Литтрé дополняетъ его мысль, утверждая, что переходъ древняго міра въ новый есть глубокій переворотъ въ судьбахъ человѣчества, такъ какъ одновременно съ паденіемъ древней цивилизаціи совершалось возникновеніе новой. «Греческіе философы,—продолжаетъ онъ,—развивая свою мысль, разрушили въ умахъ всѣ основы политеизма, она посѣяла всѣ зародыши новой морали, и, когда все это было организовано въ новомъ ученіи, судьбы цивилизаціи быстро пошли по тому направленію, которое было имъ открыто. Первые языческіе свидѣтели этого обновленія нисколько не поняли его значенія, они не замѣтили даже новаго общества, установлявшагося рядомъ со старымъ, и долженствовавшаго замѣнить его. Вскорѣ общество это возросло, тогда какъ старое одряхлѣло, и въ то время, когда варвары вторглись въ имперію, старое общество находилось въ состояніи полнаго разложенія. Если это замѣщеніе ясно для насъ теперь, такъ это потому, что подобное явленіе происходитъ у насъ передъ глазами. Средневѣковая традиція цѣлое столѣтіе уже подвергается нападенію; католико-феодальное общество низвергнуто, и въ европейскомъ обществѣ собираются новые элементы, столь же незамѣтно для нашихъ государственныхъ людей, какъ были незамѣтны христіанскіе элементы въ то время».

«Устранивъ такимъ образомъ всякое недоразумѣніе относительно того, какъ слѣдуетъ понимать разложеніе древняго общества, легко составить сужденіе о нашествіи сѣверныхъ народовъ. Прямое зло, причиненное ими, не подлежитъ сомнѣнію, и признано всѣми; но нѣкоторые считаютъ возможнымъ приписать имъ косвенное благо и послѣдствія, которыя въ концѣ-концовъ были выгодны. Посмотримъ на самое дѣло. Въ то время состояніе міра требовало разрушенія политеизма, и

обѣщало его такъ же, какъ и утвержденія христіанства, отдѣленія власти духовной отъ свѣтской, распространенія нравственности на всѣхъ людей и, какъ слѣдствіе, уничтоженіе рабства,—однимъ словомъ, лучшую теологію и лучшее политическое устройство. Были ли полезны варвары для всего этого? Несомнѣнно, что они не способствовали утвержденію христіанства, не служили дѣлу нравственности, не ускорили уничтоженія рабства. Напротивъ того, безпорядокъ, распространенный ими повсемѣстно, замедлилъ необходимыя измѣненія, и долго вредилъ имъ. Болѣе того, умственный уровень понизился; и точно такъ, какъ смѣсь горячей воды и холодной получаетъ среднюю температуру, такъ и смѣсь варварства и цивилизаціи понизилась до средней степени, на которой и колебалась до тѣхъ поръ, пока безпорядокъ улегся, новые пришельцы слились со старымъ населеніемъ, и силы, созданныя до нашествія, снова стали дѣйствовать, и подняли цивилизацію до точки, болѣе высокой, чѣмъ та, на которой она стояла въ древности» (р. 202).

«Существуетъ мнѣніе,—говоритъ далѣе Литтрé,—что варвары обновили свѣжею кровью истощенную и выродившуюся кровь романскихъ населеній. Эта фраза, часто повторяемая и обладающая, повидимому, научною точностью, содержитъ въ себѣ двѣ ошибки: ошибку физіологическую и ошибку историческую. Что̀ значитъ улучшить кровь въ смыслѣ физіологическомъ? Это значитъ ввести въ расу особей, одаренныхъ высшими качествами. При посредствѣ наслѣдственности, составляющей одно изъ свойствъ живыхъ тѣлъ, качества эти переходятъ къ потомству; и, если при этомъ приняты будутъ мѣры къ устраненію смѣшенія съ особями низшими, то образуется усовершенствованный типъ, который размножится самъ собою. Такимъ образомъ произведена была лошадь англійской породы. Произошло ли что-нибудь подобное во время смѣшенія варваровъ съ романскимъ населеніемъ? Конечно, нѣтъ. По теоріи наслѣдственности, дикіе народы, имѣющіе менѣе идей и менѣе способностей, чѣмъ народы цивилизованные, могутъ вліять примѣсью своей крови лишь въ смыслѣ неблагопріятномъ; исторія доказываетъ, что, далеко не улучшая крови, они сами, напротивъ, нуждаются въ такомъ улучшеніи. Всегда проходитъ продолжительное время, пока они становятся способными къ воспринятію такихъ идей, которыя кажутся намъ самыми простыми. Это препятствіе и дѣлаетъ тщетными всѣ попытки

примѣненія къ отставшимъ народамъ учрежденій народовъ передовыхъ; оно же замедляетъ и возрожденіе тѣхъ, которые, по какой бы то ни было причинѣ, пали до низшаго состоянія. Такимъ образомъ, физіологически, не варвары улучшили романское населеніе, а это населеніе улучшило варваровъ. Но, такъ какъ нашествіе было многолюдно, то, конечно, послѣдовало пониженіе типа. Извѣстная доля дикости, упрямства и тупости перешла къ галло-римлянамъ, и это имѣло большое вліяніе на медленность, съ которой совершилось обновленіе».

«Исторически, ошибка, на которую я указываю, немаловажна,—продолжаетъ Литтрé:—она происходитъ отъ страннаго смѣшенія и неполнаго пониманія вещей. Говорятъ, что варвары обновили устарѣвшее общество. Да, конечно, тогда существовало устарѣвшее общество; но варвары не обновили его, и оставшіеся отъ него обломки продолжали разлагаться и, наконецъ, исчезли совершенно; это общество было общество языческое, безвозвратно разрушенное внутренней работой идей. Но, рядомъ находилось новое общество, развивавшееся собственными силами и бывшее естественнымъ продуктомъ древней цивилизаціи; оно нисколько не нуждалось въ варварахъ для своего процвѣтанія...» «Изъ этого видно, что физіологія, закономъ наслѣдственности, исторія правильной оцѣнкой дѣйствительнаго положенія вещей, одинаково доказываютъ, что нашествіе не могло улучшить ничего. Нашествіе это, если судить его справедливо, было важною болѣзнью соціальнаго тѣла, самою важною, быть можетъ, какая только намъ извѣстна» (p. 206 et suiv.).

Таково мнѣніе позитивной школы о переходѣ древняго міра въ новый. Обратимся теперь къ ея взгляду на историческое значеніе среднихъ вѣковъ и, такимъ образомъ, исправимъ третью изъ неточностей, о которой было говорено выше.

Кратко и категорически взглядъ на историческое значеніе среднихъ вѣковъ высказанъ въ слѣдующихъ словахъ Литтрé: «Средніе вѣка вовсе не составляютъ безплодной и обдѣленной эпохи, въ которой прерывается традиція; напротивъ того, средніе вѣка продолжали черезъ рядъ затрудненій, унаслѣдованныхъ и пріобрѣтенныхъ, развитіе, природу и направленіе котораго они не измѣнили». (Id. Introd. p. II). Я не рѣшаюсь, однако же, ограничиться этой коротенькой формулой, такъ какъ не всякій читатель усмотритъ въ ней, пожалуй, ту точность и ясность, которыя дѣйствительно въ ней заключаются. Я счи-

таю нужнымъ привести еще то мѣсто изъ книги Литтрé, гдѣ взглядъ его представляется болѣе развитымъ и гдѣ, слѣдовательно, точность и ясность болѣе очевидны.

«Всѣ варварскія владѣнія соединились подъ владычествомъ Карла Великаго,—говоритъ Литтрé,—но этотъ смѣшанный порядокъ, въ которомъ голова была германская, а туловище—латинское, приближался къ концу; сліяніе варварскаго элемента съ романскимъ оканчивалось; и когда послѣдній Каролингъ былъ заключенъ въ орлеанскую башню Гуго Капетомъ, тогда не только Карлова имперія, но и имперія варварская отошли въ вѣчность. Съ этого времени повсемѣстно владычествуютъ туземцы: французы во Франціи, итальянцы въ Италіи, испанцы въ Испаніи, германцы въ Германіи».

«Въ этомъ фактѣ заключается внѣшній признакъ начала среднихъ вѣковъ. Въ это же самое время рождаются романскіе языки...» «Такимъ образомъ, утвержденіе владычества туземцевъ, образованіе языковъ, начало новыхъ національностей, окончательное установленіе границъ населенія, утвержденіе католико-феодальнаго режима, постепенная замѣна рабства крѣпостнымъ правомъ, все это соединяется для того, чтобы окончательно остановить успѣхи паденія и обозначить пунктъ, отъ котораго берутъ начало новыя усилія».

«Нисхожденіе было велико; обратное восхожденіе не могло быть мало. Если бы глубокая древность увидѣла жалкіе учебники, служившіе основой обученія въ это время, она бы улыбнулась. Однакоже, какъ ни узки были рамки, обученіе обнимало тѣ же предметы: грамматику, изящную словесность, науки, философію».

«Точно такъ, какъ слѣдятъ за ученикомъ, подымающимся изъ класса въ классъ, такъ можно слѣдить за средневѣковымъ періодомъ въ его постоянномъ прогрессѣ знанія. Это общество въ самомъ дѣлѣ проходитъ курсъ ученія, оно чувствуетъ потребность знанія, оно работаетъ добросовѣстно, упорно, и обозначаетъ каждый вѣкъ своего существованія важными шагами въ своемъ развитіи, никогда не отступая назадъ къ прошедшему, болѣе темному».

«Обученіе, о которомъ здѣсь говорится, раздѣляется на три различные періода: періодъ до введенія арабскихъ книгъ на Западѣ; періодъ, слѣдующій за этимъ введеніемъ, и періодъ, въ который возникаетъ возрожденіе».

Пропуская характеристику этихъ трехъ періодовъ, такъ какъ она слишкомъ удлинила бы и безъ того длинныя выписки, я обращаюсь къ очерку другой стороны среднихъ вѣковъ.

«Средневѣковое общество, въ качествѣ наслѣдника древности, есть общество сложное; будучи съ извѣстныхъ сторонъ дитятею, оно было мужемъ въ другихъ отношеніяхъ и имѣло превосходство надъ обществомъ, ему предшествовавшимъ. Я имѣю въ виду христіанскую религію, превосходящую религію языческую; крѣпостное право, превосходящее рабство; отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, неизвѣстное древности, и нравы рыцарства. Имѣя большую потребность въ обученіи, какъ дитя, средневѣковое общество имѣло, какъ возмужалый человѣкъ, собственную силу, при посредствѣ которой оно произвело важные элементы новѣйшей общественности».

«Такимъ образомъ, въ области наукъ оно представляетъ великое созданіе алхиміи и всѣ послѣдствія, которыя съ нимъ связаны; въ области схоластики—продолжительный и достопамятный споръ между реализмомъ и номинализмомъ; въ области литературы и искусствъ—новую поэзію, новую архитектуру, новую музыку; въ области изобрѣтеній—примѣненіе или открытіе весьма важныхъ предметовъ: компаса, бумаги, десятичнаго счисленія, водки, сильныхъ кислотъ, пороху, книгопечатанія; въ области политики—освобожденіе крѣпостныхъ, основы представительнаго правленія, возрастающее отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ духовнаго; въ области революціонной—расколы, ереси, реформацію».

«Все это черты крупныя; но крупнѣе всего то, что, приготовляя такимъ образомъ пути знанія, пути религіознаго и политическаго освобожденія, средневѣковое общество завершилось не катастрофой, подобно Римской имперіи, но естественнымъ и правильнымъ переходомъ, ведущимъ къ новому времени». (Id. Introd. p. XXIV et suiv.).

Сближая изложенные здѣсь взгляды Литтрé съ замѣчаніями г. Драгоманова о недостаткахъ позивитивной школы, надо будетъ, я думаю, притти къ тому заключенію, что замѣчанія г. Драгоманова должны считаться вполнѣ опровергнутыми и что взгляды, выработанные позитивной школой на разсмотрѣнные нами вопросы, до такой степени точны и ясны, что врядъ ли могутъ существовать какія-либо сомнѣнія для того, кто захо-

тѣлъ бы произнести надъ ними приговоръ съ какой бы то ни было точки зрѣнія и въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Такое мнѣніе о точности и ясности взглядовъ позитивной школы на разсмотрѣнные вопросы не есть, впрочемъ, исключительно только мое въ нашей литературѣ. Одинъ, извѣстный нашъ ученый, говоря о книгѣ Литтре «Etudes sur les Barbares», не нашелъ въ ней ничего, что могло бы воспрепятствовать высказаться о ней вполнѣ опредѣленно и рѣшительно. Рецензируя эту книгу, онъ заявилъ, что мнѣнія, выражаемыя въ ней, могли бы и не считаться специфической принадлежностью «положительной философіи» и могутъ быть смѣло принимаемы даже людьми, не исповѣдующими строго всѣхъ положеній этой философіи. «Или—выражаясь его словами—если взглядъ Литтре есть взглядъ собственно «позитивной философіи» какъ школы, въ такомъ случаѣ, эта школа совпадаетъ съ требованіями научной исторической критики».

Резюмируя все сказанное противъ замѣчанія г. Драгоманова относительно историческихъ изслѣдованій позитивной школы, я прихожу къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что позитивная школа не можетъ нести отвѣтственности за мнѣнія, высказываемыя Дреппером, трудъ котораго г. Драгомановъ весьма справедливо называетъ дилетантскимъ; 2) что необходимыя свойства всякаго научнаго труда, точность и ясность, не чужды и историческимъ трудамъ позитивной школы и, что, слѣдовательно, 3) мнѣніе г. Драгоманова о достоинствахъ школы получаетъ новое подтвержденіе.

Таковы главныя явленія новѣйшей литературы позитивизма. Разсматривая ихъ, читатель придетъ, конечно, къ убѣжденію, что успѣхи позитивизма весьма значительны какъ по отношенію къ внутреннему его развитію, такъ и по отношенію къ вліянію его на умы и признанію его значенія. Оцѣнка успѣховъ пропаганды не должна упускать изъ виду, что года три тому назадъ о позитивизмѣ въ Европѣ почти было не слышно, и что вся позитивная литература въ то время ограничивалась основнымъ сочиненіемъ Ог. Конта и трудами Литтре, Ст. Милля и двухъ, трехъ послѣдователей ихъ во Франціи и Англіи. Изъ этого не слѣдуетъ выводить, однакоже, что позитивизмъ, подобно нѣкоему deus ex machina, явился внезапно и непонятно-чудесно сталъ пріобрѣтать послѣдователей. Я уже говорилъ и теперь повторяю, что позитивизмъ, какъ философское единство научныхъ

или положительныхъ знаній, не можетъ быть новымъ потому, что наука и философія не новы, не новы знанія опытныя, точныя, положительныя, такъ же, какъ не ново обобщеніе, объединеніе, систематизація знаній или тѣхъ понятій, которыя считались знаніями. Умъ человѣческій всегда работалъ для науки и философіи и, работая для каждой изъ нихъ, работалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для позитивизма. Позитивизмъ поэтому и находится давно, какъ сказалъ Литтре, въ скрытомъ состояніи: его созрѣваніе и невѣдомо и невидимо для тѣхъ, которые для него работали, а частью и работаютъ. Неудачи фантастическихъ системъ, метафизиковъ, искавшихъ основъ внѣ науки и объединявшихъ мнимыя знанія: безплодность ученыхъ работъ, шедшихъ врозь по своимъ спеціальностямъ и не имѣвшихъ часто никакихъ руководящихъ идей—все это безотрадное состояніе философіи, не знавшей науки, и науки, чуждой философіи, служило позитивизму отрицательно, такъ же, какъ указанія нѣкоторыхъ избранныхъ умовъ на необходимость единства философіи и науки служило ему положительно. Формула этого соединенія, принадлежащая Конту, благодаря геніальности этого мыслителя и накопленію такой массы научнаго матеріала, о которой и не мечтали философы минувшихъ вѣковъ, она есть пока наиболѣе удовлетворяющая все болѣе и болѣе распространяющемуся и усиливающемуся желанію поднять философію отъ мертвыхъ и пустыхъ умозрѣній до живой правды, создать вмѣсто туманнаго и неопредѣленнаго миража, какимъ она была такъ долго, нѣчто ясное, точное, опредѣленное, положительное. Формула Конта, опирающагося главнымъ образомъ на прочное отдѣленіе теологіи и метафизики отъ того міросозерцанія, которое воплощаетъ въ себѣ науку, и на глубоко продуманную систематизацію научнаго матеріала, способна къ широкому и неопредѣленному развитію, а потому и богата залогами на будущее. Связь Контовой формулы съ современнымъ умонастроеніемъ европейской интеллигенціи и объясняетъ успѣхъ этой формулы, имѣющей далеко не случайный характеръ. Такимъ образомъ, позитивная система является не какъ deus ex machina, а какъ давно зрѣвшій отвѣтъ на вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ истощали свои силы предпозитивныя воззрѣнія.

Я сказалъ уже въ началѣ этой статьи, что распространеніе позитивизма нерѣдко замедляется незнакомствомъ съ его литературой, незнакомствомъ, порождающимъ часто ложныя о немъ

сужденія. Желая способствовать устраненію этого неудобства у насъ, я старался дать въ настоящей статьѣ указанія, которыя, какъ я думаю, могутъ быть полезны читателямъ, желающимъ ознакомиться съ литературой позитивизма. Основательное знакомство съ этой литературой, по источникамъ мною указаннымъ, поведетъ, какъ можно надѣяться, и къ основательному сужденію о позитивной философіи.

1870 г.
«Отеч. Зап». № 12.

ПЕРВЫЕ ПРОВОЗВѢСТНИКИ ПОЗИТИВИЗМА.

Весьма недавно, всего какихъ-нибудь лѣтъ тридцать назадъ, о позитивизмѣ еще почти не знали въ Европѣ, и «Курсъ положительной философіи» Огюста Конта все еще вѣроятно перечитывался только тѣми пятью десятками читателей, на которыхъ разсчитывалъ самъ Контъ при выходѣ «Курса». И не только общество или, такъ называемая, публика не знала и не вѣдала Конта и его систему, но ихъ игнорировали и цеховые философы, и значительное большинство ученыхъ. Философы были или метафизики, отрицавшіе значеніе науки какъ краеугольнаго камня философіи, или эклектики, углубленные въ выкраиванье чего-то новаго изъ старыхъ лоскутьевъ отжившихъ метафизическихъ системъ; ученые были погружены въ свои спеціальныя изслѣдованія и всѣ почти отворачивались отъ философіи, какъ отъ пустой болтовни. Разъединеніе между наукою и философіею было самое рѣшительное: обширный научный матерьялъ оставался безъ философской обработки и не могъ поэтому послужить основаніемъ для новаго міросозерцанія и, съ другой стороны, метафизическія системы, имѣвшія притязаніе на философское значеніе, строились путемъ субъективнаго творчества, чуждаго научной почвы, и тщетно усиливались поэтому пріурочить къ своему строю весь обширный кругъ явленій внѣшняго и внутренняго міра. Таковъ былъ наружный видъ господствовавшаго умонастроенія. Казалось, что голосъ Конта, раздавшійся при такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ навсегда остаться голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ: въ обществѣ были задатки къ усвоенію положительнаго ученія; но задатки эти существовали, какъ выразился одинъ изъ современныхъ намъ позитивистовъ, въ скрытомъ состояніи и вышли наружу только тогда, «когда исполнились времена». Позитивизмъ, такимъ образомъ, вовсе не упалъ въ общественную среду

подобно аэролиту, какъ то могло показаться крайнимъ метафизикамъ. Трезвые умы начинали уже измѣнять метафизикѣ, не смотря на всеобщее обаяніе великихъ и прославленныхъ учителей. Такъ знаменитѣйшій изъ учениковъ Гегеля, совершенно независимо отъ вліянія Конта, постепенно переходилъ, какъ говорилъ потомъ самъ, отъ теологіи къ метазификѣ и отъ этой послѣдней къ наукѣ,—явленіе, на которое теперь обратили вниманіе историки [1]). Въ наукѣ также начинало проявляться подобное же тяготѣніе къ ученію Огюста Конта: А. Гумбольдтъ и Пуансо явились въ числѣ первыхъ слушателей курса положительной философіи. Біо высказывалъ воззрѣнія, проникнутыя духомъ позитивизма [2]). А вскорѣ, во Франціи, въ Англіи и даже въ Германіи, такіе замѣчательные умы, какъ Эм. Литтре, Ш. Робенъ, Дж. Стюартъ-Милль, Дж. Г. Люисъ, Карлъ Твестенъ [3]) принялись за разработку позитивизма. Ученіе это стало распространяться съ поразительнымъ успѣхомъ. Взгляды и понятія позитивной школы проникли повсюду, даже туда, гдѣ не слыхали о Контѣ и его системѣ: отрицаніе метафизики, необходимость связи науки и философіи, различеніе абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, соотношеніе между науками, законосообразность въ области явленій нравственныхъ и общественныхъ, самое слово соціологія... все это стало такою необходимою принадлежностью мысленнаго строя всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка, что иному, пожалуй, и въ голову не приходитъ: давно ли явилось все это и откуда явилось?

Фактъ всеобщаго распространенія позитивизма доказываетъ, что Контъ своею формулою положительнаго ученія не многимъ упредилъ время самостоятельнаго утвержденія его въ общественномъ сознаніи, т.-е. высказалъ эту формулу, такъ сказать,

---

[1]) Альбертъ Ланге говоритъ о замѣчательномъ совпаденіи упоминаемой здѣсь послѣдовательности переходовъ съ ученіемъ, «которое въ то же время старался установить уединенный мыслитель и другъ человѣчества, благородный Контъ». (Geschichte des Materialismus. Iserlohn. 1866. s. 284).

[2]) Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ его статья «Sur l'esprit de système», напеч. въ его «Mélanges scientifiques et littéraires». Tome 2-e.

[3]) См. посмертное сочиненіе Твестена «Die religiösen, politischen und Socialen Ideen der asiatischen Culturvölker und der Aegypter in ihrer historischen Entwickelung. Berlin, 1872. 2 B. de.

наканунѣ неизбѣжнаго «исполненія временъ» и раскрытія скрытаго до того времени и затертаго метафизикой научнаго міросозерцанія. Позитивизмъ является, такимъ образомъ, естественнымъ результатомъ всей предшествовавшей ему работы мысли и неизбѣжнымъ выводомъ, къ которому шло умственное развитіе общества. Позитивизмъ поэтому есть болѣе дѣло времени, чѣмъ личности. Личность могла взять на себя иниціативу его провозглашенія; но она не могла преподать его обществу, какъ преподавались субъективныя системы. По этой причинѣ, все, что въ «Курсѣ позитивной философіи» было собственно контовское, то не пошло далѣе предѣловъ тѣснаго кружка, но все то, что было плодомъ умственнаго развитія своего времени, сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ.

Позитивизмъ представляется такимъ образомъ конечнымъ узломъ, отъ котораго идетъ множество нитей въ глубину прошедшаго. Прослѣдить за этими нитями, за этими прецедентами позитивизма значило бы изучить самые корни этого ученія и, въ то же время, поступить согласно идеѣ Огюста Конта, утверждавшаго, что всякое понятіе достаточно познается только своею собственною исторіею. Идея эта—завѣщаніе для послѣдователей Конта, это ихъ задача, ожидающая еще своего разрѣшенія. Трудъ, требуемый этимъ разрѣшеніемъ, обширенъ; онъ долженъ охватить всю исторію философіи и науки и показать ихъ взаимную связь и зависимость; въ то же время онъ долженъ указать на постепенное возникновеніе положеній позитивнаго характера, сперва въ формѣ неопредѣленной, неполной и догматической, и потомъ все болѣе и болѣе достигающей опредѣленности, полноты и критичности, далѣе ему слѣдуетъ показать, какимъ образомъ отдѣльныя положенія эти комбинируются и складываются въ цѣльное ученіе. За неимѣніемъ полной и удовлетворительной исторіи наукъ, за недостаточной разработкою исторіи философіи съ позитивной точки зрѣнія, такой трудъ врядъ ли и возможенъ въ настоящее время въ тѣхъ размѣрахъ, на которые я только что указалъ; но если невозможно выполнить его по плану, широта котораго соотвѣтствовала бы широтѣ самаго предмета, то представляется возможнымъ попытаться намѣтить одни только главные моменты развитія позитивизма, т.-е. дать характеристику самыхъ выдающихся его провозвѣстниковъ. Эту послѣднюю задачу, ограниченную притомъ одною только древнею эпохою, и пытается разрѣшить настоящій очеркъ.

Позитивизмъ, какъ извѣстно, есть философская система, основанная на всей совокупности положительнаго знанія, отдѣлы котораго іерархизованы и связаны въ единое цѣлое. Прецеденты позитивизма существуютъ, слѣдовательно, и въ исторіи философіи, и въ исторіи науки. Всего прежде является, такимъ образомъ, вопросъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ начинать какъ ту, такъ и другую.

Чтобы опредѣлить, когда впервые установились понятія, могущія считаться понятіями философскими или понятіями научными, мы всего прежде должны принять во вниманіе то, что понятія эти не могли явиться вдругъ, а вырабатывались постепенно, и прошли извѣстныя фазисы возрастанія ранѣе, чѣмъ достигли періода зрѣлости. Является поэтому необходимость сказать нѣсколько словъ о той подготовительной умственной дѣятельности, которая вела къ выработкѣ воззрѣній характера философскаго и научнаго.

Позитивная точка зрѣнія, съ которой я разсматриваю этотъ вопросъ, различаетъ три фазиса, постепенно возникающіе одинъ за другимъ въ ходѣ развитія умственной дѣятельности человѣчества. Характеристическое свойство нижайшаго изъ этихъ фазисовъ заключается въ томъ, что всѣмъ безъ исключенія предметамъ и явленіямъ природы придается конкретно-антропоморфическое значеніе, т.-е. они представляются руководящимися присущею имъ свободною волею существъ, называемыхъ обыкновенно фетишами. Въ области практической, культура этого періода не идетъ далѣе элементарнѣйшаго эмпиризма и связанной съ нимъ грубой техники. Развитіе этого эмпиризма и техники освобождаетъ мало-по-малу природу отъ навязаннаго ей всеобщаго человѣкоподобія, и фетиши, ограничиваясь мало-по-малу въ числѣ и измѣняя свои свойства, переходятъ въ отвлеченныя супра-натуральныя существа. Переходъ этотъ, составляя важный моментъ развитія умственной дѣятельности, не заканчиваетъ еще собою тотъ его фазисъ, который начинается вмѣстѣ съ фетишизмомъ, такъ какъ умъ человѣческій, продолжая представлять человѣка и все его окружающее зависящимъ, если и не отъ воли фетишей, то все же отъ воли замѣнившихъ ихъ супра-натуральныхъ силъ, къ этому взгляду пріурочиваетъ весь складъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и всю свою жизнь. Этотъ фазисъ умственнаго развитія, мѣтко названный Ст. Миллемъ

волиціоннымъ, [1]) уступаетъ мѣсто новому фазису только тогда, когда новыя знанія, новыя потребности жизни, новыя историческія условія, раскрывъ его несостоятельность, даютъ возможность дѣлать попытки объясненія явленій не дѣятельностью внѣміровой воли, а независимо отъ нея, путемъ умозрѣнія. Умозрѣніе, освободясь отъ вліянія супра-натуральнаго авторитета, дѣлаетъ попытки мірообъясненія на основаніи субъективныхъ усилій разрѣшить всѣ представляющіеся ему вопросы, посредствомъ логическихъ выводовъ изъ идей, имѣющихъ характеръ всеобщихъ и необходимыхъ въ міровомъ порядкѣ. Въ этомъ смыслѣ умозрѣнію не чуждо наблюденіе надъ явленіями, но наблюденіе это односторонне и узко: оно производится исключительно надъ явленіями мысли, къ которымъ и пріурочиваются явленія внѣшнія, безъ повѣрки ихъ путемъ объективнымъ. Если же оно и прибѣгаетъ къ отрывочнымъ объективнымъ наблюденіямъ, то дѣлаетъ ихъ исходными точками опять-таки субъективныхъ выводовъ, провѣряемыхъ только логически и, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ и ихъ лишаетъ самостоятельнаго значенія. Развитіе основныхъ идей, руководящихъ субъективнымъ умозрѣніемъ, замѣняя собою волю супра-натуральныхъ силъ волиціоннаго фазиса, открываетъ разуму обширное поле дѣятельности, и онъ предается этой дѣятельности, увлекаясь ею даже и тогда, когда не прекращающееся накопленіе положительнаго знанія начинаетъ давать ему возможность совершить переходъ отъ чистаго умозрѣнія къ размышленію, основывающемуся на опытѣ, наблюденіи, объективномъ изслѣдованіи. Не имѣя точки опоры, доставленной этимъ изученіемъ и не зная предѣловъ своей дѣятельности, предѣловъ, не могущихъ быть опредѣленными метафизически, субъективное умозрѣніе строитъ множество смѣлыхъ, сложныхъ, стройныхъ и величественныхъ системъ, въ которыхъ даже наиболѣе противорѣчащимъ своему основному положенію фактамъ придаетъ смыслъ, согласный съ этимъ положеніемъ. Изъ этого видно, что подчиненіе объективной дѣйствительности субъективному произволу мысли составляетъ существенно характеристическое свойство метафизики. Свойство это имѣетъ то неизбѣжное слѣдствіе, что отвлеченныя понятія незамѣтно объективируются,

[1]) J. St. Mill. Auguste Comte et le positivisme, trad. de l'anglais par G. Clemenceau. Paris. 1868. p. 10.

слова принимаются за самые предметы и, такимъ образомъ, полагается начало цѣлому ряду реализованныхъ абстракцій, каковы: сущность, конечная цѣль, первая причина и т. п. Люисъ очень вѣрно замѣчаетъ, что такіе мнимые объекты возникли вслѣдствіе строгой послѣдовательности метафизиковъ, исходящихъ изъ принципа, что порядокъ идей представляетъ дѣйствительный порядокъ вещей. Безплодность усилій метафизика вытекаетъ изъ этого сама собою и становится понятною причина, не дозволяющая ей выйтти изъ ложнаго круга, въ которомъ она вращается столько вѣковъ. По всѣмъ этимъ причинамъ метафизика не въ состояніи удерживать неопредѣленное время то значеніе, которое она пріобрѣла въ эпоху слабаго развитія положительнаго знанія; вмѣстѣ съ успѣхомъ этого знанія, она начинаетъ терять это значеніе, которое въ настоящее время можетъ считаться погибшимъ для нея навсегда. Видя, какъ метафизика или игнорировала факты, или насиловала ихъ, приспособляя ихъ къ своимъ произвольнымъ построеніямъ, свободные отъ предубѣжденій искатели истины стали пытаться иначе подойти къ этимъ фактамъ и взглянуть на нихъ, какъ на матерьялъ, независимо отъ метафизики міросозерцанія. Приступивъ къ объективному изученію этого матерьяла, они рѣшились найти и дѣйствительно нашли то, что̀ напрасно искали волиціонисты и метафизики при своихъ способахъ раскрытія истины. Такимъ путемъ возникъ и установился третій, научный или позитивный фазисъ умственнаго развитія, опирающійся на точныя, положительныя знанія, на науку, и развивающійся вмѣстѣ съ нею. Въ этомъ новомъ фазисѣ своего роста, умъ человѣческій разсматриваетъ міръ, какъ связное цѣлое, управляемое присущими ему законами и изучаемое при посредствѣ наблюденія, опыта, индукціи, вообще при посредствѣ научнаго метода, результаты котораго образуютъ отдѣльныя области положительнаго знанія или науки, связанныя и іерархизованныя сообразно со связью и іерархизаціей явленій объективнаго міра. Позитивный фазисъ умственнаго развитія существенно отличается, такимъ образомъ, отъ фазисовъ ему предшествовавшихъ и, если не можетъ сосуществовать съ ними не только въ одномъ и томъ же обществѣ, но даже въ одномъ и томъ же умѣ, то рѣшительно и окончательно исключаетъ ихъ въ рѣшеніи одного и того же вопроса: для вопросовъ, имъ разрѣшенныхъ, нѣтъ возврата ни къ волиціонизму, ни къ метафизикѣ.

Позитивный строй мысли опирается, какъ я только что сказалъ, на науку; по этой причинѣ возникновеніе его предполагаетъ уже такую степень развитія изученія дѣйствительности, когда изученіе это выходитъ изъ области эмпирической и имѣетъ уже возможность формулировать вполнѣ опредѣленно законы явленій. Такая степень развитія знанія возможна только послѣ долгаго его накопленія или съ цѣлями мистическими въ эпоху преобладанія волиціонизма, или съ цѣлями удовлетворенія любопытства въ эпоху преобладанія метафизическаго умозрѣнія и, наконецъ, съ цѣлями изученія въ эпоху перехода отъ метафизическаго умонастроенія къ научному, когда одна за другой устанавливаются науки. Установленіе наукъ не влечетъ однакоже непосредственно возникновенія положительнаго міросозерцанія, такъ какъ науки долго разрабатываются отдѣльно одна отъ другой, и не охватываются умами въ общей ихъ совокупности и связи. Этотъ послѣдній моментъ наступаетъ поздно, такъ какъ подготовка его, обнимающая всю предшествующую работу накопленія знанія, распредѣленія по группамъ результатовъ этой разработки и открытія между этими группами связи и единства, такъ сложна, что неизбѣжно требуетъ затраты громадной силы и времени.

Метафизика и наука, какъ видно изъ характеристики ихъ, представленной выше, при всемъ различіи, существующемъ между ними, противополагаются однакоже предшествующему имъ волиціонному фазису умственнаго развитія, устраняя его отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые такъ или иначе разрѣшены уже ими. При такомъ отрицательномъ отношеніи къ волиціонному міровоззрѣнію, онѣ связаны однако-же съ нимъ, какъ видно изъ предыдущаго, естественною филіяціею, т.-е. условія ихъ возникновенія получили начало въ его нѣдрахъ. Эти условія—тѣ первобытнѣйшія эмпирическія свѣдѣнія, которыя еще нельзя назвать знаніемъ, но изъ которыхъ возникаютъ его зачатки, и тѣ размышленія, которыя нельзя еще назвать метафизическими, потому что они находятся еще въ связи съ общею системою идей, основанною на супра-натуральномъ авторитетѣ, но которыя не чужды уже стремленія къ самобытности. Первоначальныя эти свѣдѣнія и умозрѣнія не могли быть общимъ достояніемъ въ эпоху первобытной культуры и времени ей сравнительно близкаго. Накоплялись, сохранялись и развивались они у единственно-досужихъ тогда людей—жре-

цовъ и существенно-тождественныхъ съ жрецами колдуновъ, знахарей, прорицателей и т. п., а впослѣдствіи и всѣхъ вообще личностей, имѣвшихъ возможность выдѣлиться изъ толпы и завладѣть правомъ на досугъ. Въ ихъ размышленіяхъ и свѣдѣніяхъ содержатся уже данныя, могущія, при благопріятныхъ условіяхъ, развиться въ силы, выводящія разумъ за предѣлы того самаго міросозерцанія, подъ сѣнью котораго они развились. И, хотя первоначально они утопаютъ въ господствующемъ міровоззрѣніи и какъ бы окрашиваются въ его цвѣтъ, хотя они скудны, разрознены и смѣшаны со множествомъ вымысловъ, заблужденій, лжи и т. д., но тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ не можетъ подвергаться сомнѣнію и, слѣдя за ихъ развитіемъ, можно опредѣлить моменты ихъ дифференцированія въ самостоятельныя области, т.-е. опредѣлить моменты возникновенія метафизики и науки.

Всякое знаніе, какъ замѣчаетъ Бастіанъ [1]), имѣло первоначально чудесный, магическій (т.-е. собственно волиціонный) характеръ, даже искусство вязать узлы, лѣпить посуду, добывать огонь и т. п. Извѣстно, что всѣмъ вообще жрецамъ не чужды были свѣдѣнія о дѣйствіи нѣкоторыхъ растительныхъ соковъ, возбуждающихъ нервную дѣятельность и производящихъ галлюцинаціи, такъ же какъ и умѣнье примѣнять нѣкоторые способы, утоляющіе тѣ или другія боли или заживляющіе раны, имъ, наконецъ, были часто извѣстны нѣкоторыя эмпирическія примѣты, по которымъ они бывали въ состояніи предсказывать метеорологическія явленія. Священныя книги древнихъ народовъ сохранили множество свидѣтельствъ о первоначальномъ знаніи, скрывавшемся подъ покровомъ волиціонизма; такъ ведійскій календарь (gjotischa), по Лассену [2]), представляетъ намъ дѣтство астрономическихъ знаній; цѣлью его было опредѣленіе времени для жертвоприношеній. Трактатъ Суріа-Сидданта, по Ноэлю [3]), содержитъ въ себѣ астрономическія и математическія свѣдѣнія, согласно ученію брамановъ, имѣетъ супра-натуральное происхожденіе. Асвины въ Ригъ-Ведѣ носятъ названіе чудесныхъ врачей и происхожденіе всѣхъ медицинскихъ свѣдѣній древ-

---

[1]) Ad. Bastian. Der Mensch in der Geschichte. II. B. S. 163.

[2]) Chr. Lassen. Indische Alterthumskunde. Leipzig. 1867. II. Buch. Cap. III.

[3]) G. Noel. La science géometrique dans l'Inde ancienne. (Philosophie positive, Revue. 1869. № 3).

нѣйшихъ ведійскихъ гимновъ, по Дарамберу [1]), отнесено къ области супранатуральной. Въ Египтѣ наблюденія надъ возвышеніемъ воды въ Нилѣ были связаны съ религіознымъ ученіемъ. Авеста именуетъ жрецовъ Агура-Мазды магаванами, т.-е. могущественными, имѣющими силу надъ явленіями природы. Въ древней Греціи медицинскія свѣдѣнія переходили по преданію въ родѣ Асклепіадовъ, жрецовъ Эскулапа, котораго они боготворили и который, по ихъ вѣрованію, положилъ основаніе этимъ свѣдѣніямъ. У римлянъ слово *Pontifex* происходило отъ первоначальнаго умѣнья жрецовъ строить мосты, что требовало сравнительно обширныхъ знаній и т. д. [2]). Но не въ однихъ только отрывочныхъ знаніяхъ жрецовъ, въ самихъ миѳахъ, какъ доказала новѣйшая наука, находится богатый матеріалъ первоначальнѣйшихъ знаній. Большая часть этихъ миѳовъ представляетъ олицетвореніе явленій, подмѣченныхъ въ области метеорологіи и астрономіи, еще не различаемыхъ одна отъ другой [3]). Вообще волиціонное міросозерцаніе, по замѣчанію Ог. Конта, всегда возбуждало въ извѣстной степени духъ наблюденія, и потому суевѣрія, которыя намъ кажутся въ настоящее время лишенными всякаго смысла, каковы гаданья по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ и пр., имѣли первоначально, кромѣ важнаго политическаго значенія, философскій характеръ истинно прогрессивный, поддерживая энергическій стимулъ постояннаго наблюденія такихъ явленій, изслѣдованіе которыхъ не могло въ эту эпоху непосредственно и прочно возбуждать любознательности. Какъ бы ни было химерично употребленіе наблюденій, сдѣланныхъ въ эту эпоху, наблюденія эти накоплялись тѣмъ не менѣе заблаговременно для лучшаго пользованія ими впослѣдствіи и, конечно, не могли быть добыты инымъ путемъ. Анатомія, напримѣръ, должна была почерпнуть свои первые матеріалы въ изслѣдованіяхъ, которыя сами собой произошли изъ искусства авгуровъ опре-

---

[1]) Ch. Daremberg. Histoire des sciences médicales. Paris. 1870.

[2]) См. Alfr. Maury. Histoire des réligions de la Grèce antique. Paris. 1857. Его же—La magie et l'astrologie. Paris. 1864. Fr. Spiegel. Avesta. Leipzig. 1852—1863 и т. п.

[3]) См. F. L. W. Schwartz. Der Ursprung der Mythologie. Berlin. 1860. Max Müller. Essays. Leipzig. 1869. Radenhausen. Isis, der Mensch und die Welt. Hamb. 1863. A. Maury. Croyances et légendes de l'antiquité. Paris. 1863 и мн. др.

дѣлять будущее посредствомъ изслѣдованія печени, сердца, легкихъ и пр. приносимыхъ въ жертву животныхъ. Метеорологическія явленія, въ особенности явленія грома, также были въ древности предметомъ тщательнаго и непрерывнаго изслѣдованія по отношенію къ искусству авгуровъ и т. д. [1]).

Въ этихъ знаніяхъ жрецовъ выразилась эмпирическая сторона ихъ мудрости; въ надписяхъ же, которыя иногда дѣлались на стѣнахъ храмовъ, и въ изреченіяхъ оракуловъ выразилась ея умозрительная сторона. Эта послѣдняя получила особенно важное значеніе уже за тѣсными предѣлами жречества, у авторовъ космогоній, которые хотя и держатся еще преданій супранатуральныхъ авторитетовъ, обнаруживаютъ уже однако же явное стремленіе къ самостоятельнымъ умозрѣніямъ. Такъ, по космогоніи древнихъ вавилонянъ, міръ былъ вызванъ къ бытію *изъ тьмы и воды* (хаоса) верховнымъ богомъ Бэлемъ, владыкою неба. Самый же хаосъ представлялся какъ содержаніе или матерія міроваго яйца (оморока). На этихъ же принципахъ построена и космогонія финикіянъ, т. е. на идеѣ первобытнаго міроваго яйца, которое раздвояется Бэлемъ, образующимъ такимъ образомъ землю и небо [2]). Ведійскіе гимны, передавая принципы космогоніи индійскихъ арійцевъ, начинаютъ съ утвержденія, что «первоначально ничего не существовало: ни бытія, ни небытія». «Что же покрывало все? Что было вмѣстилищемъ всего?» спрашивается въ нихъ далѣе. «Было то вода, глубокая бездна. Смерть не существовала еще тогда, не существовало и безсмертіе». И по этой космогоніи также первоначально царила *тьма:* скрытый въ нѣдрахъ ея зародышъ вышелъ *самъ собою* подъ вліяніемъ *теплоты*. Желаніе (кама) возникло вслѣдъ затѣмъ и сдѣлалось зачаткомъ духа. «Такова связь, говорится въ заключеніе этого изложенія, которую мудрецы, *размышляя*, *признали* существующею между бытіемъ и небытіемъ». Большое сродство съ идеями, изложенными въ этой космогоніи, имѣютъ космогоническія воззрѣнія грековъ, внесенныя въ теогонію, приписываемую Гезіоду. «Первоначально былъ хаосъ, говорится здѣсь, потомъ родились изъ тьмы: земля съ обширными нѣдрами, неколебимое основаніе всѣхъ существъ, темный тартаръ въ глубинѣ ея безднъ и Эросъ (любовь), прекраснѣйшій изъ всѣхъ

---

[1]) A. Comte. Cours de philosophie positive. 2 ed. t. V. p. 96.

[2]) M. Duncker. Geschichte des Alterthums K. 3 Aufe.

боговъ безсмертныхъ и т. д. Сюда же относятся космогоніи, связанныя съ именами Орфея, Ферекида и пр. [1]).

Очевидно, что идея хаоса, первобытнаго міроваго яйца, какого-то безличнаго «нѣчто», содержащаго въ себѣ принципъ всеобщей жизни, обнаруживаетъ уже освобожденіе отъ основныхъ началъ волиціонизма, который не можетъ представлять основное начало бытія иначе, какъ антропоморфически. Очень можетъ быть, что у семитическихъ народовъ идеи, высказанныя въ ихъ космогоніяхъ, легли въ основаніе метафизическихъ умозрѣній, но объ этомъ ничего не извѣстно. Мы знаемъ, что только у индійскихъ арійцевъ и у грековъ возникли изъ этого источника тонкія и сложныя спекулятивныя построенія. Построенія эти въ Греціи рано вступаютъ на путь развитія и даютъ блестящіе результаты, которые впослѣдствіи, вмѣстѣ съ греческою же наукою, становятся животворнымъ источникомъ умственной дѣятельности новѣйшихъ европейскихъ народовъ; индійская же метафизика не распространилась далѣе береговъ Ганга и не имѣла никакого философскаго исхода, т. е. ни одно изъ позднѣйшихъ явленій въ области философскаго развитія не стоитъ къ ней въ отношеніи филіяціи. Индійская метафизика поэтому не имѣетъ для насъ никакого значенія [2]). Если бы возможно было доказать, что утверждаемое здѣсь отсутствіе филіяціи не имѣетъ достаточныхъ основаній и, слѣдуя за поборниками восточнаго происхожденія греческой философіи, возможно было связать ее съ тѣми или другими идеями арійскихъ и семитическихъ народовъ Азіи, тогда бы, конечно, генезисъ греческой свободной мысли слѣдовало бы искать въ Ведантѣ, Мимансѣ, Ньяѣ [3]) и т. д. или въ Бундегешѣ, Виспередѣ и т. д. или, наконецъ, въ тѣхъ идеяхъ, отрывки которыхъ сохранили Берозъ, Санхоніатонъ и др. Но, послѣ изслѣдованій Целлера, исчерпавшаго этотъ вопросъ, не предстоитъ уже искать происхожденія гре-

---

[1]) F. Lenormant. Manuel d'histoire ancienne de l'orient. Paris. 1869. t. III. p. 618. Ch. Renouvier. Manuel de philosophie ancienne. Paris. 1844. t. I. p. 58.

[2]) Littré. Les trois philosophies. (La philosophie positive. Revue. 1867. № 1.

[3]) Индійскія философскія системы не только не могли служить философіи грековъ, но сами пользовались ихъ идеями, какъ говоритъ Fr. Ueberweg. (System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. Bonn. 1868. стр. 16).

ческихъ умозрѣній такъ далеко. Целлеръ съ достаточною ясностью показалъ, въ какомъ именно смыслѣ возможно допустить вліяніе восточныхъ міровоззрѣній на греческое: греки, какъ и всѣ индо-европейскіе народы, происходятъ отъ общаго арійскаго корня, т. е. изъ Азіи, а поэтому они принесли оттуда, вмѣстѣ съ языкомъ, и основанія своей религіи и нравовъ. Затѣмъ, позже, въ первую эпоху своего развитія, они получали нѣкоторыя религіозныя представленія съ востока: позднѣйшее изъ такихъ слѣдовъ вліянія востока было включеніе Діонисія, Цибеллы и финикійскаго Геркулеса въ число боговъ. Что же касается философскихъ идей, то восточное происхожденіе ни одной изъ нихъ не можетъ быть доказано; всѣ ихъ необходимо поэтому разсматривать, какъ продукты греческаго духа, развившіеся вполнѣ самобытно. Не одинъ только недостатокъ историческихъ доказательствъ препятствуетъ намъ вѣрить въ восточное происхожденіе греческой философіи; но къ тому же побуждаютъ насъ и положительныя данныя. Ученія древнихъ греческихъ философовъ такъ просты и самостоятельны, что въ нихъ нельзя не видѣть первыхъ опытовъ. Постороннее вліяніе не усматривается ни въ нихъ самихъ, ни въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Борьбы исконныхъ греческихъ элементовъ съ элементами чуждыми нигдѣ не обнаруживается; вездѣ, напротивъ, видно естественное развитіе изъ туземныхъ основныхъ началъ, нисколько не напоминающее тѣхъ явленій, которыми характеризуется, напримѣръ, въ средніе вѣка зависимость философіи отъ началъ ей чуждыхъ [1]). Такимъ образомъ, между греческою философіею и востокомъ нѣтъ никакой филіяціи, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ историковъ (Гладиша, Рёта и др.), которые хотѣли воскресить въ наше время это старое преданіе, пущенное въ ходъ александрійскими евреями въ эпоху упадка греческой философіи. Но, быть можетъ, индійскую метафизику слѣдуетъ ввести въ исторію развитія европейской мысли, какъ эпизодъ, дающій возможность сдѣлать между этими двумя направленіями интересныя и поучительныя параллели. Новѣйшія изслѣдованія и на это не представляютъ никакихъ основаній: Бенфей, Максъ Мюллеръ [2]) утверждаютъ положительно,

[1]) Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwikelung. Leipzig. 1869. t. I. s, 20—40.

[2]) Max Müller. Essays. I. B. S. 213. Th. Benfey. Indien. S. 262. (Въ *Ersch und Gruber*. Algemeine Encyclopädie. II Section. 17 Theil).

что ни одна изъ шести системъ индійской философіи не свободна отъ подчиненія Ведамъ, какъ высшему авторитету. Даже матеріалистическія воззрѣнія Капилы, извѣстная система Санкъя, несмотря на свой атеизмъ (içvara), причисляется къ числу системъ ортодоксальныхъ, основы которыхъ не противорѣчатъ ученію Ведъ.

Но если у насъ нѣтъ никакихъ основаній искать начала греческой метафизики на востокѣ, то тѣмъ менѣе имѣется поводовъ обращаться туда за разысканіемъ происхожденія науки. Зачатки науки, какъ я уже сказалъ, существуютъ не только въ эпоху метафизическую, но даже и волиціонную, поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ихъ можно открыть у всѣхъ народовъ; но развитіе этихъ зачатковъ въ систематическое умонастроеніе и сознательная ихъ разработка не есть неизбѣжное послѣдствіе ихъ существованія. Для того, чтобы развитіе это совершилось, необходимы особенно благопріятныя условія, которыя имѣли мѣсто не вездѣ. «Нѣтъ рѣшительно никакой возможности доказать, что Египтяне, Ассиріяне, Персы или Индусы обладали истиннымъ научнымъ методомъ, говоритъ Люисъ, и есть положительныя доказательства, что часто приписываемыхъ имъ положительныхъ знаній они имѣть не могли по той простой причинѣ, что они не обладали орудіями, при помощи которыхъ возможно достичь этихъ знаній. У нихъ не существовало необходимой для того математики; у нихъ не было вспомогательныхъ средствъ. Если знаніе фактовъ не достаточно точно, то и законы, основанные на этихъ фактахъ, неизбѣжно останутся темными. Точность въ знаніи фактовъ, т.-е. научная точность этого знанія зависитъ отъ вспомогательныхъ средствъ изчисленія и измѣренія. Наука по преимуществу количественна, т.-е. она находится въ зависимости отъ точнаго опредѣленія количества времени, пространства и силы; поэтому развитіе ея тѣсно связано съ усовершенствованіемъ и приложеніемъ вспомогательныхъ средствъ измѣренія и исчисленія. Но такъ какъ средствъ этихъ востокъ не имѣлъ, то, значитъ, не было у него и научныхъ знаній» [1]). Такія знанія явились впервые только у грековъ и особенно у италійскихъ грековъ. Развитіемъ мощнаго вспомогательнаго средства—счисленія, и упорнымъ постоян-

[1]) G. H. Lewes. Aristoteles. Ein Abschnitt aus einer Geschichte der Wissenschaften. Uebers. v. J. Carus. Leipz. 1865. s. 37.

ствомъ въ изслѣдованіи, независимо отъ вліянія супра-натуралистическаго міросозерцанія, положилъ этотъ чудный народъ начало тому умственному движенію, побѣды котораго мы и въ наше время продолжаемъ торжествовать.

Изъ этого видно, что для уразумѣнія происхожденія и развитія европейскаго умственнаго движенія нѣтъ никакой надобности выходить съ какою бы то ни было цѣлью за предѣлы, въ которыхъ жили и дѣйствовали собственно-европейскіе народы. Изъ нихъ, первенство принадлежитъ, какъ только что было упомянуто,—грекамъ. Причина, обусловившая это первенство, по мнѣнію Ог. Конта, заключается въ политической раздробленности Греціи и этнографическомъ ея единствѣ, положившемъ извѣстные предѣлы развитію воинственной дѣятельности, но и не ослабившемъ ее настолько, чтобы она потеряла возможность сдерживать успѣхи режима теократическаго. Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ возникъ въ Греціи совершенно новый свободный классъ людей, который сталъ неоцѣненнымъ органомъ умственнаго движенія передовыхъ личностей. Этотъ свободный классъ могъ отдаваться умозрѣнію, оставаясь внѣ жреческой іерархіи, и существенно-дѣятельнымъ, не тратя однакоже дѣятельность эту для цѣлей военныхъ. Только въ Греціи, гдѣ не преобладали жрецы, какъ на востокѣ, или воины, какъ въ Римѣ, этотъ классъ мыслителей, ученыхъ и художниковъ могъ оставаться свободнымъ. При нарушеніи равновѣсія въ ту или другую сторону, людямъ этимъ неизбѣжно пришлось бы или попасть въ число жрецовъ, или сдѣлаться рабами-педагогами въ семействахъ знатныхъ представителей военнаго сословія. Извѣстная часть этого свободнаго класса, состоявшаго изъ мудрецовъ или философовъ, продолжая дѣло своихъ предшественниковъ—жрецовъ, должна была долгое время разрабатывать одновременно всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго знанія, что и продолжалось до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя науки не стали получать самостоятельнаго значенія и когда духъ положительности началъ обнаруживаться въ дѣятельности человѣческаго разума [1]). Долгое время поэтому философія оставалась всеобщей наукой, въ которой смѣшивались всѣ развѣтвленія умственной работы. Вліяніе этого смѣшенія отзывается даже и тогда, когда части всеобщей науки начали

[1]) A. Comte. Cours de philos. positive. t. V. p. 174—179.

дифференцироваться. И въ это время еще греческіе мыслители продолжаютъ смѣшивать пріемы опытнаго знанія и отвлеченнаго умозрѣнія. Въ этомъ смѣшеніи подчиненная роль неизбѣжно должна была принадлежать опытному знанію, такъ какъ ему тогда не удалось еще окрѣпнуть настолько, чтобы стать руководящимъ началомъ отторгшагося отъ метафизики міросозерцанія. Такъ, напримѣръ, древніе астрономы полагали, что движеніе свѣтилъ равномѣрно и кругообразно. Съ точки зрѣнія субъективной, какъ замѣчаетъ Люисъ, такой взглядъ былъ не только логиченъ, но даже неопровержимъ, такъ что и въ позднѣйшее время Кеплеру трудно было вѣрить своему собственному открытію. Такимъ образомъ и масса другихъ наблюденій, сдѣланныхъ древними, подчинялась тому или другому апріорному принципу и, въ силу этого подчиненія, объясненія, изъ него вытекавшія, считались правильными и доказанными [1]). Метафизика перерабатывала весь накопившійся матеріалъ сообразно со своими цѣлями и, дополняя пробѣлы въ немъ, путемъ болѣе или менѣе смѣлыхъ догадокъ, сооружала системы, хотя и законченныя, и полныя, но держащіяся одною только своею логичностью, чуждою объективной повѣрки, а потому и чуждою связи съ міромъ дѣйствительнымъ.

Первымъ представителемъ философіи какъ всеобщей науки, подчиненной метафизическому принципу, былъ Ѳалесъ (въ VII вѣкѣ до нашей эры). У Ѳалеса, вмѣстѣ съ вопросами реалистическаго характера, разрѣшаемыми отчасти при помощи наблюденія, является уже и первый вопросъ чисто метафизическій—о сущности вещей, при разрѣшеніи котораго наблюденію отводится подчиненное значеніе. Ѳалесъ, по словамъ Аристотеля, путемъ наблюденія, дошелъ до мнѣнія, что «влажность питаетъ все и, что самая теплота отъ нея происходитъ и ею поддерживается». Это наблюденіе было ему необходимо однакоже для того, чтобы опредѣлить: въ чемъ заключается сущность вещей? Такимъ образомъ, самая постановка вопроса, въ разрѣшеніи котораго дано было мѣсто наблюденію, имѣетъ чисто метафизическій характеръ. Умозрѣніе, предваряя наблюденіе, указываетъ на сущность вещей какъ на искомое и затѣмъ пользуется для открытія

---

[1]) Очень поучительна въ этомъ отношеніи 1-я книга «Альмагеста» Кн. Птолемея, гдѣ этотъ ученый защищаетъ систему, носящую его имя и, нынѣ, какъ извѣстно, отвергнутую, противъ другихъ предположеній.

его тѣми средствами, какія считаетъ цѣлесообразными. Отъ Аристотеля же мы узнаемъ и о томъ, какими именно умозрѣніями пришла іонійская школа къ разысканію сущности вещей. «Основнымъ началомъ всякаго бытія они называютъ то, что есть всякая вещь, отъ чего исходитъ всякое возникновеніе и куда ведетъ всякое разрушеніе, всегда неизмѣнную сущность вещи, однѣ акциденціи которой только и измѣняются; и по этой причинѣ они думаютъ, что ничто не возникаетъ и не погибаетъ, ибо эта первая сущность никогда не перестанетъ существовать. Мы не говоримъ безусловно, что Сократъ рождается, когда онъ становится краснымъ или музыкантомъ, не говоримъ также, что онъ погибаетъ, когда онъ лишается этихъ пріобрѣтенныхъ имъ свойствъ, такъ какъ подвергающійся этимъ измѣненіямъ Сократъ не перестаетъ оставаться Сократомъ. Необходимо поэтому существованіе извѣстной сущности, единой и сложной, изъ которой происходили бы всѣ вещи, тогда какъ она пребывала-бы неизмѣнною» [1]).

Установивъ, такимъ образомъ, свою задачу, Ѳалесъ и другіе представители іонійской школы не только разрѣшили эту задачу, опредѣливъ, каждый по своему, сущность вещей: Ѳалесъ—воду, Гиппонъ—влажность, Анаксименъ—воздухъ, Анаксимандръ—неопредѣленную матерію (апейронъ), Гераклитъ—огонь, Анаксагоръ—сѣмена вещей (омеомеріи), но и разрѣшили цѣлый рядъ вопросовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія: Ѳалесъ предполагалъ, что земля держится на водѣ и объяснялъ землетрясеніе колебаніемъ подземной воды; онъ же, какъ думаютъ, дѣлалъ попытку измѣрить величину луны и солнца, а также занимался опредѣленіемъ заранѣе времени солнцестояній; Анаксимандръ опредѣлилъ разстояніе свѣтилъ между собою; Анаксименъ полагалъ, что звѣзды прикрѣплены къ твердой хрустали неба; онъ же думалъ, что солнце и луна плаваютъ въ воздухѣ и т. д. [2]).

Я уже говорилъ о тѣхъ условіяхъ, которыя необходимы для развитія опытнаго знанія: естественно поэтому, что изъ двухъ элементовъ, входившихъ въ составъ всеобщаго знанія—фило-

---

[1]) См. переводъ отдѣльныхъ частей метафизики у V. Cousin. Fragments philosophiques. 5-e éd. t. I.

[2]) П. Л. Л—въ. Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ, стр. 81—83. J. H. Maedler. Geschichte der Himmelskunde. Braunschweig. 1872. I. B. §§ 21, 22.

софіи, элементъ субъективный могъ развиться сравнительно быстро и отъ преобладанія надъ эмпиріей, которое онъ имѣлъ у іонійцевъ, перейти къ полному поглощенію ея, что дѣйствительно и совершилось въ школѣ элеатской. Элеаты, едва скользнувъ наблюденіемъ по обширному міру дѣйствительности, однимъ скачкомъ подымаются къ всецѣлому отъ него отрѣшенію, къ полному принесенію его въ жертву чистой абстракціи. Ксенофанъ—основатель школы—провозгласилъ основной принципъ ея: «ничто не происходитъ изъ ничего», и отъ него прямо заключилъ, что ничто не можетъ измѣняться, и что все есть одно. Этому единому, имѣвшему у Ксенофана теологическій характеръ, Парменидъ придалъ характеръ метафизическій, выразивъ его въ формѣ чисто отвлеченной и создавъ такимъ образомъ понятіе о бытіи, неизмѣняющемся, не возникающемъ не уничтожающемся, не раздробляющемся, существующемъ внѣ времени и пространства, т.-е. о такомъ нѣчто, которое имѣло одни только отрицательныя свойства, которое могло быть только объектомъ мысли, а реально—было ничто.

Въ связи съ ученіемъ элеатовъ находилось другое метафизическое направленіе, видоизмѣненіе котораго существуетъ и теперь, существенно противуполагаясь впрочемъ воззрѣніямъ, коренящимся на традиціи принциповъ Ксенофана и Парменида. Противорѣчіе это есть, впрочемъ, естественное слѣдствіе самой связи, которая была двоякая: непосредственная, заключавшаяся въ принятіи извѣстныхъ принциповъ и посредственная, заключавшаяся въ отрицаніи другихъ принциповъ и установленія положеній обратныхъ. Я говорю о системѣ Левкиппа и Демокрита. Система эта, несмотря на метафизическій характеръ, усвоенный ею отъ близости къ ученію элеатовъ, есть блестящее явленіе въ исторіи греческой метафизики. Ее нельзя не отнести къ числу счастливыхъ догадокъ «предчувствующей фантазіи», о которыхъ говоритъ А. Гумбольдтъ. Она есть то «бездоказательное положеніе, высказанное сначала въ смѣси съ самыми неосновательными предположеніями, которое позднѣе получаетъ важное научное значеніе» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, атомистическая теорія, какъ извѣстно, встрѣчается и теперь въ измѣненномъ видѣ во множествѣ сочиненій, авторы которыхъ пользуются авторитетомъ въ наукѣ. Въ химіи теорія эта можетъ считаться

[1]) А. Гумбольдтъ. Космосъ. Переводъ Фролова. Ч. II. стр. 110.

общепринятою; въ такъ называемой же «органической» части этой науки, большая часть открытій за послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлана, какъ замѣчаетъ Накэ, исключительно подъ вліяніемъ атомистической теоріи [1]). Между современною атомистическою теоріею и атомистикой древнихъ существуетъ однакоже не одно только научное различіе, происшедшее вслѣдствіе измѣненій этой теоріи; различіе, за которымъ можно прослѣдить, сравнивъ изложеніе древней атомистики, напр., по Целлеру [2]) и новѣйшей хоть по упомянутой выше статьѣ Накэ [3]); но и глубокое философское различіе, на которое указываетъ послѣдній изъ названныхъ ученыхъ. «Я тогда сталъ бы отвергать атомистическую теорію,—говоритъ онъ,—если бы вслѣдъ за древними метафизиками, мы принимали атомы и ихъ группировку какъ истины абсолютныя, какъ факты доказанные. Но въ настоящее время метафизика рѣшительно изгнана изъ всѣхъ точныхъ наукъ, и новое появленіе ея въ ихъ области, въ какой бы то ни было формѣ, невозможно. Химики, наиболѣе придерживающіеся этой теоріи, разсматриваютъ ее только какъ гипотезу, способствующую прогрессу науки. Они убѣждены—и въ этомъ и заключается ихъ отличіе отъ тѣхъ, которые отвергаютъ эту теорію,—что она въ настоящее время полезна, плодотворна, необходима и, что, пока не выставлены факты, отвергающіе ее, или теоріи, способныя замѣнить ее съ большимъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ обойтись безъ нея невозможно, не низводя химію къ эмпиризму, въ которомъ для науки нѣтъ жизни».

Характеристика метафизики разсматриваемаго періода была бы далеко не полна, если бы я не показалъ близкаго сродства метафизическаго творчества съ творчествомъ поэтическимъ,—сродства, приводящаго къ сліянію обоихъ въ созданіи одного гармоническаго умозрительно-эстетическаго цѣлаго. Блестящимъ образцомъ такого сліянія абстрактности съ образностью является передъ нами теорія идей Платона. Оригинальныя черты ея будутъ служить дополненіемъ той общей характеристики метафизики, которая въ Греціи предшествовала первому про-

---

[1]) A. Naquet. De l'atomiticite. (Philosophie pos. R. 1868. № 4).

[2]) E. Zeller. Philosophie der Griechen. I.

[3]) Укажу еще на статью другого позитивиста—Фредерика Андрэ, помѣщенную вмѣсто предисловія къ переводу «De rerum natura» Лукреціи, сдѣланному Лавинемъ. (E. Lavigne. De la nature des choses. Paris 870).

блеску позитивности. Говоря объ оригинальности теоріи идей Платона, я разумѣю ея художественную, а не философскую оригинальность; этой послѣдней у Платона вовсе не было. Отъ Аристотеля мы узнаемъ (Метафизика, кн. 1-я), что Платонъ сходился во многомъ съ Пиѳагорейцами, не чуждъ былъ вліянію Гераклитова ученія о непрестанномъ потокѣ вещей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходилъ изъ воззрѣній Сократа на преимущество нравственныхъ изслѣдованій предъ изученіемъ внѣшней природы, и, наконецъ, Аристотель указываетъ и на близость нѣкоторыхъ положеній Платона съ положеніями Эмпедокла и Анаксагора. Если къ этимъ вліяніямъ присоединить еще несомнѣнное вліяніе школъ: элеатской и мегарской, то намъ представятся съ достаточною полнотою тѣ элементы, изъ которыхъ развилось метафизическое ученіе Платона. Но какія бы ни строились комбинаціи изъ этихъ разнородныхъ данныхъ, онѣ никогда не дадутъ и слабаго понятія о знаменитой теоріи Платона, такъ какъ Платонъ не эклектикъ. Онъ не только установилъ гармонію въ своихъ заимствованіяхъ, но переработалъ ихъ сообразно своему личному характеру и придалъ имъ совершенно новый, оригинальный обликъ. Платонъ, какъ истый античный грекъ, во всемъ любитъ ясное опредѣленіе, твердо-обрисованныя формы, отчетливость, наглядность. Онъ и содержаніе своего отвлеченнаго мышленія переноситъ поэтому въ конкретную область объектовъ. Онъ и мыслитель, и художникъ въ одно и то же время, какъ сказалъ о немъ Морицъ Карріеръ. Онъ отъ поэзіи переходитъ къ философіи, и эта послѣдняя и есть для него высочайшее искусство музъ. Его міръ идей, наполненный хотя и невидимыми, но объективными первообразами дѣйствительнаго міра, представляетъ собою то дополненіе метафизическаго творчества творчествомъ художественнымъ, на которое я только что указалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на причину обаянія теоріи Платона,—обаянія, которое врядъ ли имѣла какая-нибудь другая, болѣе выдержанная система и которое даже въ эпоху возрожденія заставляло зажигать лампады передъ бюстомъ Платона. Но тамъ, гдѣ поэтическая экзальтація видитъ истину, связь, гармонію, тамъ критическое мышленіе усматриваетъ ложь, нескладицу, противорѣчія; поэтому въ древности еще были умы, не обманывавшіеся блескомъ и красотой теоріи идей. Аристотель анализомъ своимъ подорвалъ ее окончательно. Онъ съ неопровержимою ясностью доказалъ, что теорія эта есть

совершенно безплодная тавтологія, напрасно усложняющая и затрудняющая изученіе дѣйствительности.

Въ то время, какъ такимъ образомъ развивалась одна сторона всеобщей науки—субъективное умозрѣніе, и другая сторона ея—объективное изученіе явленій не оставалась неподвижною и мало-по-малу шла впередъ. Особенно успѣшно двигалась разработка самыхъ простыхъ, самыхъ общихъ и всего легче возводящихся въ отвлеченія свойствъ предметовъ, а именно свойствъ, познаваемыхъ чрезъ измѣреніе и исчисленіе, т. е. свойствъ математическихъ. Въ успѣхахъ этой разработки Огюстъ Контъ видитъ рѣшительное появленіе научнаго духа и необходимую колыбель разумной положительности [1]). Трудами по математикѣ извѣстны: Ѳалесъ, которому приписываютъ первыя простѣйшія математическія теоремы и нѣкоторые способы практическаго ихъ примѣненія; Пиѳагоръ, открывшій основную теорему сравненія площадей и оригинальную теорію чиселъ; Платонъ, который установилъ аналитическій методъ рѣшенія вопросовъ, теорію коническихъ сѣченій и теорію геометрическихъ мѣстъ, что, по словамъ одного ученаго, даетъ ему вѣчное право на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи науки, и, наконецъ, Эвдоксъ, котораго Платонъ считалъ лучшимъ математикомъ, чѣмъ онъ самъ; Эвдоксъ нашелъ теоремы стереометріи, на которыхъ основано опредѣленіе объема пирамиды и конуса, занимался теоріею пропорцій, сѣченіями тѣлъ, анализомъ, и употребилъ для рѣшенія вопроса объ удвоеніи куба особенныя, имъ придуманныя кривыя [2]). Вслѣдъ за математикой сдѣланы были успѣхи и въ астрономіи: здѣсь также Эвдоксъ первый приступилъ къ правильнымъ астрономическимъ наблюденіямъ и нѣкоторые считаютъ его первымъ, отдѣлившимъ астрономію отъ всеобщей науки [3]). Значительные успѣхи сдѣлали также и знанія медицинскія [4]).

Изъ этого видно, что отъ Ѳалеса (средина VII вѣка) до Эвдокса (средина IV вѣка) положительное знаніе сдѣлало столь значительные успѣхи, что стали уже выдѣляться отдѣльныя самостоятельныя науки. Научный духъ получилъ, такимъ образомъ, такую опору своему развитію, что въ IV вѣкѣ могъ уже

---

[1]) A. Comte. Cours de phil. pos. T. V, p. 179.

[2]) Очеркъ ист. ф.-м. наукъ, стр. 99—107.

[3]) Ch. Renouvier. Manuel de philosophie ancienne. T. II, p. 338.

[4]) Ch. Daremberg. Hist. des sciences médicales. T. I. Ch. II, III.

появиться первый провозвѣстникъ позитивизма — Аристотель [1]).

Отвергнувъ ученіе Платона объ идеяхъ, Аристотель установилъ методъ, обратный методу своего учителя. По Аристотелю, всякое изученіе должно начинаться съ изученія единичныхъ вещей. Основаніемъ такого изученія, естественно, является чувственное воспріятіе. Но чувственное воспріятіе не даетъ еще матеріала, изъ котораго слагается наука. Наука можетъ быть только знаніемъ общаго, какъ училъ и Платонъ; это общее, или общія понятія, какъ сказали бы въ наше время, познается посредствомъ индукціи. Индукція (наведеніе) имѣетъ своимъ основаніемъ память, которая дозволяетъ сравнивать пріобрѣтенныя впечатлѣнія и рѣшать, что въ нихъ есть сходственнаго и различнаго. Она представляетъ собою путь отъ единичнаго къ общему, къ законамъ, которыми управляются явленія. Такъ, астрономія основывается на наблюденіи, ибо «если мы вѣрно наблюдаемъ небесныя явленія, то можемъ установить законы, которыми они управляются». То же можно сказать и о другихъ наукахъ. Если мы ничего не опускаемъ изъ того, что даетъ намъ наблюденіе надъ явленіями, то и получаемъ чрезъ то возможность доказать все, что можетъ быть доказано, и истолковать все, что доказательства не допускаетъ. Что же касается ошибокъ, въ которыя можетъ впасть наблюдающій, то, по мнѣнію Аристотеля, онѣ происходятъ не вслѣдствіе обмана чувствъ, но отъ неправильнаго истолкованія данныхъ, сообщаемыхъ чувствами. Поэтому онъ совѣтуетъ лучше не дѣлать заключенія, пока наблюденія не полны.

Значеніе наблюденія и несостоятельность предположеній, сдѣланныхъ на основаніи недостаточныхъ наблюденій, выяснено во многихъ сочиненіяхъ Аристотеля съ полною опредѣленностью. Такъ, въ трактатѣ «О происхожденіи и развитіи животныхъ» онъ говоритъ: «надо болѣе полагаться на факты, чѣмъ на заключенія; эти послѣднія должны согласоваться съ первыми»; и въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія, по поводу одного апріорнаго заключенія, онъ замѣчаетъ: «такое доказательство слишкомъ отвлеченно и пусто, такъ какъ основанія, невыводимыя изъ присущихъ вещамъ началъ, пусты и объясняютъ ихъ только внѣшнимъ образомъ; одни геометрическія доказательства выводятся изъ геометрическихъ началъ, такъ и въ другихъ нау-

[1]) A. Comte. Cours de phl. pos. T. V, p. 388.

кахъ. Пустое доказательство кажется убѣдительнымъ, но оно безсильно». Въ сочиненіи «О небѣ» онъ порицаетъ тѣхъ, которые «высказываютъ о фактическихъ явленіяхъ положенія, не совпадающія съ самими явленіями, придерживаясь нѣкоторыхъ началъ, которыя имъ кажутся истинными, между тѣмъ, какъ объ истинности началъ должно судить по результатамъ, а въ физикѣ по тому, что оказывается дѣйствительнымъ въ чувственномъ воспріятіи». Въ сочиненіи «О происхожденіи и разрушеніи» онъ говоритъ, что основаніе, побуждающее нѣкоторыхъ людей не придавать должнаго значенія фактамъ, заключается въ недостаткѣ у нихъ опыта, поэтому тѣ, которые привыкли къ физическимъ изслѣдованіямъ, болѣе способны ставить далеко захватывающія начала; тѣ же, которые въ своихъ многочисленныхъ доказательствахъ не опираются на фактически-существующее, обращая вниманіе лишь на немногое, гораздо легче утверждаютъ положенія; но изъ этого видно, какъ различаются между собою тѣ, которые обсуждаютъ дѣло физически, отъ тѣхъ, которые обсуждаютъ его на основаніи (предвзятыхъ) понятій» [1]).

При помощи своего метода, Аристотель хотѣлъ достигнуть строго-научнаго, аподиктическаго знанія, которое онъ противополагалъ мнѣнію или знанію діалектическому. Аподиктическое знаніе, какъ видно изъ предыдущаго, стремится къ общему, къ общимъ понятіямъ. Эти общія понятія, какъ и открывающую и развивающую ихъ науку, Аристотель считалъ отдѣльно существующими отъ міра объективнаго постольку, поскольку человѣческое мышленіе существуетъ отдѣльно отъ объективной сущности вообще; поскольку же послѣдняя чрезъ мышленіе только становится достояніемъ человѣка и поскольку мышленіе является вслѣдствіе того тождествомъ субъективнаго и объективнаго, постольку начало познанія и начало бытія, по мнѣнію Аристотеля, суть одно и то же. Понятіе является поэтому центральнымъ принципомъ всей аристотелевой логики и соединительнымъ пунктомъ ея съ метафизикой. Оно обнимаетъ сущность познаваемаго объекта, т.-е. все неизмѣняемое, все то, что существуетъ, какъ необходимое. Критеріумомъ ему служитъ невозможность инобытія и имъ установляется аподиктическое зна-

---

[1]) Цит. у Люиса (Aristoteles), стр. 100—114.

ніе, проникающее въ первые принципы и причины всего существующаго [1]).

Аподиктическое или научное знаніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ есть, по ученію Аристотеля, знаніе причины, произведшей тотъ или другой предметъ или явленіе. Знаніе причины есть единственное знаніе, опирающееся на доказательство. Мы можемъ имѣть и иныя знанія, но только знанія, подтвержденныя доказательствами, даютъ науку. Но что же такое слѣдуетъ считать доказательствомъ? Доказательство, по Аристотелю, есть силлогизмъ, производящій науку, тотъ силлогизмъ, благодаря которому только и возможно знаніе. Такое доказательство, или такой силлогизмъ можетъ быть общимъ или частнымъ. Въ первомъ, какъ въ посылкахъ, такъ и въ заключеніи, подлежащее есть родовое понятіе, во второмъ—видовое. Сравнивая ихъ между собою, Аристотель предпочитаетъ общее доказательство частному, потому что общее есть въ большей степени доказательство причины, чѣмъ частное. Безъ знанія «общаго» нѣтъ полнаго знанія и потому мы принуждены восходить отъ положенія къ положенію, пока не достигнемъ «общаго». Объясняя всѣ частности и само не нуждаясь въ объясненіи, оно соотвѣтствуетъ понятію о причинѣ, существующей независимо отъ какой бы то ни было другой причины, т.-е. соотвѣтствуетъ понятію о причинѣ конечной.

Изъ этого слѣдуетъ, что чувственное воспріятіе не можетъ произвести аподиктическаго знанія, науки. Такое знаніе исключительно почерпается изъ «общаго». Знаніе общаго, знаніе причины имѣетъ поэтому превосходство передъ чувственнымъ знаніемъ и, слѣдовательно, силлогизмъ есть истинное орудіе науки и единственное истинно-научное доказательство.

Таковъ методъ Аристотеля, первый опытный методъ въ исторіи философіи. Въ этомъ методѣ, по словамъ Люиса, впервые возвѣщаются главные принципы индуктивнаго мышленія и притомъ съ такою полнотою, которая не была превзойдена даже Бэкономъ; поэтому Люисъ находитъ, что Аристотеля слѣдуетъ считать отцомъ индуктивной философіи [2]).

Такимъ образомъ методъ Аристотеля служитъ первымъ ша-

---

[1]) Цитаты и разъясненія, см. у C. Prantl. Geschichte der Logik im Abendlande. Leipzig. 1855, стр. 95 и слѣд., 104 и слѣд., 135 и слѣд.

[2]) Lewes. Aristoteles. s. 108.

гомъ развитія индуктивной философіи, безъ которой немыслимо возникновеніе позитивнаго ученія. Представляя первую ступень развитія этой философіи методъ Аристотеля неизбѣжно содержитъ въ себѣ недостатки, исчезающіе только при позднѣйшей его разработкѣ. Отсутствіе достодолжнаго признанія важности повѣрки есть существеннѣйшій изъ нихъ. Люисъ, указывая на этотъ недостатокъ, приписываетъ ему причину безуспѣшности аристотелевскаго метода въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Въ своей монографіи онъ много разъ указываетъ на то, какъ мало придавалъ Аристотель значенія повѣркѣ, какъ мало заботился онъ о точности столь старательно собранныхъ имъ фактовъ, какъ мало дѣлалъ различія между совершенной и несовершенной индукціей, какъ мало сознавалъ обманчивое значеніе заключенія по аналогіи. По этой причинѣ, Люисъ считаетъ методъ Аристотеля настолько несовершеннымъ, что признаетъ за собою право совершенно отвергать приложимость его для цѣлей научныхъ [1]).

Что же касается теоріи доказательства, то Люисъ находитъ ее совершенно несостоятельною въ научномъ отношеніи. Она не могла, какъ говоритъ онъ, не придать изслѣдованіямъ Аристотеля апріористическаго и метафизическаго характера. Хотя Аристотель и признаетъ значеніе наблюденія, но онъ считаетъ однако-же общее лучше извѣстнымъ, чѣмъ частное. Неизбѣжнымъ, слѣдствіемъ такого взгляда было, какъ замѣчаетъ Люисъ, то, что на практикѣ Аристотель пренебрегъ частнымъ и занялся общимъ и болѣе заботился о заключеніяхъ, чѣмъ о наблюденіи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда общее (общія идеи) было вѣрно,—что было не иначе какъ случайно,—тогда и предпочтеніе, ему оказываемое, находило болѣе опоры. Къ несчастью, это общее было часто ложно, еще чаще—безразлично, и, такъ какъ заключеніе не представляло никакого мѣрила достовѣрности, то предпочтеніе это и становилось часто гибельно. Своею теоріею Аристотель ставилъ идеальную повѣрку выше реальной,—это пріемъ метафизическій. Поэтому находимъ мы въ его сочиненіяхъ мало терпѣливой осторожности въ повѣркѣ, мы находимъ только нетерпѣливую легкость, съ которою онъ дѣлаетъ выводы изъ данныхъ положеній, не сопоставленныхъ съ дѣйствительностью [2]).

---

[1]) Lewes. Aristoteles. s. 115.

[2]) Тамъ-же, стр. 118.

Итакъ, хотя Аристотель и считается отцомъ индуктивной философіи, но метафизическій элементъ, какъ мы только что видѣли, не чуждъ его метода и, слѣдовательно, не можетъ не имѣть извѣстной роли и въ его философскихъ и научныхъ трудахъ. Если мы остановимся только на главнѣйшихъ результатахъ, добытыхъ Аристотелемъ въ обѣихъ этихъ областяхъ, то увидимъ, что индуктивныя начала аристотелева метода принесли плодъ только въ нѣкоторыхъ его научныхъ трудахъ; философскіе же его труды имѣютъ исключительно метафизическій характеръ.

Мы знаемъ, какое важное значеніе придавалъ Аристотель знанію причины и собственно первой причины. Знаніе это и было для него предметомъ науки. Существованіе той или другой вещи, училъ онъ:—познается путемъ чувственнаго воспріятія, но чувственное воспріятіе не можетъ объяснить: *почему* эта вещь существуетъ? Такое объясненіе истекаетъ только изъ знанія конечной причины ея существованія. Изученіе этой конечной причины, входящее въ область «первой философіи», имѣетъ исходную свою точку, какъ и всякое знаніе въ системѣ Аристотеля, чувственную дѣйствительность. Объясненіе этой дѣйствительности открываетъ намъ четыре различныя стороны, съ которыхъ она можетъ намъ представиться: 1) какъ нѣчто сложное, 2) какъ обладающее собственною сущностью, 3) какъ движущееся и 4) какъ направляющееся въ этомъ движеніи къ цѣли. Каждое изъ этихъ свойствъ имѣетъ свою причину, которая, вслѣдствіе того, и можетъ быть: 1) причиною матеріальною, когда дѣло идетъ объ элементахъ, изъ которыхъ слагается изучаемая дѣйствительность, 2) причина формальная, когда имѣется въ виду собственная сущность этой дѣйствительности, 3) причина движущая, когда разсматривается движеніе и 4) причина конечная, когда вниманіе обращено на цѣли движенія. Этими четырьмя причинами объясняется всякое дѣйствіе, всякое бытіе. Намъ необходимо поэтому разсмотрѣть ихъ ближе.

Когда мы видимъ статую и знаемъ, что она отлита изъ бронзы, то мы можемъ принять сперва за сущность этой статуи бронзу; но такой взглядъ, съ точки зрѣнія Аристотеля, будетъ ошибоченъ. Бронза, согласно его ученію, не есть сущность этой статуи; бронза, и прежде отлитія ея въ форму этой статуи, имѣла неизбѣжно какую-нибудь форму, ничего общаго съ формой статуи не имѣющую; поэтому, говоря о сущности статуи, мы не можемъ имѣть въ виду *эту* опредѣленную бронзу, но бронзу

вообще, т.-е. нѣчто такое, что само по себѣ не существуетъ въ дѣйствительности, но что можетъ, облекаясь формой, перейти къ дѣйствительности, къ бытію. Поэтому, бронза, *какъ матерія*, существуетъ только *въ возможности* (потенціально), а форма ея, какъ та, которую она имѣла до отливки, такъ и та, которую она получила послѣ нея, существуетъ *въ дѣйствительности* (актуально). Переходъ отъ возможности къ дѣйствительности, или отъ *матеріи* къ формѣ, есть осуществленіе этой дѣйствительности,—*движеніе*, котораго *цѣль* есть бытіе дѣйствительное—*форма*.

Разъясненіе аристотелевскаго словоупотребленія открываетъ намъ смыслъ и взаимную связь тѣхъ четырехъ причинъ, которыя, по его ученію, объясняютъ всякое бытіе. Вдумываясь въ смыслъ и значеніе этихъ основныхъ принциповъ разсматриваемой системы, мы легко можемъ замѣтить, что принципы эти чисто метафизичны, т.-е. представляютъ рядъ объективированныхъ абстракцій, вполнѣ чуждыхъ дѣйствительности. Разсмотримъ ихъ одну за другой. Начнемъ съ матеріи и формы. Матерія и форма безспорно представляютъ двѣ стороны, съ которыхъ мы можемъ разсматривать всякое бытіе; но это различіе матеріи отъ формы есть только пріемъ мышленія, заключать отъ котораго къ объективному ихъ существованію мы не имѣемъ никакого права. Матерія безъ формы не существуетъ и немыслима; а изъ этого слѣдуетъ, что потенціальное бытіе Аристотеля не существуетъ. Существуетъ одно бытіе, бытіе дѣйствительное, бытіе же «по возможности» есть его абстракція. Аристотель видитъ, напримѣръ, въ полководцѣ, который выигралъ сраженіе, побѣдителя въ дѣйствительности; но этотъ же полководецъ, по мнѣнію Аристотеля, былъ уже и прежде побѣдителемъ въ возможности, такъ какъ въ его личности, въ силѣ и расположеніи его арміи и т. д. заключались условія, приведшія его къ побѣдѣ. Въ данномъ случаѣ, понятіе о побѣдѣ въ возможности очевидно основано только на томъ, что никакой въ свѣтѣ наблюдатель не можетъ предвидѣть *всѣхъ* условій, отъ которыхъ зависитъ побѣда, а только часть ихъ. Если бы возможно было обозрѣть ихъ всѣхъ, то стало бы очевидно не то, что побѣда возможна, но что она неизбѣжна. На это, пожалуй, съ аристотелевской точки зрѣнія возразятъ, что неизбѣжный побѣдитель есть все же таки въ извѣстной степени побѣдитель, т.-е. побѣдитель, если не дѣйствительный, то возможный. На

такое возраженіе можно отвѣтить, что, назовемъ ли мы нашего полководца побѣдителемъ, или не назовемъ, во всякомъ случаѣ онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ, т.-е. реальнымъ существомъ, поставленнымъ въ извѣстныя условія. Тѣ изъ этихъ условій, при которыхъ онъ сдѣлается дѣйствительнымъ побѣдителемъ, еще не наступили въ данный моментъ. Пока у него есть только извѣстный планъ, извѣстная сила рукъ, голоса, извѣстныя нравственныя отношенія къ своему войску, извѣстныя чувства надежды или страха, словомъ, извѣстныя обстоятельства, опредѣляющія его со всѣхъ сторонъ. Изъ отношенія этой его опредѣленности къ опредѣленности его противника, къ почвѣ, погодѣ и т. д., мы извлекаемъ понятіе о предстоящей побѣдѣ, и назовемъ ли мы ее такъ или иначе, она все же таки останется только объектомъ нашей мысли, нисколько не вліяющимъ на дѣйствительность.

Понятіе о возможности и дѣйствительности, говоритъ Альб. Ланге, у котораго я заимствовалъ приведенные выше аргументы, должно было особенно привлечь наше вниманіе потому, что это понятіе служитъ источникомъ многочисленныхъ и вредныхъ заблужденій, которыя, при извѣстномъ почитаніи Аристотеля въ теченіе столькихъ вѣковъ, получили необыкновенную прочность, грозили сдѣлаться вѣчными [1]).

Понятіе о цѣли такъ же метафизично, какъ и понятіе о матеріи и формѣ. Позитивная школа давно рѣшила вопросъ этотъ въ томъ смыслѣ, что въ добропорядочной логикѣ ученіе о конечныхъ цѣляхъ можетъ быть только результатомъ изслѣдованія, а не основнымъ началомъ для такого изслѣдованія. При отсутствіи объективной повѣрки въ методѣ и при низкомъ уровнѣ міровѣдѣнія, ученіе о цѣлесообразности въ природѣ могло казаться имѣющимъ смыслъ; но для человѣка, вооруженнаго истинно-научнымъ методомъ, такое ученіе не можетъ не представляться субъективнымъ, метафизичнымъ. Если, впрочемъ, на него смотрѣть какъ на гипотезу, то оно и будетъ оставаться гипотезой до тѣхъ поръ, пока не выдержитъ полной повѣрки. Повѣрка же должна заключаться въ томъ, что подъ понятіе о цѣлесообразности должны быть подведены всѣ явленія, и если оно объяснитъ ихъ, то и возведется въ научную истину, если же нѣтъ, то останется гипотезой недостовѣрной. Телеоло-

---

[1]) *A. Lange.* Gesch. d. Materialismus. s. 91.

гическая гипотеза прошла уже черезъ такую повѣрку и не въ состояніи была ее выдержать: самые ревностные поборники ея довольствовались приложеніемъ ея только къ избраннымъ фактамъ и не могли объяснить рѣзкаго противорѣчія ея съ массою другихъ фактовъ. Идея цѣлесообразности, вслѣдствіе этого, извергнута изъ науки и, оставаясь въ области метафизики, не приноситъ ей никакой пользы, оставаясь пустымъ, безсодержательнымъ словомъ [1]).

Метафизическій характеръ послѣдняго изъ четырехъ принциповъ—движенія (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Аристотель, т.-е. въ смыслѣ посредствующаго звена, связующаго матерію и форму) явствуетъ, изъ всего сказаннаго выше, самъ собою. При критическомъ обозрѣніи системы Аристотеля очень важно остановить на этомъ вниманіе, потому что призрачный принципъ этотъ у Аристотеля играетъ роль основного положенія всей теоріи явленій, изучаемыхъ въ «Физикѣ», въ трактатѣ «О небѣ», въ трактатѣ «О происхожденіи и разрушеніи» и въ «Метеорологикѣ» (физикѣ земли). Очень естественно поэтому, что весьма немногіе критики новаго времени рѣшились поддерживать научное значеніе трудовъ Аристотеля въ этой области [2]). Люисъ же утверждаетъ, что эта часть сочиненій Аристотеля заключаетъ въ себѣ одни только метафизическія изслѣдованія, поводомъ для которыхъ служатъ извѣстныя физическія явленія, утомительные споры о движеніи, пространствѣ, безконечности и т. п. словесныя различенія, пустыя аналогіи, не подверженныя сомнѣнію утвержденія несказанно утомительныя и безплодныя [3]). Метеорологика во многихъ отношеніяхъ интереснѣе прочихъ трактатовъ: она построена научнѣе, и индуктивный методъ проведенъ въ ней послѣдовательнѣе. Въ ея область Аристотель включилъ также и нѣкоторыя геологическія наблюденія, имѣвшія для его времени весьма важное значеніе и свидѣтельствующія о чрезвычайной проницательности его ума.

Работы Аристотеля, изслѣдующія явленіе міра органическаго, пользуются наибольшею извѣстностью и заслужили отъ многихъ французскихъ ученыхъ—Кювье, Бленвиля, Иси-

[1]) См. *Littré*. Préface d'un disciple. p. XXIII. (Предисловіе къ «Курсу положительной философіи» О. Конта, изд. 1864 г.).

[2]) Очеркъ ист. ф.-м. наукъ. стр. 157.

[3]) *Lewes*. Aristoteles. s. 129.

дора Жоффруа с. Илера и др.—самыя неумѣренныя восхваленія. С. Илеръ, напримѣръ, рѣшился высказать, что Аристотель достигъ предѣловъ всѣхъ наукъ, расширялъ эти предѣлы и проникъ до самой глубины наукъ. Люисъ справедливо осуждаетъ такой способъ оцѣнки исторической личности и указываетъ на иной путь къ вѣрному взгляду на этотъ вопросъ, путь строгой критики, никогда не упускающей изъ виду различенія историческаго значенія трудовъ этой личности отъ значенія собственно-научнаго въ тѣсномъ смыслѣ. По отношенію къ Аристотелю большая часть французскихъ писателей и нѣкоторые нѣмецкіе смѣшиваютъ эти двѣ различныя точки зрѣнія и даже самъ Люисъ, несмотря на все стараніе держаться имъ же самимъ установленнаго принципа, впадаетъ въ крайность, прямо противуположную крайности французской школы. На его оцѣнку ученыхъ работъ Аристотеля трудно поэтому вполнѣ положиться.

Изслѣдованія органическаго міра излагаются у Аристотеля въ 10 книгахъ «Исторіи животныхъ», въ 4 книгахъ «О частяхъ животныхъ», и въ 5 книгахъ «О происхожденіи и развитіи». По этимъ сочиненіямъ можно составить понятіе объ Аристотелѣ, какъ анатомѣ, физіологѣ, зоологѣ и вообще біологѣ, и опредѣлить, какъ обширность его фактическихъ знаній, такъ и глубину его пониманія, т.-е. объемъ знанія законовъ явленій, которыя онъ изучалъ.

Изслѣдованія его въ области анатоміи, по словамъ Люиса, изумительно обширны; они охватываютъ все животное царство отъ актиній до человѣка. «По отношенію правильности его знаній,—говоритъ Люисъ:—я принужденъ, послѣ долгаго и подробнаго изученія, составить мнѣніе, которое совершенно отлично отъ общепринятаго у историковъ и критиковъ. Для насъ, сочиненія его представляются освѣщенными новѣйшими открытіями, и потому мы склонны приписывать *ему* все то, что возбуждается въ насъ его словами, тѣмъ не менѣе, однако-же, мы наталкиваемся на множество неточностей и такихъ заявленій, которыя обнаруживаютъ значительную степень невниманія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ самъ не вѣдаетъ себя, новѣйшіе читатели пополняютъ его указанія и намеки подробностями изъ своего собственнаго богатаго запаса. При поверхностномъ изслѣдованіи можетъ казаться поэтому, что онъ представляетъ удовлетворительныя описанія, въ особенности же тогда, когда

мы подходимъ къ нему съ предрасположеніемъ, часто безсознательно овладѣвающимъ нами при изученіи древнихъ писателей, съ предрасположеніемъ открывать чудеса. Но критика болѣе независимая и безпристрастная обнаруживаетъ, что онъ не далъ ни одного анатомическаго описанія, имѣющаго малѣйшее значеніе. Случайныя открытія въ бойняхъ и на поляхъ сраженій, вмѣстѣ со свѣдѣніями, собранными при гаданіяхъ (по внутренностямъ) и бальзамированіяхъ, были вѣроятно источниками его знанія людей и большихъ животныхъ. Я не утверждаю, что онъ никогда не вскрывалъ ни одного животнаго, напротивъ того, въ высшей степени вѣроятно, что онъ вскрывалъ ихъ много. Но я убѣжденъ, что онъ никогда не разсѣкалъ такъ тщательно и систематично, какъ это необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ достичь чего-нибудь бо̀льшаго, чѣмъ общее знакомство съ расположеніемъ главныхъ органовъ. Онъ не прослѣдилъ никогда на всемъ пути ни одного сосуда или нерва; онъ никогда не замѣтилъ начала и прикрѣпленія мускула, никогда не разобралъ составныхъ частей органа, никогда не уяснилъ себѣ систематической связи между органами» [1]). Такую оцѣнку анатомическихъ знаній Аристотеля П. Л. Л. [2]) исправляетъ тѣмъ, что еще рельефнѣе выставляетъ историческое значеніе тѣхъ знаній Аристотеля, о которыхъ теперь идетъ рѣчь. Соглашаясь съ тѣмъ, что знанія эти *для нашего времени* потеряли всякую цѣнность, П. Л. Л. указываетъ на ту цѣнность, которую имѣли они для современниковъ и ближайшихъ послѣдователей Аристотеля, которымъ они давали полную, хотя и приблизительно только вѣрную картину устройства организма и вызывали послѣдователей на пополненіе и исправленіе частностей въ схемѣ, установленной учителемъ [3]).

Сказанное выше приводитъ къ тому заключенію, что въ анатомическихъ трудахъ Аристотеля руководящимъ принципомъ былъ принципъ вполнѣ научный и что труды эти существенно отличаются поэтому отъ трудовъ, посвященныхъ міру неорганическому, гдѣ принципъ движенія извращалъ все изслѣдованіе, придавая ему метафизическій характеръ. Такимъ обра-

---

[1]) *Lewes*. Aristoteles. s. 158—159.

[2]) *П. Л. Лавровъ. Прим. ред.*

[3]) Очеркъ истор. ф. м. н., стр. 175.

зомъ, приложеніе метода Аристотеля, по скольку методъ этотъ могъ считаться индуктивнымъ, къ этой области знаній, было особенно удачно, и хотя для современныхъ ученыхъ анатомія Аристотеля и лишена значенія, но она является уже не какъ метафизическое построеніе, но какъ наука и потому и имѣетъ значеніе очень важнаго момента въ развитіи положительнаго знанія.

Такъ какъ анатомія относится къ физіологіи какъ статическая часть одной науки—біологіи—относится къ динамической ея части, то,—само собою разумѣется,—что безъ знанія анатоміи, знаніе физіологіи невозможно. Люисъ справедливо сравниваетъ поэтому физіологію Аристотеля съ тѣми неопредѣленными догадками, какія могли явиться у человѣка, который, не имѣя никакого понятія о конструкціи часовъ, вздумалъ бы разсуждать о ней на томъ только основаніи, что видѣлъ, какъ ихъ заводятъ, и слышалъ ихъ стукъ. Несовершенство аристотелевой теоріи въ этой области заходитъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ далеко, что онъ нерѣдко тратитъ свое остроуміе на объясненіе фактовъ вовсе несуществующихъ. Тѣмъ не менѣе, однако-же, и здѣсь Аристотель прилагалъ пріемы индуктивные и въ нѣкоторыхъ случаяхъ столь удачно, что могъ разработать цѣлые отдѣлы съ успѣхомъ, вызывающимъ удивленіе даже у такихъ строгихъ критиковъ, какъ Люисъ. Трактатъ «О происхожденіи и развитіи животныхъ», по словамъ Люиса, есть необыкновенное произведеніе. По обширности съ нимъ не можетъ сравниться ни одно изъ древнихъ сочиненій, а по многочисленности подробностей и глубинѣ взгляда только немногія новыя могутъ стать съ нимъ рядомъ. Люисъ не находитъ лучшей похвалы Аристотелю, какъ сравненіе его трактата съ извѣстнымъ сочиненіемъ обезсмертившимъ имъ основателя новѣйшей физіологіи Гэрвея. «Сочиненіе это, говоритъ Люисъ:—превосходитъ трактатъ Аристотеля въ нѣкоторыхъ анатомическихъ частностяхъ, но въ философскомъ отношеніи оно настолько ниже его, что въ настоящее время гораздо болѣе его устарѣло, гораздо менѣе согласуется съ нашими воззрѣніями» [1]).

Въ заключеніе обзора главнѣйшихъ научныхъ трудовъ Аристотеля, я долженъ упомянуть объ одномъ изъ широкихъ его взглядовъ, опирающихся не на субъективное умозрѣніе, а на

---

[1]) *Lewes*. Aristoteles. s. 333—334.

тѣ положительныя знанія, которыми онъ располагалъ. Я разумѣю его общую систематизацію этого знанія. Установленіемъ этой систематизаціи онъ является въ такой же мѣрѣ,—если не въ большей,—провозвѣстникомъ позитивнаго міросозерцанія, какъ и установленіемъ первыхъ основаній индуктивнаго метода. Все сущее представляется ему какъ рядъ ступеней развитія изъ безразличной матеріи до мыслящаго человѣка. Движеніе, стихійныя процессы, міръ растеній, міръ животныхъ, человѣкъ,—вотъ рядъ формъ, которыми онъ руководствуется для своей классификаціи отдѣловъ положительнаго знанія. «Различные виды существъ требуютъ различныхъ наукъ и, такимъ образомъ, наука движенія лежитъ въ основаніи, на которомъ строится наука стихійныхъ явленій и стихійнаго обособленія, затѣмъ идетъ группа наукъ о существахъ живыхъ, наука о растеніяхъ, о животныхъ и, наконецъ, о человѣкѣ, обнимающая его психологическія явленія, его нравственную и политическую дѣятельность». «Знаніе наше съ тѣхъ поръ разрасло́сь, число спеціальныхъ отдѣловъ увеличилось, но для главныхъ группъ едва ли приходится сдвинуть вѣхи, поставленныя Аристотелемъ: механика, науки физико-химическія и науки органическихъ существъ, распадающіяся на ботанику, зоологію и антропологію, даютъ и для нашего времени самую удобную схему наукъ естественныхъ въ ихъ постепенномъ осложненіи...» «Такимъ образомъ, возвышаясь въ мірѣ явленій отъ перемѣщенія въ пространствѣ до человѣческаго разума и переходя отъ минерала къ человѣку, Аристотель впервые представилъ всѣ существа и всѣ явленія природы, какъ подлежащія одному закону развитія и послѣдовательныхъ переходовъ, опираясь при этомъ на наблюденія въ той мѣрѣ, въ какой они были ему доступны, и дѣлая выводы изъ этихъ наблюденій столь точныя, сколько допускало его время» [1]).

Придерживаясь, по необходимости, изложенія сколь возможно болѣе сжатаго, я прошелъ молчаніемъ многія сочиненія Аристотеля: классификація животныхъ, трактатъ о душѣ, политику, и не останавливался надъ нѣкоторыми частными вопросами. Сдѣлалъ я это потому, что очеркъ мой не есть изложеніе системы Аристотеля, а только общая ея характеристика, имѣющая цѣлью показать значеніе Аристотеля, какъ перваго

---

[1]) *П. Л. Л—въ*. Тамъ же.

провозвѣстника положительнаго міросозерцаія. Для этой цѣли мнѣ достаточно было обратить вниманіе читателя на однѣ только существеннѣйшія характеристическія черты ученія нашего философа и установить на него опредѣленную точку зрѣнія. Если только мнѣ это удалось, то я выполнилъ свою задачу.

Для метафизиковъ могъ существовать вопросъ о томъ, кому принадлежитъ первенство или превосходство—Платону или Аристотелю? Каррьеръ [1]), напримѣръ, воображаетъ, что споръ этотъ разрѣшенъ никѣмъ инымъ, какъ Рафаэлемъ въ его знаменитой «аѳинской школѣ», гдѣ Платонъ и Аристотель поставлены рядомъ, въ положеніи, господствующемъ надъ группами другихъ древнихъ философовъ [2]); для позитивиста вопросъ этотъ разрѣшается самъ собою. Рѣшеніе его уже дано тѣмъ, что Аристотель, какъ философъ, является провозвѣстникомъ позитивизма и, какъ ученый, подготовителемъ его, а Платонъ, помимо заслугъ въ области математики, былъ только поэтомъ-метафизикомъ. Хотя и у Аристотеля мы видѣли смѣшеніе взглядовъ положительныхъ и метафизическихъ и не могли не замѣтить даже въ большей части случаевъ торжества послѣднихъ надъ первыми; но и въ этомъ смѣшеніи выяснилось только историческое значеніе Аристотеля: было видно, какъ его высокій умъ сдѣлалъ все, что было возможно при данныхъ условіяхъ. Создавая цѣлыя отрасли изслѣдованія, до него неизвѣстныя, расширяя и углубляя другія, едва разработанныя, Аристотель всегда усиливался держаться на научной почвѣ и это удавалось ему настолько, насколько дозволяло отсутствіе орудій наблюденія и еще болѣе важное отсутствіе идеи научной повѣрки, могущей возникнуть только тогда, когда наблюденія точныя, сдѣланныя при пособіи необходимыхъ для нихъ орудій, сравниваются съ наблюденіями имъ предшествовавшими. Аристотелю не съ чѣмъ или почти не съ чѣмъ было сравнивать своихъ наблю-

[1]) *M. Carriere.* Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung. Leipzig. 1866. t. II.

[2]) Сравненіе Аристотеля и Платона навело Шлегеля, въ его «Geschichte der Literatur», на мысль, что великій человѣкъ родится аристотельянцемъ или платоникомъ. Кольриджъ присвоиваетъ эту мысль себѣ. Дж. Г. Люисъ, въ исторіи философіи, находитъ ее вѣрной и ссылается на Локка и Лейбница. Эту же мысль проводитъ *Cl. Royer* въ своей статьѣ о Ламаркѣ (въ «Philosophie positive») и *Leblais* въ краткомъ историческомъ очеркѣ двухъ направленій въ философіи. («Matérialisme et spiritualisme». Paris, 1865).

деній, поэтому онъ полагался на нихъ безусловно и довѣрчиво строилъ свои теоріи. Все же таки теоріи эти имѣли почву, а не истека лишь субъективнаго умозрѣнія. Аристотель стоялъ, такимъ образомъ, выше общаго метафизическаго уровня своего времени и положилъ основаніе такому направленію умственной дѣятельности, которое, развившись, стало основнымъ и руководящимъ направленіемъ всякаго прогресса. Все это отводитъ Аристотелю высокое положеніе въ исторіи. «И между великими героями человѣчества,—говоритъ строгій его критикъ Люисъ:—Аристотель долженъ занимать выдающееся мѣсто. Онъ превосходитъ сотни тѣхъ, которые, дѣйствуя при счастливыхъ условіяхъ, обогатили науку малоцѣнными частностями. Онъ стоитъ выше многихъ изъ тѣхъ, которые освѣтили науку великими идеями. И это превосходство основывается не только на многочисленности того, что онъ сдѣлалъ, но и на врожденной его силѣ. Его проницательный взоръ охватывалъ вполнѣ все поле наблюденія; и, если и другіе философы, древніе и новые, становились также на эту всеобъемлющую точку зрѣнія, то ни одинъ изъ нихъ, подобно ему, не открывалъ новыхъ путей» [1]).

Не одинъ изъ учениковъ Аристотеля не равнялся своему учителю, ни обширностью и глубиною ума, ни громадностью эрудиціи, поэтому ни одного изъ нихъ нельзя считать преемникомъ и продолжателемъ научно-философскихъ работъ Аристотеля, какъ систематика. Задача Аристотеля, какъ извѣстно, превосходила средства, которыми располагало его время, поэтому самъ Аристотель даже не въ состояніи былъ выполнить всего того, что обнималъ его сильный умъ въ общемъ очеркѣ въ широкой картинѣ, многіе контуры которой были едва намѣчены и часто крайне неопредѣленно. Способъ выполненія задачи былъ, однако-же, данъ самимъ Аристотелемъ и не допускалъ свободнаго метафизическаго творчества туда, гдѣ требовалось только наблюденіе, опытъ, индукція. Такую задачу могъ выполнить развѣ цѣлый рядъ умовъ, столь же глубокихъ и проницательныхъ какъ умъ Аристотеля; но ни Ѳеофрастъ, ни Эвдемъ, ни Дикеархъ, ни Стратонъ, ни Аристоксенъ не обладали данными, которыя могли бы позволить имъ взять на себя такой трудъ. Правда, Ѳеофрастъ и Эвдемъ пытались итти далѣе по энциклопедическому пути учителя, но у нихъ замѣтно преобладаніе личныхъ стремленій;—у

---

[1]) *Lewes*. Aristoteles. s. 390.

перваго научной наблюдательности и критическаго сомнѣнія, у втораго—историческаго направленія и уваженія къ слову учителя. Остальные отдали рѣшительный перевѣсъ эмпирической части ученія, уклоняясь въ то же время отъ спеціально-научныхъ занятій, и потому перипатетики остались въ сторонѣ отъ чисто-научнаго направленія, имѣвшаго блестящихъ представителей въ Александріи. Такимъ образомъ, школа Аристотеля оказалась совершенно безсильной итти въ томъ направленіи, которое было указано ея основателемъ [1]).

Если мы обратимся затѣмъ къ другимъ школамъ, получившимъ извѣстность послѣ Аристотеля, то замѣтимъ прежде всего, что школы эти, оставляя въ сторонѣ, или отодвигая на задній планъ общіе теоретическіе вопросы, обращаются преимущественно къ вопросамъ практическимъ, нерѣдко понимая ихъ односторонне и узко. При такомъ направленіи они остаются на почвѣ метафизической, хотя иногда и вопреки самимъ себѣ. Это происходитъ по той причинѣ, что взывая къ наукѣ, они не имѣютъ съ ней живой связи и не умѣютъ даже установить на нее вѣрной точки зрѣнія.

Изъ этого видно, что между философіею по-аристотелевскаго періода и періода, ему предшествовавшаго, существуетъ всего прежде та общая связь, что направленія обоихъ періодовъ имѣютъ одну общую метафизическую почву. Затѣмъ существуетъ и другая связь,—частная, обыкновенно указываемая историками-метафизиками, между отдѣльными направленіями или школами, напримѣръ, между школой стоиковъ и школой циниковъ, между эпикурейцами и послѣдователями Демокрита и т. д. Все это относится къ школамъ догматическимъ. Что же касается скептиковъ, стоящихъ особнякомъ, то они, по своей точкѣ зрѣнія, очень близки къ научному направленію, ближе нежели самая передовая изъ школъ догматическихъ. Аристотель придавалъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе сомнѣнію, но онъ, какъ умъ геніальный, указывалъ пути выхода изъ сомнѣнія и не давалъ ему возможности перейти въ сомнѣніе безусловное. Скептики такого выхода не давали, и потому, прямого вліянія на науку они и не имѣли. Косвенное ихъ вліяніе, тѣмъ не менѣе, очень значительно и важно. Они препятствовали слѣпой вѣрѣ, безусловнымъ утвержденіямъ и, такимъ образомъ, предостерегали умы

[1]) «Очеркъ ист. ф. м. н.», стр. 192 и слѣд.

отъ витанія въ метафизическихъ обобщеніяхъ, побуждали останавливаться на ближайшей, очевиднѣйшей, несомнѣннѣйшей связи явленій, на утвержденіи и выясненіи частныхъ истинъ. Вліяніе ихъ на философскія школы было также не маловажно. Эпикуръ, напримѣръ, относился съ большимъ уваженіемъ къ ученію Пиррона и въ школѣ Эпикура, какъ мы будемъ имѣть случай видѣть позже, было очень живо чутье къ живительной и спасительной силѣ науки.

И въ самомъ дѣлѣ, только наука, вооруженная своимъ точнымъ методомъ, могла положить, наконецъ, предѣлъ всему этому неопредѣленному колебанію умовъ, всѣмъ спорамъ метафизиковъ и безвыходному сомнѣнію скептиковъ. Счастливыя историческія комбинаціи и вывели, дѣйствительно, на нѣкоторое время науку на широкій и блестящій путь развитія, представителями котораго были преимущественно ученые александрійскіе.

Александрійскій періодъ имѣетъ громадное историческое значеніе, значеніе, не всегда достодолжно оцѣниваемое историками. Въ Александріи впервые возникаетъ имѣющее многихъ представителей направленіе умственной дѣятельности, оставляющее въ сторонѣ метафизику и преслѣдующее исключительно спеціальную разработку наукъ и связанное съ этой разработкой развитіе научнаго метода; направленіе, слѣдовательно, прямо ведущее къ тому міросозерцанію, установленіе котораго могло окончательно совершиться только въ XIX столѣтіи. Духъ, руководившій учеными дѣятелями Александріи, ближе духу современному, чѣмъ всѣ остальныя нравственныя явленія древней жизни. На немъ-то всего прежде и сосредоточиваемъ мы свое вниманіе. Какъ ни славны библіотеки, музеи и школы Александріи, какъ ни превозносилась и ни превозносится щедрость ея царей, но, по вѣрному замѣчанію Альберта Ланге [1]), все это ничто передъ тѣмъ, на чемъ, дѣйствительно, зиждется міровое значеніе Александріи, т.-е. передъ жизненнымъ нервомъ всякой науки—методомъ, пріобрѣтающимъ здѣсь впервые характеръ метода вполнѣ научнаго, положительнаго.

Главными представителями этой блестящей эпохи, какъ въ самой Александріи, такъ и внѣ ея, были: *Евклидъ*, котораго можно назвать первымъ ученымъ, въ современномъ смыслѣ этого

---

[1]) *A. Lange*. Gesch. d. Materialismus. s. 32.

слова. Онъ спеціально разсматривалъ одну область знанія методомъ, почерпнутымъ изъ ея особенностей, и стремился приложить этотъ методъ къ другимъ областямъ, сопредѣльнымъ съ главною своею наукою (геометріею). Вслѣдъ за нимъ назову другое великое имя—*Гиппархъ*, первый въ области астрономіи высказалъ геніальную способность осуществить требованія естествознанія, первый, въ которомъ соединилось могущество выводныхъ наукъ съ искусствомъ строгаго практическаго наблюдателя, позволившими ему обогатить науку законами, выведенными точнымъ индуктивнымъ методомъ изъ обширнаго ряда наблюденій. *Аристархъ Самосскій* внесъ въ астрономію гипотезы и методы, которые должны были восторжествовать черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ него. *Архимедъ*, великій математикъ, которого новѣйшая наука, въ лицѣ Галилея, Лейбница, Гауса, Филарета Шаля и др., признала однимъ изъ величайшихъ своихъ представителей и открытія котораго проложили путь великолѣпнымъ открытіямъ Кеплера, Фермата, Ньютона... *Аполлоній пергскій*, о которомъ Лейбницъ сказалъ, что «кто понимаетъ Аполлонія, тотъ менѣе удивляется открытіямъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ мужей». *Эразистратъ* и *Герофилъ*, первые дающіе положительныя свѣдѣнія въ области біологіи, *Эратосфенъ*, знаменитый энциклопедистъ, бывшій, какъ о немъ говорили, вторымъ во всѣхъ спеціальныхъ научныхъ отрасляхъ, наконецъ, *Аристиллъ*, *Тимохарисъ*, *Кононъ*, *Досифей* и мн. др., прославившіеся трудами по различнымъ отраслямъ положительнаго знанія [1]).

Если мы отъ метода, опредѣляющаго качественную сторону трудовъ названныхъ ученыхъ, обратимся къ сторонѣ количественной, къ результатамъ этихъ трудовъ, то, ограничиваясь указаніемъ однихъ только выдающихся важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ изъ этихъ результатовъ, намъ нельзя будетъ не признать, что александрійскіе ученые не только вѣрно указывали путь, но и умѣли подвинуться по немъ значительно впередъ. Изъ сочиненій Евклида я укажу на «Начала». Сочиненіе это, съ эпохи появленія его до нашего времени, было съ самыми небольшими измѣненіями, учебникомъ геометріи для ряда поколѣній. Многіе и въ наше время находятъ, что всѣ отступленія отъ изложенія Евклида были только вредны для начальной геомет-

[1]) Очеркъ ист. ф. м. н., стр. 253—326.

ріи. Впрочемъ, большая часть основныхъ теоремъ Евклида осталась безъ измѣненія, такъ какъ ученые не нашли возможности подвергнуть ихъ переработкѣ. Въ ученыхъ трудахъ Аристарха самое видное мѣсто занимаетъ, конечно, его теорія вращенія земли вокругъ солнца, приближающаяся къ теоріи Коперника ближе, нежели какая бы то ни была другая древняя теорія. Теорію онъ высказалъ, впрочемъ, какъ гипетезу, не давъ ей строгаго научнаго основанія, такъ какъ онъ, при всей проницательности своего ума, не стоялъ на одномъ уровнѣ со своими знаменитыми современниками по отношенію къ тщательности отдѣлки геометрическихъ доказательствъ. И хотя, несмотря на это, гипетеза Аристарха, повидимому, и была принята за возможное объясненіе явленій многими представителями науки его времени, но при быстромъ упадкѣ древней науки и при бѣдности сохранившихся остатковъ ея въ позднѣйшее время, была совершенно забыта. Замѣчательно то, что Аристархъ, также какъ въ позднѣйшее время Коперникъ, долженъ былъ бороться съ представителями обскурантизма. Аристарху ставили въ вину, что онъ нарушаетъ покой богини земли—Гестіи, и тѣмъ оскорбляетъ божество. Обращаясь затѣмъ къ величайшему изъ астрономовъ древности—Гиппарху, я упомяну только о томъ, что онъ опредѣлилъ мѣсто солнечнаго перигея, т.-е. точки ближайшаго разстоянія солнца, на эксцентрикѣ, имъ описанномъ около земли, отъ послѣдней; величину солнечнаго эксцентриситета при этомъ предположеніи и эпоху, когда солнце достигаетъ перигея; затѣмъ онъ доказалъ, что его предположенія удовлетворяютъ наблюденіямъ, и составилъ солнечныя таблицы, помощью которыхъ можно было опредѣлить положеніе солнца на его пути для какого угодно времени. Подобныя же изслѣдованія онъ произвелъ и относительно луны, паралаксъ которой, также какъ и солнца, онъ опредѣлилъ. Кромѣ того онъ составилъ каталогъ 1080 звѣздъ, т.-е. одной пятой части всего числа звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ. Каталогъ этотъ былъ первымъ научнымъ описаніемъ неба. Въ связи съ этой работой было устройство небеснаго глобуса для изображенія созвѣздій. Кромѣ того, Гиппархъ вычислилъ наклонъ эклиптики къ экватору съ погрѣшностью въ $^1/_8{}^0$, открылъ предвареніе равноденствій и подготовилъ данныя для опредѣленія элементовъ движенія планетъ. Сверхъ всего этого надо замѣтить еще, что труды Гиппарха имѣли еще ту особенность, что онъ старался воспользо-

ваться наблюденіями явленій въ небесныхъ пространствахъ для опредѣленія географическихъ мѣстъ. Подобное соединеніе знаній земли и неба, подобное ихъ взаимное отраженіе, оживляло, какъ бы согласующимъ посредствомъ, великую идею міра какъ цѣлаго (космоса). Новая карта міра, составленная Гиппархомъ, была основана, гдѣ было возможно это сдѣлать, на астрономическихъ наблюденіяхъ; географическія широты и долготы опредѣлены на ней по луннымъ затменіямъ и измѣреніямъ тѣни. Съ одной стороны гидравлическіе часы, представлявшіе усовершенствованіе прежнихъ клепсидровъ, могли дать средство къ болѣе точному измѣренію времени; съ другой же стороны, для опредѣленія мѣстъ въ пространствѣ, александрійскіе астрономы постепенно пріобрѣтали все болѣе и болѣе улучшавшіеся угломѣрные снаряды, отъ древнихъ гномоновъ и скафовъ до изобрѣтенія астролябій, солнцестоятельныхъ армиллярій и діоптрическихъ линеекъ. Все это придавало работамъ Гиппарха точность, которой не имѣли и не могли имѣть работы его предшественниковъ. Переходя къ Архимеду, я отмѣчу только, что онъ создалъ новую отрасль знанія—статику, разрѣшилъ многіе важные и трудные для его времени вопросы чистой математики, какъ, напр., вычислилъ площадь параболы и такимъ образомъ сдѣлалъ первый шагъ на пути, который привелъ къ интеграламъ и, наконецъ, сдѣлалъ первую попытку популярнаго изложенія научныхъ результатовъ въ сочиненіи, озаглавленномъ Псаммитъ или Аренарій (счисленіе песка). Изъ многочисленныхъ математическихъ трудовъ, прославившихъ разсматриваемую теперь эпоху, я упомяну въ заключеніе о «Началахъ коническихъ сѣченій» Аполлонія пергскаго, которыя подвинули разрѣшеніе этого математическаго вопроса такъ далеко, что новымъ математикамъ осталось на долю лишь частное развитіе. Вопросъ о коническихъ сѣченіяхъ, какъ извѣстно, имѣетъ важное значеніе и въ астрономіи, такъ какъ, по закону Кеплера, земля и всѣ планеты слѣдуютъ въ своемъ движеніи по одному изъ коническихъ сѣченій [1]).

Изъ сдѣланныхъ въ предшествовавшихъ строкахъ краткихъ указаній, при всей неполнотѣ и отрывочности ихъ, можно вп-

---

[1]) Очеркъ ист. ф. м. наукъ, стр. 228—357. А. Гумбольдтъ. Космосъ, перев. Фролова, ч, II, стр. 159—169. J. H. v. Mädler. Geschichte der Himmelkunde. I. B. s. 51—63.

дѣть, что труды великихъ ученыхъ александрійскаго періода, при благопріятныхъ условіяхъ, могли послужить основами, на которыхъ могли создать и успѣшно развивать такое философское ученіе, которое имѣло бы всѣ основныя свойства ученія положительнаго, или, какъ мы теперь говоримъ, позитивизма. Мы имѣемъ полное право поэтому считать александрійскихъ ученыхъ подготовителями позитивизма, но не позитивистами, какъ ихъ называетъ Дюрингъ [1]); онъ забываетъ, что науки, обособленныя отъ философіи, не составляютъ еще и не могутъ составлять философской системы. Александрійскіе ученые были спеціалисты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; они вели свои занятія, не заботясь о выводахъ, которые можно было изъ нихъ сдѣлать. Но если бы александрійская наука, съ одной стороны, развивалась въ связи съ философіей, съ другой, если бы результаты такой общей заботы могли бы проникать въ массы, все болѣе и болѣе погружавшіяся въ невѣжество и суевѣріе, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подготовленіе научнаго міросозерцанія было бы настолько успѣшно, что неизбѣжный и близкій конфликтъ его съ мистикой и теософіей востока получилъ бы иной исходъ. Но, къ несчастью, наука приняла путь совершенно обособленный. Вслѣдствіе этого, успѣхи ея не могли имѣть непосредственнаго вліянія на условія умственнаго развитія эпохи, которое, подъ гнетомъ событій, вскорѣ приняло регрессивное направленіе.

Но еще ранѣе, чѣмъ обнаружились рѣшительные признаки пониженія уровня умственнаго развитія, греческая литература, философія и наука проникли въ совершенно новую для нихъ среду—въ Римъ. Первое знакомство римлянъ съ греческою культурою относится къ началу II вѣка до нашей эры; но оно было отрывочно и поверхностно. Послѣ окончанія второй пунической войны, когда римское оружіе стало все далѣе и далѣе проникать на востокъ, такое отношеніе къ произведеніямъ греческаго ума измѣнилось. Интересъ къ нимъ сдѣлался серьезнѣе и, въ то же время, возбудилъ и столь же серьезную оппозицію, которая продолжалась очень долго. Въ послѣдніе годы республики, борьба между приверженцами римской старины и сторонниками греческаго новшества настолько поулеглась и послѣдніе побѣдили въ такой мѣрѣ, что всякій просвѣщенный римлянинъ

---

[1]) *E. Dühring.* Kritische Gesch. der Philosophie, s. 170.

былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ, и молодые люди высшихъ сословій получали окончательное образованіе въ Греціи; лучшіе же умы, подвизавшіеся на литературномъ поприщѣ, старались подражать греческимъ образцамъ.

Римляне, впрочемъ, никогда не разработывали науки ради ее самой и, если имъ и случалось иногда разсматривать ее какъ предметъ интереснаго изученія, то все же, они никогда не вдавались въ изысканія и открытія. За очень рѣдкими исключеніями, всѣ почти труды римскихъ писателей представляютъ намъ одни только компиляціи и переводы. Было не разъ говорено о неспособности римлянъ къ литературѣ, о томъ, что безъ подражанія греческимъ образцамъ они никакой самобытной литературы не создали бы; но неспособность ихъ къ наукѣ еще болѣе бросается въ глаза. Извѣстно, что этотъ народъ земледѣльцевъ и воиновъ мало уважалъ все то, что не имѣло непосредственнаго практическаго приложенія, что въ математикѣ, напримѣръ, онъ изучалъ только положенія, примѣнимыя къ землемѣрству, военному дѣлу, архитектурѣ, астрологіи. Естественныя науки были вообще очень плохо разработываемы, хотя римляне, сравнительно со всѣми другими народами древности, имѣли возможность производить самыя многочисленныя и разнообразныя наблюденія. Обширность ихъ завоеваній, дальнія экспедиціи, позволяли имъ дѣлать сравненія между явленіями самыхъ различныхъ климатовъ и, если бы духъ военщины не убилъ у нихъ вкуса къ наукѣ, они могли бы мало-по-малу составить обширнѣйшій сборникъ драгоцѣнныхъ и полезныхъ знаній. Но ихъ образованные преторы и проконсулы, управлявшіе отдаленными провинціями, довольствовались отправкой въ Римъ массы рѣдкихъ животныхъ для забавъ, которыми тѣшился народъ въ циркахъ, и не думали объ изысканіяхъ и описаніяхъ разнообразныхъ предметовъ, собираніяхъ коллекцій и т. д.

Духъ, выработавшійся исторіею римскаго народа, способенъ былъ оцѣнивать одну только практическую сторону жизни; поэтому и идеи, заимствованныя у грековъ, пріобрѣтали то или иное значеніе соотвѣтственно степени ихъ примѣнимости. Положеніямъ, важное вліяніе которыхъ на жизнь не обнаруживалось съ полною ясностью и опредѣленностью, не придавалось никакого значенія. По этой причинѣ и на философію смотрѣли сперва очень косо; въ ней видѣли или предметъ для занятій праздныхъ умовъ, или поводъ къ провожденію времени въ бесѣдѣ. Серьез-

ное значеніе въ глазахъ римлянъ она получила только тогда, когда было понято ея значеніе для вопросовъ практическихъ. Всего болѣе ждали отъ нея по отношенію къ укрѣпленію нравственныхъ правилъ и руководящихъ началъ для оратора и государственнаго человѣка. Школьные споры считались пустымъ словопреніемъ. Съ римской точки зрѣнія, каждая система могла представить пригодныя для жизни положенія. На нихъ и слѣдовало останавливаться, не заботясь объ остальномъ. Изъ этого видно, что догматическая форма и практическое направленіе связаны были необходимыми условіями для успѣха ея въ средѣ римлянъ. Такими системами, какъ извѣстно, были: стоическая и эпикурейская. Первая цѣнилась всего болѣе ради нравственныхъ ея правилъ, вторая за близкую ея связь съ духомъ и прогрессомъ времени [1]).

Такимъ образомъ, практическое направленіе, получившее уже преобладающее значеніе въ главныхъ философскихъ школахъ по-аристотелевскаго періода, пріобрѣло, при переходѣ греческой философіи на римскую почву, рѣшительное первенство. Что же касается науки, то она низведена была на такое практическое служеніе потребностямъ жизни, что потеряла всякую возможность расти и развиваться. Такое положеніе ея отражалось и на философіи и было особенно пагубно для той школы, которая—какъ школа Эпикура—думала служить жизни, въ извѣстной мѣрѣ опираясь на науку. Наука, лишенная самобытности, была однакоже основаніемъ шаткимъ и это рѣшительно подрывало значеніе послѣдняго убѣжища критической мысли.

Эпикуреизмъ, какъ замѣчаетъ Целлеръ, былъ лишенъ научнаго смысла. Воззрѣніе этой школы на основную задачу философіи истекало изъ этого существеннаго недостатка. Задача эта, по ученію Эпикура, есть открытіе возможности достичь счастья, сама философія и учитъ поэтому той дѣятельности, при посредствѣ которой разрѣшается эта задача. Дѣятельность такого рода заключается въ мысли, въ словѣ, въ знаніи. Знаніе служитъ, однакожь, человѣку не непосредственно, а, какъ думали эпикурейцы, посредственно, по стольку, по скольку оно способствуетъ практическому образу дѣйствія

---

[1]) *Zeller*. Ph. d. Griechen III, 485—492. Lange. g. d. Materialismus. 34—35. Ch. Martha. Le poème de Lucrèce. Paris. 1869. 244—246.

или по скольку оно устраняетъ встрѣчающіяся въ этомъ направленіи препятствія. Если же научная дѣятельность такой цѣли не служитъ, то она, съ эпикурейской точки зрѣнія, ничего не стоитъ и не можетъ принести никакой пользы. Эпикуръ, а вслѣдъ за нимъ и его школа, уважая науку, презирали ученость. Они выдѣляли изъ общей совокупности наукъ одно изученіе природы ради того, что знаніе естественныхъ причинъ освобождаетъ умъ отъ суевѣрія и страховъ. Это единственная цѣль, допускаемая эпикурейцами при изученіи природы; помимо этой цѣли, люди, по мнѣнію ихъ, въ изученіи природы нисколько не нуждаются.

Отъ такого взгляда на естествознаніе происходило крайнее къ нему равнодушіе и невѣжество: не знали ни методовъ, общепризнанныхъ тогда въ мірѣ ученыхъ, ни новѣйшихъ открытій; не затруднялись принимать различныя рѣшенія одного и того же вопроса; относились безразлично къ степени достовѣрности научныхъ положеній и т. д. Самый выдающійся эпикуреецъ этого времени—Титъ Лукрецій Каръ,—при всемъ высоко просвѣтительномъ своемъ направленіи, остается въ невѣдѣніи относительно величайшихъ научныхъ пріобрѣтеній своей эпохи. Дидактическая поэма его «De Rerum Natura» служитъ тому краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ.

Эпикуреизмъ, какъ видно изъ этого, запутался именно въ тѣхъ понятіяхъ, въ которыхъ и теперь многіе путаются. Онъ не обладалъ путеводною нитью, которая могла вывести его изъ этой путаницы; ему чужда была идея философіи органически-связанной съ наукой. Идея эта выработалась только недавно. Пока наука развивалась отдѣльно отъ философіи, а философія строила свои системы независимо отъ науки, до тѣхъ поръ вопросъ о стремленіи, тенденціи какъ науки, такъ и философіи, оставался открытымъ. Всякій думалъ, что возможно заставить науку служить тѣмъ или другимъ цѣлямъ по желанію, и всякій сообразно съ этимъ взглядомъ и обращался съ наукой. То же дѣлалось и съ философіей. Волиціонистъ гнулъ и ломалъ все по своему, метафизикъ—по своему, а ученый, думая, что, внѣ слышимыхъ имъ бредней волиціонизма и метафизики, не можетъ существовать никакой философіи, замыкался въ безъисходную эрудицію, въ науку для науки.

Были, однакоже, живые и здоровые умы, которыхъ зрѣлище науки, или орудуемой чуждыми ей силами, или разви-

вающейся «an sich und für sich», не могло не возмущать; они угадывали великое значеніе полной, всесторонней и независимой умственной дѣятельности и вѣрили въ возможность такой дѣятельности. Имъ хотѣлось исторгнуть науку и изъ рукъ эксплуататоровъ и изъ рукъ мертвыхъ буквоѣдовъ; они горячо призывали къ себѣ всѣхъ задыхавшихся къ хаосѣ безпочвенныхъ умозрѣній, всѣхъ, извѣрившихся въ науку для науки. Они—таковы были и эпикурейцы—призывали къ себѣ, во имя науки и жизни, къ свѣту, къ свободѣ. Но ихъ слово не было услышано; массы увлеклись иными проповѣдниками, и опять на долгое время наука и философія пошли врозь, то служа волиціонизму, то спотыкаясь о подкладываемую имъ тенденціозность, то отрываясь отъ жизни и уносясь въ міръ фантазіи или замыкаясь въ буквоѣдство. Такъ было всегда, такъ было и съ эпикуреизмомъ. Намѣренія его, стремленія, тенденціи были самыя свѣтлыя, самыя живыя; но онъ не могъ понять, что тенденціи эти существуютъ не внѣ науки, что ихъ нельзя приложить къ ней или отнять отъ нея, что, напротивъ, онѣ неразрывно связаны съ наукой, не сбивающейся съ своего пути, т.-е. такою наукою, которая, не вдаваясь въ безплодную эрудицію, развивается неразрывно съ ходомъ жизни, не оглядываясь ставитъ свои рѣшенія вмѣсто рѣшеній волиціонныхъ и метафизическихъ и всегда и вездѣ распространяетъ истину, вытѣсняя фикціи и призраки. Такая наука не нуждается въ приложеніи къ ней внѣшней тенденціи, тенденція существуетъ ужъ въ ней самой, и философія, возникающая и развивающаяся на основахъ такой живой науки, есть единственная философія, способная служить для жизни и устранять все, препятствующее ея свободному ходу. Когда такая наука и такая философія существуетъ, то нѣтъ болѣе мѣста ни для субъективной тенденціи, ни для мертвой эрудиціи. Они существуютъ не для избранныхъ умовъ и не для предвзятыхъ цѣлей, но для «великой борьбы и великихъ переворотовъ, которыми пріобрѣтается совершенствованіе человѣчества» [1]). Суевѣрія, предразсудки и всевозможныя измышленія, которыми держатся всякаго рода неправды, падаютъ только передъ силами положительнаго знанія, и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, ничто не въ состояніи замѣнить ихъ.

---

[1]) *E. Littré.* La science au point de vue philosophique. Paris, 1873. p. 475.

Судьбы эпикуреизма представляютъ одно изъ множества свидѣтельствъ этой истины, которую не разъ уже выясняли историки и публицисты новѣйшаго времени. Эпикуреизмъ не понималъ, что въ самой наукѣ есть живой родникъ внутреннихъ силъ и стремленій, а потому онъ и не умѣлъ цѣнить ее, не умѣлъ пользоваться ею. Теперь, позитивное ученіе указываетъ на этотъ живой родникъ и научаетъ пользоваться имъ и, чѣмъ далѣе будетъ оно развиваться, тѣмъ яснѣе будетъ становиться его великое значеніе. Чуждыя ему частности — какъ, напримѣръ, предвзятый буржуазный либерализмъ многихъ современныхъ его представителей — уступятъ силѣ послѣдовательности развитія основныхъ положеній ученія, исключающаго неизбѣжно всякія привилегіи и всякій паразитизмъ, подъ какими бы благозвучными названіями они ни скрывались и, слѣдовательно, не оправдывающаго никакихъ ухищреній буржуазнаго либерализма. Но, пора намъ возвратиться къ эпикурейцамъ.

Новѣйшій переводчикъ поэмы Лукреція, Лавинь, въ предисловіи къ своему переводу [1]), причисляетъ эпикурейцевъ къ числу провозвѣстниковъ позитивизма. Съ нимъ нельзя было бы не согласиться, если бы тѣ положенія, которыя сближаютъ ученіе Эпикура съ ученіемъ Конта, были результатомъ положительнаго метода, прочнымъ завоеваніемъ науки, а не тенденціознымъ провозглашеніемъ смѣси вѣрныхъ и ложныхъ положеній, опирающихся на доказательства, очень часто совершенно мнимыя. Такъ, напримѣръ, констатированіе неизбѣжности завершенія для человѣческаго ума періода волиціоннаго можно бы приписать эпикурейцамъ, если бы они умѣли, дѣйствительно, констатировать его. Но у нихъ вопросъ этотъ имѣетъ какую-то неопредѣленность, незаконченность, и потому рѣшеніе его врядъ ли даже и подвинуто ими впередъ.

Эта неопредѣленность, высказывающаяся не разъ и въ поэмѣ Лукреція [2]), значительно портитъ тѣ мѣста этой поэмы, въ которой завершеніе волиціоннаго фазиса представляется съ обычной для Лукреція блестящей манерой изложенія. Такъ, на первыхъ страницахъ мы читаемъ слѣдующее: «Въ то время,

---

[1]) Предисловіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, было напечатано въ «Обозрѣніи» *Литтре* ранѣе появленія самаго перевода, при которомъ оно не приложено.

[2]) См. *Lucr.* I. 57, II. 642, III. 20.

когда униженный разумъ человѣческій ползалъ по землѣ подъ игомъ суевѣрія, которое изъ области небесныхъ пространствъ показывало свою голову, и съ этой высоты угрожало намъ своимъ ужаснымъ видомъ, человѣкъ изъ среды греческаго народа[1]), первый дерзнулъ поднять противъ него глаза свои и первый дерзнулъ возмутиться. Ни слова боговъ, *ни ихъ громы, ни угрозы разгнѣваннаго неба* (?) не могли остановить его. Препятствія только раздражали строгую добродѣтель его сердца, такъ что онъ первый возжелалъ разбить тѣсныя врата природы. Несокрушимая энергія души его восторжествовала, и онъ подвинулся далеко за пламенные предѣлы міра и окинулъ мыслью все это обширное пространство; оттуда же его побѣдный геній явился къ намъ и возвѣстилъ о томъ, что можетъ и что не можетъ возникать, и почему каждому тѣлу свойственна ограниченность и какимъ образомъ ограниченность эта полагается самою его сущностью.

Съ тѣхъ поръ, суевѣріе попрано ногами и низвергнуто: наша побѣда уравниваетъ насъ съ богами»[2]). «Для разсѣянія душевнаго мрака, говорится далѣе, необходимы, не лучъ солнца, не свѣтлое сіяніе дня, но наблюденіе и разумъ. Вотъ правило, которое они даютъ намъ и которое будетъ руководить нами впредь: изъ ничего не можетъ произойти ничто, даже и по повелѣнію боговъ. Страхъ до такой степени владѣетъ смертными, что когда они разсматриваютъ тысячи явленій неба и земли, то, не имѣя возможности открыть ихъ причины, они приписываютъ сотвореніе ихъ божественной силѣ. Поэтому, какъ только мы увидимъ, что ничто не можетъ быть сотворено изъ ничего, мы станемъ яснѣе видѣть нашу цѣль, первоначальный источникъ существъ и образъ происхожденія всего безъ вмѣшательства боговъ»[3]). Устраненіе суевѣрій ведетъ къ изученію природы, излагаемому въ поэмѣ. Цѣли ея Лукрецій ставитъ въ провозглашеніи великихъ истинъ и указаніи средствъ освобожденія разума отъ гнетущихъ его суевѣрій посредствомъ глубокаго изученія природы[4]). Это глубокое изученіе природы,

---

[1]) Эпикуръ.

[2]) *Lucr.* I. 63—80. (Всѣ переводы цитатъ сдѣланы по Лавиню и изданію Гарнье).

[3]) *Lucr.* I. 147—159.

[4]) Idem. I. 920 и слѣд.

какъ можно заключить изъ замѣчанія, дѣлаемаго въ другомъ мѣстѣ поэмы, должно было имѣть основаніемъ науку: «Всего отраднѣе, говорится здѣсь, подняться на тихія, огражденныя наукой вершины,—убѣжище мудрецовъ, и имѣть возможность изъ этого убѣжища созерцать другихъ людей, блуждающихъ тамъ и сямъ и, подобно бродягамъ, ищущимъ пути жизни»[1]).

Я уже указалъ выше на тѣ воззрѣнія Лукреція, которыя придаютъ заявленіямъ, только что выписаннымъ и имъ подобнымъ извѣстную неопредѣленность. Это не помѣшало бы, однакоже, намъ смотрѣть на Лукреція, какъ на провозвѣстника позитивизма, если бы ему удалось, дѣйствительно, установиться на тѣхъ, огражденныхъ наукою, вершинахъ, о которыхъ онъ говоритъ, хотя и въ этомъ даже случаѣ различіе цѣлей Лукреція и цѣлей позитивизма было бы рѣзкое; общее все же осталось бы то, что наука должна лежать въ основѣ міросозерцанія. Но Лукрецій только провозглашаетъ принципъ, на самомъ же дѣлѣ остается догматикомъ и метафизикомъ, положенія котораго если и имѣютъ иногда сходство съ положеніями позитивизма, то всегда внѣшніе и никакъ не могутъ имѣть связей внутреннихъ. Такъ, излагая атомистическую систему, заимствованную Эпикуромъ у Демокрита, Лукрецій является представителемъ воззрѣній, которыя, хотя и близки къ одной изъ принятыхъ въ современной наукѣ гипотезъ, но, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, лишенныхъ у древнихъ философовъ научнаго характера. Такое же точно значеніе имѣютъ и его соціологическія теоріи, изложенныя въ пятой книгѣ.

Но все это далеко еще не такъ важно, какъ то, что Лукрецій не въ силахъ удержаться всегда даже и на этой относительной высотѣ, бывшей отчасти для Аристотеля и для александрійскихъ ученыхъ не болѣе, какъ überwundene Standtpunkt. Лукрецій думалъ, что достаточно только провозгласить царство науки, чтобы царство это дѣйствительно наступило; но сколько разъ онъ ни провозглашаетъ торжество свѣта надъ тьмою, возгласы его такъ и остаются возгласами, потому что онъ не только не въ состояніи былъ провести послѣдовательно научный методъ, установленный уже до него, но даже пребывалъ въ невѣдѣніи относительно капитальнѣйшихъ результатовъ этого метода. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ

[1]) Idem. II. 7 и слѣд.

случаи, въ которыхъ проявляется несостоятельность Лукреція въ этомъ отношеніи; достаточно для примѣра указать на теорію призраковъ (simulacra), физіологическое объясненіе сна, попытку серьезнаго объявленія несуществующихъ фактовъ (страхъ льва передъ пѣтухомъ) и т. д. Въ этомъ отношеніи Лукреція раздѣляетъ участь всѣхъ древнихъ метафизиковъ, а отчасти и ученыхъ: ему неизвѣстна была повѣрка, безъ которой опытный методъ (очень имъ уважаемый) лишенъ значенія. Что же касается невѣжества Лукреція въ наукѣ его времени, то оно было далеко не ничтожно: всѣ открытія александрійскихъ ученыхъ, такъ же, какъ и ихъ методъ, для него какъ будто не существовали. Онъ смѣется надъ антиподами и стремленіемъ земныхъ тѣлъ къ центру земли; по его мнѣнію, обитаемой части земли противополагается часть земли воздушнаго свойства, дающая возможность твердой землѣ держаться на воздухѣ, наконецъ, солнце и луну онъ признаетъ тѣлами, величина которыхъ весьма мало превосходитъ видимую ихъ величину[1]). Изъ этого видно, какъ много недоставало Лукрецію для того, чтобы сдѣлаться истиннымъ представителемъ науки. Замѣняя ее тенденціею, онъ лишалъ себя опоры единственной силы, устраняющей устарѣлыя міросозерцанія, для борьбы съ которыми Лукрецій тратилъ тщетно такъ много добрыхъ намѣреній и краснорѣчія.

Такимъ образомъ, эпикуреизмъ, даже въ лицѣ такого высоко-талантливаго представителя, какъ Лукрецій, былъ не въ состояніи стать на ту высоту, которая одна могла еще спасти науку и философію. Скептицизмъ слабо служилъ первой, подрывая вторую, и не могъ указать никакого выхода къ научной достовѣрности и философской положительности. Всѣ остальныя, затѣмъ, философскія направленія были чужды не только прямой, но и косвенной связи съ наукой, шли отъ нея врозь и мало-по-малу теряли свое значеніе, нисходя къ тому низменному уровню умственнаго состоянія, который, благодаря ходу историческихъ событій, все болѣе и болѣе расширялъ свои

---

[1]) См. Очеркъ ист. ф. м. н. стр. 371. Что же касается Martha, то, несмотря на обширность своей монографіи, онъ совершенно упустилъ изъ виду сопоставленіе астрономическихъ знаній Лукреція съ знаніями александрійскихъ ученыхъ, а сопоставляетъ ихъ съ знаніями Эвдокса.

предѣлы, продолжая въ то же время начавшійся въ немъ еще ранѣе процессъ пониженія.

Время, въ которое жилъ Лукрецій, было печальною эпохою. Въ дѣтствѣ Лукрецій, какъ уроженецъ столицы, могъ видѣть изгнаніе Суллы Маріемъ, потомъ Марія Суллою и всѣ кровавыя зрѣлища, которыми сопровождались эти событія. Въ отрочествѣ и юности онъ былъ зрителемъ страшныхъ проскрипцій свирѣпаго диктатора и свидѣтелемъ того, что происходило послѣ отреченія Суллы отъ власти. Въ зрѣломъ возрастѣ, незадолго до смерти, Лукрецію пришлось пережить окончательное паденіе старинныхъ учрежденій и торжество Цезаря. Вотъ почему въ поэмѣ его постоянно слышится вопль души, утомленной пережитыми ужасами, вопль о мирѣ. Мира желаетъ онъ и для отечества, и для друга своего Меммія, которому посвященa поэма, и для самого себя. Миръ, миръ... вотъ слово, которое встрѣчается безпрестанно во всѣхъ шести пѣсняхъ, при всемъ разнообразіи предметовъ, составляющихъ ихъ содержаніе; и сущность божественности—миръ, и истинная религія—миръ души, и цѣль науки—возможность мирнаго созерцанія, и преступленіе—нарушеніе мира, и одомашненность животныхъ—имѣетъ цѣлью избавленіе ихъ отъ хищныхъ звѣрей, цѣли мира.

Но пѣснь о мирѣ осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; Римъ шелъ къ кризису, и когда кризисъ этотъ наступилъ,—старинныя учрежденія пали, политическая свобода рушилась, и на ихъ развалинахъ воцарилась полновластная военная диктатура. Время этой диктатуры есть время упадка древняго общества и древней цивилизаціи. Причина этого упадка коренится въ несостоятельности соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ идей, которыми держалось это общество и эта цивилизація, а потому причины эти предшествовали торжеству имперіи, тѣмъ не менѣе, однакоже, установленный ею порядокъ вещей не мало способствовалъ усложненію положенія дѣлъ и ухудшенію исхода, къ которому они шли. «Подъ его гнетомъ, говоритъ Литтре, литература, искусства, науки, все стало понижаться; оборонительныя и наступательныя силы ослабѣли, и Германцы положили конецъ дѣлу Цезаря и Августа [1]). Такой конецъ пред-

---

[1]) *E. Littré.* Etudes sur les barbares et le moyen âge. Paris. 1867. p. XVII.

ставляетъ катастрофу, обусловленную извнѣ, катастрофу, воспрепятствовавшую внутреннему развитію итти своимъ правильнымъ путемъ.

Развитіе это, по мнѣнію Литтре и нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей этой эпохи [1]), содержало, однакоже, элементъ обновленія, а потому хоть въ общемъ и представляло процессъ упадка, но не шло къ гибели въ такой мѣрѣ, чтобы гибель эта была неотвратима. Обновленіе возникло и развивалось въ средѣ этого самаго общества; но обновленіе это не исходило изъ жизни политической, которая была задавлена новымъ режимомъ; не исходило изъ развитія литературы и искусствъ, которыя способны были только на одни воспроизведенія старинныхъ образцовъ, и были лишены самобытнаго творчества; оно не возникло и изъ прогресса положительныхъ наукъ, такъ какъ математика и астрономія были въ древности единственными науками, имѣвшими положительный характеръ и, слѣдовательно, представляли основаніе, слишкомъ узкое для того, чтобы, опираясь на него, науки могли бы получить общественное вліяніе. Оставалась, такимъ образомъ, одна только область, въ которой обновленіе это могло выработаться—область религіозная [2]). Здѣсь совершался всеобщій переходъ къ монотеизму.

Но прежде, нежели воспослѣдовало это обновленіе, постепенно складывавшееся изъ разнообразныхъ данныхъ, общее состояніе упадка выразилось въ повсемѣстномъ пониженіи уровня умственнаго развитія и реакціей старыхъ религіозныхъ понятій и позже паденіемъ философіи, наплывомъ восточныхъ вѣрованій, синкретизмомъ этихъ вѣрованій и всеобщимъ господствомъ теософіи, мистики и суевѣрія. Все это не оставалось конечно безъ вліянія на совершавшееся обновленіе, значительно извращая его.

Черезъ столѣтіе послѣ того, какъ Лукрецій провозгласилъ гибель суевѣрія и водвореніе господства разума, нелѣпѣйшія суевѣрія владычествовали повсемѣстно. Тысячи томовъ предсказаній находились въ Римѣ въ рукахъ однихъ только частныхъ лицъ, вездѣ волновались мыслью о вызываніи тѣней мертвецовъ

---

[1]) См. *М. П. Драгоманова.* Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи. Кіевъ. 1869 и разсматрив. имъ сочиненій Тьерри, Мериваля и пр.

[2]) *E. Littré.* Etudes. p. XVII.

и т. п., разные шарлатаны, преимущественно явившіеся съ востока, бродяжничали по Риму и эксплуатировали легковѣріе всѣхъ слоевъ населенія. Разсказы, переходившіе изъ устъ въ уста, превосходили все, что только можетъ создать самая необузданная фантазія. Валерій Максимъ наполнилъ такими разсказами цѣлую книгу: здѣсь идетъ рѣчь и о говорящихъ быкахъ, и о потѣющихъ кровью щитахъ, и о кускахъ мяса, падающихъ дождемъ на города и т. п. Въ это же время сожигались сочиненія философовъ, отвергавшихъ тѣ основы, на которыхъ покоилось торжествующее сумасбродство и сожигались нерѣдко руками такихъ отвратительныхъ личностей, какъ Александръ Абонотейхскій, который выдавалъ себя за товматурга и прорицателя.

Появились цѣлыя сочиненія, трактовавшія о слабости и ограниченности человѣческаго ума, о неопредѣленности и сомнительности всякаго знанія, не исходящаго изъ супра-натуральнаго источника, о необходимости черпанья помощи изъ этого источника во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ стремился обогатить себя знаніями достовѣрными. Самый же источникъ этотъ, какъ утверждали нѣкоторые представители этого направленія, слѣдовало искать въ вѣрованіи предковъ, въ священной традиціи старины. Не довольствовались, наконецъ, пропагандою, а прибѣгали къ устрашенію». «Утверждали, говоритъ Мишель Никола [1]), у котораго я заимствую всѣ эти факты, что боги, стремясь къ торжеству своего собственнаго дѣла, сами готовы уже возвратить отступниковъ къ подножію алтарей, приведя въ замѣшательство безумную философію, которая осмѣяла чудеса, засвидѣтельствованныя всею древностью. Корыстная набожность и дѣтское ханжество разносили по всей имперіи разсказы о событіяхъ самыхъ необыкновенныхъ. Вездѣ только и говорили, что о чарахъ, появленіяхъ привидѣній, говорящихъ и движущихся статуяхъ боговъ. Оракулы снова заговорили, и предсказанія ихъ конечно всегда сбывались. Вошло въ моду быть вѣрующимъ и богомольнымъ, какъ было прежде въ модѣ быть невѣрующимъ и философомъ. Молодые и старые, богатые и бѣдные,

---

[1]) *Michel Nicolas.* Essais de philosophie et d'histoire réligieuse. Paris 1863. Статья: «La réaction réligieuse dans la seconde moitié du 1 siécle de l'ére chrétienne».

художники, писатели, философы, врачи, законовѣды принимали съ полною вѣрою чудеса, какъ совершавшіяся ежедневно, такъ и тѣ, о которыхъ говорили преданія. Значительное большинство грековъ и римлянъ состояли, по словамъ Лукіана, изъ глупцовъ, безсмысленно жадныхъ до чудесъ, и кто только позволялъ себѣ заявить малѣйшее сомнѣніе относительно дѣйствительности тѣхъ необыкновенныхъ событій, о которыхъ разсказывали повсемѣстно, тотъ слылъ человѣкомъ смѣшнымъ и дурно воспитаннымъ [1]).

Эта реакція, развившаяся подъ вліяніемъ старой традиціи, была далеко не такъ живуча какъ реакція, принесенная извнѣ, съ востока, какъ слѣдствіе объединенія, внесеннаго въ древній міръ владычествомъ Рима. Въ той самой Александріи, которая произвела при первыхъ Птоломеяхъ блестящую плеяду великихъ математиковъ и астрономовъ, началось въ эпоху римскаго владычества движеніе, приведшее къ окончательному паденію и науки, и философію.

Движеніе это началось слабо, едва замѣтно. Сначала, различныя народности, стекшіяся въ Александрію, ради выгодъ, представляемыхъ ея географическимъ положеніемъ, держались далеко одна отъ другой, даже чуждались взаимно, но мало-по-малу, подъ вліяніемъ условій, понижавшихъ уровень умственнаго развитія, разстояніе, отдѣлявшее грековъ отъ представителей востока, стало уменьшаться и началось смѣшеніе понятій и вѣрованій. Вліяніе востока становилось все сильнѣе и сильнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ степень упадка дѣлалась все болѣе и болѣе. Наука не имѣла уже достойныхъ себѣ представителей, и бороться съ этимъ вліяніемъ востока было некому. Философія давно уже не стояла на высотѣ своей задачи. Давно начавшаяся рознь между интеллигенціей и массами была въ своемъ апогеѣ. Спасенія со стороны знаній и критической мысли ожидать было нечего [2]). Ничто не въ состояніи было противустоять наплыву вѣрованій съ востока. Струя философіи и науки, говоря словами

---

[1]) *Michel Nicolas.* Essais. p. 137—138.

[2]) Хотя и встрѣчаются еще очень извѣстныя имена, а именно: Страбона, Діоскориди, Плинія, Кл. Птоломея; но тѣмъ не менѣе имена эти свидѣтельствуютъ только о продолжающейся преемственности знаній, а не о ихъ возрастаніи и развитіи.

Дюринга, исчезаетъ въ пескѣ, и именно тамъ, гдѣ искали ихъ истока—на востокѣ. Для подготовленія позитивизма нѣтъ болѣе никакой почвы, и эпоха первыхъ его провозвѣстниковъ заканчивается.

1873 г.
«Отеч. Зап.», № 12.

ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОСНОВОНАЧАЛЪ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ.

Николаю Ѳедоровичу

Анненскому

въ знакъ глубокаго уваженія отъ
искренно преданнаго автора.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Характеръ эпохи, современной выходу въ свѣтъ «Курса позитивной философіи» Ог. Конта. Тѣсный кругъ почитателей Конта въ это время. Начало обще-европейской извѣстности Контовой системы. Періодъ ея полной извѣстности на Западѣ.

Начало извѣстности философіи Конта въ Россіи: Милютинъ. Позитивное умонастроеніе живыхъ силъ литературы въ началѣ 60-хъ годовъ. Неудачное истолкованіе этого умонастроенія г. М. Антоновичемъ. Періодъ извѣстности позитивной философіи въ образованной части русскаго общества: гг. П. Л. и Н. Михайловскій. Безпутно-задорное отношеніе къ позитивной философіи такъ-называемыхъ «суздальцевъ». Прочность интереса къ Конту въ образованной средѣ.

Цѣль автора. Его отношеніе къ позитивизму и Ог. Конту.

«Курсъ позитивной философіи» Ог. Конта появился въ свѣтъ въ такое время (1830—42), когда философія въ западной Европѣ, и особенно во Франціи, переживала весьма плачевную эпоху. Философская литература была богата книгами, но не богата философіей; не было жизни, не было дѣятельности, не было борьбы, да не существовало и борцовъ. Умы, подавленные отчаяніемъ въ успѣхѣ или отклоненные отъ философіи политическими и общественными условіями, вовсе отказывались отъ умозрѣнія. Переставъ быть руководящимъ началомъ жизни и дѣятельности, философія стала мертвою отраслью литературы, сухимъ предметомъ обязательныхъ школьныхъ преній. Философскія системы хотя и изучались, но изучались совершенно безстрастно: ихъ никто не принималъ, никто и не отвергалъ. Представители науки въ то же время шли бо̀льшею частью своею отдѣльною дорогою и нерѣдко переносили внушенное имъ современною имъ философіею презрѣніе на всю философію и проповѣдывали полную отрозненность своихъ спеціальныхъ областей знанія отъ какихъ бы то ни было философскихъ воззрѣ-

ній [1]). Понять и оцѣнить оригинальность и значеніе идей Конта среда эта не могла: для философовъ, въ особенности же для ограниченныхъ эклектиковъ, занятыхъ выкраиваньемъ новыхъ системъ изъ лоскутьевъ разнаго метафизическаго старья, идеи эти были недоступны; для ученыхъ, утратившихъ способность понимать смыслъ философскихъ вопросовъ, также недоступны, но и того прежде—неизвѣстны. Одни только представители шотландской философской школы, съ которою познакомилъ Францію въ началѣ столѣтія Ройе-Колляръ (1811—13), имѣли съ воззрѣніями Конта нѣкоторыя точки соприкосновенія, но господа эти до такой степени сбивались на односторонность и такъ тщательно лелѣяли нефилософскіе элементы своей школы, что сквозь ими же произведенный туманъ, не въ состояніи были разглядѣть провозвѣстника обновленія умственной жизни. Свѣтъ критической философіи, возникшей въ Германіи въ прошломъ столѣтіи, проникалъ слабо и извращался частью подъ вліяніемъ громкихъ именъ эпигоновъ Канта, частью вслѣдствіе малаго знакомства французовъ съ нѣмецкимъ языкомъ. Нѣкоторыя сочиненія Канта, переведенныя въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, были скоро совершенно забыты [2]). Такимъ образомъ, воззрѣнія Конта могли въ первое время сдѣлаться достояніемъ только отдѣльныхъ личностей, что хорошо понималъ и самъ Контъ, не надѣявшійся дожить до распространенія своей философіи изъ предѣловъ тѣснаго кружка почитателей и только не задолго до смерти имѣвшій утѣшеніе увидѣть задатки перемѣны къ лучшему въ этомъ отношеніи [3]). Въ числѣ

---

[1]) См. отзывы современниковъ: *L. Peisse*, въ предисловіи къ философскимъ отрывкамъ Гамильтона (Paris, 1840), *Th. Jouffroy*, въ предисловіи къ собранію сочиненій Рида (Paris, 1836) и др., наконецъ, и самого *Конта* въ «Cours de Philosophie positive».

[2]) Такъ Ог. Контъ въ 1824 году не знаетъ, что переведенное собственно для него д'Эйхталемъ сочиненіе Канта «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht» было уже переведено въ 1800 году (Le Conservateur, ou recueil de morceaux inédits d'histoire, de politique etc. tirés des portefeuilles de N. François), и жалуется на недостатокъ своей эрудиціи (см. письмо его къ д'Эйхталю, помѣщ. у Литтре, въ его A. Comte et la philosophie positive). Литтре, какъ видно изъ только-что упомянутой монографіи, вышедшей въ 1863 г., также ничего не знаетъ объ этомъ переводѣ и, какъ увидимъ далѣе, обнаруживаетъ большое незнаніе философіи Канта.

[3]) *E. Littré*, A. Comte et la philosophie positive. P. 1863, p. 648, 656, 657.

слушателей перваго курса позитивной философіи, который читалъ Контъ въ 1829 году, явился Пуансо, Блэнвиль, Навье, Бруссэ, Эскироль и столь родственный Конту въ умственномъ отношеніи—Ал. Гумбольдтъ [1]). Позже, въ 38 году, извѣстный физикъ Брюстеръ въ Англіи [2]) и еще позже, въ 44 году, Литтре во Франціи заговорили о позитивной философіи въ печати [3]). Съ этого времени философская система Конта, вопреки враждѣ и интригамъ цеховыхъ ученыхъ, такъ называемыхъ Контомъ *педантократовъ*, стала мало-по-малу пріобрѣтать извѣстность во Франціи, Англіи и остальной Европѣ. Такимъ образомъ, позитивная философія, находившая мѣсто при жизни Конта только въ сочиненіяхъ и бесѣдахъ непосредственныхъ его учениковъ, по словамъ Милля, «какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи»[4]). Явились противники, возникла полемика, залежавшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры «Курса» Конта стали продаваться по баснословнымъ цѣнамъ и все жъ таки разошлись, такъ что въ 64 году потребовалось новое, 2-е, а въ 69-мъ—3-е изданіе. Съ 67-го года явилась возможность для французскихъ позитивистовъ издавать и свой журналъ, который, хоть и безъ особеннаго блеска, продолжается и по настоящее время. Значеніе измѣненій, внесенныхъ въ контовскій позитивизмъ редакціей этого журнала, будетъ опредѣлено при дальнѣйшемъ критическомъ изслѣдованіи позитивныхъ воззрѣній.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ позитивизмъ вступаетъ въ періодъ полной извѣстности; о немъ много пишутъ во французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ журналахъ, онъ пріобрѣтаетъ почитателей и послѣдователей какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, и даже столь самобытная въ философскомъ отношеніи Германія выставляетъ нѣсколькихъ позитивистовъ весьма опредѣленной окраски [5]). Это развитіе въ ширь, развитіе внѣш-

---

[1]) *A. Comte.* Cours de ph. pos. P. 1869. t. I. Avertissement de l'auteur.

[2]) *E. Littré*, id.

[3]) Статьи Литтрé помѣщались въ «National'ѣ», потомъ собраны въ отдѣльный томикъ подъ заглавіемъ «Conservation, révolution et positivisme». 1852.

[4]) *Ст. Милль*, Ог. Контъ и позитивизмъ. Спб. 1867, стр. 3.

[5]) *C. Twesten*, Die religiösen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvölker etc. Berlin. 1872. 2 B-de.

Б. Котта, Геологія нашего времени. Переводъ Таскина. Спб. 1874 г.

нее, не можетъ оставлять для позитивизма желать ничего лучшаго; что же касается вопроса о развитіи въ глубь, о развитіи внутреннемъ, то говорить объ этомъ я буду позже.

У насъ въ первый разъ заговорили о позитивизмѣ очень рано, тогда еще, когда и въ Европѣ знали о немъ крайне мало: еще въ 47 году появилась въ LV томѣ «Отечественныхъ Записокъ» статья Милютина, въ которой онъ, по поводу разбора книги Бутовскаго о народномъ богатствѣ, излагалъ систему Конта; затѣмъ о позитивизмѣ, само собою разумѣется, совсѣмъ забыли до начала 60-хъ годовъ. Въ это время русская литература *не могла*, конечно, не обратить вниманія на философскую систему Конта, какъ на первый опытъ осуществленія научной философіи, и *не могла* не оцѣнить великаго значенія этой попытки. Я говорю: «*не могла*»—не только потому, что научная философія, представляя живую и плодотворную точку исхода для умственной дѣятельности, отвѣчала жизненнымъ стремленіямъ того времени, но и потому, что въ первыхъ же годахъ десятилѣтія нахожу совершенно опредѣленное предчувствіе, чуть не указаніе на нее, ясно свидѣтельствующее о той позитивности умонастроенія, которое было по отношенію къ Конту болѣе чѣмъ родственное.

Г. М. Антоновичъ явился истолкователемъ этого предчувствія въ «Современникѣ» и писалъ въ 1861 году, по поводу системы Гегеля, слѣдующее:

«Если бы система Гегеля была выдержана вездѣ и правильна хоть въ логическомъ отношеніи, не заключала въ себѣ несообразностей, легко ощутительныхъ для мысли, а *главное болѣе соображалась съ положительными фактами науки и ни въ ка-*

R. Springer, A. Comte und seine Philosophie. (Deutscher Museum. 1867). Неизв. автора. Lehre und Schriften A. Comte's. (Preussische Jahrbücher. 1859). *P. Villari*, La filosofia positiva ed il metodo storico. (Saggi di storia. Firenze. 1868).

F. Tocco, Studi sul positivismo. Torino. 1869.

A. Angiulli, La filosofia e la ricerca positiva. Napoli. 1869.

G. Barzellotti, La morale nella filosofia positiva. Firenze. 1871.

G. Sottini, Aristotile e il metodo scientifico nell'antichità greca. Pisa. 1873.

S. Scolari, Della unità della scienza e dei suoi metodi universalmente applicati. Pisa. 1875.

комъ случаѣ не насиловала и не переиначивала ихъ въ свою пользу,—то это была бы идеальная система не только по своей задачѣ, но и по выполненію ея; *къ такой системѣ именно и стремится знаніе, для ней вырабатываютъ матеріалъ всѣ науки.* Гумбольдтъ предположилъ себѣ подобную задачу и представилъ опытъ такой же системы, только съ *другой стороны* и изъ другихъ матеріаловъ; у него тоже вышла общая картина міра; но этой картинѣ все-таки не доставало цѣлостности, въ ней было много недорисованнаго, много перерывовъ и рѣзкихъ переходовъ, цѣлыя группы явленій оставались несвязанными между собою, факты—отдѣльно стоящими и разорванными; а главное—картина была далеко неполна, не включала въ себѣ нѣкоторыхъ областей и проявленій существующаго. Но, за то, *съ другой стороны* (опять съ другой стороны?) она *строго соотвѣтствовала дѣйствительности, была точной копіей природы, святость и непреложность фактовъ остались въ ней неприкосновенными.* Если попытка привести въ цѣльную и стройную систему внѣшнія явленія и то сопряжена съ большими трудностями, то сколько труда нужно было Гегелю, чтобы охватить въ своей системѣ все рѣшительно, обнять всѣ проявленія бытія, всѣ міры, всѣ области духа, дѣятельность мысли, чувства, воли, сферу религіи, исторіи, искусства и практической жизни? Его система была чрезвычайно обширна и всеобъемлюща, но ей *недоставало фактической точности и соотвѣтствія съ дѣйствительностью*, потому что путь, избранный имъ, былъ ненадеженъ. Современная наука предпочитаетъ путь Гумбольдта, путь опыта и наблюденія, и *будущей философской системѣ* нужно пожелать, чтобы она дорисовала эту картину, открыла и придумала связи между явленіями, сообщила ей цѣльность и единство при пособіи тѣхъ средствъ и пріемовъ, которые онъ употреблялъ, и потомъ дополнила ее тѣмъ, чего въ ней недостаетъ сравнительно съ системой Гегеля» [1]).

---

[1]) *М. Антоновичъ*, О гегелевской философіи. «Современникъ», 1861 г., августъ, стр. 214. Во многихъ отношеніяхъ поучительно сопоставить высказанный въ приведенномъ отрывкѣ взглядъ на значеніе Гумбольдта со взглядомъ такого писателя, котораго никогда нельзя обвинить въ незнаніи предмета, о которомъ онъ пишетъ. «Положительная наука должна быть превращена въ философію для того, чтобы получить возможность удовлетворить высшимъ нашимъ нуждамъ», говоритъ Льюисъ. «Даже энциклопедическое знаніе Гумбольдта было въ этомъ отношеніи безсильно,

Ожиданіе, что будущая философская система будетъ точною копіею природы, что она придумаетъ связь между явленіями и такимъ образомъ *дополнитъ* къ воззрѣніямъ Гумбольдта то, чего въ нихъ недостаетъ *сравнительно* съ системою Гегеля, очень наивно, конечно, и обнаруживаетъ полное незнакомство съ Гумбольдтомъ и Гегелемъ, также какъ и странное понятіе о научныхъ пріемахъ. Но если и невозможно штопать Гумбольдта придумываніями и еще невозможнѣе опредѣлять мѣста, которыя слѣдуетъ штопать посредствомъ сравненія Гумбольдта съ Гегелемъ, то все это явилось въ провозвѣщеніи позитивизма потому, что провозвѣстникомъ явился г. Антоновичъ, который, какъ показали позднѣйшія статьи его въ журналѣ «Космосъ» и переводъ «Исторіи наукъ» Уэвелля, въ провозвѣстники научной философіи совсѣмъ не годился.

Съ конца 60-хъ годовъ Контъ становится у насъ весьма извѣстнымъ; въ 69 и 70 годахъ появляются статьи гг. П. Л. и Михайловскаго (Соврем. Обозрѣніе и Отеч. Записки), представляющія самую глубокую критику позитивной системы, какую только мы имѣемъ. Въ 69 же году гг. Антоновичъ и Жуковскій заявляютъ въ «Космосѣ», что позитивизмъ у насъ, какъ они выразились, вошелъ въ моду, и, что̀ всего замѣчательнѣе, вошелъ въ моду вслѣдствіе *невѣжественнаго* незнакомства съ болѣе удовлетворительными философскими системами (вѣроятно въ родѣ той, которая грезилась г. Антоновичу, какъ будущая). Хотя рѣчь о болѣе удовлетворительной системѣ и не возобновлялась и система эта остается и по днесь тайною гг. Антоновича и Жу-

---

потому что оно было наукою, а не философіею, и еще потому, что и какъ наука, оно страдало неполнотою: оно охватывало только космологическія умозрѣнія и исключало умозрѣнія соціологическія. Если бы Гумбольдтъ и создалъ философію космическихъ наукъ, о чемъ онъ и не думалъ, то онъ все жъ-таки не коснулся бы великой задачи, онъ все жъ-таки не далъ бы однороднаго ученія, ибо великая и важная область нравственныхъ умозрѣній осталась бы во власти мистиковъ и метафизиковъ. Изъ этого видно, что всего прежде предстояло закончить энциклопедію наукъ и создать соціологію, которая могла бы стать на высоту наукъ о космосѣ. Задача эта выпала на долю Ог. Конта. Когда онъ ее рѣшалъ, то всѣ матеріалы для универсальной философіи были готовы. Съ этого времени стало возможно разсматривать все человѣческое знаніе, какъ однородное органическое цѣлое, во всѣхъ частяхъ котораго господствовалъ одинъ духъ, одинъ методъ». (G. H. Lewes. Geschichte der neuen Philosophie. 1876. Bd. II. S. 740).

ковскаго, но незамѣтно, чтобы публика особенно нетерпѣливо ждала раскрытія этой тайны и перестала интересоваться Контомъ. Г. Жуковскій пробовалъ было увѣрить своихъ читателей, что Контъ—не болѣе какъ салонный писатель, не имѣющій никакого значенія въ философіи и наукѣ и годный только для легкаго чтенія барышень. Мнѣніе смѣлое и останется, конечно, самымъ смѣлымъ, пока не выскажутъ о позитивизмѣ своихъ мнѣній Прокопъ и Хабибула... Мы ихъ предвкушали, впрочемъ, читая элюкубраціи г. Соловьева и другихъ, имена же ихъ, ты, Господи, вѣси.

Легковѣсное и безпутно-задорное отношеніе къ Конту не могло однакоже имѣть успѣха среди той части нашей публики, которая успѣла ознакомиться съ Контомъ непосредственно или при помощи работъ, основывавшихся на точномъ знакомствѣ, съ сочиненіями Ог. Конта, и которая знала, что, не идя вслѣдъ за гг. Антоновичемъ, Соловьемымъ, Жуковскимъ и т. п., она остается съ Миллемъ, Ланге, Дюрингомъ и т. д. Она осталась при убѣжденіи въ полезности изученія Конта, зная по опыту, что изученіе это не можетъ быть безплоднымъ.

Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, я также дѣлалъ, что̀ могъ, чтобы изучить Конта, а также чтобы поддержать интересъ къ нему въ средѣ русскихъ читателей. Представляя теперь имъ критическое изслѣдованіе основоначалъ позитивной системы, я имѣю главнымъ образомъ въ виду разработать вопросъ объ условіяхъ дальнѣйшаго развитія позитивизма изъ этихъ основоначалъ. Имѣя въ виду эту цѣль, я представляю въ первой главѣ моего труда общій очеркъ основоначалъ позитивной системы, составленный по «Курсу позитивной философіи Конта», и въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ разсматриваю важнѣйшія явленія позитивной литературы по-контовскаго періода. Новая переработка, въ которой я представляю теперь характеристику позитивизма, исправляетъ нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя мною прежде, и раскрываетъ многіе случаи непослѣдовательности въ развитіи основоначалъ Конта у его новѣйшихъ послѣдователей, а также и у него самого.

Являясь съ критическою оцѣнкою позитивной философіи, я не пытаюсь измышлять оригинальную русскую философію, а пытаюсь только воспользоваться результатами, добытыми западно-европейскою философіею, насколько она является теперь научною. Моя задача въ настоящемъ трудѣ есть задача

представителя сложившихся или слагающихся воззрѣній и докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области зиждущейся на научномъ основаніи философіи. Что же касается моего отношенія собственно къ Конту, то, указывая на его ошибки, я не перестаю помнить, что это ошибки генія, и потому въ самомъ же началѣ моего труда повторю то, что высказано было Шопенгауэромъ въ приступѣ къ критической оцѣнкѣ философіи Канта.

«Легче указать ошибки и заблужденія въ произведеніяхъ великаго ума, чѣмъ дать ясное и полное понятіе о его достоинствѣ», говоритъ Шопенгауэръ. «Ошибка есть нѣчто единичное, конечное, и потому легко обозрѣваемое; напротивъ, то, что налагаетъ на произведенія печать генія, дѣлаетъ достоинства ихъ недоступными и неисчерпаемыми, и по той же причинѣ они становятся не старѣющимся поученіемъ для ряда столѣтій. Законченное мастерское произведеніе истинно великаго генія имѣетъ всегда глубокое и мощное вліяніе на все человѣчество, и такъ многозначительно, что невозможно опредѣлить отдаленность тѣхъ вѣковъ и тѣхъ странъ, на которые распространится его просвѣтительное вліяніе. Во всякомъ случаѣ вліяніе это неизбѣжно, потому что какъ высоко ни стояло бы просвѣщеніе въ то время, когда возникъ геній, но, подобно пальмѣ, онъ все же высоко подымется надъ почвою, въ которую погружены его корни».

ГЛАВА I.

Общій очеркъ основоначалъ позитивной философіи по Конту.

Исходный пунктъ изложенія «Курса позитивной философіи»: законъ трехъ состояній. Доказательства, которыми Контъ подкрѣпляетъ законъ этотъ въ смыслѣ основоначала позитивной системы.

Характеръ и значеніе науки, какъ основы позитивнаго міровоззрѣнія. Сопоставленіе науки и искусства. Научный методъ. Гипотезы. Дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя.

Основоначало классификаціи наукъ. Опредѣленіе границъ осуществленной Контомъ классификаціи наукъ въ его системѣ. Основныя условія классификаціи.

Классификація абстрактныхъ наукъ. Предварительныя соображенія, подготовляющія осуществленіе этой классификаціи: историческое и догматическое изложеніе наукъ, соотношеніе между ними, общее число возможныхъ классификацій. Взглядъ на явленія, результаты изученія которыхъ подлежатъ классификаціи, общій очеркъ схемы абстрактной классификаціи. Основныя науки. Ихъ подраздѣленія.

Очеркъ главнѣйшихъ свойствъ, присущихъ классификаціи абстрактныхъ наукъ: соотвѣтствіе ея съ самобытнымъ распредѣленіемъ знаній; соотвѣтствіе дѣйствительному ходу развитія естественной философіи; соотвѣтствіе уровню состоянія различныхъ отраслей знанія; соотвѣтствіе требованіямъ научнаго и вполнѣ раціональнаго плана образованія.

Связь науки и философіи. Раздѣленіе труда въ области умственной дѣятельности и необходимость его реорганизаціи, какъ основное условіе для живой связи философіи и науки. Задача позитивной философіи.

Опредѣленіе общаго характера позитивнаго метода. Единство метода, какъ основаніе единства системы. Основное условіе единства метода: преобладаніе одного изъ элементовъ системы надъ всѣми другими. Сравненіе правъ математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ. Установленіе преобладанія соціологіи. Значеніе этого преобладанія.

Существенныя свойства позитивной системы, опредѣленныя характеромъ позитивнаго метода. Границы знанія. Связь позитивнаго знанія обыденнаго мышленія. Общая законосообразность явленій. Преобладаніе наблюденія надъ воображеніемъ. Относительность знанія.

Назначеніе позитивной системы: теоретическое—по отношенію къ отдѣльной личности и по отношенію къ роду; практическое—по отношенію къ человѣческой дѣятельности вообще.

Основное установленіе позитивной системы. Характеръ всеобщности этого установленія. Противопоставленіе умозрѣнія и дѣйствія. Значеніе для него соціологіи. Противопоставленіе научныхъ и эстетическихъ воззрѣній. Подчиненіе послѣднихъ первымъ. Противопоставленіе абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ. Преобладающее значеніе абстракціи. Абстрактный характеръ философіи.

Исходнымъ пунктомъ изложенія «Курса позитивной философіи» Ог. Контъ беретъ воззрѣніе на прогрессивный ходъ развитія человѣческаго ума, разсматримаемый имъ какъ цѣльный процессъ. Изложеніе взгляда этого есть собственно изложеніе столь извѣстнаго *закона трехъ состояній*. Историческую форму изложенія этого закона Огюстъ Контъ мотивируетъ тѣмъ, что «всякое понятіе достаточно познается только при посредствѣ своей исторіи».

Изучая развитіе человѣческаго ума во всей цѣльности и въ различныхъ областяхъ его дѣятельности, начиная съ перваго и простѣйшаго его шага и до нашихъ дней, Контъ остановился на обобщеніи, которое онъ называетъ *закономъ трехъ состояній*. Онъ не говоритъ, что онъ открылъ этотъ законъ, но только допускаетъ предположеніе, что открылъ его. «Je crois avoir découvert une grande loi fondamentale», говоритъ онъ. (Cours. I. 8). Законъ этотъ, какъ полагаетъ Контъ, «можетъ быть прочно установленъ и на раціональныхъ основаніяхъ, доставляемыхъ знаніемъ нашего организма, и на исторической повѣркѣ, вытекающей изъ внимательнаго изслѣдованія прошедшаго». Законъ этотъ заключается въ томъ, что каждое изъ нашихъ главныхъ понятій, каждая вѣтвь нашихъ знаній, послѣдовательно проходитъ чрезъ три различныя теоретическія состоянія: супра-натуральное, метафизическое и научное, или позитивное. Другими словами, умъ человѣческій, по своей природѣ, *употребляетъ послѣдовательно въ каждомъ изъ своихъ изысканій три метода философствованія*, характеръ которыхъ необходимо различенъ и даже кореннымъ образомъ противоположенъ одинъ другому: всего прежде методъ супра-натуральный, затѣмъ методъ метафизическій и наконецъ методъ позитивный. Отсюда три ряда философій или общихъ системъ понятій о совокупности явленій,—системъ, взаимно исключающихся: первая есть необходимая исходная точка человѣческаго ума, послѣдняя—

его установившееся или окончательное состояніе; вторая имѣетъ единственнымъ назначеніемъ служить переходною ступенью.

«Въ супра-натуральномъ состояніи умъ человѣческій, направляя существеннымъ образомъ свои изысканія на внутреннюю природу вещей, первыхъ и конечныхъ причинъ всѣхъ поражающихъ его дѣйствій, словомъ—на знанія абсолютныя, представляетъ себѣ явленія произведенными прямою и непрерывающеюся дѣятельностью болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъ-естественныхъ дѣятелей, произвольное вмѣшательство коихъ объясняетъ всѣ кажущіяся аномаліи вселенной».

«Въ метафизическомъ состояніи, которое, по основѣ своей, есть только простое общее измѣненіе перваго состоянія, сверхъестественные дѣятели замѣнены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенныя отвлеченія), присущими различнымъ существамъ міра и представляемыми способными самобытно производить всѣ наблюдаемыя явленія, объясненіе которыхъ и заключается въ пріуроченной каждому изъ нихъ соотвѣтствующей сущности».

«Наконецъ, въ позитивномъ состояніи умъ человѣческій, признавая невозможнымъ выработку абсолютныхъ понятій, отказывается отъ розысканія происхожденія и назначенія вселенной и познанія основныхъ причинъ явленій и ставитъ себѣ единственною цѣлью—открытіе ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т.-е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній, послѣдовательности и сходства, посредствомъ удобно-комбинированныхъ приложеній сужденія и наблюденія. Объясненіе фактовъ, входящее въ свои дѣйствительныя границы, становится съ этого времени только хорошо установленною связью между различными частными явленіями и нѣсколькими явленіями общими, число которыхъ постоянно уменьшается подъ вліяніемъ развитія наукъ».

«Супра-натуральная система достигла высочайшаго совершенства, на которое она способна, когда она поставила прозрѣвающую дѣятельность одного существа взамѣнъ разнообразной игры многочисленныхъ независимыхъ существъ, первоначально произведенныхъ воображеніемъ. Точно также послѣдній предѣлъ метафизической системы заключается въ замѣнѣ различныхъ частныхъ сущностей, единою, великою общею сущностью—природою, разсматриваемою какъ единственный источникъ всѣхъ явленій. Равно и совершенство позитивной системы,

составляющее цѣль ея стремленій, цѣль очень вѣроятно недостижимую, заключалось бы въ возможности представить себѣ подлежащія наблюденію явленія, какъ частные случаи одного общаго факта, напр., всемірнаго тяготѣнія».

Законъ трехъ состояній, какъ общее выраженіе развитія, проходимаго умомъ человѣческимъ, относится въ тѣсномъ смыслѣ къ наукѣ объ обществѣ и, слѣдовательно, получаетъ свое полное развитіе при систематическомъ ея изложеніи. Теперь же достаточно будетъ сказать лишь нѣсколько словъ о тѣхъ доказательствахъ, которыми Контъ считаетъ необходимымъ подкрѣпить этотъ законъ въ смыслѣ основоначала позитивной системы.

Всего прежде онъ доказываетъ его ссылкою на исторію, указывающею на отдѣльные фазисы развитія каждой науки, вполнѣ соотвѣтствующіе основнымъ моментамъ этого закона; затѣмъ,—указаніемъ на условія индивидуальнаго развитія, соотвѣтствующія въ этомъ случаѣ условіямъ развитія родового. «Эта повѣрка», говоритъ онъ, «легка всѣмъ людямъ, стоящимъ на уровнѣ развитія своего вѣка». Далѣе онъ представляетъ соображенія, имѣющія цѣлью подтвердить вѣрность закона посредствомъ указанія на условія, опредѣляющія его необходимость. Главнѣйшее изъ этихъ соображеній выставляетъ на видъ неизбѣжность для ума человѣческаго, во всѣ эпохи его развитія, какой бы то ни было теоріи, могущей служить связью фактамъ, и въ то же время невозможность построенія для разума первобытнаго такой теоріи, которая была бы основана на наблюденіи.

«Всѣ добропорядочные умы повторяютъ со временъ Бэкона», говоритъ Ог. Контъ, «что только тѣ знанія достовѣрны, которыя зиждутся на наблюденіи. Это основное правило, очевидно, неопровержимо, если оно примѣняется, какъ то и слѣдуетъ, къ возмужалому состоянію нашего разума. Но, принимая въ соображеніе процессъ образованія нашихъ знаній, необходимо поставить внѣ всякаго сомнѣнія и то, что разумъ человѣческій, въ своемъ первобытномъ состояніи, не могъ и не долженъ былъ мыслить такимъ образомъ; потому что если, съ одной стороны, всякая позитивная теорія должна быть основана на наблюденіяхъ, то съ другой—ясно, что для приступа къ наблюденіямъ нужна хоть какая-нибудь теорія. Если бы, разсмотрѣвъ явленія, мы не связывали ихъ непосредственно съ какимъ-нибудь принципомъ, то мы не только не имѣли бы возможности связать разрозненныя наблюденія и извлечь изъ нихъ результатъ,

но мы не имѣли бы даже возможности удержать ихъ въ памяти, и всего чаще факты оставались бы совершенно почти незамѣченными. Вслѣдствіе этого, поставленный между необходимостью наблюдать для образованія вѣрной теоріи и не менѣе гнетущею необходимостью создавать себѣ какъ бы то ни было теоріи для возможности веденія послѣдовательныхъ наблюденій, разумъ человѣка при своемъ рожденіи былъ заключенъ въ ложномъ кругѣ, изъ котораго онъ не нашелъ бы никакого выхода, если бы выходъ этотъ счастливымъ образомъ не открылся въ свободномъ развитіи супра-натуралистическихъ воззрѣній, представившемъ пунктъ соединенія для его ученій и доставившемъ пищу его дѣятельности. Таковы основы метода, доказывающаго логическую необходимость и чисто-теоретическій характеръ первобытной философіи».

«Необходимость эта сдѣлается еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на характеръ вопросовъ, разрѣшаемыхъ первобытной философіей,—характеръ, вполнѣ соотвѣтствующій высокомѣрію человѣка, ненаученнаго опытомъ правильно цѣнить свои силы. Сущность вещей, начало и конецъ всѣхъ явленій,—вотъ тѣ вопросы, которые считаются достойными размышленія въ эпоху дѣтства разума. Очевидно, что позитивная философія, занимающаяся только раскрытіемъ законовъ явленій, а не сущностью вещей и т. п., была бы совершенно несвоевременна въ первобытномъ фазисѣ разума и не могла бы привести ни къ какому результату.

«Практическіе стимулы играютъ здѣсь также весьма важную роль. Неумѣренное самомнѣніе разума и химерическія задачи его въ эпоху дѣтства не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи со скромною и лишенною непосредственности задачею раскрытія законовъ явленій и подтвержденія и отверженія той или другой теоріи,—мотивомъ, совершенно достаточнымъ для разума, достигшаго зрѣлаго состоянія.

«Изо всего этого видно, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать самобытность возникновенія и высокое теоретическое значеніе первобытнаго міровоззрѣнія, также какъ законченный характеръ позитивнаго фазиса и переходный—метафизическаго. Этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворяетъ потребности необходимой постепенности въ переходѣ отъ первобытнаго міровоззрѣнія къ окончательному, которыя представляютъ, по природѣ своей, два крайнія и противоположныя между собою состоянія въ развитіи пониманія міра».

Итакъ, основою позитивнаго міровоззрѣнія служитъ наука; для уразумѣнія характера и значенія этого міровоззрѣнія необходимо, поэтому, прежде всего ознакомиться съ характеромъ и значеніемъ науки.

Существенный характеръ всякой положительной науки, какъ учитъ Ог. Контъ, заключается въ томъ, что одни явленія опредѣляются другими посредствомъ отношеній, которыя между ними существуютъ. Задача всякой науки, такимъ образомъ, заключается въ соединеніи фактовъ, имѣющемъ цѣлью опредѣленіе однихъ другими помощью отношеній, между ними существующихъ. Если бы наблюденія оставались разрозненными, не было бы еще науки. Можно даже вообще утверждать, что назначеніе науки заключается въ доставленіи возможности обходить прямое наблюденіе въ той мѣрѣ, какъ это допускается различными явленіями, и *выводить* (déduire) изъ возможно меньшаго числа непосредственныхъ данныхъ возможно большее число результатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли дѣйствительное пользованіе открытыми между естественными явленіями отношеніями, какъ для дѣятельности, такъ и для умозрѣнія, именно въ этой возможности вывода? Такого рода изысканія входятъ въ область всякой науки; но математика доводитъ ихъ до высочайшей степени, какая только возможна какъ по отношенію количества, такъ и по отношенію качества. Математику по этой причинѣ можно считать наукою по преимуществу. Только математика даетъ вѣрную и глубокую идею о томъ, что такое наука, только она научаетъ насъ съ достаточною точностью тѣмъ методамъ, которыми умъ человѣческій всегда пользуется при всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканіяхъ, такъ какъ только въ ней вопросы разрѣшены съ тою полнотою и выводы продолжены такъ далеко со всею строгою точностью. Въ математикѣ, наконецъ, умъ человѣческій далъ самыя высокія доказательства своей силы, такъ какъ идеи, разсматриваемыя ею, представляютъ наивысшую степень положительнаго отвлеченія, какая только возможна. Все, чѣмъ характеризуется математика, характеризуетъ такимъ образомъ и всякую науку.

Если основной характеръ науки заключается въ томъ, чтобы по фактамъ, опредѣленнымъ непосредственнымъ наблюденіемъ, фактамъ извѣстнымъ, опредѣлить факты неизвѣстные, то можно, слѣдовательно, сказать, что основной характеръ науки заключается въ предвидѣніи. Предвидѣніе можетъ быть, конечно,

болѣе или менѣе вѣрнымъ и точнымъ, но гдѣ оно есть, тамъ есть уже и наука; чѣмъ оно совершеннѣе, т.-е. чѣмъ меньше непосредственно наблюденныхъ фактовъ требуется для опредѣленія наиболѣе вѣрнаго, точнаго и отдаленнаго, тѣмъ совершеннѣе и самая наука. Такимъ образомъ, предвидѣніе можно поставить какъ тотъ основной признакъ науки, который отличаетъ ее отъ «простой эрудиціи, ограничивающейся простымъ повѣствованіемъ о совершившихся событіяхъ безъ всякаго предвидѣнія будущаго».

Краеугольный камень науки есть изученіе дѣйствительности; но изученіе это по цѣлямъ и результатамъ должно быть теперь же оцѣнено съ достаточною ясностью и точностью для избѣжанія недоразумѣній, которыя безъ этого могли бы возникнуть впослѣдствіи.

Умозрѣніе и дѣйствіе исчерпываютъ собою понятіе о работѣ, которую можетъ производить человѣкъ. Такимъ образомъ, самое общее раздѣленіе нашихъ дѣйствительныхъ знаній заключается въ различеніи знаній теоретическихъ отъ знаній практическихъ. Только первыя составляютъ область науки; вторыя же относятся къ области искусства. Вникая въ отношенія науки и искусства, понимаемыхъ въ этомъ смыслѣ, легко видѣть, что первая служитъ основаніемъ второму, потому что дѣйствіе человѣка на природу можетъ имѣть только одну истинно раціональную основу—изученіе природы. Только знаніе законовъ природы, съ его постояннымъ результатомъ—предвидѣніемъ, можетъ повести къ возможности измѣненія однихъ явленій посредствомъ другихъ; наши же собственныя прямыя средства вліянія на естественныя явленія, насъ окружающія, слишкомъ слабы и слишкомъ несоразмѣрны съ нашими потребностями. Всякій разъ, когда намъ удается произвести на естественныя явленія значительное вліяніе, мы обязаны тѣмъ введенію въ условія, опредѣляющія эти явленія, такихъ элементовъ, знаніе которыхъ пріобрѣтено нами путемъ изученія природы. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что *знаніе ведетъ къ предвидѣнію* и *предвидѣніе къ дѣйствію*. Этою простою формулою можно опредѣлить весьма точно отношеніе *науки къ искусству*, принимая термины эти въ общемъ ихъ смыслѣ.

При всемъ важномъ значеніи науки, взятой въ опредѣленномъ выше отношеніи, другое ея значеніе и гораздо важнѣе,

и гораздо прямѣе, а именно значеніе по отношенію къ уму нашему, которому присуща потребность знанія законовъ явленій, дѣйствительно удовлетворяемая одною только наукою, потребность, столь могущественная, что, за недостаткомъ ея удовлетворенія, умъ человѣческій, какъ мы уже знаемъ, измышляетъ мнимыя рѣшенія гнетущихъ его вопросовъ, предпочитая ихъ отсутствію какое бы то ни было ихъ рѣшеніе. Это значеніе науки ставится выше практическаго значенія ея, потому что хотя вліяніе искусства на науку въ частныхъ случаяхъ и несомнѣнно, но тѣмъ не менѣе при наблюденіяхъ, вытекающихъ изъ одной только непосредственной примѣнимости знанія, не только не могло произойти того развитія умственной дѣятельности, какое представляетъ исторія, но и еще, по вѣрному замѣчанію Кондорсэ, умъ человѣческій былъ бы совершенно остановленъ въ своемъ развитіи даже и по отношенію къ тѣмъ практическимъ цѣлямъ, которымъ были бы принесены въ жертву цѣли теоретическія. Вѣрность такой оцѣнки вліянія непосредственной примѣнимости знанія основывается на томъ, что самые важные случаи приложенія знаній къ практикѣ основываются постоянно на теоріяхъ, выработанныхъ съ чисто научными цѣлями и часто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ остававшихся безъ приложенія. Замѣчательнѣйшими изъ такихъ случаевъ представляются прекрасныя работы греческихъ математиковъ о коническихъ сѣченіяхъ, которыя только въ новѣйшее время повліяли на развитіе мореходства до той высокой степени совершенства, на которой оно теперь находится и до котораго безъ чисто теоретическихъ работъ Архимеда и Аполлонія оно никогда бы не достигло. Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу Кондорсэ, что «матросъ, спасаемый отъ крушенія точнымъ опредѣленіемъ долготы, обязанъ жизнью теоріи, возникшей двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ умѣ геніальныхъ людей, имѣвшихъ въ виду одни только математическія умозрѣнія».

Изъ этого слѣдуетъ, что, представивъ себѣ вообще изученіе природы какъ раціональную основу дѣйствій человѣка на природу, умъ человѣческій долженъ обратиться къ теоретическимъ изысканіямъ и при этомъ совершенно отложить въ сторону всякія практическія соображенія. Средства, которыми обладаетъ человѣческій умъ для открытія истины, такъ слабы, что если онъ не сосредоточитъ ихъ исключительно на этой цѣли и не отрѣшится отъ посторонникъ заботъ о непосредственной прак-

тической примѣнимости, то всегда почти главная цѣль его останется недостигнутою.

Выше было замѣчено, что наблюденіе, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, составляетъ главное основаніе научнаго метода; вникая же ближе въ разностороннее значеніе наблюденія, нельзя не замѣтить, что, кромѣ собственно *наблюденія*, т.-е. разсматриванія явленія такимъ, какимъ оно естественно представляется, надо различать еще *опытъ*, т.-е. разсматриваніе явленій, при посредствѣ болѣе или менѣе искусственно введенныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ цѣлью болѣе полное изученіе, и *сравненіе*, или постепенное разсматриваніе аналогичныхъ случаевъ. Изъ этихъ трехъ способовъ изученія явленій складывается общая совокупность способовъ изученія, имѣющихъ мѣсто въ наукѣ. Но приложеніе ихъ къ отдѣльнымъ наукамъ далеко не равномѣрно и не одинаково. Возрастаніе сложности явленій при переходѣ отъ наукъ низшихъ къ высшимъ влечетъ за собою не только уменьшеніе, ограниченіе приложимости означенныхъ выше трехъ способовъ изученія, но и увеличеніе сложности пріемовъ каждаго изъ нихъ и, кромѣ того, устанавливаетъ еще преобладаніе того или другого изъ этихъ способовъ въ каждой изъ отдѣльныхъ наукъ; такъ, въ математикѣ и астрономіи приложимо только собственно наблюденіе, въ физикѣ къ нему присоединяется опытъ, а начиная съ химіи становится приложимо и сравненіе.

Хотя Ог. Контъ и установилъ, какъ основное положеніе, что научный характеръ міросозерцанія опредѣляется подчиненіемъ воображенія наблюденію, но тѣмъ не менѣе однако-же онъ признавалъ нужнымъ воспользоваться этимъ введеннымъ въ свою колею воображеніемъ и на этомъ основаніи признавалъ гипотезы «могущественнымъ и необходимымъ пособіемъ при изученіи природы». Безъ этого благодатнаго окольнаго пути, общую идею котораго далъ математическій методъ вычисленій по приближенію, открытіе законовъ природы сдѣлалось бы, при первомъ случаѣ осложненія, невозможнымъ и вообще чрезвычайно замедлялось бы, говоритъ Контъ. Но употребленіе этого могущественнаго вспомогательнаго средства должно быть подчинено основному условію, безъ котораго оно не могло бы способствовать развитію знаній и даже препятствовало бы ему. Это условіе заключается въ томъ, чтобы создаваемыя воображеніемъ гипотезы всегда могли быть подвергнуты научной повѣркѣ,

болѣе или менѣе отдаленной, но, очевидно, всегда неизбѣжной. Степень точности этой повѣрки должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ тою степенью повѣрки, которой требуютъ соотносящіяся сюда явленія. Другими словами, истинно-философскія гипотезы должны всегда представляться какъ простыя продолженія тѣхъ истинъ, которыя могли бы быть открыты и безъ этой искусственной помощи, если бы условія вопроса были болѣе благопріятны. Соблюденіе одного только этого требованія даетъ возможность безопасно пользоваться гипотезами, когда въ нихъ представляется надобность. Но если оно не удовлетворено, если при посредствѣ гипотезы мы желаемъ достичь того, что по природѣ своей недоступно нашему знанію, то гипотеза выходитъ изъ области науки и становится вредною. Можно вообще сказать, что гипотезы должны временно пополнять пробѣлы знанія, и что въ этомъ только и заключается ихъ исключительное назначеніе.

Сдѣланное выше опредѣленіе основного характера науки даетъ возможность представить теперь съ достаточною ясностью и установленное Ог. Контомъ дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя. Согласно идеѣ Конта, абстрактныя науки имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ различнаго рода явленіями, причемъ онѣ разсматриваютъ всѣ случаи, какіе только мы можемъ себѣ представить; конкретныя же науки или науки описательныя, подъ которыми иногда разумѣютъ естественныя науки въ собственномъ смыслѣ, занимаются приложеніемъ законовъ, открытыхъ абстрактными науками, къ явленіямъ дѣйствительно существующимъ. Науки перваго рода, слѣдовательно, суть науки основныя, науки второго рода при всемъ своемъ важномъ значеніи только второстепенныя.

Различеніе это не можетъ не представиться достаточно яснымъ всякому, обладающему какими-либо спеціальными знаніями изъ области различныхъ позитивныхъ наукъ, потому что оно почти равнозначуще съ обыкновеннымъ различеніемъ, встрѣчающимся во всѣхъ научныхъ трактатахъ, а именно съ различеніемъ догматической физики отъ естественной исторіи въ собственномъ смыслѣ. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, впрочемъ, чтобы выяснить это различеніе.

Усмотрѣть его весьма ясно можно изъ сравненія, съ одной стороны, общей физіологіи и, съ другой, зоологіи и ботаники собственно. Очевидно, что обѣ эти области очень различны

по своему характеру, такъ какъ первая изучаетъ *общіе законы жизни*, а вторая опредѣляетъ *образъ существованія* всякаго живого тѣла въ частности. Это второе изученіе, очевидно, необходимо подчинено при томъ же первому.

Въ такомъ же точно отношеніи находится химія къ минералогіи: она, очевидно, служитъ ей раціональнымъ основаніемъ. Въ химіи разсматриваются всевозможныя комбинаціи молекулъ, при всѣхъ вообразимыхъ обстоятельствахъ; въ минералогіи разсматриваются только тѣ изъ этихъ комбинацій, которыя являются осуществившимися въ дѣйствительномъ образованіи состава земного шара подъ вліяніемъ только тѣхъ обстоятельствъ, которыя ему свойственны. Различіе точки зрѣнія химической отъ точки зрѣнія минералогической, при всемъ тождествѣ предметовъ, ими изучаемыхъ, явствуетъ изъ того, что большая часть фактовъ, разсматриваемыхъ химіею, существуетъ искусственно, такъ что какое-нибудь тѣло, напр., хлоръ или калій, можетъ имѣть, по обширности и энергіи своего сродства, чрезвычайное значеніе въ химіи, тогда какъ въ минералогіи значеніе его почти ничтожно; и наоборотъ, сложное тѣло, какъ гранитъ или кварцъ, о которыхъ такъ много распространяется минералогія, представляетъ съ точки зрѣнія химіи весьма слабый интересъ.

Логическая необходимость изложеннаго основного дѣленія наукъ, присовокупляетъ Ог. Контъ, выражается вообще въ томъ, что не только каждый отдѣлъ конкретной физики предполагаетъ предварительную разработку соотвѣтственнаго отдѣла физики абстрактной, но требуетъ еще знанія общихъ законовъ, относящихся ко всѣмъ родамъ явленій. Такимъ образомъ, напримѣръ, спеціальное изученіе земли, разсматриваемой со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія оно въ дѣйствительности можетъ представить, не только требуетъ предварительнаго знанія физики и химіи, но не можетъ быть ведено достодолжнымъ образомъ безъ включенія, съ одной стороны, знаній астрономическихъ и, съ другой, физіологическихъ, такъ что оно находится въ связи съ общею системою основныхъ наукъ. Точно то же можно сказать и о всякой естественной наукѣ въ собственномъ смыслѣ. Изъ этого видно, что различеніе абстрактныхъ наукъ отъ конкретныхъ представляется Контомъ какъ выдѣленіе изъ общей совокупности научныхъ знаній основъ этихъ знаній, корней, безъ которыхъ знанія эти не могутъ ни возникнуть, ни развиваться.

Показавъ различіе знаній практическихъ и знаній теоретическихъ, опредѣливъ философское значеніе науки и выяснивъ раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, мы можемъ приступить теперь къ разсмотрѣнію вопроса о классификаціи наукъ, имѣющей въ системѣ Конта первостепенное значеніе.

Хотя Ог. Контъ въ принципѣ и признаетъ, что позитивная классификація должна охватить всю совокупность абстрактныхъ, конкретныхъ и практическихъ знаній, но попытку построенія такой всеобщей классификаціи онъ считаетъ преждевременною, и вслѣдствіе того считаетъ неизбѣжнымъ примиреніе съ необходимостью установленія границъ, опредѣляющихъ ту область знанія, которая достаточно созрѣла уже для философскаго объединенія. Такъ какъ теоретическія знанія существенно различны отъ практическихъ, такъ какъ они служатъ этимъ послѣднимъ основою, то ясно прежде всего, что теоретическія знанія могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ практическихъ и что разсмотрѣніе первыхъ должно предшествовать разсмотрѣнію послѣднихъ. Если же принять во вниманіе, что развитіе теоретическихъ знаній стоитъ гораздо выше развитія знаній практическихъ и что, несмотря на это, они остаются еще необработанными философіею, то можно придти къ заключенію, что въ настоящее время предстоитъ привести къ философскому единству одни только знанія теоретическія.

Заключеніе это Ог. Контъ подкрѣпляетъ еще нѣкоторыми соображеніями, имѣя въ виду придать ему бо̀льшую опредѣленность и устойчивость.

При современномъ состояніи знаній, теоретическія знанія рѣдко прилагаются къ практикѣ непосредственно; въ бо̀льшей части случаевъ, между ними установляется посредствующая ступень, которая еще весьма недостаточно опредѣлена въ философскомъ отношеніи, но значеніе которой можетъ выясниться для насъ, если мы обратимъ вниманіе на тотъ классъ людей, который ее спеціально разрабатываетъ. Между учеными въ собственномъ смыслѣ и лицами, непосредственно занятыми производствомъ работъ, сформировался въ настоящее время посредствующій классъ инженеровъ, спеціальное назначеніе которыхъ заключается въ приложеніи теоріи къ практикѣ. Нисколько не имѣя въ виду развитія научныхъ знаній, инженеры берутъ ихъ такими, какими находятъ, и выводятъ

изъ нихъ заключеніе о той промышленной примѣнимости, которая знаніямъ этимъ свойственна. Таково, по крайней мѣрѣ, естественное направленіе хода этого дѣла, не лишеннаго еще многихъ запутанностей. Система знаній, долженствующая быть основою дѣятельности этого новаго класса дѣятелей, отъ которыхъ можно ожидать установленія истинной теоріи различныхъ искусствъ, конечно, въ состояніи сдѣлаться предметомъ *философскихъ соображеній большаго интереса и несомнѣнной важности;* но объединеніе этихъ теорій съ теоріями, обоснованными на наукахъ въ собственномъ смыслѣ, было бы въ настоящее время совершенно преждевременно, потому что пока существуютъ только кое-какіе отрывочные опыты построенія теорій искусства, все значеніе которыхъ только и заключается въ томъ, что они даютъ понятіе о возможности и характерѣ такого рода построенія для всей совокупности практическихъ знаній. Примѣромъ подобныхъ знаній можетъ служить прекрасная идея Монжа, представляемая начертательной геометріей, имѣющей, собственно говоря, значеніе общей теоріи строительнаго искусства. Подобныхъ опытовъ, впрочемъ, такъ еще мало, что, упоминая о нихъ въ курсѣ позитивной философіи, нѣтъ никакой возможности, однако-же, вводить ихъ въ него въ качествѣ элементовъ, равнозначущихъ съ элементами чисто научными, имѣющими характеръ установившійся и опредѣленный.

Другое соображеніе, подкрѣпляющее въ сильной степени приведенное выше заключеніе относительно исключенія практическихъ знаній изъ общей философско-научной системы, заключается, по мнѣнію Ог. Конта, въ томъ, что всякое искусство зависитъ не отъ одной какой-либо науки, но отъ нѣсколькихъ одновременно, а важнѣйшія искусства пользуются помощью почти всѣхъ главнѣйшихъ наукъ. Такимъ образомъ, агрономія, напримѣръ, требуетъ комбинаціи знаній, почерпнутыхъ изъ физіологіи, химіи, физики и даже астрономіи и математики. Точно также и изящныя искусства. Изъ этого ясно видно, что теоріи искусства не могли сложиться раньше, чѣмъ основныя науки не стали на достодолжную степень развитія. Это новое соображеніе не только подкрѣпляетъ сдѣланное выше заключеніе, но и наводитъ на мысль, что теоріи искусства не только не могутъ пополнить собою системы научныхъ знаній, но, по всей вѣроятности, должны, напротивъ того, выработаться какъ выводы изъ этой системы. Такимъ образомъ,

исключеніе ихъ изъ философско-научной системы получитъ свое обоснованіе не только въ характерѣ, но и въ самой природѣ ихъ, чѣмъ и рѣшается въ основоначалѣ этотъ вопросъ.

Исключивъ практическія знанія изъ философско-научной системы, предстоитъ подвинуть далѣе разсмотрѣніе нашего вопроса и рѣшить—вся ли область теоретическаго знанія должна войти въ эту систему или только часть ея? Аналогія между отношеніемъ наукъ и искусствъ, съ одной стороны, и абстрактными и конкретными науками, съ другой,—очевидна, такъ какъ наука вообще такъ же служитъ основою искусству, какъ и абстрактная наука конкретной. Изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе и этого вопроса не можетъ разниться отъ предшествовавшаго рѣшенія и что однѣ только абстрактныя науки должны послужить элементами къ построенію философско-научной системы, характеръ которой, какъ очевидно изъ всего предшествовавшаго, вполнѣ соотвѣтствуетъ, впрочемъ, тѣмъ даннымъ, которыя получаются изъ этого источника.

Выдѣливъ такимъ образомъ изъ всей совокупности знаній тѣ элементы, которые, служа основаніемъ всѣмъ прочимъ и обладая философскимъ характеромъ, однородны между собою въ этомъ отношеніи, Ог. Контъ подготовилъ для философскаго объединенія именно такія данныя, которыя онъ считалъ годными для образованія требуемаго объединенія. Данныя эти, представляясь общею совокупностью абстрактныхъ знаній, могутъ быть построены въ общую систему, отвѣчающую условіямъ такого единства, очевидно, только тогда, когда они будутъ расположены въ извѣстномъ порядкѣ и распредѣлены на группы не произвольно, а такимъ образомъ, чтобы между ними существовала прочная связь. Это распредѣленіе, классификацію или іерархію наукъ Ог. Контъ и назвалъ «системою позитивной философіи», взявъ ее содержаніемъ своего «Курса» («Cours de Philosophie positive»). Это обстоятельство, вмѣстѣ съ приведенными выше разсужденіями, изложенными въ первомъ томѣ «Курса», установили въ обществѣ, да, если не ошибаюсь, даже и у нѣкоторыхъ позитивистовъ убѣжденіе, что Контъ исключилъ изъ системы позитивной философіи не только конкретныя науки, но и всю обширную область искусства, идея котораго у Конта совпадаетъ съ идеею той части философіи, которую обыкновенно называютъ «практическою». Такое убѣжденіе нельзя не признать ошибочнымъ и основаннымъ на не-

доразумѣніи, проистекшемъ изъ недостатка точности у Конта въ этомъ отношеніи. Въ первомъ томѣ онъ, дѣйствительно, слишкомъ рѣзко выдѣлилъ область конкретныхъ наукъ и практическихъ знаній изъ системы позитивной философіи, хотя не упустилъ изъ виду и ихъ общую связь, замѣчая, что систему абстрактныхъ наукъ слѣдуетъ разсматривать какъ основаніе позитивной философіи, незаконченность которой онъ объясняетъ условіями чисто-внѣшняго характера («Cours.» I, 57); въ трехъ же послѣднихъ главахъ VI тома онъ весьма опредѣленно и ясно говоритъ о позитивной философіи, какъ объ общей совокупности систематизированныхъ абстрактныхъ, конкретныхъ и практическихъ знаній, и въ идеѣ этой совокупности видитъ ту великую идею единства знанія, которая и составляетъ главную и существеннѣйшую задачу научной философіи. Такимъ образомъ, согласно идеѣ самого Конта, можно утверждать что «система абстрактныхъ наукъ не составляетъ еще системы позитивной философіи», а одно только основаніе ея, и что въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, и слѣдуетъ понимать заявленіе Литтре, что «позитивная философія есть философія только начинающаяся» (E. Littré, A. Compte et St. Mill, p. 40).

Во главѣ разсужденія, имѣющаго предметомъ классификацію знаній, Огюстъ Контъ ставитъ то положеніе, которое, по идеѣ его, должно дать этой классификаціи истинно-философское освѣщеніе,—положеніе, безъ котораго невозможна сколько-нибудь правильная оцѣнка этой классификаціи. «Какъ ни естественна эта классификація», говоритъ онъ, «но надо прежде всего признать, что она неизбѣжно заключаетъ въ себѣ нѣчто, если не произвольное, то, по крайней мѣрѣ, искусственное, такъ что представляется дѣйствительно несовершенной. Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль, которую слѣдуетъ имѣть во всей энциклопедической работѣ, заключается въ томъ, чтобы расположеніе наукъ соотвѣтствовало порядку ихъ естественной связи и было согласно со взаимною зависимостью, такъ чтобы возможно было послѣдовательно ихъ установить, никогда не вовлекаясь въ ложный кругъ». Но это условіе, какъ полагаетъ Контъ, во всей своей строгой требовательности *невыполнимо*. Причины, обусловливающія убѣжденіе въ такой невыполнимости, Ог. Контъ выясняетъ въ рядѣ соображеній, имѣющихъ важное значеніе не только потому, что они, дѣйствительно, подкрѣпляютъ это убѣжденіе и такимъ образомъ предотвра-

щаютъ придирки противниковъ позитивизма, но еще и потому, что характеризуютъ тѣ затрудненія, которыми обставлена задача классификаціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установляютъ положеніе, имѣющее въ позитивной системѣ многочисленныя приложенія.

Обратимся теперь къ обзору этихъ соображеній.

Изложеніе всякой науки можно вести только двумя путями, говоритъ Контъ: или *историческимъ*, или *догматическимъ;* всякій иной путь неизбѣжно будетъ комбинаціей этихъ двухъ путей. Избравъ первый изъ нихъ, излагаютъ знанія послѣдовательно, въ томъ порядкѣ, въ которомъ умъ человѣческій дѣйствительно пріобрѣталъ ихъ, причемъ стараются воспроизвести и тѣ же самые способы пріобрѣтенія. Слѣдуя второму пути, представляютъ такую систему идей, какая могла бы возникнуть въ настоящее время въ единичномъ умѣ, который, занимая соотвѣтственную точку зрѣнія и владѣя достаточными знаніями, предпринялъ бы переработку всей совокупности знаній, входящихъ въ науку, какъ въ единое цѣлое.

Первый путь есть, очевидно, тотъ именно путь, которымъ неизбѣжно начинается изученіе всякой возникающей науки. По природѣ своей, такой путь не требуетъ для изложенія знаній никакой другой работы, кромѣ той, которая была произведена при образованіи науки; вся дидактика приводится въ этомъ случаѣ къ послѣдовательному, въ хронологическомъ порядкѣ расположенному, изученію тѣхъ оригинальныхъ работъ, которыя способствовали развитію науки.

Догматическій способъ изложенія предполагаетъ, напротивъ того, переработку всѣхъ частныхъ трудовъ въ одну общую систему. Онъ примѣнимъ именно только къ тѣмъ наукамъ, которыя достигли довольно высокой степени развитія. Но, по мѣрѣ того, какъ наука прогрессируетъ, историческій способъ изложенія, съ многочисленными посредствующими звеньями, которыя онъ неизбѣжно вводитъ, становится все болѣе и болѣе непримѣнимымъ, тогда какъ способъ догматическій дѣлается все болѣе и болѣе возможнымъ и даже необходимымъ, потому что новыя понятія дозволяютъ представлять прежнія открытія съ точки зрѣнія, упрощающей изложеніе.

Такъ, напримѣръ, при образованіи древняго геометра только и требовались сочиненія Архимеда и Аполлонія; тогда какъ въ новѣйшее время, въ бо̀льшей части случаевъ, математики,

оканчивающіе свое образованіе, не читали ни одного оригинальнаго сочиненія, кромѣ относящихся къ послѣднимъ открытіямъ, ознакомиться съ которыми другимъ путемъ невозможно.

Изъ этого слѣдуетъ, что умъ человѣческій всегда стремился къ замѣщенію историческаго способа изложенія способомъ догматическимъ, который только и можетъ соотвѣтствовать высшимъ ступенямъ умственнаго развитія.

Общая задача умственнаго образованія заключается въ томъ, чтобы отдѣльно взятый умъ, въ бо̀льшей части случаевъ посредственный, довести въ небольшое число лѣтъ до той самой степени развитія, до которой достигли въ теченіе долгаго ряда вѣковъ многіе великіе геніи, посредствомъ послѣдовательныхъ приложеній всѣхъ своихъ силъ къ изученію одного и того же предмета. Поэтому цѣль образованія стала бы недостижимой, если бы отдѣльно взятый умъ вынужденъ былъ проходить чрезъ всѣ тѣ посредствующія ступени, чрезъ которыя проходилъ коллективный геній человѣческаго рода. Необходимость догматическаго способа изложенія вытекаетъ изъ этого съ полною ясностью и имѣетъ особенно важное значеніе по отношенію къ наукамъ высшимъ.

Тѣмъ не менѣе, однако-же, предупреждая крайности, необходимо замѣтить, что къ дѣлу долженъ быть примѣненъ не исключительно только догматическій способъ, но извѣстное соединеніе этого способа со способомъ историческимъ, причемъ этотъ послѣдній долженъ быть подчиненъ догматической точкѣ зрѣнія. Полезность такого соединенія вытекаетъ изъ необходимости имѣть дѣло со вновь образовавшимися частями наукъ, при изложеніи которыхъ историческій способъ свободенъ, впрочемъ, отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ его непримѣнимымъ къ наукамъ вообще, какъ объяснено выше.

Единственный вѣскій недостатокъ догматическаго способа заключается въ томъ, что онъ оставляетъ неизвѣстнымъ способы, которыми выработаны извѣстныя человѣческія знанія, что̀ имѣетъ высокій интересъ для всякаго философскаго ума, но что̀, впрочемъ, не находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ самыхъ знаній. Этотъ недостатокъ можно бы счесть очень важнымъ, если бы въ самомъ дѣлѣ онъ давалъ поддержку историческому способу; но не трудно убѣдиться, что отношеніе между изученіемъ науки историческимъ способомъ и знаніемъ дѣйствительной исторіи этой науки часто призрачно. Въ самомъ дѣлѣ, не

только различныя части науки, которыя приходится вести отдѣльно при догматическомъ способѣ изложенія, развивались въ дѣйствительности одновременно и при взаимномъ вліяніи одной на другую, но развитіе ихъ шло въ извѣстной связи съ развитіемъ искусствъ и въ тѣсной связи съ развитіемъ человѣческаго общества. Такимъ образомъ, историческое изученіе всякой науки не можетъ быть отдѣлено отъ исторіи человѣчества, и источники ея, отдѣльно взятые, могутъ быть разсматриваемы только какъ матеріалы, воспользоваться которыми возможно лишь тогда, когда они будутъ введены въ общую исторію человѣческаго общества. Отдѣльная же исторія той или другой науки, разрывая связь этой науки, какъ съ исторіей человѣческаго общества, такъ и съ исторіей другихъ наукъ, не только не выясняетъ этой исторіи, но и даетъ о ней совершенно ложное понятіе. Историческій способъ изложенія, такимъ образомъ, является лишеннымъ всякой раціональной опоры [1]).

Знаніе исторіи наукъ въ высочайшей степени важно. Можно утверждать даже, что безъ этого знанія нѣтъ полнаго знанія самой науки; но изученіе исторіи наукъ должно быть совершенно отдѣльно отъ догматическаго изученія науки, безъ котораго самая исторія науки остается непонятною. Такимъ образомъ, данныя исторіи наукъ могутъ явиться вспомогательнымъ элементомъ при изложеніи наукъ, входящихъ въ позитивную систему; но изложеніе этихъ наукъ необходимо должно имѣть характеръ вполнѣ догматическій.

Такимъ образомъ, Ог. Контъ приходитъ къ заключенію, прибавляющему еще одну новую и весьма важную черту къ характеристикѣ его системы,—черту, благодаря которой вопросъ о точномъ опредѣленіи условій, которыми обставлено осуществленіе классификаціи знаній, можетъ достаточно выясниться.

Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что, какъ бы классификація ни была совершенна, точное соотвѣтствіе ея съ историческою связью наукъ невозможно. Въ какомъ бы порядкѣ ни стали мы располагать науки, мы не избѣжимъ однако случаевъ, когда та или другая частность, входящая въ составъ извѣстной науки, явится ранѣе нѣкоторыхъ знаній, связанныхъ съ нею нераз-

---

[1]) Въ связи съ этимъ вопросомъ находится замѣчательная оцѣнка извѣстнаго сочиненія Либри (Libri, Histoire des sciences mathématiques en Italie), сдѣланная Контомъ въ 4-мъ томѣ его «Курса» (стр. 324—325).

рывно, но входящихъ въ область другой науки, поставленной въ ряду послѣ той науки, къ которой относится эта частность. Само собою разумѣется, однако-же, что, если подобные случаи будутъ касаться не частностей, а основныхъ положеній, то классификацію, допустившую ихъ, надо будетъ признать неудовлетворительною.

Такъ, напримѣръ, въ позитивной классификаціи, какъ замѣчаетъ Контъ, астрономія поставлена прежде физики, и однакожъ, нѣкоторыя отрасли послѣдней необходимы для полнаго изложенія первой.

Такіе второстепенные недостатки совершенно непредотвратимы, и не могутъ, конечно, служить доводомъ противъ классификаціи, которая достаточно выполняетъ главныя условія. Причина этихъ недостатковъ лежитъ въ естественно неизбѣжной искусственности всякаго раздѣленія нашего умственнаго труда. И если они встрѣчаются и въ позитивной классификаціи, то тѣмъ не менѣе классификація эта, хотя и не построена на основаніи историческаго развитія наукъ, представляетъ рядъ, въ которомъ всякая предыдущая наука древнѣе послѣдующей и всегда находится и на сравнительно высшей степени развитія.

Въ заключеніе разсужденій о трудностяхъ, связанныхъ съ вопросомъ о классификаціи наукъ, Ог. Контъ приводитъ еще одно соображеніе, которое нельзя оставить безъ вниманія.

Предстоитъ классифицировать основныя науки. Число ихъ никакъ не можетъ быть ниже шести. Извѣстно же, что шесть предметовъ можетъ дать 720 различныхъ сочетаній, и, слѣдовательно, шесть наукъ 720 различныхъ классификацій, изъ которыхъ и предстоитъ выбрать одну, наиболѣе удовлетворяющую требованіямъ вопроса. Изъ этого видно, что, несмотря на значительное число классификацій, предложенныхъ до настоящаго времени, число это обнимаетъ самую ничтожную часть всей совокупности возможныхъ сочетаній; тѣмъ не менѣе, въ виду рѣзкой противоположности между предложенными классификаціями, можно утверждать безъ преувеличенія, какъ заключаетъ Огюстъ Контъ, что не только каждая изъ предложенныхъ, но и каждая изъ 720 возможныхъ классификацій имѣетъ за себя благопріятные доводы, изъ чего можно вывести вѣрное заключеніе о трудностяхъ выбора одной раціональной классификаціи изъ массы всѣхъ возможныхъ классификацій.

Подходя, наконецъ, прямо къ вопросу, разрѣшеніе котораго было подготовлено предшествующими разсужденіями, Ог. Контъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что естественная и позитивная классификація основныхъ наукъ должна быть обоснована на сравненіи различныхъ родовъ явленій, открытіе законовъ которыхъ имѣется въ виду. Опредѣленіе дѣйствительной зависимости различныхъ областей знанія, является теперь его задачей. Но опредѣленіе это можетъ, по мнѣнію Ог. Конта, получиться только какъ результатъ опредѣленія зависимости соотвѣтственныхъ явленій.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія всѣ подлежащія наблюденію явленія, мы замѣчаемъ, что ихъ можно подвести подъ небольшое число естественныхъ категорій, расположенныхъ такимъ образомъ, что раціональное изученіе каждой категоріи будетъ имѣть опору въ категоріи ей предшествующей и послужитъ основаніемъ для изученія той, которая за нею слѣдуетъ. Такой порядокъ опредѣляется степенью возрастанія сложности или, что то же, степенью убыванія общности явленій, обусловливающихъ ихъ послѣдовательную связь и, слѣдовательно, степенью трудности ихъ изученія.

Въ самомъ дѣлѣ, ясно a priori, замѣчаетъ Ог. Контъ, что самыя простыя явленія суть въ то же время и самыя общія. Начинать изученіе и слѣдуетъ поэтому съ явленій самыхъ простыхъ и самыхъ общихъ, и затѣмъ послѣдовательно переходить къ болѣе сложнымъ и болѣе частнымъ. Только такой порядокъ можетъ дать естественной философіи идею истинно методическую, потому что порядокъ этотъ, слѣдуя степени общности и сложности явленій, опредѣляетъ раціональную связь основныхъ наукъ послѣдовательною связью изучаемыхъ ими явленій и устанавливаетъ такимъ образомъ степень ихъ трудности.

Выяснивъ руководящую идею классификаціи наукъ, можно теперь приступить и къ обзору самой классификаціи.

Поступая сообразно объясненному выше основоначалу, мы можемъ установить раздѣленіе всей совокупности естественныхъ явленій на два главныхъ отдѣла: первый, обнимающій всѣ явленія тѣлъ неорганическихъ, и второй, обнимающій всѣ явленія тѣлъ органическихъ. Очевидно, что эти послѣднія болѣе сложны и менѣе общи, чѣмъ первыя, и потому, какое бы ни давалось объясненіе отличію между ними, несомнѣннымъ остается то, что на основаніи только что установленнаго осново-

начала, явленія тѣлъ органическихъ должны быть изучаемы послѣ явленій тѣлъ неорганическихъ, т.-е. *физика органическая* должна слѣдовать за *физикой неорганической*, или *біологія* за *абіологіей*.

Перейдемъ теперь къ главнымъ подраздѣленіямъ, которыя, согласно тому же основоначалу, слѣдуетъ установить въ каждой изъ этихъ частей естественной философіи.

Сообразуясь съ порядкомъ, выражающимся въ общности и сложности явленій, неорганическая физика должна быть раздѣлена на два второстепенные отдѣла, сообразно тому, занимается ли она общими явленіями вселенной или частными явленіями тѣлъ земныхъ. Эти два отдѣла: небесная физика, или астрономія (геометрическая или механическая), и физика земная.

Изъ этихъ двухъ отдѣловъ физики, астрономія, очевидно, должна быть поставлена прежде земной физики, потому что астрономическія явленія суть самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя, и законы, ими управляющіе, имѣютъ вліяніе на законы всѣхъ другихъ явленій, не будучи сами нисколько отъ нихъ зависимы. Во всѣхъ явленіяхъ земной физики наблюдаются сперва общія дѣйствія всеобщаго тяготѣнія, затѣмъ другія дѣйствія, которыя явленіямъ этимъ присущи и которыя видоизмѣняютъ дѣйствія общія. Такимъ образомъ, когда мы анализируемъ простѣйшее земное явленіе, химическое или даже чисто механическое, то оно представляется намъ болѣе сложнымъ, чѣмъ наисложнѣйшія небесныя явленія. Напримѣръ, если принять въ соображеніе всѣ постороннія вліянія, то простое паденіе какого бы то ни было тѣла несравненно труднѣе изслѣдовать, чѣмъ самый сложный астрономическій вопросъ. Это соображеніе ясно показываетъ, до какой степени необходимо отчетливо отдѣлить небесную физику отъ земной, и переходить къ изученію второй лишь послѣ изученія первой, которая составляетъ ея раціональное основаніе.

Земная физика, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ совершенно различныя части (смотря по тому, разсматриваетъ ли она тѣла съ механической точки зрѣнія или съ химической)— на физику въ собственномъ смыслѣ и химію. Чтобы чисто методическимъ путемъ ознакомиться со второю, очевидно, нужно предварительно изучить первую, ибо всѣ химическія явленія необходимо сложнѣе физическихъ. Они отъ нихъ зависятъ,

но на нихъ не вліяютъ. Каждому извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что на всякое химическое дѣйствіе вліяетъ тяжесть, теплота, электричество и проч., и что, въ то же время, они обнаруживаютъ нѣчто имъ однимъ присущее, что измѣняетъ вліяніе предыдущихъ дѣятелей. Эти соображенія ясно показываютъ, что химія можетъ слѣдовать только за физикой, и опредѣляютъ въ то же время эту послѣднюю какъ отдѣльную науку. Установляемая такимъ образомъ послѣдовательность въ изученіи физическихъ и химическихъ явленій остается при всякомъ объясненіи этихъ послѣднихъ и можетъ имѣть значеніе даже только какъ способъ, облегчающій изученіе послѣднихъ, если бы различіе ихъ отъ явленій физическихъ было отвергнуто дальнѣйшимъ развитіемъ науки.

Таково, по мысли Конта, раціональное дѣленіе главныхъ отраслей общей науки о неорганическихъ тѣлахъ. Подобное же дѣленіе представляетъ и общая наука о тѣлахъ органическихъ.

Всѣ органическія тѣла представляютъ двѣ категоріи существенно различныхъ явленій, относящихся къ особи, и явленій, относящихся къ виду, особенно когда онъ живетъ обществами. Различіе это наиболѣе существенно по отношенію къ человѣку. Послѣдняя категорія явленій очевидно сложнѣе и спеціальнѣе первой: она находится отъ нея въ зависимости, но не вліяетъ на нее. Отсюда два большихъ отдѣла въ органической физикѣ, именно: физіологія, въ тѣсномъ смыслѣ, и соціальная физика, которая въ основаніи имѣетъ физіологію.

Во всѣхъ соціальныхъ явленіяхъ мы замѣчаемъ, во-первыхъ, вліяніе физіологическихъ законовъ индивида и, во-вторыхъ, нѣчто особенное, что видоизмѣняетъ ихъ слѣдствія и что касается взаимодѣйствія индивидовъ. Это вліяніе особенно усложняется въ человѣческихъ видахъ вліяніемъ каждаго поколѣнія на послѣдующее. Поэтому очевидно, что для надлежащаго изученія соціальныхъ явленій начинать нужно съ обстоятельнаго изученія законовъ, относящихся къ индивидуальной жизни. Съ другой стороны, изъ этой необходимой зависимости между двумя предметами изученія, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ (какъ то полагали нѣкоторые изъ первоклассныхъ физіологовъ), что соціальная физика есть лишь добавочная часть физіологіи. Хотя явленія и однородны безъ всякаго сомнѣнія, но они далеко не тождественны, и различеніе этихъ двухъ наукъ въ

высшей степени необходимо, потому что было бы невозможно смотрѣть на изученіе вида съ коллективной точки зрѣнія, какъ на прямой выводъ изъ изученія индивида, такъ какъ соціальныя условія, измѣняющія вліянія физіологическихъ законовъ, являются въ этомъ случаѣ самымъ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Слѣдовательно, въ основаніе соціальной физики слѣдуетъ положить прямыя наблюденія, не упуская въ то же время изъ виду ея тѣсной и необходимой связи съ физіологіей въ тѣсномъ смыслѣ.

Можно бы установить совершенную симметрію между дѣленіемъ органической физики и изложеннымъ выше дѣленіемъ физики неорганической, введя обыкновенное подраздѣленіе физіологіи въ собственномъ смыслѣ на физіологію растеній и физіологію животныхъ; такое подраздѣленіе притомъ же удовлетворяло бы и нашему основному принципу. Но погоня за этою симметріею заключала бы въ себѣ нѣчто ребяческое, если бы она упустила изъ виду или преувеличила дѣйствительныя аналогіи и различія между явленіями. Не подлежитъ, однако-же, сомнѣнію, что различіе между физіологіею растеній и физіологіею животныхъ, имѣющее важное значеніе въ *конкретной* физикѣ, не имѣетъ почти никакого въ физикѣ абстрактной, которая только и имѣется здѣсь въ виду. Знаніе общихъ законовъ жизни, долженствующее быть истинною цѣлью физіологіи, требуетъ одновременнаго обозрѣнія всего органическаго ряда безъ различія живстныхъ отъ растеній,—различія, день ото дня ослабляющагося, впрочемъ, подъ вліяніемъ изученія явленій съ бо́льшею обстоятельностью. На основаніи этихъ соображеній, въ органическую физику не входитъ то подраздѣленіе, которое сочтено необходимымъ въ физикѣ органической.

Это разсужденіе приводитъ къ тому результату, что «Курсъ позитивной философіи» расчленяется на *пять основныхъ наукъ*, послѣдовательность которыхъ опредѣляется необходимою и неизмѣнною подчиненностью, имѣющею своимъ основаніемъ, независимо отъ всякаго гипотетическаго мнѣнія, простое, но глубокое сравненіе соотвѣтственныхъ явленій. Эти науки суть: *астрономія*, *физика*, *химія*, *біологія* и, наконецъ, *соціальная физика*. Первая разсматриваетъ самыя общія, самыя простыя, самыя абстрактныя явленія, и имѣетъ притомъ же наиболѣе отдаленную связь съ человѣчествомъ: эти явленія вліяютъ на всѣ прочія, но сами ихъ вліянію не подлежатъ. Наоборотъ,

тѣ явленія, которыя относятся къ послѣдней, суть самыя спеціальныя, самыя сложныя, самыя конкретныя и наиболѣе тѣсно связанныя съ интересами человѣка; они болѣе или менѣе зависятъ отъ всѣхъ предыдущихъ, не оказывая на нихъ никакого вліянія. Между этими двумя крайностями, степень спеціальности, усложненности и индивидуальности явленій, а также и степень ихъ послѣдовательной зависимости все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Таково, утверждаетъ Ог. Контъ, общее внутреннее отношеніе между науками, открываемое правильно приложеннымъ философскимъ наблюденіемъ и чуждое пустыхъ различеній произвольнаго характера. Таковъ внутренній распорядокъ тѣхъ частей позитивной системы, которыя относятся къ явленіямъ, нами уже разсмотрѣннымъ. Очевидно, однакоже, что въ распорядкѣ этомъ остается еще обширный и крайне важный пробѣлъ, который и необходимо пополнить для полученія законченной совокупности основныхъ наукъ.

Намъ остается еще опредѣлить мѣсто математики въ ряду этихъ наукъ.

Великое значеніе этой науки мотивируетъ выдѣленіе разсужденія о ней изъ общаго разсмотрѣнія всѣхъ остальныхъ наукъ.

При современномъ состояніи развитія нашихъ положительныхъ знаній, на математику слѣдуетъ смотрѣть не столько какъ на составную часть позитивной системы, сколько какъ на общую ея основу, хотя на самомъ дѣлѣ она и то, и другое. Въ настоящее время математика, при всей важности знаній, въ ней заключающихся, особенно важна какъ самое могущественное орудіе, какое только находится во власти человѣческаго ума при изысканіи законовъ естественныхъ явленій. На основаніи такого взгляда на математику, необходимо раздѣлить ее на два большіе отдѣла, характеры которыхъ совершенно различны между собою: отдѣлъ математики конкретной и отдѣлъ математики абстрактной. Первый имѣетъ предметомъ опредѣленіе отношеній между величинами, второй—опредѣленіе неизвѣстныхъ на основаніи этихъ отношеній, которыя въ этомъ случаѣ являются какъ данныя вопроса.

Конкретная и абстрактная части научныхъ вопросовъ, различныя по содержанію и цѣлямъ, различаются и по тѣмъ способамъ изысканія, которые имѣютъ мѣсто въ каждой изъ нихъ.

Всего прежде надо обратить вниманіе на то, что конкретная часть находится въ совершенной зависимости отъ измѣнчивости изучаемыхъ фактовъ, тогда какъ абстрактная постоянно вращается въ области умозаключеній, неизмѣнно приложимыхъ ко всякаго рода фактамъ. Конкретная часть, поэтому, имѣетъ характеръ опытный, физическій, феноменальный; абстрактная—логическій, раціональный. Открывается ли законъ чрезъ непосредственное наблюденіе или, какъ это случается чаще, онъ только подтверждается этимъ наблюденіемъ,—во всякомъ случаѣ онъ считается достовѣрнымъ только тогда, когда согласуется съ результатами прямого опыта. Такимъ образомъ, конкретная часть всякой науки неизбѣжно основана на опытномъ изученіи внѣшняго міра и—каково бы тамъ ни было участіе сужденія въ этомъ изученіи—никогда не можетъ перейти въ простую связь сужденій. Абстрактная же часть, напротивъ того, состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе простыхъ дедукцій, ибо если отношеніе между опредѣленнымъ и искомымъ фактомъ установлено, то опредѣленіе искомаго должно зависѣть отъ сужденія, которое въ этой работѣ неизбѣжно устраняетъ все то, что должно было подготовиться предварительно, и, служа точкою отправленія, не примѣшивается болѣе къ этой задачѣ.

Изъ этого видно, что абстрактная часть математики можетъ быть разсматриваема какъ обширное распространеніе естественной логики на извѣстную категорію дедукцій, тогда какъ конкретную часть представляетъ намъ настоящая естественная наука, основанная, какъ и всякая другая такая наука, на наблюденіи, хотя, по чрезвычайной простотѣ изучаемыхъ ею явленій, она поддается безконечно совершеннѣйшей степени систематизаціи, заслоняющей собою тогда опытный характеръ основныхъ принциповъ. Но обѣ эти физическія науки заключаютъ въ себѣ ту особенность, что, при настоящемъ состояніи человѣческаго ума, онѣ обѣ служатъ болѣе какъ методы, чѣмъ какъ доктрины,—особенность, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ обозначаться.

Опредѣленіе мѣста математики въ ряду основныхъ наукъ, входящихъ въ позитивную систему, заканчиваетъ эту систему, подводя подъ нее то общее основаніе, содержаніе котораго состоитъ въ изученіи самыхъ общихъ и наименѣе сложныхъ явленій, какъ въ томъ смыслѣ, который имѣетъ конкретная часть математики, такъ и въ томъ, который имѣетъ часть абстрактная.

Слѣдующая таблица показываетъ наглядно установленное Контомъ подраздѣленіе шести основныхъ наукъ:

Математика	Счисленіе. Геометрія. Раціональная механика.
Астрономія	Геометрическая астрономія. Механическая астрономія.
Физика	Барологія. Термологія. Акустика. Оптика. Электрологія.
Химія	Неорганическая химія. Органическая химія.
Біологія	Анатомія. Физіологія.
Соціологія	Соціальная статика. Соціальная динамика.

Вслѣдъ за изложеніемъ классификаціи наукъ, Ог. Контъ дѣлаетъ указанія на главнѣйшія свойства, ей присущія и долженствующія подтвердить вѣрность основной ея идеи, выяснить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ ее оцѣнивать, и дать понятіе о значеніи ея по отношенію къ развитію умственной дѣятельности.

Всего прежде представляетъ онъ замѣчаніе, долженствующее служить подтвержденіемъ вѣрности классификаціи, а именно, онъ указываетъ на ея соотвѣтствіе съ нѣкоторымъ образомъ самобытнымъ распредѣленіемъ знаній, принятымъ учеными въ различныхъ отрасляхъ изученія природы. Указываемая здѣсь самобытность принятія соподчиненности знаній, по мнѣнію Конта, совсѣмъ не такъ маловажна, какъ полагали многіе составители энциклопедическихъ классификацій, ибо самобытность эта обнаруживаетъ давно ощущаемую человѣческимъ умомъ потребность такой соподчиненности. Позитивная точка зрѣнія, признавая законосообразность этой соподчиненности, преобразовала ее изъ эмпирической въ раціональную и, такимъ образомъ, придала ей истинное значеніе и поставила преграды противъ тѣхъ нарушеній, которыя такъ часто имѣли мѣсто.

Второе весьма существенное свойство классификаціи, ука-

зываемое Ог. Контомъ, заключается въ томъ, что классификація эта соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу развитія естественной философіи. Доказательствомъ этому служатъ всѣ наши свѣдѣнія по исторіи наукъ, преимущественно въ періодъ двухъ послѣднихъ столѣтій, ибо за это время мы можемъ тщательнѣе прослѣдить ходъ ихъ развитія.

Безъ всякаго сомнѣнія, очевидно, что такъ какъ раціональное изученіе каждой изъ основныхъ наукъ требуетъ предварительнаго изученія всѣхъ предшествующихъ ей въ энциклопедической іерархіи, то данная наука могла бы сдѣлать какіе-нибудь важные успѣхи и усвоить надлежащій характеръ не ранѣе значительнаго развитія предшествующихъ наукъ, относящихся къ явленіямъ болѣе общимъ, болѣе абстрактнымъ и менѣе сложнымъ и независимымъ отъ другихъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ должно бы происходить развитіе наукъ, несмотря на его одновременность.

Обстоятельство это, по мнѣнію Конта, такъ важно, что если не принять его во вниманіе, то исторія человѣческаго ума останется для насъ не вполнѣ понятною. Общій законъ человѣческаго развитія будетъ темнъ, если при его примѣненіяхъ мы не согласимся съ помянутой энциклопедической формулой; ибо изъ этой формулы явствуетъ, что различныя теоріи, которыхъ придерживалось человѣчество, переживали послѣдовательно извѣстные фазисы развитія. Если мы, при обсужденіи вліянія закона этого неизбѣжнаго прогресса, не возьмемъ эту формулу въ соображеніе, то часто будемъ встрѣчать, повидимому, непреодолимыя затрудненія, ибо ясно, что фазисы развитія, предшествовавшіе позитивному, должны были совпадать по отношенію къ какимъ-либо основнымъ теоріямъ одинъ съ другимъ, и, въ дѣйствительности, иногда совпадали съ позитивнымъ фазисомъ тѣхъ теорій, которыя въ энциклопедической системѣ Конта должны имъ предшествовать,—обстоятельство, представляющее такое затрудненіе къ приложенію общаго закона, которое, какъ полагаетъ Контъ, можетъ устранить одна лишь созданная имъ классификація.

Въ-третьихъ, классификацію свою Контъ считаетъ весьма замѣчательною въ томъ отношеніи, что она безошибочно показываетъ относительный уровень совершенства различныхъ наукъ,—совершенства, главнымъ образомъ, заключающагося въ степени точности нашего знанія явленій, и въ болѣе или менѣе тѣсномъ ихъ соподчиненіи.

Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ явленія общнѣе, проще и абстрактнѣе, чѣмъ менѣе зависятъ они отъ другихъ, тѣмъ точнѣе наши знанія ихъ и тѣмъ соподчиненіе ихъ можетъ быть полнѣе. Такимъ образомъ, органическія явленія не могутъ быть изучаемы съ такою точностью и систематичностью, какъ явленія неорганическія, а также въ неорганической физикѣ небесныя явленія, какъ болѣе общія и болѣе независимыя отъ всѣхъ другихъ, могутъ быть изучаемы съ большею точностью и большею связностью, чѣмъ явленія земныя.

Для предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникнуть отъ невѣрнаго толкованія только-что изложеннаго свойства позитивной классификаціи, Ог. Контъ обращаетъ вниманіе на весьма распространенное, хотя и очень грубое, смѣшеніе точности науки съ ея достовѣрностью, а также и произвольное установленіе зависимости между двумя этими свойствами. Точность и достовѣрность, говоритъ Контъ, не имѣютъ между собою ничего общаго; нелѣпое положеніе можетъ быть чрезвычайно точно, и наоборотъ, достовѣрнѣйшее положеніе можетъ страдать отсутствіемъ точности. Таковы положенія: 1) сумма угловъ въ треугольникѣ равна *тремъ* прямымъ, и 2) всякій человѣкъ смертенъ.

Каждая изъ наукъ можетъ представлять результаты столь же достовѣрные, какъ и результаты другихъ наукъ, но степень точности этихъ результатовъ должна быть соображена со свойствами изучаемыхъ явленій,—условіе, исполненіе котораго не всегда легко достижимо. Во всѣхъ наукахъ могутъ быть положенія только вѣроятныя, но не въ нихъ заключается существенная часть содержанія науки; все же то, что имѣетъ характеръ положительный, вполнѣ достовѣрно, и въ этомъ отношеніи между науками не существуетъ различія.

Наконецъ, самая интересная особенность энциклопедической формулы, по отношенію къ важности и многочисленности ея примѣненій, заключается, по мнѣнію Конта, въ томъ, что она прямо опредѣляетъ общій планъ научнаго и вполнѣ раціональнаго образованія. Это—прямое слѣдствіе самыхъ элементовъ формулы.

Прежде чѣмъ предпринять методическое изученіе какой-нибудь основной науки, говоритъ Контъ, необходимо однако ознакомиться съ науками, изучающими тѣ явленія, которыя предшествуютъ въ порядкѣ энциклопедической іерархіи, ибо

послѣднія всегда сильно вліяютъ на тѣ законы, которые предполагается изучать.

Если мнѣніе это справедливо относительно общаго образованія ученыхъ, то оно справедливо и относительно спеціальнаго ихъ образованія. Физики, предварительно не изучившіе астрономіи, по крайней мѣрѣ, съ общей точки зрѣнія; химики, которые, прежде чѣмъ заняться своею наукою, предварительно не изучили астрономіи и затѣмъ физики; физіологи, не подготовившіе себя для спеціальныхъ трудовъ предварительнымъ изученіемъ астрономіи, физики и химіи;—всѣ они одинаково не имѣютъ одного изъ основныхъ условій умственнаго развитія. Этотъ недостатокъ еще замѣтнѣе въ томъ случаѣ, когда кто-либо хочетъ посвятить себя позитивному изученію явленій общественной жизни и между тѣмъ предварительно не запасся общими свѣдѣніями по астрономіи, физикѣ, химіи и физіологіи.

Такъ какъ въ настоящее время такія условія бываютъ выполнены очень рѣдко, говоритъ Контъ, то можно утверждать, что для ученыхъ не существуетъ еще образованія вполнѣ раціональнаго. Это обстоятельство имѣетъ въ глазахъ Конта такую важность, что его вліянію онъ приписываетъ низкую степень развитія труднѣйшихъ наукъ и неудовлетворительное состояніе общественнаго образованія, которое, какъ онъ полагаетъ, не достигнетъ самыхъ существенныхъ своихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока въ основаніе его не будетъ положена позитивная классификація наукъ.

Важность этой классификаціи въ послѣднемъ отношеніи онъ подтверждаетъ разсмотрѣніемъ ея не только въ связи съ ученіемъ позитивной философіи, но и въ связи съ ея методомъ. Осуществленіе общаго плана образованія съ этой точки зрѣнія должно, по идеѣ Конта, дать такое совершенное знаніе положительнаго метода, какое не можетъ получиться никакимъ инымъ путемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ естественныя явленія распредѣлены такимъ образомъ, что явленія, изучаемыя однимъ отдѣломъ системы, всегда однородны между собою и разнородны съ явленіями другихъ отдѣловъ, то изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что общій позитивный методъ, въ предѣлахъ одной и той же науки, будетъ испытывать однообразныя измѣненія, которыя сдѣлаются разнообразными лишь при переходѣ отъ одной науки къ другой. Такимъ образомъ, является увѣренность въ воз-

можности наблюдать научный методъ во всѣхъ реальныхъ видо измѣненіяхъ, на какія онъ только способенъ, что невозможно при такой энциклопедической формулѣ, которая не удовлетворяетъ условіямъ, поставленнымъ классификаціею позитивной системы.

Такимъ образомъ, вполнѣ выясняется, по мнѣнію Конта, необходимость изученія всѣхъ наукъ энциклопедическаго ряда для полнаго и всесторонняго изученія позитивнаго метода и безспорная недостаточность одной, хотя бы и совершеннѣйшей науки для этой цѣли. Всякая наука имѣетъ свои особенности и свои выгодныя стороны, которыхъ нельзя найти въ другихъ наукахъ. По этой причинѣ неполнота знакомства съ науками можетъ имѣть послѣдствіемъ узкость взглядовъ и несостоятельность, которые позитивная философія научаетъ устранять и предотвращать.

Но мало того, что позитивный методъ слѣдуетъ изучать, не пропустивъ ни одной изъ наукъ, входящихъ въ энциклопедическій рядъ; необходимо еще, какъ увѣряетъ Огюстъ Контъ, слѣдовать при этомъ тому именно порядку, который онъ имѣетъ въ этомъ рядѣ. Какой раціональный характеръ могутъ имѣть результаты умственной дѣятельности, если человѣкъ начинаетъ съ изученія наисложнѣйшихъ явленій, не изучивъ явленій наипростѣйшихъ, не уяснивъ себѣ, что̀ такое законъ, что̀ такое наблюденіе, что̀ такое позитивное пониманіе, что̀ такое, наконецъ, логическое разсужденіе? Однако, такой системѣ обыкновенно еще слѣдуютъ наши молодые физіологи по бо̀льшей части прямо начинающіе съ изученія органическихъ тѣлъ, предварительно изучивъ какихъ-нибудь два или три мертвыхъ языка и имѣя лишь весьма поверхностныя свѣдѣнія по физикѣ и химіи,— свѣдѣнія, которыя почти равняются нулю, ибо по отношенію къ методу они добываются не раціонально и пріобрѣтаются не тѣмъ путемъ, который имѣетъ одну общую съ естественной (т.-е. позитивной) философіей точку зрѣнія. Что же касается явленій общественной жизни, которыя еще сложнѣе, то современное общество сдѣлало бы значительный шагъ къ своему нормальному уровню, если бы оно сознало логическую необходимость сначала постепенно развить умъ глубокимъ и философскимъ изслѣдованіемъ всѣхъ явленій, предшествующихъ явленіямъ общественной жизни, и затѣмъ уже перешло къ изученію этихъ явленій. Огюстъ Контъ полагаетъ даже, что въ

этомъ заключается главное затрудненіе, ибо не много найдется добропорядочныхъ умовъ, которые бы въ настоящую пору не были убѣждены, что необходимо изучать явленія общественной жизни при помощи позитивнаго метода. По винѣ тѣхъ, которые ихъ изучаютъ, не зная и не будучи въ состояніи понять, въ чемъ состоитъ позитивный методъ, правило это до сихъ поръ почти нисколько не послужило къ обновленію общественныхъ теорій, и теоріи эти понынѣ не дожили еще до позитивнаго періода, несмотря на усиліе мнимыхъ позитивныхъ реформаторовъ.

Изложенная классификація представляетъ, какъ уже было объяснено, не іерархію наукъ въ тѣсномъ смыслѣ, но іерархію философіи наукъ, и потому намъ предстоитъ разсмотрѣть еще вопросъ о переходѣ отъ науки къ философіи.

Первобытное состояніе знаній, говоритъ Ог. Контъ, не вызываетъ правильнаго раздѣленія умственнаго труда; всѣ науки разработываются одновременно одними и тѣми же умами. Этотъ видъ организаціи научныхъ занятій, первоначально неизбѣжный и даже необходимый, измѣняется мало-по-малу по мѣрѣ того, какъ отдѣлы знаній расширяются. Въ силу закона, необходимость котораго очевидна, каждая вѣтвь научной системы незамѣтно отдѣляется отъ ствола съ того времени, какъ возрастаніе ея стало таково, что требуетъ отдѣльной обработки, т.-е. когда она достигла той степени развитія, которая въ состояніи уже привлекать постоянную дѣятельность отдѣльныхъ умовъ. Этому раздѣленію разнаго рода изысканій между различнаго рода учеными обязаны мы, конечно, тѣмъ замѣчательнымъ развитіемъ, до котораго достигли въ наши дни отдѣльныя части человѣческихъ знаній. Но, признавая поразительные результаты этого раздѣленія, видя въ нихъ дѣйствительное основаніе общей организаціи въ мірѣ ученыхъ, нельзя не удивляться въ то же время тѣмъ неудобствамъ, которыя отъ него происходятъ при его современномъ состояніи, вслѣдствіе чрезмѣрной частности идей, которыми исключительно занятъ каждый отдѣльный умъ. Это печальное послѣдствіе до извѣстной степени дѣйствительно неизбѣжно: оно присуще самому принципу раздѣленія; но, тѣмъ не менѣе, есть возможность изыскать такія средства, которыя дали бы возможность избавиться отъ самыхъ вредныхъ послѣдствій чрезмѣрной спеціализаціи безъ вреда для животворнаго вліянія раздѣльности изысканій. Вопросомъ

этимъ очень пора заняться. Согласно общему мнѣнію, раздѣленіе областей умственнаго труда искуственно, а между тѣмъ уже и теперь не многіе посвящаютъ свой трудъ всей совокупности вопросовъ отдѣльной науки, этой части общаго цѣлаго, а, въ большинствѣ случаевъ, избираютъ отдѣлы ея, мало заботясь о связи своихъ частныхъ работъ съ общею системою положительныхъ знаній. Такимъ образомъ, съ одной стороны, возникаетъ для ума человѣческаго опасность потеряться въ подробностяхъ, съ другой, разрозненность частей можетъ представить въ системѣ позитивной философіи такую слабую сторону, которой метафизики и мистики только и могутъ еще касаться съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.

Въ виду этихъ опасностей для будущаго умственнаго развитія, предстоитъ, не отказываясь отъ раздѣленія научнаго труда, что было бы и невозможно, усовершенствовать это раздѣленіе. Предстоитъ, въ самомъ дѣлѣ, образовать изъ изученія общихъ научныхъ положеній еще одну спеціальность. Пусть новый классъ ученыхъ, подготовленныхъ надлежащимъ образомъ, не предаваясь разработкѣ частной отрасли знаній, принявъ въ основаніе принципы научнаго метода, займется исключительно тѣми общими вопросами, которые предстоитъ рѣшить по отношенію къ всей совокупности знаній въ ихъ современномъ состояніи, а именно: опредѣленіемъ степени совершенства каждой отдѣльной отрасли знанія, какъ науки, открытіемъ отношеній и связи между ними, резюмированіемъ, если возможно, ихъ частныхъ принциповъ въ меньшее число принциповъ, общихъ имъ всѣмъ. Въ то же время необходимо, чтобы другіе ученые, прежде чѣмъ возьмутся за избранныя ими спеціальности, посредствомъ усвоенія этихъ общихъ положеній подготовили себя къ возможности непосредственнаго пользованія результатами, добытыми учеными, посвятившими себя разработкѣ этихъ положеній, и затѣмъ вносили въ эти результаты надлежащія исправленія. Когда оба эти условія будутъ выполнены,—къ чему современное положеніе вещей все болѣе и болѣе близится—тогда раздѣленіе труда получитъ возможность безъ всякой опасности идти такъ далеко, какъ того потребуетъ развитіе разнаго рода знаній. Отдѣльный классъ ученыхъ, постоянно повѣряемый всѣми остальными и занятый введеніемъ всякаго отдѣльнаго открытія въ общую связь, довершитъ собою организацію ученаго міра и откроетъ ей путь къ

неограниченному развитію, характеръ котораго можетъ оставаться неизмѣннымъ.

Въ настоящее время, заключаетъ Ог. Контъ это разсужденіе, каждая изъ основныхъ наукъ приняла также такой видъ, что вопросъ о взаимной связи между науками, предупреждая указанныя выше послѣдствія, можетъ уже сдѣлаться предметомъ ученой работы. Работа эта есть задача позитивной философіи. («Cours», I. 25—29; VI. 548—553). Задача эта можетъ быть резюмирована словами Конта, заявляющаго въ другомъ мѣстѣ о необходимости «окончательно согласить положительность и общность» («Cours», VI. 576), т.-е. создать такой строй знаній, который соединялъ бы всю полноту научной достовѣрности со всею широтою философской общности. Этотъ научно-философскій строй и представляетъ единственно возможный выходъ какъ изъ безпочвенныхъ умозрѣній метафизики, такъ и мертваго буквоѣдства эрудитовъ, и составляетъ основную характеристическую черту позитивной системы.

Установивъ единство метода для всѣхъ шести отдѣльныхъ наукъ позитивной системы, Контъ приступаетъ въ заключительныхъ главахъ курса, къ опредѣленію общаго характера позитивнаго метода и указанію жизненной его приложимости. «Тѣ», говоритъ онъ, «которые приписываютъ вліянію позитивной системы одинъ только результатъ—разложеніе стараго умственнаго строя, и не хотятъ замѣтить тѣхъ общихъ основъ новаго, болѣе прямого и болѣе совершеннаго руководства для жизни, которое даетъ эта система, подрываютъ безсознательно своими софизмами тѣ самыя частныя ея пріобрѣтенія, которымъ они приписываютъ хотя совершенно законное, но слишкомъ исключительное значеніе».

Единство позитивной системы, какъ было только-что замѣчено, зиждется на единствѣ метода и единствѣ ученія, *вытекающаго* изъ этого метода. Ог. Контъ не находитъ однакоже единства этого достаточно полнымъ и въ концѣ курса ставитъ вопросъ о единствѣ общаго характера всего ученія. Это единство общаго характера онъ понимаетъ какъ результатъ преобладанія одного изъ основныхъ элементовъ системы надъ всѣми другими. Установленіе научной іерархіи, замѣчаетъ Контъ, показываетъ, что такое преобладаніе можетъ относиться только къ первому или къ послѣднему изъ шести элементовъ, входящихъ въ позитивную систему, т.-е. или къ элементу ма-

тематическому, или къ элементу соціологическому. Математическая философія представляетъ съ перваго взгляда неоспоримыя права на раціональное первенство въ силу несомнѣнно всеобщей приложимости геометрическихъ и механическихъ законовъ ко *всякаго рода* естественнымъ явленіямъ. Съ другой точки зрѣнія, соціологическая философія должна въ настоящее время прямо заявлять стремленіе къ умственному господству, въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ позитивный характеръ, отнынѣ, впрочемъ, вполнѣ за нею обезпеченный. Такое право соціологической философіи основывается на томъ, что какія бы то ни было умозрѣнія наши всегда могутъ быть разсматриваемы какъ результаты умственнаго развитія человѣчества. Противополагая такимъ образомъ математическую философію соціологической, Ог. Контъ не отдѣляетъ первую отъ философіи астрономіи, какъ неотличающейся отъ нея по характеру и представляющейся только однимъ изъ яркихъ ея выраженій, и вторую—отъ философіи біологической, служащей для соціологіи непосредственнымъ основаніемъ. Что же касается затѣмъ до посредствующихъ звеньевъ іерархіи, составляющихъ группу физико-химическую, то, по природѣ своей, эта группа, по мнѣнію Конта, слишкомъ удалена и отъ исходной точки системы, и отъ ея цѣли, а потому и въ противоположеніи одного изъ двухъ крайнихъ элементовъ она можетъ развѣ оказывать только опору тому или другому изъ нихъ, и, всегда подвергаясь ихъ вліянію, сама не въ состояніи оказывать никакого вліянія на всю систему.

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, Ог. Контъ разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что преобладаніе математической философіи должно было брать верхъ во время долгаго пріуготовительнаго періода умственнаго развитія, именно того періода, который подготовляетъ позитивный строй мысли; но что, со времени наступленія позитивнаго фазиса, преобладаніе всецѣло должно принадлежать соціологіи, единственной наукѣ, способной впредь поддерживать всеобщій и связный ходъ реальныхъ умозрѣній. «Это основное различіе», говоритъ Контъ, «установляя первыя и важнѣйшія изъ общихъ заключеній, выводимыхъ изъ позитивной системы, содержитъ въ себѣ объясненіе и развязку прискорбнаго и до сихъ поръ считавшагося неразрѣшимымъ антагонизма, въ теченіе трехъ столѣтій удерживавшагося между наукою и философіею, справедливыя взаимныя притя-

занія которыхъ, съ одной стороны—на позитивность, съ другой—на всеобщность, должны найти окончательное примиреніе для того, чтобы ненормальное состояніе мыслящаго человѣчества могло надлежащимъ образомъ обрѣсти покой въ постоянномъ удовлетвореніи этихъ двухъ одинаково неустранимыхъ потребностей. Пока наука, подъ вліяніемъ математики, теоретически преслѣдовала химерическую систематизацію, философія предъявляла безсильныя метафизическія возраженія противъ гибельнаго устраненія гуманистической точки зрѣнія. Но до тѣхъ поръ, пока не были открыты естественные законы, управляющіе развитіемъ человѣчества, что, по мнѣнію Ог. Конта, было совершено «Курсомъ позитивной философіи»,—до тѣхъ поръ духъ новаго времени, жаждущій позитивности, не могъ достодолжно отнестись къ протестамъ относительно постоянныхъ требованій всеобщности, потому что, несмотря на всю ихъ внутреннюю законность, они исходили изъ разлагавшагося умственнаго строя, изъ котораго всего прежде надо было выйти. Распространеніе истиннаго позитивнаго характера на всѣ элементы позитивной системы должно дозволить теперь соціологической философіи пріобрѣсти, наконецъ, то всеобщее преобладаніе, которое принадлежитъ ей по самой природѣ ея, и которое могло ускользать отъ нея только по причинѣ временныхъ требованій, вызванныхъ условіями развитія позитивнаго міровоззрѣнія.»

При сравненіи правъ математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ, Ог. Контъ замѣчаетъ прежде всего, что философскія права математики зиждутся главнымъ образомъ на ея методѣ, и что если методъ этотъ и послужилъ исходной точкой развитія истинно-научной логики, то все же научная логика могла развить свои основныя свойства только чрезъ приложеніе своихъ пріемовъ къ явленіямъ все болѣе и болѣе сложнымъ, такъ что, подвигаясь этимъ путемъ, она могла достичь, наконецъ, до самыхъ трудныхъ умозрѣній, которыя, по зависимости своей отъ умозрѣній предыдущихъ, неизбѣжно требуютъ постояннаго соединенія всѣхъ прежнихъ способовъ съ тѣми, которые свойственны собственно данному случаю. Изъ этого видно, что математики, хотя и могутъ близко знать начала, изъ которыхъ развился научный методъ, не въ состояніи однако-же охватить его съ достаточною полнотою. Съ такою полнотою охватить его могутъ одни только истинные соціологи, т.-е. соціологи позитивной школы. Такимъ образомъ объясняются мно-

гіе метафизическіе недостатки нѣкоторыхъ воззрѣній, обусловленныхъ вліяніемъ метафизической точки зрѣнія и выработавшихся тогда, когда эта точка зрѣнія имѣла преобладаніе. Чтобы объяснить себѣ эту особенность вліянія математики, обратимъ вниманіе на то, что никакое основное свойство не опредѣляетъ позитивнаго духа въ такой мѣрѣ, какъ устраненіе абсолютныхъ понятій метафизики и замѣна ихъ понятіями относительными. Но это именно свойство и обозначается всего менѣе въ математическихъ изслѣдованіяхъ; въ нихъ крайняя легкость дедукціи, часто доведенная до техническаго механизма, производитъ нерѣдко иллюзію по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, въ особенности же знанія естественныхъ явленій, и, вслѣдствіе того, становится причиною какъ ложныхъ стремленій къ такимъ изысканіямъ, которыя несомнѣнно недоступны разуму, такъ и упорства въ предпочтеніи аргументаціи наблюденію. Соціологическій методъ, очевидно, не можетъ вести къ такого рода заблужденіямъ. Кромѣ того, надо признать несомнѣнной истину, что убѣжденіе въ неизмѣнности естественныхъ законовъ очень мало развивается подъ вліяніемъ математики; это замѣчается въ особенности сильно по отношенію къ явленіямъ сложнымъ; поэтому и встрѣчаются даже у знаменитыхъ математиковъ положенія, отвергающія законосообразность этихъ явленій, что всего чаще имѣетъ мѣсто тогда, когда эти явленія относятся къ области дѣятельности человѣческой. Ни одна изъ наукъ, входящихъ въ позитивный рядъ, не представляетъ подобнаго недостатка; но соціологія есть, конечно, та единственная наука, которая можетъ развить принципъ неизмѣнности естественныхъ законовъ во всей его полнотѣ, примѣняя его къ явленіямъ самой высшей сложности и извлекая ихъ, такимъ образомъ, изъ темной области вліяній метафизическаго духа. Съ какой стороны ни стали бы мы разсматривать позитивный методъ, всегда, при помощи сравнительной оцѣнки, мы въ состояніи будемъ убѣдиться въ высокомъ логическомъ превосходствѣ соціологической точки зрѣнія надъ математической. Всѣ общіе способы, входящіе въ соціологическій методъ, входятъ порознь въ методы отдѣльныхъ наукъ іерархическаго ряда, но здѣсь они представляются какъ нѣчто болѣе цѣлое, чѣмъ соціологическій методъ и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ преимущество, котораго другіе методы не имѣютъ и имѣть не могутъ. Единственное преимущество, принадлежащее въ этомъ

случаѣ математикѣ, заключается въ чрезвычайной простотѣ ея предмета, который, представляя громадныя удобства для развитія строгихъ дедукцій, неизбѣжно представляетъ самобытные примѣры тѣхъ пріемовъ, которые только возможны для нашего разума. Но, въ силу этой самой крайней простоты, могущественнѣйшіе изъ логическихъ пріемовъ, выработанныхъ математическимъ методомъ, могутъ быть опредѣлены и достаточно оцѣнены только тогда, когда ихъ главное назначеніе будетъ указано высшими областями знанія. Это обратное философское вліяніе наукъ іерархическаго ряда на математическій методъ, давая понятіе о значеніи метода, не остается безъ благотворнаго вліянія и на самую математику.

Философское превосходство соціологическаго духа надъ математическимъ можетъ выясниться еще болѣе, говоритъ Контъ, когда мы разсмотримъ его не только въ отношеніи чисто логическомъ, но и въ отношеніи собственно научномъ. Хотя геометрическая и механическая точка зрѣнія неизбѣжно представляется какъ отвлеченно-всеобщая, но даже въ самыхъ простѣйшихъ случаяхъ она не освобождаетъ насъ отъ прямого изученія даннаго предмета. При этомъ изученіи математическія указанія становятся все менѣе и менѣе опредѣленны, по мѣрѣ возрастанія сложности изучаемыхъ явленій. Это обстоятельство привело къ тому, что если не принципіально, то, по крайней мѣрѣ, фактически математическій духъ ограничилъ свои притязанія одною областью явленій неорганическихъ и такимъ образомъ потерялъ возможность имѣть какое-либо всеобщее значеніе. При всемъ этомъ Ог. Контъ полагаетъ, что не только въ физикѣ, но даже и въ астрономіи господство математическаго духа было далеко не благотворно и даже не разъ становилось препятствіемъ къ осуществленію нѣкоторыхъ открытій. Такимъ образомъ, говоритъ Контъ, надо полагать, что значеніе математическаго метода для философіи пойдетъ все въ убывающей прогрессіи и что окончательно установится вѣрный взглядъ на попытки полагать его въ основаніе философскихъ міровоззрѣній, какъ на утопіи метафизическаго характера, и временное вліяніе математическаго метода окончательно завершится. Что же касается вліянія соціологіи, то оно еще такъ ново и до сихъ поръ могло еще такъ мало обозначиться, что въ настоящее время оно устанавливается не столько на основаніи научныхъ результатовъ самой соціологіи, сколько потому, что низшія науки

іерархическаго ряда, служащія только подготовкою по отношенію къ соціологіи, успѣли уже повліять на образованіе вѣрнаго понятія о необходимой природѣ здравыхъ философскихъ изысканій. Однако основаніе это, говоритъ Контъ, до такой степени устойчиво, что будетъ признано достаточнымъ всѣми компетентными судьями дѣла.

Итакъ, очевидно, что человѣческія умозрѣнія не могутъ подлежать другой точкѣ зрѣнія вполнѣ всеобщей, кромѣ точки зрѣнія гуманной, или, точнѣе, соціологической, одинаково приложимой какъ къ изученію міра, такъ и къ изученію человѣка. Законосообразность господства этой точки зрѣнія можетъ быть выведена и изъ разсмотрѣнія различныхъ по своему характеру понятій, наивысшія изъ которыхъ, позитивныя, представляются при этомъ какъ необходимый результатъ умственнаго развитія, совершающагося на основаніи опредѣленныхъ законовъ какъ у отдѣльной личности, такъ и въ цѣломъ родѣ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣческій умъ можетъ развиваться только при посредствѣ общественности, и такъ какъ позитивное изученіе соціологіи опредѣляетъ условія этого вліянія общественности, то ясно, что одна только соціологическая точка зрѣнія можетъ придать всему строю позитивнаго ученія то единство, котораго тщетно было бы ожидать отъ господства точки зрѣнія математической.

Проведя эту основную идею чрезъ всѣ шесть частей своего «Курса», Ог. Контъ приходитъ къ заключенію, что философскій принципъ, способный установить единство во всѣхъ позитивныхъ умозрѣніяхъ, можетъ формулироваться теперь безъ всякихъ колебаній: временное господство математической точки зрѣнія, имѣвшее значеніе въ періодъ подготовительный, должно окончательно устраниться, и точка зрѣнія человѣчества должна занять принадлежащее ей по праву мѣсто въ общемъ строѣ человѣческихъ умозрѣній, въ которомъ научныя условія находятся въ полной гармоніи съ условіями логическими. Если нѣкоторое время и можетъ еще продолжаться борьба съ математиками, которые не захотятъ по упрямству окончательно сойти съ мѣста, которое они до сихъ поръ занимали, то все-таки окончательное приведеніе позитивной системы къ единству неизбѣжно совершится, и не инымъ притомъ образомъ, какъ только установленіемъ господства соціологической точки зрѣнія. Торжество этого единства въ области философіи послу-

житъ провозвѣщеніемъ будущаго значенія его и для области политической.

Кромѣ завершенія единства позитивной системы, на которое уже было указано, установленіе преобладанія соціологической точки зрѣнія имѣетъ, по идеѣ Конта, еще то значеніе, что замѣчательнѣйшимъ образомъ согласуетъ самыя существенныя требованія позитивности и всеобщности, которыя хотя и одинаково настоятельны, но разсматриваются часто какъ несогласуемыя. Но, опозитививъ, наконецъ, самый общій умственный элементъ (après avoir enfin positivé l'élément intellectuel le plus général), необходимо было разсмотрѣть химерическое объединеніе элемента, наиболѣе другихъ самобытно-позитивнаго, чтобы положить конецъ единственно возможной альтернативѣ, присущей вопросу. Это разсмотрѣніе привело, какъ мы уже знаемъ, къ устраненію точки зрѣнія, имѣвшей временное преобладаніе. Признавъ возведеніе соціологіи въ науку осуществленнымъ, и установясь такимъ образомъ на новой всеобщей точкѣ зрѣнія, Ог. Контъ предпринялъ вывести изо всей системы то главное заключеніе, которое представлено въ общихъ чертахъ на предшествовавшихъ страницахъ.

Приведенное выше разрѣшеніе вопроса о преобладаніи въ системѣ соціологической точки зрѣнія надъ математической относилось къ совокупности шести наукъ іерархическаго ряда, служащей, какъ было объяснено прежде, общимъ основаніемъ всѣмъ умозрѣніямъ. Предупреждая возраженія, которыя могли быть сдѣланы по отношенію къ наукамъ конкретнымъ, эстетическимъ воззрѣніямъ и промышленнымъ приложеніямъ положительныхъ знаній, Ог. Контъ дополнилъ общія разсужденія о значеніи соціологической точки зрѣнія общими соображеніями, касающимися трехъ вышеупомянутыхъ областей,—соображеніями, съ которыми я и познакомлю теперь читателя.

Если абстрактная наука, говоритъ Ог. Контъ, начиная разсмотрѣніе этого новаго вопроса, и должна была первоначально быть преобладающимъ предметомъ умозрительныхъ работъ, то она все же должна была быть установлена такимъ образомъ, чтобы конкретныя науки могли имѣть въ ней естественную основу. Такое отношеніе абстрактныхъ наукъ къ конкретнымъ не можетъ осуществиться однакоже до тѣхъ поръ, пока въ позитивной системѣ преобладаетъ математическій духъ. Вліяніе этого духа вноситъ избытокъ отвлеченія и преобладаніе анализа,

которыя несовмѣстимы съ реальностью изученія конкретныхъ явленій. Напротивъ того, преобладаніе соціологическаго духа должно привести къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ. Хотя соціологія и относится также къ ряду наукъ, необходимость абстрактнаго характера которыхъ была доказана, но очевидно, однакоже, что многосложность ея предмета и необходимость удовлетворять обобщеніямъ, постоянно въ ней встрѣчающимся, вырабатываетъ самобытно такія умственныя предрасположенія, которыя особенно пригодны для изученія естественной исторіи въ собственномъ смыслѣ, какъ они являются у Бюффона, этого великаго представителя ея гуманныхъ и синтетическихъ принциповъ. Такимъ образомъ и интересы конкретныхъ наукъ требуютъ, чтобы та общая система абстрактныхъ наукъ, которая служитъ имъ основаніемъ, была подчинена преобладанію соціологіи, въ которой первоначальная неизбѣжная отвлеченность смягчается, сколько возможно, природою изучаемаго предмета. Кромѣ того, такъ какъ конкретныя науки требуютъ приложенія понятій, заимствованныхъ изо всѣхъ областей абстрактной системы, то очевидно, что такое заимствованіе можетъ успѣшно состояться только подъ руководствомъ соціологіи.

Соціологія, какъ наука наименѣе абстрактная и наименѣе аналитическая, чѣмъ всѣ другія науки іерархическаго ряда, самобытно-способна устанавливать первенство обобщающихъ идей и человѣчныхъ точекъ зрѣнія. Такое свойство ея можетъ способствовать необходимому переходу отъ научной философіи, ставшей не только абстрактной, но и конкретной, къ философіи эстетической, въ то время, когда для перехода этого наступитъ пора. Наконецъ, другая точка зрѣнія, кромѣ соціальной, не можетъ сдѣлать этого съ надлежащимъ успѣхомъ. Если позитивная философія и отличалась въ теченіе всего подготовительнаго періода анти-эстетическими тенденціями, то это происходило отъ преобладанія въ эту эпоху математическаго духа. Съ тѣхъ же поръ, какъ преобладаніе въ позитивной системѣ перешло къ соціологіи, наука эта не можетъ исключить изъ изученія развитія человѣка элементовъ эстетическихъ, имѣющихъ въ этомъ развитіи важное значеніе. Установивъ гармонію между наукою и эстетикою, позитивная философія укажетъ на надлежащее подчиненіе чувства идеальнаго совершенства понятію дѣйствительности, и будетъ такимъ образомъ служить обоюдному совершенствованію науки и эстетики, имѣющихъ

общее соціальное назначеніе. Что касается, наконецъ, приложенія положительнаго знанія къ промышленности, то и здѣсь преобладаніе соціологической точки должно оказаться благотворнымъ. Промышленныя приложенія знаній зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ знанія міра неорганическаго, и поэтому переходъ преобладанія отъ математики къ соціологіи можетъ, конечно, замедлить ходъ ихъ развитія, но въ замедленіи этомъ Огюстъ Контъ не видитъ зла, такъ какъ увлеченіе промышленностью зашло такъ далеко, что внушаетъ опасеніе поглотить собою другія, болѣе благородныя наклонности человѣческой дѣятельности. Нельзя предполагать притомъ же, чтобы ослабленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, могло дойти до степени, угрожающей общему благоденствію. Если бы, впрочемъ, это и случилось, то позитивная философія, поставленная на истинной точкѣ зрѣнія, оцѣнивающей значеніе всей совокупности разсматриваемыхъ ею явленій, конечно, немедленно исправитъ такую ошибку. Притомъ же, промышленность, какъ дѣятельность, стремящаяся подчинить природу человѣку, найдетъ въ однихъ только соціологахъ вполнѣ надежныхъ руководителей; они одни только могутъ надлежащимъ образомъ построить тѣ посредствующія между наукою и промышленностію теоріи, о которыхъ было говорено уже прежде и которыя установятъ достодолжныя отношенія между умозрѣніями человѣка и его дѣятельностью.

Въ заключеніи разсужденія о преобладаніи соціологическаго элемента въ системѣ, Ог. Контъ предупреждаетъ возраженіе, могущее возникнуть противъ необходимости и пользы такого преобладанія у тѣхъ, которые опасаются, какъ слѣдствія этого преобладанія, ослабленія и упадка наукъ о тѣлахъ неорганическихъ и теорій математическихъ. Неосновательность такого опасенія Ог. Контъ выводитъ изъ основного свойства самаго принципа преобладанія соціологической точки зрѣнія, такъ какъ для этой точки зрѣнія всѣ предшествующія являются подготовительными ступенями, и потому она не можетъ не испытывать послѣдствій тѣхъ или другихъ измѣненій, происходящихъ въ каждой изъ нихъ. Несправедливо, поэтому, и нелѣпо предполагать возникновеніе опасности для науки отъ такого порядка вещей, который зиждется на взаимной ихъ связи и зависимости и который можетъ поэт му способствовать въ высшей степени правильной оцѣнкѣ всякаго научнаго изысканія,

какъ бы оно отдалено ни было отъ науки, занимающей преобладающее положеніе, серьезное значеніе котораго было уже объяснено выше. Если же, какъ въ томъ и нельзя сомнѣваться, соціологическія изысканія и сдѣлаются предметомъ спеціальныхъ занятій и особеннаго общественнаго вниманія до того времени, пока новѣйшая реорганизація подвинется настолько, что, будучи предоставлена самой себѣ, нисколько отъ того не потерпитъ, то въ исключительномъ вниманіи къ соціологіи нельзя будетъ видѣть ничего иного, какъ только такое предпочтеніе, къ которому естественно склоняется умственное движеніе во всякую эпоху, принимающую направленіе, самое сообразное съ соотвѣтствующими потребностями человѣчества. Математическія изысканія не потеряютъ однако-же чрезъ это своего значенія, какъ колыбель умственнаго развитія; но развитіе это начинается въ этой колыбели и, подвигаясь все далѣе и далѣе, достигаетъ, наконецъ, той высшей точки, съ которой только зрѣніе и можетъ обнимать самый обширный кругозоръ.

Позитивная философія, говоритъ въ заключеніе Ог. Контъ, установляетъ такимъ образомъ вполнѣ послѣдовательно окончательное соглашеніе между двумя умственными направленіями, исходившими изъ двухъ различныхъ точекъ отправленія—міра и человѣка, и такъ долго остававшимися антипатичными одно другому. Сводя притязанія ихъ на то, что въ каждомъ изъ нихъ содержится законосообразнаго и непреходящаго, надо признать, что одно всегда управляетъ основнымъ ходомъ истиннаго философскаго духа, другое постоянно удерживаетъ единственный принципъ, способный дать связь истинному мысленному единству. Такимъ образомъ, основный антагонизмъ, который со временъ Аристотеля и Платона господствуетъ надъ человѣческимъ развитіемъ, какъ умственнымъ, такъ и общественнымъ, и который пересталъ быть необходимымъ для этого подготовительнаго развитія, въ настоящее время сталъ самымъ могущественнымъ препятствіемъ къ окончательному достиженію того назначенія, къ которому идетъ это развитіе, и время котораго уже наступило.

Начавъ изложеніе общихъ положеній съ вопроса о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ іерархіи наукъ, Ог. Контъ желалъ, какъ онъ говоритъ, установить всего прежде единство системы со всею законченностью, какая только, по его мнѣнію, была необходима. Покончивъ съ этимъ вопросомъ,

онъ переходитъ къ общей характеристикѣ позитивнаго метода, обусловливающаго существеннѣйшія свойства всей позитивной системы.

Уже изъ общаго опредѣленія позитивной философіи, очерченнаго въ началѣ этой главы, видно, что философія эта разсматриваетъ явленія, какъ подчиненныя неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, точное открытіе которыхъ такъ же, какъ и приведеніе ихъ къ возможно меньшему числу, составляетъ цѣль всѣхъ усилій позитивныхъ мыслителей. Мы знаемъ тоже, что позитивная философія считаетъ вопросъ о такъ-называемыхъ конечныхъ причинахъ неразрѣшимымъ и лишеннымъ смысла. Было бы безполезно, говоритъ Контъ, настаивать на этомъ основоначалѣ: оно сдѣлалось обыденнымъ для всѣхъ, кто сколько-нибудь углублялся въ изученіе опытныхъ наукъ. Всякій знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ самыхъ совершеннѣйшихъ, даже позитивныхъ объясненіяхъ никогда не заявляется притязаніе на опредѣленіе общихъ причинъ явленій,—такъ какъ такимъ образомъ трудность не разрѣшается, а только отодвигается,—а лишь изслѣдуются съ достаточною точностью условія происхожденія этихъ явленій и связываются между собою нормальныя отношенія послѣдовательности и сходства.

Такимъ образомъ, останавливаясь на замѣчательнѣйшемъ изъ примѣровъ, мы говоримъ, что общія явленія вселенной объяснены закономъ тяготѣнія; потому что, съ одной стороны, этотъ прекрасный законъ показываетъ намъ всю разнообразную обширность астрономическихъ фактовъ какъ единый фактъ, разсматриваемый съ различныхъ точекъ зрѣнія; тогда какъ съ другой—этотъ всеобщій фактъ представляется намъ какъ простое расширеніе явленія тяжести тѣлъ на поверхности земли,—явленія, въ высшей степени для насъ обыденнаго и потому самому разсматриваемаго нами какъ фактъ совершенно намъ извѣстный. Что же касается вопросовъ, что̀ такое тяготѣніе и тяжесть «въ себѣ» (en elles-mèmes), каковы ихъ причины, то вопросы эти Ог. Контъ считаетъ неразрѣшимыми, неотносящимися къ области позитивной философіи,—вопросами, справедливо предоставленными воображенію супра-натуралистовъ и тонкостямъ метафизиковъ. Очевидное доказательство невозможности рѣшенія этихъ вопросовъ заключается въ томъ, что каждый разъ, когда даже высшіе умы старались дать на нихъ разумные отвѣты, удавалось только опредѣлять одинъ прин-

ципъ посредствомъ другого, такъ, что тяготѣніе становилось всеобщею тяжестью, а тяжесть просто сводилась на земное тяготѣніе. Такое объясненіе, заключаетъ Ог. Контъ, вызываетъ улыбку всякій разъ, когда сущность вещей и образъ возникновенія явленій (la nature intime des choses et le mode de génération des phénomènes) принимаются познанными чрезъ ихъ посредство, хотя и представляетъ на самомъ дѣлѣ все, что только мы можемъ получить удовлетворительнѣйшаго, ибо такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ указаніе на тождество двухъ родовъ явленій, такъ долго разсматривавшихся какъ независимыя одинъ отъ другого. Никакой умъ, разсуждающій правильно, не пытается идти далѣе въ настоящее время.

Итакъ, говоритъ Контъ, продолжая развивать свою мысль въ заключеніи «Курса», мы можемъ дѣйствительно познавать только факты, доступные нашему организму, никогда не имѣя возможности составить понятія ни объ основной природѣ существъ, ни о существенномъ образѣ происхожденія явленій. Хотя разумъ человѣческій достигъ этой зрѣлости очень недавно и самые здравые умы обладаютъ ею далеко не вполнѣ, но въ «Курсѣ позитивной философіи» она была примѣнена ко всѣмъ возможнымъ родамъ воззрѣній, не исключая самыхъ общихъ и самыхъ сложныхъ, расширивъ такимъ образомъ то значеніе, которое она имѣла уже давно по отношенію къ воззрѣніямъ простѣйшимъ.

Это общее понятіе объ истинной природѣ позитивныхъ изысканій самобытно приводитъ, какъ замѣчаетъ Контъ, къ вѣрному опредѣленію соотвѣтствующаго значенія наблюденія и сужденія и даетъ возможность избѣжать обѣихъ противоположныхъ крайностей, между которыми двигались до сихъ поръ положительныя знанія,—мистицизма и эмпиризма. Съ одной стороны, окончательно установляется такимъ образомъ правило Бэкона—принимать прямо или косвенно въ основаніе здравыхъ умозрѣній одни только факты, обслѣдованные посредствомъ наблюденія; и съ другой—устраняется столь часто встрѣчающееся стремленіе ограничивать науку безплоднымъ собираніемъ неимѣющихъ связи фактовъ. Окончательно признается, что истинная наука, отличаемая отъ чистой эрудиціи раціональнымъ предвидѣніемъ, состоитъ изъ законовъ, а не изъ фактовъ, хотя эти послѣдніе и необходимы для ихъ установленія и санкціи, такъ что ни одинъ отдѣльный фактъ не можетъ быть включенъ

въ науку до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подведенъ подъ одинъ изъ ея законовъ, хотя бы и при помощи гипотезы. Кромѣ того, установляется при этомъ, что здравыя теоретическія указанія должны провѣрять несовершенныя наблюденія и давать имъ вѣрное направленіе, и что позитивный строй мысли, не упуская изъ виду необходимаго преобладанія непосредственно подтвержденной дѣйствительности, постоянно стремится къ возможному увеличенію раціональной области на счетъ области опытной, все болѣе и болѣе замѣняя непосредственное изслѣдованіе явленій предвидѣніемъ ихъ. Научный прогрессъ, какъ видно изъ этого, принимается главнымъ образомъ, какъ постепенное уменьшеніе числа отдѣльныхъ и независимыхъ законовъ и расширеніе связи ихъ. Указывая на такое стремленіе, Контъ опять предостерегаетъ, однако-же, отъ поисковъ единства, которое онъ считаетъ химерическимъ. Онъ полагаетъ, что число самыхъ общихъ законовъ никакъ не можетъ быть сведено къ единицѣ и что даже законъ тяготѣнія «не установляетъ никакой общей связи между большею частью элементарныхъ данныхъ, относящихся къ различнымъ свѣтиламъ нашего міра».

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ позитивнаго умозрѣнія, Ог. Контъ останавливается прежде на той, которая обусловливается основною связью этихъ умозрѣній съ обыденнымъ мышленіемъ. Мистико-метафизическій строй мысли, говоритъ онъ, поставивъ разумъ человѣческій непосредственно у источника всеобщихъ истинъ, глубоко внѣдрилъ въ умозрительныя привычки тщеславный характеръ химерической возвышенности, удаляющій ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ скромныхъ пріемовъ обыденной смѣтливости. Тогда какъ эта послѣдняя въ разсудительныхъ наблюденіяхъ различныхъ событій думала найти нѣкоторыя естественныя отношенія, способныя управлять необходимѣйшими практическими предвидѣніями,—философское высокомѣріе, презирая такіе успѣхи, ожидало отъ сверхъ-человѣческаго свѣта призрачныхъ разрѣшеній самыхъ недоступнѣйшихъ тайнъ. Но, напротивъ того, здравая философія, замѣняя вездѣ изысканія существенныхъ причинъ (causes essentielles) изысканіемъ дѣйствительныхъ законовъ, тѣсно связываетъ свои наивысшія умозрѣнія съ простѣйшими народными понятіями, и установляетъ такимъ образомъ глубокое мысленное тождество (разнствующее только въ степени), которое не дозволяетъ болѣе представителямъ умс-

зрѣнія гордо уединяться отъ массъ, предающихся дѣятельности. Весь «Курсъ позитивной философіи» имѣетъ цѣлью представить доказательства въ пользу того, что духъ истинной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго здраваго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму. Методъ позитивной философіи, такъ же какъ и методы предшествовавшихъ ей фазисовъ умственнаго развитія, есть непрерывное дѣло всего человѣчества, не имѣющее особеннаго изобрѣтателя, и главнѣйшія его характеристическія черты явственно обозначаются уже въ первыхъ прикладныхъ изысканіяхъ, направленныхъ къ достаточно опредѣленной цѣли. Принимая эту самобытную смышленность, какъ основной типъ, и оцѣнивая значеніе ея повседневныхъ успѣховъ, здравая философія ограничивается затѣмъ ея обобщеніемъ, систематизаціей и достодолжнымъ распространеніемъ ея на различныя отвлеченныя умозрѣнія. Такъ какъ наши индивидуальныя наблюденія необходимо сохраняютъ извѣстный личный характеръ (caractère de personnalité), который долженъ быть тщательно удаленъ изъ всякаго регулированнаго умозрѣнія, то общественный разумъ можетъ только существеннымъ образомъ опредѣлить границы общей области истинно-научныхъ изысканій, которыя не должны идти далѣе впечатлѣній, составляющихъ общую принадлежность всѣхъ людей, независимо отъ оттѣнковъ, свойственныхъ каждому отдѣльному наблюдателю. Кромѣ того, безспорно также, что обыденное изысканіе, хотя и возникаетъ чисто самобытно, представляетъ тѣмъ не менѣе истинную точку исхода для всѣхъ позитивныхъ умозрѣній, первоначальное развитіе и окончательное распространеніе коихъ было бы безъ того непонятно. Позитивная философія, говоритъ Контъ, признаетъ, что обыденнѣйшіе факты суть также и важнѣйшіе. Это справедливо до такой степени, прибавляетъ онъ, что преобладаніе вниманія къ явленіямъ необыкновеннымъ обнаруживаетъ теперь для всякаго добропорядочнаго ума наименѣе двусмысленный признакъ несовершенства научнаго изысканія. Точно также можно утверждать, что самые могущественные искусственные пріемы (artifices) раціональной позитивности проистекаютъ первоначально отъ счастливой систематизаціи извѣстныхъ логическихъ пріемовъ, естественнымъ образомъ произведенныхъ обыденною смѣтливостью. Изъ этихъ замѣчаній Ог. Контъ выводитъ новое подтвержденіе выраженнаго имъ въ

началѣ «Курса» мнѣнія о безплодности догматической обработки основныхъ началъ познанія, а также и психологіи, основанной на самонаблюденіи. Въ заключеніе этого разсужденія о связи позитивной философіи и обыденнаго мышленія, Ог. Контъ указываетъ на то, что не только точка исхода, но и цѣль умозрѣній должна быть опредѣлена согласно съ требованіемъ общественнаго разума, какъ то и представляется у Гиппарха, опредѣлившаго приложимость астрономическихъ знаній къ точному опредѣленію долготъ, хотя только черезъ двадцать столѣтій послѣ него идея эта могла осуществиться. Изъ характеристики отношенія духа истинной философіи къ обыденному здравому смыслу явствуетъ, какъ говоритъ Контъ, что все превосходство перваго надъ послѣднимъ проистекаетъ изъ спеціальнаго и выдержаннаго приложенія обыденныхъ умозрѣній, ибо обыкновенные умы страдаютъ не столько недостаткомъ вѣрности и проницательности сужденія, сколько недостаткомъ способности обобщать отвлеченныя отношенія и установлять между понятіями логическую связь. Переходъ отъ мышленія самобытнаго къ систематическому, обусловленный главнымъ образомъ данными, доставляемыми соціологическою точкою зрѣнія, подтверждаетъ объясненное выше значеніе этой точки зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе объ одной изъ важнѣйшихъ особенностей позитивной системы Ог. Конта.

Основной характеръ здравой философіи необходимо заключается въ томъ, говоритъ Ог. Контъ, продолжая разсмотрѣніе общихъ свойствъ позитивной системы, что она подчиняетъ всѣ явленія, какъ неорганическія, такъ и органическія, какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ индивидуальныя, такъ и общественныя, строго-неизмѣннымъ законамъ, безъ которыхъ раціональное предвидѣніе невозможно и наука неизбѣжно должна ограничиваться безплодною эрудиціей. Хотя первые зачатки этого великаго принципа существовали уже въ эпоху полнаго господства перваго фазиса умственнаго развитія, но окончательное его установленіе могло совершиться только тогда, когда послѣ долгаго подготовительнаго періода онъ могъ охватить всецѣло всю совокупность явленій, какъ то впервые осуществилось въ «Курсѣ позитивной философіи». Только тогда, когда трактатъ этотъ далъ общій очеркъ послѣдовательнаго приложенія упомянутаго принципа ко всѣмъ существеннымъ родамъ явленій, только тогда принципъ этотъ могъ получить значеніе,

дозволяющее ему стать прямымъ и исключительнымъ основаніемъ истинно-новой философіи. Пока это столь же трудное, какъ и необходимое условіе не было выполнено, до тѣхъ поръ слабая и неопредѣленная метафизическая аргументація, преждевременно усиливавшаяся установить общіе естественные законы *a priori*, была безсильна устранить традиціонныя привычки и придать принципу всеобщей законосообразности достодолжную степень устойчивости. Только приложеніе этого принципа къ самымъ сложнымъ и самымъ интереснымъ явленіямъ, какъ бы приложеніе это ни было мало удовлетворительно, разрушитъ всякое разумное сомнѣніе по отношенію къ всеобщности принципа, и при содѣйствіи естественныхъ склонностей духа новаго времени къ такому нормальному состоянію сдѣлаетъ это основное положеніе новой философіи неотразимымъ для всѣхъ здравомыслящихъ людей. Единственнымъ препятствіемъ, могущимъ замедлить этотъ переходъ, являются однѣ только привычки, усвоенныя умами подъ вліяніемъ продолжительнаго господства традиціонныхъ воззрѣній; но и эти воззрѣнія, будучи окончательно подорванными открытіемъ соціологическихъ законовъ, должны будутъ неизбѣжно уступить господство вновь вырабатывающемуся міросозерцанію. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ еще разъ подтверждается великое значеніе соціологіи для позитивной философіи, которая только благодаря установленію законовъ, управляющихъ общественными явленіями, достигаетъ своей законченности и полноты.

Разсматривая далѣе значеніе охарактеризованныхъ выше законовъ по отношенію къ ихъ научнымъ свойствамъ, Ог. Контъ обращаетъ вниманіе на очень важное различіе между ними, основанное на различіи между отношеніями сходства и послѣдовательности, замѣчаемыми между явленіями. Позитивныя объясненія ограничиваются всегда установленіемъ связи между явленіями или на основаніи ихъ сходства, или на основаніи ихъ послѣдовательности, не пытаясь идти далѣе самаго факта сходства или послѣдовательности и признавая основную причину того и другого недоступными познанію. Дѣйствительное знаніе этихъ аналогій и филіацій, говоритъ Ог. Контъ, совершенно достаточно для цѣлей здраваго изученія природы, ибо явленія, съ одной стороны, могутъ получать объясненіе, съ другой—быть предвидимы, одни посредствомъ другихъ. На этомъ общемъ различіи позитивная философія строитъ другое, хотя съ нимъ и

тождественное, но представляющееся въ формѣ, имѣющей бо́льшее приложеніе, а именно различіе статической и динамической точки зрѣнія при изученіи какого-либо предмета, разсматриваемаго то по отношенію къ существованію, то по отношенію къ дѣятельности. Различіе это, едва примѣнимое къ области явленій математическихъ, пріобрѣтаетъ значеніе только въ механикѣ, и, постепенно развиваясь въ приложеніи къ другимъ отдѣламъ изученія природы, достигаетъ въ біологіи возможности полнаго выраженія своего истиннаго характера согласно самобытно существующему различію между организаціею и жизнью; и, наконецъ, въ соціологіи къ высокой степени проявленія такого различія присоединяется высокое практическое значеніе въ точномъ соотвѣтствіи элементарнаго контраста идей порядка и идей прогресса.

Разсмотрѣвъ различіе законовъ по отношенію къ ихъ научнымъ свойствамъ, Ог. Контъ переходитъ къ различенію ихъ по отношенію къ логическому ихъ установленію (institution logique); въ этомъ отношеніи онъ дѣлитъ ихъ также на два рода сообразно тому, раціональны или опытны ихъ основы. Хотя тщеславная гордость догматиковъ нерѣдко и клеймила путь опыта несправедливымъ обвиненіемъ въ эмпиризмѣ, говоритъ онъ, но, съ позитивной точки зрѣнія, надо признать, что необходимое логическое различеніе, о которомъ идетъ рѣчь, нисколько не вліяетъ ни на достовѣрность, ни на полезность, ни даже на истинное философское достоинство разсматриваемыхъ законовъ, лишь бы только они были, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, достаточно подтверждены и установлены самымъ соотвѣтственнымъ изучаемому предмету образомъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что обвиненіе въ эмпиризмѣ было бы по отношенію къ раціональному пути справедливѣе, чѣмъ по отношенію къ пути опытному, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ путь этотъ можетъ сдѣлаться въ такой же степени рутиннымъ, въ какой таковымъ предполагается путь опытный. Каждая изъ шести основныхъ наукъ представляетъ примѣры обоихъ этихъ противоположныхъ путей, взаимно дополняющихъ одинъ другой. Вопреки мнѣнію метафизиковъ, надо признать въ открытіяхъ Кеплера проявленіе такой же геніальности, какъ и въ открытіяхъ Ньютона; и, притомъ же, очевидно, что начальные законы механики и даже геометріи, основываются на разсудительномъ наблюденіи (judicieuse observation), очень часто разстраиваe-

момъ ложной аргументаціей. Извѣстно, наконецъ, что логическое совершенство (которое, хотя и неосуществимо, но постоянно должно имѣться въ виду) заключается главнымъ образомъ въ полномъ подтвержденіи однимъ изъ этихъ путей того, что было открыто другимъ; всякая наука однако-же заключаетъ нѣкоторыя необходимыя понятія, которыя могутъ возникнуть только при посредствѣ пріемовъ одного изъ этихъ путей и быть чрезъ то не менѣе достовѣрными, если только всѣ условія были достодолжно соблюдены. Соотвѣтственныя выгоды двухъ этихъ методовъ много измѣняются сообразно природѣ научныхъ случаевъ: для изысканій спеціальныхъ необходимо сколько возможно отдавать предпочтеніе дедукціи и пользоваться индукціею только для однихъ основныхъ законовъ, дабы лучше установить позитивную систематизацію. Если употребленіе во зло послѣдней вліяетъ на низведеніе науки къ спутанному скученію безсвязныхъ законовъ, то не менѣе неопровержимо и то, что неумѣренное примѣненіе первой неизбѣжно извращаетъ полезность, ясность и даже реальность нашихъ умозрѣній всякаго рода. Что же касается средствъ, которыми обладаетъ каждая изъ наукъ іерархическаго ряда для приложенія того или другого изъ этихъ двухъ методовъ, то, по мнѣнію Конта, средства эти далеко не такъ неравномѣрны, какъ обыкновенно полагаютъ, и даже вновь созданная имъ соціологія можетъ вступить въ соперничество съ математикой, если не въ отношеніи точности и плодотворности, то въ отношеніи позитивности и раціональности, истекающихъ изъ сравнительно болѣе полнаго освобожденія отъ метафизики и большей солидарно ти частей, самобытно приведенныхъ къ истинному единству. Ни одна изъ остальныхъ наукъ ряда не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего подобнаго, по мнѣнію Конта, и единственнымъ исключеніемъ, какое возможно только здѣсь допустить, нужно считать полную систематизацію теоріи равновѣсія и движенія Лагранжа,—теорію, предметъ которой былъ гораздо лучше подготовленъ, чѣмъ предметъ соціологіи, и далеко не представлялъ такихъ трудностей.

Показавъ, что позитивная философія всегда имѣетъ своимъ предметомъ опытно-раціональное изученіе законовъ сходства и послѣдовательности различнаго рода явленій, и выяснивъ научный и логическій характеръ этого изученія, Ог. Контъ, продолжая обслѣдованіе общихъ свойствъ позитивной философіи,

останавливается на характеризующемъ ея преобладаніи наблюденія надъ воображеніемъ. Указавъ на господствующее значеніе воображенія въ первомъ фазисѣ умственнаго развитія и очертивъ постепенное возрастаніе значенія наблюденія, онъ останавливается на неудовлетворительности пониманія этого принципа учеными его времени, недостаточно проникнутыми мыслью о необходимости изысканій законовъ явленій. Хотя различные роды реальныхъ умозрѣній и отводятъ воображенію важное и дѣятельное соучастіе, но, согласно духу позитивной философіи, оно необходимо должно быть подчинено наблюденію, т.-е. постоянно употребляемо для усовершенствованія способовъ, служащихъ къ связыванію подтвержденныхъ фактовъ. Исходная точка и направленіе реальныхъ умозрѣній ни въ какомъ случаѣ не должны принадлежать воображенію, и даже въ случаяхъ апріорныхъ заключеній оно было бы неумѣстно; общія руководящія соображенія въ такихъ случаяхъ имѣютъ свое первоначальное основаніе непремѣнно въ наблюденіи, единственномъ источникѣ ихъ реальности и плодотворности. *Видѣть, чтобы предвидѣть*,—таковъ непремѣнный характеръ истинной науки, заключаетъ Контъ; *предвидѣть, ничего не видя*, можетъ быть только исходной точкой для нелѣпой метафизической утопіи, и до сихъ поръ еще имѣющей слишкомъ много послѣдователей.

Къ соображеніямъ о логическомъ замѣщеніи воображенія наблюденіемъ Ог. Контъ присоединяетъ разсужденія о соотносительномъ научномъ замѣщеніи абсолютныхъ идей,—относительными, замѣщеніи, въ высшей степени характезирующемъ духъ позитивной философіи. Постепенный ходъ научнаго развитія неизбѣжно велъ къ этому замѣщенію, и попытка осуществить его была уже сдѣлана въ прошедшемъ столѣтіи знаменитымъ Кантомъ, говоритъ Ог. Контъ, но окончательное осуществленіе могло состояться только тогда, когда философія избрала основаніемъ своимъ науку и когда, развиваясь, она включила въ кругъ своихъ изслѣдованій и общественныя явленія и пріобрѣла такимъ образомъ характеръ дѣйствительно всеобщій. Обозрѣвая общую совокупность явленій, изучаемыхъ позитивною философіею, Ог. Контъ говоритъ, что изысканія въ области явленій неорганическихъ ясно доказываютъ относительность понятій о внѣшнемъ мірѣ, въ которомъ человѣкъ является только какъ зритель явленій, отъ него независящихъ; затѣмъ здравая біологическая философія, оставаясь на точкѣ

зрѣнія человѣка индивидуальнаго, даетъ намъ понять, что дѣятельность нашего разума, въ качествѣ жизненнаго явленія, неизбѣжно подчинена, какъ и всѣ другія явленія человѣческой природы, тому основному отношенію между организмомъ и средою, двойственность котораго установляетъ жизнь. Такимъ образомъ, всѣ наши позитивныя знанія неизбѣжно относительны: съ одной стороны они имѣютъ отношеніе къ средѣ, по скольку она способна дѣйствовать на насъ; съ другой—къ организму, по скольку онъ ощущаетъ это дѣйствіе. Изъ этого видно, что инерція среды или безчувственность организма немедленно прекращаютъ это взаимодѣйствіе и, слѣдовательно, и зависящее отъ нихъ образованіе понятій. Примѣромъ перваго случая могутъ служить несвѣтящіяся небесныя тѣла; примѣромъ второго—слѣпые. Всѣ наши умозрѣнія, такимъ образомъ, такъ же какъ и всѣ остальныя жизненныя явленія, глубоко подчинены вліянію, съ одной стороны, внѣшняго міра,—вліянію, регулирующему образъ дѣйствія, и съ другой—вліянію внутренней организаціи, опредѣляющей личный результатъ, причемъ мы никогда не можемъ точно опредѣлить, ни для одного отдѣльнаго случая, частнаго вліянія, свойственнаго каждому изъ этихъ двухъ нераздѣлимыхъ элементовъ нашихъ ощущеній и нашихъ мыслей. Попытка разрѣшенія этого вопроса Кантомъ, взявшимся за него по своему, была, по мнѣнію Ог. Конта, неудовлетворительною уже по одному тому, что она становилась исключительно только на статическую точку зрѣнія и, слѣдовательно, слишкомъ удалялась отъ философской реальности. Необходимо было, такимъ образомъ, подняться до динамической точки зрѣнія, изучить развитіе коллективной умственной дѣятельности человѣчества, и этимъ путемъ разъ навсегда устранить идею абсолюта. Такое требованіе было осуществлено, говоритъ Ог. Контъ, «Курсомъ позитивной философіи», установившимъ соціологію, какъ науку, и дополнившимъ такимъ образомъ то, что давала біологія. Въ самомъ дѣлѣ, соціологія показываетъ намъ, что во всякой элементарной двойственности разума и среды, первый моментъ также необходимо подчиненъ послѣдовательнымъ фазисамъ развитія. Такимъ образомъ, статическая точка зрѣнія показывала только, что понятія должны измѣниться, если произойдутъ измѣненія въ организмѣ или окружающей его средѣ; но такъ какъ въ дѣйствительности измѣненія эти чистопризрачны и неизмѣняемое повидимому не устранялось, то и

абсолютъ претерпѣвалъ не полное крушеніе. Динамическая же теорія, напротивъ того, принимаетъ, какъ преобладающее соображеніе, постепенное развитіе, которому очевидно подчинена умственная дѣятельность человѣчества; постоянное вліяніе этого развитія могло быть опущено только благодаря неудовлетворительности метафизической теоріи, представляющей лишь переходную ступень, несовмѣстимую съ нормальнымъ состояніемъ философіи. Изъ этого видно, что и въ настоящемъ вопросѣ соціологіи принадлежитъ рѣшающая роль. Въ виду такого ея значенія, Ог. Контъ говоритъ, что если бы его основной законъ развитія (законъ трехъ состояній) и былъ ошибоченъ, то ошибочность эта вела бы только къ необходимости установленія новаго закона, но самъ Ог. Контъ все же бы остался основателемъ единственнаго истиннаго метода, способнаго привести къ позитивному познанію человѣческаго разума, отнынѣ разсматриваемаго въ общей совокупности его условій, а не въ томъ неопредѣленномъ и химерическомъ состояніи, на которомъ всегда останавливалась метафизика. Устраненіе предполагаемой неподвижности разума ведетъ къ прямому установленію «относительной» философіи, которая, какъ и всякая теорія, считается въ данную эпоху лучшею, если она лучше представляетъ совокупность соотвѣтственныхъ наблюденій согласно самобытному стремленію, свойственному нынѣ доброкачественнымъ умамъ,— стремленію, къ которому соціологія присовокупляетъ полное обобщеніе, а съ нимъ и догматическое освященіе (consécration dogmatique).

Приведенными разсужденіями Ог. Контъ заканчиваетъ разсмотрѣніе вопроса объ общихъ свойствахъ позитивной философіи и переходитъ къ вопросу о ея назначеніи (destination), который онъ разбираетъ какъ по отношенію къ отдѣльной личности, такъ и по отношенію къ роду, сперва въ области жизни умозрительной, потомъ въ области жизни дѣятельной (практической).

Услуга, доставляемая позитивною философіею отдѣльной личности заключается въ самобытномъ удовлетвореніи двойной элементарной потребности разума—сколько возможно расширять познанія и установлять между ними связь. Оба эти необходимыя условія были весьма несовершенно выполняемы въ теченіе всего періода преобладанія супра-натуралистической и метафизической философіи, въ силу присущаго имъ абсолютнаго характера, допускающаго устойчивость только неразрывно

съ неподвижностью. Хотя связь между понятіями, устанавливаемая допозитивными міровоззрѣніями, отличается большою неопредѣленностью и неустойчивостью, однако-же она стѣсняла ихъ расширеніе единообразнымъ, заранѣе предустановленнымъ внѣшнимъ объясненіемъ всѣхъ вообразимыхъ случаевъ. И если бы міровоззрѣнія эти могли имѣть строгую всеобщность, то не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутое выше расширеніе встрѣтило бы непреодолимое препятствіе; но господство ихъ не шло далѣе высшихъ умозрѣній; въ области же умозрѣній второстепенныхъ, относящихся къ вопросамъ обыденнымъ, господствовали совершенно иныя воззрѣнія. Воззрѣнія эти представляли первые самобытные зачатки тѣхъ дѣйствительныхъ законовъ, безъ которыхъ человѣкъ, еще болѣе, чѣмъ всякое другое животное, не могъ бы управлять своею повседневною дѣятельностью. Такое положеніе вещей и создало вульгарную позитивность, имѣвшую первоначально придаточное значеніе и лишенную связности. Въ противоположность міровоззрѣніямъ, вліявшимъ такимъ образомъ на наши понятія, позитивная философія всего лучше можетъ быть характеризована своею способностью прямо согласовать обѣ упомянутыя выше потребности—потребность связности и потребность расширенія, которыя подъ ея вліяніемъ оказываютъ другъ другу взаимную помощь. Хотя задача согласованія такихъ потребностей, какъ тѣ, о коихъ идетъ рѣчь, и представляетъ большія трудности, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда введеніе въ систему новыхъ фактовъ разстраиваетъ, повидимому, установленное распредѣленіе; но продолжительный опытъ неопровержимо доказалъ, что относительной философіи присуща высокая способность подчиненія понятій реальностямъ. Эта способность даетъ позитивной системѣ возможность всегда сохранять достодолжную гармонію и скоро приводить къ концу временныя пертурбаціи, могущія въ ней произойти. Эта полнота логической связности, съ точки зрѣнія въ высокой степени относительной, должна представляться какъ самое рѣшительное доказательство реальности нашихъ понятій, соотношеніе которыхъ съ наблюденіями вполнѣ ею обезпечено, и, кромѣ того, эта же связность служитъ указаніемъ на такую близость къ истинѣ, какая только возможна при соотвѣтствующемъ состояніи умственнаго развитія. Эта основная гармонія, самобытно производящая расширеніе понятій изъ ихъ здраво-раціональнаго рас-

предѣленія, приводитъ къ возможности правильнаго перехода отъ одного понятія къ другому, т.-е. къ раціональному предвидѣнію, которое представляется такимъ образомъ самымъ достовѣрнымъ критеріемъ истинной позитивности.

Хотя потребность предвидѣнія и согласованной со связностью расширяемости круга понятій и не всегда достаточно энергичны по причинѣ слабаго развитія функцій умозрѣнія въ общей совокупности нашего несовершеннаго организма, но они гораздо живѣе, нежели возможно было то предполагать на основаніи того продолжительнаго самоотреченія, которое обнаруживалъ человѣческій разумъ, претерпѣвая, безъ всякаго видимаго отвращенія, господство міровоззрѣнія, всего менѣе способнаго удовлетворить сказанной потребности. Дѣло въ томъ, что фактъ самоотреченія не обусловливался выборомъ, но былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ извѣстнымъ образомъ сложившагося хода умственнаго развитія. Если же мы обратимъ вниманіе на отдѣльные эпизоды этого развитія, то замѣтимъ, что всякое позитивное понятіе, преждевременно проведенное въ общество какимъ-нибудь счастливымъ обстоятельствомъ, было принимаемо всегда жадно и торопливо,—примѣта, достаточно обнаруживающая, что первобытная приверженность разума къ до-позитивнымъ объясненіямъ была основана только на невозможности пріобрѣсти лучшую умственную пищу и нисколько не извратила основныхъ свойствъ потребностей разума, какъ то и доказываютъ повседневные примѣры, доставляемые жизнью индивидуальной и даже коллективной. Надо признать притомъ, что слабость нашей способности познаванія служитъ новымъ поводомъ къ невольному предпочтенію реальныхъ знаній, по крайней мѣрѣ немедленно вслѣдъ за тѣмъ, когда достаточная степень ихъ развитія можетъ доставлять драгоцѣнную опору, представляя въ общихъ отношеніяхъ между явленіями то постоянство и ту непрерывность, которыя не могли бы дать ему частныя явленія, и полагая, такимъ образомъ, вожделѣнный конецъ его тягостнымъ колебаніямъ.

Но какъ ни важна услуга позитивной философіи по отношенію къ отдѣльному лицу, она становится истинно основною по отношенію къ роду, установляя логическое основаніе общенію между людьми. Необходимое сходство между организмомъ индивидуальнымъ и организмомъ коллективнымъ даетъ возможность утверждать въ принципѣ, что всякая философія,

способная установить логическую связь въ понятіяхъ отдѣльной личности, обнаруживаетъ тѣмъ самымъ способность къ установленію связи и между массою мыслителей. Ощущаемая уже въ эпоху мистико-метафизическую, такая солидарность должна стать и болѣе прямой, и болѣе полной, и болѣе неотразимой въ эпоху господства позитивной философіи, дающей общему мышленію одно общее основаніе и установляющей такимъ образомъ однородность умственной дѣятельности.

Надо замѣтить притомъ, что никакой отдѣльный разумъ не въ состояніи выдѣлиться изъ мыслящей массы и освободиться отъ вліяній сходящихся къ одной точкѣ теченій общественной мысли. Такую зависимость мышленія индивидуальнаго отъ коллективнаго можно бы подтвердить, если бы то потребовалось, исключительнымъ примѣромъ, заимствованнымъ изъ быта сумасшедшихъ: извѣстно, что, несмотря на характеристическое разногласіе, господствующее между психически больными, живущими въ одномъ общемъ помѣщеніи, общество этихъ больныхъ оказываетъ всегда плачевное вліяніе на умственное состояніе медиковъ, подверженныхъ ежедневному дѣйствію на нихъ этихъ больныхъ. Явленіе это совершается только въ силу способности всякаго энергическаго убѣжденія, хотя бы и ложнаго, самобытно разстраивать убѣжденіе, ему противоположное, какъ бы основательно оно ни было. Останавливаясь на этомъ замѣчаніи, Ог. Контъ говоритъ, что ни одинъ глубокій мыслитель не долженъ смотрѣть на людей иначе какъ на естественныхъ сотрудниковъ, работающихъ надъ открытіемъ истины и примѣненіемъ ея. Какова бы ни была справедливая отвага генія, ставшаго выше общаго уровня умственнаго развитія, но его безусловная отрозненность была бы неизбѣжно столь же неразумна, какъ и безнравственна. Вращеніе въ мірѣ отвлеченностей, столь необходимое для значительныхъ умственныхъ усилій, подвергаетъ умъ столькимъ важнымъ заблужденіямъ, зависящимъ частью отъ небрежности, частью отъ иллюзій, что ни одинъ добропорядочный умъ не долженъ пренебрегать драгоцѣннымъ контролемъ общественнаго разума, столь способнаго укрѣпить и исправить его частный ходъ; ходъ этотъ всегда будетъ подверженъ случайностямъ до тѣхъ поръ, пока отдѣльный умъ не заслужитъ въ достаточной мѣрѣ того общественнаго одобренія, которое есть конечный предметъ его заботъ. Тогда же, когда умозрительное единеніе образуется, тогда можно считать установившимся

то первое условіе всякой истинной общественности, безъ котораго она не можетъ разсчитывать ни на дѣятельность, ни на живучесть. Было бы излишне останавливаться надъ очевидною важностью позитивной философіи въ этомъ отношеніи и превосходствѣ ея надъ всѣми предшествовавшими ей міровоззрѣніями. Постепенный ходъ развитія неотразимо доказалъ, что одинъ только духъ позитивности можетъ дать окончательную и истинную основу умственному общенію, мѣру которому не можетъ представить ни одно явленіе прошедшей эпохи. Таково для отдѣльнаго лица и цѣлаго рода основное назначеніе позитивной философіи, разсматриваемой пока какъ самобытный принципъ логической связи и гармоніи въ жизни умозрительной.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію назначенія позитивной философіи для жизни дѣятельной, Ог. Контъ начинаетъ съ указанія на то, что наука была всегда оцѣниваема въ особенности какъ необходимая основа всякаго дѣйствія и что зачатки позитивности зародились подъ вліяніемъ требованій примѣненія, всегда болѣе настоятельныхъ и цѣнныхъ, чѣмъ требованія чистаго умозрѣнія Тѣмъ не менѣе однако-же, говоритъ онъ далѣе, если бы позитивное развитіе было обусловлено только требованіями примѣненія и не было въ извѣстной степени самобытнымъ и имѣющимъ корни въ мышленіи, то оно никогда не осуществилось бы, потому что приложимость позитивныхъ теорій можетъ сдѣлаться ощутимой только какъ результатъ до извѣстной степени поднятаго уровня культуры, между тѣмъ какъ мистико-метафизическія химеры могутъ гораздо ранѣе того представляться болѣе способными дать удовлетвореніе самымъ пылкимъ желаніямъ, проявляющимся въ человѣчествѣ, когда оно находится еще на ступени дѣтства. Дѣйствительное вліяніе практическихъ требованій начинается только тогда, когда связь ничтожнѣйшихъ изъ нихъ съ важнѣйшими теоретическими изысканіями становится понятною, и вліяніе это очень важно, какъ это можно видѣть на примѣрѣ, представляемомъ искусствами, подчиненными вліянію астрономіи. Систематическое предвидѣніе, во всѣхъ отношеніяхъ устанавливающее главный характеръ науки, пріобрѣтаетъ, становясь необходимою основою всякаго дѣйствія, свое основное значеніе. И хотя разумъ человѣческій, согласно предшествующимъ объясненіямъ, независимо отъ всякаго требованія примѣняемости, самобытно испытываетъ потребность познавать явленія и связывать ихъ;

но эта двойная потребность является достаточно обозначенною только у нѣкоторыхъ исключительныхъ организмовъ и, слѣдовательно, не можетъ вліять на возрастаніе всеобщаго значенія позитивныхъ воззрѣній, такъ что безъ опоры, доставляемой практическими требованіями, самобытное признаніе этихъ воззрѣній замедлилось бы въ значительной степени. Въ настоящее время, установленіе соціологіи окончательно утвердило основоначало взаимодѣйствія умозрѣнія и практики, такъ какъ основоначало это обнимаетъ теперь всѣ возможные случаи. Подчиненіе искусства наукѣ начало, наконецъ, въ настоящее время организовываться, такъ какъ не только тѣ искусства, которыя подчинены низшимъ наукамъ, подчинены надлежащему руководящему основоначалу, но и высшее и труднѣйшее искусство—политика—получитъ также свои научныя основанія, какъ только общественное разумѣніе достаточно проникнется мыслью, что соотвѣтственныя явленія, такъ же какъ и всѣ другія, подчинены естественнымъ законамъ, и что знаніе этихъ законовъ можетъ служить источникомъ практическихъ указаній. Тогда отношеніе между наукою и искусствомъ будетъ достодолжно пополнено и систематизировано, что незамѣтно окажетъ счастливое воздѣйствіе и на развитіе позитивнаго міровоззрѣнія.

Это основное назначеніе позитивной философіи, одновременно умозрительное и дѣятельное, говоритъ Ог. Контъ, продолжая развивать свою мысль, закончитъ оцѣнку ея истинныхъ свойствъ, обстоятельнѣе опредѣляя направленіе ея усилій и даже родъ и степень точности, которые должны быть принадлежностью различныхъ ея изысканій, сообразно дѣйствительнымъ требованіямъ каждаго даннаго случая. На начальной ступени развитія человѣчества, когда ничто не могло доставить такого рода общихъ указаній, позитивный духъ не могъ бы пріобрѣсти достаточной пищи для своей дѣятельности, если бы не прилагалъ своихъ силъ безразлично ко всему, что только становилось ему доступно. Этотъ слѣпой инстинктъ, не можетъ однако-же долго сохранять свое преобладающее значеніе въ дѣятельности; зрѣлое состояніе разума скоро поставитъ на мѣсто его философскую дисциплину, основанную на вѣрномъ понятіи совокупности условій, опредѣляющихъ положеніе человѣка,—дисциплину, легко принимаемую истинно-научнымъ геніемъ и руководимую обыденною мудростью, всегда стремящеюся къ предотвращенію всякой напрасной затраты человѣ-

ческихъ силъ. При разсудительной организаціи теоретическихъ работъ, высокія способности, безразлично получающія тогда названіе научныхъ или философскихъ, будутъ всегда готовыми для приложенія къ предметамъ, дѣйствительно достойнымъ вниманія, и перестанутъ растрачиваться на ничтожныя изысканія, какъ это столь часто случается въ настоящее время. Но, кромѣ устраненія безплодныхъ работъ, вѣрное опредѣленіе назначенія позитивной философіи положитъ еще достодолжный предѣлъ точности, какъ по отношенію къ наблюденіямъ, такъ и по отношенію къ дедукціямъ,—предѣлъ, переходя который, научное изысканіе, вдающееся въ слишкомъ мелочный анализъ, вырождается въ пустое, часто вредное, любопытство. Надо признать, въ самомъ дѣлѣ, что, согласно духу относительности, проникающему здравую философію, естественные законы—этотъ истинный предметъ нашихъ изысканій—не могутъ быть изслѣдуемы при посредствѣ слишкомъ подробныхъ изысканій; такъ, напримѣръ, наблюденія при посредствѣ термометровъ, настолько чувствительныхъ, что показаніе ихъ непрестанно колеблется, не могутъ, конечно, дать никакого опредѣленнаго результата, и физики хорошо сдѣлали, конечно, отказавшись отъ нихъ какъ бы по безмолвному взаимному соглашенію. Основное отношеніе умозрѣній къ дѣйствію въ особенности способно достодолжнымъ образомъ опредѣлть необходимые предѣлы точности во всякаго рода изысканіяхъ, такъ какъ самые важные случаи ясно показываютъ, особенно въ астрономіи, что здравыя теоріи никогда успѣшно не переступаютъ предѣла, опредѣляемаго практическими потребностями. Хотя такія общія правила и не могутъ быть оспариваемы, но современная научная анархія ясно показываетъ, до какой степени разумная философская дисциплина необходима въ настоящее время въ указанномъ отношеніи; ею только возможно предотвратить разстройство системы позитивныхъ знаній, могущее возникнуть какъ слѣдствіе пустого любопытства и алчнаго самолюбія. Поразительные примѣры показали уже, что въ настоящее время можно пріобрѣсти въ области естествознанія академическія поощренія за устраненіе посредствомъ мелочныхъ изысканій законовъ, установленныхъ прежде и ничѣмъ не замѣняемыхъ, т.-е. именно за то, что заслуживаетъ строгаго порицанія. Изъ всего этого видно, до какой степени необходимо положить конецъ порядку вещей, созданному вліяніемъ абсолютныхъ идей, и установить

за позитивной философіей руководящее значеніе, способное согласить, сообразно условіямъ каждаго даннаго случая, оба требованія, равно законныя, но иногда взаимно противоположныя,—требованія общаго раціональнаго распредѣленія воззрѣній и ихъ частнаго улучшенія.

Оканчивая разсмотрѣніе назначенія позитивной философіи, Ог. Контъ говоритъ, что философія эта всегда самобытно опредѣляетъ предѣлы той свободы, которою можетъ располагать нашъ умъ, и которою мы должны умѣть безбоязненно пользоваться, дабы въ достодолжныхъ предѣлахъ удовлетворять наши умственныя склонности (всегда, со свойственною имъ инстинктивною любовью, направляющіяся къ простотѣ, связности и общности понятій), постоянно относясь въ то же время почтительно къ дѣйствительности внѣшнихъ законовъ, по скольку законы эти намъ доступны. Хотя изъ всѣхъ созданій человѣка, научныя произведенія принадлежатъ именно къ числу тѣхъ которыя наименѣе могутъ быть поставляемы въ зависимость отъ имѣющихъ значеніе для человѣка удобствъ, такъ какъ научные произведенія прямо относятся къ внѣшней дѣйствительности, неизбѣжно независящей отъ человѣка; но надо однакоже признать, что человѣческія склонности могутъ законосообразно вносить измѣненія и въ нихъ, дабы лучше приспособить ихъ по отношенію къ ихъ назначенію, всегда окончательно относящемуся къ человѣчеству. Въ этомъ смыслѣ и установляются гипотезы, какъ это было уже объяснено выше, и установленіе это, по идеѣ Конта, не только допускается, но настоятельно внушается основнымъ назначеніемъ нашихъ умозрительныхъ усилій. Такимъ образомъ, заключаетъ Контъ, истинно-философское воззрѣніе ведетъ насъ къ мысли, что изученіе законовъ природы имѣетъ назначеніе представлять въ должномъ свѣтѣ внѣшній міръ такъ же, какъ и удовлетворять существеннымъ наклонностямъ нашего ума, на сколько то совмѣстно со степенью точности, требуемой совокупностью нашихъ практическихъ потребностей. Наши статическіе законы отвѣчаютъ инстинктивной любви къ порядку и гармоніи, которыми человѣческій умъ до такой степени проникнутъ, что если бы онъ не былъ благоразумно сдерживаемъ, то увлекся бы, конечно, къ самымъ ложнымъ сближеніямъ; наши динамическіе законы согласуются съ нашею склонностью постоянно вѣрить, даже только послѣ трехъ наблюденій, въ подтвержденную этими на-

блюденіями необходимость возвращенія явленій,—склонностью, которую очень часто приходится сдерживать въ видахъ удержанія необходимой реальности нашихъ воззрѣній.

Разсмотрѣвъ общія свойства позитивной философіи и ея назначеніе, намъ остается теперь прослѣдить, вслѣдъ за Контомъ, ея основное установленіе.

Основываясь на единствѣ нашего разума, говоритъ Контъ, и сообразуясь съ неизмѣнностью тождества его поступательнаго движенія по отношенію ко всѣмъ предметамъ, ему дѣйствительно доступнымъ, нельзя подвергать сомнѣнію того, что позитивная философія должна охватить окончательно въ гораздо болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ, всецѣлую совокупность нашей умственной дѣятельности и включить въ свою область не только всю человѣческую науку, но и все человѣческое искусство, какъ эстетическое, такъ и техническое. Хотя это окончательное и полное раціональное распредѣленіе содержанія позитивной философіи и не должно быть упускаемо изъ виду, тѣмъ не менѣе, однако-же, необходимо признать прежде всего, что систематическое установленіе основного метода требуетъ въ настоящее время, чтобы двойное противопоставленіе, существовавшее въ эпоху самобытнаго развитія позитивныхъ воззрѣній, во-первыхъ—умозрѣнія и дѣйствія, и во-вторыхъ—воззрѣній научныхъ и эстетическихъ, было освящено догматически.

Что касается перваго изъ этихъ двухъ противопоставленій, то оно, какъ было уже объяснено выше, составляетъ необходимое условіе умственнаго развитія по отношенію ко всякаго рода элементарнымъ понятіямъ которыя даже не могли бы и возникнуть если бы теоретическая точка зрѣнія была поставлена въ зависимость отъ практической. Но кромѣ того, Ог. Контъ утверждаетъ, что и впредь обоюдная самобытность этихъ двухъ точекъ зрѣнія должна остаться ненарушимою, какая бы ни установилась организація ихъ взаимныхъ отношеній, такъ какъ поглощеніе одной изъ нихъ другою несовмѣстимо съ условіями развитія каждой изъ нихъ. Несовмѣстимость эту Контъ доказываетъ основнымъ ихъ различіемъ: теоретическое воззрѣніе, говоритъ онъ, можетъ возвыситься до обобщенія, въ которомъ заключается все его значеніе только чрезъ посредство отвлеченія, которое, схватывая общее въ различныхъ явленіяхъ и устраняя характеристическія различія этихъ явленій, та-

кимъ образомъ, болѣе или менѣе, противополагается дѣйствительности въ собственномъ смыслѣ. Напротивъ того, практическое воззрѣніе въ силу необходимо присущей ему спеціальности есть въ каждомъ данномъ случаѣ единственное реальное и полное, но зато и наименѣе способное къ расширенію значенія охваченныхъ имъ отношеній. Если, какъ справедливо было замѣчено, полное господство практической точки зрѣнія стремилось бы къ прямому подавленію умственнаго прогресса, уже и безъ того въ наше время не довольно энергичнаго, то надо признать, что и всеобщее преобладаніе точки зрѣнія теоретической было бы не менѣе пагубно для общаго назначенія какъ практики, такъ и теоріи, препятствуя практическому дѣйствію достигнуть удовлетворительной законченности. Хотя гордость ученыхъ и философовъ и мечтала о полной систематизаціи практическихъ знаній независимо отъ непосредственной связи съ самою практикою, но очевидно, что такая мечта проистекаетъ изъ нелѣпо преувеличеннаго значенія теоретическихъ средствъ, кажущееся могущество которыхъ всегда предполагаетъ приведеніе вопросовъ къ такой отвлеченности, которая слишкомъ удаляетъ ихъ отъ ихъ конкретнаго объекта и по этой причинѣ не даетъ имъ возможности удовлетворять справедливымъ требованіямъ практики. Привычки мысли, пріобрѣтенныя во время господства абсолютныхъ идей, внушаютъ и до сихъ поръ еще большей части ученыхъ очень ложное мнѣніе о могуществѣ и назначеніи апріорныхъ положеній; положенія эти, будучи разумно установлены и разсудительно употребляемы, имѣютъ, конечно, значеніе по стольку, по скольку всякое указаніе, добытое изъ изученія природы, имѣетъ значеніе для раціональной дѣятельности, но непремѣннымъ условіемъ при этомъ должно быть поставлено признаніе за практическими воззрѣніями руководящаго значенія. Только въ этомъ смыслѣ и возможно подчиненіе практики теоретическимъ воззрѣніямъ, и всякій переходъ за предѣлы, опредѣляемые такою мѣрою подчиненія, вызоветъ, конечно, важные пертурбаціи. Контъ полагаетъ, однакоже, что духъ современной цивилизаціи въ высокой степени способствуетъ установленію правильнаго отношенія теоріи и практики, и созданіе соціологіи, внося идею этого отношенія въ ту область, въ которой преобладаніе такой идеи, при господствѣ абсолютныхъ воззрѣній, было крайне неудовлетворительно и непрочно, пополнило общую совокупность обстоятельствъ, обез-

печивающихъ возможность возникновенія столкновеній, могущихъ отозваться столь вредно на утвержденіи господства принципа, долженствующаго стать основою политическаго характера позитивной организаціи.

Переходя затѣмъ ко второму противопоставленію, а именно, къ противопоставленію воззрѣній научныхъ воззрѣніямъ эстетическимъ, Ог. Контъ замѣчаетъ, что хотя это противопоставленіе и не такъ рѣзко какъ первое, но оно, однако-же, оспаривается слабѣе въ силу своего преимущественно умственнаго характера и почти полной независимости отъ внушеній страстей, энергическое вліяніе которыхъ такъ значительно усиливаетъ соперничество, указанное выше. Даже и въ то время, когда воображеніе преобладало въ философіи, поэзія, оставаясь вѣрною столь необходимой ей самобытности, постоянно подчинялась философіи на основаніи того основного отношенія, которое даже инстинктивно связываетъ познаніе истины съ чувствомъ прекраснаго, и которое къ этому подчиняетъ эстетическіе идеалы общей совокупности знаній своей эпохи. Такая связь научныхъ и эстетическихъ воззрѣній должна укрѣпиться подъ вліяніемъ позитивной философіи и содѣйствовать ея развитію, не устраняя однако-же основного противопоставленія двухъ элементовъ, изъ которыхъ наиболѣе отвлеченный и наиболѣе общій навсегда долженъ будетъ сохранить свое преобладаніе.

Разсмотрѣвъ противопоставленіе воззрѣній теоретическихъ—практическимъ и научныхъ—эстетическимъ, Ог. Контъ останавливаетъ вниманіе еще на одномъ противопоставленіи, болѣе новомъ, менѣе самобытномъ и очевидномъ, но столько же, какъ и два первыя, необходимомъ для систематическаго установленія позитивной философіи,—противопоставленіи наукъ абстрактныхъ наукамъ конкретнымъ. Великій Бэконъ, говоритъ Контъ, первый понялъ, что общая основа всей умственной системы или первая философія, какъ онъ ее называлъ, должна быть непремѣнно абстрактна. Хотя идея эта была выражена у Бэкона довольно неопредѣленно и никогда не была достодолжно оцѣнена, ни даже понята, тѣмъ не менѣе, однакоже, она стояла во главѣ умственнаго развитія двухъ послѣднихъ вѣковъ въ силу естественнаго преимущества, присущаго истинѣ, т.-е. въ силу невозможности для развитія идти инымъ путемъ. Сознательное осуществленіе требованій бэконовскаго принципа принадлежитъ только «Курсу позитивной философіи»,

который создалъ высшую и важнѣйшую изъ абстрактныхъ наукъ. И хотя установленіе соціологіи, пополняя и систематизируя первую философію, должно вскорѣ дозволить надлежащую обработку конкретныхъ вопросовъ, не слѣдуетъ однако-же упускать изъ виду, что основное установленіе позитивнаго метода всегда должно покоиться на противопоставленіи абстрактныхъ наукъ конкретнымъ,—противопоставленіи, безъ котораго два первыя, объясненныя выше, навсегда останутся недостаточными по отношенію къ помянутому установленію. Это необходимое противопоставленіе представляетъ самый тонкій и самый могущественный научный пріемъ, существованіе коего обусловлено умозрительною выработкой позитивной системы. Одно только разсудительное, постепенно веденное отвлеченіе могло дозволить и дозволяетъ теперь непрерывное поступательное движеніе истинно-позитивнаго духа: оно всего прежде устраняетъ практическія требованія, затѣмъ эстетическія впечатлѣнія и, наконецъ, конкретныя условія, и малс-пс-малу организуетъ самую простую и самую возвышенную точку зрѣнія, за предѣлы которой невозможно вести раціональнаго изслѣдованія, не впадая въ метафизическую призрачность. Если бы третья ступень отвлеченія, о которой сейчасъ было говорено, не пополнила во-время того, чего не могли дать двѣ первыя, то позитивная философія не могла бы осуществиться, ибо основаніемъ ея могутъ быть, какъ это объяснено выше, только абстрактныя воззрѣнія.

Таковы основоначала, опредѣляющія значеніе и характеръ позитивной философіи, связь и соотношенія ея частей, какъ представляетъ ихъ «Курсъ» Ог. Конта. Къ критическому изслѣдованію этихъ основоначалъ я и приступлю въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы, какъ цѣлаго.

Зачатки философской критики въ позитивной системѣ. Характеръ «прелиминарія» Ог. Конта. Вопросы здѣсь поднятые и отвѣты на нихъ въ «Курсѣ». Неудовлетворительность этихъ отвѣтовъ.

Прецеденты критическаго отношенія къ основоначаламъ философіи: Локкъ, Юмъ и Кантъ. Основной характеръ постановки философскихъ вопросовъ у этихъ мыслителей.

Зачатки философской критики въ системѣ Ог. Конта, какъ внутренно-побудительный моментъ (treibende Moment) ея развитія. Безсознательное отношеніе къ нему Ог. Конта и обусловленныя такимъ отношеніемъ попытки противодѣйствія его вліянію на систему. Противорѣчія, вытекающія изъ такого противодѣйствія.

Вопросъ объ отношеніи философской критики къ систематизированному знанію. Отсутствіе разрѣшенія вопроса этого у Ог. Конта. Значеніе разрѣшенія его для позитивной философіи. Разрѣшеніе, согласующееся съ основными условіями развитія и современнаго состоянія науки.

Отношеніе послѣдователей Ог. Конта къ внутренно-побудительному моменту развитія его системы. Выдающееся положеніе въ средѣ послѣдователей этихъ гг. Литтрé и Вырубова. Преимущественно отрицательное значеніе ихъ для развитія позитивизма. Исключительное положеніе де-Витри. Безплодность его дѣятельности.

Постановка вопроса о развитіи позитивной философіи нѣкоторыми ея критиками. Возраженія имъ Литтрé. Несостоятельность этого возраженія. Полемика Литтрé съ Миллемъ. Предварительная замѣтка объ этой полемикѣ.

Выясненіе вопросовъ, долженствующихъ подготовить оцѣнку полемики Литтрé и Милля. Общія основанія теоріи познаванія.

Оцѣнка полемики Литтрé и Милля. Неопредѣленность въ постановкѣ вопроса у Милля. Схематизмъ Литтрé. Противорѣчія его основоначаламъ Конта. Отрицательное вліяніе метафизики на позитивизмъ, проявляющееся въ воззрѣніяхъ Литтрé. Окончательное заключеніе объ ихъ значеніи.

Опредѣленная постановка главнаго вопроса, подлежавшаго разсмотрѣнію въ полемикѣ Литтре и Милля. Состоятельность критическаго принципа въ философіи. Возраженія Гербарта и Гегеля. Опроверженіе этихъ возраженій.

Общій характеръ научной философіи. Связь философіи и науки. Слѣдствія отсутствія этой связи для науки: такъ-называемое буквоѣдство, ученая ограниченность, совращеніе въ спиритизмъ, отрицаніе философіи. Слѣдствіе отсутствія связи философіи и науки для философіи: метафизика. Несообразность попытки сдѣлать метафизику научною. Сближеніе «обоснователей» такой попытки съ мистиками.

Связь философіи и науки, привѣтствуемая Цѣльнеромъ. Мнѣніе о томъ же Вундта и другихъ мыслителей.

Отношеніе Ог. Конта къ критицизму Канта. Понятіе о философской критикѣ современныхъ позитивистовъ. Странныя выходки де-Витри.

Общая характеристика критической философіи. Иниціатива Либмана въ современномъ поворотѣ къ Канту. Ново-кантіанская литература.—

Значеніе для позитивизма реалистическаго направленія философскаго критицизма. Критическій реализмъ, какъ достигшій полнаго развитія позитивизмъ. Смѣшеніе позитивистами всѣхъ направленій критической философіи съ метафизикой. Какое изъ направленій этой философіи дѣйствительно метафизично и въ чемъ именно заключается его метафизичность.

A priori критическаго идеализма. Связь a priori съ понятіемъ причинности. Неправильное толкованіе понятія этого Ог. Контомъ. Критика понятія причинности. Связь съ этимъ понятіемъ понятія закона. Устраненіе a priori.

Противоположность критическаго реализма реализму наивному. Субъективно-объективный источникъ представленій. Поясннтельные примѣры Бэра и Альб. Ланге. Наше знаніе о мірѣ.

Ученіе объ относительности знанія до Ог. Конта. Понятіе Ог. Конта объ этой относительности. Извращеніе этого понятія толкованіями Литтре и особенно г. Вырубова. Возвращеніе къ Конту, какъ непремѣнное условіе дальнѣйшаго развитія позитивизма.

Взглядъ Ог. Конта на отношеніе позитивнаго мышленія къ обыденному. Ошибочность этого взгляда по идеѣ Ланге. Противорѣчія во взглядѣ Конта. Устраненіе этихъ противорѣчій. Предотвращеніе ложныхъ толкованій значенія противоположности критическаго мышленія обыденному.

Заключеніе.

Позитивная философія, какъ установилъ ее Ог. Контъ, отвергая изслѣдованіе вопросовъ абсолютнаго характера, поставленныхъ противоположными ей міроразумѣніями, *положительною задачею* своею ставитъ открытіе законовъ явленій, т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства

ихъ; средствомъ для рѣшенія этой задачи избираетъ она *научный методъ*, и такимъ образомъ отмежовываетъ себѣ ограниченную область, результаты изученія которой она и связываетъ въ одну общую, цѣлесообразно расчлененную систему.

Вникая въ эту общую характеристику позитивной философіи, нельзя не замѣтить прежде всего, что основная задача этой философіи предполагаетъ два рода вопросовъ: во 1-хъ, вопросы, опредѣляющіе общій характеръ позитивной философіи и основывающуюся на немъ противоположность ея непозитивнымъ міроразумѣніямъ, и во-2-хъ, вопросы, опредѣляющіе такую внутреннюю организацію, которая, соотвѣтствуя требованіямъ научнаго метода, была бы сообразна цѣли, указанной вопросами перваго рода. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и должно дать въ результатѣ тѣ *основоначала позитивной философіи*, изслѣдованію которыхъ посвященъ этотъ этюдъ.

Вся совокупность указанныхъ выше вопросовъ представлялась Ог. Конту самостоятельнымъ отдѣльнымъ ученіемъ, опредѣлявшимся какъ résumé или aperçu его «Курса». Различіе résumé отъ aperçu Ог. Контъ полагаетъ только въ томъ, что aperçu предшествуетъ «Курсу», тогда какъ résumé составляетъ послѣсловіе его. Хотя онъ утверждалъ, что изслѣдованіе основоначальныхъ вопросовъ позитивной философіи имѣетъ достодолжное значеніе только какъ résumé, но онъ выставилъ на видъ въ то же время большую важность aperçu которое характеризуетъ напередъ предметъ, подлежащій изслѣдованію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ считаетъ ихъ особенно необходимымъ *прелиминаріемъ* имѣющимъ цѣлью общее ограниченіе поля нашихъ изслѣдованій [1]). Онъ называетъ ихъ также *пролегоменами* своего трактата, излагающими энциклопедическія правила, которыми необходимо руководствоваться при разработкѣ отдѣльныхъ его частей, т. е. наукъ іерархическаго ряда [2]). Не останавливаясь теперь надъ нерѣшительностью Ог. Конта по отношенію къ мѣсту, которое должны занимать пролегомены, прелиминарій или aperçu въ его трактатѣ, обратимъ вниманіе только на набрасываемую имъ характеристику этой части трактата, подлежащей теперь нашему изслѣдованію. Не очевидно ли, что когда Ог. Контъ говоритъ о предварительномъ характеризо-

---

[1]) *Comte*. Cours, 3 éd. t. I. p. 8.

[2]) id. III, p. 191.

ваніи предмета, подлежащаго изслѣдованію, о вступленіи, имѣющемъ цѣлью общее ограниченіе поля изслѣдованія, о сводѣ энциклопедическихъ правилъ, служащихъ для разработки отдѣльныхъ наукъ, входящихъ въ систему, не очевидно ли, что въ это время передъ умомъ его вопросы организаціи системы стоятъ на второмъ планѣ, а на первый выступаютъ вопросы, относящіеся къ системѣ, какъ цѣлому. Вопросы эти характеризуютъ и ограничиваютъ предметъ изслѣдованія и даютъ руководящія правила для его разработки. Не подлежитъ сомнѣнію, что, по самой постановкѣ вопросовъ этихъ у Ог. Конта, послѣдніе заслоняютъ собою первые и являются именно какъ основное содержаніе пролегоменъ. Пролегомены, такимъ образомъ, должны по идеѣ Ог. Конта, разсмотрѣть не одинъ только вопросъ систематизаціи положительнаго знанія, но, прежде того, установить границы области изслѣдованія, опредѣлить ея характеръ и дать для самаго изслѣдованія общія руководящія основанія.

Но если главнымъ, основнымъ содержаніемъ пролегоменъ у Ог. Конта является установленіе границъ области изслѣдованія и тѣсно связанныхъ съ нею вопросовъ опредѣленія характера этой области и выработки способовъ ея изслѣдованія, то задача пролегоменъ Ог. Конта, очевидно, совпадаетъ съ основною задачею критической философіи. Критическая философія не установляетъ однако-же своей задачи независимо отъ доказательствъ ея необходимости и законосообразности, не исходитъ изъ тезисовъ, не обоснованныхъ критически же, не допускаетъ, хотя бы и для цѣлей критики, положеній, устанавливаемыхъ догматически [1]). Спрашивается: такъ ли поступаетъ Ог. Контъ? Представляетъ ли и онъ основоначала своихъ пролегоменъ въ томъ состояніи полнаго развитія, въ которомъ они должны являться въ системѣ философіи, сознающей себя критическою?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я нахожу только въ двухъ-трехъ бѣглыхъ указаніяхъ, брошенныхъ въ первой лекціи «Курса», и въ болѣе полномъ изложеніи въ самомъ почти концѣ «Курса», гдѣ Ог. Контъ говоритъ, что, по мѣрѣ приближенія разума че-

---

[1]) Я употребляю здѣсь терминъ этотъ въ томъ смыслѣ, который онъ имѣетъ въ нѣмецкой философіи. Что же касается Ог. Конта, то его *«догматизмъ»* имѣетъ значеніе *«дидактизма»*. Поэтому-то онъ и противополагаетъ *догматическое* изложеніе не *критическому* изложенію, а *историческому*.

ловѣческаго къ періоду зрѣлости, отождествляющемуся съ его позитивностью, «недоступные для него вопросы были постепенно оставляемы и, наконецъ, признаны лишенными смысла для насъ, имѣющихъ возможность познавать только факты, *доступные для нашего организма*, и никогда *не могущихъ пріобрѣсти никакого понятія объ основной природѣ какого бы то ни было существа, или объ образѣ происхожденія какого бы то ни было явленія*» [1]). Такимъ образомъ, невозможность знанія «*вещи въ себѣ*», какъ выражается Ог. Контъ въ другомъ мѣстѣ [2]), и неизбѣжная необходимость ограниченія области изслѣдованія одними только явленіями, обусловлена у Ог. Конта *свойствами нашего организма*, свойствами *познающаго субъекта*. Вотъ все, что можно найти у Ог. Конта какъ намекъ на тѣ основанія, которыми опредѣляется положенія, составляющія содержаніе его пролегоменъ. Хотя Ог. Контъ намекомъ этимъ и указываетъ на прямой путь къ признанію необходимости изслѣдованія свойствъ познающаго разума, какъ перваго шага въ области философіи, но онъ останавливается, не договаривая этой мысли, и если и представляетъ какое-то смутное побужденіе къ критическому обоснованію позитивной философіи, то все же не даетъ этого обоснованія и заставляетъ насъ признать въ позитивной системѣ одни только намеки на критическо-философскіе принципы, одни только зачатки этихъ принциповъ.

Ог. Контъ въ одномъ изъ писемъ къ д'Эйхталю высказалъ мысль, что позитивная философія будетъ тѣмъ болѣе имѣть значенія, чѣмъ бо́льшее число предшественниковъ будетъ у нея констатировано. Но такъ какъ ни онъ самъ, ни послѣдователи его никогда и не думали о связи позитивной философіи съ философіею критическою, то никто изъ позитивистовъ и не обращалъ никогда вниманія на представителей критической философіи, предшествовавшихъ Ог. Конту. Прежде дальнѣйшаго изслѣдованія критическихъ началъ въ позитивной системѣ, я считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ о критицизмѣ до Ог. Конта, не только затѣмъ, чтобы выставить на видъ общность задачъ, которыя были разработаны философскою критикою, и тѣми, которыя выставилъ Ог. Контъ въ своемъ прелиминаріи, но еще и затѣмъ, чтобы еще отчетливѣе показать зачаточное

---

[1]) *Comte*, VI, p. 599.
[2]) Id. I, p. 17.

ихъ состояніе въ системѣ Ог. Конта и тѣмъ высказать еще ярче настоятельность ихъ развитія.

Еще въ концѣ XVII столѣтія *Локкъ* обратилъ вниманіе на то, что изслѣдованіемъ природы разума возможно раскрыть его силы, объемъ этихъ силъ, доступность имъ въ какой бы то ни было степени тѣхъ или другихъ предметовъ, а также недоступность другихъ, и такимъ образомъ убѣдить людей въ необходимости относиться осторожнѣе къ вещамъ, превышающимъ ихъ силы, останавливаться, достигнувъ крайнихъ предѣловъ того, что̀ доступно для ихъ ума, и довольствоваться *спокойнымъ незнаніемъ* вещей, которыя, по изслѣдованіи, окажутся превышающими ихъ способности. Вслѣдъ за Локкомъ, Юмъ сталъ въ рѣшительную оппозицію всякому отвлеченному умозрѣнію, которое, нисколько не обогащая человѣческаго знанія, присвоиваетъ названіе науки какимъ-то безплоднымъ и пустымъ усиліямъ человѣческаго любопытства къ изслѣдованію такихъ вещей, которыя навѣки должны остаться недоступными для разума. Такое ненормальное положеніе философскаго знанія даетъ только поводъ, по мнѣнію Юма, къ возникновенію и утвержденію странныхъ и суевѣрныхъ представленій и понятій, вводящихъ въ заблужденіе даже и людей здравомыслящихъ. Юмъ на основаніи этихъ соображеній, различаетъ истинную метафизику отъ ложной и считаетъ ложною ту, которая исключительно вращается въ области отвлеченныхъ понятій. Знаніе человѣка и его познавательныхъ силъ должно, по его убѣжденію, лечь въ основаніе всѣхъ вообще нашихъ знаній и *спасти насъ отъ этой ложной метафизики*. Оно одно есть надежное основаніе всѣхъ отраслей знанія вообще и оно одно только можетъ вывести разумъ изъ области метафизической фантастики. Наконецъ, геніальный *Кантъ* заново переработалъ задачу, поставленную Локкомъ и Юмомъ, и, изслѣдуя природу человѣческаго разума, впервые назвалъ изслѣдованіе это критикою. Критика, какъ пояснилъ Кантъ, не есть еще ученіе (Doctrin) [1]), потому что она имѣетъ въ виду не распространеніе нашихъ знаній, но только *опредѣленіе ихъ правильности и испытаніе ихъ годности*; она поэтому есть подготовленіе къ изложенію системы. Вопреки увѣренія тѣхъ, которые пытаются распростра-

[1]) И Ог. Контъ называетъ также общую совокупность результатовъ позитивнаго изученія міра «doctrine».

нить человѣческое знаніе далеко за предѣлы возможнаго опыта, критика должна установить эти предѣлы и показать, что все, лежащее внѣ предѣловъ возможнаго опыта, есть, какъ выражается Кантъ, *трансцендентное*, недоступное для нашего разума, чистый призракъ.

Возвратимся теперь къ началамъ философской критики въ системѣ Ог. Конта.

Если Ог. Контъ оставляетъ въ зародышѣ основоначала философской критики, являющіяся какъ *внутренно-побудительный моментъ развитія его системы*, то эти зачаточные элементы критики являются для послѣдователей его какъ наслѣдіе, имѣющее первостепенную важность. Съ правильнымъ отношеніемъ къ нему преемниковъ Ог. Конта связана до извѣстной степени судьба позитивизма, такъ какъ отъ отношенія этого зависитъ застой или прогрессъ позитивной философіи. Вопросъ объ условіяхъ развитія позитивной системы, согласно содержащемуся въ ней внутренно побудительному моменту критики, получаетъ такимъ образомъ весьма важное значеніе.

Чтобы имѣть возможность отвѣчать на этотъ вопросъ, обратимъ всего прежде вниманіе на то, что присутствіе критическаго элемента въ философіи Ог. Конта, указанное выше, не обнаруживаетъ еще *сознательнаго* установленія его Ог. Контомъ. Критическій элементъ могъ проникнуть въ философію его и помимо его сознанія, какъ начало, неизбѣжно присущее всякому научно-философскому изслѣдованію. Намекомъ на это служитъ уже разбросанность критическихъ тезисовъ въ «Курсѣ», а подтвержденіемъ—отсутствіе какъ опредѣленной формулировки критической задачи, такъ даже и самаго выраженія «*философская критика*»; окончательнымъ же доказательствомъ безсознательнаго отношенія Ог. Конта къ внутренно-побудительному моменту его системы заключается въ томъ пассивномъ и активномъ противодѣйствіи, которое по отношенію къ нему Ог. Контъ неоднократно обнаруживалъ.

Самое замѣтное обнаруженіе противодѣйствія, о которомъ я только-что упомянулъ, сопоставляется у Ог. Конта именно съ такимъ моментомъ въ развитіи его идей, когда онъ особенно близко подходитъ къ вопросу о связи позитивной философіи съ задачею философской критики. Я имѣю въ виду то мѣсто его пролегоменъ, гдѣ онъ говоритъ о пользѣ его «Курса» для прогресса человѣческаго ума. Позитивная философія, говоритъ

онъ, доставляетъ намъ единственно-истинное раціональное средство для обнаруженія логическихъ законовъ, изслѣдованіе которыхъ шло до сихъ поръ по пути, наименѣе годному для ихъ раскрытія. Средство это заключается въ приложеніи къ изслѣдованію ума различенія статической точки зрѣнія отъ динамической,—различенія, установленнаго *Бленвилемъ*. Статическая точка зрѣнія даетъ органическія условія умственной дѣятельности и приводитъ къ анатомо-физіологическому ихъ изученію; динамическая—представляетъ факты развитія этой дѣятельности и приводитъ къ историческому ихъ изученію: эта послѣдняя разсматриваетъ всѣ научныя теоріи, какъ факты логическіе, и путемъ наблюденія надъ этими фактами подымается до познанія логическихъ законовъ [1]). Очевидно, что, идя этимъ путемъ, Ог. Контъ долженъ былъ непремѣнно достигнуть убѣжденія въ необходимости для позитивной системы теоріи познаванія и основывающейся на ней философской критики; но, подойдя такъ близко къ рѣшенію вопроса, онъ не только останавливается, но и начинаетъ противодѣйствовать неизбѣжной послѣдовательности своихъ собственныхъ положеній. Объяснивъ позитивный взглядъ на методъ, руководящій открытіемъ законовъ разума, Ог. Контъ не только не останавливается надъ вопросомъ о раціональномъ приложеніи установленнаго имъ основоначала къ своей системѣ, но, увлекаясь мыслью, что методъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно отъ своего приложенія, старается доказать невозможность теоріи метода (логики какъ науки), точно такъ же, какъ и искусства приложенія метода (логики какъ искусства); онъ смѣшиваетъ первую съ психологіей, отвергаетъ отдѣльное изложеніе логики и пріурочиваетъ ее къ іерархическому ряду наукъ, раздробляя ее на части и распредѣляя эти части между науками. «Я не знаю», говоритъ онъ, «будетъ ли возможно впослѣдствіи установить a priori правильный курсъ метода, совершенно независимый отъ философскаго изученія наукъ, но я совершенно убѣжденъ, что въ настоящее время это неосуществимо, такъ какъ основные логическіе пріемы не могутъ еще быть объяснены съ достаточною точностью въ томъ случаѣ, когда они отрознены отъ своего приложенія. Смѣю прибавить къ этому, что если бы даже предположеніе это и было впослѣдствіи осуществлено, такъ какъ такую возможность я

[1]) *Comte*, Cours, I. p. 30.

допускаю, то и тогда, все же, хорошую систему умственныхъ привычекъ, представляющую существенную цѣль изученія метода, нельзя бы было пріобрѣсти иначе, какъ только правильнымъ приложеніемъ научныхъ пріемовъ» [1]). Такимъ образомъ, изученіе законовъ умственной дѣятельности не только не привело Ог. Конта къ установленію исходной точки философской критики, не только не дало повода къ развитію этой критики, но еще свелось на противодѣйствіе осуществленію и правильной установкѣ той части ея, необходимость которой въ тотъ періодъ времени представлялась наиболѣе настоятельною и элементы которой наиболѣе созрѣли.

Особенная настоятельность въ отдѣльномъ курсѣ позитивной логики и извѣстная степень зрѣлости элементовъ такого курса выразилась выходомъ въ свѣтъ системы индуктивной и дедуктивной логики Дж. Ст. Милля въ 1843 году. Отношеніе Ог. Конта къ этому трактату обнаружило, какъ сейчасъ увидимъ, неустойчивость и неопредѣленность взгляда его на вопросъ, который онъ, повидимому, такъ твердо рѣшилъ въ своемъ «Курсѣ». «Я испытываю вполнѣ безупречное самодовольствіе», пишетъ Ог. Контъ къ Миллю [2]), «заявляя вамъ теперь, въ какой мѣрѣ я радуюсь тому, что посовѣтовалъ вамъ не отказываться отъ этой важной работы... Ею вы вполнѣ осуществили вашу главную цѣль, установивъ счастливымъ образомъ рѣшительный переходъ отъ наименѣе отсталаго метафизическаго умонастроенія къ умонастроенію истинно-позитивному, къ которому вы привлечете такимъ образомъ много достойныхъ умовъ, находящихся внѣ прямого вліянія моихъ собственныхъ работъ и способныхъ доставить философскому дѣлу нашего вѣка драгоцѣнное сотрудничество... Но, кромѣ драгоцѣннаго перехода, столь основательно вами организованнаго, ваше дѣйствительно систематическое сочиненіе содержитъ во многихъ отношеніяхъ важные догматическіе отдѣлы, непреходящая польза которыхъ не ограничится упомянутымъ важнымъ переходомъ. Такова въ особенности ваша удивительная и столь же ясная, какъ и глубокая оцѣнка четырехъ общихъ видовъ элементарной индукціи; я, впрочемъ, еще болѣе восхищался тѣмъ неотразимымъ изложе-

---

[1]) *Comte*, id. I, p. 34.

[2]) См. письма Конта у Литтрé: «A. Comte et la philosophie positive». Письмо отъ 26 мая 1843 г.

ніемъ, которымъ вы ее пополнили, приведя читателя къ почти самобытно развившемуся доказательству необходимости присоединенія дедукціи. Смыслъ обоихъ этихъ отдѣловъ высказанъ затѣмъ весьма удачно и производитъ неизгладимое впечатлѣніе при спеціальномъ обзорѣ соціологическихъ изысканій. Все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто истинно цѣлое, и всѣ существенныя части безъ натяжекъ способствуютъ достиженію той главной цѣли, которую вы имѣли въ виду». И, несмотря на такое заявленіе, Ог. Контъ, въ сочиненіяхъ, вышедшихъ послѣ 1843 года, не только отвергаетъ возможность установленія логики какъ самостоятельной науки, но и признаетъ ее вредною. Вообще, по замѣчанію Милля, Ог. Контъ не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной философіи другими ея отраслями, но даже сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобъ воспрепятствовать такому пополненію [1]).

Изъ предшествовавшаго видно, что Ог. Контъ, признавая необходимость *общей части* въ своей философской системѣ и находя, что одна изъ главнѣйшихъ выгодъ этой системы заключается въ возможности правильнаго установленія законовъ умственной дѣятельности, былъ однако-же далекъ отъ мысли включенія этихъ законовъ (или теоріи познаванія, Erkenntnisstheorie, какъ теперь называютъ общую совокупность этихъ законовъ) въ эту общую часть, а включеніе въ нее одной изъ частей теоріи познаванія, логики, даже рѣшительнѣйшимъ образомъ отвергалъ. Въ чемъ же, спрашивается, заключаются у него эти общія положенія, эти *généralités*, которыя на самомъ дѣлѣ являются и *aperçu*, и *résumé* его ученія, наполняя исключительно двѣ первыя и три послѣднія лекціи «Курса»? Кромѣ общихъ положеній, прямо и непосредственно относящихся къ классификаціи наукъ, мы встрѣчаемъ еще здѣсь и тѣ зачатки критики, которые являются какъ бы подъ гнетомъ явной невозможности начать «Курсъ» изложеніемъ математики или окончить его безъ общаго заключенія, т.-е. безъ общаго взгляда на предметъ курса, какъ на цѣлое, безъ всякой попытки объединенія того, что по частямъ разсматривается въ изложеніи отдѣльныхъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда же было дѣвать изслѣдованіе вопросовъ о границахъ знанія, причинности, законѣ и т. д.,

---

[1]) *Ст. Милль*, Ог. Контъ и полож. философія. Перев. Н. Неклюдова и Н. Тиблена. 1867, стр. 53.

которое не могло быть включено ни въ математику, ни въ астрономію, ни въ какую другую науку, взятую отдѣльно, но относилось бы однако-же ко всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ и имѣло для каждой изъ нихъ руководящее значеніе? Изслѣдованіе это, какъ путь къ основоначаламъ позитивной системы, должно было имѣть научный характеръ, а между тѣмъ оно, повидимому, предшествуетъ всякой наукѣ. Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Ог. Контъ никакъ не разрѣшилъ его, онъ даже не поставилъ этого вопроса такъ же, какъ и многихъ другихъ важныхъ вопросовъ теоріи познаванія и философской критики. Вмѣстѣ съ другими вопросами онъ обошелъ и этотъ, удовлетворяясь кое-какими относящимися къ нему бѣглыми опредѣленіями и замѣтками. Только такія замѣтки мы и находимъ въ его *aperçu* и *résumé*. Идея философской критики, проникшая въ міросозерцаніе Ог. Конта помимо его сознанія, оставлена имъ безъ развитія, въ зернѣ, какъ наслѣдіе, предоставленное тому времени, когда вполнѣ выяснится связь философской критики съ систематизированнымъ научнымъ знаніемъ, и когда явится возможность для позитивной системы достигнуть своего полнаго развитія.

Чтобы еще лучше уяснить себѣ значеніе тѣхъ основоначалъ, которыя составляютъ содержаніе контовскаго прелиминарія, обратимъ вниманіе на различіе характера и значенія основоначалъ, относящихся къ системѣ, какъ цѣлому, и тѣхъ, которыя опредѣляютъ связь и соотношеніе частей этого цѣлаго, т.-е. опредѣляютъ классификацію входящихъ въ позитивную систему наукъ. Очевидно, что какъ бы ни классифицировались элементы системы, принципъ классификаціи самъ по себѣ безсиленъ возвести элементы эти до значенія научныхъ, позитивныхъ, и что ранѣе классифицированія ихъ необходимо опредѣлить ихъ научную годность и позитивное достоинство, т.-е. необходимо оцѣнить ихъ критически. Такая же оцѣнка, въ свою очередь, можетъ совершиться только на основаніи данныхъ, опредѣленныхъ теоріею познаванія.

Постановка этого вопроса ставитъ насъ на самомъ порогѣ позитивной философіи и не позволяетъ подвигаться далѣе безъ разрѣшенія его. Мы знаемъ уже, что Ог. Контъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ прелиминаріи совокупность положеній, опредѣляющихъ характеръ области, подлежащей изслѣдованію, и границы ея. Такимъ образомъ, прелиминарій Ог. Конта имѣлъ

значеніе не простого предисловія, лишеннаго органической связи съ содержаніемъ «Курса», а составлялъ въ высшей степени важную и существенную часть его. Очевидно разработка его—приходится повторить еще разъ—неизбѣжно и настоятельно необходима.

Если бы, впрочемъ, прелиминарій Ог. Конта и былъ лишенъ того значенія, которое онъ въ дѣйствительности имѣетъ, и если бы «Курсъ» сводился, такимъ образомъ, къ одной классификаціи абстрактныхъ наукъ, то и тогда нельзя было бы не поставить вопроса о тѣхъ основоначалахъ, которыя предполагаются его іерархіей наукъ, такъ какъ очевидно, что Ог. Контъ не могъ бы установить классификаціи, если бы у него не было такихъ основоначалъ, словомъ, если бы онъ былъ не философъ, а только ученый энциклопедистъ. Даже и полное отсутствіе проявленія у Ог. Конта руководящаго значенія философіи не остановило бы еще нашихъ розысканій основоначалъ этой философіи по той причинѣ, что такое отсутствіе свидѣтельствовало бы только о неблагопріятныхъ условіяхъ философскаго развитія Ог. Конта, о несуществованіи для него возможности раскрыть и разработать тѣ начала, которыя и были истинно-творческими началами его умственной производительности. Онъ самъ, правда, могъ не сознавать его и, какъ ученый, увлекающійся величественнымъ видомъ строимаго имъ научнаго зданія, могъ произвольно перенести центръ тяжести его такимъ образомъ, что готовая часть зданія, подобно извѣстной пизанской башнѣ, приняла ненормальное положеніе; но если оконченная часть зданія не распалась, то это могло произойти только по той причинѣ, что при возведеніи его было соблюдено все требуемое равновѣсіемъ постройки. Объ этихъ требованіяхъ могутъ, пожалуй, позабыть эпигоны геніальнаго зодчаго, но забвеніе это неизбѣжно влечетъ неустойчивость дальнѣйшихъ работъ и невозможность закончить зданіе согласно идеѣ того, который положилъ основаніе его.

Ог. Контъ оставилъ начала философской критики въ зачаточномъ состояніи; онъ не выяснилъ даже того исходнаго вопроса, который и до сихъ поръ стоитъ, какъ противорѣчіе въ позитивной системѣ,—вопроса объ отношеніи основоначалъ прелиминарія къ системѣ, а между тѣмъ осуществленіе связи философской критики и систематики не можетъ совершиться безъ этого разрѣшенія.

Постараемся же выяснить этотъ вопросъ, опираясь на тѣ

воззрѣнія, которыя были выработаны современнымъ критическимъ направленіемъ научной философіи въ Германіи.

Нельзя не обратить, прежде всего, вниманія на то, что особеннаго рода трудность, препятствующая безусловности и всеобщности признанія непреложности научнаго знанія, заключается въ томъ, что доказательство его необходимости и даже его права могутъ опираться только на научное же основаніе. Противорѣчіе научныхъ результатовъ обыденнымъ воззрѣніямъ не даетъ повода образованному человѣку сомнѣваться относительно того, гдѣ истина; благонадежность научнаго метода представляется всѣмъ столь сама по себѣ понятною, что и не приходитъ въ голову мысль о необходимости доказывать ее. Допустивъ однако-же, что такое доказательство будетъ потребовано, мы тѣмъ самымъ тотчасъ же выведемъ наружу его трудность. Всякое доказательство предполагаетъ въ послѣдней инстанціи извѣстныя, не доказываемыя, но принимаемыя партіями положенія, отъ которыхъ, согласно извѣстнымъ логическимъ правиламъ, и ведется доказательство. Такимъ образомъ, если надо будетъ доказать, что результаты научнаго изслѣдованія далеко превосходятъ своею достовѣрностью обыденное мышленіе, то защитнику послѣдняго останется только представить доказательства, опирающіяся на недоказываемыя, элементарныя воззрѣнія. Какимъ же образомъ это основаніе доказательства можетъ быть добыто,—это вопросъ, возбуждающій такой споръ, рѣшить который нѣтъ никакой возможности. Всякая партія станетъ выставлять свой способъ добыванія посылокъ, какъ единственно благонадежный, и въ подтвержденіе будетъ указывать на знанія, добытыя этимъ способомъ. При этомъ въ пользу обыденнаго мышленія можетъ быть выставлено то обстоятельство, что мышленіе это сопровождается высшею степенью субъективной достовѣрности, тогда какъ научное знаніе (за исключеніемъ единственной въ своемъ родѣ математики) должно довольствоваться высшею степенью вѣроятности. Если же представитель такъ-называемаго здраваго смысла сошлется на то, что его способъ пріобрѣтенія познаній доброкачественнѣе именно потому, что влечетъ за собою субъективную достовѣрность, то наука не въ состояніи возразить ему, указывая на объективную достовѣрность ея знаній, по той причинѣ, что всякая *достовѣрность* только субъективна. Большинство субъектовъ станетъ свидѣтельствовать противъ науки, которая, такимъ образомъ,

будетъ поставлена внѣ всякой возможности доказать свое превосходство.

Ближайшимъ примѣромъ, подтверждающимъ эту всеобщую истину, можетъ служить то весьма значительное недовѣріе, съ которымъ еще и по настоящее время народъ относится къ ученію о вращеніи земли вокругъ солнца, потому именно, что оно противорѣчитъ очевидности. Тотъ, кто пожелалъ бы выяснить вѣроятность гипотезы этой человѣку необразованному, долженъ былъ бы всего прежде приготовить для него и для себя то общее основаніе, на которомъ могло бы быть построено его объясненіе. Въ настоящемъ случаѣ ему слѣдовало бы показать, что «*глаза и уши человѣка, разумъ котораго погруженъ еще въ состояніе варварства, не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями*».

Такое убѣжденіе можетъ сложиться, однако-же, только при помощи науки, что видно изъ того, что обманы чувствъ, встрѣчающіеся въ практикѣ обыденной жизни, не въ силахъ путемъ одного только опыта потрясти наивное вѣрованіе въ безошибочность чувственныхъ воспріятій. Необразованный человѣкъ довѣритъ только тому, «*что онъ видитъ*»; и только тогда, когда наука расшатаетъ этотъ критерій достовѣрности, только тогда сдѣлается она ему доступною. Но тогда и пріобрѣтется то общее основаніе, о которомъ была рѣчь, и пріобрѣтется именно *научными средствами*, безъ которыхъ невозможно уразумѣніе научныхъ истинъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ получается тотъ результатъ, что научныя доказательства годны только для тѣхъ, которые уже предварительно убѣждены въ надежности ихъ способовъ познаванія; но для этого, разумѣется, необходимо *фактическое* существованіе науки.

Это соображеніе обыкновенно не выставляется, потому что возраженіе и сомнѣніе обыденнаго мышленія не могутъ причинить и самомалѣйшаго замедленія въ ходѣ развитія науки. Съ тѣми, которые не стоятъ на высотѣ науки, ей незачѣмъ препираться; ея ученіе открыто всѣмъ и каждому, и не отъ нея зависитъ воля тѣхъ, которые могутъ имъ пользоваться; тотъ же, кто не воспользовался, стоитъ *внѣ* науки.

Философія не находится въ этомъ выгодномъ положеніи; ея опаснѣйшіе враги находятся, напротивъ того, въ ея же собственномъ лагерѣ. Въ области ея споръ между научнымъ и натуральнымъ познаніемъ ведется критическимъ и догматическимъ на-

правленіемъ; исторія философіи показываетъ, что внѣшній успѣхъ послѣдняго несоразмѣрно великъ. Какъ наука, такъ и научное направленіе въ философіи одинаково составляютъ принадлежность немногихъ; противоположное же направленіе, отдавшись слѣпому стремленію къ абсолютному знанію, посредствомъ воображаемаго удовлетворенія такого стремленія, увлекла массы за собою. Напрасно критицизмъ Канта указывалъ границы человѣческому знанію; догматизмъ переступалъ ихъ съ отвагою и, вызывая досаду Канта, далъ поводъ извѣстному замѣчанію его, что «кто разъ испробовалъ критики, тому навсегда стало омерзительно догматическое пустословіе».

Непомѣрная заносчивость ослѣпленныхъ метафизиковъ нагромоздила вскорѣ затѣмъ заблужденіе на заблужденіе до такой высоты, что и простымъ глазомъ не могло не быть ихъ видно. Метафизическая философія неизбѣжно должна была пасть, и дѣйствительно пала. Устояла одна только философія научная въ силу того, что окончательно оставила всѣ свои притязанія на мнимыя высшія знанія и признала правомѣрною одну лишь научную обработку философской задачи.

Этотъ радикальный переворотъ во всеобщемъ, такъ же, какъ и въ философскомъ, умонастроеніи станетъ понятенъ, если мы вспомнимъ указанное выше отношеніе между *научнымъ* и *обыденнымъ мышленіемъ* и проистекающую изъ отношенія этого трудность доказать обыденному мышленію его неудовлетворительность въ томъ случаѣ, когда оно упорно отрицаетъ права науки. Догматизмъ и находилъ поэтому предпочтеніе предъ критицизмомъ до тѣхъ поръ, пока не существовало еще науки въ строгомъ смыслѣ, или пока результаты ея не стали еще общимъ достояніемъ людей образованныхъ. Когда же точное естествознаніе освободилось отъ оковъ метафизики и, слѣдуя строгому методу, дало результаты высокаго значенія, тогда, мало-по-малу, и наука, и ея способъ познаванія стали переходить въ «*предвзятое*» мнѣніе общества. Способные разсуждать поняли, что за достовѣрность знанія ручательствомъ служитъ строгій научный методъ; на массы же повліяла осязательность результатовъ естественныхъ наукъ.

Воздѣйствіе переворота этого на философію произвело то, что и здѣсь научная обработка философской задачи стала «*предвзятымъ*» убѣжденіемъ. То, что доказано было «Критикою чистаго разума» и «Пролегоменами» (Канта), а именно, что «*кри-*

тика» способности познаванія *должна предшествовать* всякому знанію, *предполагалось* научнымъ методомъ. Методъ этотъ принялъ установленное Кантомъ различеніе между *мышленіемъ* и *познаваніемъ* и сталъ принимать первое за послѣднее тогда, когда оно было доказательно. Когда *ничтожество трансцендентнаго* умозрѣнія было признано, *философія стала по преимуществу критическою*; *теорія же познанія* образовала ту область, въ которой производились *попытки обновленія философской науки.*

Если подведеніе единичнаго факта подъ общее правило можно считать объясненіемъ, то вполнѣ объясняются всѣ уклоненія въ догматизмъ отъ впервые проложеннаго Аристотелемъ научнаго направленія философіи,—объясняются именно вышеуказаннымъ отношеніемъ научнаго мышленія къ мышленію обыденному. Наука можетъ убѣдить въ своей внутренней правомѣрности только людей научно-образованныхъ, потому что только ими, признанными научными теоріями, можетъ она доказать свое превосходство. Поэтому и научная обработка философіи можетъ быть выяснена изъ внутреннихъ ея основаній только тогда, *когда философія, какъ наука, уже существуетъ.* Особенность всякаго ненаучнаго философствованія заключается въ томъ, что такимъ философствованіемъ «набита всякая голова». Личности, доходящія до всего «собственнымъ умомъ», подобно гоголевскому судьѣ, только тогда сдѣлаются безвредны, когда общепризнанная теорія познанія откроетъ всѣ неизбѣжныя ошибки обыденнаго мышленія и доведетъ до очевидности доказательство того, что всѣ мнимые возвышенные способы познанія суть только грубыя самообольщенія. Доказывать это предварительно значило бы терять благія мысли и труды; философія должна, не взирая ни на какія препятствія, спокойно подвигаться по пути научнаго изслѣдованія, сохраняя твердое убѣжденіе, что, достигнувъ цѣли, она въ состояніи будетъ дать отчетъ, какъ о своемъ собственномъ поступательномъ движеніи, такъ и о тѣхъ ложныхъ направленіяхъ, которыя можетъ принимать ненаучное мышленіе.

Изъ рѣшительнаго утвержденія, что философія должна *возрастать, какъ и всѣ остальныя науки,* слѣдуетъ, что она должна *усвоить себѣ и пріемы этихъ наукъ*, насколько это можетъ согласоваться съ предметомъ ея изслѣдованія. Какъ возникающая наука, должна она поучаться у всѣхъ общепризнанныхъ

дисциплинъ (отдѣльныхъ наукъ) всему тому, что какъ ее, такъ и ихъ различаетъ отъ ненаучнаго познанія. Но въ чемъ же заключается характеристическій признакъ науки въ формальномъ отношеніи? Мы уже обратили вниманіе на то, что всякій образованный человѣкъ твердо убѣжденъ въ благонадежности пріемовъ науки. Если же результаты обыденнаго мышленія станутъ въ противорѣчіе съ научными знаніями, то существуетъ возможность нѣкоторымъ образомъ заключать a priori о томъ, на которой сторонѣ истина. Безчисленныя ошибки обыденнаго мышленія, очень часто являющіяся достояніемъ большинства, даютъ ручательство въ возобновленіи при одинаковыхъ средствахъ однихъ и тѣхъ же результатовъ. Научнымъ положеніямъ, кромѣ того, станутъ довѣрять, не требуя никакихъ доказательствъ, потому что наука, какъ было дознано, подтвердила уже достаточными доказательствами многія свои положенія.

Средство, которымъ обладаетъ наука и которое ручается за достовѣрность ея знаній—ея методъ. Сдѣлать его понятнымъ обыденному мышленію было бы напраснымъ трудомъ; столь же безплодна была бы и попытка развивающейся науки почерпнуть изъ внутреннихъ основаній доказательства правильности этого метода. Единственнымъ критеріумомъ правильности метода служитъ то, что при его посредствѣ произошла наука. Такимъ образомъ, если съ точки зрѣнія готовой науки будетъ поставленъ вопросъ: каковъ долженъ быть методъ для того, чтобы могла обосноваться наука? то единственнымъ отвѣтомъ можетъ быть слѣдующій: таковъ именно, каковъ онъ былъ. *Только тогда, когда существуетъ уже нѣсколько наукъ* и, слѣдовательно, *нѣсколько методовъ*, является возможность установить посредствомъ отвлеченія методологическія правила. Возникающая же наука экспериментируетъ только посредствомъ *своего* метода, и, чтобы судить о его годности, должна ожидать послѣдствій этого экспериментированія. Чѣмъ чаще методъ находитъ приложеніе, тѣмъ скорѣе возрастаетъ вѣроятность его правильности и, наконецъ, близко подходитъ къ достовѣрности.

Выгодность положенія философіи заключается въ томъ, что для рѣшенія вопроса о своемъ методѣ, она имѣетъ возможность пользоваться нѣсколькими общепризнанными науками и ихъ методами. Но, такъ какъ содержаніе этихъ наукъ различествуетъ отъ содержанія философіи, то естественно, что и методы ихъ могутъ быть приложены къ ней только по отношенію къ фор-

мальному ихъ моменту, характеризирующему пріемы познаванія этихъ наукъ. Характеристическій же признакъ пріемовъ научнаго познаванія заключается въ томъ, что всякое научное знаніе должно быть такъ или иначе доказано. Изъ этого видно, что отличіе научнаго познанія отъ обыденнаго заключается въ томъ, что послѣднее принимаетъ мышленіе, какъ познаніе, только потому, что оно—мышленіе; наука же, а вслѣдъ за нею и научная философія, признаетъ установленное еще Кантомъ различіе между мышленіемъ и познаніемъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что философія, принимающая различеніе мышленія и познанія, неизбѣжно предполагаетъ существованіе готовыхъ, законченныхъ наукъ и, въ то же время сама, развиваясь до уровня науки, непремѣнно оказываетъ на нее значительное воздѣйствіе, ибо разрѣшаетъ вопросы, имѣющіе большое значеніе для всей совокупности научнаго знанія. Изъ этого видно, что ученіе объ указанномъ выше основномъ различеніи, или теорія познаванія, должно быть поставлено во главѣ изученія философіи и, вмѣстѣ съ основывающейся на немъ философскою критикою (прилагающею основоначала, выработанныя теоріею познаванія къ изслѣдованію всѣхъ, какъ образованныхъ уже, такъ и образующихся понятій), должно получить значеніе общей философской пропедевтики [1]).

Обращаясь теперь къ позитивной философіи такъ, какъ она представляется въ «Курсѣ» Ог. Конта, мы не можемъ не замѣтить, что и для нея, какъ для философіи, по словамъ ея же важнѣйшаго представителя, «только еще начинающейся» [2]), существенно необходимо выйти изъ тѣсныхъ рамокъ схемы наукъ и, разработавъ содержащіеся въ ней элементы критики, развить набросанный Ог. Контомъ прелиминарій до высоты науки и образовать изъ него ту философскую пропедевтику, прелиминарій или пролегомены, необходимость которыхъ такъ рѣшительно признавалъ Ог. Контъ.

Такимъ образомъ, само собою представляется очевиднымъ, что дальнѣйшее развитіе позитивной философіи въ духѣ и смыслѣ содержащагося въ ней внутренно-побудительнаго момента

---

[1]) См. *C. Göring.* System der kritischen Philosophie. 1874. I Th., S. 6 und folg.

[2]) *E. Littré.* A. Comte et St. Mill. 1867. p. 40.

совершенно свободно отъ препятствія, будто бы представлявшагося въ неразрѣшимости стоящихъ на пути этого развитія вопросовъ и, главнымъ образомъ, зависитъ отъ талантовъ, знаній и философскаго развитія современныхъ позитивистовъ— продолжателей дѣла, основаніе которому было положено Ог. Контомъ.

Исходная точка и пути развитія позитивизма уже были, хотя и безъ достаточной полноты и опредѣленности, намѣчены у Ог. Конта, и послѣдователямъ его приходилось отнестись къ наслѣдію учителя, какъ къ дѣлу, только начатому имъ, и взяться за продолженіе этого дѣла вполнѣ серьезно и безъ всякой примѣси лицемѣрнаго смиренія. Само собою разумѣется, что одной доброй воли для этого еще недостаточно, но и одна она принесла бы первымъ шагамъ по-контовскаго позитивизма не малую долю пользы. Говорить «жалкія слова» о философіи *только начинающейся* и въ то же время смотрѣть сверху внизъ на всю современную философію, для развитія позитивизма тѣмъ особенно пагубно, что философія послѣ Ог. Конта вышла изъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ находилась въ его время, и стала не только ставить тѣ самые вопросы, которые были на очереди и у позитивистовъ, но и принялась разрѣшать ихъ въ чисто-научномъ смыслѣ. Англійскій позитивизмъ и нѣмецкій критическій реализмъ представляютъ именно такія направленія, въ виду которыхъ нео-позитивистамъ только и остается убѣдиться безъ всякой задней мысли, что «повтореніе словъ учителя» было бы дѣломъ совершенно безплоднымъ, а самостоятельная разработка вопросовъ, которые Ог. Контъ едва лишь намѣтилъ, напротивъ того, неотвратима и настоятельна.

Позитивизмъ послѣ Конта разрабатывается главнымъ образомъ гг. Литтрé и Вырубовымъ, о вліяніи которыхъ на характеръ современнаго позитивизма я и буду теперь говорить. Что же касается до другихъ позитивистовъ, подвизающихся въ журналѣ, издаваемомъ около десяти лѣтъ этими вождями позитивизма, то о нихъ, за исключеніемъ одного только *Guarin de Vitry*, едва ли стоитъ говорить, такъ какъ для развитія позитивизма они не имѣютъ никакого значенія. Всѣ хорошія статьи «Позитивнаго Обозрѣнія» могли бы найти мѣсто и во всякомъ журналѣ, придерживающемся научнаго направленія; специфически же позитивныя статьи такъ блѣдны, что не сообщаютъ позитивизму даже и попятнаго движенія, т.-е. не имѣютъ

и того отрицательнаго свойства, которымъ, какъ увидимъ, такъ нерѣдко отличаются философскія произведенія гг. Литтрé и Вырубова.

Де-Витри, какъ я только-что сказалъ, составляетъ исключеніе; но положеніе его среди остальныхъ позитивистовъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Де-Витри то и дѣло подходитъ къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые должны вывести позитивизмъ изъ его современнаго фазиса, но спутанный узами схематизма и обезсиленный общимъ невѣдѣніемъ философской критики, онъ или скользитъ по рѣшеніямъ этихъ вопросовъ, или, приблизясь къ нимъ, отступаетъ тотчасъ же, не видя ни значенія ихъ, ни ихъ послѣдствій, и всѣмъ жертвуя традиціонной схемѣ. Такъ выработавъ самобытно, или, говоря языкомъ Гоголя, «собственнымъ умомъ», идею необходимости философской критики, онъ и не подозрѣваетъ ея важности и подъ простодушнымъ названіемъ «*critique vocabulaire*» даетъ, какъ самъ говоритъ, *перечень словъ, подлежащихъ устраненію изъ науки* (mots á éliminer de la science), какую-то окрошку, которую гг. Литтрé и Вырубовъ не найдутъ возможнымъ конечно іерархизировать ни на какой манеръ. Онъ же, попавъ на вѣрную идею необходимости переработки идей абстрактной соціологіи Конта, не даетъ ей никакого хода исключительно только затѣмъ, чтобы все осталось по-старому. Прекрасная работа его о соціологіи осталась, вслѣдствіе этого, по существеннѣйшему вопросу безплодною [1]).

Обращаясь, поэтому, исключительно къ руководителямъ позитивизма, я остановлюсь прежде всего на томъ, какъ представилась имъ постановка того основного вопроса, который поднятъ мною на предшествовавшихъ страницахъ и который, какъ я пояснилъ, есть исходный вопросъ позитивизма. Литтрé имѣлъ уже поводъ коснуться его въ извѣстной монографіи «A. Comte et la philosophie positive», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1863 году. «Мнѣ представляется случай», говоритъ онъ, «отвѣтить на возраженіе, поднятое людьми просвѣщенными. Они говорятъ: «философія не можетъ быть рядомъ частныхъ философій; она есть нѣчто бóльшее». Достигнувъ предѣла труда Ог. Конта, философіи соціологіи, мы ожидаемъ заключенія. Причина тому

---

[1]) См. Considérations sur la constitution de la science sociale. La philosophie positive. Revue, 1875, № 6 et suiv.

слѣдующая: всякая философія охватываетъ за разъ и субъектъ, и объектъ. Метафизика отправляется отъ субъекта и пытается достигнуть объекта; позитивисты утверждаютъ, что она терпитъ крушеніе; пусть такъ; но, въ свою очередь, позитивисты погрѣшаютъ въ не менѣе значительномъ упущеніи: они не достигаютъ субъекта. И если они ссылаются на то, что біологія, заключая въ себѣ ученіе объ умственной дѣятельности, открываетъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, то ссылка эта еще не достаточна, такъ какъ, съ философской точки зрѣнія, отношеніе это должно быть выяснено въ заключеніи, а не въ промежуточномъ пунктѣ, гдѣ оно совершенно извращаетъ методъ, и гдѣ поэтому оно не можетъ и быть» [1]).

Намъ не важно въ настоящее время, что возраженіе это обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ критическою философіей и представляетъ содержаніе вопроса исчерпаннымъ, если въ немъ говорится о построеніяхъ, исходящихъ отъ субъекта и доходящихъ до объекта, и построеніяхъ обратныхъ; всѣ эти «*построенія*» давно уже сданы въ архивъ и смотрѣть на позитивную систему съ ихъ точки зрѣнія безполезно; но, повторяю, намъ нѣтъ дѣла до характера возраженія, намъ важно то, что оно вынудило Литтрé высказаться о вопросѣ, значеніе котораго я теперь стараюсь выяснить.

Но, что же говоритъ Литтрé?

«Разрѣшеніе этого вопроса», говоритъ онъ, «содержится скрыто въ Контѣ; мнѣ остается только раскрыть его и обнаружить. Взамѣнъ субъективныхъ принциповъ метафизики, которые были бы драгоцѣнны своими обобщеніями, если бы только не заводили въ безысходное положеніе, позитивная философія даетъ другую, свою собственную систему. Охватывая всю совокупность объективнаго знанія помощью установленія ряда частныхъ философій, она, по счастливому выраженію Ог. Конта, установляетъ въ то же время рядъ дѣйствительныхъ методовъ. Съ окончаніемъ перваго ряда и второй рядъ оказывается оконченнымъ. Такимъ образомъ, возраженіе устраняется; совокупность методовъ представляетъ дѣятельность субъекта; совокупность частныхъ философій—дѣятельность объекта; обѣ части взаимно пополняются, и цѣлое и есть именно то, чего желалъ Контъ и что онъ осуществилъ,—философія. Фактически

[1]) *E. Littré.* Ouvrage cité., p. 105.

позитивная философія въ этомъ новомъ порядкѣ обладаетъ всѣмъ тѣмъ дѣйствительнымъ значеніемъ, которое въ старомъ порядкѣ имѣла теологія и метафизика; тотъ, кто пытается теперь доказать это теоретически, давно доказываетъ то же самое на практикѣ, такъ какъ всякая написанная имъ строка, сама собою, безъ усилія, подчиняется прямому или косвенному контролю этой философіи.

«Изо всѣхъ могущественныхъ и удивительныхъ наведеній, какія только были сдѣланы науками», продолжаетъ Литтре, «ни одно, по моему мнѣнію, въ такой степени не могущественно и не удивительно, какъ то, посредствомъ котораго Ог. Контъ, открывъ связь наукъ и ихъ іерархическую систему, открылъ въ то же самое время позитивную философію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ приведенъ къ этому открытію наведеніемъ,—наведеніемъ, примѣненнымъ не къ фактамъ частной области, но *ко всѣмъ областямъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческое знаніе*. Если бы онъ примѣнилъ наведеніе къ частнымъ наукамъ, онъ достигъ бы факта научнаго; но примѣняя его къ частнымъ философіямъ наукъ, онъ достигъ факта философскаго. Какъ и во всѣхъ правильно веденныхъ наведеніяхъ, такъ и здѣсь, позитивныя частности преобразуются въ однородныя имъ общности. Частныя философіи, разсматриваемыя съ этихъ поръ въ связи реальныхъ понятій и дѣйствительныхъ методовъ, производятъ, посредствомъ высокаго усилія мысли, позитивную философію»[1]).

Не можетъ не кидаться въ глаза съ перваго взгляда то, что Литтрѣ принимаетъ возраженіе, не находя нужнымъ внести поправку въ постановку вопроса; онъ принимаетъ возраженіе со всею ясностью души, не омраченной умозрительными бурями зарейнскихъ сосѣдей;—и благо ему быть, такъ какъ онъ также живо обрабатываетъ возраженіе, какъ оно было сработано. Позитивная философія равна *суммѣ* частныхъ философій отдѣльныхъ наукъ, сложенной съ суммою ихъ методовъ, и ничего болѣе, но зато *все*, что требуется назойливымъ критикомъ: и дѣятельность объекта, и дѣятельность субъекта, словомъ, дѣло въ шляпѣ. Одного только тутъ нѣтъ,—да этого правда критикъ и не требовалъ—нѣтъ помину о тѣхъ общихъ положеніяхъ, о тѣхъ *généralités*, которыя составляютъ *необходимый прелиминарій позитивной философіи, по мысли Ог. Конта*, и имѣютъ

[1]) Id. p. 107.

цѣлью опредѣленіе характера и границъ области изслѣдованія,— области, замѣтимъ при этомъ, болѣе широкой, чѣмъ область однѣхъ только абстрактныхъ наукъ, о которыхъ только и говоритъ Литтрé. Нѣтъ рѣчи объ этомъ необходимомъ прелиминаріи, и остается неизвѣстнымъ, какая отдѣльная наука рѣшитъ его вопросы, какъ, напр., почему позитивная философія отвергаетъ понятія абсолютныя и изучаетъ только міръ явленій? какъ она принимаетъ тѣ понятія, безъ которыхъ это изученіе невозможно, какъ-то: понятіе явленія, причинности, закона и т. д.? Нѣтъ у Литтрé и намека на отвѣты, требуемые всѣми этими вопросами, и, слѣдовательно, не сдѣлано въ этомъ направленіи ничего для развитія идей, унаслѣдованныхъ отъ Ог. Конта.

Чтобы уяснить себѣ такой исходъ отвѣта на возраженіе, которое, при всей своей философской наивности, наводило на вѣрную мысль, надо пересмотрѣть тѣ общіе взгляды на позитивную философію, которые проводитъ Литтрé въ упомянутой выше монографіи, или, еще лучше, обратиться къ его отвѣту Миллю, гдѣ общіе эти взгляды резюмированы съ наибольшею опредѣленностью. «Позитивная философія», говоритъ онъ здѣсь, «возникаетъ какъ результатъ двухъ работъ: опредѣленія общихъ фактовъ каждой неполной науки и группированія или координаціи этихъ фактовъ. Въ опредѣленіи общихъ фактовъ отдѣльно взятой науки и координаціи (соподчиненія) ихъ и заключается философія науки... Когда Ог. Контъ, благодаря своимъ энциклопедическимъ знаніямъ, овладѣлъ всѣми общими фактами позитивныхъ наукъ, онъ понялъ, что владѣетъ элементами новой философіи, философскимъ содержаніемъ (substratum) вполнѣ оригинальнымъ и совершенно различнымъ отъ содержанія предшествовавшихъ философій. Такимъ образомъ, первая работа была окончена, и содержаніе философіи найдено. Вторая работа заключалась въ сообщеніи этому содержанію жизни и движенія, т.-е. въ приложеніи такого метода, который находился бы съ этимъ содержаніемъ въ соотвѣтствіи. Такъ какъ философія отдѣльной науки есть координація ея общихъ фактовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что *вся философія* (la philosophie totale) *есть координація отдѣльныхъ группъ, пріобрѣтенныхъ помощью первой работы.* Опасность здѣсь заключалась въ томъ, что для этой цѣли можно было взять принципомъ координаціи воззрѣніе, почерпнутое изъ разума и, посредствомъ такого ошибочнаго

пріема, ввести субъективное начало, отвергнутое во всей остальной работѣ. Координація была организована сообразно со степенью сложности явленій и проведена по степенямъ іерархіи фактовъ, представляемыхъ самою природою. Кромѣ того, координація эта одновременно имѣетъ опору въ исторіи, представляющей возрастаніе осложненія, и въ дидактикѣ, обязующей разумъ проходить рядъ осложненій постепенно. Такимъ образомъ, изъ матерьяловъ, никогда еще никѣмъ не собранныхъ, и при помощи принципа естественной, исторической и дидактической координаціи, не выставленнаго еще никѣмъ ранѣе Конта, создана была позитивная философія» [1]).

Гдѣ же философія только начинающаяся, о которой говоритъ Литтрé въ этой самой брошюрѣ?—спрашиваетъ удивленный читатель. Что же еще предстоитъ передѣлать за-ново и почему же это мы стоимъ только на порогѣ философіи, и не проникли въ самое святое святыхъ ея? Вѣдь все сдѣлано: содержаніе опредѣлено, руководящій принципъ найденъ. Ужели поправка мелкихъ, частныхъ ошибокъ Ог. Конта и окончаніе недодѣланныхъ имъ мелочей и частностей можетъ имѣть значеніе? Очевидно, что одно изъ двухъ утвержденій Литтрé ошибочно: или Контъ дѣйствительно оставилъ преемникамъ своимъ только начатую работу, и предстоитъ еще, согласно съ ея новыми началами, все передѣлать за-ново, или онъ сдѣлалъ все и оставилъ въ своемъ «Курсѣ» нѣкоторый Коранъ, который позитивистамъ и предстоитъ заучивать наизусть. По странному, совершенно не философскому ослѣпленію, Литтрé опять забылъ о прелиминаріи, который Ог. Контъ находилъ такъ необходимымъ, и о конкретныхъ наукахъ и теоріи искусства, которыя онъ включалъ въ область позитивной философіи; для Литтрé альфа и омега позитивной философіи—іерархія наукъ [2]), и рѣчи его о незаконченности философіи—пустыя фразы. Онъ разрушаетъ дѣло Ог. Конта и самъ не замѣчаетъ того: Ог. Контъ опредѣленно и рѣшительно различалъ *общія положенія отдѣльныхъ наукъ* отъ *общихъ положеній системы*, а Литтрé, въ *части* системы—*отдѣлъ абстрактныхъ наукъ*—видитъ *всю позитивную философію* и низводитъ ее до голой энциклопедической схемы.

---

[1]) *E. Littré*. A. Comte et St. Mill. p. 15—16.

[2]) *E. Littré*. A. Comte et la philosophie positive. p. 181, 185.

Полемика, возбужденная монографіей Ст. Милля объ Ог. Контѣ и позитивной философіи, еще ярче выставила это тощее и изнуренное состояніе позитивизма,—состояніе, которое, какъ увидимъ далѣе, г. Вырубовъ сумѣлъ повести еще далѣе, до самыхъ границъ послѣдней возможности. Хотя Милль и далъ вопросу постановку нѣсколько одностороннюю, но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ сдѣлалъ многое для выведенія позитивистовъ изъ усыпленія и побужденія ихъ къ пересмотру нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, которыя въ великомъ трудѣ Ог. Конта едва намѣчены или подразумѣваются и которыя, какъ я показалъ выше, дороги тѣмъ, что даютъ возможность позитивизму развиваться, сохраняя все то, что у Ог. Конта оказывается прочнымъ и плодотворнымъ.

«Истинное значеніе философіи», говоритъ Милль, «мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ принимали его въ древности, т.-е. въ смыслѣ научнаго знанія о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ, нравственномъ и соціальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ и его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что онъ можетъ знать,—насколько это касается способа познанія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія. Философія науки есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ сама наука, разсматриваемая не по отношенію къ ея результатамъ, истинамъ, которыя она опредѣляетъ, а по отношенію къ процессамъ, посредствомъ которыхъ умъ достигаетъ этихъ результатовъ, признакамъ, по какимъ онъ узнаетъ эти истины, а также по отношенію къ стройному и методическому расположенію ихъ въ видахъ возможно большей ясности пониманія, равно какъ самаго полнаго и удобнаго примѣненія; однимъ словомъ, это—логика науки. Касательно первыхъ пяти основныхъ наукъ своего ряда, Контъ достигъ предположенной цѣли съ успѣхомъ, которому едва ли можно достаточно надивиться. Даже менѣе изумительную часть его общаго обозрѣнія,—томъ о химіи и біологіи, который уже тогда стоялъ ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ и находится далеко позади нынѣшняго положенія ихъ,—даже этотъ томъ намъ никогда не случилось открывать безъ того, чтобы не почувствовать каждый разъ всей обширности умозрѣній, заключенныхъ въ немъ, и не убѣдиться, что путь поставить эти науки на совершенно раціональную ногу, далеко еще не вполнѣ

усвоенный большинствомъ занимающихся разработкою ихъ, нигдѣ такъ успѣшно не былъ указанъ.

«Но для вѣрной оцѣнки этого великаго философскаго произведенія, мы должны имѣть въ виду не только то, что не было исполнено, но также и то, что было сдѣлано. Нѣкоторые изъ главныхъ недостатковъ и слабостей контовой системы мышленія находятся, какъ это обыкновенно случается, въ тѣсной связи съ ея самыми высшими успѣхами.

«Философія науки состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Одна занимается методами изслѣдованія, другая разсматриваетъ требованія доказательности; одна указываетъ пути, которыми умъ человѣческій приходитъ къ заключеніямъ, другая—способъ, какимъ устанавливается ихъ очевидность. При полнотѣ—первая представила бы органонъ открытія, послѣдняя—органонъ доказательности. Контъ ограничивается, главнымъ образомъ, первою изъ этихъ частей и разрабатываетъ ее съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ. Ничто не можетъ сравниться съ его обзоромъ средствъ, какими умъ человѣческій располагаетъ для изслѣдованія законовъ явленій; съ его разборомъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ извѣстный основной видъ изслѣдованія примѣнимымъ или непримѣнимымъ къ тому или другому классу явленій; съ его изложеніемъ расширеній и видоизмѣненій, какія испытываетъ процессъ изслѣдованія, приспособляясь ко всякой новой области изученія; наконецъ, съ его изображеніемъ даровъ, какими каждая изъ основныхъ наукъ обогащаетъ методъ положительнаго изслѣдованія, такъ какъ та или другая наука лучше всего бываетъ способна довести до совершенства тотъ или другой процессъ. Эти и многіе сродные предметы, каковы теорія классификаціи и значеніе научныхъ гипотезъ, Контъ разработалъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, которое оставляетъ желать весьма немногаго. Не менѣе удивителенъ и его обзоръ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, достигаемыхъ каждою наукою и разсматриваемыхъ касательно ихъ отношенія къ общей суммѣ человѣческаго знанія и касательно ихъ логической важности, какъ вспомогательныхъ средствъ къ дальнѣйшему прогрессу. Но за всѣмъ этимъ остается совершенно особый вопросъ. Мы изучили прямой путь доискиваться результатовъ, но когда результатъ достигнутъ, какъ узнать, что онъ вѣренъ? Какъ удостовѣриться, что процессъ былъ веденъ правильно, что наши по-

сылки—состоятъ ли онѣ изъ обобщеній или изъ частныхъ фактовъ—дѣйствительно доказываютъ заключеніе, которое мы основали на нихъ? Контъ не думаетъ затрогивать этого вопроса. Онъ не даетъ пробнаго камня для доказательства. Что касается дедукціи, Контъ не признаетъ силлогистической системы Аристотеля и его преемниковъ (недостаточность этой системы такъ же очевидна, какъ дѣйствительна ея польза), и не предлагаетъ чего-либо другого на ея мѣсто; относительно же индукціи у него нѣтъ никакихъ правилъ. Онъ, кажется, не допускаетъ возможности какого-либо общаго критерія, которымъ можно было бы рѣшать: данное индуктивное заключеніе—вѣрно или нѣтъ? Впрочемъ, онъ не смотритъ, подобно Вевелю, на индуктивную теорію, какъ доказанную въ томъ случаѣ, если она согласуется съ фактами; напротивъ, онъ ставитъ себя въ полное противорѣчіе къ тѣмъ научнымъ гипотезамъ, которыя, какъ, напр., гипотеза свѣтового эфира, не подлежатъ прямому доказательству и принимаются единственно на основаніи приложимости ихъ къ объясненію явленій. Контъ утверждаетъ, что только та гипотеза законна, которая допускаетъ возможность повѣрки, что ни одна изъ нихъ не должна признаваться истинною, исключая случаевъ, когда можетъ быть показано не только то, что она согласуется съ фактами, но и то, что ея ложность несовмѣстима съ ними. Онъ, слѣдовательно, ищетъ критерія для индуктивныхъ доказательствъ и, не указывая такового, кажется, оставляетъ въ сторонѣ, какъ непрактичную, главную задачу собственно такъ-называемой логики. Въ началѣ своего трактата онъ говоритъ о теоріи метода, отдѣленной отъ частныхъ приложеній, какъ о вещи возможной, но не нужной: методъ, по его мнѣнію, изучается только тогда, когда прилагается, и логика науки можетъ быть съ пользою передана только самою наукою. Къ концу труда Контъ принимаетъ болѣе рѣшительный тонъ и считаетъ химерою всякую мысль о научной логикѣ внѣ ея примѣненія. Въ слѣдующихъ сочиненіяхъ онъ зашелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что призналъ ее вредной. Онъ не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной философіи другими ея отраслями, но даже сдѣлалъ все, зависящее отъ него, чтобъ воспрепятствовать такому пополненію [1])».

---

[1]) *Ст. Милль.* Ог. Контъ и поз. философія, стр. 50—53.

Въ отвѣтѣ своемъ на эти замѣчанія Милля, Литтре [1]) всего прежде указываетъ на допущенное Миллемъ смѣшеніе философіи и логики. «Мнѣ невозможно усвоить эту точку зрѣнія и смѣшивать логику и философію», говоритъ онъ. «И хотя я не упускаю изъ виду, что Милль говоритъ о «*наукѣ о человѣкѣ, какъ цѣломъ ученіи объ условіяхъ человѣческаго знанія*», и я готовъ согласиться, если угодно, что изъ этой формулы можно вывести положительныя науки, и, быть можетъ, и ихъ классификацію, но не менѣе истинно и то, что считая философію наукою о человѣкѣ, нельзя оставаться на томъ вѣрномъ пути, который такъ твердо начерталъ Ог. Контъ. *Философія есть общее изученіе міра*, или, выражаясь схоластически, объекта; и въ этомъ мірѣ, въ этомъ объектѣ, человѣкъ занимаетъ свое мѣсто и какъ существо одаренное жизнью, и какъ существо общественное. Было бы ошибочно, такимъ образомъ, ставить человѣка во главѣ философіи, и въ томъ случаѣ, когда такой пріемъ былъ бы косвеннымъ путемъ къ возврату на путь объективный, и въ томъ, когда психологическая точка зрѣнія стала бы дѣйствительною исходною точкою и, слѣдовательно, послужила бы основою ложнаго метода.

«Подъ *философіею науки*», продолжаетъ Литтре, «я разумѣю то же, что разумѣлъ Ог. Контъ, создавая философію математики, физики, химіи, біологіи. Выраженіе же: «*логика науки*» отождествляетъ ее съ названіемъ, къ области котораго логика вполнѣ и относится, и разсматриваетъ условія, при которыхъ, если можно такъ выразиться, она мыслитъ и познаетъ; но эти условія невозможно отождествлять съ общими положеніями, *изъ которыхъ слагается философія*. Невозможность эта становится очевидною въ противуположности, существующей между логикою человѣческаго ума и философіею человѣческаго ума: *логика человѣческаго ума*, т.-е. *условія мышленія и познаванія; философія человѣческаго ума*, т. е. *общія идеи о психологіи* (idées générales sur la psychologie). Наконецъ, въ основѣ всего этого замѣчается, что логика—формальна, философія—реальна; логика—образъ познаванія, философія—понятіе о вещахъ. Я замѣчу, что въ этомъ и заключается скрытая, но рѣшительная причина невозможности принятія психологіи за исходную точку философіи».

---

[1]) *E. Littré*. A. Comte et St. Mill.

Установивъ эти общія основанія различія понятій философіи, психологіи и логики, Литтрé во второй половинѣ своего отвѣта останавливается на ближайшемъ разсмотрѣніи замѣчаній Милля и начинаетъ съ разсмотрѣнія вопроса о мѣстѣ психологіи въ позитивной системѣ. Основою выясненія этого вопроса онъ выставляетъ различеніе изученія умственной дѣятельности отъ продуктовъ этой дѣятельности, установленное, какъ мы знаемъ, Ог. Контомъ. Изученіе умственной дѣятельности, или психологія въ собственномъ смыслѣ, составляетъ, по его мнѣнію, часть біологіи; что же касается изученія продуктовъ умственной дѣятельности, которому онъ придаетъ названіе *идеологіи*, то онъ *исключаетъ* ее сперва изъ позитивной системы совершенно (стр. 34); но, потомъ, еще разъ пересматривая ея значеніе и связь съ изученіемъ человѣческихъ потребностей, дѣйствій и произведеній, онъ настаиваетъ на единствѣ всѣхъ ихъ, какъ на самостоятельномъ ученіи о субъектѣ, и выражаетъ мнѣніе, что ученіе это можетъ быть разсматриваемо или какъ *дополненіе* къ *позитивной философіи* (appendice á la philosophie positive) или какъ *вѣтвь антропологіи*, положеніе которой онъ однако-же не опредѣляетъ (стр. 39).

Наконецъ, въ отвѣтѣ своемъ на замѣчанія Милля о логикѣ, Литтрé говоритъ, что придаетъ логикѣ большое значеніе и не безучастно относится къ наукѣ, сообщающей намъ понятія объ условіяхъ, поставленныхъ знаніемъ природы нашего разума, и дающей, такъ сказать, законное освященіе (санкцію) нашимъ сужденіямъ. «Но планъ Ог. Конта», говоритъ Литтрé, «не давалъ ему ничего равнозначущаго этому освященію. Планъ этотъ, заключающійся въ соединеніи іерархіи наукъ съ ихъ философіею, доставилъ ему для каждой отдѣльной области тотъ именно критерій достовѣрности, который составляетъ принадлежность этой, области; онъ достаточно безспоренъ, такъ что разбирать его мнѣ нѣтъ надобности; этотъ критерій—опытъ.

«Но настаиваютъ», продолжаетъ Литтрé, «и спрашиваютъ, какимъ образомъ знаете вы, что опытъ вашъ, что повѣрка ваша дѣйствительны? Я думаю, говорю я, отвѣчая на этотъ вопросъ, что не опытъ нуждается въ логикѣ, а, совершенно наоборотъ, логика нуждается въ опытѣ. Если бы научныя истины были вѣрны *только* логически, онѣ не выходили бы изъ круга гипотезъ, но когда опытъ установилъ эти истины, тогда и строится логическая теорія наведенія. Позитивная философія, такимъ

образомъ, вовсе не зависитъ отъ логики, а логика отъ позитивной философіи. Такъ, въ вопросѣ о всеобщности закона причинности: не изъ опыта ли познается эта всеобщность?—позитивная психологія доказала, вѣдь, что понятіе о причинѣ не присуще человѣческому разуму. Если это вѣрно, то какимъ образомъ узнается, что то или другое научное положеніе не противорѣчитъ истинѣ? Посредствомъ указанія на то, что во всѣхъ случаяхъ, какіе только встрѣчаются, оно потверждается опытомъ, и что, если попадаются исключенія, то его слѣдуетъ измѣнить или устранить. Все это до такой степени несомнѣнно, что всѣ наши самыя вѣрныя наведенія принимаются только подъ условіемъ постоянной провѣрки, и освященіе, которое имъ придаетъ логика, не можетъ отнять у нихъ этого характера относительности, т. е. не можетъ ничего прибавить къ ихъ достовѣрности. Какъ истина, такъ и заблужденіе могутъ быть двоякаго характера: или мысленнаго, обусловленнаго логикою или опытнаго, пріобрѣтаемаго изъ наукъ. Не мысленный характеръ господствуетъ надъ опытнымъ, а обратно—опытный надъ мысленнымъ. Ог. Контъ, слѣдуя этому господствующему характеру, не нуждался въ томъ, который ему подчиненъ.

«Опытъ потверждается непосредственнымъ усмотрѣніемъ (intuition)», заключаетъ Литтрé. «Наведеніе, выводъ повѣряется опытомъ, т.-е. непосредственнымъ усмотрѣніемъ. Научная достовѣрность, слѣдовательно, всегда и вездѣ есть достовѣрность непосредственнаго усмотрѣнія; она нуждается не въ доказательствахъ логики, но исключительно въ доказательствахъ опыта или непосредственнаго усмотрѣнія. Непосредственное усмотрѣніе, завися только отъ самого себя, согласно Ог. Конту и позитивной философіи, есть критерій объективной истины».

Общимъ заключеніемъ всего этого разсужденія Литтрé, я могу считать слѣдующія слова его:

«Милль, въ прекрасномъ сочиненіи своемъ о философіи Гамильтона, говоритъ о школѣ, значеніе которой постоянно возрастаетъ вездѣ съ тѣхъ поръ, какъ миновала реакція противъ Локка и Юма, и которая беретъ начало отъ Рида въ Англіи и отъ Канта на континентѣ. Эта школа есть школа психологическая; я принимаю ее (je l'asserte) и питаю по отношенію къ ней большую благодарность за возведеніе психологіи на степень позитивной науки; но школа эта не создала философіи; и, по правдѣ говоря, я не думаю, что когда-нибудь она будетъ

въ состояніи создать дѣйствительную философію по той причинѣ, что, какъ я объяснилъ, субъектъ подчиненъ объекту. Нельзя уклониться отъ природы вещей, и изученіе человѣка не дастъ понятія о мірѣ.

«Позитивное философствованіе, слѣдующее психологическому методу, заводитъ въ безысходное положеніе и такимъ образомъ ярко выставляетъ на видъ заслугу Ог. Конта. Онъ создалъ второй видъ позитивнаго философствованія—видъ объективный. Устраняя теологическую философію посредствомъ замѣны произвола законами, и философію метафизическую посредствомъ замѣны апріорныхъ понятій апостеріорными, онъ устранилъ и психологическую философію посредствомъ замѣны изученія человѣка изученіемъ міра. Послѣ этой замѣны безысходность положенія исчезла; науки, помощью іерархіи превращенныя въ органическое цѣлое, привели философію къ тому предѣлу, который исключаетъ разрывъ въ ихъ связи и противорѣчія въ ихъ содержаніи» [1]).

Нельзя не замѣтить прежде всего, что все это разсужденіе Литтрé, усиливаясь обосноваться на изученіи умственной дѣятельности, какъ одного изъ фактовъ, входящихъ въ общую цѣпь познаваемой дѣйствительности, стремится перейти къ точкѣ зрѣнія, разсматривающей умственную дѣятельность, *какъ прецедентъ всякаго знанія*, какъ фактъ, извѣстнымъ образомъ охватывающій всю познаваемую дѣйствительность, и что, слѣдовательно, оно само себѣ противорѣчитъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой отдѣльной наукѣ іерархическаго ряда возможно отнести самое это разсужденіе? Или достаточно будетъ сказать, что оно включается въ *appendice* курса позитивной философіи? Очевидно пока одно, что существуютъ понятія, изслѣдованіе которыхъ не находитъ себѣ мѣста въ іерархическомъ ряду наукъ, и что изслѣдованіе это,—какъ бы оно ни называлось: идеологія или по просту *appendice*,—представляется для позитивистовъ чѣмъ-то загадочнымъ: ни объемъ его, ни методъ, ни отношеніе къ системѣ, ничто не можетъ быть ими опредѣлено, и нѣкоторымъ позитивистамъ представляется до того сумбурно, что одинъ изъ нихъ допускаетъ возможность его существованія только, какъ «сборной команды человѣческаго знанія». Предшествовавшія объясненія подготовили уже выходъ изъ этого лабиринта;

---

[1]) Id. p. 41—42.

предстоитъ теперь повести ихъ далѣе и показать, какъ легко ложное направленіе, принятое Литтрé, атрофируетъ зачатки, намѣченные нами у Ог. Конта, и какъ еще легче порождаетъ оно особаго рода «*Afterphilosophie*», образчикъ которой я только что представилъ.

Предстоящія теперь объясненія должны послужить дальнѣйшему изслѣдованію вопросовъ, поднятыхъ Литтрé, и отвлекутъ насъ на время въ сторону; они будутъ, впрочемъ, тѣмъ особенно удобны, что исходною точкою ихъ послужитъ мнѣ взглядъ на происхожденіе нашего знанія, совершенно тождественный взгляду Литтрé, пожалуй, можно бы сказать заимствованный у Литтрé, если бы только этотъ послѣдній могъ считаться творцомъ его. Литтрé, какъ мы сейчасъ видѣли, ставитъ начало знанія въ опытѣ, а этотъ послѣдній сводитъ на *непосредственное усмотрѣніе* (intuition). И я также вижу въ опытѣ единственный источникъ нашего знанія, и я также начало опыта полагаю въ непосредственномъ усмотрѣніи, съ тою только разницею, что метафизическому термину этому предпочитаю научный терминъ—«*воспріятіе*» [1]). Итакъ, въ воспріятіи, обусловленномъ ощущеніями, лежитъ начало *опыта въ широкомъ смыслѣ* [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ и начало знанія. Но до знанія еще далеко: *чтобы познавать, необходимо прежде мыслить*. Въ чемъ же заклю-

---

[1]) «Какимъ бы образомъ и какими бы способами ни относилось познаніе наше къ предметамъ», говоритъ Кантъ, «все же тѣ способы, которыми оно относится къ предметамъ непосредственно и которымъ всякое мышленіе пользуется какъ средствомъ, есть воззрѣніе или непосредственное представленіе (Anschauung, въ переводѣ Барни intuition). Но непосредственное усмотрѣніе имѣетъ мѣсто только тогда, когда намъ данъ предметъ; этотъ послѣдній въ свою очередь можетъ быть данъ, по крайней мѣрѣ намъ, людямъ, только тогда, когда онъ дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на нашу душу. Способность образовывать представленія чрезъ посредство дѣйствія на насъ внѣшнихъ предметовъ называется чувственностью. Такимъ образомъ, посредствомъ чувственности предметы намъ даются, и только чувственность доставляетъ намъ непосредственныя усмотрѣнія...» (См. Критика чистаго разума. § 1. Трансц. эстетика.) Очевидно, что Литтрé можетъ говорить объ *intuition* только въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ словоупотребленія французскихъ метафизиковъ, которые подъ intuition разумѣютъ всякое сужденіе, представляющееся уму нашему самобытно, съ очевидною неотразимостью, безъ пособія размышленія. (См. Dictionnaire philosophique, 2-e ed., слово intuition).

[2]) *Для опыта въ тѣсномъ смыслѣ—эксперимента*, не существуетъ термина въ русскомъ языкѣ.

чается начало мышленія? Гдѣ его первый шагъ, первичный, простѣйшій элементъ? Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока воспріятіе, область котораго опредѣляется ощущеніями, извѣстнымъ образомъ не воспроизведено, до тѣхъ поръ не существуетъ еще признаковъ *умственной* дѣятельности, признаковъ *мышленія*. *Воспроизведеніе воспріятія*,—вотъ первый шагъ этой дѣятельности, первичный, простѣйшій элементъ мышленія. Воспроизведенное же извѣстнымъ образомъ воспріятіе называемъ мы *представленіемъ*.

Итакъ, всякое явленіе, которое такъ или иначе воспринимается нами, можетъ по тому самому стать предметомъ нашего представленія, можетъ мыслиться. Но всякое явленіе есть нѣчто конкретное, опредѣленнымъ образомъ индивидуальное; и представленіе, поэтому, есть также нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Этотъ существенный характеръ представленія имѣетъ, какъ сейчасъ увидимъ, большую важность; но пока, не останавливаясь на немъ, пойдемъ далѣе. Представленіе—это первый шагъ умственной дѣятельности, на которомъ человѣкъ не можетъ остановиться уже по одному тому, что онъ не въ состояніи справиться съ тою массою представленій, которая помимо воли его непрестанно возникаетъ, какъ результатъ не прекращающихся ощущеній, воспріятій, жизни. Нѣтъ никакой возможности сохранить въ представленіи всѣхъ людей, которыхъ мы встрѣчали, всѣ деревья, камни, зданія, которыя мы видѣли; мы безсильны неуклонно слѣдовать по пути представленій, мы падаемъ подъ бременемъ, которое онъ на насъ налагаетъ, и, поневолѣ, вмѣсто его широкаго и опредѣленнаго соотвѣтствія дѣйствительности, вмѣсто его полноты, ясности и законченности, должны довольствоваться ограниченіемъ, приблизительностью, тусклостью и отрывочностью, отвѣчающими мѣрѣ нашихъ силъ и способностей. Мы ищемъ сходства и различія между пріобрѣтаемыми нами представленіями, отвлекаемъ ихъ отъ этихъ представленій и соединяемъ вмѣстѣ. При этомъ соединеніи мы стремимся достигнуть сколь возможно большей полноты, опредѣленности, ясности и законченности, стремимся достигнуть такого логическаго идеала, который съ возможно меньшею потерею замѣнилъ бы намъ заслоняемыя имъ представленія; но большая или меньшая потеря все же таки очевидно неизбѣжна, такъ какъ всѣ черты различія, все индивидуальное должно было погибнуть и въ

результатѣ должна была явиться искусственная комбинація, не имѣющая въ дѣйствительности соотвѣтственнаго явленія,— соотвѣтственнаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ явленія соотвѣтствуютъ представленіямъ. Вмѣсто ряда представленій объ индивидахъ является здѣсь обобщеніе, каждому изъ которыхъ соотвѣтствуетъ рядъ явленій: человѣкъ вообще, дерево вообще, камень вообще. Эти комбинаціи и есть второй шагъ мышленія— *понятіе*. Такимъ образомъ, понятіе является только, какъ приспособленіе представленій къ свойствамъ мыслящаго субъекта, и не только не имѣетъ въ дѣйствительности соотвѣтственнаго явленія *подобно* представленію, но и само существуетъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ представленіе. Хотя мы и называемъ извѣстную комбинацію обрывковъ представленій—понятіемъ, но, какъ выше объяснено, комбинація эта никогда въ дѣйствительности не осуществляется, а является только, какъ стремленіе къ идеалу, къ которому болѣе или менѣе и приближается. Строго говоря, поэтому, понятія реально не существуютъ; или выражаясь иначе, мы не можемъ составить о понятіи, какъ явленіи, *никакого представленія*, и имѣемъ о немъ *только понятіе*, такое же понятіе, какое имѣемъ мы о животномъ, растеніи, минералѣ и т. п., мысля которыя, мы не мыслимъ ничего конкретнаго, индивидуальнаго.

Изъ предшествующаго явствуетъ, что представленіе, какъ первоосновный элементъ мышленія, находится въ полной независимости отъ понятій, которыя, напротивъ того, совершенно зависятъ отъ представленій. Такимъ образомъ, если мышленіе не сбивается на усвоеніе представленіямъ значенія понятій, что часто случается у обыденнаго мышленія вслѣдствіе неумѣнія образовать сколько-нибудь состоятельное понятіе, или не путается среди самобытно образовавшихся понятій и, смѣшавъ ихъ съ представленіями, не ищетъ и не измышляетъ для нихъ мнимыхъ объектовъ, то идетъ правильное образованіе понятія и соблюдается всегда строгое различеніе ихъ отъ представленій, чѣмъ и полагается основаніе выработкѣ сознательнаго процесса мышленія, рѣзко отличнаго отъ обыденнаго. Въ немъ, въ этомъ сознательномъ и критическомъ мышленіи, понятія имѣютъ свое опредѣленное положеніе и служатъ своей опредѣленной цѣли; сравнительно малое число ихъ, по вѣрному замѣчанію Шопенгауэра, охватываетъ и служитъ представителемъ цѣлой безконечности предметовъ и обстоятельствъ. Такимъ образомъ,

понятія служатъ критическому мышленію для преодолѣнія границъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ во времени и пространствѣ. Такъ какъ безчисленность явленій и ихъ постоянная измѣнчивость не допускаютъ образованія единичныхъ представленій о каждомъ изъ нихъ и такъ какъ, вслѣдствіе этого, никакая совокупность представленій не можетъ достичь знанія, которое могло бы быть только общею совокупностью всѣхъ доступныхъ человѣку представленій, то и приходится для цѣлей знанія образовывать понятія. Понятія эти, хотя и въ степени весьма далекой до совершенства, охватываютъ, однако-же, значительную долю этой совокупности и, являясь, такъ сказать, делегатами представленій, даютъ возможность оріентироваться среди безконечной массы представленій и мысленно овладѣть ею. Они имѣютъ, какъ видно изъ этого, очень важное значеніе для науки, а потому опредѣленіе правильности ихъ образованія и отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ имъ представленіямъ составляютъ одну изъ задачъ философской критики.

Теорія познаванія, какъ орудіе философской критики, установляя различіе между представленіемъ и понятіемъ, полагаетъ первое основаніе различію между критическимъ мышленіемъ и мышленіемъ обыденнымъ,—различію, имѣющему обширное приложеніе и широкое развитіе. Сознательное, отчетливое и ясное усвоеніе этого перваго и основного тезиса критики такъ важно, что я считаю необходимымъ остановиться на немъ и дополнить приведенное выше объясненіе примѣрами, т.-е. свести выставленное мною понятіе на нѣкоторыя изъ представленій, служащихъ ему основаніемъ [1]).

Лучшіе примѣры для настоящаго случая можетъ доставить намъ, какъ я думаю, та молодая наука, которая успѣла, однакоже, уйти такъ далеко, и которая блещетъ именами Адальберта

---

[1]) Изученію различія представленій и понятій могутъ служить слѣдующія сочиненія:

Herbart. Abriss der Logik. I. 77.

Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. II. Cap. 6.

Ueberweg. System der Logik. 3 Aufl. S. 106.

Baumann. Philosophie als Orientirung über die Welt. Cap. 2 und 3.

Sigwart. Logik. I B. 1 Abschn.

Göring. System der kritischen Philosophie. I Th.

Ст. Милль. Система Логики. Здѣсь особенно важное значеніе имѣетъ статья редактора перевода, приложенная къ 1 тому.

Куна, Макса Мюллера, Шварца, Бюрнуфа и мн. др.,—наука о миѳахъ [1]). Если мы припомнимъ сдѣланное прежде замѣчаніе, что «глаза и уши человѣка не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями, если разумъ его погруженъ еще въ состояніе варварства», и присоединимъ къ нему только что установленное положеніе о различіи между представленіями и понятіями, то намъ ясно представится смыслъ основной задачи науки, о которой идетъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, задача эта заключалась въ томъ, чтобы свести миѳическія понятія на представленія, и эти послѣднія на воспріятія и, раскрывъ такимъ образомъ реальное значеніе миѳа, объяснить его. Дѣйствуя такимъ образомъ, наука проходила вновь тотъ же путь, который былъ пройденъ обыденнымъ мышленіемъ при образованіи миѳа, но проходила его критически и потому могла опредѣлить всѣ невѣрно воспроизведенныя воспріятія и неправильно образованныя понятія. Она была односторонняя, метафизична, когда думала утверждать a priori, что воспріятія—эти корни миѳовъ—относятся *исключительно* къ такой или иной опредѣленной области: астрономической, метеорологической, антропологической и т. д., и она вышла изъ этой односторонности, когда рѣшила, что *вся совокупность явленій, воспринимаемыхъ человѣкомъ*, должна сдѣлаться областью ея изысканій, такъ какъ въ *возникновеніи и развитіи миѳа* могли участвовать и часто участвовали самыя разнообразныя воспріятія. Чтобы стало ясно, напримѣръ, какимъ образомъ эпитетъ зари въ Ведахъ—Ahâna—становится богинею грековъ *Ѳеиною*, для этого надо возстановить всю обширную картину въ пространствѣ и во времени, которая дала ту массу разнообразнаго матеріала, изъ котораго создалось это преобразованіе [2]).

Неумѣніе различать понятія и представленія прямо ведетъ къ исканію предмета, соотвѣтствующаго понятію и неизбѣж-

[1]) Для общаго знакомства съ наукою о миѳахъ, русскому читателю полезно обратиться къ статьѣ только что упомянутаго въ предшествовавшемъ примѣчаніи автора помѣщенной въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868 г. Спеціальному знакомству могутъ служить сочиненія и статьи гг. Аѳанасьева, Щепкина, Веселовскаго и Котляревскаго.

[2]) Изъ этого видно, что такъ-называемый *сравнительный* методъ есть единственный всеобщій истинно-научный методъ; сравнительнымъ же онъ названъ только по наиболѣе выдающемуся признаку, нисколько не выражающему основного его характера.

ному измышленію его, т.-е. къ превращенію понятія въ представленіе и образованію миѳа. По этой причинѣ, какой бы ни избрать примѣръ для приданія наглядности различію представленій и понятій, онъ непремѣнно приведетъ насъ къ скрытому или явному миѳу. Возьмемъ примѣръ хоть изъ области медицины: лихорадочныя явленія, какъ извѣстно, разсматриваются теперь, какъ процессы, и, какъ бы ни были различны толкованія этихъ процессовъ, несомнѣнно однако-же, что лихорадочный процессъ даетъ намъ сумму ощущеній, воспринимая которыя мы изъ готоваго матерьяла представленій строимъ о лихорадкѣ *понятіе* и, принимая его за представленіе, увѣрены въ существованіи его объекта, который, находясь въ данную минуту въ нашемъ организмѣ, можетъ находиться въ другое время и внѣ его, независимо отъ всякаго организма. Является, такимъ образомъ, скрытый миѳъ лихорадки,—миѳъ, въ который не особенно давно вѣровали сами медики. Идите дальше въ дебри некритической мысли и вы встрѣтите этотъ миѳъ явно: вы услышите разсказъ о лихорадкахъ, возсѣдавшихъ на деревьяхъ, бесѣдовавшихъ между собою и т. п.

Пріобрѣтя твердую точку опоры въ только-что выясненномъ различіи представленій и понятій, пойдемъ теперь далѣе.

Исходный пунктъ образованія представленій, какъ было уже объяснено, коренится въ воспріятіяхъ, обусловливаемыхъ нашими чувствами; воспріятія, поэтому, для всѣхъ нормальныхъ организмовъ имѣютъ значеніе *всеобщее* и совершаются *необходимо*. Ими, слѣдовательно, начинается и обыденное, и критическое мышленіе, ими же неизбѣжно начинается и познаваніе. Ошибочно было бы, однако-же, утверждать, что будучи всеобщи и необходимы и служа началомъ познаванію, сами они въ силу этихъ условій вѣрны. Намъ извѣстны многочисленные, всеобщіе и необходимые обманы чувствъ,—обманы, одинаково свойственные всѣмъ людямъ и никоимъ образомъ не могущіе быть устраняемыми конкретно, но при помощи опыта и науки устраняемые только въ мысли, отвлеченно. Не останавливаясь на излагаемыхъ въ исторіи философіи сомнѣніяхъ и вопросахъ, которыя были порождены наблюденіемъ надъ обманомъ чувствъ, замѣтимъ только, что знаніе этихъ обмановъ даетъ возможность исправлять ихъ и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ начальными элементами знанія. Хотя высочайшій идеалъ знанія заключается въ суммированіи представленій, но такое зна-

ніе для человѣка недостижимо. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе знанія возможно только, какъ это объяснено было выше, посредствомъ понятій, которыя, давая возможность мысли охватывать цѣлыя совокупности единичныхъ представленій, являются средствомъ, нѣкоторымъ образомъ выводящимъ человѣка изъ того ограниченія въ пространствѣ и времени, которому пришлось бы ему себя подвергнуть. Если бы не существовало возможности правильно образовывать понятія, не могло бы существовать и науки, которая, какъ объяснено было, коренится въ знаніи отдѣльныхъ, единичныхъ явленій и, вслѣдствіе невозможности неопредѣленнаго расширенія этихъ знаній, развивается при посредствѣ понятій.

Вышеприведенныя разъясненія показываютъ намъ, что теорія познаванія имѣетъ цѣлью устраненіе ошибокъ обыденнаго мышленія и установленіе такихъ правилъ для перехода отъ воспріятій къ понятіямъ, которыя могли бы вести не къ иллюзіямъ, не къ призракамъ, но къ дѣйствительному знанію. Теорія познаванія, какъ можно заключить изъ свойства ея задачи, основывается на результатахъ, добытыхъ всею областью положительнаго знанія и, главнымъ образомъ, психологіею, которая служитъ ей исходною точкою. Такое значеніе психологіи для теоріи познаванія нисколько не указываетъ, конечно, на существованіе въ психологіи такого общаго основоначала, изъ котораго возможно бы было *вывести* всѣ положенія теоріи познаванія, построить ее, какъ строились системы метафизиковъ; но это значеніе ея установляетъ то отношеніе законченнаго, готоваго знанія къ знанію развивающемуся, на которое я указалъ выше, т.-е. установляетъ только необходимость послѣдовательности при образованіи правилъ данной теоріи и считаетъ невозможнымъ образованіе ихъ, какъ руководящихъ, ранѣе тѣхъ наблюденій, которыя только и могутъ служить имъ достаточно надежнымъ основаніемъ [1]).

---

[1]) Неразличеніе психологіи и теоріи познаванія породило нѣкоторыя недоразумѣнія въ вопросѣ недавно разсматривавшемся въ нашей литературѣ, а именно: кому разработывать психологію? Понятно, что естественная исторія мышленія (психологія), можетъ быть разрабатываема только естествовѣдами; съ этимъ могутъ не соглашаться только метафизики, до которыхъ наукѣ нѣтъ дѣла; но также точно понятно и то, что физіологи безсильны въ вопросахъ этики этого мышленія (теоріи познаванія), разработывать которые могутъ только философы. Если г. Сѣче-

Теорія познаванія, такимъ образомъ, должна установить правила, руководящія мышленіемъ при достиженіи имъ дѣйствительнаго, непризрачнаго знанія. Образованіе понятій и затѣмъ комбинированіе ихъ, обыкновенно составляющее предметъ логики, входитъ, какъ видно изъ этого, въ область теоріи познаванія и вмѣстѣ съ нею и служитъ орудіемъ философской критики.

Разсмотримъ же теперь хоть въ общихъ чертахъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ теорія познаванія, а вмѣстѣ съ нею и логика, достигаютъ знанія?

Чувственныя воспріятія разсматриваются нами—за несуществованіемъ другихъ прецедентовъ въ дѣятельности психическаго механизма—какъ начальные элементы мышленія. Доставляемый ими матеріалъ, хотя и сопряженъ съ наивысшею степенью субъективной достовѣрности и всегда разсматривается поэтому обыденнымъ мышленіемъ, какъ знаніе, не можетъ почитаться таковымъ съ критической точки зрѣнія. Если бы мы обладали только имъ, то намъ пришлось бы идти рука объ руку съ обыденнымъ мышленіемъ, ибо сознаніе ошибки и у насъ явиться не могло бы и мы бы также не имѣли никакого основанія для рѣшенія вопроса о правильности или неправильности того или другого воспріятія. Посмотримъ же, какимъ образомъ критическая мысль избѣгаетъ повторенія ошибокъ обыденнаго мышленія.

Чувственныя воспріятія оставляютъ впечатлѣнія, которыя

нову и удалось выйти болѣе или менѣе удачно изъ тѣхъ затрудненій, которыя были созданы для него смѣшеніемъ обоихъ родовъ вопросовъ въ его «психологическихъ этюдахъ», то это произошло только по той причинѣ, что г. Сѣченовъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ физіологовъ. Пусть кто-нибудь изъ заурядныхъ физіологовъ возьмется за задачу г. Сѣченова, и мы увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ и г. Сѣченовъ не всегда удерживаетъ выясненіе философскихъ вопросовъ на уровнѣ своихъ чисто-спеціальныхъ изслѣдованій и, кромѣ не критическаго отношенія къ понятію причинности, у него могутъ быть найдены и другіе слабые пункты. Всѣ философскіе вопросы, выясненные г. Сѣченовымъ въ его этюдахъ, подлежатъ вообще разсмотрѣнію, которое никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тою спеціальностью, въ которой г. С. давно стоитъ на ряду съ первостепенными европейскими авторитетами. Доводы мистиковъ, раздваивающихъ эту спеціальность и пытающихся подвергнуть сомнѣнію компетентность физіологовъ въ области психологіи, берутъ исходную точку свою внѣ науки и потому не стоятъ никакихъ возраженій.

при повтореніи воспріятія рано или поздно возбуждаютъ сознаніе того, что воспріятіе имѣетъ мѣсто уже не въ первый разъ, и что, слѣдовательно, оно относится къ одному и тому же объекту. Этотъ психическій актъ, ведущій отъ двухъ данныхъ представленій къ третьему, переходитъ уже предѣлы непосредственности и долженъ быть разсматриваемъ, какъ *заключеніе*. Это первобытное заключеніе есть основаніе всякаго сужденія и всякаго опытнаго знанія. Оно неизбѣжно должно существовать ранѣе, чѣмъ начнется образованіе понятій, какъ въ смыслѣ обыденномъ, такъ и въ смыслѣ логическомъ. Ранѣе, чѣмъ дитя при появленіи отца, произнесетъ слово «папа», необходимо, чтобы его чувственное воспріятіе въ данную минуту было тождественно съ опредѣленнымъ представленіемъ, сохраненнымъ его памятью. Только смѣшеніе обыденнаго и логическаго мышленія могло извратить этотъ порядокъ и пытаться поставить представленія въ зависимость отъ понятій, или, что то же, превратить понятія въ источникъ нашего знанія.

Обыденное мышленіе мнитъ себя обладающимъ внѣшними предметами непосредственно, поэтому оно и считаетъ возможнымъ провѣрить на нихъ свои представленія. Оно сравниваетъ представленіе съ его предметомъ и опредѣляетъ истину, какъ согласованіе представленія съ предметомъ. Критическая точка зрѣнія не допускаетъ такого сравненія. Мы знаемъ, что въ обладаніи нашемъ находятся не предметы, а только ихъ представленія; мы не станемъ поэтому сравнивать представленій съ предметами, а только представленія съ представленіями, если только, наученные опытомъ, имѣемъ въ виду установить для него критерій, который обезпечивалъ бы насъ отъ некритическаго смѣшенія обыденнаго мышленія съ познаваніемъ и давалъ бы намъ право связывать съ нашими представленіями мысль объ объективномъ существованіи представляемаго.

Опытъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что психологическая необходимость, связываемая нами съ чувственными воспріятіями, вовсе не представляетъ всегда и во всякомъ случаѣ достаточнаго основанія для убѣжденія въ дѣйствительномъ существованіи воспринятаго: обманы чувствъ и галлюцинаціи сопровождаются, какъ извѣстно, высшею степенью субъективной достовѣрности. Такимъ образомъ, для объективности чувственнаго воспріятія не существуетъ никакого критерія; только при посредствѣ сопоставленія другихъ моментовъ возможно пріі-

обрѣсти увѣренность въ томъ, что впечатлѣніе, произведенное на нашъ органъ, идетъ извнѣ или обусловлено состояніемъ нашего организма. При этомъ, наблюдающій долженъ находиться въ томъ нормальномъ физическомъ и нравственномъ состояніи, при которомъ безпристрастное сужденіе о воспріятіи было бы возможно. Самое это сужденіе предполагаетъ въ свою очередь значительное участіе опыта по отношенію къ упомянутымъ выше обманамъ; во всякомъ же случаѣ, только это сужденіе, т.-е. только отвлеченное знаніе, даетъ возможность сознать заблужденіе и преодолѣть его. Невѣжество, какъ замѣтилъ Кантъ, не сознаетъ себя невѣжествомъ. Для него не существуетъ возможности составить представленіе о себѣ самомъ, такъ какъ для этого необходимо посредство науки, точно такъ же какъ слѣпой не можетъ составить представленія о мракѣ, пока онъ остается слѣпымъ. Но обыденное мышленіе и находится именно въ положеніи слѣпого: оно за заблужденіями своими признаетъ всеобщую достовѣрность.

Если, такимъ образомъ, идетъ дѣло о томъ, чтобы отыскать достаточное основаніе для утвержденія существованія представляемаго, то можно вообще сказать, что всякое чувственное воспріятіе опытнаго субъекта, находящагося въ нормальномъ состояніи, должно считаться такимъ достаточнымъ основаніемъ. Оно же служитъ и для заключенія о правильности воспріятія и другихъ лицъ; опытъ научаетъ разбирать какъ тѣ случаи, когда обманы чувствъ и т. п. совершаются въ силу психологической необходимости, такъ и тѣ, когда воспріятіе можетъ и должно быть признано правильнымъ. Изъ этого видно, что психологическое основаніе необходимости дѣйствительнаго существованія представляемаго недостаточно для критическаго мышленія и должно быть восполнено основаніемъ логическимъ, которое и дается не какими-либо апріорными опредѣленіями, но исключительно только опытомъ. Какъ руководство критическому мышленію и служатъ, такимъ образомъ, законы логики, способствующіе установленію знанія косвенно, помощью устраненія ложныхъ путей и пріемовъ при образованіи понятій и комбинацій ихъ—сужденій.

Очевидно, такимъ образомъ, что *ложно* комбинированныя, хотя бы и правильныя представленія, такъ же какъ и ложныя представленія, хотя бы и *правильно* комбинированныя, представляютъ одинъ только процессъ мышленія, но не процессъ

познаванія, и одинаково не ведутъ къ знанію. Только правильное комбинированіе правильныхъ представленій можетъ вести къ нему. Объ эти задачи и разрѣшаются логикой и теоріей познаванія, которыя даютъ руководящія правила для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей и идутъ поэтому рука объ руку во главѣ философіи, отрѣшившейся отъ некритическихъ пріемовъ обыденнаго мышленія и вытекающаго изъ него догматизма.

Гёрингъ, взглядовъ котораго я придерживался при выясненіи этого вопроса, подтвердилъ приведенное разрѣшеніе его еще и тѣмъ, что осуществилъ свою идею трактатомъ о теоріи познаванія, представляющимъ полный и законченный сводъ основоначалъ критическаго реализма. Нѣкоторыя изъ положеній Гёринга, отвѣчающія цѣлямъ настоящаго этюда, были приведены уже мною въ своемъ мѣстѣ, съ другими—читатель ознакомится далѣе и такимъ образомъ получитъ возможность судить самостоятельно о значеніи ихъ для развитія позитивизма.

Мы можемъ возвратиться теперь къ изложенной выше полемикѣ Литтре́ и Милля и, опираясь на только-что выясненныя воззрѣнія, сдѣлать о ней окончательное заключеніе. Милль, какъ это теперь очевидно, ставитъ вопросы неопредѣленно: въ первой части своихъ замѣчаній онъ говоритъ о различіи философіи науки отъ логики науки, а во второй, развивая идею логики, незамѣтно сводитъ ее къ логикѣ всеобщей; при этомъ онъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ смѣшиваетъ научный методъ съ логикою, какъ бы забывая, что пока логическіе законы не установлены или не предполагаются, до тѣхъ поръ никакой методъ невозможенъ. Литтре́ въ своемъ отвѣтѣ совсѣмъ и не пытается распутать это сплетеніе двухъ несогласныхъ между собою воззрѣній, но возражаетъ на каждое изъ нихъ отдѣльно: онъ разсматриваетъ и сопоставленіе философіи науки и логики науки, и всеобщую логику, и связанный съ нею вопросъ о психологіи, какъ исходной точкѣ философіи, въ смыслѣ будто бы неизбѣжно—метафизическомъ. Литтре́, несмотря на всю запутанность своего отвѣта, приходитъ, однако-же, къ тому результату, что ученіе о субъектѣ можетъ быть разсматриваемо какъ *дополненіе* къ позитивной философіи. Это смутное признаніе связи теоріи познаванія съ позитивной системой у Литтрѐ въ высшей степени многозначительно, въ виду того, что имъ было потрачено столько усилій для доказательства, что внѣ схемы шести абстрактныхъ наукъ не существуетъ и не можетъ существовать ничего, могу-

щаго въ какомъ бы то ни было смыслѣ пріурочиваться къ системѣ позитивной философіи. Схема шести наукъ, какъ рѣшительно утверждаетъ не разъ Литтрé, вполнѣ исчерпываетъ собою содержаніе позитивной философіи; какимъ же образомъ и на какомъ основаніи можетъ возникнуть и организоваться дополненіе? Дополненіе это—уступка, которая лишаетъ значенія всѣ доводы Литтрé. Послѣ согласія его на необходимость дополненія, излагающаго ученіе о субъектѣ, всѣ аргументы, опровергающіе тѣ положенія Милля, которыя ведутъ къ этому концу, теряютъ силу. Я не оставлю ихъ однако-же совсѣмъ безъ вниманія: во-первыхъ, потому, что, допуская «*дополненіе*», Литтрé все жъ таки отвергаетъ логику какъ часть его, и во-вторыхъ, по той причинѣ, что нѣкоторыя побочныя соображенія Литтрé затрогиваютъ вопросы, разъясненіе которыхъ для позитивизма должно быть признано не лишеннымъ значенія. Устраненіе логики совершается у Литтрé явно потому, что онъ не различаетъ обыденнаго мышленія отъ критическаго, не различаетъ представленій отъ понятій, словомъ, не различаетъ того, что различать научаетъ теорія познаванія. Однимъ этимъ смѣшеніемъ столь различныхъ вещей, одною этою, такъ-сказать, аляповатостью своихъ пріемовъ, онъ указываетъ уже на недостатокъ орудій, которыя могли бы способствовать къ болѣе тонкой работѣ; но онъ впадаетъ въ еще бóльшую ошибку, пытаясь подчинить логику схемѣ наукъ; какъ будто бы и обыденное знаніе, исходящее изъ тѣхъ же воспріятій, какъ и научное, не могло бы построить своей схемы и отстаивать основанную на ней логику на томъ же основаніи, что и Литтрé? Вѣдь систему Ог. Конта—приходится повторить еще разъ—возводитъ въ позитивность не принципъ іерархизаціи; если бы даже онъ былъ и ложенъ, то совокупность элементовъ, нынѣ входящихъ въ систему Ог. Конта, была бы все жъ таки научна, позитивна, т.-е. отлична отъ воззрѣній обыденнаго мышленія. Чтó же дѣлаетъ ее позитивною? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ только и можетъ служить выработанная на научномъ основаніи теорія познаванія. Безъ нея позитивный характеръ системы остается догматическимъ утвержденіемъ, страдающимъ всѣми тѣми недостатками, которые *я* теперь мало-по-малу и обнаруживаю.

Вникая въ полемику Литтрé и Милля, нельзя не обратить вниманія на то, что у Литтрé, а можетъ быть, и у Милля, замѣчается убѣжденіе въ возможности спасенія отъ *построеній* во

вкусѣ метафизики только при исключительномъ посредствѣ единственнаго способа—схематизированья научнаго матеріала. Когда Милль говоритъ о логикѣ науки и философіи науки, онъ очевидно предполагаетъ схему этихъ наукъ и именно схему Ог. Конта; когда же онъ, неизбѣжною силою послѣдовательности, приходитъ къ всеобщей логикѣ, то разсужденіе его получаетъ характеръ крайней неопредѣленности, такъ какъ онъ останавливается именно тогда, когда приходится рѣшить вопросъ о связи и отношеніи этой всеобщей логики къ общей схемѣ. Почему останавливается онъ? Не потому ли, что постановкою логики во главѣ философіи онъ полагаетъ схему Ог. Конта устраненною и, по неимѣніи иной схемы, опасается необходимости столь пугающаго позитивистовъ *построенія*? Но это только предположеніе, на которомъ я не настаиваю. Иное дѣло аргументы Литтрé: Литтрé прямо говоритъ, что при всей готовности его допустить возможность вывода изъ формулы Милля положительныхъ наукъ, и *быть можетъ*, и ихъ классификаціи, онъ, въ силу убѣжденія въ сравнительно высокомъ совершенствѣ классификаціи Ог. Конта, не можетъ принять формулы Милля. Здѣсь явно уже то, что замѣчаніе Милля принято въ смыслѣ указанія на исходную точку либо *метафизическаго построенія* наукъ (вывести положительныя науки), либо *позитивнаго ихъ схематизированія*. Первое—Литтрé признаетъ возможнымъ и тѣмъ, само собою разумѣется, наноситъ *съ своей точки зрѣнія* смертельный ударъ идеѣ Милля; второе—онъ только допускаетъ, т.-е. не выражаетъ увѣренности въ томъ, что идея Милля можетъ пригодиться для позитивныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, Литтре выказываетъ совершенно ясно, что онъ не допускаетъ для философіи никакихъ иныхъ путей, кромѣ метафизическаго построенія и позитивнаго схематизированія; неизбѣжно поэтому, заключаетъ онъ, отстаивать во чтобы то ни стало схему Ог. Конта: разрушеніе ея—гибель философіи и открытіе рокового пути въ пучины метафизики. Метафизическій призракъ какъ видно изъ этого, держитъ, точно въ блокадѣ, замкнутый въ схемѣ позитивизмъ и не даетъ ему никакого выхода къ развитію. Такое своеобразное отрицательное вліяніе метафизики на позитивизмъ проистекаетъ несомнѣнно изъ того, что позитивизмъ не имѣетъ понятія о единственно возможномъ для него выходѣ, выходѣ черезъ широкія и просторныя ворота критической философіи. Она одна только могла бы показать позити-

вистамъ, что, не разрушая основной идеи схемы и отодвигая ее только на второй планъ, возможно не прибѣгая къ метафизическимъ построеніямъ, разработать научный матеріалъ и создать изъ него философію на основаніи, доставляемомъ теоріею познаванія. Уже то мѣсто въ возраженіи Литтрѣ, гдѣ онъ ставитъ на одну доску *Рида* и *Канта*, даетъ указаніе на обычное у французовъ незнакомство съ исторіей философіи внѣ Франціи и происходящее отъ того легковѣсное отношеніе и къ такимъ мыслителямъ, у которыхъ позитивистамъ такъ полезно было бы поучиться. Литтрé полагаетъ, что вся заслуга школы Ог. Конта заключается въ томъ, что «школа эта создала позитивную психологію» (?), но что попытка этой школы создать философію тщетна, ибо «изученіе человѣка не даетъ понятія о мірѣ». Литтрé, какъ видно изъ этого, воображаетъ, что идея критической философіи исчерпывается философскою критикою въ тѣсномъ смыслѣ, существующей какъ-то метафизично an sich und für sich. Очевидно также, что съ современнымъ нѣмецкимъ критицизмомъ онъ вовсе не знакомъ, хотя новое критическое движеніе въ Германіи началось за два года до выхода отвѣта его Миллю, а за годъ вышло уже 1-е изданіе «Исторіи матеріализма» Ланге, сопоставленіе воззрѣній котораго съ воззрѣніями главы современнаго позитивизма низводитъ эти послѣднія до чего-то крайне наивнаго и мизернаго.

Все это понижаетъ значеніе аргументовъ Литтрé чуть ли не до нуля, и хотя аргументы эти обличаютъ большую трату ума и таланта, но еще ярче обнаруживаютъ они ту ложную точку исхода, которая въ конецъ губитъ всю эту трату интеллектуальныхъ силъ. Литтрé надсаживается надъ вопросами, которые нѣмецкая философія не только рѣшила, но—болѣе того—преодолѣла, совсѣмъ устранила изъ области философскихъ изысканій и успѣла уже уйти далеко... Неудивительно поэтому, что Литтрé, пользующійся извѣстностью какъ ученый, вовсе не извѣстенъ нѣмцамъ какъ философъ, или, по крайней мѣрѣ, о немъ считаютъ излишнимъ упоминать даже и тѣ, которые очень сочувственно относятся къ философскимъ заслугамъ Ог. Конта (Ланге, Дюрингъ, Гёрингъ).

Сдѣланный обзоръ полемики Литтрé и Милля привелъ насъ къ изслѣдованію значенія критическаго элемента въ позитивной философіи; мы видѣли однако-же, что разсмотрѣнная нами полемика не ставила прямо этого вопроса, не представляла воз-

раженій, направленныхъ именно противъ этого принципа. Хотя въ моихъ разъясненіяхъ я постоянно имѣлъ въ виду такую прямую постановку, но считаю, однако, необходимымъ показать ранѣе, чѣмъ пойду далѣе, что и фактически въ прямой постановкѣ этой не заключается ничего такого, что содержало бы въ себѣ по отношенію къ состоятельности и устойчивости критическаго принципа какую-либо серьезную опасность. Изъ возраженій, направленныхъ прямо противъ критики Канта, я остановлюсь на аргументахъ *Гербарта*, какъ на исходящихъ отъ мыслителя, у философскихъ воззрѣній котораго нельзя отнять извѣстную степень научнаго характера, и *Гегеля*, какъ наиболѣе общеизвѣстныхъ.

Необходимость изслѣдованія понятій Гербартъ признавалъ, но не только не провелъ послѣдовательно идеи этой въ своей философской системѣ, но самъ сталъ въ противорѣчіе съ нею, установляя метафизику какъ отдѣльную область, въ зависимость отъ которой онъ затѣмъ ставилъ критику. Причина этой непослѣдовательности и противорѣчія заключалась въ томъ, что Гербартъ въ общей задачѣ философской критики усматривалъ смѣшеніе психологіи и метафизики и полагалъ, что такое смѣшеніе можетъ принести вредъ обѣимъ дисциплинамъ. Такъ какъ замѣчаніе Гербарта относилось собственно къ критикѣ Канта, то онъ былъ правъ, утверждая, что критика эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходила въ метафизику, но онъ ошибался, полагая, что къ ней примѣшивалась психологія. Онъ, такимъ образомъ, не опредѣлилъ правильно ошибки Канта, не попытался, по устраненіи ея, заново перерѣшить задачу критики, но самъ впалъ въ еще большую ошибку, уклонясь, безъ достаточнаго основанія, отъ критическаго направленія. Что же касается собственно ошибочнаго взгляда Гербарта на рѣшеніе критической задачи Кантомъ, то взгляду этому много поспособствовали позднѣйшія усилія кантіанцевъ выяснить вопросъ о роли метафизики и психологіи въ «Критикѣ чистаго разума». Особенность неудачъ этихъ усилій заключалась въ томъ, что, при безсиліи защиты ихъ противъ нападеній, они устремлялись всегда въ сторону, противоположную той, къ которой вело послѣдовательное развитіе ихъ принципа. Постоянно смѣшивая истинное и ложное, они въ высшей степени облегчали тѣмъ для Гербарта опроверженіе ихъ отдѣльныхъ положеній. Такъ, напр., когда Фрисъ, опредѣляя задачу теоріи познаванія,

утверждалъ, что «мы не создаемъ міра, мы желаемъ только познать тѣ правила, на основаніи которыхъ образуется въ умѣ нашемъ правильное на міръ воззрѣніе», то Гербартъ получалъ возможность дать ему слѣдующій отвѣтъ: «Правильное человѣческое воззрѣніе? Когда оно уже существуетъ какъ законченное, тогда, конечно, есть возможность наблюдать его; но наблюденіе является въ такомъ случаѣ ужъ поздно, потому что для законченнаго дѣла нѣтъ нужды ни въ какой помощи. Если же оно еще не закончено, то и наблюдать его невозможно». Скажи Фрисъ: «мы желаемъ установить правила, на основаніи которыхъ *должно быть* образовано *правильное* воззрѣніе», то всякое основаніе къ опроверженію его положенія было бы устранено, потому что, какъ объяснено было выше, всякая наука до тѣхъ поръ экспериментируетъ и до тѣхъ поръ не можетъ ни ручаться за свое знаніе, ни доказать его, пока не добыто *правильное воззрѣніе*; когда же есть основаніе полагать, что такое воззрѣніе добыто, тогда является возможность *наблюдать* возникновеніе его, и на основаніи результатовъ этого наблюденія—установлять правила, примѣненіе которыхъ къ возникающей наукѣ представляетъ извѣстную степень вѣроятности по отношенію къ плодотворности своихъ послѣдствій.

Гербартъ утверждалъ, что раціональная психологія должна быть выработана системою философіи, и въ этомъ онъ былъ совершенно правъ. Но такъ какъ теорія познаванія развивается главнымъ образомъ изъ психологической основы, то Гербартъ, упустившій изъ виду то двойственное значеніе психологіи, на которое указано было выше, не могъ прійти къ пониманію роли ея въ философской пропедевтикѣ. Припомнимъ еще разъ, что психологія, поскольку изучается ею умственная дѣятельность, имѣетъ къ философіи двойственное отношеніе: съ одной стороны, умственная дѣятельность необходимо предполагается философіею, какъ и другими науками; съ другой—она, вмѣстѣ съ другими явленіями, составляетъ предметъ философскаго изслѣдованія. Принесеніе одного изъ этихъ значеній въ жертву другому необходимо влечетъ за собою извращеніе философской системы, или даетъ ей метафизическую исходную точку, или низводитъ ее къ лишенной философскаго значенія энциклопедіи наукъ. Выходъ изъ такой альтернативы совершается при помощи разрѣшенія вопроса объ отношеніи философіи, какъ развивающейся науки, къ общей совокупности наукъ законченъ-

ныхъ, готовыхъ,—вопроса, который былъ разсмотрѣнъ выше и который затѣмъ привелъ насъ къ опредѣленію отношенія теоріи познаванія къ систематическому знанію и формулировкѣ ея задачи.

Что же касается возраженія противъ принципа критической философіи творца «философіи тождества» Гегеля, то я не стану долго останавливаться на немъ, такъ какъ эта знаменитая нѣкогда философія своимъ непризнаніемъ различія мышленія отъ познаванія впала въ ту основную ошибку обыденнаго мышленія, значеніе которой было уже достаточно выяснено. Возраженіе Гегеля гораздо болѣе остроумно, чѣмъ глубоко, и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ производить впечатлѣніе только своею наглядностью. Гегель говоритъ, что познаваніе можетъ быть испытываемо только познаваніемъ же; но желать познавать прежде, чѣмъ познаемъ что-либо, такъ же неосновательно, какъ предложеніе того схоластика, который желалъ учить плавать прежде погруженія въ воду. Смѣшеніе познанія и теоріи познаванія здѣсь очевидно, какъ это было уже замѣчено историками философіи. Оставаясь при сравненіи, надо сказать, что Кантъ не собирался учить плавать, но имѣлъ въ виду только опредѣленіе условій, при которыхъ плаваніе возможно. Или, взявъ другое сравненіе: зрѣніе и теорію зрѣнія; не должны ли мы вынести убѣжденіе, что теорія зрѣнія должна быть признана негодною, потому что она составлена при помощи зрѣнія?..

Считая теперь принципъ критицизма достаточно выясненнымъ и роль главныхъ орудій его—теоріи познанія и логики—достаточно опредѣленною, я перехожу къ изслѣдованію того общаго понятія о философіи, которое можетъ быть выработано на основаніи добытыхъ до сихъ поръ результатовъ и которое поможетъ намъ установить взглядъ на подлежащія изслѣдованію основоначала позитивной системы и условія ихъ развитія.

Рибо, въ монографіи своей объ англійской психологіи, и вслѣдъ за нимъ Льюисъ, въ «Вопросахъ о жизни и духѣ», обращаютъ вниманіе на то, что отвлеченіе имѣетъ свои степени подобно числу, и что возможно бы было избѣжать нѣкотораго смѣшенія понятія, если бы философія обладала какимъ-нибудь точнымъ обозначеніемъ возрастанія степеней отвлеченія, показывающимъ сразу, основаны ли отвлеченія эти на отвлеченіяхъ

низшихъ степеней или непосредственно на воспріятіяхъ. Ясно, что эта мысль Рибо и Льюиса весьма удачно дополняетъ изложенный выше взглядъ на образованіе понятій и наглядно указываетъ на ту лѣстницу ихъ, которая ведетъ отъ представленій къ высшимъ философскимъ обобщеніямъ. Окинемъ взглядомъ всю эту лѣстницу и мы отдадимъ себѣ опредѣленный отчетъ въ значеніи и цѣли каждой изъ ея ступеней. Источникъ знанія—представленія; но и обыденное мышленіе, ведущее къ суевѣріямъ и заблужденіямъ всякаго рода, начинается тоже съ нихъ; сборникъ представленій, какъ таковой, не имѣетъ поэтому не только никакого значенія для науки, но можетъ даже не имѣть и никакого отношенія къ ней. Чтобы отношенія представленій къ наукѣ установились, чтобы представленія эти получили значеніе, необходимо всего прежде, чтобы они были собраны цѣлесообразно, что возможно только въ томъ случаѣ, когда лицо, собирающее ихъ, имѣетъ понятіе объ этой цѣлесообразности, т.-е. знаетъ, что всякое накопленіе представленій всенеизбѣжнымъ образомъ должно имѣть свой предѣлъ, такъ какъ при возрастаніи этого накопленія непремѣнно наступаетъ моментъ, когда опасность дальнѣйшаго продолженія работы становится совершенно явною: очевиднымъ дѣлается для всѣхъ и каждаго, что не существуетъ понятія, которое могло бы охватить всю массу накопленнаго матеріала, не существуетъ разума, который могъ бы оріентироваться среди ея безбрежности. Словомъ, настаетъ моментъ образованія понятій. Необходимо не только отказаться на время отъ дальнѣйшаго накопленія представленій, но и отъ массы уже накопленныхъ; она уйдетъ, потеряется, растворится въ понятіяхъ, но зато то, что останется въ нихъ, останется прочно, свяжется стройно и организуетъ науку, содержаніе которой хотя и будетъ неизбѣжно бѣднѣе того предполагаемаго ряда представленій, который долженъ въ мысли соотвѣтствовать конкретному ряду дѣйствительныхъ явленій, но взамѣнъ того содержаніе это будетъ доступно для человѣческаго ума, будетъ плодотворно для него, въ немъ будетъ нѣчто оріентирующее и просвѣщающее [1]). Едва однако-же начался

---

[1]) Мнѣнія Дюрана де-Гро и Фернанда Папильона о значеніи философіи, приводимыя г. Ѳ. Вешняковымъ въ его «Recherches», и еще болѣе мнѣнія самого г. Вешнякова имѣютъ съ моимъ мнѣніемъ много точекъ соприкосновенія, но я не могу, къ сожалѣнію, остановиться на нихъ,

процессъ образованія понятій, какъ неотвратимая послѣдовательность его развитія, неизбѣжно требуетъ не останавливать его произвольно, не обрывать гдѣ попало, но вести все далѣе и далѣе, пока не составится то самое общее понятіе, которое идеально можетъ соотвѣтствовать всецѣлой полнотѣ представленій, т.-е. пока не составится понятіе о мірѣ какъ цѣломъ, пока не образуется основное понятіе философіи. Отъ общей совокупности собранныхъ представленій до такого самаго общаго понятія ведетъ цѣлая лѣстница понятій, охватывающихъ все болѣе и болѣе широкія группы явленій и постоянно восходящая все къ болѣе и болѣе высшимъ степенямъ отвлеченій, какъ сказалъ бы Рибо. Такимъ образомъ вся лѣстница человѣческаго знанія, начинаясь съ представленій и оканчиваясь философіей, является какъ нѣчто цѣльное, связное и непрерывное, между частями котораго существуетъ извѣстное опредѣленное взаимодѣйствіе: съ одной стороны, образованіе понятій возможно только изъ матеріала представленій, съ другой—накопленіе и группированіе представленій подчиняется цѣлямъ, ставимымъ понятіями. Очевидно поэтому, что какъ на понятіяхъ неизбѣжно отражается свойство взятыхъ для него представленій, такъ и на собранныхъ и приведенныхъ въ извѣстный порядокъ представленіяхъ непремѣнно отражаются тѣ понятія, которыми опредѣлялась цѣль ихъ собиранія и группированія. Изъ этого видно, что въ общемъ строѣ правильно развивающагося знанія различіе между наукою и философіею можетъ быть только относительнымъ и противопоставленіе философіи наукѣ, или отрицаніе философіи или науки, можетъ исходить только изъ недоразумѣнія, порождаемаго отсутствіемъ или несовершенствомъ тѣхъ понятій, которыя имѣютъ общее руководящее значеніе во всемъ

потому что и различіе нашихъ мнѣній очень значительно и потребовало бы слишкомъ пространныхъ объясненій. Не могу не замѣтить только, что упрекъ въ недостаткѣ точности, допущеніи произвольныхъ пріемовъ и т. д., дѣлаемый г. Вешняковымъ философіи вообще, не можетъ быть оправданъ съ точки зрѣнія критическаго реализма, который признаетъ часть недостатковъ философской работы, указываемыхъ г. Вешняковымъ, неизбѣжно присущими всякой совокупности *понятій*, а часть считаетъ достояніемъ одной только метафизики. (См. Recherches sur les conditions anthropologiques de la production scientifique et esthètique, par *Theodore Wechniakoff*. Partie anthropologique. 2 fascicule, p. 17). Замѣчу еще, что трудъ г. Вешнякова достоинъ самаго серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся философіей.

строѣ знанія. Мы можемъ утверждать, конечно, что наука начинается вмѣстѣ съ образованіемъ частныхъ понятій, и охватываетъ всѣ группы этихъ понятій, а философія, предметъ которой есть міръ, слагается не изъ понятій, охватывающихъ представленія о конкретныхъ частяхъ своего предмета, а изъ сравнительно высшихъ понятій, образованныхъ изъ этихъ послѣднихъ и охватывающихъ группы явленій, образованныхъ умозрительно и не встрѣчающихся какъ конкретные аггрегаты. Но мы знаемъ также, что разработка матеріала науки, т.-е. собираніе и группированіе представленій для образованія понятій, непосредственно относящихся къ представленіямъ, или отвлеченій первой степени, и затѣмъ собираніе, группированіе этихъ отвлеченій для образованія отвлеченій слѣдующей степени и т. д., обусловлено цѣлью, для которой они назначаются. Поэтому, если цѣль, руководящая образованіемъ понятій, есть знаніе частной группы явленій, то мы имѣемъ право утверждать, что не выходили изъ области науки; но если матеріалъ этой самой науки будетъ разработанъ не съ одною только цѣлью знанія этой группы явленій, но и съ цѣлью знанія цѣлаго, къ которому она относится, то очевидно разработка получитъ иной характеръ, явится необходимость образованія понятій высшаго порядка, и наука до такой степени проникнется философскимъ характеромъ, что мы получимъ право назвать ее не просто наукой, какъ называли прежде, но философіей науки. Въ этомъ смыслѣ я и разумѣю различіе конкретныхъ наукъ отъ абстрактныхъ въ системѣ Ог. Конта и на этомъ основаніи нахожу правильнымъ усвоеніе этими послѣдними названія философій отдѣльныхъ наукъ; но на этомъ же основаніи не могу признать правильною мысль Литтрé о достаточности простого суммированія абстрактныхъ наукъ для образованія философіи, а считаю необходимымъ развить тѣ зачатки общихъ, высшихъ понятій, которые нахожу у Ог. Конта. Я считаю философію наукою не потому, что она есть сумма наукъ, но потому, что она формируетъ свои понятія и изъ того же матеріала, изъ котораго образуютъ понятія свои науки, и тѣмъ же методомъ, который служитъ наукамъ. Философія, такимъ образомъ, также какъ и всѣ науки, имѣетъ корни свои въ нашихъ воспріятіяхъ и, въ то же время, не имѣетъ отъ воспріятій этихъ путей, отличныхъ отъ путей науки или противоположныхъ имъ; философія есть результатъ прямого и непосредственнаго продолженія развитія

научнаго знанія, завершеніе его, съ одной стороны обусловленное объективно, и съ другой—неизбѣжное для всякаго послѣдовательнаго ума.

Итакъ, когда Ог. Контъ говоритъ о «простой эрудиціи», когда Вундтъ называетъ ученость «пустымъ многознаніемъ», когда Дюрингъ выставляетъ на видъ «низшую, собственно описательную науку», когда Гэккель нападаетъ на «зоологовъ-музеевъ, ботаниковъ-гербаріевъ и всякихъ Species-Macher'овъ», то они не имѣютъ конечно въ виду умалить значеніе науки и такимъ образомъ достичь возвеличенія философіи. Какъ бы различно ни понимали названные мыслители отношеніе между философіею и наукою, но слова ихъ все же таки могутъ имѣть въ виду только градацію и связь различныхъ научныхъ дисциплинъ и установленіе того благотворнаго сознанія взаимодѣйствія между философіею и наукою, которое такъ часто забывается не только философами, превращающимися въ метафизиковъ, но и учеными, становящимися буквоѣдами.

Предшествовавшія указанія не должны давать, какъ я думаю, повода къ недоразумѣнію по отношенію къ тому, что нужно здѣсь разумѣть подъ буквоѣдствомъ. Наука начинается съ представленій и даетъ въ окончательномъ результатѣ способы оріентироваться между ними; поэтому значеніе представленій опредѣляется не пространственною мѣрою явленій, съ которыхъ сняты представленія, но цѣлесообразностью ихъ, опредѣляемою понятіями. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что философъ принимаетъ мелочь въ обыденномъ смыслѣ этого слова, и которые на основаніи такого ошибочнаго понятія берутъ на себя защиту необходимости этихъ мелочей. Detail-Krämerei съ философской точки зрѣнія заключается вовсе не въ объемѣ объекта наблюденій или результата ихъ, а въ отсутствіи возможности вліянія ихъ на образованіе понятій. Буквоѣды именно и не хотятъ понять того, что накопленіе представленій можетъ итти безъ конца, и что всякое новое представленіе, не могущее такъ или иначе видоизмѣнить понятіе, совершенно излишне. Цѣль науки—образованіе понятій; сознаніе этой цѣли—спасеніе отъ Detail-Krämerei и вѣрный путь къ стройному органическому складу науки, къ достиженію ею философскаго характера. Какой-нибудь, едва уловимый микроскопомъ признакъ, какое-нибудь истолкованіе одного слова въ памятникѣ старины, какая-нибудь мельчайшая черта нравовъ, обычаевъ, языка, мо-

жетъ, очевидно, производить цѣлые перевороты въ образованіи понятій, а слѣдовательно и въ наукѣ. Часто приходится здѣсь отмѣчать букашекъ и итти мимо слоновъ безъ боязни впасть въ буквоѣдство; и, напротивъ того, легко впасть въ него, написавъ о слонахъ цѣлую монографію, которая нисколько не измѣнитъ ни одного изъ существующихъ понятій, хотя, быть можетъ, и поразитъ простодушныхъ обиліемъ накопленныхъ авторомъ представленій,—обиліемъ, считающимся еще у многихъ вѣрнымъ признакомъ многознанія.

Я имѣлъ уже случай говорить, что въ эпоху появленія «Курса позитивной философіи» Ог. Конта между наукою и философіею существовала самая рѣшительная рознь, такъ что къ пониманію идей Ог. Конта были подготовлены только немногіе избранные умы. Ог. Контъ провозгласилъ принципъ связи науки и философіи и положилъ основаніе выясненію этой связи въ тѣхъ зачаткахъ философской критики, на которые указано было выше. Я объяснилъ однако-же, что, безъ развитія этихъ зачатковъ, система Ог. Конта остается только энциклопедіей наукъ и до высоты философіи не можетъ подняться. Въ настоящее время она и находится именно на этомъ уровнѣ вслѣдствіе характера работъ вождей современнаго позитивизма, которые отвергли указанія Ог. Конта на необходимость образованія основоначальныхъ понятій и ограничились простымъ суммированіемъ частныхъ результатовъ отдѣльныхъ наукъ. Позитивизмъ продолжаетъ такимъ образомъ носить названіе философіи только въ силу тѣхъ зачаточныхъ элементовъ философіи, которые въ немъ содержатся и изъ которыхъ философія можетъ развиться; въ дѣйствительности же онъ остается организованнымъ для выработки философіи матеріаломъ. А между тѣмъ, новая школа Канта, геніальнаго мыслителя, стремившагося, подобно Ог. Конту, обосновать философію на наукѣ, снова воскресила задачу Канта и Ог. Конта и, подвергнувъ воззрѣнія Канта испытанію посредствомъ имъ же созданнаго орудія—критики, выработала мало-по-малу то основоначало, которое осталось неразвитымъ въ школѣ Ог. Конта, и представила намъ дѣйствительное осуществленіе связи и единства всѣхъ степеней знанія. Ознакомленіе читателя съ рѣшеніемъ этой задачи и составляетъ одну изъ цѣлей настоящаго этюда и совершается по мѣрѣ того, какъ подвигается предпринятое изученіе основоначалъ позитивизма.

Возрожденіе и въ концѣ-концовъ полное преобразованіе кри-

тической философіи есть дѣло еще весьма новое, понимаемое пока еще нѣсколько различно и мало обрѣтающееся въ авантажѣ у ученыхъ. Цёлльнеръ, въ своей удивительной книгѣ: «О кометахъ», приходитъ къ заключенію, что «большинство современныхъ представителей точныхъ наукъ лишено ясно сознаннаго пониманія первыхъ принциповъ теоріи познаванія». Книга Цёлльнера, недавній отзывъ о которой въ нашей литературѣ долженъ былъ дать читателямъ совершенно ложное понятіе объ авторѣ и его цѣляхъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшей европейской литературы, и если бы тотъ легкомысленный отмѣтчикъ, который пустилъ въ ходъ упомянутый выше о ней отзывъ, прочиталъ ее, то у него навѣрно на всю жизнь пропала бы охота говорить о томъ, чего онъ не знаетъ. Книгу Цёлльнера слѣдовало бы знать всякому литератору, не равнодушно относящемуся къ вопросу о нравственномъ и умственномъ уровнѣ литературы и принимающему къ сердцу обиліе въ ней низменныхъ мѣстъ и—главное—причины этого обилія. Пока причины эти останутся, до тѣхъ поръ всегда найдутся люди, готовые швырять грязью въ такое свѣтлое явленіе, какъ «Ueber die Natur der Cometen» Цёлльнера: угождая втершимся въ литературу проходимцамъ, люди эти трудиться будутъ не даромъ...

Вотъ эта-то книга Цёлльнера и содержитъ разоблаченіе тѣхъ золъ, которыя вносятся отсутствіемъ связи философіи и науки въ эту послѣднюю. Остановимся пока надъ этою стороною послѣдствій разрозненности знанія. Цёлльнеръ показываетъ намъ то плачевное состояніе, до котораго доходитъ наука, не руководимая высшими обобщеніями философіи. Критика, которой онъ подвергаетъ ученыя работы нѣкоторыхъ европейскихъ знаменитостей, имѣетъ высоко-поучительное значеніе для всякаго ученаго, въ особенности же для того, кто занятъ самостоятельными изслѣдованіями [1]). Слѣдуя за Цёлльнеромъ,

---

[1]) Нельзя не остановиться надъ ярко очерченнымъ типомъ представителя современной ученой ограниченности въ Германіи. «Когда въ настоящее время», говоритъ Цёлльнеръ, «молодой человѣкъ, работая въ лабораторіи, установитъ новое соединеніе или откроетъ «новый рядъ», то онъ подробно опишетъ приведшія къ его результатамъ манипуляціи и анализы, напечатаетъ это описаніе какъ диссертацію и достигнетъ первой стадіи на пути къ вершинѣ славы—докторства. Если же у него есть въ наличности склонность, настойчивость и, всего прежде, средства къ даль-

мы убѣдимся въ недостаткѣ знакомства многихъ современныхъ ученыхъ съ первыми основаніями теоріи познаванія и ясно увидимъ всѣ печальныя послѣдствія такого незнакомства. Мы увидимъ, что для образованія понятій какой бы то ни было частной области необходимы свѣдѣнія, далеко заходящія за предѣлы этой области, и что никакая мѣра богатства накопленныхъ представленій и частныхъ понятій не можетъ возмѣстить недостатка этихъ общихъ руководящихъ понятій, основоначалъ всякой правильной умственной работы. Мы увидимъ, что легковѣсное отношеніе къ философіи ученыхъ, замкнутыхъ въ своей спеціальности, пагубно отражается всего прежде на результатахъ ихъ же изслѣдованій и что фантастическія попытки взлетать къ высшимъ обобщеніемъ непосредственно отъ своей спеціальности, безъ изученія общей совокупности и связи человѣческаго знанія, никогда не оставались безнаказанными, всегда были попытками Икара.

Въ послѣднее время не мало удивлялись тому, что многіе извѣстные ученые увѣровали въ спиритизмъ и заговорили о такихъ вещахъ, о которыхъ до сихъ поръ могли толковать развѣ посѣтители знахарокъ и гадальщицъ. Удивительнаго однако же въ фактѣ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ обрывокъ науки (спеціальность) не гарантируетъ еще отъ заблужденій, подобныхъ заблужденіямъ спиритическимъ, и примѣры, такъ называемой, *двойной бухгалтеріи* очень стары. Дѣло въ томъ, что исключительное изученіе какой-нибудь спеціальности можетъ развить

нѣйшему лаборантству, и онъ можетъ нѣкоторое время отдаться самостоятельно этимъ занятіямъ, ставшими ему любимыми,—онъ достигаетъ второй стадіи—доцентуры. Вторая счастливая находка, открытіе второго «новаго ряда»,—и вотъ, содержаніе для новой диссертаціи готово. Если же вѣетъ вѣтеръ благопріятный, т.-е. если новый доцентъ, помимо привлекательности своихъ чтеній, обладаетъ гибкостью и любезностью характера, достаточными для того, чтобы служитъ у дающихъ тонъ людей науки герольдомъ ихъ славы, то вскорѣ суденышко его бросаетъ якорь въ тихомъ пристанищѣ профессуры, и въ великомъ царствѣ ученыхъ становится однимъ гражданиномъ болѣе. Подобно тому какъ въ химіи, идетъ дѣло и въ области другихъ наукъ: методы и инструменты налицо, формулы готовы, и если только юный ученый обладаетъ требуемыми свойствами характера, всего прежде любезностью, терпѣніемъ, умственнымъ самоотреченіемъ и сильнымъ здоровьемъ, то карьера его сдѣлана,—онъ профессоръ, и послѣ того вопросъ объ открытіи имъ въ лабораторіи новыхъ рядовъ или на обсерваторіи новыхъ кометъ для него болѣе не существуетъ». (Vorrede, XIII).

способность образованія понятій изъ представленій этой спеціальности до весьма высокой степени, повесть къ открытіямъ, изобрѣтеніямъ и т. д.; но такъ какъ образованіе понятій у спеціалиста, замкнутаго въ своей спеціальности, оставаясь исключительнымъ, не можетъ перейти границъ эмпиризма, то за предѣлами спеціальности оно и теряетъ всякое значеніе. Спеціалистъ, достигшій совершенства въ группировкѣ представленій и образованій изъ нихъ понятій въ нѣдрахъ своей науки, только тогда переноситъ умѣніе свое и за предѣлы этой науки, когда онъ работаетъ не эмпирически, т.-е. когда онъ руководится теоріей познаванія и философскою критикою,—методомъ, господствующимъ надъ его пріемами, способами и манипуляціями. Безъ знакомства съ этимъ высшимъ методомъ, онъ въ виду *необычныхъ* представленій легко можетъ оказаться наивнѣе хорошо веденнаго ребенка. Спеціальность, какъ ампутированная часть живаго цѣлаго, не можетъ исполнять функцій этого цѣлаго; вотъ почему и можетъ она мириться даже съ такой мизерной мистикой, какова спиритическая; съ мистикой этой можетъ примириться и догматическая философія, какъ родственная ей по произвольности своихъ положеній, и только *критическая философія* представляетъ *принципіальное* ея отрицаніе.

Что же сказать, наконецъ, о той узкой гелертерской ограниченности, которая сознательно отрицаетъ философію, не будучи въ силахъ составить о ней сколько-нибудь опредѣленное и добросовѣстно провѣренное понятіе? «Попробуйте», говоритъ Спенсеръ, «вдѣть руку о пяти пальцахъ въ перчатку, у которой ихъ только четыре, и вы убѣдитесь, что такая попытка равнозначуща попыткѣ вдвинуть сложную идею въ умъ, способности котораго сравнительно несложны. По мѣрѣ того, какъ нѣкоторые термины и отношенія, совокупность которыхъ входитъ въ идею, возрастаютъ въ числѣ и разнообразіи, необходимо для пониманія этой идеи и столь же сложная и разнообразная дѣятельность частей мысленнаго строя. Если нѣкоторыхъ изъ этихъ частей не существуетъ, то будутъ понятны однѣ только части идеи» [1]). Неспособность къ пониманію философіи и вѣчная прикованность къ обыденному мышленію даже и при громадномъ накопленіи спеціальныхъ знаній можетъ быть объяснена очевидно только умственною ограниченностью, переходящею

[1]) *H. Spencer.* Introduction à la science sociale. 1874, p. 132.

иногда даже и въ глупость, помочь которой, какъ утверждалъ Кантъ, совершенно невозможно, «хотя тупая голова и можетъ посредствомъ усилія дойти до учености». Итакъ, отрицающихъ философію, или «ржущихъ при произнесеніи слова философія» какъ замѣтилъ А. А. Козловъ [1]), остается только предоставить самимъ себѣ. Философія на вѣки вѣковъ останется для нихъ «наукою лѣни»; они до смерти будутъ ломать свои донъ-кихотскія копья за это *bon mot*, возникшее въ печальную эпоху и въ свое время заклейменное [2]).

Уясненіе связи науки и философіи прямымъ путемъ ведетъ къ вѣрному взгляду на попытку философіи отрѣшиться отъ этой связи и развиваться внѣ всякой зависимости отъ положительнаго знанія. Такая попытка есть результатъ фантастической мечты о возможности независимаго отъ представленій процесса образованія понятій,—мечты, допускающей возможность существованія ихъ ранѣе представленій. Такъ какъ понятія независимо отъ представленій образоваться не могутъ, то попытка мыслить ихъ независимыми отъ представленій можетъ возникнуть только въ некритическомъ мышленіи невидящаго или скры-

---

[1]) *А. Козловъ*. Философскіе этюды. 1876, стр. XIII.

[2]) Всякій, читавшій «Психологическіе этюды» г. Сѣченова знаетъ, какимъ блестящимъ образомъ ведетъ ученый этотъ борьбу противъ того міросозерцанія, которое подъ именемъ метафизики отвергается позитивною и вообще научною философіею. Нельзя не замѣтить однако же, что г. Сѣченовъ не обращаетъ никакого вниманія на различіе терминовъ и смѣшиваетъ метафизику съ философіей. Ведя борьбу противъ метафизики, г. Сѣченовъ говоритъ однако же не всегда о ней, а нерѣдко и о философіи, которую и осуждаетъ за одно съ метафизикой. Самъ г. Сѣченовъ не станетъ спорить, конечно, что его психологическіе этюды представляютъ собою *трактатъ философскій;* по крайней мѣрѣ я не знаю той области знанія, къ которой бы можно было пріурочить цѣлый рядъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ, какъ-то: разсужденіе о индукціи и дедукціи (стр. 110, 114, 133 и 134), о научномъ методѣ вообще (стр. 173), о характеристическихъ свойствахъ метафизическихъ воззрѣній (стр. 197) и т. д. У него, наконецъ, прорывается такое выраженіе: «это моя философія» (стр. 219). На основаніи всего этого я рѣшаюсь утверждать, что г. Сѣченовъ никогда не думалъ считать философію погибшею, т.-е. никогда не думалъ отрицать ее, а отрицалъ только метафизику, указывая въ то же время съ замѣчательною ясностью и опредѣленностью на условія развитія, характеръ и значеніе научной философіи,—той самой философіи, одного изъ блестящихъ представителей которой (Гельмгольца) онъ такъ высоко ставитъ. Тѣмъ печальнѣе недоразумѣніе, которое могутъ порождать и несомнѣнно порождаютъ вышеприведенныя неточности его выраженій.

вающаго отъ себя роковую неизбѣжность этой зависимости и удовлетворяющагося такимъ наивнымъ самообманомъ. Задача критики и заключается между прочимъ въ томъ, чтобы раскрыть этотъ самообманъ, свести мышленіе съ этого ложнаго пути и указать пустоту и безплодность усилій, направленныхъ къ извращенію логическаго его порядка. Ог. Контъ не указалъ генезиса такой ложной оцѣнки значенія понятій и былъ даже далекъ отъ мысли о связи ея съ обыденнымъ мышленіемъ, но онъ охарактеризовалъ его вѣрно, выдѣлилъ изъ позитивной философіи рѣшительно и окончательно. Эта характеристика ложнаго взгляда на понятія и есть одинъ изъ зачаточныхъ элементовъ того прелиминарія, необходимость котораго, какъ мы знаемъ, Ог. Контъ сознавалъ, но который школа его отвергаетъ или игнорируетъ. Характеристика ложнаго взгляда на понятія обозначается у Ог. Конта на первыхъ же страницахъ его «Курса» въ формѣ «закона трехъ состояній». Законъ этотъ, имѣющій у Ог. Конта значеніе закона соціологическаго, является здѣсь какъ опредѣленіе грани позитивнаго и непозитивнаго мышленія, т.-е., главнымъ образомъ, какъ орудіе философской критики, имѣющее отношеніе ко всей совокупности знанія и не пріурочивающееся спеціально ни къ одной отдѣльной наукѣ. Не придавая важнаго значенія выдѣленію фазиса мышленія, предшествующаго метафизическому, по той причинѣ, что уже Аристотель не вводилъ въ область философіи тѣхъ воззрѣній, которыя имѣли миѳическую форму, и обращая исключительное вниманіе на отличіе метафизическаго воззрѣнія отъ позитивнаго, мы ясно усмотримъ, что существенный характеръ его имѣетъ методологическое основаніе. Ог. Контъ именно налегаетъ на то, что онъ исходитъ изъ оцѣнки методовъ. Приступая къ изложенію закона трехъ состояній, онъ прямо говоритъ о различіи методовъ, употребляемыхъ умомъ человѣческимъ при его изысканіяхъ, и въ зависимости отъ характера метода опредѣляетъ и соотвѣтствующій ему характеръ міросозерцанія. Такимъ образомъ, характеристики метафизической и позитивной философіи берутъ свое начало изъ характера ихъ метода, находятся отъ послѣдняго въ полной и совершенной зависимости. Изъ этого видно, что о научномъ методѣ въ метафизикѣ не можетъ быть рѣчи: каковъ методъ, такова и философія. Если понятіямъ придано руководящее значеніе и допускается возможность возникновенія ихъ независимо отъ представленій и ранѣе представленій, то путь

философствованія будетъ метафизическимъ и результатъ философствованія—метафизическимъ, вопреки всѣмъ усиліямъ сдѣлать ихъ научными, опозитивить ихъ помощью самыхъ остроумнѣйшихъ софизмовъ [1]). Не одинъ Ог. Контъ, но и многіе представители современной научной философіи, придерживающіеся такого основательнаго опредѣленія метафизики, ратуютъ противъ нея какъ противъ ложной философіи именно съ этой опредѣленной точки зрѣнія. Въ высшей степени поучительно, между многими другими, глубокомысленное замѣчаніе, дѣлаемое Ланге; замѣчаніе это, раскрывая призрачность метафизики, въ то же самое время очень мѣтко выясняетъ основную идею теоріи познаванія. Ланге уподобляетъ метафизика человѣку, при-

---

[1]) Какъ далеко можетъ итти смѣшеніе понятій о наукѣ, научной философіи и метафизикѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія г. М. Антоновича. «Гегель», говоритъ М. Антоновичъ, «приступилъ къ развитію своей системы послѣ основательнаго изученія *науки*, усвоивъ себѣ *значительную часть современныхъ ему знаній* и изслѣдовавъ *состояніе и положеніе общества*, среди котораго онъ жилъ, и обращался къ своей системѣ съ *чисто научными требованіями* (?). Онъ утверждалъ единство и тождество всего существующаго, и въ то же время съ *чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ психическихъ силъ* (?) старался обнять мыслью связь и показать, въ чемъ именно состоитъ и заключается это единство, чѣмъ одно явленіе соединяется съ другимъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть общаго,—хотѣлъ постигнуть и уразумѣть процессъ, посредствомъ котораго все развивается одно изъ другого, подмѣтить общій жизненный элементъ, который проникаетъ и одушевляетъ все. И это надо было сдѣлать такъ, чтобы тутъ не было *ничего произвольнаго*, тѣмъ болѣе нелѣпаго и ни съ чѣмъ не сообразнаго, отъ чего съ отвращеніемъ отвернулась бы человѣческая мысль, чтобы *вездѣ были доказательства*, или хоть соображенія и догадки, *удовлетворительныя* и *обязательныя для ума*, чтобы онъ свободно и самодѣятельно принялъ и призналъ ихъ. Можно было, конечно, натворить какихъ угодно процессовъ и переходовъ, сказать, что отъ Марса и Венеры произошла Земля, а отъ репейника и розы бабочка и т. д. въ этомъ родѣ; въ *творческихъ произведеніяхъ фантазіи* подобныя *поэтическія вольности* дозволяются, *онѣ* тамъ и хороши; но *въ философской системѣ* такія творческія фантазіи были бы нелѣпостью; здѣсь надъ переходами и процессами нужно было поработать *строгимъ умомъ*, *орудіемъ науки*». (О гегелевской философіи. Современникъ 1861. Августъ, стран. 213). Интересно было бы узнать, думаетъ ли авторъ, что *чрезвычайное напряженіе всѣхъ психическихъ силъ* привело Гегеля къ тому, что онъ за исходную точку системы своей принялъ представленія; и если нѣтъ, то что же означаетъ обращеніе къ системѣ *съ чисто научными требованіями*, предварительное изученіе какой-то науки, тождественной значительной части современныхъ ему знаній и т. п.?

нимающему калейдоскопъ за подзорную трубу. «Человѣку этому думается, говоритъ Ланге, «что онъ наблюдаетъ въ высшей степени замѣчательные предметы, находящіеся внѣ его мѣста наблюденія, и онъ прилагаетъ къ наблюденію все свое стараніе. Самъ онъ заключенъ въ тѣсное пространство: съ одной стороны, у него окошечко, чрезъ которое открывается ограниченный и неясный видъ на внѣшнее пространство, съ другой— плотно вдѣланная въ стѣну труба, чрезъ которую онъ думаетъ разглядѣть даль. Это разглядываніе онъ особенно любитъ; оно привлекаетъ его болѣе, нежели окошечко. Неусыпно тщится онъ усовершенствовать свои познанія о чудной дали этимъ способомъ. Человѣкъ этотъ—метафизикъ, пренебрегающій узкимъ окошечкомъ опыта и поддающійся обману своего воображенія. Когда же онъ, наконецъ, замѣчаетъ обманъ, когда онъ угадываетъ устройство калейдоскопа, то этотъ послѣдній, вопреки всей досадѣ разочарованія, можетъ сдѣлаться предметомъ любознательности. Рѣчь пойдетъ уже не о томъ, что тамъ за удивительныя картины вижу я вдали и что значатъ эти картины, но о томъ, какое устройство калейдоскопа даетъ начало ихъ возникновенію? Въ этомъ вопросѣ можетъ заключаться источникъ знанія, который вѣроятно можетъ имѣть такую же важность, какъ и разсматриваніе того, что находится передъ окномъ» [1]). Теорія познаванія, на которую указываетъ Ланге въ концѣ этого замѣчанія, становясь орудіемъ философской критики, можетъ въ самомъ дѣлѣ, какъ мы это и видѣли изъ предшествовавшаго выясненія смысла ея задачи, подвергать изслѣдованію метафизическіе вопросы, но не для того, чтобы разрѣшать ихъ, а для того, чтобы раскрывать ихъ истинный генезисъ, сводить ихъ къ реальнымъ представленіямъ, разлагать и въ концѣ-концовъ устранить ихъ въ томъ смыслѣ и значеніи, какія имъ придала метафизика. Позитивная философія, развившая зачатки заключающейся въ ней философской критики, не должна бѣжать отъ метафизическихъ вопросовъ, какъ отъ какой-то заразы, ей самой грозящей смертью, но, напротивъ того, смѣло подступать къ нимъ и подвергать основы ихъ критикѣ и затѣмъ или устранять ихъ окончательно, или перестраивать и преобразовывать сообразно со своими цѣлями. Встрѣчая такіе вопросы, какъ: что такое причина, матерія, сила и т. д., что такое наше «я» и т. п.,—

[1]) *F. A. Lange*, Geschichte des Materialismus. II Buch. 1 Hälfte. S. 55.

позитивная философія должна отвѣтить, что это *понятія*, образованныя изъ такихъ-то и такихъ *представленій*, и указать при этомъ на ошибки, сдѣланныя при образованіи этихъ понятій, такъ же, какъ и на правила, которыми слѣдуетъ руководиться при образованіи ихъ. Такое изслѣдованіе метафизическихъ понятій, при всей своей анти-метафизичности, можетъ получить у нѣкоторыхъ писателей названіе метафизики только потому, что разсматриваемые вопросы первоначально принимаются такими, какими ихъ произвела метафизика. Въ этомъ смыслѣ и называетъ Дюрингъ метафизикой теорію познаванія и, указывая на отсутствіе ее у Ог. Конта, замѣчаетъ, что система его обязана этому отсутствію своею беззащитностью по отношенію къ тѣмъ метафизическимъ придиркамъ, которыя вторгаются въ нее чрезъ этотъ открытый входъ [1]).

Замѣчаніе Дюринга очень вѣрно, конечно, но допущенная имъ неточность термина весьма достойна сожалѣнія. Неточность эта, допускаемая и многими другими писателями, ведетъ къ путаницѣ понятій и неопредѣленности. Прилагая терминъ «метафизика» не къ философіи, опредѣляемой методомъ извѣстнаго характера, но, безотносительно къ вопросу метода, только къ той части философіи, которая изучаетъ группу вопросовъ, очерчиваемыхъ весьма произвольно и разнообразно, противники метафизики, какъ лже-философіи, косвенно поддержали ее и дали поводъ къ возникновенію совершенно безсмысленной идеи «*позитивной*» или «*научной*» метафизики. Позитивную эту метафизику, это деревянное желѣзо многіе и пытались изобрѣсти. Вашро чуть ли не первый пустилъ въ ходъ нелѣпый терминъ «*métaphysique positive*» болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Въ послѣднее же время большого шуму надѣлалъ съ нимъ Льюисъ, въ своихъ «Вопросахъ о жизни и духѣ». Особенность позитивной метафизики Льюиса заключается въ томъ, что она не исключаетъ ложной собственно метафизической философіи и только переименовываетъ ее въ *метэмпирику*, такъ что, если читатель потрудится исправить ту путаницу, которую произвелъ этотъ терминъ, и вмѣсто него подставитъ старый терминъ метафизика, вмѣсто метафизики же будетъ читать—философія, то увидитъ, что новаго у Льюиса ровно ничего нѣтъ, и что его «позитивная метафизика» не вноситъ въ основоположеніе Ог. Конта

---

[2]) *E. Dühring*, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 505.

никакой перемѣны. Уже не въ первый разъ пытается Льюисъ вводить свои неологизмы; въ статьѣ объ Ог. Контѣ онъ предлагалъ замѣнить слово законъ словомъ методъ, но теперь самъ отвергаетъ это нововведеніе [1]). Настоящему нововведенію предстоитъ, вѣроятно, та же участь. До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока будутъ развивать ученіе Ог. Конта изъ его же основоначалъ, не коверкая ихъ, до тѣхъ поръ не ощутится никакой надобности въ «*метэмпирикѣ*» Льюиса, не прибавляющей ни іоты къ тому, что было установлено Ог. Контомъ и что такъ блистательно подтверждается всею современною научною философіею. Совсѣмъ иначе, конечно, можетъ представляться вопросъ этотъ для тѣхъ, которые воображаютъ, что Ог. Контъ отвергъ метафизику и установилъ границы позитивной философіи только на основаніи какого-то ни вѣсть откуда взявшагося «воздержанія отъ извѣстныхъ вопросовъ». Если Ог. Контъ взялъ да и воздержался отъ метафизики, не опозитивилъ ее, то отчего же не сдѣлать этого теперь: лучше поздно, чѣмъ никогда. Съ этой точки зрѣнія попытка Льюиса представляется цѣлымъ открытіемъ; она дозволяетъ «безъ воздержанія» разглагольствовать о томъ, что при посредствѣ позитивнаго метода можно дойти и до метафизики. Отчего же и не до мистики? Зачѣмъ воздерживаться? Идите далѣе: «*обосновывайте*» позитивную метафизику, а тамъ и еще далѣе...

Льюисъ полагаетъ, что метафизики, читая его книгу, воскликнутъ: «timeo Danaos»; я думаю, что найдутся догадливые читатели, которые еще ранѣе рѣшатъ, что «не стоило огородъ городить». Позитивизмъ безъ противоположенія метафизикѣ немыслимъ; названіе метафизики мѣнять, конечно, можно, также какъ и пустословить по этому поводу, но невозможно не различать самой метафизики отъ правильно понимаемой научной философіи. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно искать объекта тому или другому понятію и считать такое занятіе позитивнымъ только потому, что оно переходитъ границы «воздержанія». Не понимающій этой простой истины рискуетъ сойтись на этомъ пунктѣ съ тѣми противниками позитивизма, которые именно въ такомъ смѣшиваніи понятій думаютъ найти надежнѣйшее средство для борьбы «*противъ позитивизма*» и преодолѣнія его посредствомъ какого-то новаго хаотическаго міросозерцанія.

---

[1]) *Льюисъ*. Вопросы о жизни и духѣ. Т. 1, стр. 352.

Очень недавно, какихъ-нибудь года два тому назадъ, такая попытка была дѣйствительно сдѣлана въ диссертаціи г. В. Соловьева [1]), который вздумалъ противопоставить позитивизму какую-то амальгаму изъ науки, философіи и мистики, и простодушно воображалъ, что амальгама эта и есть послѣднее слово всей западной философіи. Хотя нѣкоторые представители россійскаго любомудрія и вострепетали отъ восторга, возомнивъ, что галиматья, провозвѣщенная г. В. Соловьевымъ, и есть именно та первая «русская» философія, которую они давно уже тщатся изобрѣсти, но ликованье ихъ не могло бы имѣть никакого значенія, если бы и въ средѣ позитивистовъ не находились охотники къ «обоснованію» нелѣпицъ чисто-соловьевскаго характера. Пусть подумаютъ позитивисты этого пошиба, что они идутъ по той же дорогѣ, что и мистическій г. Соловьевъ, и что этотъ послѣдній имѣетъ надъ ними то преимущество, что послѣдовательно доводитъ дѣло до его неизбѣжнаго конца.

Изъ элементовъ, неразборчиво смѣшиваемыхъ философомъ, отуманеннымъ грезами мистицизма, могутъ и должны пребывать въ неразрывной связи только философія и наука, какъ это мною и выяснено уже въ настоящей главѣ. Два величайшіе генія новой философіи—Кантъ и Ог. Контъ—признавали необходимость ея и важность какъ для философіи, такъ и для науки. И если связь эта не могла быть оцѣнена учеными философами въ той мѣрѣ и такъ скоро, какъ то могло быть желательно для немногихъ послѣдователей научной философіи, то наступаетъ наконецъ время, когда такая философія, переставъ быть достояніемъ единичныхъ личностей, находитъ въ средѣ образованнѣйшихъ націй Европы болѣе или менѣе значительныя группы послѣдователей. Заслуги позитивизма,—этой простѣйшей формы научной философіи,—умѣвшаго провести идею связи науки и философіи въ философскія и ученыя сферы не только Франціи, Италіи и Англіи, но даже отчасти Германіи, должны быть, конечно, признаны всякимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи, безспорно, не лишенъ значенія, но значеніе это было бы преувеличено, если бы мы не признали въ то же время, что высшій фазисъ развитія научной философіи выработанъ все же таки философами Германіи, внес-

---

[1]) *В. Соловьевъ.* Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ. 1874.

шими въ научную философію тѣ элементы, которые, хотя и содержались въ зародышѣ у Ог. Конта, но дальнѣйшее развитіе которыхъ было пренебрежено современными позитивистами. Позитивисты, такимъ образомъ, не смогли вести дѣло Ог. Конта по пути открывавшагося передъ ними развитія и, остановивъ это развитіе, уступили передовое положеніе новому, только-что возникающему еще движенію въ средѣ нѣмецкихъ мыслителей.

Великое значеніе этого движенія по достоинству оцѣнивается передовыми людьми Германіи, которые и встрѣчаютъ его привѣтствіями, иногда полными самаго живого восторга. «Подобно тому, какъ двое влюбленныхъ, послѣ недружелюбной размолвки, обогащенные внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ, признаютъ наконецъ обоюдную неправоту и, преисполненныя неодолимаго нетерпѣнія, протягиваютъ другъ другу руки для вѣчнаго мира,— такъ», по словамъ Цёлльнера, «совершится примиреніе и между наукою и философіею, какъ указываютъ на то тысячи признаковъ. Уже оглашаются нѣмецкіе лѣса голосами пернатыхъ пѣвцовъ, древесныя почки распускаются, все тѣснится и несется и, полное предчувствія, ждетъ восхожденія солнца. Тогда отъ союза точнаго изслѣдованія и просвѣтленной философіи возникнетъ новое міросозерцаніе грядущаго вѣка и достигнетъ немыслимаго еще величія и ясности познанія» [1]). Ту же мысль высказываетъ и *Вундтъ*, утверждая, что изъ связи философіи и науки должно возникнуть новое міровоззрѣніе [2]) и что только философія придаетъ значеніе отдѣльнымъ отраслямъ знанія, которыя безъ свѣтильника философіи обращаются въ ремесло, также какъ ученость—въ пустое многознаніе [3]). Въ томъ же смыслѣ говорятъ и *Ланге*, *Гельмгольцъ*, *Гэккель*, *Бауманъ*, *Гёрингъ* [4]) и многіе другіе, счастливо соединяющіе научныя познанія съ философскими и знающіе цѣну тѣмъ и другимъ.

---

[1]) *Zöllner*, Ueber die Natur der Cometen. 1872. S. LXXI.

[2]) *W. Wundt*, Ueber die Aufgabe der Philosophie in der Gegenwart. 1874. S. 4—9.

[3]) *В. Вундтъ*, Душа человѣка и животныхъ. Перев. Кемница, 1855 г. Т. I, стр. IX.

[4]) *A. Lange*, Gesch. d. Materialismus. II Buch. S. 291.

Helmholtz, Populäre wissenschaftl. Vorträge. I Heft. 1.

Haeckel, Gener. Morphologie d. Org. I B. S. 20. Nat. Schöpfungsgesch. 5 Aufl. S. 640.

Baumann, Philosophie als Orientirung ueber die Welt. passim.

Cöring, System der Kritischen Philosophie.

Выяснивъ въ достаточной степени идею связи философіи и науки, я, преслѣдуя далѣе мою задачу, перейду теперь къ ближайшему разсмотрѣнію отношенія позитивизма къ критической философіи и опредѣленію значенія этой послѣдней.

Ог. Контъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, былъ мало знакомъ съ философіею Канта и самъ въ томъ искренно сознавался. Прочитавъ переводъ Кантовой «Idee zu einer allgemeinen Geschichte» и не имѣя возможности уяснить себѣ вполнѣ отчетливо смыслъ его по незнакомству съ основными сочиненіями Канта, Ог. Контъ укрѣпился однако же въ убѣжденіи, что Кантъ «est une très forte tête» «и всего важнѣе, что его слѣдуетъ считать самымъ близкимъ позитивной философіи метафизикомъ» Хотя Ог. Контъ и не прозрѣлъ противоположности между Кантомъ и Гегелемъ и считалъ только послѣдняго «moins fort que Kant» [1]) и своими попутными мелкими упоминаніями о Кантѣ въ «Курсѣ» ясно доказалъ неумѣніе цѣнить этого великаго мыслителя, но для послѣдователей Ог. Конта указаніе на Канта, какъ на метафизика, наиболѣе близкаго позитивной философіи, должно было бы получить особенно важное значеніе, если бы, изучая его, они открыли всѣ тѣ точки соприкосновенія въ воззрѣніяхъ Канта и Ог. Конта, которыя никакъ не могъ замѣтить послѣдній, быть можетъ ничего изъ сочиненій Канта, кромѣ «Idee zu einer allgemeinen Geschichte», и не читавшій и знавшій его по источникамъ второй руки.

Посмотримъ же, какъ на самомъ дѣлѣ отнеслись послѣдователи Ог. Конта къ «метафизику, наиболѣе близкому позитивной философіи».

Уже въ 1-ой книжкѣ позитивнаго «Обозрѣнія» (1867 годъ) Литтрé опредѣляетъ значеніе критики Канта и сводитъ его на опроверженіе теистическихъ тезисовъ Ансельма Кентерберійскаго и Декарта. Онъ осуждаетъ Кузена, что тотъ «ne tint aucun compte de l'importante critique de Kant», и указываетъ на нѣмецкихъ философовъ, которые будто бы замѣтили, что «l'argument de Kant puissant contre le théisme, n'avait aucune portée contre le panthéisme»: и вотъ и вся сила и все значеніе Кантовой критики! Но тутъ все же таки есть какой-то отзвукъ чего-то похожаго на философскую критику; смутное указаніе на что-

[1]) Тамъ же.

то, о чемъ принято говорить, что оно «важно», «important». Вотъ является другой сотрудникъ «Обозрѣнія» и ведетъ совсѣмъ иныя рѣчи. Поводомъ къ изложенію мнѣнія о философской критикѣ служитъ въ настоящемъ случаѣ статья французскаго кантіанца Ренувье, помѣщенная въ сборникѣ Пиллона «L'année philosophique». Ренувье, по заявленію позитивиста, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу представителей «того критицизма, *отцомъ котораго считается Кантъ*, но критицизма, освобожденнаго какъ отъ безвыходныхъ попытокъ разума, называемыхъ кантовскими антиноміями, такъ и отъ кумировъ старой метафизики, называемыхъ безконечностью, абсолютомъ, субстанціей». «Тщетно усиліе, гласитъ позитивный органъ, освободить раціонализмъ отъ всевозможныхъ безвыходныхъ попытокъ, отъ всѣхъ воображаемыхъ кумировъ: онъ никогда не установитъ *системы*, онъ всегда останется *отрицаніемъ* и никогда не станетъ утвержденіемъ (affirmation). Я совершенно понимаю *критику всѣхъ существующихъ философій*, но не понимаю я стремленія *возвести эту критику въ философское ученіе* и убѣжденіе, что *внѣ этой критики ничто не должно существовать*» (??). «Правдива старая пословица: критика легка, но дѣло трудно» (?). «Я знаю, что мнѣ можно указать на другія произведенія г. Ренувье, въ которыхъ пространно изложены его взгляды; но эти взгляды и теоріи, какъ самъ онъ утверждаетъ, суть взгляды и теоріи критическіе; основа ихъ—*критика Канта, облеченная въ современную науку*»... «Не имѣя возможности отвѣчать теперь *на всѣ критики* (?) г. Ренувье, мы ограничимся»... и т. д. [1]). То же смѣшеніе обыденнаго понятія о критикѣ съ понятіемъ о критикѣ философской встрѣчаемъ мы и въ статьѣ «Etudes positives sur des objets de métaphysique» [2]), гдѣ снова повторяется, что «критика не есть философія, что роль критики въ философіи лишь временная». «Католицизмъ въ эпоху своего основанія,—говоритъ авторъ,—критиковалъ язычество, также какъ философы прошлаго вѣка критиковали католицизмъ». Нисколько не удивительно послѣ этого, если въ статьѣ «De l'espace» [3]) мы не встрѣтимъ ни малѣйшаго слѣда философской критики, и о Кантѣ ни полъ-слова. Автору, да и позитивистамъ

---

[1]) Revue. 1868. № 6.
[2]) Id. 1875. № 2.
[3]) Revue. 1873. № 2.

вообще, конечно непонятно даже, при чемъ можетъ быть критика: для нихъ «critiquer c'est attaquer l'ennemi».

Такое несчастье постигло позитивистовъ потому, что они не сумѣли стать выше той очень ужъ не философской suffisance, отъ которой едва въ послѣднее время только начинаютъ излечиваться французы, какъ то обнаруживается философскимъ журналомъ Рибо, гдѣ есть статьи, посвященныя нѣмецкой философіи, а также новѣйшими изданіями переводовъ сочиненій Гэккеля, Фохта, Оскара Шмидта и т. п., самостоятельными работами, какова, напр., монографія о Кантѣ (Нолена), и всего болѣе успѣхомъ Ренувье, сборникъ котораго превращенъ съ настоящаго года въ журналъ. Все это явленія весьма необычныя: зарейнскіе сосѣди болѣе или менѣе игнорировались до настоящаго времени; небольшая группа переводчиковъ нѣмецкихъ философовъ, Барни, Тиссо, Пейссе и др., стояли совершенно уединенно и въ новое изданіе философскаго словаря не попалъ даже столь преисполненный любовью къ Франціи Фейербахъ. Позитивисты являются совершенными консерваторами въ этомъ отношеніи; для нихъ нѣмецкая философія существуетъ какъ какая-то греза, очертаніе образовъ которой отъ нихъ совершенно ускользаетъ. Въ одномъ только они увѣрены твердо, именно въ томъ, что нѣмецкіе философы отвергаютъ позитивную классификацію; этого довольно, конечно, въ глазахъ всякаго современнаго позитивиста для того, чтобы всѣхъ нѣмецкихъ философовъ считать метафизиками. Пуская ядовитыя стрѣлы въ философію исторіи Гегеля и даже Гердера, позитивисты думаютъ такимъ средствомъ вести борьбу съ *современными* «метафизиками», а представляя метафизиковъ этихъ маньяками и невѣждами, они воображаютъ сражать не призраковъ своего не-позитивнаго воображенія, а реальныхъ противниковъ научной философіи. О существованіи такой философіи у нѣмцевъ они знаютъ только по слухамъ, доходящимъ до нихъ очевидно изъ весьма недоброкачественныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, талантливый де-Витри, изъ котораго несомнѣнно могъ бы выработаться при благопріятныхъ условіяхъ замѣчательный мыслитель, берется разсуждать о психо-физическомъ законѣ Фехнера, и, не имѣя о немъ никакого опредѣленнаго понятія, заканчиваетъ свою инвективу противъ творцовъ этого закона слѣдующими словами: «Nous n'en sommes pas encore là... говоритъ онъ. Après tout, il ne convient pas de juger d'après nos

mesquines cervelles, des crânes olympiens de la Germanie» [1]). И однако же, если бы де-Витри узналъ дѣйствительно, что̀ творится въ этихъ олимпійскихъ черепахъ, онъ бы пересталъ биться, какъ рыба объ ледъ позитивнаго схематизма, не путалъ бы того, что уже распутано, не сталъ бы говорить о хронологическомъ опредѣленіи фактовъ, занесенныхъ нѣмецкою наукою въ область мнѣовъ, и избѣжалъ бы массы другихъ ошибокъ. Да и завѣтъ учителя, отвергавшаго замкнутость позитивизма и ожидавшаго для позитивизма вкладовъ отъ всѣхъ пяти «избранныхъ», какъ онъ выражался, націй Европы [2]), былъ бы имъ тогда исполненъ.

Таково отношеніе современныхъ позитивистовъ къ научной философіи въ Германіи вообще и тѣсно связанной съ ней философской критикѣ въ особености. Понятно теперь, почему элементы критики въ системѣ Ог. Конта остались не только неразвитыми, но даже и незамѣченными.

Односторонность и отсталость, на которыя сами себя добровольно осудили позитивисты, заключаются именно въ общемъ незнакомствѣ ихъ какъ съ исторіей критической философіи, такъ и съ современнымъ ея состояніемъ, но исходною точкою такого печальнаго ихъ положенія все же слѣдуетъ признать невѣдѣніе значенія Канта въ общемъ ходѣ развитія европейской философіи.

Кантъ, какъ философъ, великъ не только тѣмъ, что разъ навсегда твердо и рѣшительно поставилъ философію выше догматизма обыденнаго мышленія, давъ ей исходную точку въ критикѣ, но еще и тѣмъ, что связалъ философію съ наукою, давъ имъ въ опытѣ одно общее основаніе. Область разума была очищена такимъ образомъ отъ всего трансцендентнаго, которое

---

[1]) Revue. 1875. № 2, p. 178.

[2]) Immédiatement destinée à l'ensemble de l'Occident européen, les cinq éléments essentiels de cette noble élite de notre espèce y apporteront chacun l'indispensable participation continue de son génie propre, annonçant déjà, par un tel concours, leur intime combinaison ultérieure. Sous la salutaire prépondérance, également philosophique et politique, assurée à l'ésprit français d'après l'ensemble de la transition moderne, l'ésprit anglais y fera puissament sentir sa prédilection caractéristique pour la réalité et l'utilité, l'ésprit allemand y appliquera son aptitude native aux généralisations systématiques, l'ésprit italien y fera couvenablement de pénétrer son admirable spontanéité esthétique, enfin l'ésprit espagnol y introduira son double sentiment familier de la dignité personnelle et de la fraternité universelle». (Cours. VI. 765.)

было отнесено въ область воли или такъ названнаго Кантомъ «практическаго» разума, и «непосредственное усмотрѣніе» (Anschauung) признано началомъ всякаго знанія. Всякая философія, отступая отъ этихъ началъ, считается неизбѣжно впадающею въ догматизмъ старой метафизики и наивный реализмъ обыденнаго мышленія; всякій мыслитель поэтому, сознающій великое значеніе того поступательнаго движенія, которое сдѣлала философія благодаря Канту, необходимо считаетъ стоящею на высотѣ своей задачи только ту философію, которая зиждется на началахъ критики и науки, этихъ неразрывно-слитыхъ и спасительныхъ началахъ, безъ которыхъ всякая попытка систематизаціи понятій приводитъ къ одному только пустому разглагольствованію. Въ этомъ смыслѣ и считается Кантъ великимъ философомъ, реформаторомъ новой философіи и отцомъ философской критики; въ этомъ смыслѣ тяготѣетъ къ Канту всякая современная научная философія. Что же касается рѣшенія кантовской задачи самимъ Кантомъ, т.-е. собственно системы Канта, то само собою разумѣется, что въ настоящее время оно имѣетъ только историческое значеніе. Будучи поставлено въ связь съ наукою, рѣшеніе задачи Канта необходимо должно было сдѣлать и успѣхи, сообразные съ успѣхами, сдѣланными наукою. Въ рѣшеніи же критической задачи самимъ Кантомъ—ложная психологическая теорія, некритическое отношеніе ко многимъ положеніямъ традиціонной метафизики и ошибочное направленіе критики, слишкомъ часто увлекавшейся полемикой съ лейбнице-вольфовою школою и обращавшей вслѣдствіе того обще-философскую критику въ частную критику тезисовъ этой школы,—все это, вмѣстѣ съ несчастною мыслью о цѣли ограниченія знанія (въ предисловіи ко 2-му изд. «Критики чистаго разума»), совершенно извратило осуществленіе основной мысли Канта, оставивъ ее какъ драгоцѣнное наслѣдство для слѣдующихъ за нимъ поколѣній. Много времени потребовалось однако же для того, чтобы великое значеніе Канта для философіи было по достоинству оцѣнено и понято, и еще болѣе для того, чтобы дѣло его нашло продолжателей. Не являлось такого генія, который снесъ бы одинъ на своихъ плечахъ все бремя философской задачи Канта, и потребовались для нея соединенныя усилія многихъ мыслителей. Только въ новѣйшее время, благодаря широкимъ успѣхамъ, сдѣланнымъ науками, оказалось возможнымъ правильно взглянуть на Канта,

какъ на философа и ученаго. Инициатива поворота въ отношеніяхъ къ Канту, какъ философу, принадлежитъ Отто Либману[1]), возстановленіе же забытыхъ заслугъ Канта наукѣ—главнымъ образомъ Цёлльнеру и Фрицу Шульце[2]). Въ воззваніи Либмана: «Es muss auf Kant zurückgegangen werden», провозглашенномъ впервые одиннадцать лѣтъ тому назадъ, заключалось, правда, много увлеченія; но воззваніе это содержало глубоко-вѣрную мысль и потому было услышано, послужило сигналомъ къ новому тщательному изученію философскихъ воззрѣній Канта и дало поводъ попыткамъ къ обоснованію заново Кантовой теоріи опыта и Кантовой критики, породивъ цѣлую литературу, прямо или косвенно относящуюся къ ново-кантіанскому движенію [3]).

---

[1]) *Otto Liebmann*, Kant und die Epigonen. 1865.

[2]) *I. C. F. Zöllner*, Ueber die Natur der Cometen. (Imm. Kant und seine Verdienste um die Naturwissenschaft. S. 426). *Fritz Schultze*, Kant und Darwin. 1875.

[3]) Замѣчательнѣйшія изъ относящихся сюда сочиненій суть слѣдующія:

O. Liebmann, Ueber den objectiven Anblik. Eine kritische Abhandlung. 1869.

I. Bergmann, Grundlinien einer Theorie der Bewusstseins. 1870.

Jürgen Bona Meyer, Kant's Psychologie. 1870.

W. Schuppe, Das menschliche Denken. 1870.

H. Cohen, Kant's Theorie der Erfahrung. 1871. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Cuno Fischer. (Zeitschrift für Völkerpsychologie. VII Band. 1871). Die systematischen Begriffe in Kant's vorkritischen Schriften nach ihrem Verhäliniss zum kritischen Idealismus. 1873.

F. A. Lange, Geschichte des Materialismus. 2-e Aufl. 1873—75.

A. Spir, Denken und Wirklichkeit. Versuch einer Erneuerung der kritischen Philosophie. 1873.

A. Stadler, Kant's Teleologie und seine erkenntnisstheoretische Bedeutung. 1874.

G. Spicker, Ueber das Verhältniss der Naturwissenschaft zur Philosophie. 1874.

A. Hölder, Darstellung der Kantischen Erkenntnisstheorie. 1874.

J. Witte, Beiträge zum Verständniss Kant's. 1874.

R. Zimmermann. Kant und die positive Philosophie. 1874.

E. Hallier, Die Weltanschaung des Naturforschers. 1875.

F. Paulsen, Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnisstheorie. 1875.

A. Horwicz, Psychologische Analysen. II. Theil. Analyse des Denkens, zugleich die Grundlinien der Erkenntnisstheorie. 1875,

G. Spiecker, Kant, Hume und Barkeley. Eine Kritik der Erkenntnisstheorie. 1875.

Нѣкоторые извѣстные ученые усвоили основныя воззрѣнія Канта и приняли ихъ въ руководство при разработкѣ научныхъ теорій [1]), и Кантъ еще разъ занялъ въ Германіи высокое и вліятельное положеніе.

Бо́льшая часть писателей, посвятившихъ труды свои разработкѣ Кантовой философіи, стремится итти рука объ руку съ наукою и пытается обосновать философскую критику на данныхъ положительнаго знанія; ново-кантіанская литература поэтому должна бы представлять для позитивистовъ предметъ самаго тщательнаго изученія и самаго живого интереса. Если бы это изученіе и этотъ интересъ имѣли мѣсто, то, нѣтъ сомнѣнія, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, позитивисты извлекли бы изъ критицизма убѣжденіе въ необходимости развить зачаточные элементы критики въ системѣ Ог. Конта и, взявшись за эту задачу, рѣшили бы ее согласно съ требованіями другихъ основоначалъ позитивизма. Позитивизмъ остался бы, какъ и былъ, реализмомъ; ему не было бы нужды переходить раздѣлявшую его отъ ново-кантіанства пропасть апріорности, такъ какъ не о подражаніи шло дѣло; оставаясь на почвѣ реализма, позитивизмъ проникся бы только идеею философской критики, которая въ немъ была едва намѣчена, и достигъ бы такимъ образомъ высшей стадіи своего развитія. Стремленіе къ этой стадіи, къ стадіи *критическаго реализма*, было, какъ мы уже знаемъ, вложено въ него уже Ог. Контомъ, и оставалось только слѣдовать пути, предначертанному этимъ геніемъ, чтобы самобытно достигнуть фазиса зрѣлости и полнаго развитія. Но послѣдователи Ог. Конта, какъ я показалъ и покажу еще далѣе, не поняли именно философской стороны воззрѣній своего учителя,— они замкнулись въ схематичность, шаблонность и догматизмъ и оказались безсильными вести далѣе развитіе философской

W. Tobias, Grenzen der Philosophie. 1875.

A. Stadler, Die Grundsätze der reinen Erkenntnisstheorie in der Kantischen Philosophie. 1876.

A. Riehl, Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. I Band. 1876.

Wilhelm Göring, Raum und Stoff. Ideen zu einer Kritik der Sinne. 1876.

Laas, Kant's Analogien der Erfahrung. 1876.

H. Vaihinger, *Hartmann*, *Dühring* und *Lange*. Ein kritischer Essay. 1876.

[1]) Гельмгольцъ, Фикъ, Вундтъ.

мысли Ог. Конта. Въ теченіе многихъ лѣтъ они успѣли только атрофировать зачатки философской жизни позитивной системы и не внесли въ нее ничего болѣе. Между тѣмъ за это же время шла разработка позитивнаго критицизма и мало-по-малу подготовлялся переворотъ, результатомъ котораго долженъ былъ явиться именно тотъ критическій реализмъ, движеніе къ которому, хотя и присущее позитивизму, было остановлено самими же позитивистами. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ преодолѣніемъ рокового a priori, критицизмъ обосновывался заново, переставалъ быть кантовскимъ, перерождался и являлся какъ бы готовымъ рѣшеніемъ той задачи, которую поставилъ Ог. Контъ въ своемъ прелиминаріи. Между этимъ преобразованнымъ критицизмомъ и позитивизмомъ не существовало болѣе никакой пропасти, никакой помѣхи къ связи, кромѣ замкнутости позитивистовъ и ихъ философской ограниченности. И тогда какъ представители критическаго реализма ставятъ необходимымъ условіемъ развитія философіи соединеніе философской систематики съ философскою критикою и твердо установляютъ взаимную зависимость между философіею и наукою [1]),—позитивисты только и умѣютъ, что стоять на стражѣ своей іерархической схемы, затыкая уши для всего, что происходитъ внѣ ихъ прихода.

Если бы современные позитивисты понимали, что они унаслѣдовали отъ Ог. Конта *недоразвитый критическій реализмъ* и если бы они не низвели его на степень чуть ли не реализма наивнаго, то они вѣрно рѣшились бы освѣжить себя изученіемъ современнаго состоянія философіи и перестали бы простодушно вѣровать въ волшебное значеніе слова «метафизика». Ужели же въ самомъ дѣлѣ оспариваніе іерархической схемы свидѣтельствуетъ о метафизичности? Врядъ ли достаточно огульнаго обозванія метафизиками всѣхъ настоящихъ и грядущихъ философовъ, чтобы оградить устойчивость позитивизма? Не равносильно ли такое огражденіе огражденію отъ всякаго новаго и живого слова?

Литтрé и его школа, подобно нашимъ суздальцамъ [2]), смѣ-

---

[1]) *Göring*, *Baumann*, соч. цит. на стр. 299.

[2]) ...«Оковы субъективизма наложены Кантомъ и окончательно были затянуты «ячествомъ» его *послѣдователей* идеалистовъ. Мы знаемъ только себя, и ничего не знаемъ, что дѣлается передъ нашими окнами, а тамъ что-то есть. Есть-то есть, тянули дальше идеалисты, но оно тоже наше, и отъ насъ вышло; да тамъ и нѣтъ ничего: то мы сами, то все факты феноме

шиваютъ Канта съ позднѣйшими метафизиками, воображаютъ себѣ, что метафизики эти всецѣло продолжали дѣло Канта и потому считаютъ себя въ правѣ хоронить за одно съ метафизиками этими и Канта. Совсѣмъ иначе взглянули на Канта представители критическаго реализма; они воскресили духъ Канта именно въ смыслѣ противопоставленія его некритической философіи эпигоновъ (Фихте, Шеллингъ, Гегель и т. д.), и, давъ начало совершенно новому направленію критицизма, привели къ ясному сознанію различеніе задачи Канта отъ ея исполненія и далѣе—къ перерѣшенію ея, согласно современному состоянію развитія наукъ. Этотъ послѣдній моментъ, преодолѣвъ окончательно все некритическое въ системѣ Канта, выработалъ то міросозерцаніе, которое и къ системѣ Ог. Конта стало въ отношеніи высшаго фазиса развитія къ фазису низшему или *установленнаго* критическаго реализма къ критическому реализму *устанавливающемуся*. Въ немъ, такимъ образомъ, и сказалось для позитивистовъ то новое и живое слово, которое они сами безсильны были выработать, но противостоять власти котораго они еще безсильнѣе, такъ какъ оно одно только дѣлаетъ изъ позитивизма окончательно то, чѣмъ онъ по природѣ своей стремится быть,—критическою философіею дѣйствительности.

Слабое знакомство Литтрé и литтреистовъ съ воззрѣніями Канта и крайне неудовлетворительное ихъ пониманіе задачи критической философіи заставило главу современныхъ позитивистовъ отвернуться отъ философскаго критицизма на томъ основаніи, что будто бы критицизмъ, подобно всякой метафизикѣ, не заграждаетъ пути къ обычнымъ метафизическимъ заблужденіямъ вообще и ложному взгляду на причинность въ особенности. Если Кантовское разрѣшеніе задачи философской критики въ самомъ дѣдѣ метафизично, то—надо замѣтить всего прежде—оно далеко не такъ грубо метафизично, какъ думаетъ Литтрé, и поэтому опасности, представляемыя Кантовою точкою зрѣнія, далеко не такъ легко устранимы, какъ это кажется Литтрé. Здѣсь дѣло идетъ не о произвольномъ или, вслѣдствіе произвольныхъ посылокъ, неизбѣжномъ установленіи *абсо-*

нологіи духа». *М. Антоновичъ*. Два типа современныхъ философовъ. (Современникъ. 1861 г., кн. 4, стр. 415). О противоположности между Кантомъ и послѣдующими за нимъ *не-критическими* идеалистами г. М. Антоновичъ и не подозрѣваетъ.

лютныхъ причинъ, но о причинности, какъ апріорной формѣ мышленія, и связанныхъ съ нею другихъ апріорныхъ формахъ,— умозрѣніи столь же остроумномъ, какъ и глубокомысленномъ, и столь плѣнительномъ для ума, что и такіе мыслители, какъ Гельмгольцъ, Цёлльнеръ, Фикъ, Ланге, не могли устоять противъ него. Настоящій подводный камень Кантовскаго критицизма есть такимъ образомъ «a priori», и объ его устраненіи и должно итти дѣло тогда, когда начала Контовскаго прелиминарія были поняты какъ начала критическія и явилась необходимость довести ихъ до достодолжной степени развитія. Оставляя такимъ образомъ безъ вниманія мнимыя опасности, представляющіяся по отношенію къ критической философіи воображенію Литтре, мнѣ предстоитъ изложить теперь тѣ основанія, опираясь на которыя современные представители философскаго критицизма отвергли Кантовское «a priori» и такимъ образомъ произвели переворотъ въ самыхъ основахъ критической философіи.

Съ перваго взгляда можетъ представиться, что Ог. Контъ упредилъ дѣло современныхъ критическихъ реалистовъ и окончательно порѣшилъ съ метафизическимъ рѣшеніемъ вопроса причинности и съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его—апріорностью, устранивъ въ «Курсѣ» своемъ и самую рѣчь о причинѣ, и замѣнивъ ее научнымъ понятіемъ закона. «Въ самыхъ совершенныхъ даже позитивныхъ объясненіяхъ», говоритъ онъ, «мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія излагать причины, производящія явленія, потому что въ такомъ случаѣ мы бы только отдаляли затрудненія, но мы имѣемъ въ виду только точный анализъ обстоятельствъ ихъ происхожденія и связь между ними посредствомъ нормальныхъ отношеній послѣдовательности и сходства» [1]). Контово рѣшеніе вопроса должно быть признано однако-же мнимымъ: уже Милль [2]), а затѣмъ и Льюисъ [3]), показали, что Контово осужденіе изслѣдованія причинъ оставляетъ идею причины неприкосновенною и вноситъ измѣненіе только въ терминологію. «Отказываясь отъ слова, имѣющаго положительное значеніе», замѣчаетъ Милль, «Ог. Контъ упускаетъ и мысль,

---

[1]) *Comte*, Cours. I, p. 17.

[2]) *St. Mill*, System der Logik. Uebersetz. v. J. Schiel. 1862. I Theil. S. 403. *Ст. Милль*, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр. 53.

[3]) *Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ. Т. I, стр. 351.

выражаемую имъ». И въ самомъ дѣлѣ, упущеніе этой мысли внесло, какъ видимъ далѣе, въ идею закона позитивной системы нѣкоторую путаницу и придало установленію этого закона догматическій характеръ. Такимъ образомъ, у Ог. Конта явился здѣсь не зародышъ философскаго критицизма, какъ въ другихъ случаяхъ, а пробѣлъ, пополненіе котораго тѣмъ необходимѣе, что одно только критическое изслѣдованіе причинности ведетъ къ устраненію a priori изъ Кантовскаго критицизма, и этимъ путемъ открываетъ и возможность усвоенія позитивизмомъ критической точки зрѣнія. Итакъ, Ог. Контъ не разрѣшилъ вопроса о причинности реформою въ терминологіи, но, напротивъ того, замедлилъ его разрѣшеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замедлилъ и развитіе позитивизма, провозгласивъ мнимую неподвижность въ томъ именно пунктѣ, гдѣ находился самый удобный, для движенія впередъ, выходъ.

Изъ приведенныхъ выше объясненій различія между представленіями и понятіями явствуетъ, что о причинѣ, слѣдствіи, причинной связи, причинности, мы не можемъ имѣть никогда и ни въ какомъ случаѣ никакого представленія, а строимъ только понятія. Когда мы мыслимъ причинность, то представленія наши сняты не съ причинности, какъ таковой, не съ причины и слѣдствія, какъ таковыхъ, но только съ двухъ явленій, одно за другимъ слѣдующихъ или сосуществующихъ. Если мы полагаемъ, что второе изъ этихъ явленій существуетъ только потому, что существуетъ первое, то этимъ опредѣленіемъ отношеній между ними мы и установляемъ связующую ихъ причинность и, согласно этому понятію, разсматриваемъ первое явленіе какъ причину, второе—какъ ея слѣдствіе. Само собою разумѣется, что построеніе этого понятія обыденнымъ мышленіемъ и научно-философское построеніе его имѣютъ между собою очень мало общаго. Всего прежде надо обратить вниманіе на то, что обыденное мышленіе встрѣчаетъ сравнительно съ мышленіемъ критическимъ весьма мало поводовъ для составленія понятія о причинности и проходитъ мимо цѣлой массы фактовъ, не задаваясь вопросомъ о причинной связи между ними. Всѣ часто повторяющіяся астрономическія, метеорологическія, физическія и т. д. явленія и все вообще повседневное и обычное не вызываетъ у обыденнаго мышленія конечнаго вопроса о причинѣ; только необыкновенныя, изъ ряда вонъ выходящія, рѣдкія явленія возбуждаютъ его удивленіе и за-

ставляютъ задумываться о причинѣ ихъ. Такимъ образомъ, удивленіе, какъ замѣтилъ еще Платонъ, и становится началомъ философіи, т.-е. ставятся вопросы, разрѣшать которые можетъ только философія. Обыденное мышленіе разрѣшаетъ ихъ, какъ я только что замѣтилъ, совершенно своеобразно и далеко не философски. Понятіе о причинности, подобно тому, какъ и многія другія понятія, строются обыденнымъ мышленіемъ на основаніи аналогіи, предполагаемой между міромъ внѣшнимъ, объективнымъ, и міромъ внутреннимъ, субъективнымъ. Активная и пассивная сторона этого послѣдняго значительнымъ образомъ опредѣляетъ способъ образованія понятія о причинности и характеръ его. Человѣкъ считаетъ себя обыкновенно причиной всякаго своего дѣйствія и не принимаетъ во вниманіе тѣхъ условій, безъ которыхъ дѣйствія эти не могли бы быть совершены. Обыденное мышленіе постоянно вращается въ области представленій, такъ какъ оно не различаетъ представленій отъ понятій, и мыслитъ послѣднія какъ соотвѣтственныя объектамъ. Такимъ образомъ, разсматриваніе опредѣленнаго субъекта какъ причины его дѣйствія совершенно удовлетворяетъ обыденное мышленіе и не побуждаетъ его къ розысканію другихъ представленій, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ должно быть составлено понятіе о причинѣ. По аналогіи съ дѣятельностью субъекта, отношеніе причины и слѣдствія въ мірѣ объектовъ разсматривается такъ, какъ бы одно извѣстное явленіе производило другое. Но какое же явленіе считать причиной даннаго, какъ не то, которое является послѣднимъ наглядным поводомъ его возникновенія. Отсюда и столь любимая поговорка о малыхъ причинахъ и великихъ послѣдствіяхъ; такъ, напр., обыкновенно говорятъ, что искра, попавшая въ пороховой складъ, взорвала на воздухъ громадныя зданія; что Лютеръ, произвелъ реформацію и т. п. Идя далѣе по такому пути, обыденное мышленіе измыслитъ искру, Лютера и т. д. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представленіе о нихъ невозможно будетъ составить обыкновеннымъ порядкомъ, но ни въ какомъ случаѣ не успокоится на понятіи и его анализѣ, или, вѣрнѣе, ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы конечное разрѣшеніе вопроса сознательно приводило къ понятію.

Философія, въ своемъ до-критическомъ періодѣ, такъ много повторявшая ошибки обыденнаго мышленія, прошла по отношенію къ причинности и черезъ фазисъ невѣдѣнія ея тогда,

когда разсматривала міръ исключительно или преимущественно какъ *бытіе* (до Гераклита), и даже тогда, когда впервые перенесла центръ тяжести міровоззрѣнія на *возникновеніе* (Гераклитъ), и черезъ фазисъ объективированія и даже олицетворенія этого понятія, и черезъ многія другія ошибки, которыя при посредствѣ критическаго анализа образованія понятія причинности становятся совершенно очевидными и надъ которыми въ частности я поэтому останавливаться не буду. Философія своимъ авторитетомъ нерѣдко санкціонировала эти ошибки и давала имъ опору въ сложной и хитросплетенной аргументаціи; но за то она въ лицѣ представителей скептицизма и преодолѣла ихъ, подготовивъ для критическаго фазиса путь къ правильному разрѣшенію этого вопроса, такъ долго безплодно переходившаго отъ одной путаницы къ другой.

Я замѣтилъ уже выше, что все повседневное, обыкновенное, часто повторяющееся разсматривается обыденнымъ мышленіемъ какъ вполнѣ понятное и не требуетъ поэтому никакого объясненія. Имѣя въ своемъ распоряженіи запасъ представленій, принимаемыхъ за извѣстныя и понятныя, обыденное мышленіе полагаетъ возможнымъ объяснить себѣ при его посредствѣ и неизвѣстное, т.-е. неповседневное, необыкновенное, рѣдко встрѣчающееся. Объясненіе чего-либо или, съ другой стороны, пониманіе чего-либо становится такимъ образомъ для обыденнаго мышленія тождественнымъ приведенію неизвѣстнаго къ извѣстному, необыкновеннаго къ обыкновенному. При этомъ въ объясненіе впутывается часто ассоціація идей, берущая начало въ словесномъ обозначеніи понятій: часто повторяемыя слова начинаютъ казаться понятными и годными для объясненій безъ прямого посредства чувствъ, такъ что въ запасъ представленій проникаютъ понятія, могущія, при критическомъ изслѣдованіи ихъ, оказаться призраками. Изъ этого видно, что приведеніе неизвѣстнаго къ извѣстному въ обыденномъ мышленіи представляетъ такое объясненіе, которое очень часто можетъ вести къ совершенному удаленію отъ истины. Такое удаленіе обозначается внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что обыденное мышленіе обыкновенно представляетъ для одного и того же факта множество различныхъ объясненій, т.-е. множество подведеній его подъ различныя причины. При этомъ объясненіи и не достаетъ именно объективной принудительности, которою установляется единомысліе въ области знанія; одинъ и тотъ же случай подсовываетъ ка-

ждому то или другое объясненіе, дѣлая привычнымъ или не привычнымъ такое или иное явленіе. Тѣмъ не менѣе, однако же, объективная дѣйствительность полагаетъ здѣсь нѣкоторыя границы заблужденіямъ *до тѣхъ поръ*, пока причину относятъ къ дѣйствительному представленію, а не къ принимаемому за таковое понятію. Съ этого же момента начинается игра полнѣйшаго произвола и разгулъ безконтрольной ассоціаціи идей, не знающей никакихъ ограниченій.

Очевидное заключеніе изъ всего вышесказаннаго то, что образованіе понятія причины совершается у обыденнаго мышленія совершенно произвольно и не методически, какъ по отношенію къ тому, что̀ это понятіе должно объяснить, такъ и по отношенію къ тому, на чемъ оно думаетъ основать свое объясненіе. Всего важнѣе здѣсь то, что обыденное мышленіе не изслѣдуетъ отношеніе, въ которомъ избранныя имъ для объясненія причины находятся къ явленіямъ, которыя предстоитъ объяснить, и принимаетъ во вниманіе одну только случайную повседневность ихъ для субъекта. Совсѣмъ инымъ путемъ идетъ критическое мышленіе; оно не переходитъ случайно отъ одного представленія къ другому, но вырабатываетъ понятіе, слѣдя за объективною связью вещей,—пріемъ, противоположный пріемамъ обыденнаго мышленія и совершенно для него недоступный.

Критическое понятіе причинности дѣлаетъ разъ навсегда невозможнымъ выводъ дѣйствія изъ отдѣльно мыслимой причины; разлагая сложное дѣйствіе на простые элементы или причины, оно устанавливаетъ ту соотносительность причины и дѣйствія, которая одна только и можетъ имѣть значеніе въ философіи. Такъ какъ дѣйствія мы *воспринимаемъ*, а о причинахъ, напротивъ того, *заключаемъ*, то, слѣдовательно, переходъ отъ дѣйствія къ причинѣ есть переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и основанное на немъ объясненіе получаетъ значеніе прямо противоположное тому, которое придается ему обыденнымъ мышленіемъ. Этимъ различіемъ и опредѣляется различіе между *знаніемъ и пониманіемъ* (или *объясненіемъ*—разсматривая пониманіе съ активной его стороны). О явленіяхъ мы имѣемъ представленіе, мы ихъ *знаемъ;* понять же мы можемъ ихъ тогда, когда установимъ *гипотезы* о лежащихъ въ основѣ ихъ *причинахъ*. Если же установленныя нами гипотезы подтвердятся a posteriori, то объясненіе наше превращается въ знаніе. Ранѣе же такого апостеріорнаго подтвержденія гипотеза должна быть

разсматриваема какъ не вполнѣ достовѣрная и, слѣдовательно, еще не могущая называться знаніемъ.

Итакъ, *не причинность* вообще, но однѣ только *отдѣльно* взятыя *причины* могутъ служить пониманію явленій, т.-е. всякое явленіе, разсматриваемое какъ дѣйствіе, должно быть отнесено къ его причинѣ. Эта *соотносительность* дѣйствія и причины и можетъ руководить при образованіи такихъ понятій о причинѣ всякаго даннаго явленія, которыя могутъ имѣть въ наукѣ значеніе. Ясно однако-же, что цѣпь дѣйствій и причинъ можетъ быть продолжена только до того момента, когда намъ встрѣтится нѣчто, не могущее быть поставленнымъ къ чему бы то ни было въ отношеніе дѣйствія. Это нѣчто можетъ ужъ быть не понято, но только познано, и причинность не можетъ итти далѣе; такъ, она не охватываетъ матеріи и силы, которыя и должны быть признаны, какъ то учитъ и позитивная философія, фактами неразложимыми (faits irréductibles).

Прежде чѣмъ я укажу на тѣ важныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ выясненной выше *соотносительности* причины и слѣдствія, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о значеніи понятія закона, которымъ, какъ мы уже знаемъ, замѣнено у позитивистовъ понятіе причинности или, точнѣе говоря, смѣшано съ нимъ. На обязанности философской критики лежитъ устраненіе этого смѣшенія и установленіе вѣрнаго взгляда какъ на первое понятіе, такъ и на второе, вообще говоря весьма часто неудовлетворительно разграничиваемыя.

Очевидно, что взглядъ на законъ, какъ на причину единичныхъ явленій, есть также результатъ антропоморфизма, берущаго начало изъ аналогіи съ законами человѣческими и ихъ вліяніемъ на человѣческую дѣятельность. Отъ такого антропоморфизма лучшею защитою служитъ полное отождествленіе закона съ понятіемъ о видѣ, характеръ котораго опредѣляется свойствами того, что подъ него подведено. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ области бытія, представляющагося намъ относительно неизмѣннымъ, точно также и въ области происхожденія существуетъ единообразіе правильно-повторяющихся измѣненій. Это единообразіе повторенія служитъ основаніемъ для составленія понятій, имѣющихъ точно такое же значеніе, какъ и въ области бытія. Точно такъ же какъ наблюденіе постоянства свойствъ многихъ экземпляровъ даетъ возможность заключать объ остальныхъ индивидахъ, не подлежавшихъ наблюденію, и,

съ предварительною предположительною достовѣрностію, приписывать имъ тѣ же свойства,—точно также наблюденіе одинаковости свойствъ правильно возвращающихся измѣненій даетъ возможность заключать о наступленіи такихъ же измѣненій. Такимъ соединеніемъ опыта и мышленія осуществляются хоть гипотетически-достовѣрныя обобщенія знанія. Это обобщеніе, *фактически* относящееся *ко многимъ*, но *гипотетически* охватывающее *всѣ* случаи измѣненій, и называется *закономъ*. Очень ясно, такимъ образомъ, что понятіе о законѣ не можетъ имѣть въ области измѣненій иного значенія, какъ и въ области бытія. Если законъ и даетъ возможность предвидѣть измѣненія съ значительною степенью вѣроятности, то нѣтъ еще основанія заключить объ объективной зависимости этихъ измѣненій отъ закона, и такимъ образомъ объективировать и этотъ послѣдній, считать его реальною причиною происходящихъ измѣненій. На самомъ дѣлѣ законъ, какъ понятіе, зависитъ отъ единичныхъ фактовъ и сохраняетъ значеніе свое только до тѣхъ поръ, пока факты эти не находятся съ нимъ въ противорѣчіи. Лишь только же наблюдается такое противорѣчіе, законъ становится понятіемъ, лишеннымъ содержанія, и теряетъ всякое значеніе.

Правильное установленіе понятія о законѣ прекращаетъ возможность объясненія посредствомъ него отдѣльныхъ фактовъ; такое объясненіе возвращаетъ насъ снова къ обыденному воззрѣнію, которое считаетъ понятнымъ все обычное и для него не нуждается ни въ какомъ объясненіи. Можетъ ли служить однако-же объясненіемъ для отдѣльнаго факта то обстоятельство, что и многіе другіе факты также съ нимъ согласуются? Общность фактовъ даетъ намъ только знаніе, но не объясненіе. Надежда же найти въ общности этой объясненіе проистекаетъ изъ того ипостазированія понятія о законѣ, которое господствовало еще въ то время, когда вниманіе философовъ было преимущественно обращено не на результатъ происхожденія, но на бытіе, и потомъ незамѣтно перешло и въ новѣйшую науку и философію, и которое по отношенію къ происхожденію поставлено въ ту же роль, въ которой находилось прежде по отношенію къ бытію.

Чтобы еще съ бо́льшею опредѣленностью показать ошибочность воззрѣній, объективирующихъ понятіе о законѣ, объяснимъ себѣ нѣсколько подробнѣе его происхожденіе.

Исходная точка нашего знанія, какъ не разъ уже было

объяснено, есть представленіе; представленію же объективно соотвѣтствуетъ фактъ, явленіе, которое во всякомъ данномъ случаѣ есть непремѣнно нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Такимъ образомъ, знаніе наше имѣетъ прямое соотношеніе только къ отдѣльнымъ, конкретнымъ, индивидуальнымъ фактамъ; ими вполнѣ и окончательно исчерпывается весь объективный матерьялъ, которымъ мы только можемъ располагать; такъ что все дальнѣйшее знаніе, какъ бы далеко ни шло его развитіе, относится къ дѣйствительности лишь посредственно, косвенно и состоитъ изъ образованныхъ нами же понятій. Такимъ образомъ, когда говорятъ объ открытіи закона и понимаютъ это открытіе въ томъ же смыслѣ, какъ открытіе планеты или острова, то, очевидно, впадаютъ въ указанное выше антропоморфическое лжетолкованіе: законы не существуютъ объективно, какъ планеты или острова, и открытіе ихъ есть, собственно говоря, только завершенное и законченное образованіе новаго понятія. Представленіе о единичномъ фактѣ остается представленіемъ до тѣхъ поръ, пока не является возможности ввести представленіе это въ извѣстную связь съ другими представленіями и образовать понятіе, которое и получаетъ названіе закона. Законъ, такимъ образомъ, не есть нѣчто первенствующее надъ фактами, нѣчто, управляющее бо́льшими или меньшими массами ихъ, нѣчто, подчиняющее себѣ факты какъ какихъ-то подданныхъ;—законъ, напротивъ того, находится въ полной зависимости отъ фактовъ, такъ какъ онъ является послѣ нихъ, образуется изъ представленій, снимаемыхъ съ нихъ. Изъ этого видно, что ни о какихъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ, правящихъ міромъ законахъ не можетъ быть и рѣчи и въ научно-критической философіи, освобожденіе которой отъ всѣхъ призраковъ обыденнаго мышленія и метафизики должно быть *полное* и *окончательное*.

Изложенное выше критическое изслѣдованіе понятій на причинности и закона приведено мною изъ упомянутыхъ уже не разъ сочиненій Гёринга и Баумана, съ тою цѣлью, чтобы показать, какимъ образомъ современный критицизмъ успѣлъ устранить a priori и заново обосновать философски реализмъ на началахъ критическихъ, совершенно освободившихся отъ метафизики Канта. Прежде однако-же, чѣмъ довести до конца это объясненіе, я воспользуюсь добытыми теперь результатами для того, чтобы остановить вниманіе читателя на соотвѣтственныхъ воз-

зрѣніяхъ Ог. Конта. Перечитывая мѣста «Курса», относящіяся къ настоящему вопросу, легко замѣтить теперь, какъ вѣрные взгляды этого мыслителя,—взгляды, излагаемые, къ сожалѣнію, догматически,—такъ и многочисленныя его ошибки, частью основоначальныя, частью обусловленныя неточностью языка, не стѣсняемаго строгими требованіями разработанной теоріи познаванія. Взгляды на законъ, какъ на результатъ анализа фактовъ и отождествленіе его съ «общимъ фактомъ» и т. п., должны быть отнесены, конечно, къ числу геніальныхъ отгадокъ, которыми Ог. Контъ какъ бы упреждалъ задачи философской критики, но зато нельзя не признать, что рѣчь о подчиненіи фактовъ законамъ, объ объясненіи фактовъ законами и объ отождествленіи извѣстнаго съ повседневнымъ низводитъ воззрѣнія Ог. Конта постепенно къ догматизму, наивному реализму и обыденному мышленію, заставляя еще разъ этотъ великій умъ становиться въ противорѣчіе съ самимъ собою и съ тѣми основоначалами, послѣдовательное развитіе которыхъ должно бы было раскрыть эти ошибки и окончательно устранить ихъ [1]).

Переходя теперь къ вопросу объ a priori и устраненіи его современнымъ критическимъ реализмомъ, обратимъ первоначально вниманіе наше на то, что *воспріятія*, разсматриваемыя какъ *дѣйствія*, по отношенію къ причинной связи могутъ быть расматриваемы различно и что отъ этого различія зависитъ та коренная противоположность, которая лежитъ въ основѣ идеализма и реализма съ одной стороны, наивнаго и критическаго реализма—съ другой. Какъ идеализмъ, такъ и наивный реализмъ ставятъ причину воспріятій или *исключительно въ субъектъ* или *исключительно въ объектъ*, т.-е. принимаютъ причинность точно такъ же, какъ обыденное мышленіе,—въ смыслѣ абсолютнаго нѣчто, *производящаго* дѣйствіе. Изъ общей совокупности условій возникновенія воспріятій, идеализмъ исключаетъ объектъ; наивный реализмъ—субъектъ. Мы видѣли уже, что такой взглядъ на причинность вытекаетъ изъ объективированія понятій и рѣшительно отвергается философскою критикою, которая должна такимъ образомъ *отвергнуть* и *идеализмъ*, *и наивный реализмъ*, *какъ предполагающіе въ основѣ своей не-критическое понятіе причинности*. Правильное же понятіе причинности, требующее разложенія дѣйствія на его

[1]) *Comte*, Cours. I, 16—17; VI, 606 et suiv.

элементы или причины, считаетъ воспріятіе продуктомъ какъ субъективнаго, такъ и объективнаго фактора, и разсматриваетъ тотъ и другой какъ его причины. Критическій реализмъ, какъ видно изъ этого, противополагаясь реализму наивному, еще въ сильнѣйшей степени противополагается идеализму. Такъ, наивный реализмъ отрицаетъ только участіе субъекта въ образованіи воспріятій, но не отрицаетъ и не можетъ отрицать существованія самого субъекта, тогда какъ идеализмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, неизбѣжно долженъ отрицать существованіе объекта. Критическій реализмъ не можетъ быть разсматриваемъ, слѣдовательно, какъ компромиссъ между идеализмомъ и реализмомъ, какъ полагаетъ Либманъ, утверждающій, что противоположность между идеализмомъ и реализмомъ имѣетъ относительное значеніе и въ новѣйшее время все болѣе и болѣе стушовывается [1]), и не долженъ и принимать того сбивчиваго названія (Realidealismus), которое бы давало идею такого компромисса. Гёрингъ, такъ строго послѣдовательно проводящій идею критическаго реализма въ своей «Системѣ критической философіи», дѣлаетъ, какъ я думаю, ошибку, допуская въ одномъ мѣстѣ этотъ терминъ, затемняющій истинный смыслъ основной идеи критическаго реализма [2]). Уравновѣшивая значеніе обоихъ факторовъ, производящихъ воспріятіе и устраняя мысль о предшествованіи одного другимъ,—мысль, свойственную именно компромиссамъ, критическій реализмъ остается далекъ отъ усвоенія чертъ, характеризующихъ идеализмъ, и представляетъ типъ самаго строгаго, сознательнаго и до конца послѣдовательнаго реализма.

Выяснивъ возникновеніе апріорныхъ понятій изъ ложнаго понятія причинности и показавъ устраненіе его посредствомъ исправленія этого понятія, я выяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что самое понятіе причинности у послѣдовательныхъ идеалистовъ должно было ранѣе всѣхъ другихъ понятій быть признано апріорнымъ. Такая необходимость заключаетъ однако-же въ себѣ то внутреннее противорѣчіе, какъ ѣдко замѣтилъ Гёрингъ, что апріорность причинности возникла въ исторіи философіи очень поздно и теперь еще очень своеобразно понимается обыденнымъ мышленіемъ [3]). Въ виду этихъ, бьющихъ въ глаза,

---

[1]) *O. Liebmann*, Zur Analysis etc. S. 33.
[2]) *C. Göring*, System, II. S. 216—217.
[3]) Id. S. 243.

фактовъ, идеалистамъ предстояло представить другіе, которые бы съ такою же силою убѣждали насъ въ невозможности своего объясненія безъ помощи гипотезы апріорности. Такіе факты не были однако-же представлены, и гипотеза остается и до сихъ поръ совершенно излишнею, а данныя науки, какъ, напр., наблюденія надъ слѣпорожденными, которымъ было возвращено зрѣніе, самымъ рѣшительнымъ образомъ ей противорѣчатъ. Неудивительно поэтому, что апріорность причинности находитъ такъ много противниковъ со временъ Гербарта: Лотце, Брентано, Горвицъ, Вундтъ, Бауманъ, Гёрингъ и мн. др. представляютъ такой арсеналъ аргументовъ, который отнимаетъ у апріорной философіи всякое значеніе.

Вслѣдъ за возникновеніемъ апріорности понятія причинности возникаютъ и другія апріорныя формы мышленія, и вслѣдъ за ея паденіемъ—падаютъ. Вышеизложенное критическое изслѣдованіе понятія причинности и только что указанная связь этого понятія съ воззрѣніемъ на образованіе воспріятій ясно показали несостоятельность a priori, какъ пути къ открытію истины. Очевидно поэтому, что философія, задающаяся опредѣленіемъ правильнаго пути къ истинѣ, не можетъ ставить себѣ цѣлью *пріобрѣтеніе апріорныхъ заблужденій* далее и тогда, *если бы* доказано было, что заблужденія эти необходимо вытекаютъ изъ свойствъ разума и что они всеобщи. Какъ другія необходимыя и всеобщія ошибки обыденнаго мышленія, такъ и ошибки апріорныя должны быть устранены и замѣнены знаніемъ, достовѣрность котораго была бы основана *не на его апріорности, а на научной доказательности*. До тѣхъ же поръ, пока не существуетъ никакой увѣренности въ томъ, что какой бы то ни было исключительно-субъективный факторъ, какое бы то ни было a priori именно апріорностью своею ручается за истину, до тѣхъ поръ опытъ, веденный научнымъ методомъ, долженъ остаться единственною и послѣднею инстанціею, рѣшающею между истиною и заблужденіемъ, посколько не идетъ рѣчь о чисто формально-логическихъ отношеніяхъ.

Затѣмъ разумѣется само собою, что различеніе a priori и a posteriori имѣетъ значеніе только при сравненіи реалистическихъ воззрѣній съ идеалистическими. Безотносительно, въ области критическаго реализма, значеніе это совершенно падаетъ, такъ какъ оба фактора воспріятія ставятся здѣсь въ одинаковыя къ нему отношенія, и достиженіе истины посредствомъ чистаго

мышленія безъ помощи опыта признается только anticipatio mentis, о которомъ говорилъ еще Бэконъ.

Не имѣя теоріи познаванія и основывающейся на ней философской критики, позитивизмъ всегда оставался далекимъ отъ мысли *обосновать критически свои реалистическія воззрѣнія*, и потому воззрѣнія эти поставлены у него *догматически*. Мы знаемъ однако-же, что позитивизму не чужды зачатки критицизма, и предшествовавшее объясненіе, какъ я полагаю, доказало, что зачатки эти могутъ развиться, не только не наталкивая позитивное ученіе на метафизическіе тезисы, но, напротивъ того, окончательно спасая его отъ нихъ и самымъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ образомъ завершая образованіе того опредѣленнаго критико-реалистическаго характера, который по основоначаламъ позитивизма ему присущъ.

Обратимся теперь къ намѣченной выше противоположности критическаго реализма, реализму наивному, и покажемъ, какъ и съ этой стороны обособляется и опредѣляется характеръ вполнѣ развившагося позитивизма.

Причинъ нашихъ воспріятій нельзя искать исключительно въ объектахъ, ибо явленія—какъ доказываетъ современная физіологія—не входятъ въ наши чувства, какъ въ открытую дверь, не достигаютъ непосредственно и безъ всякихъ измѣненій центральнаго органа, какъ то воображается наивному реализму обыденнаго мышленія [1]), но видоизмѣняются самымъ актомъ воспріятія. Свѣта, звука, теплоты не существуетъ объективно, а между тѣмъ представленія свѣта, звука, теплоты суть только воспроизведенныя нами чувственныя воспріятія и того, и другого и третьяго. Причины воспріятій находятся столько же въ объектахъ, какъ и въ субъектѣ; качество воспріятій измѣняется поэтому не только вмѣстѣ съ измѣненіемъ объекта, но и вмѣстѣ съ измѣненіемъ субъекта. Воспріятіе одного и того же объекта различными субъктами различно. Находясь въ зависимости отъ органовъ, чувственныя воспріятія мѣняются вмѣстѣ съ ними и, такимъ образомъ, рядомъ съ общими *объективными* причинами

[1]) «*Внѣшнее явленіе реально входитъ въ наши чувства*, не теряетъ своего матеріальнаго характера, *проходитъ по реальнымъ проводникамъ*, видоизмѣняется въ дѣятельность центральнаго органа и *становится представленіемъ*. Наукѣ удалось даже измѣрить время, въ теченіе котораго происходитъ этотъ процессъ» и т. д. (*М. Антоновичъ*. Два типа современныхъ философовъ. «Современникъ», 1861 г., кн. 4, стр. 381).

дают для каждаго организма частныя *субъективныя* причины, общая совокупность которыхъ и опредѣляетъ качество нашего опыта. Опытъ нашъ, какъ видно изъ этого, есть извѣстный, опредѣленный субъективно-объективными условіями опытъ, основанное имъ мышленіе есть извѣстное, опредѣленное, *наше* мышленіе. Другіе организмы, воспринимая не такъ, какъ мы, имѣютъ и не такія представленія, а слѣдовательно и мыслятъ не такъ, какъ мы. Академикъ фонъ-Бэръ превосходно выяснилъ это различіе. Онъ говоритъ, что скорость воспріятій и обусловленная ею скорость умственной жизни у животныхъ пропорціональна скорости ихъ пульсаціи. Такъ какъ у кролика, напримѣръ, пульсація совершается вчетверо скорѣе, чѣмъ у быка, то кроликъ въ одно и то же время вчетверо скорѣе воспринимаетъ впечатлѣнія, вчетверо скорѣе въ состояніи проявить свою дѣятельность, и вообще вчетверо болѣе переживаетъ, чѣмъ быкъ. Вообще говоря, внутренняя жизнь различныхъ видовъ животныхъ, и человѣка включительно, протекаетъ въ одни и тѣ же астрономическія промежутки времени со специфически различною скоростью и сообразно съ тѣмъ соразмѣряется и субъективная мѣра времени у каждаго изъ этихъ существъ. Только потому, что наша мѣра сравнительно не велика, представляется намъ органическій индивидъ, растеніе или животное, постояннымъ въ своей формѣ и величинѣ: мы можемъ въ теченіе одной минуты видѣть его сто и болѣе разъ, не замѣчая никакого внѣшняго измѣненія. Если же мы допустимъ, что пульсація наша, затѣмъ способность воспринимать, умственный процессъ и внѣшній ходъ жизни значительно замедлились или ускорились, то необходимо будетъ допустить и соотвѣтственное измѣненіе въ нашихъ представленіяхъ. Положимъ, что жизнь наша—дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость—была бы сведена на тысячную часть теперешней ея продолжительности, длилась бы всего одинъ мѣсяцъ, и что біеніе пульса ускорилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ тысячу разъ, то явилась бы возможность весьма удобно прослѣдить взглядомъ за полетомъ ружейной пули. Если же затѣмъ жизнь была бы сокращена еще на одну тысячную и ограничена только 40 минутнымъ срокомъ, то трава и цвѣты показались бы намъ столь же неподвижными, какъ и горныя цѣпи, и о развитіи древесной почки мы, въ теченіе нашей жизни, могли бы замѣчать въ такой же мѣрѣ, въ какой для насъ доступно воспріятіе геологическихъ видоизмѣненій земного шара;

при этомъ условіи, произвольныя движенія животныхъ сдѣлались бы для насъ совершенно незамѣтными: они были бы слишкомъ медленны; мы могли бы только заключать о нихъ какъ заключаемъ теперь о движеніи небесныхъ тѣлъ. При дальнѣйшемъ же сокращеніи продолжительности жизни, свѣтъ, видимый нами теперь, не могъ бы ощущаться, звуки, слышимые теперь, замолкли бы. Если же жизнь человѣческая будетъ не сокращаться и сплачиваться, а напротивъ того, значительно удлиняться и разрѣжаться, то какъ различны будутъ образы! Положимъ, напримѣръ, что пульсація и способность воспріятія замедлится въ тысячу разъ и жизнь наша достигнетъ 80 тысячъ лѣтъ. Въ теченіи одного года мы будемъ переживать столько же, сколько теперь переживаемъ въ 8 или 9 часовъ; въ теченіи четырехъ часовъ увидимъ мы, какъ исчезнутъ зимніе снѣга, какъ зазеленѣетъ земля, выростетъ трава и зацвѣтутъ цвѣты, деревья покроются листвой и плодами и затѣмъ вся растительность снова увянетъ. Многія явленія при этомъ, по скорости своей, вовсе не будутъ воспринимаемы; развитіе гриба представится подобно моментальному взлету воды, бьющей изъ фонтана. Ночи и дни станутъ смѣняться какъ темныя и свѣтлыя минуты и солнце съ бо́льшею скоростью пойдетъ по небесному своду. Если же такимъ образомъ въ тысячу разъ замедленная человѣческая жизнь замедлится еще въ тысячу разъ, такъ что человѣкъ въ теченіе одного года не получитъ возможности пережить болѣе 189 воспріятій, то различіе дня и ночи исчезнетъ вовсе, движеніе солнца представится какъ свѣтящаяся радуга на небѣ, подобно тому, какъ быстро вращаемый раскаленный уголь представляется огненнымъ кругомъ; растительность же станетъ съ неистовой поспѣшностью то возникать, то вновь исчезать. Всѣ кажущіеся намъ постоянными образы растворятся въ стремительности происхожденія и поглотятся въ дикомъ напорѣ возникновенія! [1]).

Вышеприведенное разсужденіе Бэра ясно и наглядно показываетъ зависимость качества ощущеній отъ ихъ скорости и наводитъ на мысль о разнообразіи комбинацій, могущихъ возникать въ области воспріятій подъ вліяніемъ одной только бо́ль-

[1]) К. Е. v. Bär. Welche Auffasung der lebenden Natur ist die richtige? 1860. Не имѣя брошюры Бэра, я изложилъ основную мысль ея по Либману (*O. Liebmann*, Zur Analysis der Wirklichkeit. 1876. S. 83).

шей или меньшей ихъ частоты. Допуская же, напр., что весь опытъ нашъ сводился бы на одни звуки, мы должны будемъ утверждать, что въ какой бы мѣрѣ остальное наше знаніе ни вытекало изъ такого опыта, все же характеръ этого знанія опредѣлялся бы характеромъ опыта и можно бы было утверждать не съ вѣроятностью, но съ аподиктическою увѣренностью, что не можетъ существовать явленія, которое бы не звучало [1]).

Такимъ образомъ, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что міръ и есть именно таковъ, какимъ мы его себѣ представляемъ, но только, что, представляя его себѣ, мы можемъ представить его не иначе какъ таковымъ. Этою чертою, опредѣляющею существенное значеніе относительности нашего знанія, завершается характеристика его и обусловливаются критически тѣ положенія, которыя въ позитивной системѣ установлены чисто догматически [2]).

Ученіе объ относительности знанія, только что охарактеризованное, до такой степени присуще всякому научному міросозерцанію, что его нельзя было обойти съ первыхъ же шаговъ вступленія философіи на путь критическаго мышленія. Совершенно справедливо говоритъ Милль, что ученіе объ относительности знанія стало общею принадлежностью философскаго міра со временъ Юма [3]), что Ог. Контъ никогда не претендовалъ на его оригинальность и всегда признавалъ несомнѣнность участія въ выработкѣ его всѣхъ тѣхъ, которые оказали наукѣ какую-либо услугу, и особенно умозрительныхъ умовъ Бэкона, Декарта и Галилея [4]). Несомнѣнный этотъ историческій фактъ затемненъ однако-же современными позитивистами, впавшими и въ настоящемъ случаѣ въ грубыя ошибки исключительно вслѣдствіе крайне ограниченнаго кругозора своихъ знаній въ области исторіи философіи. Литтрé, возражая на приведенное выше мнѣніе Милля, говоритъ, что ни ученыхъ, ни философовъ нельзя считать творцами этого основанія позитивной философіи, потому что ученые не философствовали, почему Ог. Контъ и не могъ унаслѣдовать отъ нихъ свой философскій принципъ, а

---

[1]) *F. A. Lange*, Geschichte des Materialismus. 1874. II Buch. I Hälfte. S. 28.

[2]) Ср. *W. Windelband*, Ueber die Gewissheit der Erkenntniss. 1873.

[3]) St. *Mill*, La philosophie de Hamilton. Trad. par E. Cazelles. 1869. p. 261.

[4]) *Ст. Милль*, Ог. Контъ и позитивная философія, стр. 8.

философы были метафизики, и слѣдовательно Ог. Контъ не могъ принимать ихъ традицій [1]). Такимъ образомъ, Ог. Контъ возводится въ спеціальные изобрѣтатели позитивной философіи, вопреки рѣшительно выраженному мнѣнію самого Ог. Конта, и позитивная философія лишается связующихъ нитей съ другими философскими системами, однимъ взмахомъ пера признанными метафизическими и отдѣленными цѣлою пропастью отъ позитивной философіи, появляющейся, вопреки свидѣтельству исторіи и толкованію Ог. Конта, довольно внезапно.

Каковъ бы ни былъ однако-же взглядъ на происхожденіе ученія объ относительности знанія, особенно важнымъ остается то, что развитіе основоначала относительности знанія въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ сознательное отношеніе къ задачѣ научной философіи, не могло послѣдовать ни у самого Ог. Конта, ни у его послѣдователей, потому что такое развитіе предполагаетъ теорію познаванія не только уже установленною, но и поставленною въ правильное отношеніе къ общей системѣ научнаго знанія. Хотя наука, какъ основа позитивной философіи, какъ бы подсказывала вѣрное рѣшеніе этого важнаго вопроса и невольно наводила и Ог. Конта и его современныхъ послѣдователей на нѣкоторыя отрывочныя замѣтки; но общія условія, воспрепятствовавшія завершенію развитія позитивной системы, не допустили рѣшеніе и настоящаго вопроса пойти далѣе отрывочныхъ замѣтокъ. Въ I главѣ читатель ознакомился уже со всѣмъ тѣмъ, что есть у Ог. Конта существеннаго въ этомъ отношеніи, что же касается новѣйшихъ позитивистовъ, то и въ настоящемъ случаѣ они должны быть поставлены гораздо ниже самаго Ог. Конта. Можно сказать, что чѣмъ болѣе углубляются они въ его рѣшеніе, тѣмъ болѣе губятъ начала Контовой философіи, тѣмъ болѣе низводятъ философію эту къ отрицанію всякой философіи. Послѣдовательность этого паденія наглядно представится намъ въ сопоставленіи воззрѣній на относительность знанія гг. Литтрé и Вырубова, къ которымъ мы теперь и обратимся.

У Литтрé мы опять встрѣчаемся при этомъ съ фантастическимъ опасеніемъ вторженія метафизики вмѣстѣ съ психологіей, влекущей будто бы за собой какую-то роковую необходимость умозрительнаго строительства. Литтрé полагаетъ, что принципъ относительности знанія, хотя и составляетъ общее

[1]) *E. Littré*, A. Comte et St. Mill. p. 14.

достояніе школы позитивной и школы психологической, выработанъ однакоже обѣими школами различно, и потому позитивный принципъ относительности слѣдуетъ необходимо различать отъ принципа относительности психологическаго. Позитивный принципъ, говоритъ Литтре́, имѣетъ эмпирическій характеръ и является какъ результатъ того факта, что во всякой позитивной наукѣ былъ добытъ фактъ, явленіе, далѣе котораго невозможно было итти; что же касается принципа психологическаго, то принципъ этотъ является только результатомъ свойствъ, присущихъ нашей способности познаванія. «Различіе это», продолжаетъ Литтре́, «не ограничивается только путями, которыми выработанъ былъ принципъ относительности, но распространяется и на результаты. Психологическое доказательство относительности человѣческаго знанія неудовлетворительно въ философскомъ отношеніи; оно доказываетъ только, что мы познаемъ предметы посредствомъ возбуждаемыхъ ими въ насъ ощущеній и что познаніе это чисто-феноменально, что мы никогда не проникаемъ до познанія предмета, каковъ онъ есть въ себѣ (ce qu'il est en soi); но оно не доказываетъ, что познаваемое нами какъ явленіе (феноменальное) не есть проявленіе абсолюта, если таковой существуетъ. Другими словами, доказательство это не замыкаетъ путей къ первымъ причинамъ. Такимъ образомъ, въ системѣ матеріалистической, напримѣръ, относительность знанія по отношенію къ матеріи не допускаетъ только возможности утверждать, что мы знаемъ матерію въ себѣ, но позволяетъ разсматривать ее какъ абсолютный субстратъ и первую причину всѣхъ вещей; то же самое можно замѣтить и по отношенію къ системѣ теистической. Объективное безсиліе психологическаго принципа усматривается тутъ совершенно ясно, и, какъ неотвратимое заключеніе, возникаетъ подчиненіе ее объекту, что и опредѣляетъ ея мѣсто въ позитивной философіи.

«Не таковъ былъ путь, которому слѣдовалъ Контъ, не таковъ и его результатъ.—Путь: установивъ философію каждой основной науки, Ог. Контъ призналъ *a posteriori*, что каждая изъ нихъ достигала такихъ условій, далѣе которыхъ итти было невозможно, хотя и остается нерѣшеннымъ, слѣдуетъ ли считать условія эти послѣдними или нѣтъ; такимъ образомъ онъ обосновалъ посредствомъ опыта тотъ принципъ, что въ человѣческомъ знаніи ничто не абсолютно, ибо такова формула, которую онъ далъ.—Результатъ: тогда какъ психологія никакъ не

опредѣляетъ характеръ предѣла, на которомъ останавливается возможность разложенія явленій на причины и дѣйствія, и оставляетъ свободнымъ входъ, чрезъ который могутъ проникнуть понятія о первыхъ причинахъ, позитивная философія рукою Ог. Конта наияснѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ указываетъ, что возможность эта останавливается на явленіи неразложимомъ,— на явленіи, разложить которое наука отказывается, чѣмъ и опредѣляется предѣлъ познаваемаго міра и граница того міра, познаніе котораго намъ недоступно. Такимъ образомъ, въ вопросѣ первыхъ причинъ, упомянутыхъ выше, всякая наука въ своей области не достигаетъ такого факта, который могъ бы считаться первымъ (qui puisse être dit premie); но она достигаетъ извѣстныхъ причинъ, или существованій, или условій, которыя она имѣетъ только право считать причинами, существованіями, условіями непостигнутыми.

«Принимая во вниманіе все это, нельзя сказать, выражаясь точно, что, включивъ относительность знанія въ философію, Ог. Контъ не ввелъ въ нее ничего новаго и только воспользовался основоначаломъ, бывшимъ во всеобщемъ обладаніи. Основоначало Ог. Конта отличается отъ основоначала психологическаго и по происхожденію, и по послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, относительность знанія не служитъ основаніемъ позитивной философіи, но является результатомъ ея,—позитивная философія *не создалась* этимъ основоначаломъ, а основоначало создано ею; и, съ другой стороны, въ психологическомъ основоначалѣ относительности знанія не содержится такой силы, которая могла бы противостоять вторженію понятія о первыхъ причинахъ; такая сила свойственна только опытному основоначалу относительности; это основоначало, не высказывая ничего объ ихъ существованіи или несуществованіи, указываетъ тѣ различныя точки, на которыхъ долженъ остановиться человѣческій разумъ, восходя по лѣстницѣ изысканія причинъ. Принципъ психологическій и принципъ опытный принадлежатъ двумъ различнымъ областямъ. Первый ведетъ только къ извѣстному условію нашего образа познаванія; второй—къ понятію о мірѣ, результату въ высшей степени важному. Всегда и вездѣ видимъ мы такимъ образомъ психологію, подчиненную позитивной философіи» [1]).

[1]) *E. Littré*, A. Comte et St. Mill, p. 42—44.

Вникая въ это разсужденіе Литтрé, приходится еще разъ убѣдиться, что ученый этотъ не имѣетъ никакой идеи о критической философіи и, смѣшивая вопросы, которые она тщательно раздѣляетъ и послѣдовательно методически анализируетъ, воображаетъ, что теорія познаванія можетъ быть только метафизическою и стоять по отношенію къ остальной системѣ какъ первоосновной принципъ, изъ котораго должно быть выведено все міросозерцаніе. Я уже имѣлъ случай пояснить, что такое воззрѣніе есть результатъ особеннаго отрицательнаго вліянія метафизики съ одной стороны и невѣдѣнія критической философіи—съ другой. Литтрé думаетъ спастись отъ мнимой необходимости построенія въ нѣдрахъ несокрушимости іерархической схемы и считаетъ всегда дѣло свое выиграннымъ, если въ результатѣ получается отрицаніе возможности существованія какого-либо знанія внѣ этой схемы. Но такъ какъ очевидно, что изученіе субъекта какъ познающаго и изложеніе результатовъ этого изученія въ теоріи познаванія и философской критикѣ не вмѣщается ни въ одинъ изъ отдѣловъ схемы, то ихъ хотя мимоходомъ и можно выдѣлить въ «appendice de la philosophie positive», но въ концѣ-концовъ слѣдуетъ однако-же все-таки считать покоящимися въ своей іерархической графѣ и не нарушающими замкнутую сферу схемы. Судьба принципа относительности такимъ образомъ является предопредѣленною, тождественною съ судьбою логики, какъ мы уже видѣли это выше. Достопримѣчательно однако-же, что такая роковая судьба могла постигнуть принципъ этотъ только тою цѣною, что опредѣленіе условій нашего образа познаванія признано лишеннымъ всякаго значенія и вся аргументація построена не только на смѣшеніи теоріи англійской психологической школы и школы критической, но еще и на приплетеніи къ нимъ примѣровъ, заимствованныхъ со стороны, у матеріалистовъ и теистовъ, т.-е. такою цѣною, которая для философа должна бы, кажется, быть непомѣрно высокою.

Еще высшею представится намъ цѣна эта, если мы обратимъ вниманіе на тѣ удивительныя объясненія, которыми Литтрé подкрѣпляетъ невозможность познанія абсолютнаго. «При началѣ вещей мы не были», говоритъ онъ, «при концѣ вещей не присутствуемъ; мы не обладаемъ такимъ образомъ никакимъ средствомъ для познанія этого начала и этого конца» [1]).

---

[1]) Id. p. 107.

Но, вѣдь, прежде всего надо бы помнить послѣдователю Ог. Конта, что мыслитель этотъ полагалъ «назначеніе науки въ установленіи возможности обходить прямое наблюденіе и выводить изъ возможно меньшаго числа данныхъ возможно бо́льшее число результатовъ» [1]). Я болѣе не настаиваю на странности аргумента Литтрé, такъ же какъ и на ограниченіи вопроса началомъ и концомъ вещей, которое Литтрé выставляетъ тутъ же. Не-философскій, анти-контовскій характеръ пробивается во всемъ этомъ слишкомъ ярко. Я остановлюсь только на томъ, что всѣ приведенныя воззрѣнія Литтрé обнаруживаютъ односторонность его въ пониманіи вопроса относительности знанія, а именно, онъ понимаетъ относительность только количественно, такъ что остается непонятнымъ, какимъ образомъ опредѣлится качественная относительность знанія. Приведенныя выше воззрѣнія Бэра и Ланге ясно показали громадное значеніе этой стороны относительности, и если Литтрé не касается ея, то это только усиливаетъ тѣ доказательства, которыя уже приведены мною въ подтвержденіе необходимости для позитивной философіи развить содержащіяся въ ней критическія начала, проникнуться ими и развиться подъ ихъ вліяніемъ безъ опасенія перерасти свои наслѣдственные шаблоны и безъ страха передъ необходимостью неизбѣжнаго превращенія изъ позитивизма въ критическій реализмъ: такое превращеніе было бы не болѣе, какъ результатъ яснаго самосознанія.

При всей очевидной несостоятельности приведеннаго выше разсужденія Литтрé, оно имѣетъ, однако-же, то несомнѣнное достоинство. что оставляетъ неприкосновеннымъ установленное Ог. Контомъ противопоставленіе относительнаго знанія—абсолютному и такимъ образомъ не закрываетъ этому зародышу философскаго критицизма пути къ развитію. Соредакторъ Литтрé, г. Вырубовъ, идетъ гораздо далѣе и низводитъ драгоцѣнное это наслѣдіе Ог. Конта къ нулю. Г. Вырубовъ замѣняетъ противопоставленіе относительнаго знанія абсолютному простымъ сопоставленіемъ ихъ; онъ различаетъ одно отъ другого только по степени присущей имъ достовѣрности, отождествляетъ абсолютное знаніе съ знаніемъ вполнѣ достовѣрнымъ, а знаніе относительное съ не вполнѣ достовѣрнымъ, съ знаніемъ вѣроят-

---

[1]) *Comte*, Cours, I. p. 98.

нымъ [1]). Такъ какъ при этомъ относительному знанію приписывается развитіе, цѣль котораго есть достиженіе абсолютности, то такимъ образомъ не только критическое начало, не совсѣмъ чуждое системѣ Ог. Конта, но и тѣнь его, мелькающая въ разсужденіяхъ Литтре́, окончательно отрицается. Это отрицаніе, могущее показаться довольно аляповатымъ въ эпоху новаго фазиса развитія критической философіи, негодно еще въ томъ отношеніи, что произвольно даетъ термину, имѣющему для всякаго европейскаго философа опредѣленное значеніе, произвольное объясненіе и такимъ образомъ вводитъ въ позитивизмъ ту неопредѣленность и путаницу, которая можетъ быть терпима только въ обыденномъ мышленіи и для всякой философской системы представляетъ симптомъ серьезнаго поврежденія. Ориентироваться въ этомъ хаосѣ, сохраняя въ памяти великія начала философіи Ог. Конта, нѣтъ никакой возможности, и всякій, конечно, предпочтетъ эти начала крайне неудачнымъ нововведеніямъ г. Вырубова. Вообще говоря, первымъ шагомъ къ дальнѣйшему развитію ученія Конта на основаніи началъ, установленныхъ Контомъ же, возможно въ настоящее время только при одномъ условіи—возвращеніи къ Конту. Приведенные разборы разсужденій его современныхъ послѣдователей не оставляютъ въ этомъ, какъ я убѣжденъ, никакого сомнѣнія.

Ознакомясь съ главными чертами основоначала относительности знанія и завершивъ такимъ образомъ изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы какъ цѣлаго, намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ объ отношеніи, въ которомъ должна стоять позитивная философія къ мышленію некритическому вообще, къ мышленію обыденному, какъ бы тамъ въ частности ни характеризовались разные его степени и оттѣнки.

Припомнимъ прежде всего общее опредѣленіе позитивной философіи, сдѣланное Ог. Контомъ.

«Въ позитивномъ состояніи», говоритъ Ог. Контъ, «умъ человѣческій, *признавая невозможнымъ выработку абсолютныхъ понятій*, *отказывается* отъ розысканія происхожденія и назначенія вселенной и познанія основныхъ причинъ явленій и *ставитъ себѣ единственною цѣлью*—открытіе ихъ дѣйствительныхъ

---

[1]) *G. Wyrouboff.* Le certain et le probable, l'absolu et le relatif. (La phil. pos. Revue. 1867. № 2).

законовъ, т.-е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній, послѣдовательности и сходства посредствомъ удобно комбинированныхъ приложеній сужденія и наблюденія. Объясненіе фактовъ, *входящее въ свои дѣйствительныя границы*, становится съ этого времени только хорошо установленною связью между различными частными явленіями и нѣсколькими явленіями общими, число которыхъ постоянно уменьшается подъ вліяніемъ развитія наукъ».

Если мы обратимъ вниманіе на эту характеристику позитивнаго состоянія человѣческаго ума и сопоставимъ ее съ характеристикою метафизическаго состоянія, то увидимъ, что различіе между двумя этими состояніями существенно сводится на тѣ основныя черты позитивнаго мышленія, которыя возникаютъ благодаря заключающемуся въ немъ критическому началу, отвергающему все, что вырабатывается мышленіемъ непозитивнаго, не выдерживающаго философской критики, мнимаго. Метафизическое мышленіе, въ этой противоположности своей позитивному, является такимъ образомъ какъ некритическое, какъ догматическое, какъ смѣшивающее мышленіе и познаваніе, т. е. какъ обыденное мышленіе, извѣстнымъ образомъ осложненное, систематизированное и снабженное искусственною терминологіею, но качественно неизмѣнившееся и существенно тождественное обыденному мышленію. Ог. Контъ не вникъ въ это неизбѣжное послѣдствіе закона трехъ состояній и привелъ въ заключительныхъ главахъ «Курса» такой взглядъ на это мышленіе, противорѣчіе котораго съ его основоначалами, цитированными выше, нельзя не отмѣтить здѣсь прежде, чѣмъ мы заключимъ изслѣдованіе этихъ основоначалъ.

Разсматривая связь позитивнаго умозрѣнія съ обыденнымъ мышленіемъ, Ог. Контъ считаетъ связь эту тѣсною на томъ основаніи, что духъ позитивной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго здраваго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму, и неизмѣнномъ сохраненіи типа самобытной смышленности, которая только обобщается, систематизируется и достодолжно распространяется на различныя отвлеченныя умозрѣнія. Ог. Контъ твердо стоитъ на томъ, что между обыденнымъ мышленіемъ, или такъ называемымъ здравымъ смысломъ, и мышленіемъ позитивнымъ не существуетъ никакого качественнаго различія и что только метафизико-мистическое умонастроеніе, внѣдряя въ привычки мысли тщеславный характеръ химерической возвышенности,

положило преграду между этимъ ложнымъ философскимъ направленіемъ и обыденною смышленностью. Такимъ образомъ, мышленіе, по Ог. Конту, развиваясь отъ первоначальныхъ своихъ стадій до позитивизма, не пережило никакого кризиса, и, по устраненіи ложныхъ путей мистики и метафизики и освобожденіи отъ результатовъ, пріобрѣтенныхъ во время слѣдованія этимъ путемъ, остается тождественнымъ самому себѣ по отношенію основныхъ своихъ свойствъ и является только методически расширеннымъ и распространеннымъ.

Альбертъ Ланге, указывая на этотъ взглядъ Ог. Конта, замѣчаетъ, что «исторія не обнаруживаетъ намъ ни малѣйшаго признака такого внезапнаго возвышенія обыденнаго разсудка, благодаря одному только устраненію препятствовавшихъ ему развиваться мистико-метафизическихъ фантазій; она показываетъ, напротивъ того, какъ новыя идеи пролагаютъ себѣ путь вопреки противостоящимъ имъ предразсудкамъ, какъ идеи эти нерѣдко смѣшиваются съ тѣми самыми заблужденіями, которыя они должны устранить, или принимаютъ подъ вліяніемъ ихъ ложное направленіе, и какъ полное устраненіе предразсудка является обыкновенно окончательнымъ завершеніемъ процесса и вмѣстѣ съ тѣмъ очисткою вполнѣ готовой машины. Заблужденіе представляется въ исторіи весьма часто только тою формою, которая служитъ для отливки колокола, благовѣствующаго истину, и которая по окончаніи отливки разбивается. Отношеніе химіи къ алхиміи, астрономіи къ астрологіи служитъ тому наглядным поясненіемъ. Полученіе важнѣйшихъ положительныхъ результатовъ, послѣ того какъ основанія науки были уже установлены, вполнѣ естественно. Современное положеніе звѣзднаго неба очень мало обязано Копернику непосредственно; Лавуазье отыскивающій *начало кислотности* [1]) и тѣмъ обнаруживающій не

---

[1]) «Если вспомнить, что алхимики, изслѣдуя металлы, искали одного общаго *начала металличности*, руководствуясь пріемами греческихъ философовъ, то станетъ ясно, что это вліяніе греческой философіи отразилось и на Лавуазье,—онъ открылъ *начало кислотности*—кислородъ». (*Савченковъ*. Исторія химіи. 1870 г., стр. 188.) Въ высшей степени интересный примѣръ смѣшенія представленій и понятій и весьма рѣдкій результатъ поисковъ объекта мнимаго представленія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду того,что поиски эти производились не однимъ только воображеніемъ и что Лавуазье былъ не изъ тѣхъ, которые могли удовлетвориться фиктивнымъ объектомъ.

вполнѣ закончившееся освобожденіе отъ алхиміи, могъ бы считаться по отношенію къ современной химіи только ученикомъ» [1]).

Все это совершенно ясно и совершенно вѣрно; но къ Ог. Конту относится по стольку, по скольку мыслитель этотъ допустилъ въ развитіи воззрѣній своихъ непослѣдовательность и противорѣчіе, такъ какъ у Ог. Конта проведена въ смыслѣ основоначала самымъ рѣшительнымъ и опредѣленнымъ образомъ идея противоположности научнаго, позитивнаго фазиса мышленія и фазисовъ ему предшествовавшихъ. Умъ человѣческій, говоритъ Контъ, употребляетъ послѣдовательно три метода, характеръ которыхъ необходимо различенъ и даже *коренньмъ образомъ противополагается одинъ другому*. Противоположность эта, какъ объяснено выше, установляется присущимъ научному мышленію критическимъ началомъ, хотя и недостаточно выясненнымъ Ог. Контомъ, но фактически принимаемымъ имъ со всѣми его послѣдствіями. Такимъ образомъ, обособленное положеніе научно-критическаго міроизученія и міроразумѣнія можетъ считаться истиною, общепризнанною всѣми тѣми мыслящими людьми, умы которыхъ не обрѣтаются еще въ догматизмѣ, т.-е. не только на до-контовской, но и на до-кантовской точкѣ зрѣнія, которые, словомъ, не отстали на цѣлое столѣтіе отъ современности.

Противопоставленіе критическаго мышленія обыденному не можетъ вести однако-же, какъ полагаетъ Ог. Контъ, къ гордому уединенію отъ массъ, предающихся дѣятельности и самозамкнутости въ отвлеченной области химерически-возвышенныхъ воззрѣній. Ясно сознавая ошибки обыденнаго мышленія, критическая философія не имѣетъ основанія разрывать связь свою съ какою бы то ни было дѣятельностью и, такимъ образомъ, добровольно суживать область наблюденія и отымать у своихъ основоначалъ важнѣйшее достоинство ихъ—жизненную примѣнимость. Она не имѣетъ основанія уединяться отъ дѣятельности практической, такъ какъ, по смыслу и духу своихъ краеугольныхъ основоначалъ, она не можетъ отрываться отъ представленій, которыми питается, и не можетъ отрекаться отъ воздѣйствія результатовъ своей работы на умы. Стремясь къ возможно разнообразнѣйшему накопленію представленій, критическій

---

[1]) *F. A. Lange*, Gesch. d. Materialismus. 1874. II Buch. 1 Hälfte. S. 172—173.

реализмъ стремится въ то же время къ возможно болѣе ясному и наглядному раскрытію ошибокъ обыденнаго мышленія и проведенію критическихъ началъ въ такіе умы, которые на долго бы оставались осужденными бродить во тьмѣ, если бы руководящими основоначалами философіи продолжали быть отрозненныя отъ жизни, тщеславныя и химерически-возвышенныя воззрѣнія мистики и метафизики.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

Суммируя результаты изученія конкретныхъ группъ явленій, т.-е. *частныя научныя понятія*, мы получаемъ *науку о мірѣ* въ тѣсномъ смыслѣ, космологію; *вырабатывая же* изъ этихъ частныхъ научныхъ понятій новыя, болѣе *общія* и *отвлеченныя*, соотвѣтствующія не конкретнымъ группамъ явленій, а умозрительнымъ группамъ представленій, мы получаемъ основанную на наукѣ *философію*, научно-философское міроразумѣніе. Какъ совокупность перваго рода понятій можно считать *научнымъ понятіемъ о мірѣ*, такъ совокупность второго—*философскимъ*, хотя оба они въ строгомъ смыслѣ *научны*. Философское понятіе получается изъ научнаго чрезъ *восхожденіе* къ наивысшей степени отвлеченія,—восхожденіе, необходимо опирающееся на общую всему строго-положительному знанію *теорію познаванія* и, слѣдовательно, дающее результатъ *не менѣе положительный*, чѣмъ тѣ частные результаты, которые служили ему основою.

Какъ міроразумѣніе, основывающееся на наукѣ, *научная философія* не можетъ, слѣдовательно, удовлетворяться *самобытно образованными понятіями*, *произвольно связанными безконтрольнымъ творчествомъ мысли*, но допускаетъ только понятія, образованныя *на основаніи извлеченныхъ изъ опыта наукъ основоначалъ*, которыя и руководятъ каждымъ шагомъ ея и безъ помощи которыхъ она не можетъ и приступить даже къ рѣшенію своей задачи.

Основоначала эти, какъ плодъ цѣлаго ряда образовавшихся уже наукъ, могутъ быть выработаны въ сравнительно позднюю пору развитія умственной дѣятельности и потому научное міросозерцаніе, на нихъ опирающееся, *возникаетъ неизбѣжно послѣ того, какъ чисто творческія, самобытныя попытки образованія философскихъ понятій были испробованы и когда частныя науки установились настолько, что является возможность извлечь изъ*

изученія ихъ развитія руководство для образованія общаго, философскаго понятія. Такимъ образомъ, *основоначала научной философіи въ историческомъ порядкѣ возникновенія слѣдуютъ за науками*, но въ *порядкѣ дидактическаго изложенія*, какъ основы систематическаго развитія всѣхъ отраслей знанія, *должны предшествовать имъ. Теорія познаванія* и *философская критика*, какъ видно изъ этого, *должны составлять* содержаніе *пропедевтики* въ правильно построенной научно-философской системѣ.

Ог. Контъ, полагая основанія системѣ *позитивной философіи*, имѣлъ въ виду именно созданіе *системы научно-философской* и потому онъ не остался вполнѣ чуждымъ такому строю системы. Увлеченный однако-же слишкомъ обширною и сложною чисто-научною работою, онъ не провелъ его послѣдовательно во всемъ «Курсѣ», не развилъ его до той полноты, которая неизбѣжно предполагается системою научной философіи, а *оставилъ въ зародышѣ, какъ присущій системѣ внутренно-побудительный моментъ ея развитія.*

Предшествовавшіе Ог. Конту мыслители—Локкъ, Юмъ и Кантъ—гораздо сознательнѣе отнеслись къ этой сторонѣ задачи Ог. Конта и выяснили уже, что *характеръ основоначалъ научной философіи есть характеръ критическій*, опредѣляющій границы области изслѣдованія и свойства изслѣдующаго субъекта. Оставалось только переработать эту задачу согласно съ успѣхами, сдѣланными науками со временъ Канта и такимъ образомъ выработать прочную *основу для научной философіи*, стремившейся къ окончательному обоснованію въ формѣ позитивной системы Ог. Конта, и заключавшей въ себѣ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, элементы для достиженія такого обоснованія.

Послѣдователи Ог. Конта, частью по невѣдѣнію философскихъ системъ, возникшихъ и возникающихъ внѣ Франціи, частью по философской ограниченности, заставлявшей ихъ довольствоваться одними намеками на необходимость высшихъ обобщеній, основоначалъ въ тѣсномъ смыслѣ *философскихъ*, не только *не повели* развитія позитивной системы согласно требованіямъ внутренно-побудительнаго момента, въ ней заключавшагося, но *остановили* это развитіе въ самомъ зародышѣ и *устранили* изъ позитивной системы все то, что давало идею объ условіяхъ ея дальнѣйшаго развитія. Такимъ образомъ,

позитивная система представляется въ настоящее время *извращенною и лишенною того будущаго, которое подготовлено было для нея геніемъ Ог. Конта.*

Около того же времени, когда современные позитивисты лишали жизненности наслѣдіе своего учителя, *критическое направленіе философіи* вновь возникло въ Германіи и устремилось къ пересозданію кантовой критики согласно съ требованіями современной науки. Часть этихъ усилій ново-кантіанцевъ, сохраняя главныя черты ученія объ апріорныхъ понятіяхъ, пошла въ сторону отъ позитивнаго строя философіи, но другая, преодолѣвъ a priori, положила твердое основаніе къ чисто-научному образованію философскихъ понятій. Эта новая *научно-критическая философія* или *критическій реализмъ* даетъ такимъ образомъ рѣшеніе позитивной задачѣ Ог. Конта и, не примыкая къ нему непосредственно, *представляетъ* однако-же *законченный фазисъ позитивизма, высшую стадію развитія* этого философскаго ученія.

Какъ позитивизмъ, такъ и критическій реализмъ имѣютъ, слѣдовательно, одну и ту же основу—науку. Не будь у нихъ этой общей основы, ихъ невозможно было бы считать стадіями развитія одной и той же философіи, философіи дѣйствительности, реализма.

Одинаково основываясь на наукѣ, позитивизмъ и критическій реализмъ различаются однако-же какъ стадіи развитія реалистической философіи, потому что позитивизмъ не изслѣдуетъ условій своего обоснованія, не изучаетъ его процесса и не оцѣниваетъ всѣхъ его послѣдствій, тогда какъ критическій реализмъ не упускаетъ изъ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того придаетъ факту научнаго обоснованія характеръ, нѣсколько отличный отъ того, который придается факту этому позитивною философіею.

Центръ тяжести позитивно-философской системы лежитъ въ *суммированіи* основоначалъ, выработанныхъ отдѣльными философски-разработанными науками или философіями наукъ; *образованіе* же изъ этихъ частныхъ основоначалъ общихъ, въ тѣсномъ смыслѣ философскихъ основоначалъ остается у Ог. Конта въ зачаточномъ состояніи, и у послѣдователей его совершенно устраняется, и позитивная система сводится окончательно на извѣстнымъ образомъ комбинированную схему отдѣльныхъ философій наукъ. Критическій реализмъ переноситъ

центръ тяжести системы въ *изслѣдованіе процесса образованія, провѣрки и связи* отвлеченныхъ, собственно-философскихъ понятій изъ данныхъ, доставляемыхъ науками, и на основаніи руководящихъ правилъ, выработанныхъ на наукѣ же строющеюся теоріею познаванія. Не отвергая значенія группировки научныхъ данныхъ, выражающейся классификаціей или іерархизаціей наукъ, критическій реализмъ не останавливается надъ ихъ суммированіемъ, но разсматриваетъ ихъ какъ первую ступень въ ходѣ процесса, ведущаго къ выработкѣ высшихъ философскихъ основоначалъ, имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ знанія, но не могущихъ быть отнесенными спеціально ни къ одной изъ нихъ. Критическій реализмъ и представляется такимъ образомъ позитивизмомъ, достигшимъ полнаго своего развитія, высшею, сравнительно съ позитивизмомъ, ступенью въ поступательномъ ходѣ научной философіи.

Такое преимущество критическаго реализма сравнительно съ позитивизмомъ выражается всего прежде въ той переработкѣ, которую онъ даетъ Контову *закону трехъ состояній*, разсматриваемому, какъ орудіе философской критики и представляющемуся въ системѣ Ог. Конта еще крайне неполно и неопредѣленно.

Критическій реализмъ, опираясь на результаты теоріи познаванія, во-первыхъ, *обобщаетъ* обѣ предшествующія научному міровоззрѣнію фазы умственнаго развитія какъ не-критическія, какъ обличающія наивный пошибъ обыденнаго мышленія, и во-вторыхъ, *характеризуетъ* научный или позитивный фазисъ не отреченіемъ отъ какихъ-то высшихъ цѣлей, которыми будто бы задавался умъ въ не-критическія эпохи своего развитія, но исправленіемъ средствъ и способовъ, посредствомъ коихъ шла прежде выработка понятій, и установленіемъ такихъ руководящихъ правилъ, при посредствѣ которыхъ возможно было образованіе и въ области философіи такихъ понятій, которыя ни въ какомъ отношеніи не стояли бы ниже научныхъ. Образованіе этихъ понятій имѣетъ тѣмъ большую важность, что они одновременно завершаютъ общій строй созидающагося положительнаго знанія и благотворно воздѣйствуютъ на понятія научныя, ставя имъ цѣли и руководя ихъ развитіемъ.

Изъ этого видно, что *задача позитивной философіи—образованіе понятія о мірѣ*—можетъ быть разрѣшена только тогда, когда пози ивизмъ отрѣшится отъ безплоднаго *суммированія*

частныхъ научныхъ понятій и перейдетъ къ *образованію изъ нихъ понятій общихъ* на томъ же основаніи, на которомъ они образованы были изъ представленій, т.-е. когда онъ *разовьетъ критическіе элементы своихъ основоначалъ* и изъ *позитивной схемы наукъ* перестроится въ *систему критическаго реализма* и, такимъ образомъ, получитъ тотъ присущій философіи по преимуществу отвлеченный характеръ, законосообразность котораго признавалъ такъ рѣшительно и Ог. Контъ.

ГЛАВА III.

Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы.

Зависимость основоначала классификаціи отъ основоначалъ теоріи познаванія. Основанное на этой зависимости дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя. Неправильность допущеннаго Контомъ смѣшенія «точки зрѣнія» науки и ея «метода». Примѣръ: сопоставленіе конкретной астрономіи и астрономіи абстрактной.

Основныя условія классификаціи абстрактныхъ наукъ по идеѣ Ог. Конта. Ошибка Спенсера, не принявшаго во вниманіе всѣхъ этихъ условій при критической оцѣнкѣ Контовой классификаціи. Обзоръ критическихъ замѣчаній на классификацію Ог. Конта; связь этихъ замѣчаній съ нѣкоторыми мнѣніями самого Конта. Замѣчанія Спенсера, возраженія на нихъ Литтрé, замѣчанія Милля. Оцѣнка замѣчаній Спенсера и Милля и возраженій Литтрé.

Опредѣленіе отношенія между абстрактными и конкретными науками, какъ основаніе для правильнаго сужденія о послѣдовательности приложенія основоначала классификаціи къ схемѣ наукъ Ог. Конта. Философія конкретной науки. Классификація наукъ, на которыя разчленяется философски разработанная пангеологія, по Гэккелю. Оцѣнка этой классификаціи.

Значеніе воззрѣній Гэккеля для классификаціи позитивныхъ наукъ. Отношеніе его морфологіи къ соціологіи Конта. Соціологія, антропосоціологія и антропологія. Правильность соотношенія ихъ какъ результатъ установленія послѣдовательности въ развитіи основоначала классификаціи Ог. Конта.

Послѣдствія установленія послѣдовательности въ классификаціи абстрактныхъ наукъ Конта: необходимость переработки заново абстрактной соціологіи и измѣненіе понятія о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ системѣ. Значеніе антропологической или субъективной точки зрѣнія. Устраненіе смѣшенія «методовъ» и «точекъ зрѣнія».

Критическія воззрѣнія на позитивизмъ гг. П. Л. и Н. Михайловскаго. Значеніе этихъ воззрѣній для развитія позитивизма. Примѣры спутан-

ности понятій у позитивистовъ, неуяснившихъ себѣ вопросовъ, поднятыхъ въ замѣчаніяхъ гг. П. Л. и Н. Михайловскаго. Задача соціологіи.

Классификація геологіи по идеѣ г. Вырубова. Полнѣйшая ея несостоятельность.

Противопоставленіе преобладанія соціологической точки зрѣнія точкѣ зрѣнія математической въ «Курсѣ» Ог. Конта. Контова характеристика математики. Внутреннія противорѣчія этой характеристики. Устраненіе ихъ воззрѣніемъ на математику критическаго реализма. Подтвержденія правильности этого воззрѣнія въ научно-философскихъ трудахъ по математикѣ Гаусса, Лобачевскаго, Римана, Бельтрами, Гельмгольца и друг. Философское значеніе пангеометріи.

Заключеніе.

Непосредственное знаніе, доставляемое намъ представленіями, преобразуется подъ гнетомъ субъективныхъ условій, полагающихъ границы неопредѣленному накопленію этихъ послѣднихъ, въ посредствующее знаніе, въ понятія, какъ то и было объяснено мною выше. Образованіе понятій не только полагаетъ предѣлъ накопленію непосредственнаго знанія, но заставляетъ отказаться даже и отъ извѣстной доли накопленнаго, долженствующаго потеряться и раствориться въ понятіяхъ и въ формѣ науки, сдѣлаться прочнымъ достояніемъ человѣческаго разума. Науки, съ этой точки зрѣнія, представляются опредѣленными группами понятій, соотвѣтствующихъ представленіямъ, снятыхъ съ опредѣленной конкретной группы явленій. Группы эти могутъ, очевидно, имѣть различную степень общности, обусловливающую различіе значеній соотвѣтствующихъ имъ наукъ, и, наконецъ, онѣ могутъ быть сведены къ одной общей группѣ, охватывающей всю совокупность непосредственно познанныхъ явленій, и образовать одну общую науку, одно міроразумѣніе или философію. Отъ общей массы собранныхъ представленій до такого общаго понятія о мірѣ ведетъ, какъ видно изъ этого, цѣлая лѣстница понятій, охватывающихъ все болѣе и болѣе широкія группы явленій, все болѣе и болѣе высокія степени отвлеченія,—лѣстница наукъ конкретныхъ, абстрактныхъ и философіи. Пока образованіе понятій, изъ которыхъ строится эта лѣстница, совершается не-критически, пока понятія вырабатываются неправильно, или, смѣшиваясь съ представленіями, объективируются, до тѣхъ поръ не установляется правильнаго систематическаго воздѣйствія высшихъ понятій на образованіе низшихъ, на ихъ группировку и связь, также какъ и на цѣлесообразное накопленіе и группировку представленій. Все

это измѣняется кореннымъ образомъ, когда развитіе наукъ при посредствѣ теоріи познаванія становится на путь критики, когда и цѣли, и средства образованія понятій получаютъ полное выясненіе. Разчлененіе общей системы знаній перестаетъ съ этого времени быть слѣпымъ экспериментированіемъ, оправдываемымъ или осуждаемымъ исключительно только одними своими результатами, но установляется вполнѣ сознательно на основаніи совершенно опредѣленнаго основоначала.

Такъ какъ расчлененіе общей системы знанія есть результатъ развитія ея членовъ, т.-е. результатъ развитія понятій, то основоначало расчлененія должно вытекать изъ основоначалъ теоріи познаванія, и степень годности того или другого изъ предлагаемыхъ расчлененій должна опредѣляться *вообще*—правильностью приложенія упомянутаго основоначала, и въ *частности*—практическими его удобствами. Въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, Ог. Контъ установилъ догматически нѣкоторыя положенія, которыя съ критической точки зрѣнія хотя и оправдываются, но, какъ мы знаемъ уже, получаютъ совсѣмъ не то значеніе, какое придаетъ имъ современная позитивная школа.

Обрѣтаясь въ полномъ невѣдѣніи основоначалъ критической философіи, глава этой школы, Литтрé, полагаетъ, что позитивизмъ удерживается или падаетъ вмѣстѣ съ удержаніемъ или паденіемъ Контовой классификаціи наукъ, тогда какъ въ дѣйствительности рѣшеніе этого вопроса—съ одной стороны—обусловливается высшимъ, безотносительнымъ къ классификаціи принципомъ, и—съ другой—имѣетъ значеніе чисто практическое, и совершенно безсильное поколебать даже въ самомалѣйшей мѣрѣ позитивный характеръ общей совокупности понятій, научнымъ методомъ образованныхъ изъ систематически собранныхъ представленій. Достоинство группировки и вообще распорядка этихъ понятій можетъ имѣть разныя степени, но очевидно всего прежде, что вопросъ этотъ есть вопросъ второстепенный: груды золота, наваленныя въ величайшемъ безпорядкѣ, остаются все же таки золотомъ, тогда какъ строжайшій порядокъ разсортированія мусора не можетъ превратить его въ драгоцѣнный металлъ. Но, помнить надо, порядокъ, не нужный для самаго золота, нуженъ его обладателю; распорядокъ частей общей системы знанія нуженъ субъекту, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ громадную важность.

Образованіе понятій изъ представленій и, далѣе, изъ образованныхъ такимъ образомъ понятій самаго общаго понятія,—понятія, соотвѣтствующаго всей совокупности представленій, является намъ, такимъ образомъ, цѣпью постоянно возрастающихъ отвлеченій,—цѣпью, каждое звено которой, по мысли Рибо, можно бы означать своимъ опредѣленнымъ *показателемъ*. Ясно, однако-же, что какъ бы велико ни было число этихъ звеньевъ, все же они останутся только *степенями*, т.-е. количественными различіями качественно однородныхъ понятій, и цѣпь имѣетъ совершенно опредѣленный отвлеченный характеръ. Мы знаемъ однако-же, что цѣпь эта не обрывается на отвлеченіяхъ нисшихъ степеней, но непосредственно смыкается съ цѣпью соотвѣтствующихъ имъ представленій и, такимъ образомъ, во всей цѣлосности своей, по характеру двойственна, какъ это было выяснено въ предшествовавшей главѣ. Двумя крайними звеньями цѣпи являются въ исходной ея точкѣ—*представленія*, въ конечной—самое общее, постепенно образованное изъ наличныхъ представленій *понятіе*. Вырабатывая и установляя отдѣльныя звенья этой цѣпи, мы можемъ отдавать первенство или знанію частей, или знанію цѣлаго; цѣль наша въ первомъ случаѣ заключается въ образованіи понятій объ отдѣльныхъ конкретныхъ группахъ явленій, и потому мы удерживаемъ въ понятіяхъ тѣ данныя представленій, которыя сохраняютъ связь ихъ съ этими группами; во второмъ, мы ставимъ себѣ цѣлью выработку самаго общаго, высшаго понятія и, образуя необходимые для этого элементы, отвлекаемъ отъ понятій нисшихъ степеней все то, что можетъ связывать ихъ въ отдѣльныя, конкретныя группы, и образуемъ новыя, *чисто-умозрительныя* группы.

Съ этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія образованныя группы, будучи пріурочены къ двумъ противоположнымъ полюсамъ общей системы знанія, получаютъ не только различный, но въ извѣстномъ смыслѣ и противоположный характеръ, и хотя обѣ *абстрактныя* въ точномъ значеніи этого слова, но условно могутъ быть названы: первая—по тяготѣнію къ высочайшей абстракціи—*абстрактной* группою, вторая—по тяготѣнію къ представленіямъ—*конкретною*. Въ этомъ смыслѣ и можно принять установленное Ог. Контомъ дѣленіе *наукъ* (т.-е. группъ понятій) на *абстрактныя и конкретныя*, хотя, само собою разумѣется, дѣленіе это совершенно измѣняетъ, послѣ изложеннаго выше объясненія, свой основной характеръ.

Чтобы еще ярче освѣтить то основоначало различія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, которое я имѣю въ виду обосновать критически, я пользуюсь сравненіемъ, заимствуя предметъ его изъ «Курса» Ог. Конта [1]).

Излагая философію астрономіи, Ог. Контъ говоритъ, что *Лакайль*, въ видахъ упрощенія изложенія астрономическихъ теорій, ставитъ наблюдателя на поверхности солнца. Чтобы мыслить себя въ центрѣ солнечной системы, мы должны отвлечь всю конкретную сторону астрономическихъ явленій и перестроить ихъ согласно новой чисто умозрительной точкѣ зрѣнія. И какъ точка зрѣнія обыкновенныхъ астрономовъ отличается отъ точки зрѣнія, установленной Лакайлемъ, такъ точка зрѣнія конкретныхъ наукъ отличается отъ точки зрѣнія наукъ абстрактныхъ; какъ съ абстрактной, такъ и съ конкретной точки зрѣнія мы разсматриваемъ все тотъ же предметъ, но картина, видимая нами, тѣмъ не менѣе совершенно измѣняется. Астрономъ, помѣщенный на солнцѣ, увидитъ тѣ же звѣзды, но *иныя* созвѣздія, ту же луну, но не увидитъ ея фазъ, ту же землю, но *какъ* она ему представится. Иное, совсѣмъ не похожее на наше, будетъ зрѣлище неба, которое онъ увидитъ. Точно то же произойдетъ съ міромъ нашего знанія: посмотримъ ли мы на него съ точки зрѣнія, помѣщающейся на перефиріи этого міра—въ представленіяхъ, или въ центрѣ—въ кульминаціонномъ пунктѣ отвлеченія, объекты познаванія останутся тѣ же, но понятія о нихъ перестроятся. Изъ этого видно, что различіе и противоположеніе абстрактныхъ наукъ конкретнымъ зиждется на различія и противоположенія *точекъ зрѣнія*, что признаетъ и Ог. Контъ, но не можетъ относиться до *противоположности методовъ*, на которую онъ тутъ же указываетъ. *Методъ образованія понятій* остается неизмѣннымъ *во всей* системѣ знанія; измѣняется только точка зрѣнія, руководящая *образованіемъ группъ этихъ понятій*. Если это такъ, то «точка зрѣнія науки, ея виды и методъ»,—всѣ эти различныя выраженія одной и той же мысли Ог. Конта, должны потерять то зна-

[1]) Cours, II. 31. Другой примѣръ можно бы заимствовать у Рида, который дѣлаетъ предположеніе, что глазъ наблюдателя помѣщается въ центрѣ шара и на основаніи этого предположенія опредѣляетъ тѣ измѣненія въ представленіяхъ, которыя должны необходимо произойти. См. *Th. Reid*, Oeuvres complètes, publiées par *Th. Jouffroy*. 1828. t. II. Recherches sur l'entendement humain. Chap. VI. Section IX. Géometrie des visibles.

ченіе, которое онъ имъ придалъ, и получить новое, согласное съ основоначалами, выработанными теоріею познаванія.

Такъ какъ процессъ образованія понятій начинается съ нисшихъ степеней отвлеченія и затѣмъ поднимается до высшихъ, то очевидно, что научная философія могла явиться только послѣ образованія такого ряда отдѣльныхъ наукъ, который могъ бы служить основаніемъ для правильныхъ философскихъ обобщеній. Воздѣйствіе философіи на науку, могло, какъ видно изъ этого, начаться сравнительно поздно, и Ог. Контъ, какъ первый отчетливо формулировавшій это воздѣйствіе, могъ не обратить на него достодолжнаго вниманія. Понятна поэтому причина, допустившая его видѣть въ наукахъ абстрактныхъ основанія наукъ конкретныхъ и утверждать, что назначеніе конкретныхъ наукъ заключается въ приложеніи законовъ, добытыхъ абстрактными науками, къ фактической исторіи различныхъ существъ [1]). Всѣми этими выраженіями, очевидно, характеризуется воздѣйствіе высшихъ понятій на нисшія и вообще очерчивается философская разработка знанія. Особенно счастливо избрано имъ для этой цѣли примѣненіе термина *«раціональность науки»*. Онъ говоритъ, что конкретныя науки безъ контроля абстрактныхъ не могутъ достигнуть истинной раціональности по недостатку тѣхъ *философскихъ элементовъ*, которыя могутъ служить *ихъ образованію* [2]). За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя имѣетъ у Ог. Конта характеръ догматическій, что воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на науки конкретныя обусловлено слишкомъ узко, и, наконецъ, что у него допущена нѣкоторая неясность по отношенію къ той роли, которую должны играть конкретныя науки въ позитивной системѣ. Я возвращусь еще къ этимъ вопросамъ, а пока, замѣчу только, что неудовлетворительностью ихъ развитія у Ог. Конта, быть можетъ, и можно объяснить отчасти тѣ неудачи, которыя, какъ я покажу далѣе, претерпѣли они у современныхъ позитивистовъ.

Чтобы представить еще яснѣе различіе наукъ конкретныхъ отъ абстрактныхъ, возьмемъ для примѣра какую-нибудь науку— хотя *астрономію*—и покажемъ фактическое различіе конкретной ея части отъ абстрактной. *Конкретная астрономія* изу-

---

[1]) *Comte*, Cours. I. p. 56 et suiv.
[2]) Id. VI, p. 578. V, p. 15.

чаетъ движеніе небесныхъ тѣлъ и ихъ физико-химическія [1]) и, насколько возможно, геологическія свойства [2]), т.-е. она обра-

---

[1]) «Не далѣе, какъ за 15 лѣтъ назадъ», говоритъ проф. *Бредихинъ*, «свѣдѣнія о строеніи свѣтилъ, объ ихъ свойствахъ и составѣ представлялись еще отрывочными, и такъ мало было надежды на быстрые успѣхи въ этомъ дѣлѣ, что нѣкоторые изъ авторитетовъ въ наукѣ, какъ бы раздраженные безсиліемъ попытокъ, почти перестали считать подлежащимъ астрономическимъ изслѣдованіямъ предметомъ все то, что не касается движенія небесныхъ свѣтилъ и что не тѣсно съ нимъ связано». Съ тѣхъ поръ однако же въ астрономіи «совершилось огромное движеніе, благодаря отчасти вполнѣ новымъ, отчасти усовершенствованнымъ средствамъ изслѣдованія. Средства эти, въ сочетаніи съ высокой степенью точности астрономическихъ наблюденій, имѣющихъ цѣлью опредѣленіе положеній свѣтилъ, раздвигаютъ далеко предѣлы нашихъ свѣдѣній о строеніи вселенной. Усовершенствованія *фотографіи* въ приложеніи ея къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, развитіе *фотометріи* и, наконецъ, *спектральный анализъ* даютъ возможность образоваться цѣлой обширной отрасли астрономіи, которую можно назвать *астро-физикой*, разумѣя подъ нею *науку о физико-химическихъ свойствахъ* небесныхъ тѣлъ» (*Проф. Бредихинъ*, «Публичныя лекціи астрономіи». Сборникъ «Природа». 1873 г., кн. I).

[2]) Нѣкоторыя тѣла или, точнѣе, обломки одного изъ тѣлъ небеснаго пространства могутъ быть подвергаемы непосредственному химическому анализу и самому точному изученію въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, именно метеориты или падающіе камни. Изслѣдованіе метеоритовъ, въ связи съ результатами спектральнаго анализа, ведетъ ко многимъ заключеніямъ, относящимся прямо къ области астрономіи и имѣющимъ для нея важное значеніе. Новѣйшія работы *Менье* (Meunier), изложенные въ его «Le Ciel géologique», 1871, и «Cours de géologie comparée», 1874, могутъ дать идею о значеніи новой отрасли астрономіи, которую можно назвать *астро-геологіей*, и о роли химіи въ этой новой наукѣ. «Наука эта», по словамъ Менье, «должна распространить на весь видимый міръ выгоды методовъ, прилагаемыхъ къ изученію земли, и, обратно, обогатить изученіе земли результатами изученія неба и, такимъ образомъ, дать идею геологическаго строя всего міра» («Géologie comparée», p. 4). Огюстъ Контъ въ своей философской астрономіи утверждалъ, что намъ никогда не удастся узнать химическій составъ и минералогическое строеніе небесныхъ тѣлъ (Cours, II. 6). Тэйлоръ, указывая на эту ошибку Ог. Конта, замѣчаетъ, что «если бы Контъ дожилъ до приложенія спектральнаго анализа (и, прибавимъ, опытовъ Менье) именно къ этимъ задачамъ, то, вѣроятно, провозглашеніе безнадежнаго ученія о необходимости (точнѣе, неизбѣжности) незнанія было бы превращено имъ въ хвалебную пѣснь для поддержанія болѣе обобщающаго воззрѣнія» (*Э. Б. Тэйлоръ*, «Первобытная культура». Спб. 1872, т. I, стр. 22). Къ этому нельзя не прибавить, что указываемая Тэйлоромъ ошибка Ог. Конта принадлежитъ къ числу многихъ другихъ—иногда болѣе важныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ при изложеніи философіи астрономіи—отно-

зуетъ одну общую группу понятій изъ всѣхъ представленій, какія даетъ ей опредѣленная конкретная группа такъ-называемыхъ небесныхъ явленій; *абстрактная* же астрономія ставитъ своею задачею образованіе такого понятія о небесныхъ явленіяхъ, которое въ связи съ другими могло бы служить элементомъ для выработки самаго высшаго и общаго понятія о мірѣ, какъ цѣломъ. Рѣшеніемъ этой задачи и является *теорія тяготѣнія*.

Разграничивъ абстрактныя науки отъ конкретныхъ, Ог. Контъ нашелъ возможнымъ посвятить свой «Курсъ» исключительно наукамъ абстрактнымъ; по этой причинѣ, дальнѣйшее расчлененіе общей совокупности знанія сводится у него на установленіе основоначала расчлененія одного абстрактнаго знанія и дѣлаются только указанія на зависимость отъ него основоначала расчлененія знанія конкретнаго. Останавливаясь поэтому теперь надъ системою абстрактныхъ наукъ Ог. Конта, я всего прежде приведу на память читателя тѣ руководящія воззрѣнія, которыя онъ положилъ въ основу рѣшенія своей задачи. «На самомъ дѣлѣ, предметъ нашего изученія одинъ», говоритъ Ог. Контъ, «мы дѣлимъ его только для того, чтобы, разрѣшая трудности порознь, разрѣшить ихъ лучше» [1]). И въ другомъ мѣстѣ: «главная цѣль, которую слѣдуетъ имѣть при всякой энциклопедической работѣ, заключается въ томъ, чтобы расположеніе наукъ соотвѣтствовало ихъ естественной связи и было согласно съ ихъ взаимною зависимостью, такъ чтобы возможно было послѣдовательно установить ихъ, никогда не вовлекаясь въ ложный кругъ. Но условіе это представляется мнѣ невыполнимымъ во всей строгости» [2]). «Если же главныя условія соблюдены, то строго неизбѣжные второстепенные недостатки не могутъ взять перевѣсъ въ аргументахъ, отвергающихъ классификацію. Второстепенные недостатки необходимо обусловлены тѣмъ, что въ системѣ есть *искусственнаго*» [3]).

Изъ всего этого видно, что трудности, связаныя съ осуществленіемъ классификаціи, отвѣчающей всѣмъ требованіямъ, какія только можетъ предъявить строгая критика, и неизбѣжныя несовершенства всякой классификаціи не ускользнули отъ

сится къ фактамъ конкретной астрономіи; по отношенію къ астрономіи, какъ абстрактной наукѣ, она лишена всякаго значенія.

[1]) Cours. I, 37.

[2]) Id. I, 60—61.

[3]) Id. I, 66.

вниманія Ог. Конта. И если мы пройдемъ мимо такихъ неудачныхъ выраженій какъ *«искусственность»* классификаціи, обличающихъ отсутствіе элементарныхъ положеній теоріи познаванія, то намъ надо будетъ признать, что Ог. Контъ смотрѣлъ на задачу свою совершенно правильно и вполнѣ сознательно относился къ неизбѣжнымъ ея недостаткамъ. Нельзя признать основательнымъ, поэтому, обвиненіе Ог. Конта Спенсеромъ въ томъ, что «если Ог. Контъ случайно и допускалъ побочныя вліянія и взаимныя сообщенія (между науками), то дѣлалъ это такъ неохотно, такъ быстро терялъ это изъ вида и забывалъ, что *является впечатлѣніе*, будто бы науки, съ незначительными исключеніями, помогаютъ одна другой только въ порядкѣ принимаемой Ог. Контомъ послѣдовательности» [1]). Ничто такъ не далеко отъ истины, какъ подобное заподозрѣніе искренности и честности Ог. Конта какъ мыслителя. Спенсеръ поддержалъ обвиненіе свое только тѣмъ, что умолчалъ о всѣхъ тѣхъ оговоркахъ на счетъ неизбѣжности во всякой классификаціи весьма многихъ недостатковъ, которыя были цитированы выше. Умолчаніе объ этихъ оговоркахъ *производитъ такое впечатлѣніе*, будто Ог. Контъ не имѣлъ даже никакого предчувствія этихъ недостатковъ. Добросовѣстный критикъ классификаціи Ог. Конта не долженъ бы, конечно, терять изъ виду этого обстоятельства.

Что касается самаго основоначала классификаціи абстрактныхъ наукъ, какъ его установилъ Ог. Контъ, то вопросъ этотъ, по причинѣ той чрезмѣрной важности, которую придаютъ ему позитивисты всѣхъ оттѣнковъ, былъ разсмотрѣнъ весьма обстоятельно и подробно Миллемъ, Литтрé и Спенсеромъ, такъ что, коснувшись его, нельзя не ознакомиться прежде всего съ ихъ воззрѣніями.

Критика классификаціи наукъ Спенсера была первою практикою позитивизма, привлекшей на ученіе это вниманіе общества, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ отвѣтъ на нее Литтрé, въ его монографіи «A. Comte et la philosophie positive», въ 1863 году. Послѣдовавшія затѣмъ вѣскія замѣчанія Милля, включенныя въ его «A. Comte and Positivism» 1865, закрѣпили окончательно это вниманіе и придали классификаціи Конта извѣстную долю популярности. Такъ какъ со-

---

[1]) *Г. Спенсеръ*. Генезисъ науки, стр. 307 (въ собраніи сочиненій, изд. *Н. Тибленомъ*).

чиненіе Милля о позитивизмѣ переведено на французскій и нѣмецкій языки очень недавно, а сочиненія Спенсера переводятся только теперь и, такимъ образомъ, и въ западной Европѣ еще представляются новостью для нѣкоторой части читающей публики, то значеніе ихъ можно признать вполнѣ современнымъ. Гораздо важнѣе, впрочемъ, то, что полемика, о которой идетъ рѣчь, исчерпываетъ все то, что до сихъ поръ высказано о классификаціи съ компетентныхъ сторонъ и, слѣдовательно, даетъ намъ вѣрное понятіе о той степени удовлетворительности, съ которою рѣшался до настоящаго времени этотъ вопросъ.

Такъ какъ первый вопросъ полемики, о которой я намѣренъ говорить, имѣетъ исходною точкою своею астрономію, то чтобы дать возможность читателю самостоятельно оріентироваться среди *pro* и *contra* участниковъ полемики, я начинаю съ изложенія того, что было высказано Ог. Контомъ въ его «Курсѣ» по этому вопросу.

Физическія, химическія и физіологическія явленія не могутъ имѣть никакого вліянія на явленія астрономическія, говоритъ Ог. Контъ. Астрономическіе законы не могутъ претерпѣвать ни малѣйшихъ измѣненій даже отъ сильныхъ внутреннихъ переворотовъ, какіе только могли бы произойти на каждой планетѣ въ отношеніяхъ физическомъ, химическомъ и физіологическомъ. Физика, правда, и даже въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отношеніяхъ и химія, могли доставить астрономіи, въ то время, когда она уже стояла на значительной степени развитія, необходимыя пособія для усовершенствованія ея наблюденій, но ясно, что это побочное вліяніе нисколько не было необходимо для установленія астрономіи какъ науки. Астрономія уже въ рукахъ Гиппарха и его преемниковъ имѣла характеръ *истинной* науки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи геометрическомъ, тогда какъ физика, химія и другія науки были глубоко погружены въ хаосъ метафизики и отчасти даже во мракъ мистики. Въ новѣйшее время Кеплеръ открылъ великіе свои астрономическіе законы на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ Тихо де-Браге при помощи тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ средствъ, какими обладали греки. Точные инструменты нисколько не способствовали также открытію закона тяготѣнія; и только съ этого времени они стали необходимы, ибо должны были отвѣчать новымъ усовершенствованіямъ въ астрономическихъ опре-

дѣленіяхъ, которыя дозволила новая теорія. Великимъ орудіемъ, дѣйствительно произведшимъ всѣ основныя открытія астрономіи, была сперва геометрія, а потомъ раціональная механика. Независимость астрономіи по отношенію къ другимъ отраслямъ естественной философіи, заключаетъ Ог. Контъ, можетъ считаться такимъ образомъ доказанною [1]).

Опредѣляя такимъ образомъ отношеніе наукъ іерархическаго ряда къ астрономіи въ своемъ «Курсѣ», Ог. Контъ въ «Note sur la création d'une chaire d'histoire générale des sciences physiques et mathématiques» говоритъ такъ: «для того, чтобы общій курсъ исторіи, физическихъ и математическихъ наукъ могъ достодолжно отвѣчать своему назначенію и доставлять всю пользу, какую онъ можетъ доставить, онъ долженъ необходимо охватить всѣ основныя науки, *потому что*, *такъ какъ математика*, *астрономія*, *физика*, *химія и науки физіологическія дѣйствительно развивались одновременно и при взаимномъ вліяніи*, то и невозможно излагать ихъ истинную исторію, т.-е. доказывать дѣйствительную филіацію ихъ прогресса, исключительно разсматривая только какую-нибудь часть ихъ» [2]).

Сопоставленіе этихъ двухъ приведенныхъ выше мѣстъ ставитъ вопросъ о томъ,—могутъ ли они быть соглашены или слѣдуетъ держаться одного изъ нихъ. Литтрé утверждаетъ первое, Спенсеръ держится того взгляда, который изложенъ въ послѣднемъ отрывкѣ изъ «Note» Конта, и развиваетъ его съ большою полнотою въ формѣ опроверженія мнѣнія, изложеннаго Контомъ въ «Курсѣ».

Начнемъ съ изложенія взглядовъ Спенсера.

Подвергая критикѣ линейность ряда не только у Конта, но и линейность ряда вообще, Спенсеръ начинаетъ съ того, что указываетъ на неправильность взгляда, утверждающаго, будто каждая наука оказывала помощь только тѣмъ, которыя стоятъ ниже ея въ іерархическомъ ряду. Онъ говоритъ, что раздѣленіе труда въ наукѣ всегда выражалось вспомоществованіемъ одной наукѣ со стороны всѣхъ и всѣмъ со стороны каждой. Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ соотношеній между астрономіею и другими науками въ разныя историческія эпохи, и приходитъ къ заключенію, что

---

[1]) Cours. II. 21—23.

[2]) Цитировано у Литтрé, «A. Comte et la philosophie positive», p. 298.

науки вообще не могутъ быть расположены въ какой бы то ни было линейный рядъ, ибо такая группировка даетъ радикально ложную идею объ ихъ генезисѣ и зависимости. Истинной филіаціи наукъ нѣтъ, говоритъ онъ. Всѣ гипотезы Конта ложны въ своемъ корнѣ [1]). Еще полнѣе развивая свою мысль въ другомъ мѣстѣ этого же этюда, онъ говоритъ: «ни одна изъ наукъ не развивалась отдѣльно, ни одна изъ нихъ не является логически и исторически независимою, но всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени, требовали помощи и сами оказывали ее». Въ самомъ дѣлѣ, нужно только устранить гипотезы и разсматривать сложный характеръ окружающихъ явленій, чтобы сразу же увидѣть, какъ въ дѣйствительности эти *понятія о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія* невѣрны: это только *научныя фикціи—полезныя, если смотрѣть на нихъ какъ на пособія для изученія,—вредныя, если считать ихъ представляющими реальности въ природѣ*. Разбирая вопросъ *критически*, мы не найдемъ *фактовъ*, которые бы представлялись нашимъ *чувствамъ* внѣ всякой комбинаціи,—мы не найдемъ *фактовъ*, которые бы, хотя въ нѣкоторой степени, не были превращены другими сопровождающими фактами,—превращены такимъ образомъ, что должно *отчасти понять все, прежде нежели можетъ быть понято что-нибудь одно*. Если намъ скажутъ, какъ это сдѣлалъ Контъ, что сила тяготѣнія должна быть разсматриваема прежде другихъ силъ, потому что всѣ вещи подвержены ей, то на подобныхъ же основаніяхъ можно сказать, что прежде всего слѣдовало бы говорить о теплотѣ, такъ какъ термическія силы дѣйствуютъ повсюду, такъ какъ способность извѣстной доли матеріи обнаруживать видимыя явленія тяготѣнія зависитъ отъ свойствъ ея связи, которыя обусловливаются теплотою; такъ какъ только при помощи термологіи можно объяснить тѣ кажущіяся уклоненія отъ закона тяготѣнія, которыя представляютъ паръ и дымъ, и такимъ образомъ установить всеобщность его; и, наконецъ, такъ какъ самое существованіе солнечной системы въ твердой формѣ, есть, конечно, настолько же вопросъ теплоты, сколько и вопросъ тяготѣнія. Возьмемъ другіе случаи. Всѣ явленія, познаваемыя при помощи зрѣнія, основного изъ дѣятелей, посредствомъ которыхъ узнаются данныя точной науки, бываютъ усложнены оптическими явленіями и не могутъ быть

[1]) *Спенсеръ*, «Генезисъ науки». 309.

всесторонне узнаны до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны начала оптики. Горѣніе свѣчи не можетъ быть объяснено безъ химіи, механики, термологіи. Любой вѣтеръ опредѣляется вліяніями частью солнечными, частью лунными, частью гигрометрическими и, для объясненія своего, требуетъ знанія равновѣсія жидкостей и физической географіи. Направленіе, наклоненіе и колебаніе магнитной стрѣлки суть факты наполовину земные, наполовину небесные; они обусловлены земными силами, имѣющими циклы измѣненій, соотвѣтствующіе астрономическимъ періодамъ. Теченіе Гольфстрема и ежегодный наплывъ ледяныхъ горъ къ экватору, завися отъ уравновѣшенія центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ, требуетъ для своего объясненія знакомства съ вращеніемъ земли и съ ея сфероидальной формой, такъ же какъ и съ законами гидростатики, относительными плотностями холодной и теплой воды и съ ученіемъ объ испареніи. Несомнѣнно справедливо, какъ говоритъ Контъ, что «наше положеніе въ солнечной системѣ, движенія, форма, размѣры и равновѣсіе массы нашего міра между планетами должны быть узнаны прежде, чѣмъ мы можемъ понять явленія, происходящія на его поверхности. Но, къ большому несчастію для его гипотезы, справедливо также и то, что мы должны понять большую часть явленій, происходящихъ на этой поверхности, прежде чѣмъ мы могли узнать ея положеніе и пр.—въ солнечной системѣ. Не только тѣ геометрическія и механическія начала, посредствомъ которыхъ объясняются небесныя явленія, были впервые обобщены на основаніи земныхъ опытовъ, но даже самое полученіе точныхъ данныхъ, на которыхъ основываются астрономическія обобщенія, предполагаютъ успѣхи земной физики. Пока оптика не сдѣлала значительнаго успѣха, Коперникова система оставалась только умозрѣніемъ. Всякое новое наблюденіе надъ звѣздою должно подвергнуться тщательному анализу общаго строя различныхъ наукъ, должно *переварится организмомъ наукъ*, которыя порознь уподобятъ подлежащія имъ части наблюденія,—и должно подвергнуться этому прежде, чѣмъ фактъ, содержащійся въ немъ, станетъ полезенъ для дальнѣйшаго развитія астрономіи. Это нужно замѣтить не только относительно нутаціи земной оси и предваренія равноденствій, но и относительно аберраціи и рефракціи. Составленіе таблицъ, по которымъ вычисляется рефракція, предполагаетъ знаніе закона уменьшенія плотности въ верхнихъ слояхъ атмосферы,

закона уменьшенія температуры и вліянія ея на плотность и гигрометрическихъ законовъ, также дѣйствующихъ на плотность. Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти матеріалы для дальнѣйшаго успѣха, астрономія требуетъ не только посредственной помощи тѣхъ наукъ, которыя управляютъ приготовленіемъ усовершенствованныхъ инструментовъ, употребляемыхъ ею, но и прямой помощи оптики, барологіи, термологіи и гигрометріи. Если мы вспомнимъ, что тонкія наблюденія ея въ иныхъ случаяхъ были записаны посредствомъ электричества и что они были исправлены относительно «личнаго уравненія», т.-е. относительно времени, проходящаго между моментомъ наблюденія и записываніемъ, измѣняющагося у различныхъ наблюдателей,—то мы можемъ присовокупить къ числу помощниковъ даже ученіе объ электричествѣ и психологію. Если же такая повидимому простая вещь, какъ опредѣленіе положенія одной звѣзды, усложнена столь многими вліяніями, то ясно, что понятіе о независимости наукъ вообще или нѣкоторыхъ изъ нихъ не должно имѣть мѣста. Независимы ли онѣ объективно или нѣтъ, онѣ не могутъ быть субъективно независимыми, т.-е. онѣ не могутъ быть независимыми для нашего сознанія,—а это единственный родъ независимости, который касается насъ. Здѣсь, прежде чѣмъ оставить эти поясненія и преимущественно послѣднее, надо указать, какъ ясно они обнаруживаютъ ту возрастающе-дѣятельную связь наукъ, которая характеризуетъ ихъ успѣшное развитіе. Помимо того, что въ послѣднее время открытіе въ одной наукѣ обыкновенно давало толчокъ прогрессу въ другихъ,—помимо того, что большая часть вопросовъ, съ которыми имѣетъ дѣло современная наука, такъ смѣшаны, что для своего рѣшенія требуютъ совокупной дѣятельности многихъ наукъ,—помимо всего этого въ послѣднемъ случаѣ мы находимъ, что для одного хорошаго наблюденія въ области самой чистой изъ естественныхъ наукъ необходима была соединенная помощь полудюжины другихъ наукъ» [1]).

Перейдемъ теперь къ объясненіямъ Литтре.

Ошибка Спенсера, приводящая его къ отверженію линейнаго ряда въ классификаціи, заключается, по мнѣнію Литтре, въ томъ, что Спенсеръ смѣшиваетъ понятіе о рядѣ наукъ съ понятіемъ о ихъ развитіи и что въ понятіи развитія онъ не раз-

[1]) *Спенсеръ*. Тамъ же, стр. 348—351.

личаетъ наукъ установившихся отъ наукъ еще неустановившихся. Является, поэтому, необходимость объяснить прежде всего значеніе терминовъ: *рядъ*, *развитіе и установленіе*.

Рядомъ наукъ называется такая классификація, въ которой всякая наука зависитъ отъ науки ей предшествующей и вліяетъ на науку за ней слѣдующею. Этотъ рядъ есть *рядъ мысленныхъ построеній субъекта*, расположенныхъ такимъ образомъ, что порядокъ и послѣдовательность ихъ находятся въ *совершенномъ согласіи и соотвѣтствіи съ порядкомъ и послѣдовательностью естественныхъ группъ*, представляемыхъ объектомъ, причемъ порядокъ и послѣдовательность заключаются въ одновременномъ убываніи общности и возрастаніи сложности. Таковъ естественный порядокъ явленій, начиная съ математическихъ и кончая соціологическими, и таковъ рядъ, установленный Ог. Контомъ, и съ этой точки зрѣнія, говоритъ Литтрé, я, не колеблясь, утверждаю, что каковы бы ни были субъективныя условія, вліяющія на образованіе человѣческихъ знаній, условія объективныя обязательны не менѣе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, продолжаетъ Литтрé, что субъектъ познаетъ объектъ подъ извѣстными мысленными условіями; въ свою очередь, объектъ познается такимъ, каковъ онъ есть. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ, объектъ *естественно іерархизованъ*, то субъектъ и можетъ познавать его только согласно съ этою іерархизаціею. Субъектъ не угадываетъ ничего, и когда онъ желаетъ угадывать—онъ блуждаетъ и заблуждается. Присущія ему логическія условія нисколько не просвѣщаютъ его по отношенію природы вещей, которая всегда представляется какъ данная. Никакая классификація не изобрѣтается поэтому a priori, а дается a posteriori. Точно также и въ вопросѣ о классификаціи наукъ: субъектъ не угадалъ естественный распорядокъ явленій, но открылъ его и, сообразно съ нимъ, установилъ и распорядокъ наукъ.

Переходя затѣмъ къ развитію наукъ, Литтрé опредѣляетъ его какъ прогрессъ, путемъ котораго человѣческое знаніе поднимается къ истинамъ все болѣе и болѣе общимъ и отвлеченнымъ. Развитіе это предполагаетъ послѣдовательную помощь со стороны всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ. Его область есть область Спенсеровой взаимной зависимости (interdépendance), играющая, какъ признаетъ здѣсь Литтрé, весьма важную роль въ развитіи человѣческаго знанія.

«Ог. Контъ утверждаетъ, говоритъ Литтрé, что историческое развитіе всякой науки сообразно принципу установленнаго въ позитивной системѣ ряда. Спенсеръ показалъ, что историческое развитіе не сообразуется съ этимъ принципомъ, и поэтому Спенсеръ отвергъ его. Я, въ свою очередь, заключаетъ Литтрé, удерживаю принципъ ряда и не отвергаю взаимность зависимости. Такимъ образомъ представляется затрудненіе, которое необходимо устранить.

Затрудненіе происходитъ здѣсь отъ неразличенія *развитія* отъ *установленія*. Положеніе Ог. Конта, что *историческое развитіе соотвѣтствуетъ іерархическому ряду* — вѣрно по отношенію къ *установленію*. Положеніе Спенсера, что *историческое развитіе всегда соотвѣтствуетъ взаимной зависимости* — вѣрно по отношенію къ *развитію*. Слѣдуетъ рѣшить теперь,— что же такое установленіе по отношенію къ развитію?

Наука считается установившеюся, когда она удовлетворяетъ двумъ условіямъ, когда она, выдѣливъ какое-либо основное свойство матеріи, устанавливаетъ на этомъ познаніи отвлеченное ученіе, способное къ развитію. На математикѣ я останавливаться не буду, потому что простота положеній здѣсь такъ велика, что установленіе и развитіе не могутъ быть различаемы и сливаются. Что же касается другихъ наукъ, то въ нихъ установленіе и развитіе представляютъ два вполнѣ различныхъ фазиса. Физика устанавливается тогда, когда она видитъ тяжесть, теплоту, электричество и прочее, какъ неразложимыя свойства матеріи и строитъ на основаніи каждой изъ нихъ соотвѣтственную отвлеченную теорію. Химія устанавливается тогда, когда она изучаетъ сродство и законы сродства. Біологія устанавливается тогда, когда присущая тканямъ жизненность установлена. Наконецъ, соціологія установилась съ тѣхъ поръ, какъ законы, управляющіе жизнью соціальнаго тѣла, констатированы».

Разсужденіе это Литтрé подтверждаетъ примѣромъ, который онъ почерпаетъ изъ исторіи біологіи. Наука эта, какъ замѣчаетъ онъ, была изучаема съ глубокой древности. Ею занимались Демокритъ и Гиппократъ, ее обрабатывалъ Аристотель и т. д., и однако-же даже и тогда, когда было открыто кровообращеніе, нельзя было утверждать, чтобы біологія могла считаться наукою установившеюся. Нельзя же было этого утверждать потому, что догматически она еще оставлена была слитною съ

науками низшими; она остается продолженіемъ химіи. Никто не могъ еще утверждать,—заключаютъ ли мускульная ткань или нервное волокно свойства, имъ исключительно присущія, или же свойства эти представляются только видоизмѣненіемъ какихъ-нибудь силъ, принадлежащихъ неорганической матеріи. Такимъ образомъ низшія науки оставляли нѣкоторый остатокъ (résidu), на которомъ и должна была установиться біологія, объяснивъ этотъ остатокъ новымъ принципомъ, не заимствованнымъ у низшихъ наукъ. Такой остатокъ можно подмѣтить всегда при установленіи науки, и имъ и объясняется окончательно это установленіе. И такъ какъ высшая наука устанавливается всегда на остаткѣ, полученномъ ею отъ науки низшей, то установленіе наукъ и идетъ сообразно съ послѣдовательностью наукъ линейнаго ряда. Такимъ образомъ рядъ, установленный Ог. Контомъ, въ одинаковой степени обоснованъ и на данныхъ природы и на данныхъ исторіи, и такимъ образомъ также является возможность оцѣнить логическія услуги, которыя онъ доставляетъ.

«Утерявъ изъ вида объективныя условія», говоритъ Литтре, «Спенсеръ отвергъ линейный рядъ и принялъ одну только взаимную зависимость. Она одна только и представляется въ самомъ дѣлѣ, когда упускаютъ изъ вида объектъ. При такомъ взглядѣ и усматривается только сѣть взаимныхъ вліяній, въ которой ничто не различается, ничто не іерархизуется, и въ которой установленіе является чѣмъ-то весьма второстепеннымъ и даже случайнымъ. Но изученіе объекта возвращаетъ установленію принадлежащій ему характеръ необходимости и, вслѣдствіе того, ставитъ установленіе выше взаимной зависимости. Во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія,—заключаетъ Литтре,—объектъ имѣетъ надъ субъектомъ первенство въ томъ смыслѣ, что *субъектъ даетъ только форму, тогда какъ объектъ даетъ содержаніе*. Обстоятельство это нисколько не умаляетъ значенія взаимной зависимости, которое Спенсеръ освѣтилъ такъ ярко. Тогда какъ *рядъ* и *установленіе представляютъ объективныя условія вещей*, *взаимная зависимость представляетъ субъективныя условія познаванія*; эта двойственность условій проявляется исторически, съ одной стороны, какъ рядъ въ послѣдовательномъ установленіи, съ другой стороны, какъ развитіе въ помощи, доставляемой одною частью всѣмъ остальнымъ и всѣхъ остальныхъ одной. Такимъ образомъ, линейный рядъ,

установленный Ог. Контомъ, и взаимная зависимость, установленная Контомъ и Спенсеромъ, приводятся къ полному соглашенію» [1]).

Объясненія Литтрé, какъ мы только-что видѣли, утверждаютъ дѣйствительность іерархизаціи объекта, разсматриваемой какъ одно изъ основаній классификаціи. Мы знаемъ уже, что Спенсеръ отвергаетъ такую іерархизацію объекта, доказывая, что явленія теплоты, отнесенныя Контомъ въ область физики, общѣе явленій тяготѣнія, изучаемыхъ астрономіей. Литтрé, разсматривая отдѣльно это заключеніе въ упомянутой выше монографіи, въ 1863 году, находитъ мысль Спенсера неопровержимою, такъ какъ, съ точки зрѣнія общности, нельзя никакимъ образомъ поставить тяготѣніе выше теплоты. «Нѣтъ матеріи, которой не было бы свойственно тяготѣніе, точно такъ же какъ нѣтъ матеріи, которой не была бы свойственна теплота,— условія общности вполнѣ тождественныя, говоритъ Литтрé. Слѣдуетъ ли однако-же отказаться отъ порядка, установленнаго Ог. Контомъ относительно тяготѣнія? спрашиваетъ онъ вслѣдъ затѣмъ. Нельзя, конечно, сомнѣваться, что основаніе, приводимое имъ для поддержанія такого порядка, неудовлетворительно, но для классифицированія физическихъ свойствъ, присущихъ всякой матеріи, возможно руководствоваться соображеніями второстепенной важности, извѣстное значеніе которыхъ достаточно для цѣлей іерархизаціи. И здѣсь, для тяготѣнія, астрономическая точка зрѣнія должна быть принята во вниманіе. Необходимо поэтому разсмотрѣть снова мотивы, побудившіе Ог. Конта опредѣлить для астрономіи ея мѣсто. «Астрономія имѣетъ предметомъ», говоритъ Контъ «открытіе законовъ явленій геометрическихъ и явленій механическихъ, представляемыхъ небесными тѣлами». Гербертъ Спенсеръ показалъ уже, что *геометрически* астрономія не предшествуетъ физикѣ; она не предшествуетъ ей и *механически*, ибо законы Галилея были открыты ранѣе законовъ Ньютона. Такимъ образомъ, астрономія не имѣетъ правъ для занятія мѣста передъ физикой. И съ другой стороны также, продолжаетъ Литтрé, обнаруживается затрудненіе, связанное съ такимъ положеніемъ астрономіи. Давно уже затрудненіе это возбуждало въ умѣ моемъ большія безпокойства и я опасался, что солидарность ряда,

[1]) Littré, «A. Comte et la philosophie positive», pp. 299—306.

оказавшая мнѣ столько услугъ, будетъ поколеблена; но съ давняго же времени я нашелъ и выходъ изъ этого затрудненія. Утверждать, что астрономія общѣе физики потому, что она изучаетъ тѣла небесныя, тогда какъ физика изучаетъ тѣла земныя, возможно только при помощи неправильнаго толкованія слова «общій» и произвольнаго отдѣленія группы матеріи, составляющей небесныя тѣла, отъ группы матеріи, составляющей землю. Въ первой нѣтъ ничего, чего не было бы во второй, и общность не можетъ принадлежать одной, не принадлежа другой. Классификація требуетъ разсмотрѣнія не тѣлъ, но присущихъ имъ силъ; въ небесныхъ же тѣлахъ не существуетъ такихъ силъ, которыхъ не было бы и въ тѣлахъ земныхъ. Механическая астрономія, какъ извѣстно, есть только изученіе силы тяготѣнія, и такъ какъ эта сила присуща всей матеріи,—какъ небесной, такъ и земной,—то, говоря объ этой силѣ, слѣдуетъ говорить объ астрономіи. Такимъ образомъ разрѣшаются различныя трудности; *рядъ наукъ претерпѣваетъ измѣненіе*, но не уничтожается и сохраняетъ существенное свое значеніе—логичность» [1]).

Десять лѣтъ спустя Литтрé беретъ назадъ свою уступку, находя, что она была лишена основанія. Контъ, говоритъ онъ, поставилъ астрономію выше физики. Онъ основалъ такой порядокъ на томъ фактѣ, что въ смыслѣ геометрическомъ астрономія была уже положительною наукою со временъ александрійской школы, тогда какъ физика сдѣлалась положительною только послѣ открытій Галилея. Спенсеръ противопоставляетъ такому взгляду то замѣчаніе, что въ смыслѣ геометрическомъ астрономія не имѣетъ первенства надъ земною физикою, что геометрія, съ тѣхъ поръ какъ только была установлена, одинаково относилась къ предметамъ земнымъ и небеснымъ, и что астрономія, въ ея геометрическомъ видѣ, не была болѣе позитивна, чѣмъ измѣреніе угловъ, треугольниковъ, круговъ и многоугольниковъ, имѣвшихся на землѣ. «Я былъ очень неправъ, соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, говоритъ Литтрé, оно несостоятельно. Не подлежитъ сомнѣнію, что измѣреніе угловъ, треугольниковъ, круговъ на землѣ и на небѣ одинаково; но измѣреніе это, насколько оно относится къ небу, опредѣляетъ времена года, даетъ возможность предвидѣть затменія, что́ и

[1]) *E. Littré*, A Comte et la philosophie positive, pp. 293—294.

составляетъ науку. Ничего подобнаго нѣтъ на землѣ, гдѣ геометрія производитъ только измѣреніе угловъ, треугольниковъ и круговъ, и этимъ путемъ приводитъ только къ землемѣрству, которое есть не наука, а искусство. Ошибка Спенсера заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ упомянутыя выше измѣренія только въ нихъ самихъ (en elles-mêmes), безъ отношенія къ тому, что они производятъ, когда ихъ переносятъ на наблюденіе тѣлъ небесныхъ. Это даетъ убѣжденіе въ вѣрности мнѣнія, что положительная астрономія значительно предшествовала положительной физикѣ. Физика сдѣлалась наукой только чрезъ введеніе въ нее механическаго элемента; для астрономіи же, чтобы сдѣлаться наукой, достаточно было одного только элемента геометрическаго. Такимъ образомъ исторія и Ог. Контъ согласны между собою» [1]).

Наконецъ, намъ предстоитъ ознакомиться и съ замѣчаніями Милля, имѣющими характеръ заключительнаго слова всей этой полемики.

«Если лучшею классификаціею должна считаться та, которая обоснована на свойствахъ наиболѣе важныхъ для нашихъ цѣлей», говоритъ Милль, «то классификація Ог. Конта вполнѣ соотвѣтствуетъ этому требованію. Располагая науки въ порядкѣ сложности ихъ предмета, она представляетъ ихъ въ порядкѣ трудности. Каждая наука предлагаетъ себѣ болѣе трудную задачу, чѣмъ та, какую имѣютъ науки предшествующія ей, и, слѣдовательно, совершенство остается для нея всегда менѣе доступнымъ, и если будетъ достигнуто, то, вѣроятно, позже. Въ добавокъ къ этому, каждая наука для установки своихъ истинъ нуждается въ истинахъ всѣхъ предыдущихъ наукъ. Единственное средство, которымъ могли быть обнаружены, напримѣръ, физіологическіе законы жизни, состояло въ выдѣленіи изъ числа многоразличныхъ и сложныхъ фактовъ жизни той доли ихъ, которой не могли объяснить ни физическіе, ни химическіе законы. Только изолируя такимъ образомъ дѣйствія частныхъ органическихъ законовъ, сдѣлалось возможнымъ открыть, что̀ они такое. Итакъ, порядокъ, въ какомъ науки слѣдуютъ одна за другою въ рядѣ, не можетъ, *во многихъ случаяхъ*, не представлять историческаго порядка ихъ

---

[2]) *Littré*, La science au point de vue philosophique. P. 1873. Préface, p. V—VI.

развитія и есть единственный порядокъ, въ которомъ онѣ могутъ быть раціонально изучаемы. Въ послѣднемъ случаѣ представляется еще добавочное основаніе: болѣе спеціальныя и болѣе сложныя науки нуждаются не только въ истинахъ наукъ простѣйшихъ и болѣе общихъ, но еще болѣе въ ихъ методахъ. Научный умъ, какъ у индивидовъ, такъ и у цѣлыхъ расъ, долженъ при болѣе элементарныхъ занятіяхъ узнать тѣ пріемы изслѣдованія и тѣ правила доказательствъ, которыя приложимы на практикѣ и въ болѣе сложныхъ случаяхъ. Безъ должной практики на нисшей ступени, умъ не можетъ сдѣлаться способнымъ для высшихъ ступеней.

«Гербертъ Спенсеръ — въ своемъ опытѣ, озаглавленномъ «Генезисъ науки», и въ новѣйшей брошюрѣ о «классификаціи наукъ»—разобралъ и отвергъ классификацію Конта и предложилъ свою, болѣе выработанную. Литтрé — въ своемъ почтенномъ біографическомъ и философскомъ трудѣ о Контѣ («Auguste Comte et la philosophie positive»)—съ нѣкоторою подробностью критиковалъ этотъ разборъ. Спенсеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые основательностью и энциклопедическимъ характеромъ своихъ знаній, замѣчательною способностью сопоставлять факты и выяснять связи пріобрѣли право стать наравнѣ съ Контомъ (?) и подать свой голосъ при оцѣнкѣ его. Но, относясь съ почтительнымъ вниманіемъ ко всему, что̀ принадлежитъ Спенсеру, мы не можемъ, однако-же, сказать, чтобы онъ былъ во всемъ правъ. Во всякой классификаціи легко найти ошибки. Есть сотни способовъ расположить извѣстную коллекцію предметовъ, и почти всегда можетъ быть сказано что-нибудь противъ самаго лучшаго и въ пользу самаго худшаго изъ нихъ. Но достоинства классификаціи зависятъ *отъ цѣлей*, для которыхъ она служитъ орудіемъ. Мы указали цѣли, для которыхъ назначалась Контова классификація. Спенсеръ не доказалъ, чтобы она не соотвѣтствовала этимъ цѣлямъ; а мы не можемъ сказать, чтобы его собственная соотвѣтствовала столь же важнымъ видамъ. Главное его возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ: если болѣе спеціальныя науки нуждаются въ истинахъ болѣе общихъ наукъ, то послѣднія, въ свою очередь, имѣютъ нужду въ истинахъ первыхъ и были задержаны въ своемъ прогрессѣ несовершеннымъ состояніемъ наукъ, стоящихъ далеко ниже ихъ въ контовомъ ряду, такъ что взаимная зависимость наукъ представляетъ consensus, а

ничуть не восходящій рядъ или іерархію. Что раннія науки получаютъ помощь отъ позднѣйшихъ—это несомнѣнно вѣрно: это входитъ также въ теорію Конта и пояснено весьма подробно въ его сочиненіи. Если онъ утверждаетъ, что одна наука исторически предшествуетъ другой,—это не значитъ, чтобы совершенство первой предшествовало самому скромному началу слѣдующей за нею. Спенсеръ не дѣлаетъ различія между эмпирическою и научною ступенью разработки какой-либо вѣтви знанія. Начало всякаго изученія состоитъ въ накопленіи неанализированныхъ фактовъ и въ собираніи произвольныхъ обобщеній въ томъ видѣ, какъ они представлялись естественной воспріимчивости. На этой ступени каждая вѣтвь изслѣдованія можетъ существовать независимо отъ другой. Контъ замѣчаетъ въ этомъ случаѣ, что изученіе, въ высшей степени сложное съ научной точки зрѣнія и занимающее послѣднее мѣсто въ его ряду—именно изученіе человѣка, какъ существа нравственнаго и соціальнаго, по причинѣ глубокаго своего интереса, разрабатывается болѣе или менѣе каждымъ человѣкомъ и по преимуществу великими практическими умами; что оно весьма рано обладало гораздо большимъ запасомъ вѣрныхъ, хотя не научныхъ наблюденій, нежели болѣе элементарныя науки. Этими-то эмпирическими истинами позднѣйшія и болѣе спеціальныя науки и ссужаютъ предшествовавшія имъ науки; иногда только сообщаютъ позднѣйшія науки какую-либо въ высшей степени элементарную истину, доступную непосредственному опыту и необходимую для дальнѣйшаго развитія науки, уже прежде установившейся. Вотъ въ чемъ состоитъ воздѣйствіе позднѣйшихъ наукъ на предыдущія, которое Контъ не только признавалъ, но и считалъ весьма важнымъ систематизировать.

«Но хотя отдѣльныя истины, относящіяся къ болѣе сложному порядку явленій, могутъ быть эмпирически наблюдаемы и нѣкоторыя изъ нихъ, даже научно установлены одновременно съ раннимъ состояніемъ наукъ, стоящихъ выше въ ряду классификаціи,—во всякомъ случаѣ эти отдѣльныя истины, какъ вѣрно замѣтилъ Литтре, не составляютъ науки. Все, что̀ извѣстно о предметѣ, только тогда становится наукой, когда представляетъ связное цѣлое истины, въ которомъ отношеніе между общими началами и частностями опредѣленно понято и каждая частная истина можетъ быть признана, какъ проявленіе дѣйствія болѣе обширныхъ законовъ. Но эта ступень

прогресса, на которой изученіе переходитъ изъ пріуготовительнаго состоянія въ науку, не можетъ быть достигнута сложными изслѣдованіями прежде, чѣмъ на нее стали простѣйшія. Извѣстная правильность въ возобновленіи небесныхъ явленій была замѣчена прежде, чѣмъ были сдѣланы особенные успѣхи въ геометріи. Но до тѣхъ поръ, пока геометрія не развилась, для астрономіи настолько же было доступно сдѣлаться наукою, насколько возможно заниматься тройнымъ правиломъ прежде сложенія и вычитанія. Истины простѣйшихъ наукъ составляютъ часть законовъ, на которыхъ покоятся явленія наукъ болѣе сложныхъ. Эти истины не только—необходимый элементъ при ихъ объясненіи, но должны быть такъ хорошо поняты, чтобы ихъ можно было прослѣдить въ сложныхъ комбинаціяхъ, и поняты прежде, чѣмъ могутъ быть обнаружены спеціальные законы, существующіе и дѣйствующіе въ сочетаніяхъ съ ними. Вотъ все, что Контъ утверждаетъ—и этого достаточно для его цѣли [1]). Онъ, безъ сомнѣнія, иногда допускалъ неточности

[1]) «Единственный пунктъ, на которомъ общій принципъ, принятый въ Контовой классификаціи, не оправданъ въ своемъ примѣненіи,—это подраздѣленіе физики. Такъ какъ между ея вѣтвями едва ли существуетъ соподчиненіе, то распредѣленіе ихъ не совсѣмъ послѣдовательно. Ученіе о теплотѣ, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ совершенное исключеніе изъ принципа убывающей общности, ибо теплота, какъ справедливо говоритъ Спенсеръ, такъ же всеобща, какъ тяготѣніе. Но мѣсто ученію о теплотѣ указано внутри извѣстнаго ограниченнаго предѣла если не принципомъ, такъ цѣлью классификаціи. Desideratum состоитъ въ томъ, чтобы всякая наука предшествовала тѣмъ, которыя безъ нея не могутъ быть точно построены или раціонально изучены. Именно какъ средство къ этой цѣли важно располагать явленія въ порядкѣ ихъ зависимости другъ отъ друга. Правда, хотя теплота есть наиболѣе общее явленіе изъ всѣхъ представляемыхъ внѣшнею природою,—ея законы не вліяютъ особенно существеннымъ образомъ на явленія астрономіи и въ другихъ отрасляхъ физики сказываются только какъ слегка видоизмѣняющіе дѣятели, разсмотрѣніе коихъ можетъ быть отложено до времени дальнѣйшаго развитія. Но явленія химіи и біологіи въ своемъ существованіи часто зависятъ отъ этихъ законовъ. Цѣль классификаціи, слѣдовательно, требуетъ, чтобы ученіе о теплотѣ поставлено было прежде химіи и біологіи, а никакъ не отлагалось далѣе. Съ другой стороны, та же самая цѣль съ иной точки зрѣнія заставляетъ помѣстить это ученіе вслѣдъ за астрономіей,—причина тому не теорія, а методъ. Астрономія—лучшая школа истиннаго искусства объяснять природу, которымъ ученіе о теплотѣ пользуется наравнѣ съ другими науками, но которому оно само не можетъ научить».

Прим. Милля.

языка болѣе, нежели можно бы оправдать, принимая во вниманіе логическое совершенство построенія его линейнаго ряда и строгое соотвѣтствіе этого ряда съ историческимъ развитіемъ наукъ; но эти неточности часто поправляются подробностями его изложенія. Для практическихъ же цѣлей онъ стоялъ къ истинѣ во всѣхъ отношеніяхъ достаточно близко. Незначительные промахи часто должны быть прощаемы даже великимъ мыслителямъ. Спенсеръ во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ, въ которыхъ критикуетъ Конта, представляетъ примѣры такихъ промаховъ» [1]).

Обращаясь къ оцѣнкѣ взаимно противорѣчащихъ аргументовъ, представленной только что изложенною полемикою, приходится опять повторить то, что̀ было не разъ сказано уже въ предшествовавшей главѣ: если бы положенія Конта были обоснованы критически, а не установлены догматически, то не подлежитъ сомнѣнію, что они не могли бы вызвать весьма многихъ изъ тѣхъ возраженій, которыя теперь имъ противопоставляются. Такъ, въ вопросѣ классификаціи наукъ, аргументы Спенсера не могли бы имѣть мѣста, если бы отсутствіе критическаго основоначала у Конта не открыло входа непослѣдовательности и шаткости въ его изложеніи. Къ этой непослѣдовательности и шаткости, главнымъ образомъ, и относятся нападки Спенсера. Если бы Контъ руководился критическимъ основоначаломъ, то установленное имъ раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя такъ же, какъ и организація іерархической лѣстницы абстрактныхъ наукъ, всегда сохранили бы условный характеръ мысленнаго построенія субъекта, и при этомъ никогда не упускалось бы изъ виду, что предметъ нашего изученія одинъ и мы дѣлимъ его только для того, чтобы, разрѣшая трудности порознь, разрѣшить ихъ лучше. Въ «Курсѣ», однако-же, мы не встрѣчаемъ той послѣдовательности и выдержки, опираясь на которыя мы могли бы оспаривать у Литтрé основанія для вывода изъ того же «Курса» утвержденія, что «объектъ естественно іерархизованъ и вслѣдствіе того субъектъ можетъ познавать его только согласно съ этою іерархизаціею». Въ виду такого утвержденія нельзя не признать, что Спенсеръ имѣлъ право допустить обвиненіе Конта въ основной ошибкѣ обыденнаго мышленія, утверждая, что Контъ считалъ *понятіе*

[1]) *Миллъ*, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр. 38—43.

о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія *представляющими* реальности въ природѣ, т.-е. смѣшивалъ понятія и представленія. Спенсеръ ясно доказалъ, что объектъ не іерархизованъ, такъ какъ нѣкоторыя свойства его имѣютъ равную степень сложности и никакъ не могутъ быть построены въ линейный іерархическій рядъ. Но, исправивъ эту слишкомъ очевидную ошибку изложенія классификаціи наукъ Конта, Спенсеръ самъ впалъ въ еще бо̀льшую, не упомянувъ ни о тѣхъ оговоркахъ, которыя предпосылаетъ Контъ этому изложенію, и не введя въ свою аргументацію упоминанія о капитальномъ дѣленіи наукъ на абстрактныя и конкретныя. Признавъ, что понятіе о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія *полезно* какъ *научная фикція*, т.-е. какъ *понятіе*, и указавъ на ошибочность смѣшенія его съ *представленіемъ*, Спенсеръ долженъ былъ разсмотрѣть правильность и цѣлесообразность организаціи Контовой системы понятій, если только онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду разбирать вопросъ критически, а не унижать умышленно значеніе Конта, не брезгая для того никакими средствами въ силу побужденій, на которыя, быть можетъ, весьма вѣрно указываетъ Дюрингъ [1]). Спенсеру не слѣдовало бы забывать и того, что Контъ признаетъ одновременность развитія наукъ и взаимность вліянія ихъ при этомъ одной на другую, и не мѣшало бы помнить, что Контъ, несмотря на нѣкоторую непослѣдовательность изложенія и догматизмъ, не переставалъ видѣть въ системѣ абстрактныхъ наукъ «чистое умозрѣніе» [2]).

Литтрé возстановилъ до извѣстной степени послѣдовательность въ воззрѣніяхъ на классификацію указаніемъ на различіе между развитіемъ науки и ея установленіемъ, имѣющимъ очевидную связь съ различіемъ конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, но онъ не довелъ до конца своей мысли и еще разъ обнаружилъ вредное вліяніе отсутствія философской критики на позитивныя воззрѣнія. Упуская изъ виду, что *непосредственное* отношеніе къ объекту имѣютъ только представленія, Литтрé не ставитъ вопроса о правильности образованія изъ нихъ понятій, а нѣсколько наивно предполагаетъ, что или приходиться понятія эти *строитъ a priori*, или *рядъ и установленіе должны*

---

[1]) *E. Dühring*, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 531.

[2]) *Comte*, Cours. III, p. 279. VI. Leçon LVIII.

быть даны объективно. Такъ какъ о «*построеніи*» и *a priori* для позитивиста не можетъ быть и рѣчи, то для Литтрé только и осталось, что признать рядъ и установленія, данные *объективно.* Объ объективности ряда было уже только что говорено; что же касается объективности установленія, то поддержаніе ея представляется особенно затруднительнымъ въ виду опредѣленія ея, представленнаго самимъ Литтрé: «наука считается установившеюся, когда она удовлетворяетъ двумъ условіямъ», говоритъ Литтрé, «когда она, *выдѣливъ* какое-либо основное свойство матеріи, *устанавливаетъ* на этомъ познаніи отвлеченное ученіе, способное къ развитію». При всей неопредѣленности, вносимой въ опредѣленіе это ипостазированіемъ науки, очевидно, что установленіе есть результатъ субъективныхъ условій познаванія и что *рядъ установленій* имѣетъ по отношенію къ поколѣніямъ то же значеніе, которое имѣетъ *рядъ наукъ* по отношенію къ отдѣльному лицу. И рядъ наукъ, и рядъ установленій имѣютъ очевидно субъективное значеніе; значеніе же ихъ въ системѣ критическаго реализма основывается на томъ, что они, какъ понятія, образованы *не произвольно*, но имѣютъ источникомъ своимъ *представленія*, *снятыя съ дѣйствительныхъ явленій.* Дѣло критика заключается въ изслѣдованіи правильности ихъ образованія и цѣлесообразности группировки тѣхъ второстепенныхъ понятій, изъ которыхъ они были образованы. Такое же или иное смѣшеніе ихъ съ представленіями не можетъ дать никакого полезнаго результата и должно быть признано неумѣстнымъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія разсужденіе Литтрé, приведенное выше изъ сочиненія его «La science au point de vue philosophique». Читатель видѣлъ, впрочемъ, что точка зрѣнія этого разсужденія совсѣмъ уже не та, что разсужденій предшествовавшихъ; самъ Литтрé какъ бы признаетъ такимъ образомъ, что прежняя никакъ не могла спасти классификацію отъ крушенія.

Классификація Конта нашла самыя прочныя опоры въ цитированномъ выше объясненіи Милля, который, при добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи къ воззрѣніямъ Конта, стушевываетъ съ нихъ всѣ поползновенія къ ошибкамъ обыденнаго мышленія и ставитъ на тотъ критическій путь, который одинъ только и можетъ правильно установить значеніе этой классификаціи. У Милля нѣтъ болѣе рѣчи о іерархизаціи объекта изученія и объективности «установленія», но поста-

новлены только цѣли изученія и оцѣниваются средства его. Одному Миллю обязана классификація Конта спасеніемъ своего существеннаго, философскаго достоинства.

Разсматривая классификацію Конта съ точки зрѣнія критическаго реализма и тѣхъ основоначалъ системы Конта, которыя оправдываются этою точкою зрѣнія, мы можемъ отнять у аргументовъ Спенсера всякое значеніе и подтвердить принципъ классификаціи Конта, поскольку онъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ изученія и избираетъ вѣрныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Признавая за этой классификаціей умозрительный характеръ, представлявшійся чуждому руководства теоріей познаванія Конту *искусственностью*, мы можемъ замѣтить, что эта искусственность и есть результатъ пользованія тою долею свободы, которою, по мысли Конта, можетъ располагать нашъ умъ въ научныхъ вопросахъ и которая въ дѣйствительности есть не что иное, какъ *выраженіе активной роли нашей въ образованіи понятій*. Эта активная роль и должна въ самомъ дѣлѣ удовлетворять нашей склонности къ связности и общности, не исключая однако-же почтительнаго отношенія къ дѣйствительности, какъ то и говоритъ Контъ, очерчивая этими словами нѣсколько смутно представлявшійся ему процессъ образованія понятій. Но, какъ ни смутно было это представленіе, ясно однако-же то, что, руководясь имъ, Контъ дѣйствительно осуществлялъ требованія преобладанія такой точки зрѣнія въ системѣ, которая, достодолжно пользуясь результатами нисшихъ степеней отвлеченія, располагаетъ образованныя изъ нихъ высшія обобщенія согласно условіямъ, вытекающимъ изъ правильнаго опредѣленія цѣлей субъекта. Онъ не терялъ изъ виду независимости отъ субъекта объективной дѣйствительности и остался вѣренъ мысли о неразрывной связи научныхъ и философскихъ понятій съ объективно - обусловленными представленіями, составляющими съ понятіями непрерывную цѣпь, но въ виду чисто-умозрительнаго характера понятій, группируемыхъ въ классификаціи, утверждалъ, что «даже и научныя произведенія, наименѣе могущія были поставленными въ зависимость отъ человѣческихъ удобствъ, могутъ быть законосообразно измѣняемы согласно съ цѣлями ихъ назначенія,—цѣлями, всегда окончательно относящимися къ человѣчеству». Только такимъ образомъ идея абсолютнаго совершенства классификаціи была устранена, какъ тщетная, и было положено основаніе осуществленію такой,

относительное совершенство которой могло стать цѣлью вполнѣ достижимою.

Итакъ, мы можемъ придти къ тому заключенію, что основоначало классификаціи абстрактныхъ наукъ, заключающееся въ расположеніи ихъ сообразно возрастанію сложности сгруппированныхъ въ нихъ *понятій*, отвѣчающей зависимости болѣе сложныхъ отъ простѣйшихъ, представляетъ собою систему понятій, образованныхъ изъ методически-собранныхъ представленій и организованныхъ согласно съ цѣлями субъекта. Остается затѣмъ рѣшить только, проведено ли основоначало это въ классификацію Конта съ полною послѣдовательностью?

Прежде чѣмъ я приступлю къ разрѣшенію этого вопроса, считаю нужнымъ подготовить его изслѣдованіемъ другого, поднятаго выше, а именно вопроса объ отношеніи между абстрактными и конкретными науками, поставленнаго у Конта, какъ я имѣлъ случай замѣтить, слишкомъ узко. Въ самомъ дѣлѣ, Контъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на конкретныя и ограничиваетъ это воздѣйствіе тѣмъ, что назначеніемъ конкретныхъ наукъ считаетъ приложеніе законовъ, добытыхъ науками абстрактными, къ фактической исторіи различныхъ существъ. На самомъ дѣлѣ, взаимодѣйствіе абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ значительно шире и плодотворнѣе. Мы видѣли уже, что въ общей совокупности знаній, охватывающихъ міръ какъ цѣлое, абстрактныя науки отличаются отъ конкретныхъ тѣмъ, что первыя изучаютъ группы явленій, образованныя умозрительно, тогда какъ вторыя изучаютъ явленія въ ихъ конкретной группировкѣ. Земля, напримѣръ, есть конкретная группа явленій и общее землеизученіе или *пангеологія*, какъ ее назвалъ Гэккель, есть поэтому наука конкретная, назначеніе которой, по идеѣ Конта, заключается въ томъ, что она прилагаетъ законы, добытые математикой, астрономіей, физикой, химіей, біологіей и соціологіей, къ условіямъ своей конкретной формы и величины, своего конкретнаго положенія въ мірѣ, своихъ конкретныхъ явленій плотности, температуры, электричества, магнетизма, химическаго состава, своихъ конкретныхъ животныхъ и конкретной человѣческой общественности, при чемъ она установляется, сообразно противоположности ея метода, ея видовъ и ея точки зрѣнія, методу, видамъ и точкѣ зрѣнія абстрактныхъ наукъ. Въ абстрактныхъ наукахъ или «чистомъ умозрѣніи»—«прежде міръ, потомъ че-

ловѣкъ», говоритъ Ог. Контъ; въ конкретныхъ же наукахъ, составляющихъ основаніе прямого дѣйствія (l'ordre directement actif) господствуетъ порядокъ обратный [1]). Я замѣтилъ уже, упоминая о противоположеніи методовъ абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ по мысли Ог. Конта, что противоположеніе это по отношеніи къ методу образованія понятій совершенно ошибочно; теперь я пойду дальше и распространю указанную мною ошибочность и на группировку понятій въ томъ случаѣ, когда воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на конкретныя становится настолько значительнымъ, что внутренній строй этихъ наукъ получаетъ умозрительный, философскій характеръ. Наука остается конкретною, если она изучаетъ конкретную группу явленій; но если она беретъ предметъ свой не какъ аггрегатъ этихъ явленій, а какъ цѣлое, и, отрѣшаясь отъ характера описательной науки, соединяетъ понятія, служащія элементами для общаго понятія о своемъ предметѣ какъ цѣломъ, не въ группы, соотвѣтствующія частнымъ конкретнымъ группамъ, а въ группы умозрительныя, такъ, какъ то совершается абстрактною наукою, то, оставаясь конкретною наукою, она пріобрѣтаетъ философскій характеръ. Въ этомъ случаѣ и является та степень воздѣйствія философіи на науку, которая возводитъ эту науку, при всей ея конкретности, на высоту науки философской, дѣлаетъ ея философіею науки [2]). Очевидно, что конкретная наука не можетъ при этомъ ограничиваться копированіемъ умозрительныхъ группъ общей системы абстрактныхъ наукъ, такъ какъ такое копированіе было бы нелогично и безполезно, а должно найти свой законосообразный и цѣлесообразный принципъ и только при этомъ условіи можетъ разсчитывать на плодотворность его примѣненія, при чемъ могутъ быть выполнены и тѣ пра-

---

[1]) *Comte*, Cours. III, p. 279.

[2]) Ср. мнѣніе *Бокля* о методѣ *Ад. Смита*. (Исторія цивилизаціи, перев. Буйницкаго и Ненарокомова. 1866, т. II, стр. 527 и слѣд.). Съ точки зрѣнія, мною установленной, оба сочиненія Ад. Смита, о которыхъ говоритъ Бокль, слѣдуетъ считать трактатами, разработавшими философски вопросы конкретныхъ наукъ, и различать характеръ этой разработки отъ разработки абстрактныхъ наукъ, напр., геометріи, о которой говоритъ Бокль. Само собою разумѣется, что и съ мнѣніемъ о степени точности абстрактныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ) пріемовъ, излагаемымъ здѣсь же Боклемъ, съ точки зрѣнія критическаго реализма, нельзя согласиться, имѣя въ виду то отношеніе представленій къ понятіямъ, которое уже было выяснено и которое имѣетъ мѣсто *во всякой наукѣ*.

вильныя требованія, которыя по отношенію къ конкретной наукѣ были заявлены Ог. Контомъ.

Понятіе о различеніи наукъ абстрактныхъ отъ конкретныхъ достаточно поясняется характеристикою этихъ наукъ, сдѣланною Ог. Контомъ и изложенною во II главѣ моего этюда, такъ что останавливаться надъ этимъ различеніемъ и пояснять его примѣрами было бы излишне. Что же касается *философски-разработанныхъ конкретныхъ наукъ*, о которыхъ я только что говорилъ, то примѣры здѣсь конечно необходимы, и приведенныя выше указанія на трактаты Ад. Смита недостаточны по той причинѣ, что они слишкомъ частны и, экземплифицируя характеристику науки, не даютъ ничего по отношенію классификаціи бо́льшей или меньшей группы такихъ наукъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, я имѣю въ виду остановиться теперь на классификаціи пангеологіи Гэккеля, о которой я уже упоминалъ, и которая представляетъ и въ отношеніи характера наукъ, на которыя расчленилъ ее Гэккель, и по отношенію координаціи, между ними установленной этимъ ученымъ мыслителемъ, примѣръ, достойный самаго серьезнаго вниманія.

Приступая къ объясненію принципа, руководившаго разработкой общаго понятія пангеологіи, Гэккель обращаетъ вниманіе на то, что всякое тѣло, существующее въ природѣ, разсматривается какъ неразрывное соединеніе матеріи и силы (элементъ, приводящій въ движеніе матерію), что, слѣдовательно, всю совокупность тѣлъ можно представить себѣ какъ систему движущихъ силъ, неимѣющихъ дѣйствительнаго покоя и допускающихъ только покой кажущійся, который есть ни что иное, какъ результатъ равновѣсія движущихъ силъ съ прекращеніемъ котораго немедленно опять возникаетъ движеніе. Сообразно съ такимъ состояніемъ тѣлъ можно разсматривать ихъ или въ моментъ покоя или въ моментъ движенія и сдѣлать оба эти состоянія предметами изученія отдѣльныхъ наукъ: первое—статики, второе—динамики.

Разсматривая результатъ статическаго момента всякаго тѣла, мы видимъ, что результатъ этотъ есть форма тѣла. Гэккель отождествляетъ статику съ ученіемъ о формѣ тѣлъ или *морфологіею* (въ обширномъ смыслѣ), которой онъ даетъ названіе *морфономіи*. Разсматривая затѣмъ тѣла въ состояніи динамическомъ, т.-е. разсматривая процессы или (по отношенію

къ органическимъ тѣламъ) отправленія тѣлъ, Гэккель дѣлаетъ всю совокупность ихъ предметомъ—фороиоміи (физики въ обширномъ смыслѣ), отождествляемой имъ съ динамикой.

Только что объясненное дѣленіе установлено на основаніи состоянія тѣлъ по отношенію къ дѣйствующимъ въ нихъ силамъ; теперь, въ свою очередь, надо разсмотрѣть вещество, изъ котораго состоятъ тѣла и которое составляетъ предметъ изученія отдѣльной науки—*химіи*.

Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ объ отношеніи химіи къ фороиоміи и морфологіи, Гэккель опредѣляетъ дѣленіе самой химіи. Химія, такъ же какъ и эти обѣ науки, дѣлится, по его мнѣнію, на статическую и динамическую. Статическая химія есть химія субстратовъ,—она изучаетъ формы химическихъ элементовъ; химія же динамическая изучаетъ круговоротъ матеріи въ тѣлахъ, химическія измѣненія ихъ, процессы. Изъ этого видно, что химія имѣетъ свою морфологію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и что эта химическая морфологія подчиняется морфологіи въ ея общемъ значеніи, тогда какъ химія въ широкомъ смыслѣ, т.-е. какъ наука о веществѣ вообще, соподчиняется, вмѣстѣ съ общею морфологіею (или морфономіею) и фороиомією, общей наукѣ о землѣ—пангеологіи. Наконецъ, Гэккель различаетъ еще *морфологію въ тѣсномъ смыслѣ*, или морфологію собственно, изучающую форму тѣлъ независимо отъ ихъ состава, и физику въ тѣсномъ смыслѣ, соподчиняющуюся, вмѣстѣ съ химіею процессовъ,—фороиоміи.

Все это наглядно представляется въ слѣдующей табличкѣ:

ПАНГЕОЛОГІЯ.
- Морфономія.
- Химія.
  - Морфологія.
  - Химія субстратовъ.
- Фороиомія.
  - Химія процессовъ.
  - Физика.

Прилагая затѣмъ основной принципъ, выраженный этой схемой, къ изученію неорганической и органической природы, Гэккель относитъ къ области абіологіи химію субстратовъ (химическая часть минералогіи, ученіе о химическомъ составѣ воды, атмосфернаго воздуха и т. д.), а къ біологіи—ту часть органической (неправильно называемой физіологической) химіи, которая часто разумѣется подъ названіемъ «описательной химіи» и которая въ дѣйствительности есть химія органическихъ субстратовъ. Переходя затѣмъ къ динамической химіи, Гэк-

кель замѣчаетъ, что въ области абіологіи къ ней относятся: химическая часть минералогіи и геологіи, процессы разложенія минераловъ, воды, воздуха и т. д.; въ области біологіи—собственно «физіологическая химія», т.-е. ученіе о химическихъ процессахъ органическихъ тѣлъ, ученіе объ измѣненіяхъ, производимыхъ въ дѣятельности, называемой жизнью. Такимъ же образомъ опредѣляется и характеръ другихъ подраздѣленій—абіостатики и абіодинамики—съ одной стороны, біостатики и біодинамики—съ другой, при чемъ сохранится установленное приведенное выше соподчиненіе ихъ, какъ показываетъ слѣдующая схема:

- ПАНГЕОЛОГІЯ.
  - АБІОЛОГІЯ[1].
    - Неорганическая морфономія.
      - Неорганическая морфологія [2].
    - Абіологическая химія.
      - Химія неорганическихъ субстратовъ.
      - Химія неорганическихъ процессовъ.
    - Неорганическая форономія.
      - Неорганическая физика или физика собственно.
  - БІОЛОГІЯ[3].
    - Органическая морфологія.
      - Органическая морфологія.
    - Біологическая химія.
      - Химія органическихъ субстратовъ.
      - Химія органическихъ процессовъ.
    - Органическая форономія.
      - Физіологія (въ тѣсномъ смыслѣ).

Изложенная классификація наукъ, могла бы имѣть значеніе общей философской классификаціи наукъ, равнозначущее той, которая была создана Ог. Контомъ, или той, которую пытаются

---

[1]) *Описательныя* (конкретныя въ тѣсномъ смыслѣ) *науки*, соотносящіяся сюда, суть слѣдующія: *минералогія. гидрологія, метеорологія.*

[2]) *Описательныя науки: кристаллографія, гидростатика, аэростатика, петрографія.*

[3]) *Опис. науки: зоологія, протистологія, фитологія* (ботаника).

NB. Протистологія обнимаетъ впервые установленное Гэккелемъ промежуточное между царствомъ животныхъ и царствомъ растеній—царство протистовъ, т. е. зоофитовъ (Protistenreich).

установить на основаніяхъ воззрѣній Канта [1]), если бы Гэккель достаточно оцѣнилъ значеніе философской критики и не слишкомъ уже скользилъ по вопросамъ собственно философскимъ, такъ что, вопреки его намѣренію, у него получился только образецъ философской разработки конкретной науки и нигдѣ ни одною чертою не обозначилась идея чисто-абстрактной науки, не проскользнулъ критическій взглядъ на задачу философіи. Даже его *космологія*, называемая имъ «*философіей природы, единственной дѣйствительно всеобъемлющей наукой*», слагается у него вовсе не такъ, чтобы имѣть возможность выработать отвѣты на чисто философскіе вопросы, а подобно пангеологіи представляется философски обработанною конкретною наукой [2]). Наука эта даетъ богатую обобщеніями картину космоса, но никогда не даетъ разгадки умозрительныхъ элементовъ общаго понятія объ этой картинѣ, никогда не скажетъ намъ, что такое явленіе, законъ, причинность и т. д., никогда не опредѣлитъ всѣ тѣ понятія, изъ которыхъ слагается собственно философское понятіе о мірѣ. Предшествовавшія объясненія представили, какъ я думаю, достаточныя данныя для опредѣленнаго различенія образованія двухъ этихъ родовъ понятій и читатель вѣроятно согласится поэтому, что, дѣлая на основаніи этихъ данныхъ оцѣнку философскихъ идей Гэккеля, я не умаляю ихъ значенія, а только стараюсь извлечь изъ нихъ наибольшую для философской обработки наукъ пользу. Впрочемъ, если бы взглядъ мой на характеръ классификаціи отдѣловъ пангеологіи встрѣтилъ возраженія, и если бы мнѣ стали доказывать, что классификація Гэккеля не можетъ принести вопросу разработки конкретныхъ наукъ той пользы, ожидать которую я считаю возможнымъ, то мнѣ осталось бы только обратить вниманіе сомнѣвающихся на то обширное и глубокое вліяніе, которое имѣетъ въ настоящіе время Гэккель на философскую разработку біологіи и на тѣ богатые результаты, которые дало уже наукѣ это вліяніе. Съ другой стороны, слишкомъ увлекающимся поклонникамъ Гэккеля можно бы безъ труда доказать, что мыслитель этотъ не оказалъ философіи въ тѣсномъ смыслѣ никакихъ прямыхъ услугъ.

---

[1]) См. *A. Riel*, Der philosophische Kriticismus. I Band. § 204.

[2]) Космологія (міровѣдѣніе) у Гэккеля распадается на *уранологію* (небовѣдѣніе) и *пангеологію* (всеобщее землевѣдѣніе), чѣмъ ясно характеризуется конкретный ея характеръ.

Но если я отрицаю прямыя услуги Гэккеля философіи, то непрямыя, посредственныя, и быть можетъ, ненамѣренныя услуги его ставлю очень высоко и имѣю въ виду теперь же указать на одну изъ нихъ, имѣющую чрезвычайно важное значеніе.

Я имѣлъ уже случай высказаться о философскомъ значеніи сравнительнаго метода и пояснить при этомъ, что существенная услуга, оказываемая этимъ методомъ, заключается въ разрушеніи тѣхъ произвольныхъ границъ, которыми такъ часто съуживается область, долженствующая доставить представленія для образованія того или другого понятія. Миѳологіи, лингвистикѣ и наукамъ естественнымъ методъ этотъ оказалъ уже неоцѣнимыя услуги; проницательный умъ Гэккеля, идя по пути этого метода, оказалъ и научной философіи ту неоцѣненную услугу, что представилъ данныя для раскрытія весьма важной непослѣдовательности въ классификаціи абстрактныхъ наукъ, и тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно содѣйствовалъ къ распутанію весьма многихъ недоразумѣній. Прослѣдимъ для этого далѣе развитіе классификаціи Геккеля, и перейдемъ къ подраздѣленію важнѣйшей изъ частей біологіи—морфологіи (въ тѣсномъ смыслѣ).

Неуклонно слѣдуя установленной точкѣ зрѣнія, Гэккель разсматриваетъ біологическія формы или какъ нѣчто законченное, или какъ нѣчто измѣняющееся, подверженное процессу образованія и, сообразно съ этимъ, дѣлитъ морфологію на двѣ части, на анатомію и морфогенію или исторію развитія. Анатомія изучаетъ органическія формы или по отношенію къ строенію ихъ (*тектологія*), или по отношенію къ одному только внѣшнему ихъ виду, который Гэккель сводитъ къ правильнымъ стереометрическимъ основнымъ формамъ (*проморфологія*). Что же касается до морфогеніи, то наука эта дѣлится также на двѣ части, смотря по тому,—изслѣдуетъ ли она развитіе формъ индивида или цѣлаго поколѣнія индивидовъ; въ первомъ случаѣ Гэккель называетъ ее *онтогеніею*, во второмъ—*филогеніею*.

Слѣдующая табличка выражаетъ изложенное подраздѣленіе морфологіи:

МОРФОЛОГІЯ. { Анатомія. { Тектологія. / Проморфологія. } / Морфогенія. { Онтогенія. / Филогенія. }

Изъ предыдущаго видно, что классификація отдѣловъ біологіи, изучая въ морфогеніи самыя сложныя явленія жизни и развитія поколѣній индивидовъ, обнимаетъ такимъ образомъ и ту область, изученіе которой Ог. Контъ сдѣлалъ предметомъ соціологіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ подраздѣленіи филогеніи мы встрѣчаемъ прямыя на то указанія: Гэккель подраздѣляетъ филогенію на *морфофилогенію*, изучающую развитіе формъ жизни поколѣній, и, слѣдовательно, и развитіе соціальныхъ формъ и *физіофилогенію*, или исторію развитія функцій жизни поколѣній, которая, какъ замѣчаетъ Гэккель, еще и до сихъ поръ не изслѣдована у большей части организмовъ и, по отношенію къ человѣческому роду, охватываетъ значительнѣйшую часть такъ-называемой всеобщей исторіи [1]). Такимъ образомъ, какъ пояснилъ Гэккель еще въ трактатѣ о морфологіи, возникаетъ возможность изученія исторіи развитія человѣческаго индивида и человѣческаго общества при помощи сравнительнаго метода, долженствующаго дать такіе результаты, о которыхъ до сихъ поръ невозможно было и мечтать, и для которыхъ неустанно работаетъ современная наука [2]).

Изъ этого видно, что требуемое Гэккелемъ сравнительное изученіе формъ и функцій жизни не только индивидовъ, но и поколѣній животныхъ и, слѣдовательно, требованіе изученія *общественности* у всѣхъ видовъ, у которыхъ она проявляется, *предполагаетъ абстрактную науку*, имѣющую предметомъ своимъ *общественность* въ обширномъ смыслѣ, и не исключительно только *человѣческую общественность*. Очевидно, что понятіе о человѣческой общественности, соотвѣтствуя извѣстной конкретной группѣ явленій, должно, согласно основной идеѣ позитивной классификаціи, войти въ область изученія конкретной науки, а наука абстрактная должна взять своимъ содержаніемъ умозрительно образованную группу понятій, границы общей совокупности которыхъ, притомъ же, не должны быть предустановлены произвольно, но опредѣлены посредствомъ научнаго изслѣдованія вопроса о родѣ представленій, необходимыхъ для образованія такой группы понятій, которая соотвѣтствовала бы цѣли науки. Явною становится, такимъ образомъ, несостоятельность осуществленія основной идеи соціологіи въ системѣ Ог.

---

[1]) *E. Haeckel*, Anthropogenie. S. 17.

[2]) Id. Gener. Morphologie, II, 432—438.

Конта, такъ какъ осуществленіе это дало вмѣсто изслѣдованія общественности вообще—изслѣдованіе человѣческой общественности, т.-е. вмѣсто абстрактной—одинъ изъ вопросовъ науки конкретной. Я говорю: *одинъ изъ вопросовъ конкретной науки*, а не *конкретную науку*, потому что, по смыслу основоначала, опредѣляющаго характеръ конкретной науки, эта послѣдняя не можетъ установляться по образу и подобію науки абстрактной, а, напротивъ того, умозрительной группѣ понятій этой послѣдней она противопоставляетъ такую группу, которая соотвѣтствуетъ конкретной группѣ представленій. Въ данномъ случаѣ абстрактной группѣ понятій, характеризующихъ *общественность*, противопоставляется не *человѣческая общественность*, представляющая отрывокъ того же отвлеченнаго понятія, но та конкретная группа явленій, къ которой относится это понятіе, т.-е. человѣчество и, слѣдовательно, наука о немъ—*антропологія*, къ которой изученіе человѣческой общественности — *антропосоціологія*—будетъ относиться, очевидно, какъ часть къ своему цѣлому.

Такимъ образомъ, соціологію, какъ ее установилъ Ог. Контъ, слѣдуетъ отвергнуть не на томъ основаніи, на которое опирается Милль [1]), стоящій, такъ же какъ и Контъ, на конкретной точкѣ зрѣнія, противорѣчащей основоначалу позитивной классификаціи, но на основаніи именно этого основоначала, очевидно не проведеннаго Контомъ съ достодолжною послѣдовательностью.

Первымъ изъ послѣдствій устраненія только что выясненной непослѣдовательности въ Контовой классификаціи абстрактныхъ наукъ представляется постановка и рѣшеніе вопросовъ, долженствующихъ дать содержаніе новой истинно *абстрактной соціологіи*; вторымъ—выясненіе преобладанія той точки зрѣнія въ системѣ, которую Ог. Контъ назвалъ *соціологическою* и которая, при сохраненіи выработанной Контомъ классификаціи, страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью и неясностью, и большою неполнотою и незаконченностью. Недостатки эти явились у Конта роковымъ образомъ, такъ какъ, развивая свою идею о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ системѣ, онъ разумѣлъ, конечно, ту осуществленную уже имъ науку, которая, какъ объяснено выше, по идеѣ противорѣчитъ принципу абстрактной науки, а по содержанію не отвѣ-

---

[1]) *Ст. Милль*, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр. 62 и слѣд.

частъ объему науки конкретной. Если бы созданная Ог. Контомъ соціологія была дѣйствительно наукою абстрактною, то онъ не могъ бы не замѣтить несоотвѣтствія своихъ положеній съ ея содержаніемъ и объемомъ и несомнѣнно измѣнилъ бы эти положенія; но такъ какъ этого не случилось, то и осталась характеристика, довольно опредѣленно очерчивающая антропологическую точку зрѣнія, и рядомъ съ нею конкретная антропосоціологія, произвольно поставленная вмѣсто соціологіи абстрактной. Все это предстоитъ переработать согласно основоначаламъ классификаціи, и такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи вывести позитивизмъ изъ фазы «только что начинающейся философіи», въ которой, благодаря современнымъ своимъ представителямъ, онъ такъ непомѣрно долго остается.

Основнымъ побужденіемъ Ог. Конта къ установленію преобладанія соціологической точки зрѣнія въ системѣ было сознаніе необходимости ея полнаго и всесторонняго единства. Такое единство, по его мнѣнію, требовало «полнаго нормальнаго преобладанія *одного изъ умозрительныхъ элементовъ* надъ всѣми другими»; главный вопросъ сводится, такимъ образомъ, по его мнѣнію, «къ прямому опредѣленію того изъ этихъ элементовъ, который долженъ преобладать не въ подготовительномъ ходѣ позитивнаго духа, но въ дѣятельномъ и систематическомъ его развитіи». Установленіе научной іерархіи, какъ то поясняетъ Ог. Контъ, показываетъ, что такое преобладаніе можетъ относиться только къ первому или къ послѣднему изъ шести элементовъ, входящихъ въ позитивную іерархію, т.-е. или къ элементу математическому, или къ элементу соціологическому. Сравнивая права того и другого изъ этихъ двухъ элементовъ, Ог. Контъ отдаетъ преимущество соціологическому и затѣмъ опредѣляетъ значеніе и характеръ его преобладанія [1]). Вникая въ характеристику ихъ, какъ она изложена у Ог. Конта, нельзя не придти къ убѣжденію, что главныя и ярче прочихъ отмѣченныя черты въ характеристикѣ этой относятся къ вопросамъ *метода*, которому Ог. Контъ и желаетъ придать, насколько то возможно, общепозитивный характеръ посредствомъ ограниченія общаго значенія метода математическаго и распространенія вліянія метода соціологическаго. Другая, тоже весьма выдающаяся черта, характеризующая вліяніе соціологіи, отно-

[1]) *Comte*, Cours. VI. Leçon LVIII.

сится къ опредѣленію *руководящаго вліянія* соціологіи въ системѣ,—вліянія, которое, стараясь сохранить возможно полную независимость отъ субъекта научныхъ изслѣдованій, всегда относитъ ихъ однако-же къ человѣчеству и, такимъ образомъ, ставитъ предѣлъ праздной любознательности и пустому многознанію [1]).

Оцѣнивая значеніе двухъ этихъ главныхъ и существеннѣйшихъ чертъ, опредѣляющихъ характеръ преобладанія соціологической точки зрѣнія въ системѣ, нельзя не замѣтить прежде всего, что неопредѣленность и неполнота ихъ обусловлены главнымъ образомъ отсутствіемъ въ системѣ теоріи познаванія, т.-е. отсутствіемъ развитія въ ней критическихъ элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе придать отдѣльнымъ методамъ шести основныхъ наукъ обще-позитивный характеръ и такимъ образомъ создать позитивный методъ, если не равно приложимый ко всѣмъ этимъ наукамъ, то по крайней мѣрѣ преобладающій надъ ихъ частными методами, ясно указываетъ на сознаніе необходимости того элемента въ системѣ, который можетъ быть достигнутъ только установленіемъ теоріи познаванія и логики, достигнутъ притомъ же безъ принесенія для этого въ жертву одного метода другому, но образованіемъ общихъ методологическихъ правилъ на основаніи опыта всѣхъ наукъ, какъ то и было объяснено уже въ I-й главѣ настоящаго этюда. Что же касается руководящаго вліянія соціологической точки зрѣнія, то при всей великой пользѣ, доставляемой имъ обузданіемъ бездѣльнаго недосуга буквоѣдовъ и празднаго пустословія метафизиковъ, оно совершенно неосуществимо безъ помощи теоріи познаванія, такъ какъ оно можетъ рѣшать только годность или негодность *образованныхъ* уже понятій по отношенію къ интересамъ человѣчества, но не компетентно въ рѣшеніи вопроса о характерѣ и объемѣ накопленія и группировки тѣхъ представленій, которыя могутъ быть необходимы для вполнѣ апробованныхъ преобладающею точкою зрѣнія понятій.

Но этими чертами въ дѣйствительности не исчерпывается еще характеристика преобладанія соціологической или, какъ я объяснилъ выше, антропологической точки зрѣнія въ системѣ наукъ. Исправивъ непослѣдовательность въ развитіи принципа классификаціи, установивъ абстрактную соціологію

---

[1]) Id.

и перемѣстивъ антропосоціологію на соотвѣтствующее ей мѣсто въ группѣ конкретныхъ наукъ, входящихъ въ антропологію, мы должны пойти далѣе и изслѣдовать характеръ преобладанія антропологической точки зрѣнія въ области конкретныхъ наукъ, имѣющихъ свои опредѣленныя свойства, нерѣдко противоположныя свойствамъ абстрактныхъ наукъ. Мы видѣли уже, что преобладаніе антропологической (по Конту—соціологической) точки зрѣнія въ системѣ абстрактныхъ наукъ ограничивается на самомъ дѣлѣ только *извѣстнаго рода руководительствомъ* и не измѣняетъ *полнаго и всесторонняго преобладанія строго-объективной точки зрѣнія*. Но съ переходомъ отъ умозрительныхъ группъ понятій абстрактныхъ наукъ къ реальнымъ группамъ наукъ конкретныхъ, антропологическая, т.-е. субъективная, точка зрѣнія перестаетъ ограничиваться косвеннымъ и неполнымъ вліяніемъ, которое она имѣетъ въ системѣ наукъ абстрактныхъ, и пріобрѣтаетъ прямое, полное и всестороннее господство. Разрѣшая трудности, представляемыя абстрактными науками порознь для болѣе глубокаго ихъ изученія, и жертвуя для этой цѣли всѣмъ индивидуальнымъ, дробя понятія и образуя новыя чисто-отвлеченныя категоріи, мы, очевидно, остаемся и не можемъ не оставаться строго объективными изслѣдователями; но, возвращаясь въ конкретныхъ наукахъ къ реальному человѣку, мы не можемъ сохранять ту точку зрѣнія, которою мы руководились при изслѣдованіи отвлеченныхъ понятій: въ абстрактной наукѣ создано было основаніе для философскаго знанія, въ конкретной создается основаніе для дѣйствія; тамъ дано было преобладаніе объективной точкѣ зрѣнія, здѣсь—субъективной. Этой субъективностью точки зрѣнія и заканчивается та характеристика ея, которая завершаетъ установленную Ог. Контомъ противоположность абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, и которая, какъ я думаю, ведетъ къ устраненію того недоразумѣнія, которое одно только и могло породить въ недавнее время оживленные споры въ нашей литературѣ о преобладаніи *той или другой изъ этихъ точекъ зрѣнія* при изученіи соціологіи или, какъ не совсѣмъ правильно принято у насъ говорить, *субъективнаго* и *объективнаго метода*.

Противопоставленіе методовъ, вмѣсто точекъ зрѣнія, произошло потому, что весьма долго смѣшивали субъективную точку зрѣнія съ метафизическимъ методомъ, поводомъ чему могло послужить слабое состояніе развитія критическихъ элементовъ

въ позитивной системѣ, а также малая распространенность и неправильная оцѣнка критической философіи, и особенно роли теоріи познаванія, какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ. Ясно, однако-же, что субъективная точка зрѣнія не только можетъ, но въ конкретныхъ наукахъ и должна господствовать, безъ всякаго чрезъ то измѣненія въ методѣ. Точка зрѣнія ставитъ цѣли, даетъ ходъ и направленіе разрѣшенію того или другого вопроса, но не разрѣшаетъ и не можетъ разрѣшить его. Разрѣшеніе вопроса находится въ полной зависимости отъ метода. Если методъ наученъ, то онъ остается такимъ какъ тогда, когда точка зрѣнія ставитъ цѣлью *чистое знаніе*, такъ и тогда, когда цѣль эта требуетъ *знанія какъ основанія дѣйствія*. Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ критиковъ позитивизма, г. П. Л., выяснилъ этотъ вопросъ со всею полнотою и точностью, какія онъ требуетъ, въ статьѣ о позитивизмѣ, помѣщенной въ «Современномъ Обозрѣніи». «Объективно то», говоритъ авторъ этой статьи, «что подлежитъ во всѣхъ частностяхъ провѣркѣ нѣсколькихъ изслѣдователей. Субъективно то, что можетъ быть провѣрено лишь одною личностью. Объективный *методъ* требуетъ, чтобы изслѣдуемыя явленія, устанавливаемыя истины и способъ ихъ доказательства доступны были провѣркѣ всякаго, кто одаренъ достаточнымъ знаніемъ и надлежащими орудіями для полученія воспріятій. Субъективный методъ употребляется тамъ, гдѣ самое явленіе доступно лишь одному наблюдателю, или для установленія истины мы употребляемъ пріемы, для которыхъ существуетъ подобное же ограниченіе. При этомъ вовсе нѣтъ основанія считать субъективный методъ всегда выводнымъ какъ, повидимому, думаетъ Ог. Контъ, или метафизическимъ, какъ полагаетъ Литтрé. Субъективный методъ можетъ *научно* употребляться для установленія истины путемъ наведенія или вывода, если только значительное число наблюдателей, *критически развитыхъ* и *способныхъ къ научному наблюденію*, могутъ, каждый отдѣльно, воспринять аналогичныя явленія. Такъ: теплота, свѣтъ, цвѣта и звукъ, суть явленія субъективныя, и методъ изслѣдованія теплоты сдѣлался объективнымъ лишь тогда, когда термометръ, калориметръ и другіе приборы позволили свести изученіе теплоты на изученіе объективныхъ явленій протяженія, вѣса, движенія, испаренія, замерзанія и т. п. Но и до существованія подобныхъ приборовъ субъективное изслѣдованіе теплоты могло быть научнымъ; такъ всякій субъек-

тивно могъ ощущать явленія теплоты, хотя степень ощущенія могла въ каждомъ случаѣ очень разниться, смотря по личностямъ. Видѣнія Сведенборга не могли служить основаніемъ научному употребленію субъективнаго метода, потому что они были доступны одному лицу. Сообщенія съ міромъ духовъ у спиритовъ тоже не могутъ служить подобнымъ основаніемъ, потому что личности, входящія въ подобныя сообщенія, не находятся въ состояніи, дѣлающемъ ихъ способными къ научнымъ наблюденіямъ, и аналогическія явленія среди помѣшанныхъ и шарлатановъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ аналогическихъ явленій у лицъ критически развитыхъ, заставляютъ отнестись скептически ко всѣмъ явленіямъ подобнаго рода» [1]).

Теперь совершенно понятно, какимъ образомъ методъ, оставаясь научнымъ, можетъ примириться съ господствомъ субъективной точки зрѣнія и оставаться годнымъ для изслѣдованія средствомъ. Выясненіемъ роли и значенія его въ области конкретныхъ наукъ и оканчиваю я тѣ замѣчанія, которыя имѣлъ въ виду сдѣлать по поводу усмотрѣнной мною неопредѣленности и неполноты изслѣдованія Ог. Конта о преобладаніи «соціологической» точки зрѣнія въ позитивной системѣ.

Позитивизмъ, въ томъ начальномъ фазисѣ, въ которомъ онъ является у Конта, и въ связи съ тою кастраціею, которой подвергли его Литтрé и особенно литтренсты, встрѣтилъ въ литературѣ нашей со стороны самыхъ компетентнѣйшихъ судей, гг. П. Л. и Н. Михайловскаго, критику, на которую у современныхъ позитивистовъ нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Несмотря на то, что статья г. П. Л. появилась въ 68 году и г. Михайловскаго въ 69, г. Вырубовъ, не успѣвшій еще, конечно, забыть русскій языкъ, и до сихъ поръ не упомянулъ о нихъ ни однимъ словомъ, хотя въ этотъ семилѣтній промежутокъ и могъ найти нужнымъ весьма пространно полемизировать съ г. де-Роберти о схемѣ классификаціи соціологіи, не имѣвшей ровно никакого значенія и теперь всѣми забытой. Форма, въ которую была облечена эта полемика—дружественныя письма съ мѣстоименіемъ «ты», и тонъ полемики, до того наивный, что даже упоминаніе о болѣзни, которою когда-то и гдѣ-то былъ одержимъ г. де-Роберти, не находилось съ нимъ въ дисгармоніи, показывали, что полемика эта была домашнимъ дѣломъ друзей, до котораго по-

[1]) «Современное Обозрѣніе». 1868. Май.

стороннимъ не было никакого дѣла. Время, если не ошибаюсь, оправдало эту прогностику. Но если забыта новая схема, которая, быть можетъ, способна была доконать позитивизмъ, то никѣмъ изъ понимающихъ дѣло не забыты «проклятые» вопросы, поставленные гг. П. Л. и Михайловскимъ. Позитивизмъ долженъ былъ или отвѣтить на эти вопросы, или сознать свою несостоятельность и уступить мѣсто другимъ міросозерцаніямъ, болѣе состоятельнымъ. Г. П. Л. и опредѣлялъ такимъ образомъ неизбѣжное будущее позитивизма; такимъ оно являлось и въ конечномъ результатѣ критики г. Михайловскаго. Оба критика были правы по отношенію къ *тому* позитивизму, который они изслѣдовали; у *этого* позитивизма дѣйствительно нѣтъ будущаго, и пережевыванье его, продолжающееся десять лѣтъ, можетъ длиться хоть сто, и дастъ въ результатѣ все тотъ же роковой нуль. Но если погибаетъ литтреевскій, вырубовскій, и какъ тамъ онъ еще можетъ называться, позитивизмъ, то слѣдуетъ ли изъ этого, что погибаетъ позитивизмъ контовскій, эта геніальная попытка обосновать единство философіи и науки и добыть результаты ихъ взаимодѣйствія. Не заключается ли въ этомъ единствѣ, какъ основоначалѣ, зачатка такого міросозерцанія, полный ростъ котораго достигается не *устраненіемъ* контовскаго позитивизма и *замѣщеніемъ* его другимъ міросозерцаніемъ, а только правильнымъ *развитіемъ* основоначалъ этой простѣйшей формы научной философіи, установленіемъ послѣдовательности этого развитія, устраненіемъ ошибокъ и всего того, что не критически было внесено въ него личными побужденіями Конта. Я смотрѣлъ и смотрю на позитивизмъ именно съ этой точки зрѣнія и настаиваю на томъ же, что высказывалъ и прежде, а именно, я вижу значеніе позитивизма въ его основоначалахъ и ихъ развитіи. Пользуясь терминами согласно со смысломъ, присвоеннымъ имъ г. Михайловскимъ, я вижу въ позитивизмѣ и критическомъ реализмѣ одинъ и тотъ же *типъ*, но различаю только *степени развитія*. Единство типа я и вижу въ основоначалахъ, которымъ и посвящено настоящее изслѣдованіе. Въ этомъ я и расхожусь только съ гг. П. Л. и Михайловскимъ, если только, послѣ изложенныхъ теперь объясненій, можно еще сказать, что я расхожусь съ ними во взглядѣ на этотъ вопросъ.

Итакъ, позитивизмъ былъ безсиленъ отвѣчать на вопросы, поставленные гг. П. Л. и Михайловскимъ,—вопросы, безъ отвѣта на которые утрачивался весь его *raison d'être*, и которые, слѣ-

довательно, становятся опять и передъ новымъ фазисомъ его развитія—критическимъ реализмомъ. Посмотримъ же, готовы ли у него на нихъ отвѣты? Отнесется ли онъ къ своимъ критикамъ какъ къ врагамъ, подкапывающимся подъ самое его существованіе, или какъ къ союзникамъ, работающимъ на пользу его развитія?

Г. П. Л. ставитъ вопросъ о томъ, можно ли пользоваться субъективнымъ методомъ (т.-е. какъ я объяснилъ выше, субъективною точкою зрѣнія) въ этикѣ, соціологіи и политикѣ? и если можно, то будетъ ли онъ наученъ?—и, изслѣдуя вопросъ этотъ, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Объективный элементъ въ этой области ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *понять* ихъ, надо разсмотрѣть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что̀ такое цѣль? Это нѣчто желаемое, пріятное, полезное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и въ то же время позволяютъ это сдѣлать вполнѣ научно.

«Но здѣсь есть еще одно обстоятельство, обособляющее изслѣдованіе практическихъ вопросовъ отъ вопросовъ теоретическихъ и придающее въ области первыхъ еще болѣе широкое приложеніе субъективному методу. Въ теоретическихъ вопросахъ данъ реальный міръ, подлежащій повѣркѣ и всѣ явленія котораго мы можемъ понять не иначе, какъ слѣдующія необходимой связи причинъ и слѣдствій. Обѣ задачи могутъ быть предложены: по даннымъ реальнымъ явленіямъ найти законы, ими управляющіе, и причины, ихъ вызвавшія; по даннымъ явленіямъ, распредѣленіямъ предметовъ и законамъ, имѣющимъ мѣсто въ данномъ случаѣ, найти рядъ послѣдующихъ процессовъ явленій и перераспредѣленій предметовъ. Обѣ задачи, при достаточныхъ условіяхъ, допускаютъ лишь *одно рѣшеніе*, и колебанія относительно его, различныя *возможности*, о которыхъ мы при этомъ говоримъ, относятся не къ объективному теченію явленій, а къ недостаткамъ нашего знанія объ условіяхъ задачи.

«Въ практическихъ вопросахъ представляются задачи гораздо болѣе различныя. Дѣйствительная связь внѣшняго міра,

воспринимаемаго человѣкомъ, съ человѣческою дѣятельностью такова: внѣшній міръ вызываетъ побужденія; побужденія преобразовываются въ цѣли; цѣли, въ свою очередь, вызываютъ дѣйствія личностей, понятія—общественныя формы; изъ столкновенія различныхъ дѣйствій и подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ понятій совершаются историческія событія. При этомъ двѣ задачи практической философіи таковы: по даннымъ дѣйствіямъ, общественнымъ формамъ или событіямъ, найти побужденія и цѣли, ихъ вызвавшія; по даннымъ побужденіямъ опредѣлить цѣли, по цѣлямъ—дѣйствія личностей, а по дѣйствіямъ личностей въ данныхъ общественныхъ формахъ опредѣлить послѣдующія историческія событія. Но, при рѣшеніи обѣихъ этихъ задачъ, всякій наблюдатель сознаётъ, что въ нихъ входитъ элементъ субъективной оцѣнки побужденій и цѣлей. Не всѣ побужденія становятся цѣлью, не всѣ цѣли вызываютъ дѣйствія, хотя мы воспринимаемъ всѣ побужденія какъ *возможныя* цѣли и всѣ цѣли какъ *возможные* источники дѣйствій. Но здѣсь понятіе о возможномъ сознается *нами*, какъ совершенно иное, чѣмъ въ вопросахъ теоретическихъ. Тамъ мы сознаемъ, что результатъ, имѣющій получиться, мы измѣнить не въ состояніи, хотя не знаемъ, каковъ онъ будетъ; здѣсь для насъ неустранимо сознаніе, что мы можемъ измѣнить результатъ въ извѣстной степени. Я не знаю—пойдетъ ли вечеромъ дождь; это возможно, но отъ меня не зависитъ. Я не знаю, попаду ли я подъ дождь; это возможно, но я могу сдѣлать, что не попаду. Ядро, вылетѣвшее изъ орудія и направленное въ данную точку, можетъ отклониться направо и налѣво; которое изъ этихъ отклоненій произойдетъ, я не знаю, и вліять на это отклоненіе не въ моей власти. Я могу пойти изъ воротъ направо и налѣво, по который путь я выберу, зависитъ отъ меня. Конечно, съ точки зрѣнія весьма многихъ теорій, въ сравниваемыхъ случаяхъ разницы нѣтъ. И тамъ, и тутъ я не знаю условій, опредѣляющихъ заранѣе результатъ, но онъ неизбѣженъ во имя совокупности условій, мнѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ; сила побужденій, увлекательность цѣли не устанавливаются мною, а только сознаются. Какъ два шара, столкнувшіеся на билліардѣ, неизмѣнно пойдутъ послѣ толчка такимъ путемъ, а не другимъ, такъ нѣсколько побужденій, одновременно въ насъ вызванныхъ при данныхъ условіяхъ, неизбѣжно опредѣляютъ дальнѣйшій путь нашей мысли. Какъ нѣсколько растворовъ солей, слитыхъ вмѣ-

стѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго процесса химическаго сродства, дадутъ опредѣленный осадокъ, выдѣлятъ опредѣленные газы и дадутъ процѣженный растворъ опредѣленнаго состава, такъ и при нѣсколькихъ цѣляхъ, одновременно насъ привлекающихъ, можно было бы впередъ сказать, которая потеряетъ для насъ привлекательность, которая останется въ формѣ отложеннаго желанія и которая вызоветъ немедленное, болѣе или менѣе энергическое, дѣйствіе. Такъ могутъ разсуждать тѣ, которые въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ видятъ дѣйствіе провидѣнія, ведущаго человѣка въ продолженіе всей его жизни къ опредѣленной цѣли. Такъ могутъ разсуждать поклонники безусловнаго духа, воплощеннаго въ исторіи человѣчества, для которыхъ каждая личность есть лишь органъ жизни этого духа, неспособный ни задержать, ни ускорить неизмѣнное теченіе его жизни. Такъ могутъ говорить матеріалисты, для которыхъ система чувствительныхъ нервовъ совершенно такъ же неизбѣжно вызываетъ сознательный рефлективный процессъ произвольныхъ дѣйствій, какъ безсознательный рефлексъ судороги, независимо оттого, что мы сознаемъ. Но всѣ эти рѣшенія вопроса, независимо отъ ихъ правильности или неправильности, суть рѣшенія *метафизическія*. Они берутъ фактъ не такъ, какъ мы его *воспринимаемъ*, а какъ мы его *строимъ* въ нашемъ представленіи [1]). Они отбрасываютъ ежедневное наблюденіе, чтобы «искать въ недоступной намъ области» [2]). Намъ доступно лишь сознаніе *произвольнаго* поставленія цѣлей и произвольнаго выбора между побужденіями и между цѣлями, а вліяніе провидѣнія, жизнь безусловнаго духа, послѣдовательность рефлекса, вызваннаго сознаннымъ ощущеніемъ и оканчивающагося дѣйствіемъ, которое мы сознаемъ, какъ произвольное, для насъ недоступны. Аналогіи могутъ насъ склонить къ принятію того или другого воззрѣнія, но *научно* можно признать лишь актъ *сознанія произвольности* въ постановкѣ цѣлей, въ выборѣ между побужденіями и цѣлями, оставляя метафизикѣ вопросъ: призрачно это сознаніе, или нѣтъ. Когда же мы сказали *научно*, то мы можемъ

---

[1]) Точнѣе: метафизики не строятъ понятія о фактѣ на основаніи представленій о немъ, а подводятъ эти представленія подъ независимо отъ нихъ образованное понятіе.

[2]) Se proposer un lieu inaccessible, où l'on cherchera est toute l'histoire de la métaphysique. («Cours de philos. posit.», I, préface d'un disciple, XXVIII).

сказать и *позитивно*. Позитивная философія не имѣетъ права выкинуть изъ своего разсмотрѣнія фактъ, доступный всеобщему наблюденію, не имѣетъ права оставить фактъ, какъ онъ *воспринимается*, въ сторонѣ, чтобы искать ему объясненія въ недоступной области. Произвольный выборъ побужденій и цѣлей есть всеобщій (слѣдовательно, научный) фактъ субъективнаго наблюденія, и позитивизмъ *обязанъ* изучать связь побужденій съ дѣйствіями какъ произвольную, слѣдовательно, обязанъ допускать критику побужденій и цѣлей, какъ она представляется сознанію, т.-е. какъ критику для *произвольнаго выбора*. Только въ этой формѣ пониманіе практическаго процесса жизни соотвѣтствуетъ этому процессу такъ, какъ онъ воспринимается и какъ онъ можетъ быть воспринятъ. *Метафизически* можно разсматривать будущія дѣйствія личности и событія исторіи лишь какъ неизбѣжныя слѣдствія. *Позитивно* будущее человѣка и общества опредѣляется произвольнымъ выборомъ между побужденіями и цѣлями, при ограниченіи этого выбора условіями, насколько эти условія могутъ быть провѣрены наукою.

«Итакъ, научная критика въ практическихъ вопросахъ имѣетъ еще задачу, которая не существуетъ для теоретическихъ. *Будущее* дѣйствіе личности подвергается критикѣ не только какъ неизбѣжное, но какъ *возможное* и зависящее отъ *выбора*, желательное въ большей или меньшей степени, какъ имѣющее мѣсто въ классификаціи желательнаго и нежелательнаго по его нравственному *достоинству*. Итакъ, жизненный процессъ *требуетъ* своей особой субъктивной классификаціи побужденій, цѣлей и дѣйствій, какъ нравственно *лучшихъ* и нравственно *худшихъ*. Она неизбѣжно субъективна, потому что сознаніе нравственно-лучшаго и нравственно-худшаго доступно только отдѣльной личности. Ея задача вполнѣ научна или позитивна, потому что всякая личность столь же неизбѣжно прилагаетъ къ своимъ и чужимъ побужденіямъ, цѣлямъ и дѣйствіямъ категоріи нравственно-лучшаго и худшаго. Дѣло науки указать раціональныя основанія этой классификаціи, какъ въ химіи она классифицируетъ тѣла по ихъ сродству съ кислородомъ или водородомъ при данной температурѣ. Химикъ не знаетъ, почему, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, кислородъ отдѣляется отъ одного тѣла, чтобы соединиться съ другимъ, но, беря фактъ какъ есть, онъ опредѣляетъ, что при такихъ-то обстоятельствахъ произойдетъ опредѣленное замѣщеніе. Моралистъ не знаетъ, почему

изъ нѣсколькихъ побужденій, присутствующихъ въ нѣсколькихъ личностяхъ, въ одной изъ нихъ такое-то побужденіе обратится въ цѣль и въ дѣйствіе, а въ другой—другое, въ третьей же всѣ побужденія не вызовутъ никакого дѣйствія; но онъ классифицируетъ эти личности на основаніи ихъ способности подчиняться тѣмъ или другимъ побужденіямъ, ставить себѣ тѣ или другія цѣли, осуществить ихъ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ. Эту классификацію онъ можетъ произвести лишь на основаніи того самаго субъективнаго процесса, который, какъ убѣждаетъ всеобщее субъективное наблюденіе, сознается личностью, какъ побудительная причина выбора, на основаніи *нравственной оцѣнки*.

«Итакъ, въ *позитивизмѣ совершенно законно можетъ и долженъ быть употребленъ субъективный методъ для всѣхъ явленій*, подлежащихъ лишь субъективному, но общему наблюденію. Столь же законно позитивизмъ долженъ заключать субъективно-нравственную оцѣнку побужденій, цѣлей и дѣйствій, какъ возможныхъ для личности, но подлежащихъ произвольному выбору. На основаніи этой оцѣнки неизбѣжны для позитивизма оцѣнка общественныхъ формъ и указаніе основъ лучшаго общественнаго строя, желательнѣйшаго теченія событій исторіи. Нравственный судъ въ приложеніи къ личности, къ обществу, къ прошедшему и будущему въ исторіи есть всеобщій фактъ, который можно позитивно регулировать, но отрицать и выкинуть изъ числа фактовъ нельзя».

Перейдемъ теперь къ критическимъ замѣчаніямъ г. Михайловскаго [1]).

«По самому складу своего ума и согласно общему смыслу своей философіи исторіи, Ог. Контъ», говоритъ г. Михайловскій, «превосходно понялъ и оцѣнилъ значеніе исходныхъ теоретическихъ точекъ нѣкоторыхъ наличныхъ политическихъ и этическихъ теорій. Но затѣмъ концы этихъ теорій—поставляемыя ими себѣ цѣли и указываемыя ими для достиженія этихъ цѣлей средства—не такъ легко поддаются его анализу. Здѣсь оказывается слабая сторона ученія Ог. Конта, потому что само оно, собственно говоря, не имѣетъ конца. Дѣйствительно, голое положеніе: все совершается по извѣстнымъ законамъ,—не

---

[1]) *Ник. Михайловскій.* «Что такое прогрессъ?» Отеч. Записки. 1869 г. Сентябрь.

дастъ руководящаго принципа. Принявъ его въ основаніе, можно показать, по какимъ побужденіямъ предки наши поступали въ такомъ-то случаѣ такъ или иначе. Точно такъ же потомки наши, зная, что мы дѣйствуемъ подъ напоромъ тѣхъ или другихъ космическихъ и соціальныхъ условій, сумѣютъ связать эти условія съ свойствами нашей дѣятельности. Словомъ, отойдя на извѣстное историческое разстояніе отъ событій, можно, заручившись только однимъ принципомъ позитивизма и достаточнымъ количествомъ знаній, показать, какъ должны были дѣйствовать участники событій. Но дѣятели настоящаго времени изъ убѣжденія въ законосообразности явленій могутъ почерпнуть правила для самыхъ противоположныхъ практическихъ примѣненій, потому что убѣжденіе это не ставитъ цѣли, а даетъ возможность добиться цѣлей самыхъ разнообразныхъ. Съ перваго раза можетъ показаться, что основной принципъ позитивизма, напротивъ, долженъ устранять надежды добиться цѣлей, несогласныхъ съ извѣстными законами явленій общественной жизни. Но дѣло въ томъ, что явленія эти до такой степени сложны, что управляющіе ими законы могутъ комбинироваться весьма разнообразно, и среди этой запутанной сѣти могутъ быть преслѣдуемы самымъ позитивнымъ образомъ самыя разнообразныя цѣли. Поэтому всякая этико-политическая доктрина имѣетъ свой девизъ, которымъ, какъ цѣлью, суммируются практическіе мотивы; на знамени позитивизма такого девиза нѣтъ. *Его принципы чисто-научные, а не философскіе.* Позитивизмъ гордится тѣмъ, что въ немъ философія и наука сливаются въ одно цѣлое—и гордится совершенно справедливо. Не признавая за принципами позитивизма философскаго значенія, я разумѣю только, что онъ не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни. Принципъ законосообразности явленій чистъ и безупреченъ, какъ дѣва. Но, какъ дѣва, онъ можетъ остаться безплоднымъ, въ немъ самомъ нѣтъ оплодотворяющаго начала; какъ за дѣву, за него нельзя поручиться—въ чьи руки онъ попадетъ и что̀ дастъ человѣчеству. Ог. Контъ и самъ чувствовалъ это. «Надо тщательно стараться,—говоритъ онъ,—чтобы научное убѣжденіе въ подчиненности соціальныхъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ не выродилось въ систематическую наклонность къ фатализму и оптимизму, одинаково безнравственнымъ (dégradants) и опаснымъ, и потому только тѣ могутъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ» (Cours

de philos. pos., t. IV, 190). Но почему, съ точки зрѣнія позитивизма, фатализмъ и оптимизмъ безнравственны и опасны? «Не восхищаясь политическими фактами и не осуждая ихъ,—говоритъ Ог. Контъ —положительная соціологія, какъ и всѣ остальныя науки, видитъ въ нихъ только простые предметы наблюденія и разсматриваетъ каждое явленіе съ двоякой точки зрѣнія—его гармоніи съ сосуществующими фактами и его связи съ предшествующими и послѣдующими состояніями человѣческаго развитія» (Cours., IV, 293). Спрашивается, какъ связать это чисто-объективное отношеніе къ политическимъ фактамъ, во-первыхъ, съ неодобрительными отзывами о фатализмѣ и оптимизмѣ? Это просто политическіе факты, неподлежащіе осужденію съ точки зрѣнія позитивизма: они необходимо гармонируютъ съ фактами существующими и находятся въ связи съ фактами послѣдующими и предыдущими. Если скажутъ, что выраженіями «безнравственны и опасны» именно и опредѣляется связь фатализма и оптимизма съ послѣдующими фактами, то это значитъ только, что программа объективнаго отношенія къ политическимъ фактамъ неисполнима; что въ области явленій общественной жизни наблюденіе неизбѣжно до такой степени связано съ нравственной оцѣнкой, что «не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ» можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, а между тѣмъ позитивизмъ поставляетъ себѣ въ особенную заслугу употребленіе въ соціологіи метода объективнаго. Далѣе, если объктивный методъ вполнѣ соотвѣтствуетъ соціологическимъ изслѣдованіямъ, то зачѣмъ же при этомъ понадобился высокій нравственный уровень? Значитъ, одного убѣжденія въ законосообразности явленій мало. Прекрасно. Но чѣмъ выразится участіе высокаго нравственнаго уровня въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ? Очевидно, съ высоты этого уровня человѣкъ можетъ разглядѣть нѣчто, не поддающееся объективному изслѣдованію, которое одно признается законнымъ въ позитивизмѣ. Такимъ образомъ оказывается, что въ системѣ Ог. Конта чего-то недостаетъ, и чего-то весьма важнаго».

Отвѣчая на замѣчанія гг. П. Л. и Михайловскаго, я могу всего прежде сказать, что если въ позитивной системѣ Ог. Конта нельзя не замѣтить того весьма важнаго недостатка, что система эта не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни и потому можетъ раз-

суждать о человѣческой дѣятельности только съ объективной точки зрѣнія, т.-е. не имѣетъ никакого основанія для нравственной ея оцѣнки и является поэтому совершенно безплодною, то такая неполнота и происходящая изъ нея безплодность должны быть признаны однако-же не неизбѣжными послѣдствіями краеугольнаго основоначала позитивизма, обусловливающаго его научно-философское значеніе, но результатомъ недоразумѣнія, ошибки или непослѣдовательности основателя, который упустилъ изъ виду, что субъективная точка зрѣнія не только вполнѣ примиряется съ научнымъ методомъ, но представляется даже прямымъ и неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ, какъ приложеніе научнаго изслѣдованія къ побужденіямъ, цѣлямъ и дѣйствіямъ человѣческимъ, и установленію того раціональнаго основанія, которое должно послужить къ опредѣленію ихъ нравственной оцѣнки. Итакъ, недостатокъ позитивизма, заключающійся въ томъ, что онъ не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни, не только можетъ, но и долженъ быть устраненъ, потому что пропущенныя позитивизмомъ стороны жизни подлежатъ общему наблюденію и могутъ быть изслѣдуемы научно, если только позитивисты перестанутъ отвергать возможность строго-научнаго приложенія субъективной точки зрѣнія.

«Не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ возможно только тогда, когда мы не понимаемъ ихъ значенія», говоритъ г. Михайловскій; и позитивисты, конечно, ничего не могутъ возразить на это вѣрное замѣчаніе; но куда имъ дѣть восхищеніе и осужденіе—они рѣшительно не понимали. Г. Михайловскій показалъ ясно, что уже Ог. Контъ путался между отрицаніемъ восхищенія и осужденія съ одной стороны и требованіемъ высокаго нравственнаго уровня,—съ другой. По принципу, въ соціологіи Ог. Конта должны были имѣть мѣсто только понятія, соотвѣтствующія умозрительно-образованнымъ группамъ явленій, такія понятія, которыя по отвлеченности своей столько же не допускаютъ восхищенія и осужденія, сколько и всякое другое отвлеченное понятіе изъ области астрономіи, физики или химіи;—на самомъ дѣлѣ, соціологія, вмѣсто такихъ отвлеченныхъ положеній, представила у Ог. Конта рядъ положеній, относящихся къ конкретной группѣ явленій—къ человѣчеству, и, слѣдовательно, роковымъ образомъ вызывала восхищеніе и осужденіе, какъ прямое послѣдствіе пониманія. Позитивизму представляется такимъ обра-

зомъ прямой путь къ такой путаницѣ понятій, гдѣ безысходность можетъ не признаваться только или при крайнемъ недостаткѣ искренности или при отсутствіи пониманія. Въ какой мѣрѣ современные позитивисты не убереглись отъ опасностей, сопряженныхъ съ слѣдованіемъ по такому пути, это совершенно ясно будетъ обнаружено мною при разборѣ опыта конкретной классификаціи г. Вырубова. Спутанность понятій, въ которую попали позитивисты, окончательно затемнила, между прочимъ, значеніе объективной точки зрѣнія, и вліянію этой спутанности слѣдуетъ приписать, конечно, всѣ тѣ случаи, когда псевдо-объективное изложеніе, принимая позитивные аллюры, превращается въ нѣчто совершенно непотребное. Итакъ, у позитивистовъ не было отвѣта на критику, ставившую вопросъ объ его философскомъ значеніи и достоинствѣ ихъ міросозерцаній, и не было потому, что въ развитіи основоначалъ этого міросозерцанія была допущена непослѣдовательность, которую позитивисты не замѣчали и исправить которую они поэтому не могли. Только развитіе философской критики, также упущенное ими изъ виду, и болѣе широкое, чѣмъ какъ это принято у нихъ, пользованіе результатами современнаго философскаго и научнаго движенія могло привести позитивизмъ къ новому фазису его роста и дать ему основаніе для отвѣта на «проклятые вопросы». Теорія познаванія, это основаніе философской критики, выяснивъ процессъ образованія понятій, дала возможность открыть непослѣдовательность въ образованіи основного понятія абстрактной соціологіи и, въ то же время, установила принципъ антропологіи, какъ конкретной науки, и значеніе въ ней субъективной точки зрѣнія. Теперь ясно стало, что отрицаніе восхищенія и осужденія, высказанное Ог. Контомъ, должно быть отнесено не къ фактамъ, а къ *научнымъ фикціямъ*, какъ сказалъ бы Спенсеръ; къ фактамъ же, напротивъ того, всецѣло прилагается вопросъ о значеніи нравственнаго ихъ уровня, и эпитетъ «dégradant» или «élevé» неизбѣжно прилагается къ такой или иной ихъ оцѣнкѣ. И здѣсь, въ этой области конкретныхъ фактовъ, непремѣнно представляющихся намъ согласующимися или несогласующимися съ нашими побужденіями, цѣлями и дѣйствіями, мы и должны установить ту точку зрѣнія, которая представляла бы обоснованіе субъективнаго отношенія нашего къ конкретнымъ фактамъ на научномъ наблюденіи.

До какой степени спутываетъ позитивистовъ смѣшеніе абст-

рактной и конкретной точекъ зрѣнія въ приложеніи къ основной идеѣ соціологіи, видно между прочимъ и изъ того, что, очень близко подходя къ существеннѣйшему содержанію вопроса, онѣ не въ состояніи освободить его отъ вплетенныхъ въ него компликацій. Такъ, талантливѣйшій изъ современныхъ позитивистовъ, де-Витри, хотя и попадаетъ на мысль, что идея соціологіи Ог. Конта страдаетъ непослѣдовательностью, но однако-же не находитъ твердой опоры для формулированія строго-послѣдовательнаго опредѣленія этой абстрактной науки. Онъ говоритъ, что «научная строгость требовала бы, чтобы соціологія съ абстрактной точки зрѣнія была опредѣлена какъ общее изученіе статическихъ и динамическихъ условій общественной жизни» [1]), но не опредѣляетъ при этомъ, было ли бы такое изученіе изученіемъ абстрактнаго явленія общественности или только абстрактно-обработаннымъ изученіемъ конкретнаго явленія общественной жизни, образцы котораго даны, напримѣръ, Гэккелемъ въ его морфофилогеніи и физіофилогеніи. Но кромѣ этой неопредѣленности, самой по себѣ достаточной для отнятія у идеи де-Витри всякаго значенія, бросается въ глаза то, что де-Витри не останавливается на случайно мелькнувшей въ умѣ его мысли и немедленно возвращается къ соціологіи какъ изученію общественности человѣческой. Онъ дѣлаетъ это, какъ самъ говоритъ, «ради точности и пользы», которыя остаются, впрочемъ, совершенно загадочными. Будь де-Витри заурядный шаблонный позитивистъ, пережевывающій взглядъ Литтре́, не стоило бы вовсе и упоминать, конечно, о его ни къ какому результату не приведшей идеѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что де-Витри вовсе не заурядный позитивистъ, ему очевидно душно, тѣсно въ узкихъ рамкахъ традиціонныхъ схемъ, онъ ищетъ выхода, смутно тянется къ философской критикѣ, рвется на волю; но не находитъ выхода и желаемой воли потому, что для этого ему пришлось бы сдѣлать одному то, что сдѣлано было соединенными силами цѣлаго ряда тружениковъ, соединенными силами цѣлаго ряда талантливыхъ личностей, не замыкавшихся притомъ же такъ, какъ де-Витри, въ одну какую-нибудь литературу, но широко охватывавшихъ все поле европейской мысли. Де-Витри, къ несчастью для него, знакомъ только съ французскою литературой и хотя и цитируетъ Спенсера, ссылаясь на оригинальныя

[1]) Revue, 1875. Mai-Juin.

сочиненія, но только на тѣ, которыя переведены на французскій языкъ и которыя представляются ему еще новинкой, увлекающей до того, что, назвавъ Ляйэлля, Дарвина, Гексли, Тиндаля, онъ прибавляетъ: «и самъ Спенсеръ». Де-Витри при такихъ условіяхъ самымъ поразительнымъ образомъ доказываетъ крайнюю необходимость для позитивизма развить тѣ критическіе зачатки, которые положены были Ог. Контомъ и оставлены теперь въ такомъ пренебреженіи. Де-Витри жалуется на застой въ соціологіи со временъ Ог. Конта, прямо заявляетъ о взаимныхъ противорѣчіяхъ между сотрудниками «Обозрѣнія» по этому вопросу, выясняетъ значеніе ошибокъ самого Ог. Конта, и при всемъ этомъ самъ запутывается до послѣдней крайности и запутывается на такихъ вопросахъ, которые съ полною ясностью разрѣшаются при помощи философской критики. Такъ, самое опредѣленіе соціологіи, по поводу котораго онъ написалъ весьма хорошую статью, вводитъ его въ совершенно безвыходныя противорѣчія. На стр. 404 онъ опредѣляетъ ее какъ естественную исторію человѣческихъ обществъ и такимъ образомъ становится въ противорѣчіе съ послѣдовательнымъ и опредѣленнымъ подведеніемъ Ог. Контомъ всякой естественной исторіи подъ понятіе конкретной науки. Спохватываясь на стр. 173-й 2-го этюда, онъ утверждаетъ, что такое опредѣленіе возможно только какъ общій тезисъ, но что оно относится къ наукѣ конкретной. Остается, конечно, вопросъ, почему общіе тезисы могутъ быть нелѣпы, но вопроса этого не разрѣшаетъ, конечно, ни де-Витри, ни редакція.

Я уже имѣлъ случай пояснить, что ясное разграниченіе абстрактныхъ наукъ отъ конкретныхъ возможно установить только при помощи теоріи познаванія и опирающейся на нее философской критики, но для де-Витри и позитивистовъ представляется здѣсь нѣкоторое претковеніе въ видѣ олимпійскихъ череповъ Германіи: горечь не совсѣмъ понятная у философовъ. Точно Дюринги, Шпрингеры, Твестены, Ланге, Гёринги, эти труженики науки и мысли и почитатели Ог. Конта, могли дать поводъ такому горькому чувству? И что общаго между ними и тѣми, которые вызываютъ такое чувство?

Но если де-Витри, имѣющій возможность руководствоваться глубоко продуманнымъ основоначаломъ классификаціи Ог. Конта и замѣчающій непослѣдовательность въ приложеніи этого основоначала, примиряется съ этою непослѣдовательностью

ради какой-то «точности и пользы», то нельзя ожидать, конечно, чтобы руководительство основоначалами классификаціи менѣе совершенными могло привести къ правильной постановкѣ этого вопроса. Такъ, напримѣръ, спутанное основоначало классификаціи Спенсера, допускающее въ число абстрактныхъ наукъ только логику и математику, считающее физику и химію науками абстрактно-конкретными, а соціологію—наукою конкретною, не могло привести къ сколько-нибудь правильному взгляду на значеніе общаго понятія общественности и согласующемуся съ такимъ взглядомъ изслѣдованію явленій, относящихся къ жизни животныхъ. Человѣческая общественность, говоритъ Спенсеръ, «и по своей обширности, и по своей сложности, и по своей важности превосходитъ всѣ остальныя въ такой громадной степени, что дѣлаетъ ихъ сравнительно незаслуживающими вниманія, сравнительно незначительными, *почти* на столько незначительными, чтобы даже не упоминать о нихъ рядомъ съ нею» [1]). Мысль настолько же вѣрная по отношенію къ конкретной наукѣ, насколько относительно абстрактной она ложна.

Уже де-Витри замѣтилъ нѣкоторыя ошибки въ разработкѣ соціологіи, собственно антропо-соціологіи Ог. Конта, но критикъ, менѣе связанный чѣмъ де-Витри, пойдетъ, конечно, гораздо далѣе, и прямо потребуетъ переработки этой науки за-ново и привлечетъ къ этой переработкѣ результаты работъ не только «олимпійскихъ череповъ Германіи», но и мыслителей той націи, которую Контъ не считалъ еще годною внести свой вкладъ въ развитіе позитивизма и не включалъ въ число «noble élite de notre espèce». Требованіе переработки труда Конта за-ново не представится, конечно, преувеличеннымъ никому, кто обратилъ достодолжное вниманіе на то, что трудъ этотъ даетъ совершенно неопредѣленную идею абстрактно-конкретной науки и устанавливаетъ объективную точку зрѣнія, совершенно несогласующуюся со всѣмъ тѣмъ, что въ осуществленной Контомъ наукѣ есть конкретнаго. Но помимо этой шаткости метода, шаткости слишкомъ очевидной, положенія Конта, отдѣльно взятыя, какъ тезисы абстрактной ли или конкретной науки, требуютъ новой тщательной повѣрки для рѣшенія вопроса о томъ, могутъ ли они быть приняты, какъ вкладъ въ ту науку, къ которой относятся. Не входя въ спеціальное изслѣдованіе относящихся сюда

---

[1]) *Г. Спенсеръ*, Основанія соціологіи. 1876, т. I, гл. I.

вопросовъ,—изслѣдованіе, выходящее за предѣлы моей задачи, я могу замѣтить только попутно, что мыслитель, который, несмотря на свою близость къ Сенъ-Симону, не сумѣлъ оцѣнить значенія $^{24}/_{25}$ общественныхъ силъ, и, какъ замѣтилъ Дюрингъ, неумѣренно вдался въ «идеологію» [1]), врядъ ли можетъ быть разсматриваемъ какъ исчерпавшій изслѣдованіе области той науки, созданіе *идеи* которой навѣки останется его безсмертною заслугою.

Благодаря Конту, мы имѣемъ твердое убѣжденіе въ возможности разработки теоріи общественности на основаніяхъ научныхъ, и можемъ не терять надежды, что возможность эта станетъ скоро дѣйствительностью, и «искаженная наука», о которой говоритъ Ланге [2]), будетъ окончательно устранена; тогда и только тогда явится возможность удовлетворить *всѣмъ* требованіямъ, которыя такъ справедливо предъявляетъ позитивизму компетентная критика. Великая важность этихъ требованій самобытно истекаетъ изъ самыхъ основоначалъ позитивной системы, поставившей даже и во главѣ научныхъ изслѣдованій преобладаніе высшихъ интересовъ человѣчества. Этотъ кульминаціонный пунктъ внутренняго существеннаго достоинства научной философіи предполагаетъ однако-же всѣ предшествовавшія ступени развитія уже пройденными, т.-е. предполагаетъ высшую стадію развитія позитивизма уже достигнутою этимъ ученіемъ. Пока же оно твердо удерживаетъ за собою ту научную почву, которая служитъ ей гарантіей всѣхъ его великихъ завоеваній въ будущемъ, и постепенно подвигается къ проведенію своихъ основоначалъ по всѣмъ отдѣламъ общей совокупности знанія.

Какъ дополнительное поясненіе къ вопросамъ, разсмотрѣннымъ на предшествовавшихъ страницахъ, можетъ служить разборъ опыта классификаціи общаго землеизученія (пангеологіи), предложенной г. Вырубовымъ, о которомъ я имѣлъ уже случай сказать попутно нѣсколько словъ.

Опытъ, о которомъ я говорю, помѣщенъ въ 1-й книжкѣ «Revue» за 1867 годъ. Онъ носитъ заглавіе: Что такое геологія? (Qu'est ce que la géologie).

---

[1]) *E. Dühring*, Kritische Geschichte der National-ökonomie und des Socialismus. 1875. S. 256.

[2]) *F. A. Lange*, Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft. 3-e Aufl. 1875. I Kap.

Всего прежде сдѣлаемъ общій обзоръ его содержанія.

Чтобы обозначить предѣлы, въ которыхъ заключается геологія, и имѣть опредѣленное понятіе о вопросахъ, заключающихся въ этой области, г. Вырубовъ находитъ необходимымъ подвергнуть всего прежде общепринятое опредѣленіе науки анализу. Анализу этому предстоитъ рѣшить годность или негодность стараго опредѣленія и быть, въ послѣднемъ случаѣ, путеводною нитью для новаго болѣе научнаго и болѣе философскаго. Подъ геологіей подразумѣваютъ обыкновенно науку, изучающую земной шаръ какъ въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, такъ и въ тѣхъ, которыя соотвѣтствовали минувшимъ періодамъ его образованія. Одно это опредѣленіе даетъ уже понятіе о сложности задачи геологіи. Земная кора состоитъ изъ предметовъ весьма разнообразныхъ, и это разнообразіе, въ свою очередь, зависѣло отъ условій тоже очень разнообразныхъ. Съ перваго же взгляда на землю, какъ на предметъ изученія геологіи, представляются три группы аналогическихъ явленій, на которыя естественно распадается этотъ предметъ: 1) группа органическихъ остатковъ, находимыхъ въ земной корѣ, 2) группа минеральныхъ продуктовъ и 3) группа явленій, обусловливаемыхъ физическими свойствами воды, земли и атмосферы. Этимъ тремъ группамъ соотвѣтствуютъ три науки: 1) палеонтологія, 2) геогнозія и 3) физическая географія. Намъ предстоитъ разсмотрѣть каждую изъ этихъ наукъ отдѣльно.

1) *Палеонтологія*, по самому предмету своего изученія, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Къ первой относятся остатки растеній, ко второй—остатки животныхъ. Хотя растенія и животныя эти въ настоящее время и не существуютъ, тѣмъ не менѣе они составляютъ цѣпь развитія, не обрывающуюся тамъ, гдѣ обыкновенно назначается предѣлъ палеонтологіи, а, напротивъ, продолжающуюся далѣе и составляющую въ настоящее время предметъ двухъ наукъ: ботаники и зоологіи. Изъ этого видно, что первая часть палеонтологіи ничѣмъ существенно не отличается отъ ботаники, а вторая—отъ зоологіи. Ботаника же и зоологія суть, очевидно, конкретныя науки, подчиненныя законамъ біологіи и составляющія ея конкретный отдѣлъ. Такимъ образомъ, мы нашли ту абстрактную науку, съ которой мы должны связать палеонтологію въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ее какъ отдѣльную конкретную науку.

2) *Геогнозія* изучаетъ минералы и горныя породы, входящіе въ составъ земной коры. Сообразно съ тѣмъ, она и дѣлится обыкновенно на минералогію и собственно геогнозію. Не говоря уже о томъ, что раздѣленіе это произвольно, мы обратимъ вниманіе только на то, что точно такъ же, какъ ботаника и зоологія возможны, какъ науки, только въ подчиненіи ихъ біологіи, точно такъ же геогнозія не можетъ существовать независимо отъ химіи. Такъ какъ объ отношеніи минералогіи къ химіи было уже говорено прежде, то, я полагаю, читателю ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что геогнозія есть наука, составляющая конкретный отдѣлъ химіи.

3) *Физическая* географія изучаетъ форму земли, какъ небеснаго тѣла, явленія приливовъ и отливовъ, явленія атмосферическія и многія другія менѣе важныя, совершающіяся на сушѣ и на морѣ. Если мы остановимся только на первыхъ трехъ разрядахъ явленій, то замѣтимъ, что явленія приливовъ и отливовъ, находясь въ зависимости отъ тяготѣнія, относятся къ конкретной астрономіи, къ которой также слѣдуетъ отнести все то, что̀ касается изученія формы земли, какъ небеснаго тѣла. Что же касается метеорологіи, то явленія ея, представляя частные случаи дѣятельности законовъ физики (снѣгъ, дождь и пр.) и астрономіи (вѣтры, падающія звѣзды и пр.), должны быть отнесены частью къ конкретной физикѣ, частью къ конкретной астрономіи.

«Въ анализѣ этомъ прежде всего насъ поражаетъ то», говоритъ Вырубовъ, «что если геологія есть наука самостоятельная, то она не можетъ состоять изъ частей, столь различныхъ по своему основному характеру, каковы, какъ мы видимъ, составныя части геологіи. Какимъ образомъ установимъ мы науку, не лишенную единства и однородности, если въ распоряженіи нашемъ находятся отрывки отдѣльныхъ наукъ: отрывокъ конкретной біологіи, отрывокъ конкретной химіи, конкретной физики, конкретной астрономіи. Если возможно было слить всѣ эти разнохарактерные отрывки въ одну науку, то изъ этого слѣдовало бы заключить, что позитивная классификація не имѣетъ прочнаго основанія и что въ теоріи установленія наукъ лежитъ коренная ошибка.

«Какъ же выдти изъ этого затрудненія?

«Выходовъ тутъ два: можно или отрицать геологію, какъ науку, и тогда нѣтъ необходимости настаивать на единствѣ и

связи ея частей, или можно возвести геологію на степень науки, и тогда слѣдуетъ изслѣдовать ея связь съ основнымъ принципомъ положительной философіи, и дать ей опредѣленное мѣсто въ позитивной классификаціи. Оба эти рѣшенія вопроса одинаково вѣрны, и выборъ того и другого зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ. Первое рѣшеніе легче и проще второго, зато второе болѣе сообразно съ духомъ положительной философіи, болѣе соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ и даетъ такіе результаты, которые, гармонируя съ общимъ строемъ позитивной системы, дѣлаютъ для насъ еще яснѣе и очевиднѣе ея высокія философскія и научныя достоинства. Итакъ, займемся рѣшеніемъ этого второго вопроса.

«Если геологія есть наука конкретная—въ чемъ для читателя, я думаю, не существуетъ сомнѣнія—то съ какой же изъ абстрактныхъ наукъ слѣдуетъ связать ее? Разнохарактерность ея дѣлаетъ этотъ вопросъ не легкимъ, и для разрѣшенія его намъ слѣдуетъ руководствоваться той объективной точкой зрѣнія, которой постоянно держится позитивная философія. А съ этой точки зрѣнія предметъ геологіи представляется совершенно инымъ, чѣмъ съ точки зрѣнія субъективной: для человѣка земля есть міръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, міръ разнообразный, разнохарактерный, представляющій безконечное поле для изученія почти по всѣмъ отраслямъ наукъ; но этотъ же міръ, взятый какъ часть міра болѣе обширнаго, какъ часть познаваемой дѣйствительности, есть единица, индивидъ, отличающійся отъ прочихъ единицъ и индивидовъ, наполняющихъ пространство нѣкоторыми частными свойствами.

«Земля—планета. Это показываетъ уже, что существуетъ цѣлая группа небесныхъ тѣлъ, отличающихся отъ прочихъ извѣстными, опредѣленными свойствами, которыя присущи также и землѣ. Пользуясь терминомъ, очень часто употребляющимся въ конкретныхъ наукахъ, мы можемъ сказать, что планеты составляютъ родъ, къ которому и должна быть отнесена земля, какъ индивидъ. Но самая идея индивида предполагаетъ уже существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ болѣе частныхъ, чѣмъ свойства, одинаково принадлежащія всему роду. Остается только опредѣлить свойства эти изученіемъ даннаго индивида. Очевидно, однако же, что каковы бы ни были эти характеристическія черты индивида, какъ бы онѣ ни были сложны и разнообразны, изученіе ихъ, однако же, получитъ характеръ однород-

ности и единства, по той причинѣ, что всѣ эти частности будутъ связываться съ основными родовыми свойствами, которыя и опредѣляютъ общее значеніе и характеръ той конкретной науки, которая сложится изъ общей совокупности результатовъ изученія какъ родовыхъ, такъ и индивидуальныхъ свойствъ изучаемаго предмета, т.-е. земли. Общее значеніе и характеръ геологіи, слѣдовательно, опредѣляется тою точкою зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ землю какъ планету, какъ индивидъ небеснаго пространства. Излишне добавлять послѣ этого, что геологія, съ этой точки зрѣнія, есть *конкретная астрономія*.

«Сообразно такому понятію объ астрономіи», г. Вырубовъ пріурочиваетъ ее, во-1-хъ, къ абстрактной классификаціи и, во-2-хъ, классифицируетъ части ея въ рядъ, параллельный ряду этой послѣдней. «Рядъ, получаемый такимъ образомъ», говоритъ онъ, «тождественъ съ рядомъ абстрактныхъ наукъ... и если этотъ рядъ вѣренъ, то вѣренъ и онъ».

Чтобы оцѣнить значеніе опыта классификаціи г. Вырубова, припомнимъ всего прежде, что Ог. Контъ признавалъ только связь геологіи, какъ конкретной науки, со всею совокупностью наукъ абстрактныхъ, и понималъ эту связь, само собою разумѣется, какъ выраженіе зависимости конкретныхъ наукъ отъ абстрактнаго ряда [1]), но не обусловливалъ единства ея необходимостью пріуроченья ея къ какой-нибудь абстрактной наукѣ. Напротивъ того, мы знаемъ уже, что онъ противополагаетъ и взгляды и методы абстрактныхъ наукъ взглядамъ и методамъ наукъ конкретныхъ и на этомъ основаніи требуетъ отъ послѣднихъ непремѣнной одновременности изслѣдованія всѣхъ родовъ элементарныхъ явленій. Поэтому-то онъ и находитъ, что «если бы и было невозможно представить себѣ дѣйствительную (т.-е. неабстрактную) исторію человѣчества отрозненно отъ дѣйствительной исторіи земного шара, неизбѣжнаго театра его прогрессивной дѣятельности, въ высокой степени вліявшаго всѣми происходившими на немъ перемѣнами на ходъ событій человѣческой жизни, даже начиная съ того времени, когда физическія и химическія условія нашей планеты допускали возможность непрерывнаго существованія человѣка, то не менѣе вѣрно въ обратномъ смыслѣ, что всякая истинная исторія земли непре-

[1]) *Comte*, Cours., I, p. 58.

мѣнно требуетъ одновременнаго разсмотрѣнія, въ какомъ-либо объемѣ, исторіи человѣчества, по причинѣ могущественнаго воздѣйствія, непрестанно притомъ же возрастающаго, оказываемаго развитіемъ нашей дѣятельности во всѣ эпохи соціальной жизни на многоразличное измѣненіе общаго вида земной поверхности» [1]). Это соображеніе еще болѣе подтверждаетъ, что одновременность въ изслѣдованіи предмета со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія послѣдовательно даются абстрактными науками, составляетъ, съ несомнѣнно правильной точки зрѣнія Ог. Конта, единственное условіе, которое должна соблюсти конкретная наука. Можно заключить изъ этого, что единство конкретныхъ наукъ достаточно опредѣляется единствомъ ея предмета и нисколько не требуетъ спеціальнаго подчиненія ея какой-либо абстрактной наукѣ. Такое подчиненіе, въ данномъ случаѣ, превращая геологію въ конкретную астрономію, неизбѣжно установляетъ въ ней и преобладаніе астрономической точки зрѣнія, какъ то и явствуетъ изъ статьи г. Вырубова. Основная мысль этой статьи рѣзко противорѣчитъ основному принципу преобладанія той точки зрѣнія, которая была установлена Ог. Контомъ для всей системы. Что же касается внутренняго распредѣленія частей, слѣдующаго градаціи абстрактныхъ наукъ, то оно, съ одной стороны, противорѣчитъ принципу противоположности точекъ зрѣнія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, съ другой—неизбѣжно извращено преобладаніемъ астрономической точки зрѣнія, долженствующей гоняться за химерическою, какъ сказалъ бы Ог. Контъ, характеристикою земли, какъ индивида небеснаго пространства, и жертвовать этой химерѣ изученіемъ земли, какъ жилища человѣчества. Такимъ ли образомъ воспользуемся мы долею свободы при разработкѣ научныхъ вопросовъ, по отношенію къ ихъ назначенію, которое, по идеѣ Ог. Конта, всегда окончательно имѣетъ въ виду человѣчество? И не впадемъ ли мы въ сухое позитивное доктринерство, если, забывая о живой сторонѣ Контовскаго ученія, станемъ все подчинять идеѣ схематизма и распространять владычество этой идеи даже и тамъ, гдѣ его не допускалъ самъ Ог. Контъ?

И зачѣмъ это понадобилось г. Вырубову во что бы то ни стало, вопреки основоначаламъ учителя его Ог. Конта, пре-

---

[1]) Id. V, p 15.

вращать геологію въ конкретную астрономію, когда конкретная астрономія существуетъ уже самобытно и безыскусственно и блистательно развивается при помощи спектральнаго анализа, фотометріи, фотографіи и анализа метеоритовъ? И не для позитивиста должно быть, я полагаю, очевидно, что эта наука—реальная, а не фантастическая—охватываетъ и изслѣдованіе земли какъ небеснаго тѣла, и что въ этомъ отношеніи только землеизученіе, какъ часть конкретной астрономіи, подчиняется астрономической точкѣ зрѣнія. И если бы мы ограничились тѣмъ, что возвели часть эту въ самостоятельную науку, то тѣмъ показали бы только, что не видимъ никакого различія между изученіемъ земли и изученіемъ Марса, Сатурна и т. д., и, послѣдовательности ради, должны бы рядомъ съ геологіей поставить марсологію, сатурнологію и т. д. Ог. Контъ, какъ мы видѣли, не открываетъ путей для такихъ пустыхъ построеній, и послѣдовательность, которую онъ можетъ требовать, не водетъ въ безплодныя пустыни фиктивныхъ наукъ. Возводя геологію въ самостоятельную науку, мы, согласно основоначаламъ Ог. Конта, ни въ какомъ случаѣ не можемъ сдѣлать изъ нея мертворожденнаго дѣтища абстрактной астрономіи, а должны пріобрѣсти въ ней одинъ изъ элементовъ прямого основанія дѣятельности,—*мелочь*, которую только и позабылъ г. Вырубовъ.

Подвергнувъ критическому изслѣдованію рядъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію значенія соціологіи въ классификаціи Ог. Конта, я ничего не сказалъ еще о дѣлаемомъ имъ противопоставленіи преобладанія соціологіи преобладанію математики, и такимъ образомъ не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые введены Ог. Контомъ въ связь съ общимъ вопросомъ, мною теперь разбираемымъ.

Уже изъ первыхъ словъ, которыми начинаетъ Ог. Контъ опредѣленіе значенія математики въ позитивной классификаціи, можно заключить о томъ, что онъ считалъ значеніе это исключительнымъ. «При современномъ состояніи развитія нашихъ знаній», говоритъ онъ, «на математику слѣдуетъ смотрѣть не столько какъ на составную часть позитивной системы, сколько какъ на общую ея основу», такъ какъ, поясняетъ онъ далѣе, математика болѣе служитъ какъ методъ, нежели какъ ученіе (doctrine), и одна изъ частей ея можетъ быть разсматриваема какъ обширное распространеніе естественной логики на из-

вѣстную категорію дедукцій [1]). Общее это указаніе на особенности, присущія математикѣ, Ог. Контъ развиваетъ въ лекціи, спеціально посвященной «философскимъ разсужденіямъ объ общей совокупности математическихъ положеній» (Considérations philosophiques sur l'ensemble de la science mathématique). Охарактеризовавъ здѣсь математику какъ науку, имѣющую цѣлью опредѣленіе однѣхъ величинъ другими на основаніи точныхъ отношеній, между ними существующихъ, Ог. Контъ указываетъ на обширность цѣпи умственныхъ операцій (opérations intellectuelles), представляемыхъ этою наукою. «Умственныя операціи математики», говоритъ онъ, «могутъ очень усложниться разными причинами: введеніемъ дѣйствій посредствующихъ, необходимыхъ для связи неизвѣстныхъ величинъ съ величинами, измѣряемыми непосредственно, числомъ сосуществующихъ перемѣнныхъ въ предложенныхъ вопросахъ, и свойствомъ отношеній, которыя установляютъ между этими различными величинами разсматриваемыя явленія. Согласно такому опредѣленію, духъ математики заключается въ установленіи связи между всѣми величинами, представляемыми какимъ-либо явленіемъ, на тотъ конецъ, чтобы имѣть возможность выводить однѣ изъ этихъ величинъ изъ другихъ. Но, очевидно, не существуетъ явленія, которое могло бы не допускать такого рода соображеній; изъ чего вытекаетъ заключеніе о естественной неопредѣленности границъ области, подлежащей изслѣдованію математики, и даже логически строгая всеобщность этой науки».

«Предшествовавшія объясненія», говоритъ далѣе Ог. Контъ, продолжая характеризовать математику какъ науку, «выяснили вѣрность названія, придаваемаго разсматриваемой нами наукѣ. Это названіе, имѣющее въ настоящее время столь опредѣленное значеніе, само по себѣ просто значитъ «наука вообще». Такое названіе, строго точное для грековъ, у которыхъ не было другой дѣйствительной науки, могло быть сохранено и въ новѣйшее время только для охарактеризованія математики какъ науки по преимуществу (la science par excellence). Въ самомъ дѣлѣ, приведенное выше опредѣленіе, если выключить изъ него указаніе на точность, есть не что иное, какъ опредѣленіе всякой истинной науки, ибо не имѣетъ ли цѣлью всякая наука

[1]) *Comte*, Cours, I, p. 85—88.

опредѣленіе однихъ явленій другими при помощи отношеній, существующихъ между ними? Всякая наука заключается въ координаціи фактовъ; если бы различныя наблюденія были разрознены между собою, наука бы не существовала. Можно сказать даже, говоря вообще, что назначеніе науки существеннѣйшимъ образомъ заключается въ доставленіи возможности обходить прямое наблюденіе въ той мѣрѣ, какъ это допускается различными явленіями, и *выводитъ* изъ возможно меньшаго числа непосредственныхъ данныхъ возможно большее число результатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли дѣйствительное пользованіе открытыми между естественными явленіями отношеніями, какъ для дѣятельности, такъ и для умозрѣнія, именно въ этой возможности вывода? Такого рода изысканія входятъ въ область математики; но математика доводитъ ихъ насколько то возможно, до высочайшей степени точности какъ по отношенію количества, такъ и по отношенію качества. Такимъ образомъ, только при посредствѣ изученія математики возможно составить вѣрную и глубокую идею о томъ, что такое наука. *Единственно въ математикѣ только и слѣдуетъ искать точнаго познанія общаго метода, которымъ постоянно пользуется умъ человѣческій для всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканій*, ибо нигдѣ болѣе вопросы не разрѣшаются съ такою полнотою и нигдѣ дедукціи не ведутся такъ далеко съ такою степенью строгой точности. Въ математикѣ же умъ человѣческій далъ самое вѣское доказательство своей силы, такъ какъ разсматриваемыя здѣсь положенія представляютъ наивысшую степень отвлеченія во всей области позитивнаго знанія» [1]).

Что же касается опредѣленія «фактическихъ границъ математики», то, сохраняя ей, съ чисто логической точки зрѣнія, характеръ строго и необходимо всеобщій, Ог. Контъ ограничиваетъ ея фактическую область одними только явленіями неорганической физики только въ виду слабости нашего разума. Онъ полагаетъ, что «*въ смыслѣ общаго философскаго тезиса*», *нельзя не признавать подчиненности всѣхъ явленій самихъ по себѣ законамъ математики* (ce n'est pas néanmoins qu'on doive cesser de concevoir, en thèse philosophique générale, les phénomènes de tous les ordres comme necessairement soumis *par eux mêmes* à des lois mathématiques); но и необходимо знать въ то же

[1]) Id. I, p. 98—100.

время, что бо́льшая часть этихъ случаевъ подчиненія намъ останется навсегда неизвѣстною по причинѣ слишкомъ большой сложности явленій. «Принимая во вниманіе это условіе, надо согласиться, замѣчаетъ Ог. Контъ, что дѣйствительныя границы математики опредѣлены скорѣе слишкомъ широко, чѣмъ слишкомъ тѣсно. Сколь важно было наглядно показать строгую логическую всеобщность математики, столь же необходимо было указать на условія, ограничивающія для насъ ея дѣйствительную область. Эта предосторожность, по мнѣнію Ог. Конта, охраняетъ умъ человѣческій отъ уклоненія отъ истинно-научнаго направленія при изученіи наиболѣе сложныхъ явленій и не дозволяетъ ему увлекаться химерическими поисками невозможнаго совершенства».

«Такимъ образомъ», говоритъ Ог. Контъ, «при всемъ стараніи расширить, насколько то возможно, фактическую область математики, надо признать, что труднѣйшія науки обречены самою природою своею на то несовершенное состояніе, которое для другихъ наукъ подготовляетъ только возможность приложенія математическихъ теорій. Для наисложнѣйшихъ же явленій приходится намъ довольствоваться точнымъ изслѣдованіемъ ихъ происхожденія, установленіемъ общей связи между ними, опредѣленіемъ вліянія, оказываемаго главными дѣятелями и т. д., и отказаться отъ изученія ихъ съ точки зрѣнія колпчества и, слѣдовательно, оставить надежду на введеніе въ соотвѣтственныя науки той высокой степени совершенства обработки, которая можетъ быть введена въ изученіе явленій простѣйшихъ посредствомъ достодолжнаго приложенія математики,—приложенія, способствующаго приданію точности нашимъ знаніямъ и—что еще замѣчательнѣе—возвышающаго совершенство ихъ координаціи».

«Позитивная философія», заключаетъ Ог. Контъ, «складываться начала съ математики; отъ математики же получила она и *свой методъ*. Вслѣдствіе этого естественно представлялась необходимость попытокъ внесенія въ нѣкоторыя основныя науки математическаго духа въ гораздо высшей мѣрѣ, чѣмъ то допускало свойство изучаемыхъ этими науками явленій. Всякая наука, однако-же, развиваясь, вліяла на извѣстное измѣненіе общаго позитивнаго метода, сообразно со свойствами охватываемыхъ наукою этою явленій, и такимъ образомъ вырабатывала свой спеціальный характеръ. Только тогда, когда

характеръ этотъ окончательно опредѣлился, установилось вполнѣ опредѣленно разграниченіе ея отъ всѣхъ остальныхъ основныхъ наукъ» [1]).

Завершеніе общей характеристики математики является у Ог. Конта въ концѣ «Курса» при сопоставленіи математики съ соціологіею. Сравнивая философскія права математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ, Ог. Контъ снова указываетъ на важное значеніе математическаго метода, который, какъ говоритъ онъ, хотя и послужилъ *исходной точкой развитія истинно-научной логики*, но въ силу постоянно возрастающаго осложненія изучаемыхъ явленій, не могъ однако-же сохранить свое значеніе неизмѣнно и въ области высшихъ наукъ. По этой причинѣ, математика не располагаетъ средствами для достодолжнаго устраненія метафизическихъ воззрѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія. Крайняя легкость математическихъ дедукцій часто доходитъ до техническаго механизма и, по мнѣнію Ог. Конта, производитъ нерѣдко иллюзію по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, въ особенности же знанія естественныхъ явленій. По этой причинѣ математика можетъ возбуждать стремленія къ такимъ изысканіямъ, которыя несомнѣнно недоступны разуму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побуждать насъ отдавать предпочтеніе аргументаціи предъ наблюденіемъ. По этой же причинѣ математика оказывается до того безсильною при изученіи очень сложныхъ явленій, что ко многимъ изъ нихъ она вовсе не можетъ быть приложена. Что же касается единственнаго преимущества математики предъ другими науками,—преимущества, заключающагося въ томъ, что чрезвычайная простота ея предмета представляетъ громадныя удобства для развитія строгихъ дедукцій, то самая эта крайняя простота, по мнѣнію Ог. Конта, дозволяетъ опредѣлить и достаточно оцѣнить могущественнѣйшія изъ логическихъ пріемовъ, выработанныхъ математическимъ методомъ, только тогда, когда ихъ назначеніе будетъ указано высшими областями знанія [2]).

Внимательно слѣдя за ходомъ этого сужденія Ог. Конта, нельзя не замѣтить нѣкоторой непослѣдовательности, устраненіе которой тѣмъ болѣе необходимо, что, по смыслу постановки вопроса, существенно затронуто общее основоначальное

---

[1]) Id. I, p. 111—122.

[2]) Id. VI, p. 553 et suiv.

понятіе метода. Съ одной стороны, Ог. Контъ утверждаетъ, что только въ математикѣ слѣдуетъ искать точнаго познанія метода, которымъ постоянно пользуется умъ человѣческій для всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканій, что методъ математики представляетъ собою исходную точку развитія научной логики и что математика есть наука по преимуществу; съ другой— онъ заявляетъ, что математика не располагаетъ средствами для достодолжнаго устраненія метафизическихъ воззрѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, что она часто является причиной иллюзій по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, что она склонна побуждать насъ отдавать предпочтеніе аргументаціи предъ наблюденіемъ, и что *поэтому* математика оказывается безсильною при изученіи очень сложныхъ явленій. Такимъ образомъ, прежде столь желательное и только недостижимое приложеніе математики ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія является потомъ вредоноснымъ и нежелательнымъ [1]).

Противорѣчіе это, какъ легко понять, возникло у Ог. Конта исключительно вслѣдствіе отсутствія въ системѣ его разработанной теоріи познаванія; зачатки теоріи этой такъ слабы у Конта, что онъ оказывается совершенно безсильнымъ устранить эти противорѣчія. Я имѣлъ уже случай выяснить, что общій научный методъ дается теоріей познаванія, и что такой методъ не можетъ быть замѣненъ ни однимъ изъ частныхъ методовъ отдѣльныхъ наукъ. По этой причинѣ и не можетъ быть принято мнѣніе, что математика есть наука по преимуществу, и что она должна служить какъ бы идеаломъ для всѣхъ остальныхъ

---

[1]) Необходимо замѣтить, что первое изъ этихъ мнѣній высказано Ог. Контомъ въ I томѣ «Курса», а второе въ VI, т.-е. черезъ 12 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго. Значеніе этого промежутка времени для Ог. Конта заключается, по мнѣнію одного изъ современныхъ его послѣдователей, въ томъ, что «умъ Ог. Конта въ теченіе долгаго труда, вызваннаго обработкой «Курса», установился тверже на избранномъ пути, такъ что самъ Ог. Контъ, конечно, внесъ бы серьезныя измѣненія въ первыя главы если бы другія занятія не отвлекли его отъ его основного труда». (A.Nuytz, De l'espace. Revue. 1873. № 2). Нельзя не замѣтить при этомъ, что если читатель станетъ ждать серьезныхъ измѣненій, о которыхъ упоминаетъ авторъ, отъ самого автора, то скоро разочаруется. Взявшись «истолковать и пополнить понятія Ог. Конта о пространствѣ» (стр. 177), г. Нюи обнаруживаетъ только столь обычное у позитивистовъ невѣжество и самодовольствіе. Думая пополнить понятія Ог. Конта о пространствѣ, онъ не

наукъ. Отвергая такое мнѣніе, я отвергаю еще рѣшительнѣе мнѣніе противоположное, и не вижу никакого основанія для приписыванья математикѣ метафизическихъ тенденцій и еще менѣе могу оправдать предварительное предустановленіе границъ ея приложенія къ другимъ наукамъ. Въ философской системѣ, руководствующейся научной теоріей познаванія, не можетъ существовать ни приниманія частныхъ свойствъ отдѣльныхъ методовъ вмѣсто метода всеобщаго, ни опасеній относительно внесенія метафизической порчи однимъ частнымъ методомъ въ другой. Роль математики въ такой системѣ должна быть опредѣлена настолько ясно, чтобы существовала возможность извлечь изъ науки этой наибольшую долю пользы безъ необходимости произвольнаго ограниченія предѣловъ ея вліянія. Характеръ такой роли, какъ я уже и замѣтилъ мимоходомъ, имѣетъ свои особенности, опредѣленныя Ог. Контомъ не совсѣмъ вѣрно и въ дѣйствительности не ведущія къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя и могли явиться вслѣдствіе такого невѣрнаго опредѣленія.

Особенность математическихъ знаній заключается въ томъ, что они могутъ быть переносимы въ области другихъ наукъ. Математика не имѣетъ дѣла съ дѣйствительно-существующими, реальными объектами, но только съ комбинаціями изъ элементовъ, которые *хотя* и *заимствованы изъ дѣйствительности*, но переработаны мыслью такимъ образомъ, что въ качествѣ *математическихъ объектовъ* поставлены между всѣми человѣческими знаніями въ совершенно исключительное положеніе. Математика вращается исключительно въ мірѣ идеальномъ, и по*

ищетъ пополненій этихъ въ извѣстнѣйшихъ трудахъ философовъ и ученыхъ, а довольствуется исключительно своими собственными соображеніями; такъ, напр., онъ полагаетъ, что, сказавъ о пространствѣ въ себѣ, или какъ онъ будто бы остроумно выражается «de l'espace en soi, par soi, en lui, par lui, de lui...» (стр. 172), онъ уже исчерпалъ всѣ метафизическія воззрѣнія. О пространствѣ какъ формѣ мышленія во всей статьѣ нѣтъ ни слова. О богатой научной литературѣ, возникшей изъ дальнѣйшей разработки приложенія математическаго анализа къ понятію о пространствѣ,—работахъ Гаусса, Лобачевскаго, Бельграми, Римана, Розанеса, Гельмгольца и т. д.,—нѣтъ и малѣйшаго предчувствія... И опять все то же жалкое понятіе о философской критикѣ: «la philosophie positive», говоритъ авторъ, «ne se borne pas a ruiner les entités; aprés *ce role critique*, vient le role positif» (стр. 182). Очевидно однако-же, что даже и для такой критики авторъ вооруженъ далеко недостаточно.

этой причинѣ она не только не можетъ считаться наукою по преимуществу, но и вообще считается наукою совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ всѣ остальныя науки. Математика, какъ то доказываетъ исторія наукъ, заняла вполнѣ заслуживаемое ею почетное мѣсто въ ряду другихъ наукъ, потому что приложеніе ея къ этимъ наукамъ всегда было и есть чрезвычайно плодотворно. Служа въ обширнѣйшихъ размѣрахъ изслѣдованію дѣйствительности, математика является всего прежде не какъ наука, а какъ научное средство. Безъ *своего приложенія* математика остается только блестящимъ измышленіемъ. Высокое значеніе ея для познаванія, въ связи съ очевидною ясностью ея положеній, имѣло послѣдствіемъ своимъ то, что на нее стали смотрѣть какъ на образецъ всѣхъ остальныхъ наукъ, стараясь переработать ту или другую науку по этому образцу (примѣръ— психологія Гербарта). Отъ такого вреднаго вліянія математики на философское мышленіе спасаетъ убѣжденіе въ существенномъ отличіи ея отъ всѣхъ остальныхъ наукъ и совершенная невозможность разсматривать ее какъ идеалъ этихъ наукъ. Представленія входятъ въ математику въ такой малой мѣрѣ и претерпѣваютъ въ ней такую существенную переработку, что тѣ объекты математики, которые въ области этой науки соотвѣтствуютъ реальнымъ объектамъ другихъ наукъ, совершенно различны отъ этихъ послѣднихъ. Объекты эти не служатъ основаніемъ представленій, имѣющихъ принудительную обязательность для субъекта, но сами подчинены субъекту, измѣняющему ихъ согласно имѣющимся въ виду понятіямъ. Будучи по природѣ своей не реальны, являясь только продуктами мысли, математическіе объекты не могутъ находиться въ такомъ соотвѣтствіи къ реальнымъ объектамъ, въ какомъ находятся къ нимъ представленія, и имѣютъ только значеніе понятій. По этой причинѣ математическія положенія такъ недоступны всегда обыденному мышленію, постоянно безсознательно подсовывающему представленія вмѣсто понятій и упорно ищущему объекта каждому такому понятію, будь то даже понятіе о математической точкѣ.

Итакъ, математическія понятія, какъ и понятія всѣхъ вообще наукъ, суть логическіе идеалы, представить себѣ которые нѣтъ никакой возможности, и можно только мыслить какъ понятія. По этой причинѣ *точное знаніе въ математикѣ достигается не чрезъ наглядное построеніе, соотвѣтствующее изслѣдуемымъ*

понятіямъ, но, напротивъ того, чрезъ возведеніе условныхъ наглядныхъ представленій математическихъ объектовъ до чистоты и строгости понятій. Свойство математическихъ понятій обосновываетъ превосходство математики какъ науки надъ другими науками, ибо понятія, являясь въ другихъ наукахъ какъ необходимое зло, какъ отнятіе отъ объекта только нѣкоторыхъ отличительныхъ его признаковъ при игнорированіи остальныхъ, въ математикѣ исчерпываютъ вполнѣ мысленные математическіе объекты, насколько то необходимо для цѣлей этой науки. Единственный элементъ, не выражаемый математическимъ понятіемъ, есть элементъ величины; но элементъ этотъ съ точки зрѣнія математики безразличенъ, потому что математика изучаетъ отношенія между величинами, но не самыя величины. Все это легко доказываетъ, что перенесеніе математическаго метода и математическихъ знаній въ область другихъ наукъ или въ область философіи должно совершаться съ большою осмотрительностью и постояннымъ вниманіемъ къ идеальному характеру математики, не допускающему никакихъ аналогій съ другими областями человѣческаго знанія [1]).

Такимъ образомъ разрѣшаются замѣченныя выше противорѣчія во взглядѣ на математику Ог. Конта и регулируется отношеніе математики къ другимъ областямъ знанія, гдѣ она, какъ извѣстно, и нашла приложеніе гораздо болѣе обширное, чѣмъ то, которое опредѣлялъ ей Ог. Контъ. Приложеніе это, притомъ же, съ точки зрѣнія критическаго реализма, потеряло тотъ пошибъ наивнаго реализма, который ему былъ отчасти приданъ Контомъ, утверждавшимъ, что всѣ явленія сами по себѣ подчинены законамъ математики, но что большая сложность явленій часто препятствуетъ намъ познать и опредѣлить это подчиненіе. Не придавая объективнаго значенія закону и принимая его только какъ понятіе, критическій реализмъ видитъ въ математическомъ характерѣ того или другого закона только степень совершенства разработки этого понятія чрезъ приложеніе къ нему совершеннѣйшихъ изъ всѣхъ существующихъ въ распоряженіи человѣка понятій, и полагаетъ, что сложность явленій препятствуетъ не открытію будто бы присущаго имъ

[1]) См. C. Göring, System der Kritisch. Philosophie. I B. S. 260—262 Ср. *Baumann*, Philosophie als Orientirung über die Welt. Его-же: Die Lehren von Raum, Zeit und Mathematik. 1868.

подчиненія законамъ математики, но только успѣху такой обработки понятія, которая могла бы стать въ уровень съ чисто-идеальными понятіями математики.

Взглядъ критическаго реализма на математику, окончательно устраняя ту непослѣдовательность, которую я отмѣтилъ выше во взглядахъ Ог. Конта, еще разъ подтверждаетъ всю важность значенія теоріи познаванія въ научно-философской системѣ. Тогда какъ основатель позитивизма, чуждый основоначалъ, равно приложимыхъ ко всей системѣ и имѣющихъ общеруководящій характеръ, думалъ восполнить этотъ недостатокъ позитивнаго метода установленіемъ преобладанія одного изъ частныхъ методовъ отдѣльныхъ наукъ, критическій реализмъ, имѣя такое преобладаніе готовымъ въ основоначалахъ теоріи познаванія, оставляетъ методы отдѣльныхъ наукъ въ ихъ соотвѣтственныхъ областяхъ и сохраняетъ только, какъ и было уже объяснено, установленное Контомъ преобладаніе одной изъ точекъ зрѣнія,— преобладаніе, нисколько не спутывающее разъ установленнаго и выясненнаго понятія объ общемъ методѣ, дающемъ основанія для группировки представленій и образованія понятій всѣхъ вообще наукъ. Сходясь со взглядомъ Ог. Конта на особенное и исключительное положеніе математики въ системѣ, критическій реализмъ совершенно иначе опредѣляетъ эту особенность и, главнымъ образомъ, рѣшительно отвергаетъ все, что только есть у Конта некритическаго, впадающаго въ заблужденія наивнаго реализма, въ объективированіе понятій чрезъ смѣшеніе ихъ съ представленіями; критическій реализмъ постоянно выставляетъ на видъ значеніе понятій въ математикѣ и нашу роль при ихъ образованіи, не ограничивая при этомъ фактическаго приложенія матматики, онъ допускаетъ его во всѣхъ тѣхъ случаяхъ безъ исключенія, когда образованныя при помощи математики понятія удовлетворяютъ требованіямъ теоріи познаванія.

Итакъ, идеальный характеръ математики—вотъ та особенность, которая рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ наукъ и, слѣдовательно, открываетъ предъ нею и совершенно особенный по характеру путь развитія. Мы видѣли уже, что представленія поглощены въ математикѣ понятіями и что, вслѣдствіе того, математическіе объекты могутъ быть мыслимы только какъ понятія, т.-е. собственно говоря, суть образованныя нами понятія, условно называемыя объектами, но не имѣющія, подобно

объектамъ реальнымъ, по отношенію къ намъ, принудительной обязательности, т.-е. мы не подчиняемся имъ роковымъ образомъ, какъ подчиняемся представленіямъ внѣшняго міра, но строимъ и перестраиваемъ ихъ сообразно съ нашими цѣлями. Этотъ характеръ математическихъ объектовъ даетъ намъ возможность создавать по аналогіи новые объекты, опредѣлять ихъ свойства и развивать понятія объ отношеніи между ними, восходя такимъ образомъ къ такимъ высокимъ отвлеченіямъ, которыя въ области другихъ наукъ совершенно немыслимы. Систематическое осуществленіе такихъ идеальныхъ построеній, такъ богато разработанное въ новѣйшее время, служитъ нагляднѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ вѣрности критико-реалистическаго взгляда на математику, и потому я и считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о роли и значеніи, пріобрѣтенныхъ въ новѣйшее время такъ называемой *пангеометріей*.

Выше было замѣчено, что точное знаніе въ математикѣ достигается не чрезъ наглядное построеніе, соотвѣтствующее изслѣдуемымъ понятіямъ, но, напротивъ того, чрезъ возведеніе условныхъ наглядныхъ построеній математическихъ объектовъ до чистоты и строгости понятій. Мысль эта и была исходною точкою тѣхъ высоко-отвлеченныхъ понятій пангеометріи, о которыхъ я теперь намѣренъ говорить. Она проявилась въ скептическомъ отношеніи къ методу Евклида,—методу, въ которомъ совмѣщаемость соотвѣтствующихъ линій, угловъ, плоскостей, тѣлъ и т. д. имѣетъ значеніе основоначала. Всеобщность и необходимость этого основоначала долго была принимаема такъ, какъ принимается обыденнымъ мышленіемъ многое привычное, давно введенное въ практику и не провѣряемое. Но еще до проявленія скептицизма въ этомъ отношеніи замѣчено было, что основоначало совмѣщаемости содержало весьма важный недостатокъ, а именно невозможность приложенія его къ вопросамъ высшаго порядка, слишкомъ отвлеченнымъ для него по своему характеру. Возведеніе нагляднаго характера евклидовскаго метода до чистоты и строгости математическаго понятія стало такимъ образомъ на очередь въ извѣстный моментъ развитія математики, какъ науки, и, благодаря генію Декарта, осуществилось. Аналитическій методъ далъ возможность замѣнить наглядныя построенія, требуемыя основоначаломъ Евклида, чисто логическими операціями, и геометрическія изслѣдованія вступили

на новый путь,—путь, на которомъ были достигнуты такіе результаты, о которыхъ геніальный основатель аналитической геометріи не могъ и мечтать.

Пангеометрія есть результатъ, добытый творческою силою математиковъ, слѣдовавшихъ по этому чисто-отвлеченному пути. Очевидно поэтому, что наглядное построеніе ихъ аналитическихъ работъ лишаетъ эти работы главнаго достоинства и вноситъ въ нихъ нѣкоторую аляповатость, избѣжать которой нѣтъ никакой возможности. Въ общемъ и популярномъ этюдѣ, каковъ настоящій, мнѣ придется однако-же воспользоваться, насколько то возможно, наглядным построеніемъ, и потому, считая сдѣланную выше оговорку достаточною для устраненія недоразумѣнія, я попытаюсь дать читателю о вопросѣ этомъ хотя приблизительное понятіе. Само собою разумѣется, что нѣкоторые искусственные пріемы будутъ здѣсь совершенно необходимы и что читатель, безъ дальнѣйшихъ объясненій, сумѣетъ самъ опредѣлить условное ихъ значеніе.

Начнемъ съ того, что допустимъ существованіе одаренныхъ разумомъ существъ, способныхъ представлять себѣ пространство *не трехъ* измѣреній, подобно намъ, а только *двухъ*, т.-е. не способныхъ мыслить *объемъ*, а только *поверхность какой-либо одной формы*. Допуская ихъ существованіе, мы полагаемъ въ то же время, что они не способны воспринимать что-либо, находящееся внѣ той поверхности, въ формѣ которой они представляютъ себѣ пространство, что *всѣ* представленія ихъ строго обусловлены этою формою. Если такія существа выработаютъ свою геометрію, то, естественно, они припишутъ протяженію только два измѣренія и разовьютъ геометрію въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются ихъ представленіями.

Воображаемыя нами существа, очевидно, будутъ въ состояніи проводить въ своемъ поверхностнообразномъ пространствѣ *кратчайшія линіи* между двумя точками, но линіи эти не будутъ прямыми линіями въ нашемъ смыслѣ, но только *геодезическими* линіями той поверхности, въ которой существа наши представляютъ себѣ пространство. Наглядное представленіе о такихъ линіяхъ можетъ дать нить, *натянутая* по данной поверхности между какими-либо двумя ея точками. Такимъ образомъ, геодезическія линіи будутъ имѣть для воображаемыхъ нами существъ то самое значеніе, которое прямыя линіи имѣютъ для насъ.

Если допущенныя нами существа будутъ представлять себѣ *поверхность въ видѣ безконечной плоскости*, то они выработаютъ геометрію совершенно подобную нашей *планиметріи*. Это простѣйшій случай изъ всѣхъ, допускаемыхъ нашимъ предположеніемъ, и надъ нимъ, по очевидности его, мы останавливаться не станемъ.

Допустимъ теперь, что существа наши представляютъ себѣ пространство въ формѣ шаровой поверхности. Геодезическою линіею между двумя точками, при такомъ условіи, будетъ дуга большого круга, проходящаго чрезъ данныя точки. Окружность эта, сообразно положенію данныхъ точекъ, распадется, очевидно, на двѣ равныя или неравныя части. Въ обоихъ случаяхъ обѣ части окружности будутъ линіями геодезическими, но въ первомъ одна изъ нихъ будетъ кратчайшею изъ всѣхъ линій, возможныхъ между данными точками на шаровой поверхности, во второмъ, относящемся къ положенію точекъ на обоихъ концахъ діаметра большого круга, всѣ геодезическія линіи будутъ равны между собою, число ихъ будетъ безконечно и всѣ онѣ будутъ и кратчайшими разстояніями между данными точками. Такимъ образомъ, наша аксіома о томъ, что между двумя точками можетъ быть проведена только одна прямая линія, длина которой выражаетъ кратчайшее разстояніе между этими точками, не имѣетъ приложенія для допущенныхъ нами существъ. Что касается параллельныхъ линій, то сказанныя существа знать ихъ вовсе не будутъ, такъ какъ всѣ геодезическія линіи, т.-е. ихъ прямыя линіи, при достодолжномъ продолженіи должны необходимо пересѣчься. Сумма угловъ въ ихъ треугольникахъ всегда будетъ болѣе двухъ прямыхъ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше будутъ площади самыхъ треугольниковъ. По этой причинѣ идея геометрическаго подобія неравныхъ между собою однородныхъ фигуръ будетъ имъ чужда. Все это показываетъ, что геометрія предположенныхъ нами существъ будетъ основана на аксіомахъ весьма отличныхъ отъ нашихъ и, слѣдовательно, будетъ не похожа на нашу.

Но пойдемъ далѣе. Предположимъ, что подобныя же существа будутъ представлять себѣ пространство въ формѣ поверхности яйцевиднаго тѣла [1]). Между каждыми тремя точками

---

[1]) Само собою разумѣется, что всѣ нижеслѣдующія замѣчанія, имѣющія мѣсто по отношенію къ поверхности яйцевиднаго тѣла, не теряютъ своего значенія и по отношенію къ поверхности эллипсоида.

такой поверхности можно провести геодезическія линіи и построить треугольникъ. Сравнивая треугольники, построенные въ разныхъ мѣстахъ поверхности, мы легко можемъ убѣдиться, что такіе треугольники никогда не могутъ отвѣчать требованіямъ совмѣщаемости. Точно такъ же круги, очерченные равными радіусами въ разныхъ мѣстахъ яйцевидной поверхности, никогда не будутъ имѣть равныя окружности.

Теперь остается сдѣлать еще третье предположеніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ предположеніе это для читателей, незнакомыхъ съ высшею математикой, необходимо представить имъ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Сравнивая условіе совмѣщаемости фигуръ на шаровой поверхности съ совмѣщаемостью ихъ на поверхности яйцевиднаго тѣла, мы можемъ притти къ заключенію, что совмѣщаемость фигуръ представляетъ особенное геометрическое свойство поверхностей, составляющее принадлежность не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ изъ поверхностей. Условія, необходимыя для того, чтобы поверхность обладала этимъ важнымъ свойствомъ, заключаются въ постоянствѣ такъ называемой «*мѣры кривизны*» этихъ поверхностей [1]).

Мѣра кривизны, какъ доказалъ Гауссъ, не измѣняется у тѣхъ поверхностей, которыя могутъ быть свернуты безъ не-

---

[1]) «Для опредѣленія *мѣры кривизны* поверхности въ извѣстной ея точкѣ, будемъ представлять сферу, описанную изъ произвольнаго центра радіусомъ, равнымъ единицѣ, затѣмъ возьмемъ безконечно малый элементъ $d\sigma$ данной поверхности, на которомъ находится разсматриваемая точка, и изъ всѣхъ точекъ его контура проведемъ нормали къ данной поверхности постоянно въ одну сторону отъ нея; проведя радіусы сферы, параллельные этимъ нормалямъ, на поверхности ея опредѣлимъ элементъ $d\varepsilon$, соотвѣтствующій элементу $d\sigma$. По опредѣленію *Гаусса*, мѣра кривизны K поверхности въ извѣстной точкѣ выражается отношеніемъ соотвѣтственныхъ поверхностныхъ элементовъ $d\varepsilon$ и $d\sigma$ сферы съ радіусомъ, равнымъ единицѣ, и данной поверхности, т.-е. $K = \frac{d\varepsilon}{d\sigma}$». Это отношеніе очень удобно выражается при помощи радіусовъ кривизны главныхъ нормальныхъ сѣченій данной поверхности въ разсматриваемой на ней точкѣ. Пусть эти радіусы будутъ R_1 и R_2, тогда мѣра кривизны $K = \frac{1}{R_1 R_2}$, т.-е. мѣра кривизны въ какой-либо точкѣ поверхности равна единицѣ, дѣленной на произведеніе радіусовъ кривизны главныхъ нормальныхъ сѣченій для этой точки. (См. Дифф. Вычисл. *Тотгёнтера*, пер. В. Г. Имшенецкаго, 1873, стр. 103 и слѣд.).

обходимости сжиманія или растяженія какихъ-либо ихъ частей. Такимъ образомъ можемъ мы свернуть плоскость въ цилиндръ или конусъ, не измѣняя начерченныхъ на плоскости фигуръ. Понятно, что изъ этого слѣдуетъ полная аналогія основоначалъ геометріи на плоскости съ геометріею на поверхности цилиндра или конуса.

Теперь мы имѣемъ возможность сдѣлать третье предположеніе.

Предположимъ, что допущенныя нами существа представляютъ себѣ пространство въ видѣ сѣдлообразной поверхности постоянной кривизны, представляющей по формѣ прямую противоположность поверхности шара и потому названной итальянскимъ математикомъ *Бельтрами псевдо-сферическою поверхностью*. Геодезическія линіи на такой поверхности не будутъ смыкаться, подобно тому какъ онѣ смыкаются на поверхности шара или яйцевиднаго тѣла, но такъ же, какъ и на плоскости, могутъ быть продолжены до безконечности. По этой же причинѣ, кратчайшее разстояніе между двумя точками на псевдо-сферической поверхности такъ же, какъ и на плоскости, можетъ быть только одно. Что же касается теоріи параллельныхъ линій, то она на разсматриваемой поверхности не можетъ имѣть примѣненія, какъ то можно усмотрѣть изъ свойства геодезическихъ линій этой поверхности. Понятно, что хотя и возможны здѣсь геодезическія линіи, не пересѣкающіяся взаимно при безконечномъ продолженіи, но зато черезъ точку, взятую внѣ одной изъ линій, можно провести цѣлый пукъ такихъ не пересѣкающихся геодезическихъ линій.

Переходя теперь отъ поверхности (т.-е. пространства 2-хъ измѣреній) къ объему (т.-е. пространству 3-хъ измѣреній), мы можемъ обобщить изложенный выше взглядъ и сдѣлать заключеніе о возможности образованія понятія такого пространства 3-хъ измѣреній, которое, подобно поверхности, имѣетъ различную мѣру кривизны, начиная съ $+1$ до -1. Такимъ образомъ можетъ мыслиться, какъ понятіе, не только плоское пространство (съ мѣрою кривизны$=0$), но и неплоское (съ мѣрою кривизны отъ 0 до $+1$ и отъ 0 до -1). Понятно, что въ плоскомъ пространствѣ перемѣщеніе тѣлъ и совмѣщеніе ихъ въ томъ случаѣ, когда они тождественны, возможно; въ неплоскомъ же пространствѣ перемѣщеніе безъ измѣненія формъ тѣлъ невозможно, и совмѣщеніе, вообще говоря, также невозможно. Та-

кимъ образомъ Евклидова или наша геометрія имѣетъ значеніе только по отношенію къ плоскому пространству и представляется не болѣе какъ *частнымъ случаемъ* общей геометріи или *пангеометріи*.

Понятіе о пангеометріи будетъ однако-же неполно, если мы ограничимся только обобщеніемъ ея по отношенію къ мѣрѣ кривизны поверхностей и не обобщимъ ее по отношенію къ *числу протяженій*. Это обобщеніе, возводя идею геометріи до высочайшей степени отвлеченія, особенно ярко обнаруживаетъ идеальный характеръ даже и этой сравнительно конкретной части математики. Обобщеніе числа протяженій до такой степени отвлеченно, въ такой мѣрѣ далеко отходитъ отъ основныхъ представленій пространства, что представить его наглядно нѣтъ никакой возможности, и поэтому представляется неизбѣжная необходимость коснуться хоть вскользь того аналитическаго пріема, которымъ достигается сказанное обобщеніе. Основная идея аналитической геометріи заключается въ томъ, что всѣ геометрическія формы и положенія сводятся къ опредѣленію отношеній между «величинами» (линіями, углами, поверхностями, объемами). Это сведеніе формъ и положеній къ опредѣленію отношеній между величинами приводитъ къ возможности такихъ вычисленій, посредствомъ которыхъ всѣ геометрическія задачи рѣшаются, какъ и всѣ другія математическія задачи, въ которыхъ неизвѣстныя величины опредѣляются при помощи извѣстныхъ. Связь геометріи съ такого рода вычисленіями видна уже изъ того, что самыя аксіомы геометріи указываютъ на отношеніе между величинами математическихъ объектовъ; такъ, прямая линія разсматривается какъ *кратчайшее* разстояніе между двумя точками, параллельныя линіи на плоскости считаются несходящимися при томъ условіи, что, при пересѣченіи ея какою-либо прямою, углы противолежащіе, на крестъ лежащіе и соотвѣтственные должны быть *равны* и т. д. Опираясь на измѣренія (сравненіе) величинъ, аналитическая геометрія опредѣляетъ положеніе каждой данной точки чрезъ отнесеніе ея къ какой-либо опредѣленной пространственной схемѣ, предполагаемой постоянною. Такою схемою является въ аналитической геометріи система координатъ. Измѣреніемъ перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ данной точки на каждую изъ трехъ координатныхъ плоскостей, необходимыхъ при условіяхъ пространства 3-хъ измѣреній, вполнѣ опредѣляется положеніе

точки этой въ пространствѣ. Въ этой возможности опредѣленія точки посредствомъ уравненій x=a, y=b, z=c, и заключается математико-аналитическое свойство *нашего* пространства. Возможность эта позволяетъ увеличивать число измѣреній посредствомъ увеличенія числа уравненій, т.-е. совершенно независимо отъ нагляднаго построенія соотвѣтствующаго пространства,—построенія, очевидно, совершенно невозможнаго. Увеличивая такимъ образомъ число уравненій, мы можемъ выразить алгебраическими формулами пространства 4-хъ, 5-ти, 6-ти и т. д. до n измѣреній и построить понятіе, къ которому понятіе о нашемъ пространствѣ будетъ относиться какъ частный случай, или, выражась условными терминами, наша трехпротяженная многоразличность (dreifach ausgedehnte Mannigfaltigkeit) соотвѣтствуетъ *нашимъ* представленіямъ и сопоставляется въ понятіи со всѣми другими многоразличностями отъ 4 до n измѣреній. Идея эта, столь блистательно поясняющая идеальный характеръ математики, впервые была высказана Риманомъ въ сочиненіи, которое, по словамъ Либмана, дѣлаетъ эпо у въ развитіи математики [1]). Тезисъ Римана развивается столь же послѣдовательно и строго, какъ и всякій другой математическій тезисъ, и не можетъ возбуждать сомнѣній ни въ комъ, кто только знакомъ сколько-нибудь съ математическими отвлеченіями. Въ философскомъ отношеніи онъ имѣетъ громадную важность не только потому, что всесторонне развиваетъ математическую абстрактность и доводитъ ее до послѣднихъ предѣловъ, доступныхъ понятію, но еще и потому, что отымаетъ абсолютный характеръ у математическихъ положеній и съ яркою очевидностью низводитъ и ихъ на тотъ уровень, на которомъ стоятъ понятія всѣхъ остальныхъ наукъ,—уровень, свидѣтельствующій объ ихъ относительности, и яснѣе, чѣмъ во всякой другой наукѣ, опредѣляющій отрѣшенность понятій отъ прямого и непосредственнаго отношенія къ объекту и умозрительный характеръ ихъ образованія.

Значеніе пангеометріи по отношенію къ воззрѣніямъ Ог. Конта на математику заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она фактически опровергаетъ все то, что есть въ воззрѣ-

---

[1]) *E. Riemann*, Ueber die Hypothesen, welche die Geometrie zu Grunde liegen. (Abhandlungen, der Königl. Gesellschaft zu Göttingen. 1854. Band XIII).

ніяхъ этихъ родственнаго наивному реализму. Развивая, независимо отъ реальныхъ объектовъ, теоріи столь же послѣдовательныя и чуждыя противорѣчій, какъ и тѣ теоріи, которыя неразрывно связаны съ міромъ объективнымъ, пангеометрія обнаруживаетъ до очевидности, что математическіе законы не присущи реальной дѣйствительности, но точно такъ же, какъ и всѣ другіе законы, образуются познающимъ субъектомъ. И поскольку законы Евклида вѣрны по отношенію къ даннымъ реальнаго міра, постольку законы Лобачевскаго, Римана и Бельтрами вѣрны по отношенію къ условнымъ даннымъ, къ даннымъ вымысла. Такимъ образомъ обнаруживается, что сложность нѣкоторыхъ явленій вовсе не можетъ препятствовать открытію будто бы присущихъ имъ математическихъ свойствъ, но только представляется преградой такому образованію о нихъ понятія, которое могло бы быть поставлено на высоту совершенства и точности понятій математическихъ. Сами же математическія понятія, безъ возможности прямой связи съ представленіями, могутъ достигать такой высоко-отвлеченной степени развитія, которая не можетъ быть даже и мыслима въ связи съ какими бы то ни было явленіями объективнаго міра. Такимъ образомъ, пангеометрія ярко и рельефно характеризуетъ особенность математики, нѣсколько спутанно представлявшуюся Ог. Конту,—особенность, заключающуюся въ высочайшей идеальности, хотя и допускающей при извѣстныхъ условіяхъ самую широкую приложимость, но по природѣ своей заключающуюся не въ реальныхъ объектахъ, представляющую только способы для совершеннѣйшей разработки научныхъ понятій и могущей безотносительно комбинироваться въ отвлеченнѣйшія умозрѣнія.

«Всякое умозрѣніе становится мнимымъ», говоритъ Льюисъ, «если отбросить воспріятія и чувственный опытъ; но хотя упомянутыя геометрическія умозрѣнія имѣютъ не болѣе реальнаго значенія, чѣмъ призрачная Лапута (Свифта), однако за ними остается *умозрительное значеніе*, тѣмъ болѣе, что они служатъ косвенно опорой для опытнаго ученія. Гуэль, переводчикъ Лобачевскаго, замѣчаетъ: «они (умозрѣнія) обращаютъ въ химеру надежду многихъ, что Евклидова аксіома параллельныхъ линій можетъ быть доказана помимо опыта»—надежду очень сладкую для тѣхъ, которые жаждутъ *апріорныхъ* доказательствъ такъ сильно, что утверждаютъ, будто Евклидъ не доказалъ, что прямая можетъ вообще быть проведена.

«Увѣренность апріорной школы навѣрно должна колебаться, когда такой знаменитый мыслитель, какъ Гельмгольцъ, утверждаетъ, что геометрическія аксіомы не имѣютъ ни всеобщей, ни необходимой истинности, и ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть признаны за абсолютныя; когда геометры въ родѣ Гаусса, Лобачевскаго, Бельтрами и другихъ, строютъ такія параллельныя, которыя при продолженіи *должны* встрѣтиться; когда геометры, какъ Сольвестеръ и Клиффордъ, представляютъ геометрію о четырехъ измѣреніяхъ; когда, наконецъ, появляются серьезные трактаты, утверждающіе, что сумма угловъ въ треугольникѣ не необходимо равна двумъ прямымъ,—такое полное уклоненіе отъ первоначальныхъ основъ со стороны людей столь знаменитыхъ не можетъ быть оставлено безъ вниманія, какъ праздная игра извращеннаго остроумія. Оно требуетъ, наоборотъ, самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ возможно, что *этимъ путемъ выяснятся въ значительной степени начала достовѣрности въ математикѣ и другихъ областяхъ знанія*»[1]).

Послѣ изложенныхъ объясненій понятны станутъ причины какъ возникновенія въ сравнительно короткое время весьма богатой литературы разсмотрѣннаго нами вопроса, такъ и уча-

---

[1]) *Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ. 1876. Т. II, стр. 481—2. Не могу пройти молчаніемъ при этомъ случаѣ, что хотя я и цитирую сочиненіе Льюиса по русскому переводу, но я не могъ не перевести цитаты вторично съ этого же перевода, такъ какъ дословно слѣдовало бы цитировать такъ: «всякая *спекуляція* становится мнимой, если отбросить *интуицію* и чувственный опытъ; но хотя упомянутыя геометрическія *спекуляціи* имѣютъ не болѣе реальнаго значенія чѣмъ *фикціи Лапуты* (?), однако за ними остается спекулятивное значеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ служатъ опорой для опытной *доктрины*» и т. д. Но все это по крайней мѣрѣ можно еще понять; но какъ отнестись къ слѣдующему изрѣченію? «*Способы выраженія въ этомъ трактатѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность, но ея очевидно нѣтъ въ смыслѣ*». (Стр. 483). Не намекъ ли это на то, что весь переводъ Льюиса съ безчисленными спекуляціями, интуиціями, формулованіями, регулованіями, доктринами, проблемами, и т. д. заключаетъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность, лишающую переводъ смысла и наводящую на вопросы, которые, быть можетъ, кто-нибудь когда-нибудь и сдѣлаетъ. Не одинъ впрочемъ переводчикъ «Вопросовъ» Льюиса, но и очень многіе наши traduttori являются истыми traditori своихъ авторовъ. Съ легкой руки г. М. Антоновича (исковеркавшаго Уэвелля и Луи Блана) явленіе это стало обычнымъ. Нельзя не сознаться, что такой фактъ прискорбенъ, но надо признаться, что помочь ему мудрено.

стія въ литературѣ этой представителей почти всѣхъ *культурныхъ націй Европы* [1]).

Изслѣдовавъ основоначала, опредѣляющія соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы, я долженъ былъ по отношенію къ соціологіи и математикѣ зайти какъ бы нѣсколько далѣе предѣловъ, указываемыхъ такою задачей, по той причинѣ, что въ системѣ Ог. Конта обѣ названныя науки поставлены въ исключительное положеніе и, въ связи съ вопросомъ о характерѣ позитивнаго метода и преобладающей въ системѣ точкѣ зрѣнія, получаютъ вполнѣ основоначальное значеніе. Я показалъ уже, въ какой мѣрѣ можетъ быть оправдано такое исключительное значеніе соціологіи и математики, и

---

[1]) Главнѣйшія сочиненія, относящіяся вполнѣ или отчасти къ разработкѣ пангеометріи, суть слѣдующія:

Gauss, 2-er Abhandlung über die biquadratischen Reste (Gött. gel. Anz. 1816, 1822).

Sartorius von Waltershausen, Gauss zum Gedächtniss.

Briefwechsel von *Gauss* und *Sehumacher*. Th. II.

Bolyai's Werke. 1832. Appendix. (Итал. перев. въ Giorn. di Matem. 1868. T. II).

Лобачевскій, О началахъ геометріи («Казанск. Вѣстникъ», 1829 и 30, іюль и августъ). Новыя начала геометріи (Ученыя Записки. Казань. 1835, кн. III. 1836. кн. II и III. 1837, кн. I). Французскій переводъ Гуэля (Houel. 1866). Нѣмецк. перев. (1837, 40, 55).

Helmholtz, Ueber die thatsächlichen Grundlagen der Geometrie. (Heidelb. Jahrb. 1868, №№ 48, 47). Ueber den Ursprung und die Bedeutung der geometr. Axiomen. (Popul. wissensch. Vorträge. III Heft. 1876).

E. Beltrami, Saggio di interpretazione della geometria non Euclidea. 1868. Teoria fondamentale degli Spazij di curvatura costante. (Annali di Matem. Seria II. T. II. 1868).

J. C. Becker, Abhandlungen aus dem Grenzgebiete der Mathem. und Philosophie. 1870.

J. Rosanes, Ueber die neuesten Untersuchungen in Betreff unserer Anschauung von Raum. 1870. Ueber einen Satz aus der Analysis Situs. (Gött. Nachrichten. 1872. № 14).

Felix Klein, Ueber die sogenannte Nicht-Euklides'sche Geometrie. (Gött. Nachrichten. 1871. August).

Clebsch, Zur Theorie eines Raumes von n Dimensionen von S. *Lie in Christiania*. (Gött. Nachrichten, 1871, №№ 21 und 22).

Julius König in Pest., Ueber eine reale Abbildung der s. g. Nicht-Euklidischen Geometrie. (Ebenda, 1871, № 17).

J. Frischhauf, Absolute Geometrie nach Bolyai. 1872.

J. C. F. Zöllner, Ueber die Natur der Cometen. 1872. S. 299 und f.

Ernst Schering, Linien Flächen und höhere Gebilde in mehrfach aus-

опредѣлилъ смыслъ и границы ихъ отношенія къ общей совокупности наукъ. Теперь остается сказать лишь нѣсколько словъ о среднихъ отдѣлахъ Контовой абстрактной іерархіи,—астрономіи, физикѣ, химіи и біологіи,—лишенныхъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются оба крайніе отдѣла, и обладающихъ общимъ, очерченнымъ выше, характеромъ абстрактныхъ наукъ. Извѣстно, что изученіе явленій, составляющихъ предметъ только-что упомянутыхъ среднихъ четырехъ наукъ контовой іерархіи, сдѣлало со временъ Конта такой громадный шагъ впередъ, что изложеніе наукъ этихъ въ «Курсѣ» потеряло уже живое значеніе и сохранило одно только значеніе историческое. Я имѣлъ случай указать притомъ же, что Ог. Контъ допустилъ при обработкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ наукъ основоначальныя ошибки. Такъ, онъ вмѣсто абстрактной астрономіи далъ астрономію конкретную, какъ то и замѣчено было еще Миллемъ, который, кромѣ того, признавалъ, что обработка Контомъ химіи и біологіи стояла ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ уже въ эпоху своего появленія, а современно выходу въ свѣтъ трактата Милля, въ которомъ онъ дѣлаетъ это замѣчаніе (1865), и далеко позади того, что представляла тогда разработка этихъ наукъ. Если мы обратимъ вниманіе на законъ единства силъ, получившій въ настоящее время обширное развитіе, то, я полагаю, будемъ имѣть право примѣнить замѣчаніе Милля и къ трактату Конта о физикѣ. Такимъ образомъ Контово изложеніе всѣхъ четырехъ среднихъ наукъ его іерархіи можетъ

---

gedehnten Gaussischen und Riemannschen Räumen. (Gött. Nachrichten. 1873. № 2). Die Schwerkraft in mehrfach ausged. G. u. R. Räumen. (Ebenda. 1873. № 6).

R. Beez, Ueber das Krümmungsmaass von Mannigfaltigkeiten höherer Ordnung. (Mathem. Annalen. VII. 3).

Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ. 2 тома. (Оригиналъ, 1874 и 75 г. Русскій переводъ, 1875, 76 гг.).

G. Fresdorf, Ueber die Geometrie und die Potentialfunction in Gaussischen Rieman'schen R. 1875.

W. Tobias, Grenzen der Philosophie. 1875. Cap. II.

Funcke, Grundlagen der Raumwissenschaft. 1875.

O. Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit. 1876. S. 36 und f.

Riemann's, Gesammelte mathem. Werke. 1876.

P. Tannery. La Geometrie imaginaire et la notion d'espace, помѣщенной въ 11-ой книжкѣ философскаго журнала Рибо (Revue philosophique de la France et de l'etranger).

считаться лишеннымъ значенія для настоящаго времени и должно подлежать коренной переработкѣ. Объ этомъ, конечно, не станутъ спорить и позитивисты.

Какъ бы однако-же ни были важны эти измѣненія для каждой изъ отдѣльныхъ наукъ, можно, тѣмъ не менѣе, утверждать съ увѣренностью, что всѣ они нисколько не нарушаютъ тѣхъ основоначалъ, которыя были установлены ранѣе на основаніи предшествовавшаго опыта наукъ. Они не нарушаютъ, но подтверждаютъ эти основоначала, подкрѣпляютъ все, что до сихъ поръ было выработано наукою для философіи: понятія объ относительности знанія, явленіи, законѣ, причинности. Всѣ эти понятія тѣмъ болѣе находятъ опору въ наукахъ, чѣмъ болѣе науки прогрессируютъ и развиваются. Съ другой стороны, всѣ перевороты, совершившіеся въ нѣдрахъ отдѣльныхъ наукъ, нисколько не поколебали и тѣхъ основоначалъ классификаціи, которыя выработаны на основаніи правильно понятыхъ соотношеній между науками, каковы классификація абстрактныхъ наукъ Ог. Конта и части наукъ конкретныхъ Гэккеля. Все это представляется очевиднымъ и безспорнымъ, и развѣ только вопросъ о группировкѣ понятій въ самостоятельные научные отдѣлы можетъ сдѣлаться предметомъ разногласія между представителями научной философіи, такъ какъ такъ называемыя естественныя науки все болѣе и болѣе стремятся къ единству, и пограничныя линіи, ихъ раздѣляющія, все замѣтнѣе и замѣтнѣе стираются. Вопросъ этотъ не можетъ однако-же возбуждать, съ точки зрѣнія критическаго реализма, никакихъ серьезныхъ опасеній, какъ потому, что съ этой точки зрѣнія дѣленіе на группы понятій опредѣляется прежде всего не мнимою іерархизаціею объекта, а основоначаломъ цѣлесообразности установляемой высшими понятіями, такъ и потому, что іерархическій распорядокъ съ этой точки зрѣнія признается вопросомъ второстепеннымъ, такъ что если бы явленія физики, химіи и біологіи распредѣлились по двумъ группамъ или даже составили одну общую группу, то и тогда основоначала критической философіи не только ни мало не пострадали бы, но пріобрѣли бы только поводъ для новаго важнаго приложенія, ибо сказанное измѣненіе въ группировкѣ могло бы произойти только согласно съ основоначалами теоріи познаванія. Только такое измѣненіе въ научной области можетъ быть считаемо законосообразнымъ и прочнымъ; всѣ же произвольныя новшества, не могущія опи-

раться ни на какой высшій принципъ, неизбѣжно должны такъ же скоро исчезнуть, какъ появились. Мы можемъ утверждать такимъ образомъ, что систематизація знанія можетъ сохранять основоначала, разработанныя съ научно-философской точки зрѣнія и провѣренныя критикою; она не нуждается въ иномъ основоначалѣ и требуетъ только приложенія его съ безупречною послѣдовательностью.

Переходя теперь къ заключеніямъ изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ, я начну съ указанія на выясненную въ ней зависимость основоначала расчлененія общей совокупности положительнаго знанія отъ изслѣдованнаго въ предшествовавшей главѣ основоначала, опредѣляющаго характеръ научно-философской системы, какъ цѣлаго. Мы знаемъ уже, что это послѣднее установляется *критически* и придаетъ всей научно-философской системѣ *критическій характеръ*. Такимъ образомъ, расчлененіе общей совокупности научно-философскихъ знаній можетъ быть раціонально осуществлено только тогда, когда характеръ подлежащаго расчлененію матеріала уже опредѣленъ, и притомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ совершилось опредѣленіе этого характера. Изъ этого слѣдуетъ, что расчлененіе, классификація или іерархизація не имѣетъ того значенія, которое ей приписываютъ современные позитивисты: она не опредѣляетъ основного характера классифицируемаго знанія, но является моментомъ вторичнымъ, вполнѣ зависящимъ отъ основоначалъ, стоящихъ во главѣ философской системы и прилагаемыхъ ко всѣмъ безъ исключенія научно-философскимъ вопросамъ.

Основоначала, стоящія во главѣ системы, вырабатываются, какъ мы знаемъ уже, теоріей познаванія. Руководя накопленіемъ представленій и группировкою ихъ, она приводитъ къ правильному образованію понятій и даетъ совершенно надежное орудіе для выработки матеріала, изъ котораго слагается содержаніе всѣхъ положительныхъ наукъ. Она учитъ, что одни только представленія имѣютъ непосредственное отношеніе къ объектамъ, и ясно опредѣляетъ посредствующее и общее значенія понятій. Предотвращая такимъ образомъ обычное въ обыденномъ мышленіи явленіе смѣшенія представленій и понятій и не допуская объективированія этихъ послѣднихъ, теорія познаванія устраняетъ принимаемое Литтрѐ основаніе для установленія группъ понятій—іерархизацію объекта—и обусловливаетъ уста-

новленіе научныхъ группъ цѣлями субъекта. Такимъ образомъ и осуществляется фактически методологическое значеніе теоріи познаванія и въ то же время опредѣляются особенности основоначала классификаціи наукъ, сводящагося къ такой группировкѣ образованныхъ уже понятій, которая, не вліяя на ихъ научное достоинство, установляетъ между ними такія соотношенія и связь, которыя наиболѣе согласуются, какъ съ присущимъ имъ характеромъ, такъ и съ дидактическими условіями изложенія.

Относясь къ понятіямъ, какъ къ элементамъ, научное достоинство и характеръ которыхъ опредѣлены уже философскою критикою, опирающеюся на основоначала теоріи познаванія, мы можемъ распредѣлить ихъ на группы сообразно связи разсматриваемыхъ понятій съ представленіями, снятыми съ опредѣленныхъ конкретныхъ группъ, или съ болѣе общими понятіями, которыя могутъ быть поставлены, какъ центры новыхъ умозрительныхъ группъ. Такъ, мы можемъ взять конкретную группу явленій звѣзднаго неба и ввести въ общую связь всѣ образованныя о ней понятія, или, взявъ самое общее понятіе, доставленное изслѣдованіемъ этой группы—явленіе тяготѣнія—поставить его центромъ умозрительной группы понятій, къ нему относящихся. Въ первомъ случаѣ мы строимъ конкретную, во второмъ—абстрактную или философскую науку. Но, понятно, оба рода этихъ наукъ будутъ допускать еще высшія обобщенія, такъ какъ объектомъ конкретной науки, такъ же, какъ и объектомъ науки абстрактной, можетъ быть взятъ *міръ какъ цѣлое*. Такимъ образомъ, совокупность понятій, соотвѣтствующихъ конкретнымъ группамъ міровыхъ явленій, представитъ данныя для образованія *конкретной науки о мірѣ—космологіи*, а совокупность умозрительныхъ группъ понятій поведетъ къ образованію новой умозрительной группы, которая и составитъ предметъ абстрактной науки о мірѣ или *философіи въ тѣсномъ смыслѣ*.

Выдѣливъ послѣднюю, какъ охарактеризованную уже въ предшествовавшей главѣ, и ограничивъ затѣмъ разсмотрѣніе только тѣхъ абстрактныхъ группъ, которыя служатъ ей подготовленіемъ, мы можемъ распредѣлить всѣ абстрактныя понятія между науками такъ, чтобы центральныя понятія группъ относились къ основнымъ свойствамъ объекта и находились между собою въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ и живой связи. Осуществленіе этой идеи, по Ог. Конту, есть расположеніе абстрактныхъ

наукъ по степени возрастанія сложности входящихъ въ нихъ понятій и выясненіе происходящей отъ такого расположенія взаимной зависимости между науками,—зависимости, заключающейся въ оказываніи помощи менѣе сложными болѣе сложнымъ и воздѣйствіи понятій болѣе сложныхъ на простѣйшія.

Останется затѣмъ разработать и классификацію конкретныхъ наукъ, т.-е. рѣшить задачу, не тронутую Ог. Контомъ, утверждавшимъ, что такая классификація была въ его время еще невозможна по совершенной неподготовленности необходимыхъ для нея данныхъ. Изъ двухъ попытокъ, сдѣланныхъ для рѣшенія задачи этой въ настоящее время, попытка классификаціи, копирующая классификацію абстрактную, оказывается противорѣчащею и идеямъ Ог. Конта, и свойству самыхъ наукъ, построенныхъ на принципѣ, не могущемъ быть отождествленнымъ съ принципомъ абстрактныхъ наукъ; и затѣмъ наиболѣе удовлетворительнымъ рѣшеніемъ остается попытка философской разработки конкретныхъ наукъ, т.-е. сохраненіе основной конкретной группы и расчлененіе общей совокупности соотвѣтствующихъ ей понятій соотвѣтственно не конкретнымъ же частнымъ группамъ, но цѣлесообразно избраннымъ понятіямъ. Такимъ образомъ, организуется новый родъ конкретно-абстрактныхъ наукъ или философій конкретныхъ наукъ, и чисто конкретныя или собственно описательныя науки выдѣляются въ особую большую группу, опыта классификаціи которой, сколько-нибудь согласующейся съ основоначалами научной философіи, еще до сихъ поръ сдѣлано не было.

Отсутствіе такого опыта теряетъ, впрочемъ, свою важность въ виду того обстоятельства, что философская разработка конкретныхъ наукъ можетъ, очевидно, вполнѣ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя, согласно указаніямъ Ог. Конта, мы можемъ предъявить конкретнымъ наукамъ и къ выясненію которыхъ ведетъ и критическое изслѣдованіе послѣдовательности осуществленія основоначала классификаціи наукъ абстрактныхъ. Конкретныя науки, какъ основаніе прямого дѣйствія, справедливо противопоставляются Ог. Контомъ наукамъ абстрактнымъ, служащимъ исключительно цѣлямъ чистаго знанія, и точка зрѣнія конкретныхъ наукъ противополагается поэтому точкѣ зрѣнія наукъ абстрактныхъ. Во-первыхъ, она дается наукою о человѣкѣ, антропологіею, она субъективна; во-вторыхъ—она, насколько возможно, объективна. Это противопоставленіе,

вполнѣ согласующееся съ установленнымъ Ог. Контомъ преобладаніемъ въ его системѣ соціологіи, окончательно достигается исправленіемъ непослѣдовательности, допущенной имъ при установленіи этой послѣдней науки, и получаетъ теперь полную ясность и опредѣленность, благодаря обнаруженію противорѣчій нѣкоторыхъ воззрѣній Ог. Конта и научному опредѣленію значенія субъективной точки зрѣнія въ наукѣ, т.-е. такимъ разъясненіямъ, которыя, поколебавъ позитивную классификацію въ той формѣ, въ которой она была осуществлена Ог. Контомъ, привели ее къ новой, вполнѣ оправдываемой основоначалами критическаго реализма.

Въ этой новой формѣ абстрактной классификаціи, соціологія перестаетъ изучать явленія конкретной группы—человѣчества, т.-е. перестаетъ быть отдѣломъ конкретной науки о человѣкѣ, а, согласно смыслу основоначала классификаціи, превращается въ чисто абстрактную науку общественности. Конкретная же наука о человѣкѣ, антропологія, вмѣстѣ съ подчиненнымъ ей отдѣломъ антропосоціологіи, является на своемъ мѣстѣ въ ряду конкретныхъ наукъ, установляетъ въ средѣ ихъ руководящее значеніе субъективной точки зрѣнія и даетъ совершенно готовое основаніе для теоріи прямого дѣйствія или теоріи искусства, какъ его также называлъ Ог. Контъ, т.-е. для практической философіи.

Подготовленная такою разработкою своихъ основаній, практическая философія можетъ, наконецъ, стать на твердую почву и, по выходѣ научной философіи изъ того фазиса развитія, въ которомъ осуществленіе такой философіи, вслѣдствіе примѣшавшихся къ приложенію основоначалъ запутанностей, было невозможно пойти твердымъ и прямымъ путемъ къ созданію такихъ принциповъ, которые бы дѣйствительно отвѣчали идеѣ Ог. Конта и могли бы служить фактически благу человѣчества.

Преобразованный въ духѣ критицизма и достигшій полной зрѣлости позитивизмъ, переходя въ *критическій реализмъ*, становится истиннымъ представителемъ такой *научной философіи*, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ современному развитію науки и обладаетъ всѣми средствами для полнаго осуществленія и яснаго формулированія своихъ широко-гуманистическихъ стремленій. Сохраняя многія черты, опредѣленныя Ог. Контомъ съ полною удовлетворительностью, эта новая научная философія перерабатываетъ нѣкоторыя изъ его основоначалъ и

при посредствѣ теоріи познаванія лишаетъ ихъ отпечатка личныхъ стремленій основателя и всѣхъ произвольно навязанныхъ ей особенностей, которыя, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, ставили позитивизмъ ниже нормальнаго уровня научной философіи и препятствовали усвоенію его тѣми личностями, которыя высоко цѣнили въ немъ значеніе научно-философскаго принципа [1]).

Философія и характеръ мышленія, ею обусловливаемый, пригодны, какъ было уже пояснено, не только къ занятію отвлеченными или спеціальными вопросами, но по необходимому самой природѣ ихъ присущему свойству воздѣйствуютъ на весь строй умственной дѣятельности, а чрезъ нея и на всю дѣятельность практическую. Очевидно, что въ теченіе всей жизни нашей мы подчиняемся вліянію составленныхъ нами общихъ, руководящихъ, т.-е. философскихъ понятій, и болѣе или менѣе, сознавая это подчиненіе, только благодаря ему, находимъ возможность приходить къ тому или иному рѣшенію всѣхъ встрѣчающихся намъ въ жизни вопросовъ, не исключая и самыхъ отдаленныхъ отъ умозрѣнія, самыхъ повседневныхъ. Если

---

[1]) «Le positivisme est une forme de l'esprit scientifique moderne, mais il n'en est qu'une forme particulière; il n'est qu'un flot de ce grand courant; il est une espèce dans le genre. Tout ce que l'esprit scientifique suppose est dans le positivisme, mais avec quelque chose en plus, ce sont ces principes fondamentaux qui constituent le *credo* de l'Ecole. Entre l'esprit positif et le positivisme, nous trouvons pour notre part autant de différence qu'entre l'esprit philosophique et la philosophie, c'est à dire ce qui demeure et ce qui passe. Mais comme le positivisme est très-catégorique dans ses négations, très-arrêté dans ses dogmes, très-net dans ses formules, il impose plus aux esprits que la méthode moins affirmative de l'esprit purement scientifique». (*Th. Ribot*, La psychologie anglaise contemporaine. 1875, p. 102) «Vous prenez la méthode de votre propre doctrine à rebours», говоритъ *Дюранъ де-Гро*, обращаясь къ Литтрѣ и Робену, «et quand l'un d'entre vous (le docteur *L. A. Segond*) voyant qu'on s'égare, veut vous remettre dans le bon chemin, vous vous avisez de le tancer, et, pour le convaincre d'erreur, vous forgez de toutes pièces une nouvelle absurdité, qui surpasse toutes les autres! Vous nous ôtez jusqu'à la consolation de présumer votre bonne foi: non, ce n'est pas la logique, pour laquelle vous êtes si barbares, dont le souci vous tourmente... Non, ce n'est point la renommée de Bichat, de ses contemporains et de ses successeurs qui vous tient à coeur, et dont le soin vous met l'amertume dans la bouche, non, pas plus le soin de Bichat que le soin de la logique, *mais le soin de vorte infaillibilité*, ô pontifes!» *Durand* (de Gros), Essais de physiologie philosophique. 1866. p. 254—5.

только такое общее значеніе философскихъ понятій въ жизни вѣрно—а кто изъ мыслящихъ людей усомнится въ томъ?—если ей обязаны мы возможностью не оставаться безъ руководящихъ убѣжденій, то имѣемъ ли мы разумное основаніе отворачиваться отъ той философіи, которая, избравъ своимъ основаніемъ науку, стремится къ освобожденію насъ отъ всякой лжи, и на мѣсто призраковъ обыденнаго мышленія и марева метафизики ставитъ цѣлью изученія одну только дѣйствительность и работаетъ неустанно для установленія полной и широко независимой истины, свѣтлаго и глубокаго знанія, *правильныхъ* убѣжденій, долженствующихъ очистить нашу мысль и нашу жизнь и поднять насъ на высшую степень умственнаго и нравственнаго развитія [1]).

1876 г.

Издано отдѣльной книгой.

---

[1]) Листъ этотъ былъ уже набранъ, когда я получилъ только что вышедшую въ Лейпцигѣ 1-ю книжку органа представителей научной философіи въ Германіи (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie unter Mitwirkung von *C. Göring*, *M. Heinze*, *W. Wundt*, herausgegeben von *R. Avenarius*). Не имѣя возможности ознакомить читателей моего этюда съ этимъ новымъ и важнымъ явленіемъ современной философской литературы, я не могу пройти однако-же молчаніемъ того, что постоянными сотрудниками или, точнѣе, соредакторами этого журнала поименованы *К. Гёрингъ*, Вундтъ и Гейнце (извѣстный своею превосходною монографіею: «Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie» и въ настоящее время перерабатывающій «Курсъ исторіи философіи» Ибервега). Разработка научной философіи находится, такимъ образомъ, въ надежныхъ рукахъ, и неудачная пѣсня нео-позитивистовъ можетъ считаться окончательно спѣтою.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить слѣдующія двѣ новыя книги по научной философіи: 1) C. Göring. Ueber die menschliche Freiheit und Zurechnugsfähigkeit. Eine kritische Untersuchung, и 2) R. Avenarius, Philosophie als Denken der Wel. gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmassen. Prolegomeno zu einer Kritik der reinen Erfahrung.

ПИСЬМА О НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ [1]).

Общій характеръ современной нѣмецкой философіи. Ново-Кантіанское и ново-критическое направленіе ея, К. Гёрингъ и его «Система критической философіи». Риль и Авенаріусъ. Новокритическая нѣмецкая школа какъ представительница современнаго фазиса научной философіи. Значеніе Т. Рибо для научной философіи. Его сочиненія. Отношеніе автора къ позитивизму и научной философіи. Задача и цѣль его писемъ.

Нѣмецкая философія съ давнихъ временъ стяжала себѣ репутацію философіи туманной, заоблачной, вѣчно-витающей въ той сферѣ, которую сами нѣмцы насмѣшливо прозвали Wolkenkukusheim'омъ. Общеизвѣстенъ, въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что самое видное мѣсто и самая громкая извѣстность въ теченіе времени, пережитого цѣлымъ рядомъ поколѣній, принадлежала философіи *умозрительной* (спекулятивной) или, какъ у насъ чаще ее называютъ, *метафизической*. Но если метафизика играла такъ долго въ Германіи первую роль, то это не можетъ еще служить основаніемъ для игнорированія другихъ философскихъ направленій въ этой странѣ,—направленій, хотя и не столь громкихъ, какъ метафизическія, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе важныхъ, и не можетъ оправдывать взгляда, признающаго *всю* нѣмецкую философію однородною, равномѣрно-проникнутою метафизическими принципами. Такое понятіе о нѣмецкой философіи можетъ возникнуть только какъ слѣдствіе одной изъ грубѣйшихъ ошибокъ обыденнаго мышленія, которое никогда не

---

[1]) До выхода въ свѣтъ «Писемъ о научной философіи», въ «Отечеств. Запискахъ» (іюль, 1877 г.) была помѣщена статья В. В. Лесевича подъ заглавіемъ «Современная философская литература на западѣ». Статья эта затѣмъ была включена авторомъ въ «Письма», почти безъ всякихъ измѣненій. Въ виду этого она не повторяется въ настоящемъ изданіи.

Прим. ред.

затрудняется смѣшивать часть и цѣлое, заключать по одной о другомъ и сплошь и рядомъ толковать о глубокомысленныхъ нѣмцахъ, легкомысленныхъ французахъ, своекорыстныхъ англичанахъ и т. п. Только такое смѣшеніе понятій могло дать поводъ говорить о туманности и заоблачности нѣмецкой философіи вообще. На самомъ дѣлѣ, нѣмецкая философія есть явленіе весьма сложное и разнородное. Притомъ же, метафизическій принципъ въ нѣмецкой философіи получилъ громкую извѣстность вслѣдствіе многихъ внѣшнихъ условій и, такимъ образомъ, скрылъ отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя другія теченія нѣмецкой мысли, шедшія этому принципу въ разрѣзъ и имѣвшія несравненно болѣе важное философское значеніе. Эти анти-метафизическія направленія и разрушили мало-по-малу обаяніе метафизики, подрыли ея основаніе и подготовили полное торжество надъ нею той основанной на наукѣ философіи, которая занимаетъ въ Германіи въ настоящее время весьма видное мѣсто. Несостоятельность огульнаго прозванія нѣмецкой философіи метафизическою, заоблачною, темною совершенно очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, правильно ли считать заоблачность и темноту общими признаками умственной дѣятельности въ ея высшемъ выраженіи—философіи—тамъ, гдѣ геніальные люди, какъ Кантъ и Фейербахъ, высоко-талантливые, какъ Шопенгауэръ и Гербартъ, работали именно для разгонанія мрака и смѣло и успѣшно разрушали темную область Wolkenkukusheim'a? Люди эти, какъ я только что сказалъ, являются предшественниками современнаго научно-философскаго движенія, но ко многимъ изъ нихъ непосредственно примыкаютъ ученики, послѣдовательно поддерживавшіе и продолжавшіе ихъ дѣло: Карлъ Грюнъ, Бертольдъ Зуле [1]), Грунне, Фрауэнштедтъ и цѣлая школа Гербарта. Ихъ всѣхъ не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто дѣйствительно желаетъ имѣть о нѣмецкой философіи правильное понятіе.

Но если огульный эпитетъ «метафизическій» не годился для нѣмецкой философіи и тогда, когда метафизика находилась еще въ славѣ и пользовалась силою, то тѣмъ менѣе годится онъ те-

[1]) Бертольдъ Зуле (Berthold Suhle) совершенно у насъ неизвѣстенъ, а потому я считаю нужнымъ отмѣтить здѣсь его монографію о Шопенгауэрѣ «A. Schoppenhauer und die Philosophie der Gegenwart. *Antimetaphysische* Untersuchungen mit besonderer Rücksicht auf die Denker des XVII Jahrhundserts. 1862, I Theil.

перь, когда прославленныя метафизическія системы лежатъ въ развалинахъ и научная философія успѣшно развивается и пользуется вліяніемъ. Успѣхи научной философіи свидѣтельствуютъ, конечно, весьма краснорѣчиво въ пользу присутствія въ природѣ нѣмцевъ стремленія къ окончательному выходу изъ темныхъ умозрѣній, но въ то же время успѣхи эти опять-таки очень далеки еще отъ того, чтобы дать нѣмецкой философіи однородный характеръ. Сколь неправильно видѣть въ ней метафизическую исключительность, столь же неправильно было бы считать теперь господствующимъ характеромъ ея научность: пестрота и разнородность остаются прежнія. Одинъ успѣхъ Гартмана болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы разогнать въ этомъ отношеніи всякія иллюзіи, тѣмъ болѣе, что Гартманъ не геній и не отличается никакими возвышенными качествами, какъ, напримѣръ, Фихте-старшій. Но невѣжество и шарлатанство Гартмана не остаются скрытыми, и философія Гартмана подъ ударами сильныхъ противниковъ падаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ поднялась. Можно сказать, что въ настоящее время, внѣ группы поклонниковъ, отличающихся несомнѣнною склонностью къ мистицизму, Гартманъ вовсе уже не имѣетъ сторонниковъ и почитателей [1]).

Рѣшительнымъ поворотомъ противъ метафизики слѣдуетъ, конечно, считать провозглашеніе необходимости для философіи возвратиться къ Канту. Характеристическія подробности этого важнаго момента развитія современной нѣмецкой философіи читатель найдетъ въ моемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи»; здѣсь же я коснусь только той стороны этого многознаменательнаго поворота, которая можетъ пригодиться намъ для ознакомленія съ характеромъ научной философіи.

Необходимость возвращенія къ Канту была провозглашена въ 1865 г.; движеніе же умовъ, вызванное ею, стало получать выраженіе въ цѣломъ рядѣ трудовъ по критической философіи, начиная съ 1870 года. Ранѣе этого года появилась только «Исторія матеріализма» Фр. Альб. Ланге, въ которой изслѣдованію

[1]) Научное ничтожество воззрѣній Гартмана превосходно разоблачено Оскаромъ Шмидтомъ въ его «Naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewussten». 1877. См. также *Karl Grün*. Die Philosophie in der Gegenwart. 1876, и *E. Dühring*, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 457—492.

философіи Канта дано было очень видное мѣсто. Съ 1871 года стали появляться сочиненія Когена, Паульсена, Риля, Карла Гёринга и др. весьма многочисленныхъ писателей, число которыхъ все возрастаетъ; позже вышло и второе изданіе упомянутаго сочиненія Ланге съ главой о Кантѣ, совершенно передѣланной, вслѣдствіе вліянія новой литературы о Кантѣ, въ особенности трактата Когена. Между сочиненіями, вызванными провозглашеніемъ необходимости возвращенія къ Канту, надо отличить прежде всего тѣ, которыя посвящены изученію и изслѣдованію кантовой философіи, отъ тѣхъ, которыя въ воскрешеніи вліянія Канта на современную философію видятъ только толчокъ къ новому шагу въ ея развитіи. Рѣшительность и опредѣленность второго изъ этихъ взглядовъ не у всѣхъ писателей одинаковы: онѣ возрастали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе выяснялось отношеніе философіи Канта къ наукѣ нашего времени и чѣмъ очевиднѣе становилась невозможность буквальнаго и точнаго осуществленія «возврата» къ этой философіи. Если Альб. Ланге развивалъ еще мысль о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя должна претерпѣть система Канта подъ вліяніемъ современной науки, и впадалъ вслѣдствіе этого въ немалыя противорѣчія [1]), то Риль и К. Гёрингъ уже болѣе не являются кантіанцами, хотя бы и *не ортодоксальными*, какъ Ланге. Риль находитъ, что *система* Канта страдаетъ двойственностью и что принципіальные успѣхи естественныхъ наукъ не дозволяютъ оставаться болѣе на точкѣ зрѣнія Канта; однакоже онъ смотритъ еще на *методъ* Канта, какъ на *непреходящую* заслугу этого мыслителя, и полагаетъ поэтому возможнымъ остановиться на ней (A. Riel. Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. I Band, Vorrede). Что же касается К. Гёринга, то онъ уже рѣшительно объявляетъ о своей полной независимости отъ Канта. «Предлагаемая мною система критической философіи,— говоритъ онъ,—не входитъ въ область историческаго критицизма или кантіанизма; она названа мною критическою только потому, что критика, въ общемъ научномъ значеніи этого термина, составляетъ ея основаніе» (K. Göring. System der kritischen Philosophie. I Band, Vorwort). Такимъ образомъ, между системою К. Гёринга и системою Канта только и есть общаго, что идея

---

[1]) См. статью М. Гейнце во 2-й кн. Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie. 1876.

критики «въ общемъ научномъ значеніи этого термина». Вникая, однакоже, въ мнѣнія К. Гёринга о философіи Канта, вводя мнѣнія эти въ связь съ тѣми философскими воззрѣніями, которыя возникли подъ вліяніемъ возобновленнаго изученія Канта, и слѣдя за постепеннымъ установленіемъ идеи самобытной философской критики у ново-кантіанцевъ, нельзя не прійти къ несомнѣнному убѣжденію, что К. Гёрингъ, при всей его философской самостоятельности, при всей сокрушительности его критики тѣхъ воззрѣній Канта, за которыя еще держится Риль,—что К. Гёрингъ есть дѣтище ново-кантіанства и безъ него, какъ безъ прецедента, невозможенъ. Нѣтъ спора, что кантіанство является у К. Гёринга до такой степени растворенным въ наукѣ и до того поглощеннымъ ею, что теряется основаніе считать систему его даже хоть сколько-нибудь кантіанскою; несомнѣнно только, что привело къ ней кантіанство, что оно играло весьма важную роль въ созданіи тѣхъ условій, которыми опредѣлилась новая критическая точка зрѣнія.

Итти далѣе только что указаннаго толкованія соотношенія между Кантомъ и К. Гёрингомъ было бы ошибочно еще и потому, что не одинъ только Кантъ подготовилъ элементы философіи К. Гёринга, но еще въ извѣстной мѣрѣ и Шопенгауэръ, и притомъ тою именно стороною своего ученія, которая наиболѣе противоположна воззрѣніямъ Канта. Но надо замѣтить, что воззрѣнія Шопенгауэра достигли К. Гёринга точно такимъ же путемъ, какъ и воззрѣнія Канта, а именно, пройдя чрезъ науку и очистясь въ ней. Роль Шопенгауэра уступаетъ, впрочемъ, роли Канта въ этомъ процессѣ, а потому и система носитъ названіе критической. «Только соединеніе *критики* и систематической философіи,—говоритъ К. Гёрингъ,—дѣлаютъ успѣхи въ области философіи возможными». Такимъ образомъ, критичность является тою существенною чертою, которою характеризуются воззрѣнія современнаго фазиса «научной философіи».

При такомъ генетическомъ *восхожденіи* къ Канту, не можетъ быть и рѣчи для научной философіи о *возвращеніи* къ нему. Наслѣдуется не *система*, *не рѣшеніе задачи*, а только духъ и смыслъ этой задачи. «Критицизмъ,—говоритъ Риль,—есть разрушеніе трансцендентнаго, основаніе положительной философіи. Положительное направленіе критицизма отличаетъ его отъ простого скептицизма. Сомнѣніе критицизма ведетъ за собою не отрицаніе, а созданіе основаній. Самъ по себѣ, онъ, конечно, лишенъ

творчества, но онъ освобождаетъ творческія силы; онъ пробуждаетъ духъ отъ метафизическихъ грезъ для дѣятельности при свѣтѣ дня, въ средѣ живой дѣйствительности. Онъ указываетъ философіи путь прогрессирующей науки» [1]). Изъ этого видно, что критицизмъ выступаетъ у новѣйшихъ мыслителей въ такой формѣ, въ которой центръ тяжести переносится изъ области воззрѣній Канта въ область требованій положительной науки и, слѣдовательно, можетъ вести къ результатамъ, находящимся къ *системѣ* Канта въ полной противоположности. У Риля противоположность эта смягчается еще удержаніемъ метода Канта, у К. Гёринга она проникаетъ насквозь всю систему, у Авенаріуса получаетъ даже яркое внѣшнее выраженіе въ самомъ заглавіи его труда, въ словахъ «критика чистаго опыта». (См. R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der *reinen Erfahrung*. 1876).

Основной характеръ критицизма представляется, такимъ образомъ, анти-метафизическимъ: критицизмъ стремится къ устраненію трансцендентнаго и обоснованію положительной философіи. Это крайне важный моментъ современной нѣмецкой научной философіи, и у Риля онъ является принципіально сознаннымъ и установленнымъ. «Критическая философія,—говоритъ Риль,—немедленно по своемъ возникновеніи обнаружила анти-метафизическую тенденцію и, слѣдовательно, стала держаться строго-научнаго направленія. Когда она уклонилась отъ разсмотрѣнія вещей и прежде всего устремилась внутрь разума и стала изслѣдовать и измѣрять способность пониманія, то случилось это, говоря вмѣстѣ съ Юмомъ, затѣмъ, чтобы выдѣлить изъ науки «тяжеловѣснѣйшую и абструзнѣйшую часть» мнимаго знанія сверхчувственныхъ вещей и разрушить область вымышленнаго бытія и превращенныхъ въ вещи понятій. Такимъ образомъ, Локкъ дошелъ до источника понятій съ тѣмъ, чтобы истребить порожденную воображеніемъ врожденность знанія. Онъ изслѣдовалъ образъ происхожденія понятій для того, чтобы пріобрѣсти критерій, при посредствѣ котораго воз-

[1]) Я передалъ въ этой цитатѣ выраженіе Риля «*positive* Philosophie» словами *положительная* философія, а не *позитивная*, потому что Риль имѣетъ въ виду не философію Огюста Конта, а только такую, которая, исходя изъ критическаго начала и основываясь на наукѣ, даетъ ученіе, противополагающееся скептицизму.

можно бы было отличать естественно возникшія понятія отъ понятій, образованныхъ искусственно. Юмъ, одинъ изъ «географовъ человѣческаго разума», обслѣдовалъ природу разума и подвергъ его способности и силы тщательному анализу; онъ имѣлъ при этомъ въ виду показать, что познавательная способность совсѣмъ не направлена на такіе отдаленные предметы, какъ объекты метафизики. Это изслѣдованіе человѣческой природы было для него тою *истинною метафизикою*, которая призвана къ устраненію *ложной метафизики* школъ. Кантъ, наконецъ, поставилъ вопросъ о правильности и значеніи синтетическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ независимыхъ отъ опыта знаній, преслѣдуя такою постановкою цѣль, заключавшуюся въ томъ, чтобы посредствомъ ограниченія знанія повести противъ метафизики процессъ и раскрыть призракъ мнимаго знанія сверхчувственнаго и надъ-эмпирическаго (метэмпирическаго, какъ сказалъ бы Льюисъ). Для того, чтобы рѣшить этотъ единственный вопросъ о возможности существованія метафизики, онъ составилъ цѣлый инвентарь чистыхъ понятій, испыталъ съ несравнимою основательностью и проницательностью каждый изъ нихъ и сдѣлалъ, такимъ образомъ, свою метафизику основаніемъ научной критики и научной теоріи. Такимъ образомъ, борьба противъ метафизическаго призрачнаго знанія выставила въ особенно яркомъ свѣтѣ выработку истиннаго знанія и его значеніе. Вся же важность критическаго движенія философіи станетъ ясною только тогда, когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что метафизическое мышленіе глубоко коренится въ естественномъ стремленіи людей ко всему безмѣрному и безграничному. Не стѣсняя своего произвола при образованіи и комбинированіи мысленныхъ формъ, разумъ создавалъ основаніе силѣ своего свободнаго творчества и тѣмъ поддерживалъ и—даже болѣе—вызывалъ метафизическій обманъ. Этимъ же объясняется тотъ фактъ, что и самыя положительныя науки не могли не подвергнуться искаженію этимъ обманомъ. Основныя понятія ихъ—матерія и сила—даже до послѣдняго времени оставались въ туманѣ метафизической двусмысленности. Философскій критицизмъ оказываетъ, слѣдовательно, и положительнымъ наукамъ важнѣйшія услуги, а именно: онъ создаетъ извѣстный родъ имманентной критики, которая заключается въ отдѣленіи теоріи отъ фактовъ и выясненіи правильнаго отношенія первой къ послѣднимъ. Теорія, съ этой крити-

ческой точки зрѣнія, является только орудіемъ, дающимъ способы охватить и обработать самое ядро знанія—факты. Понятія перестаютъ разсматриваться поэтому въ отношеніи ихъ значенія самихъ по себѣ, и устанавливается различіе между основными частями знанія, являющимися только идеальными формами умственной дѣятельности, и содержаніемъ знанія, дѣйствительными лицами и событіями. Для болѣе же тонкихъ метафизическихъ обмановъ, скрывающихся въ самыхъ понятіяхъ, установляется еще критика этихъ понятій и ихъ приложеній. Такимъ образомъ, подтверждается правильность мнѣнія, что философскій критицизмъ составляетъ эпоху и во всеобщей исторіи наукъ».

Какъ много ни заключаетъ взглядъ Риля вѣрныхъ мыслей, какъ рѣшительно ни ставитъ онъ вопроса объ устраненіи изъ философіи посягательства на познаніе трансцендентнаго, какъ близко ни подходитъ къ правильному опредѣленію истиннаго значенія знанія, однако другіе представители научнаго направленія философіи ясно доказали, что философія эта не примиряется со всѣми тезисами Риля, не можетъ остановиться тамъ, гдѣ онъ останавливается, и необходимо идетъ далѣе, до окончательнаго преодолѣнія *кантовскаго* критицизма, до самобытнаго обоснованія новаго научнаго критицизма, освобождающаго знаніе не только отъ всего *трансцендентнаго* (непознаваемаго), но также и отъ всего *трансцендентальнаго* (апріорнаго). Карлъ Гёрингъ, подвергнувъ воззрѣнія Канта строгой критикѣ и разработавъ новую теорію познаванія на началахъ науки, доказалъ, что a priori есть не что иное, какъ еще разъ поставленное a posteriori, а Рихардъ Авенаріусъ, изслѣдуя вопросъ объ очищеніи опыта отъ всѣхъ наносовъ, ему чуждыхъ, пояснилъ, что *чистый* опытъ является *чистымъ* не только отъ антропоморфизма, обусловленнаго чувствами, но и отъ антропоморфизма, обусловленнаго разумомъ, т.-е. отъ апріорныхъ формъ мышленія. Формы мышленія были подведены, такимъ образомъ, подъ категорію *наивнаго* опыта, опыта *не чистаго*, смѣшаннаго съ антропоморфическими придатками.

Сочиненіе Авенаріуса, обѣщающее быть весьма важнымъ вкладомъ въ юную литературу научной философіи въ Германіи, едва еще начато, и оригинальный принципъ его (Princip des Kleinsten Kraftmasses) требуетъ еще развитія и поясненія. Что же касается «Системы критической философіи» К. Гёринга,

то первая половина ея уже вышла въ свѣтъ и даетъ возможность судить о значеніи этого мыслителя, въ самое короткое время заслужившаго весьма почетную извѣстность. Система К. Гёринга не есть система въ старомъ, метафизическомъ смыслѣ. К. Гёрингъ исходитъ изъ непосредственнаго изученія фактовъ, и потому знаніе фактовъ считаетъ тѣмъ ядромъ истиннаго знанія, которое могло бы разростаться до неопредѣленныхъ предѣловъ, если бы условія этого разростанія заключались въ самомъ принципѣ знанія, а не въ свойствахъ познающаго. Эти свойства ограниченностью своею кладутъ ограниченіе и знанію и заставляютъ разумъ уклониться отъ пути непосредственнаго знанія и перейти на путь знанія посредственнаго. Представленія, сохраняющія конкретноиндивидуальныя черты дѣйствительности, замѣняются обобщеніями, теряющими эти черты, т.-е. понятіями, при помощи которыхъ и возможно только для человѣческаго ума развитіе знанія. Это развитіе неизбѣжно совершается при посредствѣ расширенія предѣловъ понятій на счетъ содержанія представленій; но зато только этою цѣною пріобрѣтается *наука* и *философія*, эти двѣ высшія степени *обобщенія* знанія, замѣняющія для человѣка безпредѣльное его *накопленіе*. К. Гёрингъ— не творецъ этого взгляда на характеръ и значеніе нашего знанія; ранѣе его Шопенгауэръ, Гербартъ, Ибервегъ и др. высказывали его съ бо̀льшею или меньшею силою и послѣдовательностью. Главы перваго сочиненія Шопенгауэра (Uber die vierfache Wurzel etc.) и особенно основного сочиненія его (Die Welt als Wille und Vorstellung), посвященныя этому вопросу, могутъ и теперь считаться лучшимъ изъ всего, что было написано для его выясненія. Заслуга К. Гёринга и заключается, впрочемъ, не въ проявленіи философскаго творчества, а въ разумномъ заимствованіи у своихъ предшественниковъ того, что въ воззрѣніяхъ ихъ могло служить обоснованію научной философіи, и затѣмъ—что особенно важно—въ гармоническомъ объединеніи этого наслѣдія съ результатами современной науки. К. Гёрингъ *пчелообразно* отнесся ко всему тому, что доставляло ему прошедшее и современное, но онъ не впалъ въ эклектизмъ, онъ не пытался соглашать несогласимыя начала, не пробовалъ прилагать къ философіи принципъ «нельзя не сознаться, но надо признаться», а, напротивъ того, соединялъ только существенно-однородное и отвергалъ все невыдержавшее строгой критической провѣрки. Эта выдержка предохранила Г. Гёринга отъ

тѣхъ ошибокъ, о которыя разбились усилія мыслителей, у которыхъ К. Гёрингъ заимствовалъ нѣкоторыя свои воззрѣнія: К. Гёрингъ былъ послѣдовательнѣе ихъ самихъ въ проведеніи этихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, его основное воззрѣніе на характеръ человѣческаго знанія проведено у него стройно, безъ противорѣчій: онъ дѣйствительно исходитъ изъ представленій, онъ всегда различаетъ ихъ отъ понятій, никогда не ищетъ объекта послѣднихъ и тѣмъ болѣе никогда не кладетъ смѣшаннаго съ представленіемъ понятія въ основу теоріи. К. Гёрингъ поэтому не строитъ своей системы, подобно метафизикамъ, не выводитъ ее изъ какого-нибудь излюбленнаго понятія, а созидаетъ критическою работой мысли надъ матеріаломъ, доставляемымъ положительными науками. Цѣль его заключается въ образованіи такихъ общихъ понятій, которыя были бы выработаны тѣмъ же методомъ, что и частныя понятія отдѣльныхъ наукъ, и общая совокупность которыхъ могла бы образовать систематическое цѣлое, которому К. Гёрингъ и придаетъ названіе научной философіи. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ философія К. Гёринга образуетъ систему. Какъ всякая отдѣльная наука образуетъ систему понятій нисшихъ степеней обобщенія, точно такъ же и научно-философская или критическая система философіи, устанавливаемая К. Гёрингомъ, образуетъ сводъ понятій высшихъ степеней обобщенія,—понятій, выработанныхъ изъ научныхъ обобщеній и чрезъ ихъ посредство связанныхъ съ представленіями, съ непосредственнымъ знаніемъ міра дѣйствительнаго.

Почти одновременно съ трудами поименованныхъ выше представителей «научной философіи» въ Германіи получилъ громкую и почетную извѣстность вполнѣ родственный имъ писатель—Тома́ Рибо во Франціи. Трактаты Рибо объ «англійской психологіи» и «о наслѣдственности» переведены—первый на англійскій и на испанскій языки, а второй на нѣмецкій—и очень радушно встрѣчены были въ Англіи, Испаніи и Германіи. Рибо такъ же, какъ и названные нѣмецкіе философы, признаетъ основаніемъ философіи одну только науку и съ замѣчательною яркостью и ясностью указываетъ на то восхожденіе обобщеній, которое приводитъ къ философскимъ понятіямъ. Вообще говоря, Рибо мыслитель вполнѣ положительный, хотя и не позитивный, писатель послѣдовательный, ясный, богатый эрудиціей,—словомъ, такой, у котораго всегда есть чему поучиться, и

нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ его сочиненій не переведено на русскій языкъ. Индивидуальныя свойства таланта Рибо могли бы только расширить то понятіе, которое мало-по-малу складывается у насъ о научной философіи, никогда, подобно позитивизму, не замыкавшейся въ чуждую терпимости секту, и потому никогда не исключавшей индивидуальныхъ чертъ у мыслителей, связанныхъ единствомъ основъ своихъ міроразумѣній.

Я уже далъ нѣкоторое понятіе о новомъ фазисѣ развитія «научной философіи» въ моемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи», гдѣ я поставилъ себѣ цѣлью показать, что̀ именно можетъ быть сохранено для нея въ настоящее время отъ «позитивизма» и въ какой мѣрѣ можетъ замѣнить его критическій реализмъ, составляющій основную характеристическую черту новой философской школы. Я не отвергалъ всецѣло современнаго значенія ученія Ог. Конта и, отдавая справедливость геніальности этого мыслителя, указывалъ только на гибельный для позитивизма застой, произведенный малоспособностью и наивнымъ самодовольствіемъ теперешнихъ его представителей, и выставлялъ на видъ рѣшеніе очередныхъ и насущныхъ для позитивизма вопросовъ ново-критической школой. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не слѣдовалъ рабски и за представителями этой школы, такъ какъ у меня сохранены были нѣкоторыя положенія Ог. Конта, которыхъ ново-критическая школа не принимаетъ. Отзывы уважаемыхъ мною лицъ въ нашей прессѣ, такъ же какъ рецензіи во французской «Revue Philosophique» (1877. № 7) и въ испанской «Revista Contemporanea» (1877. № 46) убѣждаютъ меня, что я тружусь не напрасно и что продолженіе моей работы можетъ разсчитывать на вниманіе и поддержку компетентныхъ судей.

Въ настоящемъ трудѣ, представляющемъ переработку для печати писемъ моихъ къ одному изъ молодыхъ моихъ друзей, я имѣю въ виду общую характеристику научной философіи и ея теоріи познаванія [1]) и, какъ и въ первой моей работѣ, упомянутой выше, являюсь не съ какою-нибудь оригинальною рус-

[1]) *Теорія познаванія* (Erkenntnisstheorie) имѣетъ предметомъ разрѣшеніе *двухъ* главнѣйшихъ задачъ: какимъ образомъ произошло знаніе и что̀ оно такое, т.-е. выясненіе процесса образованія знанія—*познаванія*, и результата его—*познанія*. Очевидно, что въ научной теоріи первенство принадлежитъ первому изъ этихъ вопросовъ и что имъ въ извѣстной сте-

скою философской системой, а только съ тѣми результатами западно-европейской философіи, которые могутъ считаться научными и на которые, поэтому, я могу указать какъ на прочно установленные. Зачача моя, такимъ образомъ, остается попрежнему задачею представителя сложившихся или слагающихся воззрѣній, задачею докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области философіи, зиждущейся на наукѣ. Такою философіею я не считаю исключительно одну философію группы Гёринга-Авенаріуса, хотя во многомъ отдаю философамъ этой группы рѣшительное преимущество передъ другими ихъ собратьями. Относясь ко всѣмъ представителямъ научной философіи съ тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ, я далекъ отъ того, чтобы отрекаться отъ самостоятельнаго о нихъ сужденія и обусловленнаго имъ разборчиваго пользованія ихъ литературными трудами. Не имѣя предвзятыхъ симпатій и антипатій, я оставляю въ сторонѣ всѣ чуждыя задачѣ моей соображенія и стараюсь разрѣшить ее всѣми средствами, какими располагаю.

пени предрѣшается второй; въ метафизической же теоріи значеніе ихъ располагается въ обратномъ порядкѣ: второй вопросъ ставится на мѣсто перваго и предрѣшается высшею дисциплиною—метафизикою. На основаніи этого соображенія я и отказался отъ термина, введеннаго у насъ метафизиками, и терминъ «*теорія познанія*» замѣнилъ терминомъ «*теорія познаванія*».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

СОДЕРЖАНІЕ ПИСЕМЪ I—VIII.

Различіе обыденнаго мышленія отъ мышленія научнаго. — Основаніе этого различія: противопоставленія пониманія и знанія.—Обыденное мышленіе первобытнаго фазиса. — Переходъ къ фазису умозрительному.—Умозрительный фазисъ.—Постепенность освобожденія знанія отъ вліянія умозрѣнія. — Условія научнаго мышленія или познаванія.— Характеристики общей совокупности результатовъ познаванія: наука и философія.—Разчлененіе общей совокупности научнаго знанія.— Жизненное значеніе науки.

Если вы обратитесь къ людямъ, по праву считающихъ себя образованными, т.-е. къ людямъ, мышленіе которыхъ не чуждо критики, и попросите ихъ разсказать вамъ исторію ихъ умственнаго развитія, то вы скоро замѣтите, что счастливцы, вынесшіе начала истиннаго просвѣщенія непосредственно изъ дома родительскаго, составляютъ между спрошенными вами рѣдкія исключенія. Отъ значительнѣйшаго же большинства вы навѣрно узнаете болѣе или менѣе однообразную и болѣе или менѣе печальную исторію. Дѣтство, отрочество, иногда юность ихъ протекли, конечно, въ обстановкѣ, до такой степени преизобильно полной невѣжества, суевѣрія и всякаго рода пошлости, что «образованными», «мыслящими критически», они никакъ не могли бы и быть, если бы предварительно не омылись отъ копоти домашняго очага и не вступили на новый путь развитія,—путь, частью неизвѣстный блюстителямъ сладости дыма отечества, частью предаваемый ими самому искреннему проклятію. Моментъ кризиса въ развитіи нашихъ образованныхъ людей представится вамъ навѣрно какъ выдающаяся черта ихъ умственной жизни. Замѣтьте эту основную черту и, продолжая ваши разспросы, постарайтесь убѣдиться, всѣ ли пережившіе кризисъ

сознаютъ его? Вы навѣрно замѣтите при этомъ, что у многихъ кризисъ совершался такъ незамѣтно, тянулся такъ долго, или шелъ такими неправильными, случайными скачками, что они проглядѣли его, и затѣмъ, конечно, сочли ходъ своего развитія безмятежнымъ, ровнымъ, цѣльнымъ. Вамъ, въ качествѣ посторонняго наблюдателя, придется однако-же возстановить несомнѣнный фактъ кризиса, опредѣливъ его по даннымъ самого повѣствователя, вамъ придется нарушить слѣпую его увѣренность въ цѣлостность общаго хода его умственной жизни и придется доказать, что ходъ этотъ, по характеру своему, не имѣетъ сходства съ развитіемъ зауряднаго растенія, дающаго плодъ, тождественный съ тѣмъ, изъ котораго само оно выросло, но уподобляется развитію того растенія, которое претерпѣло прививку.

Но если вы замѣтите, что люди, мыслящіе критически, пережили переломъ въ своей умственной жизни безсознательно и не выработали убѣжденія въ неизбѣжности кризиса при извѣстныхъ условіяхъ, то вамъ совсѣмъ уже нетрудно будетъ видѣть, что для не пережившихъ кризиса явленіе это частью невразумительно, частью представляется чуть не преступленіемъ, и всего чаще остается совершенно неизвѣстнымъ. Нечего удивляться поэтому, если значительное большинство окружающаго васъ общества полагаетъ, что просвѣщеніе, образованіе, ученость суть разныя степени накопленія знанія, представляютъ *количественную* его сторону у того или другого лица, при чемъ *качественная* сторона не претерпѣваетъ никакого измѣненія, или если и претерпѣваетъ, то въ смыслѣ какого-то зловреднаго поврежденія, отъ накопленія знаній независящаго и являющагося откуда-то извнѣ. Реальнымъ осуществленіемъ такого взгляда и является, такъ называемая, «двойная бухгалтерія», представителей которой вы тоже встрѣчаете, конечно, не мало, и знаете, что это «гробы», которыхъ случайно не снесли еще на кладбище. У насъ идетъ рѣчь только о живыхъ.

Живое живетъ, развивается, т.-е. претерпѣваетъ измѣненія. Я хочу обратить ваше вниманіе только на то, что измѣненія эти, какъ они ни бываютъ радикальны, остаются подъ-часъ несознанными. Есть возможность однако-же пробудить сознаніе, расшевелить соннаго, снять катаракту у слѣпого. Здѣсь вамъ совсѣмъ не трудно будетъ возстановлять факты болѣе или менѣе, раннихъ, болѣе или менѣе полныхъ, болѣе или менѣе острыхъ

и мучительныхъ кризисовъ. Пока нѣтъ доктринерства, пока ложная хитросплетенная теорія не становится вамъ преградою на пути, до тѣхъ поръ вы всегда останетесь побѣдителемъ хотя бы въ силу одной только очевидности. Но настоящія трудности начнутся для васъ, когда вамъ скажутъ, что «научный характеръ мышленія тождественъ обыденной смышлености или такъ называемому здравому смыслу (sens commun) и отличается отъ него только степенью, и что, слѣдовательно, ни для какого кризиса въ развитіи образованныхъ людей нѣтъ повода, а что если-де иногда и совершаются измѣненія при переходѣ отъ низшей степени умственнаго состоянія къ высшей, то измѣненія эти ограничиваются очищеніемъ процесса развитія отъ нѣкоторыхъ засоряющихъ его элементовъ и вовсе не вносятъ въ самый процессъ развитія никакого рѣшительнаго и существеннаго переворота, а слѣдовательно не имѣютъ ничего общаго съ такимъ явленіемъ, которое мы съ достаточнымъ основаніемъ могли бы считать кризисомъ».

Когда вы наткнетесь на доктринера «уличной философіи», то вамъ представится новая задача: умѣть отстоять свои убѣжденія, умѣть подорвать состоятельность воззрѣнія противника. Въ бо́льшей части случаевъ вы не переубѣдите его, конечно, такъ какъ представители уличнаго обыденнаго мышленія руководствуются исключительно только практическими побужденіями, обусловливающими ихъ предвзятыя положенія, но никогда не научными доводами. Тѣмъ не менѣе, даже зная напередъ объ ожидающемъ васъ неуспѣхѣ, вы ни за что не должны отказываться отъ изложенія вашихъ резоновъ, такъ какъ высказанное вами, не задѣвъ сознанія доктринера практичности, можетъ оказать благотворное вліяніе на другихъ, чуждыхъ тѣхъ предвзятій, черезъ которыя никогда не переходитъ никакая логика, никакая наука, никакой свѣтъ. Постарайтесь же положить преграды этому злу, и не ограничивайтесь однимъ лишь добрымъ намѣреніемъ или одною невооруженною умѣньемъ энергіею, но именно прежде всего умѣйте сдѣлать то, за что беретесь. Кое въ чемъ я могу помочь вамъ, и для этого и пишу вамъ эти письма, извиняясь напередъ за неполноту ихъ. Хотѣлось бы мнѣ, и очень бы хотѣлось сдѣлать ихъ полнѣе, но вѣдь на всякое хотѣніе есть терпѣніе.

Возвратимся къ обыденному уличному мышленію. Вы замѣтили, конечно, что хаосъ его всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ воз-

растаніемъ единичнаго, личнаго опыта, и вмѣстѣ съ возраста ніемъ этимъ принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія черты и становится все болѣе и болѣе нетерпимымъ. Этотъ единичный, личный опытъ и составляетъ тотъ «пошлый опытъ—умъ глупцовъ», съ которымъ носится такая масса людей, результатами котораго набита такая масса головъ. Ясно до очевидности, что не всякій опытъ умудряетъ и не всякаго можетъ умудрить опытъ. Возьмите, напримѣръ, хоть опытъ воина, продѣлывающаго кампанію съ какимъ-нибудь искуснымъ полководцемъ. Становится ли онъ въ силу одного только этого опыта знатокомъ стратегіи и тактики? А вѣдь кампанію продѣлываютъ и имѣютъ въ ней свою долю опыта даже лошаки и мулы обоза. Все это такъ, но все это убѣдитъ тѣмъ не менѣе не всѣхъ и каждаго. Кого изъ насъ не окружаетъ, подобно безбрежному морю, трясина уличной философіи, кто не зацѣплялся о гнилую колоду пошлаго опыта, многимъ ли удавалось благополучно миновать эти препятствія и выйти на дорогу, ведущую къ свѣту, къ правдѣ и справедливости? Нельзя не вооружаться поэтому противъ тлетворнаго вліянія этой нравственной и умственной порчи, нельзя довольствоваться одною голою къ ней ненавистью; необходимо узнать ея корни, познакомиться съ условіями ея роста и развитія, выучиться узнавать ее во всѣхъ обличіяхъ и формахъ, и имѣть возможность противопоставить ей не одно только отрицаніе и сомнѣніе, но и научное, положительное рѣшеніе вопросовъ, уже считавшихся у обыденнаго мышленія рѣшенными окончательно и безапеляціонно.

Ставя себѣ такую задачу, неизбѣжно придется начать издалека, коснуться не разъ кое-чего такого, что съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно лишеннымъ связи съ занимающими насъ вопросами, и вообще придется приняться за «сухую матерію». Извиняюсь заранѣе, если этимъ не угожу; но иначе я рѣшить моей задачи не умѣю. Вотъ и теперь я намѣренъ повести рѣчь о нѣкіихъ философахъ, встрѣтиться съ которыми вы, пожалуй, и не ожидали, а именно, о шотландскихъ философахъ, которые, впрочемъ, очень занимали васъ, когда вы читали Бокля. Я обращаюсь къ этимъ старымъ шотландцамъ потому, что они, благодаря вліянію своему на нѣкоторыхъ французскихъ мыслителей первой половины настоящаго вѣка (Ройе-Коляръ, Тома Жуффруа, Кузенъ, Ад. Гарнье, Ог. Контъ), успѣли пустить въ обращеніе мысль, что такъ называемый здравый или,

иначе, *обыденный* смыслъ долженъ быть разсматриваемъ какъ нисшая степень въ томъ общемъ и цѣльномъ ходѣ умственнаго развитія, высшая степень котораго подымается до науки и философіи. Между здравымъ смысломъ и разумомъ, по идеѣ шотландцевъ, не существуетъ и не можетъ существовать никакого разлада; переходъ отъ положеній, устанавливаемыхъ здравымъ смысломъ, къ тезисамъ науки и философіи не представляетъ, слѣдовательно, никакого кризиса, а наука вмѣстѣ съ философіею только подтверждаютъ, въ концѣ концовъ, то, что было провозглашено какъ истина непосредственною, обыденною смышленостью. И хотя одинъ изъ самыхъ видныхъ шотландцевъ (Дугальдъ Стюартъ), говоря о философіи главы школы—Рида [1]), и старается придать термину здравый смыслъ или обыденный смыслъ такое толкованіе, которое давало бы право называть этимъ именемъ способность образованія и усвоенія «основныхъ идей», «аксіомъ» и «интуицій» (непосредственно усматриваемыхъ истинъ), но за здравымъ смысломъ осталось, однако-же, во Франціи именно то значеніе, которое было указано выше, и въ настоящее время оно поддерживается тамъ еще весьма рѣшительно. Такъ, въ новомъ изданіи «Философскаго словаря», появившемся въ 1875 году, мы читаемъ статью редактора (Ад. Франка), въ которой утверждается, что «хотя философія говоритъ болѣе, чѣмъ можетъ сказать обыденный смыслъ, и говоритъ лучше его, но она не должна ему противорѣчить. Нельзя допустить, чтобы она уничтожала зерно, которое она желаетъ оплодотворить, или разрушала основаніе, на которомъ призвана строить. Всѣ положенія, которыя она развиваетъ, подвергаетъ анализу, различаетъ и выясняетъ, всѣ они заимствованы ею у обыденнаго смысла. Когда она отвергаетъ эти положенія, обыденный смыслъ возмущается, а когда онъ возмущается—философія уличается въ заблужденіи» (стр. 1586).

Вліяніе позитивизма во Франціи и въ Европѣ, если не шире, то несомнѣнно глубже, чѣмъ вліяніе той безхарактерной метафизики, представителями которой являются Ад. Франкъ и его сотрудники, а позитивизмъ, по словамъ современнаго главы его — Литтрѐ, изъ всѣхъ новѣйшихъ философскихъ школъ

---

[1]) *Dugald Steward.* Vie de Reid, p. 75. (Oeuvres complètes de Th. Reid, publiés par Th. Jouffroi. Paris, 1836. Tome I).

всѣхъ ближе къ шотландской [1]) и, по отношенію къ вопросу о значеніи обыденнаго смысла, поддерживаетъ именно ея взгляды. Весь «Курсъ позитивной философіи», по словамъ самого Ог. Конта, имѣетъ цѣлью представить доказательства въ пользу того, что духъ истинной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму, и выясненіе той истины, что высшіе научные пріемы проистекаютъ лишь отъ счастливой систематизаціи пріемовъ обыденной смѣтливости [2]). Такимъ образомъ, съ легкой руки нынѣ совсѣмъ забытыхъ шотландцевъ, не перестаетъ повторяться на разные лады, что научное міроразумѣніе составляетъ прямой результатъ хода развитія обыденнаго мышленія, и что между двумя этими фазисами умственнаго развитія нѣтъ никакой противоположности, не лежитъ никакого перелома.

Ничто не можетъ быть однако ошибочнѣе такого взгляда. Тотъ же Контъ, которому особенно обязанъ взглядъ этотъ своею живучестью, окончательно, хотя и безсознательно, подрылъ его извѣстнымъ своимъ «закономъ трехъ состояній». Законъ этотъ, опредѣляя основныя черты трехъ типовъ возможныхъ для ума человѣческаго міроразумѣній—супра-натуральнаго, метафизическаго и научнаго, такъ ярко обнаружилъ противоположность послѣдняго двумъ первымъ, что всякій, кто внимательно вникнетъ въ дѣло, не можетъ не увидѣть глубокой пропасти между ними и неизбѣжно долженъ констатировать неминуемость кризиса при переходѣ отъ мистико-умозрительныхъ воззрѣній къ воззрѣніямъ научнымъ. «Законъ трехъ состояній» пользуется у насъ такою извѣстностью, что я считаю совершенно излишнимъ останавливаться здѣсь надъ его характеристикою, а повторю только то общее заключеніе о немъ, которое я имѣлъ уже случай высказать въ другомъ мѣстѣ, а именно, что сопоставленіе научнаго міровоззрѣнія съ метафизическимъ приводитъ насъ къ оцѣнкѣ значенія критическаго начала, присущаго первому, какъ основанному на наукѣ. Опираясь на него, мы имѣемъ возможность предохранить себя отъ вторженія въ строй нашихъ

---

[1]) *E. Littré.* De la méthode en psychologie. La philosophie positive. Revue, 1867. № 2, p. 279.

[2]) *A. Comte.* Cours de philosophie positive. 3 édition. Tome VI, p. 602—603.

понятій всего того, что вырабатывается непосредственнымъ мышленіемъ и что всегда является болѣе или менѣе сплошнымъ міромъ призраковъ, болѣе или менѣе цѣльною иллюзіею. Какъ ни представляется гармоничнымъ, сложнымъ, тонкимъ, глубокимъ, а иногда величественнымъ, строй этихъ призраковъ и иллюзій въ различныхъ метафизическихъ системахъ, но критика преодолѣваетъ производимое ими обаяніе, твердо устанавливаетъ качественное тождество между ними и пестренькими продуктами обыденнаго мышленія и доводитъ до очевидности отсутствіе въ нихъ всякаго реальнаго содержанія. Точно такъ же поступаетъ она и по отношенію къ мірозумѣнію супра-натуральному, о которомъ, впрочемъ, я не стану здѣсь распространяться, такъ какъ еще въ древности рѣшено было, что въ философскомъ изслѣдованіи не стóитъ и упоминать о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя облекаются въ миѳическія формы (Аристотель). Объ этихъ формахъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ не могутъ устоять и формы умозрительныя, и гдѣ единственнымъ источникомъ содержанія понятій признается наблюденіе и опытъ, проведенные согласно всѣмъ требованіямъ научнаго метода.

Такимъ образомъ, законъ трехъ состояній—каково бы тамъ ни было его соціологическое значеніе—имѣетъ въ области теоріи познаванія большую важность. Устанавливая противоположность непосредственнаго, обыденнаго мышленія мышленію научному, онъ даетъ начало въ высшей степени плодотворному анализу, задача котораго заключается въ исчерпаніи всѣхъ чертъ различія указанныхъ двухъ направленій мысли и вырабатываемыхъ ими мірозумѣній. Укажу теперь вамъ только на основныя черты этого различія. Мышленіе, какъ непосредственный психическій процессъ, образуетъ *представленія* безсознательно и затѣмъ столь же безсознательно ассоціируетъ представленія въ обобщенія, т.-е. въ *понятія*. Безсознательность этой работы естественно ведетъ къ несознаваемости различія между представленіями и выработанными изъ нихъ понятіями и, затѣмъ, производитъ и другое смѣшеніе, а именно: смѣшеніе непосредственнаго соотвѣтствія представленій объектамъ съ посредственнымъ соотвѣтствіемъ имъ понятій. Смѣшеніе это, очевидно, производитъ постоянную подтасовку представленій вмѣсто понятій и, такимъ образомъ, навязываетъ понятіямъ мнимые, измышляемые объекты, т.-е. даетъ начало цѣлому ряду

призраковъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ сознательная работа научнаго мышленія или познаванія: вырабатывая представленія не иначе какъ изъ данныхъ воспріятій, образуя понятія не иначе какъ изъ цѣлесообразно ассоціированныхъ представленій, *познаваніе* является упорядоченнымъ мышленіемъ,— мышленіемъ, подчиненнымъ объективнымъ условіямъ и имѣющимъ свое выраженіе въ научномъ методѣ. Познаваніе, такимъ образомъ, достигаетъ знанія при помощи регулированія субъективнаго процесса мышленія, оно, при посредствѣ подчиненія мышленія объективнымъ условіямъ, привязываетъ его къ почвѣ дѣйствительности и обезпечиваетъ его отъ гибели въ неизбѣжномъ, при безсознательности процесса мышленія, мірѣ призраковъ.

Я однако-жъ слишкомъ забѣжалъ впередъ и, быть можетъ, не напрасно опасаюсь, что вы перестали понимать меня. Вернемся нѣсколько назадъ и остановимся надъ общею характеристикою процесса мышленія.

Обусловленное ощущеніями воспріятіе есть именно тотъ простѣйшій элементарнѣйшій фактъ, съ котораго намъ слѣдуетъ начать. Такое значеніе воспріятія должно быть признано не одними послѣдователями реалистической философіи, что само собою разумѣется, но и сторонниками трансцендентальнаго идеализма, которые вслѣдъ за Кантомъ должны признать, что «безъ чувственности мы не имѣли бы предмета», что одна чувственность даетъ *содержаніе* мысли и что поэтому мысль, оторванная отъ почвы чувственности, пуста («Критика чистаго разума», перев. М. Владиславлева, стр. 53). Итакъ, въ воспріятіи лежитъ начало *опыта въ широкомъ смыслѣ* (Erfahrung), *дающаго* содержаніе мышленію, но самое мышленіе, очевидно, начинается только тогда, когда содержаніе это уже *усвоено*, т.-е. когда оно извѣстнымъ образомъ воспроизведено, когда оно изъ *воспріятія* стало *представленіемъ*. Такимъ образомъ, всякое явленіе, такъ или иначе воспринятое нами, можетъ по этому самому стать предметомъ нашего представленія. Но такъ какъ всякое явленіе есть нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное, то и представленіе есть также нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Эту существенно важную характеристическую черту представленія необходимо никогда не терять изъ виду тому, кто желаетъ не терять возможности оріентироваться въ ходахъ и переходахъ мысли, какъ

тогда, когда процессъ мышленія остается еще простымъ, такъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ достигаетъ высшихъ степеней осложненности. Замѣчаніе это вполнѣ выяснится только нѣсколько позже; теперь же прослѣдимъ далѣе за судьбою сложившихся, готовыхъ представленій. Замѣтимъ прежде всего, что возникновеніе представленій, какъ неизбѣжнаго результата ощущеній, воспріятій, жизни вообще, идетъ неудержимо и непрерывно и даетъ намъ непомѣрное изобиліе матеріала. Нѣтъ никакой возможности сохранить представленіе всякаго человѣка, всякаго дерева, камня, зданія, вообще всякаго предмета, который мы видѣли; у насъ нѣтъ силъ неуклонно слѣдовать по пути представленій, мы рискуемъ пасть подъ ихъ бременемъ и потому, поневолѣ, должны пожертвовать содержательнымъ и опредѣленнымъ соотвѣтствіемъ ихъ дѣйствительности, ихъ полнотою, ясностью и законченностью, и, пользуясь замѣченными между ними сходствомъ и различіемъ, соединять и дробить ихъ такъ, чтобы полученныя такимъ путемъ новыя комбинаціи не подавляли насъ и, насколько возможно, соотвѣтствовали нашимъ силамъ и способностямъ. Эти новыя комбинаціи, обыкновенно называемыя *понятіями*, будутъ неизбѣжно приблизительны, блѣдны, отрывочны и неопредѣленны, но зато они дадутъ намъ возможность не теряться среди массы представленій, дадутъ возможность продолжать процессъ мысли, подскажутъ намъ значеніе и годность для насъ каждаго отдѣльно взятаго представленія. Понятія являются, такимъ образомъ, логическими идеалами, назначеніе которыхъ заключается въ такой замѣнѣ заслоняемыхъ ими представленій, которая доставалась бы намъ съ возможно меньшей потерей дорогихъ для насъ свойствъ представленій: ихъ индивидуальности, опредѣленности, яркости, жизненности вообще. Очевидно однако-же, что такой идеалъ недостижимъ, такъ какъ все конкретное, индивидуальное, опредѣленное, яркое, живое должно погибнуть въ искусственной комбинаціи, даваемой понятіемъ, и только такимъ образомъ сдѣлать процессъ мышленія возможнымъ. Понятія, какъ видно изъ этого, не относятся къ предметамъ и явленіямъ *непосредственно*, подобно представленіямъ, а только *чрезъ посредство* этихъ послѣднихъ. У понятій нѣтъ *своихъ* объектовъ, такіе объекты существуютъ только у представленій; понятіе не относится къ этому человѣку, къ этому дереву, камню, т.-е. не къ Ивану, не къ березѣ, растущей у его дома, не къ

обломку гранита, который онъ привалилъ подъ эту березу; но къ человѣку вообще, дереву вообще, камню вообще. Такимъ образомъ, понятія являются только приспособленіемъ представленій къ свойствамъ мыслящаго субъекта, и не только не имѣютъ въ дѣйствительности явленій, соотвѣтствующихъ имъ помимо представленій, но и сами существуютъ не какъ представленія, ибо, какъ то было замѣчено выше, понятія суть идеалы недостижимые. Строго говоря, слѣдовало бы утверждать что понятія не существуютъ, а что существуетъ только стремленіе къ ихъ образованію,—стремленіе, завершающееся всегда полу-достиженіемъ этой цѣли. Такимъ образомъ, о понятіи вполнѣ образованномъ, законченномъ, завершенномъ мы не можемъ имѣть никакого представленія, а мыслимъ и его только какъ понятіе. Сопоставленіе этой характеристической черты понятій съ указанной выше характеристической чертой представленій выясняетъ съ полною отчетливостью различіе этихъ двухъ моментовъ мышленія и приводитъ къ правильному взгляду на ихъ соотношеніе. Не надо упускать изъ виду только, что понятія, при всемъ ихъ несовершенствѣ, служатъ къ преодолѣнію границъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ во времени и въ пространствѣ и, вмѣсто безконечнаго ряда представленій, даютъ хоть временно и неполно законченныя комбинаціи, дозволяющія намъ охватывать мыслью такое обиліе явленій, о которомъ безъ помощи понятій нельзя было бы и мечтать.

Легко видѣть, что не всѣ наши понятія образованы непосредственно изъ представленій, но что есть множество и такихъ, которыя путемъ новыхъ комбинацій образованы изъ понятій же и, по этой причинѣ, представляютъ еще высшую стадію обобщенія, но въ то же время еще болѣе лишены отличительныхъ чертъ конкретности и индивидуальности, еще встрѣчающихся въ понятіяхъ, близкихъ къ представленіямъ. Ясно, что лѣстница восходящихъ обобщеній является длиннымъ рядомъ ступеней, представляющихъ постепенное возростаніе общности и отвлеченности, соразмѣрно съ удаленіемъ отъ почвы воспріятій, къ которой, однако, тяготѣютъ всѣ самыя наивысшія понятія, въ которой всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ свои корни. Такимъ образомъ, *сведеніе* понятій къ основнымъ ихъ представленіямъ не всегда просто, а, какъ можно заключить изъ предшествовавшаго, нерѣдко бываетъ сопряжено съ большими трудностями и требуетъ тщательнаго анализа. *Образованіе* же понятій и того

труднѣе, особенно же когда дѣло идетъ о понятіяхъ высшаго порядка отвлеченія и о понятіяхъ наиболѣе общихъ.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ естественный и неизбѣжный ходъ нашего мышленія, т.-е. того психическаго процесса, правильное и цѣлесообразное направленіе котораго *можетъ* привести къ *знанію*, хотя приводитъ къ нему далеко не всегда. Понятно, что произвольное комбинированіе хотя бы и правильно образованныхъ представленій можетъ дать только такое понятіе, сведеніе котораго къ представленіямъ, послужившимъ ему *случайнымъ* основаніемъ, невозможно, и которое должно быть признано поэтому фикціей, формой, лишенной содержанія. Точно такъ же останется безрезультатною работа надъ неправильно образованными представленіями даже и въ томъ случаѣ, когда работа эта была бы вполнѣ методична. Очевидно, что связь съ дѣйствительностью опять является порванною, и опять вмѣсто знанія, вмѣсто понятій, извѣстнымъ образомъ коренящихся въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло съ фикціями. О произвольномъ же образованіи неправильно составленныхъ представленій и говорить не стоитъ, хотя неметодическое наивное мышленіе можетъ, очевидно, творить и эти сугубыя фикціи въ преизобиліи.

Теперь различіе правильнаго, методическаго, научнаго мышленія отъ обыденнаго становится намъ еще болѣе опредѣленнымъ и рѣзкимъ, и начинаетъ выясняться та истина, что обыденное мышленіе можетъ достигать знанія только урывочно, случайно, да и то безъ малѣйшей возможности отличать его въ массѣ призраковъ, среди которыхъ ему придется спротствовать. Вообще же говоря, обыденное мышленіе не достигаетъ знанія; оно образуетъ представленія безсознательно и безконтрольно, оно комбинируетъ понятія произвольно, внѣ всякой критики и, что особенно важно, оно не различаетъ этихъ двухъ моментовъ, смѣшиваетъ понятія съ представленіями,—точнѣе, принимаетъ первыя за послѣднія и по этой причинѣ вращается постоянно въ мірѣ призраковъ. Для него въ представленія обращаются не только понятія о явленіяхъ природы, процессахъ, происходящихъ въ организмѣ, и т. д., но и понятіе о ничтожествѣ роли человѣческихъ хотѣній въ общемъ ходѣ событій (судьба) и другія еще болѣе отвлеченныя понятія. Все это объективируется и въ заключеніе еще антропоморфизируется и антропопатируется и становится новымъ міромъ мысли, сформованнымъ по

образу и подобію міра дѣйствительнаго. Этотъ міръ есть міръ мнимый, и, чтобы свести его къ реальнымъ представленіямъ и опредѣлить его генезисъ, требуется особая спеціальная наука, которой можно придать общее названіе «науки о мнимомъ», въ частности—миѳологіи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Охарактеризовавъ въ предшествовавшемъ письмѣ различіе обыденнаго мышленія отъ научнаго, я попытаюсь теперь указать вамъ на самое основаніе этого различія, на противопоставленіе пониманія и знанія.

Для этой цѣли возвратимся еще разъ къ «закону трехъ состояній» Ог. Конта и постараемся воспользоваться имъ для рѣшенія нашего вопроса. Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что основоначальное различіе между двумя первыми опредѣляемыми закономъ Конта фазисами умственнаго состоянія и послѣднимъ заключается въ противоположности характера образованія мистико-метафизическихъ понятій характеру образованія понятій научныхъ. Мистико-метафизическія понятія образуются не изъ данныхъ воспріятія, и содержаніе ихъ по этой причинѣ не коренится въ томъ, что дано непосредственно прямымъ опытомъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ понятіяхъ научныхъ, но вырабатывается путемъ отторженнаго отъ опыта умозрѣнія. Такимъ образомъ, результаты мистико-метафизической работы мысли различаются очень рѣзко и рѣшительно отъ результатовъ научнаго мышленія, они имѣютъ значеніе *пониманія*, а не значеніе *знанія*. Это послѣднее значеніе принадлежитъ только результатамъ мышленія, руководимаго научнымъ методомъ, т.-е. собственно результатамъ познаванія. Но что же значитъ *понять* какое-нибудь явленіе, или, разсматривая процессъ этотъ съ активной его стороны, *объяснить* какое-нибудь явленіе? Понять какое-нибудь явленіе—значитъ находить его вразумительнымъ, яснымъ, понятнымъ; точно такъ же какъ объяснить явленіе—значитъ сдѣлать его вразумительнымъ, яснымъ, понятнымъ. Всѣ эти термины соотвѣтствуютъ тому моменту мышленія, когда данное явленіе сводится къ его *причинѣ*. Когда эта причина считается извѣстною, и явленіе считается объясненнымъ, понят-

нымъ, хотя бы предположенная причина была реальнымъ же явленіемъ или только продуктомъ воображенія—все равно. Напротивъ того, неясно, непонятно то, причина чего считается неоткрытою, непзвѣстною. Такъ, когда мы говоримъ, что «есть въ мірѣ много необъяснимаго», то слова эти могутъ означать только, что есть много явленій, причины которыхъ намъ неизвѣстны, т.-е. или не открыты, или еще не измышлены. Тщетно напрягаясь въ ихъ измышленіи, и восклицаютъ Фамусовы: «пофилософствуй—умъ вскружится!»—тогда какъ Амосы Ѳедоровичи легко и скоро до всего доходятъ «собственнымъ умомъ». Очевидно, однако-же, что принципіальной разницы между ними никакой нѣтъ. Характерно у обыденнаго мышленія то, что оно становится въ тупикъ не передъ фактами, трудно объяснимыми, но просто-напросто лишь передъ фактами необычными. Никакой грибоѣдовскій или гоголевскій герой изъ той массы, среди которой мы еще и теперь живемъ, ни на минуту не задается вопросомъ, почему, напримѣръ, онъ мыслитъ или, говоря обыденнымъ языкомъ, думаетъ. Думаетъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ, и фактъ этотъ не требуетъ для него никакого объясненія; если же иному и взбредетъ какъ-нибудь на умъ такой вопросъ, то онъ тотчасъ же удовлетворяется тѣмъ соображеніемъ, что всѣ-де люди думаютъ. Вообще говоря, объясненіе требуется всего чаще для явленій новыхъ; старое же считается естественнымъ и представляется необходимымъ. Только съ переходомъ къ сравнительно высшей стадіи умственнаго развитія являются вопросы о причинахъ такихъ обычныхъ явленій, какъ день, ночь, погода и т. д., чѣмъ и оправдывается мнѣніе Ог. Конта, что только научная философія признаетъ повседневные факты важнѣйшими и считаетъ преобладаніе вниманія къ необыкновеннымъ явленіямъ весьма недвусмысленнымъ признакомъ отсталости взгляда. Кругъ наблюденій, такимъ образомъ, расширяется; съ расширеніемъ его расширяется приложеніе понятія *причины* и является необходимость отчета въ значеніи самаго этого понятія, какъ понятія о причинѣ вообще или понятія *причинности*. Извѣстно, что терминъ «причинность» служилъ первоначально къ обозначенію той составной части причины, которая будто бы придаетъ ей способность производить *дѣйствіе;* съ этой точки зрѣнія, причинность является силою, при посредствѣ которой причина получаетъ возможность проявляться какъ таковая. Такое значеніе понятія причинности

представляется намъ совершенно естественнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что понятіе это могло быть образовано всего вѣроятнѣе изъ представленій, доставляемыхъ нашей собственной дѣятельностью, и затѣмъ уже было перенесено на явленія внѣшняго міра. Можно утверждать, что идея причинной связи явленій была возбуждена въ человѣческой мысли не наблюденіемъ надъ *измѣняемостью* всего насъ окружающаго, но сознаніемъ нашей *способности вызывать измѣненія* соотвѣтственно тѣмъ цѣлямъ, которыя мы сами же ставимъ. Первоначальнѣйшее понятіе о причинности есть понятіе цѣли, такъ что понятіе *конечной причины*, согласно этому первоначальному его опредѣленію, охватываетъ и понятіе *причины дѣйствующей*. Такой антропоморфическій смыслъ понятія причинности до того живучъ, что остатки его существуютъ еще и по настоящее время. Кромѣ того, надо замѣтить, что навязываніе понятія причинности идеѣ цѣли совершается обыденнымъ мышленіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обобщается понятіе безсознательной воли, необходимости и т. п. Изъ всего этого видно, что понятіе причинности всегда казалось основаннымъ на опытѣ; этимъ и объясняется прочность его метафизическаго истолкованія. *Психологически*—образованіе его является необходимымъ; *критически* же—его нельзя не признать очень неудовлетворительнымъ.

Неудовлетворительность обыденнаго и метафизическаго понятія причинности ясно обнаружится предъ вами, когда вы обратитесь къ указанному выше различію представленій отъ понятій и къ ихъ взаимнымъ соотношеніямъ. Очевидно, что *причинность* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объектомъ представленія или представленій, но есть *понятіе*, построенное черезъ обобщеніе представленій и относящееся къ объектамъ черезъ посредство этихъ представленій. Слѣдовательно, когда мы мыслимъ причинность, то представленія наши сняты не съ причинности какъ таковой, но съ причины и дѣйствія, т.-е. съ двухъ явленій, одно за другимъ слѣдующихъ или существующихъ. Если мы полагаемъ, что второе изъ этихъ явленій существуетъ только потому, что существуетъ первое, то этимъ опредѣленіемъ отношеній между ними мы устанавливаемъ связывающую ихъ *причинность* и, согласно этому понятію, разсматриваемъ первое явленіе какъ причину, второе—какъ его дѣйствіе.

При такомъ взглядѣ на соотношеніе причины и дѣйствія совершенно устраняется всякій антропоморфизмъ; но это отсут-

ствіе антропоморфизма въ научномъ воззрѣніи на связь причины и дѣйствія не исчерпываетъ еще собою различія научнаго отъ обыденнаго взгляда на причинность. Чтобы ясно видѣть еще и другую характеристическую черту этого различія, припомните сдѣланное выше указаніе на отношеніе обыденнаго мышленія ко всему обыкновенному, повседневному, часто повторяющемуся. Обыденное мышленіе скользитъ надъ всѣми такого рода явленіями, не останавливаясь надъ вопросомъ причинности; явленіе считается понятнымъ ради своей обычности и представляется не требующимъ никакихъ объясненій. Такимъ образомъ, обыденное мышленіе располагаетъ цѣлымъ обширнымъ запасомъ фактовъ, произвольно-допущенная понятность которыхъ даетъ ему возможность брать эти факты для объясненія другихъ, неповседневныхъ, необыкновенныхъ, рѣдкихъ. Сводя такимъ путемъ необыкновенное на обыкновенное, обыденное мышленіе предполагаетъ, что сводитъ непзвѣстное на извѣстное и, слѣдовательно, *объясняетъ* первое, дѣлаетъ его *понятнымъ*. При этомъ въ объясненіе часто впутывается ассоціація идей, берущая начало въ словесномъ обозначеніи понятій: часто-повторяемыя слова начинаютъ казаться годными для объясненія, такъ что въ запасъ представленій проникаютъ понятія, которыя при критическомъ ихъ изслѣдованіи оказываются пустыми и, слѣдовательно, прикрывающими призраки. Вы видите изъ этого, что сведеніе непзвѣстнаго на *мнимо*-извѣстное представляетъ въ обыденномъ мышленіи такое объясненіе, которое можетъ вести очень часто въ сторону, противоположную отъ истины. Такое уклоненіе отъ истины обозначается внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что обыденное мышленіе обыкновенно даетъ для *одного* и *того же* факта множество *различныхъ* объясненій, т.-е. множество сведеній его къ различнымъ повседневнымъ явленіямъ. Указаніе на связь причины и слѣдствія становится, такимъ образомъ, крайне шаткимъ и противорѣчивымъ, и вмѣсто объясненія создаетъ только путаницу. Само собою разумѣется, что такое *объясненіе* лишено всякой объективной принудительности, и каждый отдѣльный субъектъ подсовываетъ всегда тѣ факты, которые обычны для него, считаются извѣстными ему, безъ постановки вопроса объ извѣстности и обычности этихъ фактовъ для другихъ людей. Для васъ ясно теперь, что весь строй обыденнаго объясненія явленій, т.-е. обыденнаго воззрѣнія на связь причинъ и дѣйствій, открываетъ просторъ фантазіи въ такой мѣрѣ, что общая со-

вокупность понятій обыденнаго мышленія не можетъ не представляться для научнаго мышленія иначе, какъ міромъ призраковъ.

Научному изслѣдованію понятія причинности обязаны мы разсѣяніемъ этихъ призраковъ и установленіемъ новаго воззрѣнія на связь причины и дѣйствія,—связь, имѣющую объективныя основанія. Воззрѣніе это отвергаетъ не только будто бы присущее одному объекту или явленію свойство производить другой объектъ или другое явленіе, но не допускаетъ даже считать причиною одинъ только послѣдній объектъ или послѣднее явленіе въ ряду тѣхъ, которые предшествовали новому объекту или новому явленію, принимаемому какъ дѣйствіе. Такимъ образомъ, наука—какъ то и развилъ превосходно Ст. Милль въ своей «Системѣ логики»—можетъ вести рѣчь только о *причинахъ*, но никогда не о *причинѣ*. Причины по отношенію къ ихъ дѣйствію она всегда разсматриваетъ какъ *факторы* по отношенію къ *произведенію*, или какъ *элементы* по отношенію къ *цѣлому*. Такимъ образомъ, опредѣленіе причинъ даннаго дѣйствія является актомъ, аналогическимъ разложенію произведенія на его множителей или данной величины на элементы. Наблюдая порядокъ въ послѣдовательно возникающихъ явленіяхъ и замѣтивъ въ порядкѣ этомъ извѣстное постоянство, наука получаетъ возможность опредѣлить сказанную *соотносительность* причинъ и дѣйствій во всѣхъ подлежащихъ наблюденію явленіяхъ. *Причинность* въ качествѣ какого-то мистическаго начала, долженствующаго быть открытымъ въ явленіяхъ и объектахъ, устраняется разъ навсегда, и на ея мѣсто ставятся однѣ только отдѣльныя *причины*, опредѣленіе которыхъ и есть дѣло научнаго метода. Самая же причинность, освобождаясь отъ всѣхъ затемнявшихъ ее мистико-метафизическихъ свойствъ, получаетъ значеніе понятія, соотвѣтствующаго той соотносительности причины и дѣйствія, которая одна только и можетъ имѣть въ научной философіи опредѣленное значеніе.

Изъ предыдущаго нетрудно будетъ вамъ усмотрѣть, куда можетъ завести мистико-метафизическое конструированіе понятія причинности и какое значеніе можно признать за умозрительною погонею за первыми причинами. Устраненіе трудностей, представлявшихся для научной философіи, пока самое понятіе принималось такимъ, какимъ установили его мистика и метафизика, не достигалось устраненіемъ самаго понятія. Провозглашеніе Ог. Контомъ недоступности понятія этого для разума

только напрасно принижало разумъ и отодвигало затрудненія, не преодолѣвая ихъ. Предстояло, очевидно, не эскамотировать понятіе, а подвергнуть его критическому изслѣдованію, т.-е. прорвать желѣзное кольцо схемы и создать внѣ ея такую область изслѣдованія, содержаніе которой не могло войти ни въ одну изъ частныхъ областей схемы, ни въ одну изъ спеціальныхъ наукъ. На дѣло это, хотя и ясно намѣченное Ог. Контомъ, не хватило у эпигоновъ его ни силъ, ни умѣнья. Самъ Литтрѐ, почтенный ученый, но слабый философъ, могъ придумать только какую-то «appendice de la philosophie positive», а нѣкій россійскій позитивистъ низвелъ эту «appendice» просто-напросто до роли «сборной команды человѣческаго знанія». Позитивизмъ на этомъ пунктѣ замеръ и утратилъ оттого преобладающее вліяніе въ ходѣ развитія научной философіи.

Возвращаясь къ «закону трехъ состояній» Ог. Конта, я могу указать вамъ теперь на отношеніе его къ изложенному выше критическому изслѣдованію понятія причинности. Основа закона трехъ состояній заключается въ установленіи различія знанія и обыденнаго пониманія. Изъ двухъ моментовъ, на которые распадается понятіе причинности—причины и дѣйствія—о дѣйствіи мы имѣемъ представленіе, *знаемъ* его непосредственно, о причинѣ же заключаемъ, строимъ о ней гипотезу и при ея помощи устанавливаемъ *пониманіе* явленія, принимаемаго какъ дѣйствіе. Если понятіе, составленное нами о причинѣ, можетъ быть сведено къ представленіямъ, если объекты послѣднихъ могутъ быть указаны, и связь ихъ съ явленіемъ, принимаемымъ какъ дѣйствіе, можетъ быть подтверждена a posteriori, то пониманіе получаетъ научный характеръ и теряетъ всякое существенное различіе отъ знанія, такъ какъ научное знаніе необходимо предполагаетъ связность; если же долженствующая удовлетворить насъ гипотеза метафизична и не можетъ получить устойчивости a posteriori, то обусловленное ею пониманіе есть пониманіе обыденное, т.-е. сведеніе извѣстнаго къ неизвѣстному, и лишено по отношенію къ знанію всякаго значенія. Чтобы избѣжать ошибокъ, проистекающихъ отъ смѣшенія двухъ охарактеризованныхъ выше принципіально-различныхъ результатовъ мышленія—знанія и обыденнаго пониманія—слѣдуетъ прежде всего не смѣшивать ихъ самихъ, какъ это часто дѣлается, но различать всегда съ полною опредѣленностью. *Знаніе* и *пониманіе* представляютъ

наивысшія отвлеченія въ процессѣ познаванія и встрѣчаются поэтому постоянно во всякой умственной работѣ и, очевидно, не совмѣстно, но по одиночкѣ, либо то, либо другое. Въ знаніи или въ пониманіи непремѣнно заключается отвѣтъ на оба наивысшихъ и наиболѣе общихъ вопроса: «что это такое?», т.-е. вопросъ бытія, и «откуда это взялось?», т.-е. вопросъ возникновенія или происхожденія. Само собою разумѣется, что о пониманіи можетъ итти рѣчь только тогда, когда что-нибудь уже извѣстно, и что, слѣдовательно, знаніе всегда должно предшествовать пониманію. Безъ такого сохраненія за знаніемъ полной независимости отъ пониманія, въ отношеніе между ними могутъ всегда вкрасться ошибки, устранить которыя—если онѣ не предотвращены—невозможно.

Я обратилъ уже выше вниманіе ваше на то, что пониманіе есть сведеніе даннаго явленія къ его причинѣ, т.-е. къ гипотезѣ объ его происхожденіи. Такой смыслъ пониманія указываетъ на неизбѣжность зависимости пониманія отъ субъективныхъ условій и, слѣдовательно, на различіе пониманія у различныхъ лицъ. Повседневный опытъ дѣйствительно научаетъ насъ что понятное и ясное для одного нерѣдко представляется для другого совершенно непонятнымъ и неяснымъ. Съ особенною яркостью выступаетъ впередъ субъективный элементъ пониманія при сужденіи о дѣйствіяхъ постороннихъ людей, причемъ, согласно поговоркѣ, всякій умѣетъ мѣрить только на свой аршинъ. Все это весьма рѣшительно характеризуетъ роль пониманія въ обыденномъ мышленіи и ясно указываетъ на тѣ ошибки, которыя легко могутъ произойти и дѣйствительно происходятъ какъ въ житейской смышлености, такъ и въ философіи, при замѣнѣ знанія обыденнымъ пониманіемъ, замѣнѣ—какъ то можетъ видѣть всякій—самой обычной.

Изложенные здѣсь мотивы приводятъ представителей критико-реалистической школы къ такому рѣшенію разсматриваемаго теперь вопроса, которое хотя и заключено уже принципіально въ законѣ Ог. Конта, но ясно высказывается и опредѣленно формулируется только критическимъ реализмомъ. Такъ, Авенаріусъ устанавливаетъ «научное пониманіе» и обусловленный имъ «чистый опытъ», Виндельбандъ—«имманетное или позитивное пониманіе», а Карлъ Гёрингъ, опираясь на тождество научнаго пониманія и знанія, требуетъ совершеннаго устраненія пониманія *какъ принципа теоріи познаванія*

и указываетъ возможность допущенія его только съ его *субъективной стороны какъ условія мышленія*.

Но пока за *пониманіемъ* удерживается его *объективное* значеніе, т.-е. значеніе знанія, до тѣхъ поръ невозможно избѣжать постояннаго столкновенія его съ *знаніемъ*; у обоихъ ихъ одинъ и тотъ же объектъ, и различаются они только своими пріемами, такъ какъ пониманіе строитъ свои понятія a priori, знаніе же—a posteriori, или, первое — чисто субъективно, черезъ посредство *мышленія*, второе—объективно, помощью *познаванія*. Нельзя пройти молчаніемъ однако-же, что пониманіе находитъ себѣ кажущуюся опору какъ въ отношеніяхъ субъекта къ объектамъ, такъ и въ соотношеніяхъ этихъ послѣднихъ между собою. Всего прежде надо принять во вниманіе постоянство воспроизведенія извѣстнаго содержанія въ актѣ пониманія, затѣмъ имѣетъ мѣсто также и повтореніе воспріятій при множествѣ одинаковыхъ и сходныхъ между собою объектахъ и процессахъ. Все это дѣлаетъ возможнымъ своего рода апріорное знанія, или, выражаясь точнѣе, допускаетъ извѣстную антиципацію знанія, сходственную съ апріорностью, именно: очень часто представляется возможнымъ, минуя прямой опытъ, переносить знаніе, установленное по отношенію къ однимъ объектамъ и процессамъ, на другіе, одинаковые съ ними, не впадая при этомъ въ ошибку. Такая антиципація знанія есть ни что иное, какъ то предвидѣніе, на которое указывалъ Ог. Контъ въ своемъ курсѣ позитивной философіи, поставивъ его основною задачею науки (voir pour prévoir). Наука разсматриваетъ такое предвидѣніе, или антиципированное знаніе, или, пожалуй, такое a priori, какъ знаніе гипотетическое, фактическая вѣрность котораго никогда не перестаетъ оставаться въ зависимости отъ прямого опыта. Изъ этого видно, что даже и въ то время, пока научное знаніе имѣетъ еще характеръ гипотетическій, оно весьма рѣзко отличается отъ мнимаго знанія, пріобрѣтаемаго чрезъ обыденное мышленіе, такъ какъ научныя гипотезы всегда могутъ быть подтверждены a posteriori и перейти въ достовѣрное знаніе. Научныя гипотезы, такимъ образомъ, отличаются отъ обыденныхъ предположеній и догадокъ тѣмъ, что онѣ никогда не выходятъ за предѣлы «*возможнаго опыта*», никогда не переносятъ гипотетическаго факта въ область «*трансцендентную*». Этою характеристическою чертою и завершаю я отличительные при-

знаки научнаго пониманія, и вы видите, что ею создается возможность дѣйствительнаго предвидѣнія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ научной точности.

Если бъ *философія не возникла ранѣе знанія*, то не случилось бы и того, что, подъ вліяніемъ непосредственныхъ стремленій человѣческой природы, возможно стало *возвести гипотезы, служившія для одного только пониманія, на степень абсолютнаго знанія*, а опытное знаніе, въ противоположность этому мнимо-абсолютному, низвести на уровень гипотетическаго и даже совсѣмъ лишить значенія знанія. Но если такое воззрѣніе могло возникнуть и удержаться до возникновенія научнаго знанія, то въ настоящее время оно должно уступить мѣсто воззрѣнію прямо противоположному, и знанію опытному, достовѣрному должно быть разъ навсегда отведено то мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву. Когда обыденное мышленіе будетъ, такимъ образомъ, устранено изъ науки, тогда возведеніе гипотезъ на высоту достовѣрнаго знанія окончательно изъ нея исчезнетъ, повтореніе въ апріорной формѣ того, что было установлено опытомъ, будетъ признано излишнимъ и вреднымъ, и предвидѣніе станетъ опираться исключительно на прямой опытъ,—тогда для науки настанетъ пора развитія, вполнѣ свободнаго отъ преградъ и помѣхъ, такъ долго представлявшихся традиціями тѣхъ міроразумѣній, которыя она пережила и преодолѣла.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Характеризуя мышленіе, я сказалъ, что оно начинается съ представленій, матеріалъ которыхъ дается воспріятіями, обусловливаемыми ощущеніями. Такимъ образомъ, я представилъ вамъ мышленіе коренящимся въ *опытѣ* и лишеннымъ возможности существовать внѣ его. Спѣшу оговориться, что подъ опытомъ я разумѣю пока отношеніе мыслящаго субъекта къ мыслимымъ объектамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ,—то отношеніе, которое выражается въ возможности сведенія процесса мысли къ воспріятіямъ и которое, слѣдовательно, предполагаетъ извѣстную связь этого процесса съ реальнымъ міромъ объектовъ. О той роли опыта въ мышленіи, которая даетъ возможность мышленію переходить въ познаваніе, рѣчь еще впереди. Теперь я слѣжу за мышленіемъ только какъ за психологическимъ процессомъ, какъ за установленіемъ связи, различенія и соотношенія между какими бы то ни было элементами внѣшняго и внутренняго воспріятія или какъ за соединеніемъ однихъ только словъ или отвлеченныхъ понятій. Изъ этого видно, что я разсматриваю мышленіе не только безотносительно къ познаванію, но еще и какъ процессъ, чуждый сознанія различія между этими двумя моментами своего развитія,—процессъ, совершающійся слѣпо и дающій результаты чисто призрачные.

Чтобы представить вамъ такой ходъ мышленія и характеристическіе результаты его достаточно рельефно и ярко, я не пройду молчаніемъ самой нисшей, самой первобытной ступени его, а начну именно съ нея. Потомъ, я охарактеризую вамъ и тѣ его фазисы, которые представляютъ контуры болѣе смягченные, краски не столь густыя, и которыя, благодаря этому отсутствію рѣзкости, обладаютъ чрезвычайною живучестью: проникаютъ въ философію, въ науку и даже въ настоя-

щее время далеко не могутъ еще считаться окончательно изгнанными изъ той и другой.

Если вы сравните міръ мысли жителя, положимъ, Архангельска съ міромъ мысли жителя Калькутты, то замѣтите между ними тѣмъ болѣе сходства, чѣмъ выше стоятъ избранные вами субъекты по образованію, чѣмъ ближе они подходятъ подъ типъ личностей, мыслящихъ критически; и наоборотъ—между избранными вами для сравненія мірами мысли найдете вы тѣмъ менѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ невѣжественнѣе, чѣмъ первобытнѣе сопоставляемыя личности, такъ что между совокупностью представленій и понятій самоѣда, съ одной стороны, и индуса, съ другой, вы ужъ найдете крайне мало общаго. Этотъ первый итогъ сравненія даетъ вамъ многозначительное указаніе на роль воспріятій въ мышленіи: представленія самоѣда и представленія индуса, въ силу непосредственности ихъ воспріятій, имѣютъ мѣстный характеръ, и потому такъ же различны, какъ различны соотвѣтственныя географическія мѣстности; представленія же людей образованныхъ, выработанныя посредствомъ далеко выходящаго за предѣлы конкретнаго мѣстнаго кругозора научнаго метода, дѣлаютъ область опыта болѣе или менѣе общей для жителя Архангельска и жителя Калькутты и, вслѣдствіе того, уравниваютъ между собою и ихъ понятія. Различіе міра мысли личностей образованныхъ отъ міра мысли людей первобытныхъ находится, какъ можно видѣть изъ этого, въ прямомъ соотношеніи съ объемами этихъ міровъ, точнѣе, съ численностью представленій каждаго изъ нихъ. Разумъ человѣка несомнѣнно растетъ пропорціонально этой численности.

Итакъ, высокая степень умственнаго развитія неизбѣжно охватываетъ большое число представленій, т.-е. неизбѣжно относится къ большому числу объектовъ. Но, чтобы охватывать мыслью представленія большаго числа объектовъ, необходимо отчетливо различать ихъ другъ отъ друга. Если различеніе не отчетливо или если оно совсѣмъ отсутствуетъ, то границы представленій одного объекта сливаются съ границами представленія другого, и число представленій необходимо уменьшается. Только явственное, опредѣленное, отчетливое различеніе объектовъ допускаетъ возможность не смѣшивать представленій и охватывать объекты въ большомъ числѣ. А такъ какъ вспомогательныя средства науки даютъ возмож-

ность различать тысячи объектовъ, сливающихся для обыденнаго мышленія, то и возможно, по числу объектовъ, различаемыхъ мыслящимъ субъектомъ, судить о высотѣ его умственнаго развитія.

Вы видите изъ этого, что высокая степень умственнаго развитія характеризуется обиліемъ представленій, отчетливо между собою различаемыхъ. Чѣмъ ниже будемъ мы спускаться отъ одной степени развитія къ другой, тѣмъ скуднѣе будетъ число встрѣчаемыхъ нами объектовъ и тѣмъ болѣе будутъ сливаться представленія и становиться расплывчатыми ихъ границы. Самая низшая ступень умственнаго развитія, наконецъ, будетъ и самою бѣдною представленіями, и самою неспособною къ различеніямъ. На этой ступени не только не различаются представленія отъ понятій и, слѣдовательно, не только смѣшиваются объекты реальные съ объектами мнимыми, но безпрестанно смѣшиваются даже и представленія; такъ, звукъ грома смѣшивается съ голосомъ человѣка или мычаньемъ коровъ; свѣтлая полоса молніи слабо различается или даже вовсе не различается отъ стрѣлы или дерева; полетъ метеора смѣшивается со змѣемъ или дракономъ, небесныя свѣтила съ земными огоньками и т. д. Вообще говоря, неразличеніе, которое мы можемъ констатировать у первобытнаго человѣка, даетъ право утверждать, безъ малѣйшей боязни преувеличенія, что не только ходъ мышленія у такого человѣка несостоятеленъ, но даже глаза и уши его не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями.

Численность представленій, низведенная до чрезвычайной скудости неспособностью различать объекты и явленія, ограничивается еще, какъ то и было уже замѣчено, узкостью кругозора первобытнаго человѣка, ничего не знающаго о томъ, что существуетъ за предѣлами, достижимыми для его непосредственнаго восприниманія. Что видитъ и слышитъ, напримѣръ, самоѣдъ? А самоѣдъ не стоитъ еще у предѣла невыгодныхъ условій въ этомъ отношеніи: эскимосъ, чукча, бушменъ, ботокудъ осуждены на еще болѣе скудныя и однообразныя впечатлѣнія. Численность представленій ихъ поэтому крайне ничтожна, внутренній міръ бѣденъ до крайности, умственная дѣятельность, не имѣющая пищи, лишенная возможности развиваться посредствомъ упражненія, чрезвычайно слаба и рѣдко восходитъ до понятій, оставляя пріобрѣтенный мате-

ріалъ въ сыромъ, необработанномъ состояніи. Языкъ, какъ выраженіе такого умственнаго состоянія, также бѣденъ и приспособленъ только для выраженія представленій и элементарнѣйшихъ понятій, и потому не годенъ для передачи понятій народовъ, стоящихъ на сравнительно высшей степени интеллектуальнаго развитія. Умственное состояніе первобытнѣйшаго фазиса мышленія таково, что для постановки вопроса о соотвѣтствіи этого мышленія дѣйствительности не существуетъ никакой почвы: ложныя представленія, едва-едва соединенныя случайно въ кое-какія понятія и большею частью остающіяся въ розни между собою, представляютъ картину столь тусклую и неопредѣленную, до такой степени лишенную элементарныхъ границъ и первоосновныхъ контуровъ, что нѣтъ никакой возможности уловить между нею и картиною реальнаго міра самомалѣйшую черту сходства. Это—грубая и аляповатая фантастика съ одного края до другого; это—своеобразный міръ, всякій отдѣльный элементъ котораго, насколько онъ выдѣлимъ, не носитъ на себѣ ни малѣйшаго признака связи съ дѣйствительностью, и потому представляетъ собою актъ мысли, лишенный содержанія; а, въ цѣломъ, вся совокупность этихъ пустыхъ образовъ не можетъ не являться для нашего глаза иначе какъ призрачною.

Я не желаю, однако-же, остаться при этой слишкомъ еще общей характеристикѣ и попрошу васъ позволить мнѣ взглянуть на очерченный мною процессъ образованія призраковъ нѣсколько ближе, отмѣтить въ немъ тѣ важнѣйшія различенія, которыя въ немъ есть и очертить его хотя самыми главными конкретными и индивидуальными штрихами, его характеризующими.

Вы уже обратили вниманіе на то, что большая численность представленій, находящихся въ распоряженіи мыслящаго лица, предполагаетъ и большое развитіе способности различенія у этого лица. Чѣмъ способность эта развитѣе, тѣмъ представленія опредѣленнѣе и тѣмъ вѣрнѣе могутъ они соотвѣтствовать объектамъ; вѣрность же соотвѣтствія объектамъ идетъ рука объ руку съ оцѣнкою знанія самыхъ объектовъ. Чѣмъ многочисленнѣе объекты и чѣмъ обстоятельнѣе различаются между собою представленія ихъ у данной личности, тѣмъ вѣрнѣе можетъ личность эта опредѣлить то значеніе, которое имѣютъ для нея эти объекты. Изъ этого видно, что опредѣленіе значе-

нія объектовъ для каждаго отдѣльнаго лица должно измѣняться при возростаніи численности представленій у этого лица, т.-е. при расширеніи умственнаго его кругозора. Но такъ какъ объекты существуютъ не разрозненно, а въ общей связи, то только-что указанное измѣненіе въ оцѣнкѣ ихъ значенія для оцѣнивающаго лица должно имѣть мѣсто и при оцѣнкѣ того значенія, которое они имѣютъ одинъ по отношенію къ другому. И въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ первомъ, численность объектовъ и предполагаемая ею различаемость ихъ представленій оказываютъ рѣшающее вліяніе: чѣмъ скуднѣе данная совокупность представленій, тѣмъ далѣе отъ соотвѣтствія дѣйствительности будетъ опредѣленіе значенія объектовъ этихъ представленій; и наоборотъ—чѣмъ общая совокупность представленій богаче полнѣе, тѣмъ опредѣленіе значенія объектовъ точнѣе и вѣрнѣе.

Итакъ, личность съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, бѣдная представленіями, неизбѣжно иначе опредѣляетъ субъективную и объективную цѣнность предметовъ и явленій, чѣмъ личность, охватывающая широкій кругозоръ и располагающая большою численностью тѣхъ и другихъ. Остается опредѣлить, въ чемъ именно заключается здѣсь различіе.

Ограниченный кругозоръ, охватывающій незначительное число представленій и, вслѣдствіе того, какъ вы уже знаете, неизбѣжно слабо-различающій, подверженъ по отношенію къ оцѣнкѣ значенія извѣстныхъ ему объектовъ двоякаго рода опасности: или преувеличить это значеніе, или, бросаясь въ другую крайность, чрезмѣрно умалить его. Такъ какъ оцѣнивать возможно значеніе только извѣстныхъ объектовъ, а ихъ въ данномъ случаѣ мало, то это малое число ихъ, въ силу отсутствія сравненія съ остальною массою, находящеюся внѣ кругозора бѣднаго представленіями лица, неизбѣжно получитъ значеніе, превышающее его настоящую стоимость, вырастетъ въ глазахъ нашего наблюдателя. При этомъ значеніе каждаго отдѣльно взятаго объекта данной группы, сравнительно съ остальными объектами этой группы и безотносительно къ остальнымъ однороднымъ объектамъ, неизвѣстнымъ и только предполагаемымъ, опредѣлится тоже неправильно; объекты, не производящіе рѣзкаго впечатлѣнія и требующіе для опредѣленія ихъ значенія особенныхъ пріемовъ изслѣдованія, будутъ оцѣнены ниже ихъ дѣйствительной стоимости, умалены срав-

нительно съ объектами яркими, бросающимися въ глаза. Такая ошибочность опредѣленія цѣнности объектовъ становится, вообще говоря, тѣмъ болѣе грубою и рѣзкою, чѣмъ слабѣе примѣняется способность различенія. Такъ, напримѣръ, гдѣ какому-нибудь десятку признанныхъ полезными растеній противополагаются, какъ негодныя, всѣ остальныя, тамъ вырываютъ и бросаютъ въ огонь, какъ бурьянъ, многое полезное гораздо болѣе того, что самымъ тщательнымъ образомъ оберегается. Припомните только, что̀ говоритъ Дарвинъ, напримѣръ, о шмеляхъ и т. п., и вы увидите, какъ далеко можетъ простираться вліяніе различенія, основаннаго на изученіи того обилія объектовъ, которое охватывается наукою. Противопоставляя этому обилію крайнюю скудость объектовъ первобытнаго человѣка или даже и принимая во вниманіе обусловленную этою скудостью слабость его способности различенія, вы вспомните, конечно, все то, что разсказывается путешественниками и что, быть можетъ, и самимъ вамъ не разъ приходилось наблюдать,— и найдете во всемъ этомъ, какъ я надѣюсь, несомнѣнное подтвержденіе того взгляда на ошибочное опредѣленіе значенія объектовъ, который былъ мною только-что изложенъ. Подтверждая взглядъ этотъ, вы еще разъ подтвердите и тотъ, который былъ высказанъ выше, а именно, что обыденное мышленіе въ своемъ первобытнѣйшемъ фазисѣ неизбѣжно заводитъ въ міръ призраковъ.

Чтобы закончить характеристику этого первобытнѣйшаго фазиса, мнѣ предстоитъ еще разсмотрѣть самые призраки, что я и постараюсь исполнить въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Область опыта первобытнаго человѣка ограничена, число его представленій ничтожно, оцѣнка значенія извѣстныхъ ему объектовъ ошибочна и не имѣетъ ничего общаго съ нашею; но на этомъ не оканчивается, однако-же, различіе его мышленія отъ нашего, такъ какъ и *пониманіе* его также неизбѣжно своеобразно и рѣзко различается отъ нашего.

Такъ какъ мысленный кругозоръ первобытнаго человѣка узокъ и число объектовъ, на приложеніи къ которымъ онъ могъ бы упражнять свою способность различенія, очень не велико, то и способность эта, какъ я то и имѣлъ уже случай замѣтить, развита крайне слабо. При слабости же развитія этой способности, первобытный человѣкъ не можетъ различать себя отъ окружающей его природы такъ, какъ различаемъ мы, и, вообще, явленія, измѣненія, движеніе, жизнь, предполагающая сознаніе, не различаются имъ отъ явленій, измѣненій, движенія и жизни безсознательной. Вся природа не можетъ не представляться ему несравненно болѣе однообразною, чѣмъ намъ; объясненіе ея должно быть у него не только немногосложно, но можетъ даже ограничиваться сведеніемъ всего извѣстнаго къ одной какой-нибудь причинѣ, предполагаемой имъ самою доступнѣйшей для него и самою извѣстною.

Въ этомъ пунктѣ сливается первобытное объясненіе явленій съ возникновеніемъ самой идеи причинности, такъ какъ идея всего вѣроятнѣе могла быть образована изъ представленій, доставляемыхъ нашею собственною дѣятельностью и затѣмъ уже была перенесена на явленія внѣшняго міра. Говоря о такомъ способѣ возникновенія идеи причинности въ моемъ второмъ письмѣ, я замѣтилъ, что возникновеніе идеи причинности въ человѣческой мысли можно приписать не наблюденію надъ измѣненіями во внѣшней природѣ, но сознанію способности вызывать измѣненія сообразно съ поставленными человѣкомъ

цѣлями. При слабомъ различеніи сознательной дѣятельности отъ безсознательной, эта, повидимому, столь близко извѣстная человѣку способность или сила легко могла быть предположена какъ сила, дѣйствующая при каждомъ измѣненіи, при каждомъ движеніи, при каждомъ проявленіи жизни и, слѣдовательно, какъ сила, присущая каждому или почти каждому объекту. Въ этомъ послѣднемъ актѣ первобытно-мыслящаго субъекта, въ этомъ широкомъ и безконтрольномъ приложеніи *аналогіи*, міръ призраковъ получаетъ окончательно свой опредѣленный обликъ: призраки получаютъ свойства человѣческія и становятся фетишами, а вѣрованіе въ нихъ складывается какъ своеобразная система, извѣстная подъ названіемъ *фетишизма* или, согласно мысли Тэйлора, *анимизма*.

«Понятіе о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ,—говоритъ Тэйлоръ,—можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, по своей природѣ нѣчто въ родѣ пара, воздуха или тѣни; она составляетъ причину жизни и мысли въ томъ существѣ, которое она одушевляетъ; она обладаетъ нераздѣльно личнымъ сознаніемъ и волею своего тѣлеснаго обладателя въ прошломъ и настоящемъ; она способна покидать тѣло и переноситься незримо съ мѣста на мѣсто: большею частью неосязаемая и невидимая, она обнаруживаетъ также физическую силу и является людямъ спящимъ и бдящимъ, преимущественно какъ фантасмъ, отдѣленный отъ тѣла, но сходный съ нимъ; она способна входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, имѣть ихъ въ своей власти и дѣйствовать въ нихъ. Хотя это опредѣленіе не можетъ имѣть всеобщаго примѣненія, оно во всякомъ случаѣ довольно широко, чтобы быть принятымъ за норму, измѣненную бо̀льшимъ или меньшимъ различіемъ между отдѣльными народами. Хотя эти всемірныя воззрѣнія далеко не составляютъ произвольныхъ или условныхъ продуктовъ сознанія, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно смотрѣть на ихъ однообразіе у различныхъ расъ, какъ на доказательство какой бы то ни было связи между ними. Они представляютъ ученіе, наиболѣе отвѣчающее непосредственной очевидности человѣческихъ чувствъ, *выясненное возможно положительно и раціонально первобытной философіей* (т.-е., согласно излагаемому мною взгляду, вполнѣ удовлетворяющее пониманію). И въ самомъ дѣлѣ, эта теорія настолько удовлетворительно *объясняетъ* факты (замѣчаетъ

Тэйлоръ), что она удержала свое мѣсто даже въ высшихъ слояхъ культуры. Хотя классическая и средневѣковая философія во многомъ измѣнила ее, а современная философія обошлась съ ней крайне безпощаднымъ образомъ, она настолько сохранила слѣды своего первоначальнаго характера, что въ существующей теперь психологіи цивилизованнаго міра видны еще слѣды наслѣдства отъ первобытныхъ временъ» [1]).

Очерченный въ этихъ строкахъ Тэйлора анимизмъ и представляется въ первобытнѣйшемъ фазисѣ культуры, проникающемъ всѣ подпадающіе подъ воспріятіе человѣка объекты. Объекты эти являются, такимъ образомъ, человѣку не съ ихъ физическими и химическими свойствами, а какъ призраки, одаренные человѣческими свойствами, или, точнѣе, свойствами того человѣка, который прилагаетъ къ нимъ охарактеризованную выше аналогію, который переноситъ на нихъ свои собственныя свойства. Фетиши, какъ видно изъ этого, носятъ на себѣ точный отпечатокъ тѣхъ людей, въ мысли которыхъ они возникли, и представленіе о фетишахъ измѣняется въ связи съ измѣненіями ихъ поклонниковъ. Это—міръ призраковъ, живой и подвижный, испытывающій отъ дня своего возникновенія до дня конечнаго исчезновенія непрерывныя измѣненія, какъ и та жизнь, отраженіе которой онъ представляетъ.

Воззрѣнія первобытнаго человѣка или дикаря представляютъ собою, какъ можно замѣтить изъ предшествовавшаго, нѣчто въ родѣ примитивнаго монизма, который существенно различается отъ монизма научнаго тѣмъ, что послѣдній есть результатъ сведенныхъ къ единству различій, тогда какъ фетишистскій монизмъ есть единство безразличія. Такой характеръ фетишизма, очерченный уже предшествовавшими указаніями, можетъ быть подкрѣпленъ еще однимъ соображеніемъ, на которое я имѣю въ виду обратить ваше вниманіе, если только у васъ остались еще какія-нибудь сомнѣнія относительно характера мышленія, свойственнаго первобытному человѣку. Разсматривая всѣ представляющіяся ему явленія безъ различія не только мелкихъ и тонкихъ ихъ особенностей, но даже и самыхъ рѣзкихъ и крупныхъ, первобытный человѣкъ, разъ попавъ на мысль о причинѣ и дѣйствіи, не можетъ свести понятіе причины на такое представленіе, котораго у него еще нѣтъ,

---

[1]) *Эд. Тэйлоръ.* Первобытная культура. 1872, т. I, ч. II, стр. 11—12.

а неизбѣжно сводитъ на то, которымъ располагаетъ, на единственное извѣстное ему представленіе своего собственнаго существа, какимъ онъ его знаетъ и понимаетъ. Перенося, такимъ образомъ, представленіе о самомъ себѣ на внѣшнія явленія и объекты, онъ совсѣмъ не знаетъ того, что дѣлаетъ, не знаетъ, что въ данномъ случаѣ могло бы имѣть мѣсто другое какое-нибудь представленіе, такъ какъ никакого другого представленія у него нѣтъ, и даже нѣтъ данныхъ для допущенія самой его возможности. Ему, слѣдовательно, нѣтъ выбора, для него нѣтъ происходящаго отсюда колебанія, нѣтъ сомнѣнія. Онъ прилагаетъ аналогію зря, дѣлаетъ свое заключеніе твердо, самоувѣренно, рѣшительно. Условія, въ которыя поставлено его мышленіе, влекутъ его къ конечному результату его міроразумѣнія роковымъ образомъ, и онъ подчиняется имъ тѣмъ болѣе слѣпо, чѣмъ безсознательнѣе его рѣшеніе.

Вотъ вамъ очеркъ характера первобытнаго мышленія, какимъ изображаютъ его Фрицъ Шульце и Эдуардъ Тэйлоръ [1]). Писатели эти, какъ то и видно было изъ вышеприведеннаго изложенія, не упускаютъ изъ виду значенія субъективныхъ требованій, оказывающихъ столь рѣшительное вліяніе на весь строй мысли фетишиста. Они показываютъ намъ, какъ глубоко лежатъ въ природѣ человѣка эти требованія и съ какимъ трудомъ преодолѣваются они накопленіемъ вліянія условій объективныхъ, т.-е. вліянія опыта. Такъ, напримѣръ, Тэйлоръ говоритъ, что «даже въ цивилизованныхъ странахъ анимизмъ появляется въ раннихъ понятіяхъ ребенка о внѣшнемъ мірѣ, и мы не можемъ не видѣть какъ это происходитъ. Первыя существа, доступныя пониманію дѣтей, бываютъ существа человѣческія, и по преимуществу они сами; и первое объясненіе всего происходящаго кругомъ будетъ объясненіе съ человѣческой точки зрѣнія, какъ будто стулья, палки и деревянныя лошади приводятся въ дѣйствіе такою же личною волею, которая управляетъ дѣйствіями нянекъ, дѣтей и котятъ. Такимъ образомъ, ребенокъ дѣлаетъ первый шагъ въ миѳологіи, стараясь, подобно Козеттѣ съ ея куклою, «представить себѣ, что нѣчто есть нѣкто» (se figurer que quelque chose est quelqu'un), и самый путь, которымъ мы, во время своего воспитанія, отучаемся отъ этой

[1]) *Fritz Schultze.* Der Fetischismus. 1871. *Эдуардъ Б. Тэйлоръ*, соч. указанное выше.

дѣтской теоріи, показываетъ всю степень ея первобытности. Даже у взрослыхъ цивилизованныхъ европейцевъ, какъ весьма справедливо замѣчаетъ Гротъ, «сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть вкоренившуюся привычку, и даже развитой человѣкъ въ минуту жестокой боли способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль». Въ такихъ случаяхъ умъ дикаря служитъ полнымъ представителемъ состоянія дѣтскаго ума. Дикій туземецъ Бразиліи готовъ укусить камень, на который споткнулся, или стрѣлу, которая его поранила. Такое умственное состояніе можно прослѣдить по всему протяженію исторіи не только въ видѣ импульсивной привычки, но и въ формально установленныхъ законахъ. Грубые куки южной Азіи весьма добросовѣстно исполняли свой несложный законъ мести—жизнь за жизнь; если тигръ разрывалъ какого-нибудь куки, семейство его считалось отверженнымъ, пока имъ не удавалось отмстить, убивая и съѣдая этого самаго или другого тигра; мало того, если человѣкъ погибалъ отъ паденія съ дерева, родственники его, въ видѣ возмездія, срубали дерево и раскалывали его въ щепки. Въ Кохинхинѣ, одинъ изъ царей новѣйшаго времени выставлялъ къ позорному столбу, какъ и всякаго другого преступника, корабль, который неудачно исполнилъ свое назначеніе. И въ классической древности бывали случаи такого рода, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, бичеваніе Геллеспонта Ксерксомъ и отведеніе Инда Киромъ. Но еще замѣчательнѣе правильный судебный процессъ, совершавшійся въ Аѳинахъ. Въ Пританеѣ собиралось судилище для суда надъ каждымъ неодушевленнымъ предметомъ, напримѣръ, топоромъ, кускомъ дерева или камнемъ, который причинилъ кому-нибудь смерть, безъ доказаннаго участія человѣка, и если этотъ камень или кусокъ дерева подвергался осужденію, онъ торжественно выбрасывался за предѣлы города, и т. п.» (Т. I, стр. 263—264).

Не стану продолжать характеристики первобытнѣйшаго мышленія, полагая, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы сдѣлать для васъ очевидною основную черту этого мышленія—пониманіе. Вы видѣли, что пониманіе, т.-е. сведеніе даннаго, разсматриваемаго объекта или явленія къ другому объекту или явленію, предполагаемому и принимаемому за причину даннаго, коренится непосредственно въ почвѣ психологической и безсознательно распространяется на внѣшній міръ, по мѣрѣ

подпаденія его подъ воспріятія субъекта. Пониманіемъ и опредѣляется, какъ видно изъ этого, существеннѣйшій моментъ естественнаго хода мышленія, а дѣятельность, образующая понятія, является моментомъ вторичнымъ, подчиненнымъ акту пониманія, дающимъ средства для достиженія ставимыхъ имъ цѣлей. Это іерархическое первенство пониманія не указываетъ нисколько, конечно, на генетическое его первенство, такъ какъ понятія, въ смыслѣ обобщеній, образуются и независимо отъ потребности пониманія, только какъ акты мысли, освобождающіе мышленіе отъ гнета условій пространства и времени и, слѣдовательно, могущіе существовать отрозненно отъ акта пониманія; но, надо замѣтить, въ этой отрозненности они имѣютъ и особый характеръ, въ общихъ чертахъ сохраняющійся и при переходѣ мышленія въ познаваніе, которое также идетъ процессомъ образованія понятій, тогда какъ пониманіе, въ качествѣ познавательнаго принципа, совсѣмъ теряетъ всякое значеніе и сохраняется только какъ субъективное условіе мышленія, что еще разъ доказываетъ вѣрность изложеннаго выше взгляда на пониманіе, какъ на основную характеристическую черту мыслительнаго процесса.

Я ничего не говорю о роли побужденій и элемента воли вообще въ ходѣ умственнаго развитія, такъ какъ это пока не входитъ въ рамки моей задачи, но не могу не указать теперь, хоть мимоходомъ, на то, что первобытное пониманіе обращено исключительно на объекты и явленія, служащія къ удовлетворенію самыхъ элементарныхъ потребностей, и не касается тѣхъ, которые чужды удовлетворенію этихъ потребностей или кажутся такими. Такіе объекты и явленія или вовсе не замѣчаются, или считаются столь малозначущими, что вопросъ о происхожденіи ихъ вовсе не подымается. Въ процессѣ образованія понятій они также еще не выдѣляются въ особыя группы даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ замѣчаютъ, такъ какъ, вслѣдствіе слабаго развитія способности различенія, ихъ вводятъ обыкновенно въ группы, не имѣющія съ ними ничего общаго. Такимъ образомъ, развитіе пониманія идетъ рука объ руку съ ходомъ формированія понятій и постепенностью возникновенія и удовлетворенія побужденій; три эти момента, взаимно дѣйствуя другъ на друга, приводятъ человѣка мало-по-малу къ приложенію пониманія къ болѣе обширной области явленій, къ образованію болѣе общихъ понятій и къ сознанію сравнительно высшихъ побужденій.

Если въ эпоху первобытнѣйшаго фетишизма человѣкъ имѣлъ въ виду понять явленія, ближайшія къ нему, непосредственно его касающіяся: камни, ручьи, нѣкоторыя растенія и животныя, то и обобщенія его не шли далѣе этихъ предметовъ, и наблюденія не стояли выше того уровня элементарныхъ инстинктовъ, для удовлетворенія которыхъ вполнѣ достаточны эти немногіе предметы. Впослѣдствіи, по мѣрѣ изощренія способности различенія, міръ объектовъ расширялся, обобщеніе разросталось, побужденія слагались въ новыя, высшія формы, и для пониманія открывались новые обширные горизонты. Дойдя, напримѣръ, до различенія сознательной дѣятельности отъ безсознательной, образовавъ неизвѣстное до того времени понятіе мышленія, человѣкъ сталъ искать не только удовлетворенія вновь сознанной потребности мыслить, но и старался понять это явленіе, т.-е. старался свести его къ предполагаемой причинѣ, и, олицетворяя эту причину, въ силу сохраняемаго еще первобытнаго значенія аналогіи, сталъ олицетворять уже не окружающіе его предметы и явленія, но продукты самаго мышленія—понятія. Такимъ образомъ олицетворились понятія силы, красоты, правосудія, любви, мудрости и т. д.; такимъ образомъ возникли Иракль, Афродита, Ѳемида, Эросъ, Паллада и другія олицетворенія. Всякій, знакомый съ характеристиками ихъ, ясно видитъ, что всѣ они возникли какъ результатъ стремленія къ пониманію и именно къ пониманію явленій, лежащихъ выше уровня умственнаго развитія фетишиста. Сказаннаго было, какъ я думаю, для васъ достаточно, и я не стану долѣе слѣдить за развитіемъ мышленія въ указанномъ направленіи. Вы сами можете сдѣлать это и безъ всякой помощи съ моей стороны.

Предположивъ, что вы возстановили въ вашей мысли ту долгую цѣпь развитія пониманія, когда гипотеза, къ которой сводилось данное явленіе, олицетворялась, я неизбѣжно предполагаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что передъ вами вполнѣ развернулась громадная картина, проникнутая характеромъ этого фазиса умственнаго развитія, и что вы, слѣдовательно, не могли не задаться вопросомъ о значеніи въ исторіи человѣчества и о средствахъ современной науки для опредѣленія этого значенія. Первымъ шагомъ къ выполненію такой задачи современною наукою должна быть, какъ то само собою и очевидно, работа, діаметрально противоположная той, которою были созданы всѣ донынѣ извѣстныя намъ олицетворенія. Если эта послѣдняя

заключалась въ пониманіи явленій и объектовъ, дававшихъ матеріалъ мысленному кругозору человѣка того времени, то наукѣ нашего времени приходится путемъ изученія всего, связаннаго съ возстановленіемъ даннаго олицетворенія, опредѣлить тѣ объекты и явленія, которыя послужили для него матеріаломъ, и возстановить тотъ психологическій процессъ, которымъ былъ переработанъ этотъ матеріалъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ этой науки должно быть, конечно, сравненіе, такъ какъ окончательно опредѣлить конкретные и индивидуальные факты придется только при его посредствѣ; но самое сравненіе предполагаетъ уже другой, высшій принципъ, послѣдствіемъ котораго оно и является, а именно принципъ научнаго познаванія, не совмѣщающійся, какъ то было уже доказано, съ принципомъ пониманія.

Заговоривъ объ отношеніи современной науки къ тому ряду ступеней, которое проходило умственное развитіе отъ первобытнѣйшей эпохи до той поры, пока оно оставалось вѣрнымъ началу антропопатизма, я сдѣлалъ это только затѣмъ, чтобы показать вамъ связь ея задачи съ тѣмъ вопросомъ, который я назвалъ первымъ шагомъ ея къ разрѣшенію этой задачи, съ вопросомъ о возстановленіи реальнаго содержанія олицетвореній, или, что то же, съ вопросомъ о сведеніи этихъ олицетвореній къ тѣмъ объектамъ и явленіямъ, которые нѣкогда дали матеріалъ для образованія понятій, олицетворявшихся въ самый моментъ ихъ возникновенія. Объ этомъ только вопросѣ я и имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онъ дастъ намъ случай еще разъ пройти только что сдѣланный путь обратно, а именно, не отъ представленій къ понятіямъ, а отъ понятій къ представленіямъ, и такимъ образомъ еще лучше ознакомиться съ основными чертами характера разсматриваемаго фазиса мышленія.

Наука, разрабатывающая только-что поставленный вопросъ, носитъ обыкновенно названіе «сравнительной миѳологіи», но я замѣтилъ уже выше, что пріемъ сравненія не составляетъ и не можетъ составлять ея основного пріема, такъ какъ сравненіе есть вторичный моментъ ея метода. Въ самомъ дѣлѣ, приступая къ рѣшенію своей задачи, «наука о миѳахъ» должна всего прежде сознать себя наукой и, какъ таковая, не смѣшивать познаванія и пониманія, не принимать послѣдняго за познавательный принципъ; и это значитъ, что она не должна *начинать* съ установле-

нія понятій, которыя, при такомъ условіи, могутъ быть только понятіями апріорными, а класть во главу угла изслѣдованіе всей совокупности матеріала, входившаго въ черту кругозора людей данной эпохи. Такимъ образомъ, брать исходной точкой какую-нибудь апріорно-опредѣленную область — астрономическую, метеорологическую, лингвистическую, антропологическую и т. д.—какъ область исключительно вмѣщающую корни миѳовъ, или того или другого миѳа, было бы несогласно съ требованіями научнаго метода, ошибочно. Опредѣленіе границъ области, объекты и явленія которой дали матеріалъ для образованія миѳа, должно явиться послѣднимъ результатомъ изысканія и одновременно опредѣлить и характеръ этой области, и реальныя данныя разсматриваемаго миѳа. При такомъ порядкѣ изслѣдованія, ходъ его и пріемы очертятся во всей ихъ яркой противоположности по отношенію къ первобытной умственной работѣ, создавшей миѳъ; результатъ изслѣдованія установится на прочной почвѣ и, со стороны методологической, различіе знанія отъ пониманія предстанетъ во всей своей принципіальной опредѣленности.

Позвольте мнѣ привести небольшой примѣръ въ подтвержденіе только что высказанной мысли; примѣромъ этимъ снабдитъ насъ сочиненіе Эмиля Бюрнуфа «La légende athénienne. Etude de mythologie comparée». Здѣсь рѣчь идетъ о происхожденіи миѳа Паллады-Аѳины и съ методологической стороны представляетъ весьма много поучительнаго.

Приступая къ изслѣдованію миѳа Аѳины, Бюрнуфъ обращаетъ вниманіе прежде всего на то, что научный характеръ такого рода изслѣдованій сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, какъ ученымъ стали доступны гимны Ригъ-Веды. Въ каждомъ изъ этихъ гимновъ значеніе миѳической личности раскрыто, такъ какъ если одинъ стихъ называетъ личность эту по имени, то почти всегда другой стихъ описываетъ явленіе, представляемое этою личностью. При этомъ всѣ имена миѳическихъ личностей даны на языкѣ санскритскомъ и сами по себѣ имѣютъ значеніе именъ нарицательныхъ или же прилагательныхъ. Наконецъ, миѳическія эти личности не только названы и истолкованы, но даже ихъ дѣйствія и нравы очерчены, ихъ убранство и аттрибуты описаны.

Изъ этихъ словъ Бюрнуфа вы можете видѣть сразу все то богатство представленій, указанія на которыя давались болѣе

или менѣе прямо Ригъ-Ведою; но для Бюрнуфа—какъ вы, навѣрно, догадываетесь—указанія эти давали только точку исхода: вѣдь приходилось изслѣдовать не первообразъ Аѳины въ Ведахъ (Ahâna), но самую Аѳину, и, слѣдовательно, надо было обратить вниманіе на мѣстныя условія, на ходъ локализаціи миѳа. Изученіе этихъ мѣстныхъ условій произведено было Бюрнуфомъ на самомъ мѣстѣ — въ Акрополисѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Разсмотрите топографическіе планы этой мѣстности, приложенные къ сочиненію Бюрнуфа, прочтите комментарій къ нимъ, вникните въ условія положенія Парѳенона, статуи и алтаря богини, разберите сдѣланныя Бюрнуфомъ измѣренія, служащія къ ихъ оріентировкѣ, присоедините сюда богатство его историческихъ, географическихъ и филологическихъ указаній, и вы убѣдитесь, что ученый авторъ изслѣдованія о миѳѣ Аѳины обшарилъ всѣ уголки, въ которыхъ только возможно было ожидать встрѣтить данныя для рѣшенія его задачи. Вся его книга свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ ни на минуту не допускалъ апріорной мысли объ исключеніи того или иного факта, который могъ послужить реальною основою миѳа. Возсозданіе основы миѳа у него такъ же широко и разнообразно, какъ та живая дѣйствительность, на почвѣ которой миѳъ возросъ и сложился. Въ этомъ отношеніи я и цѣню его трудъ съ методологической его стороны, не узурпируя у спеціалистовъ оцѣнки его въ другихъ отношеніяхъ.

Повторю еще разъ въ заключеніе, что миѳъ, созданный потребностью пониманія, изслѣдованъ у Бюрнуфа одними только средствами знанія; поэтому я и разсматриваю указанное мною сочиненіе его какъ иллюстрацію, годную для моей темы и способную при внимательномъ чтеніи, дополнить то, что, частью намѣренно, частью непроизвольно, не досказано мною въ настоящемъ очеркѣ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Говоря въ предшествовавшемъ письмѣ объ измѣненіяхъ характера пониманія въ связи съ измѣненіями другихъ условій мышленія—изощреніемъ способности различенія, расширеніемъ мысленнаго кругозора, возрастаніемъ обобщеній и возвышеніемъ качественнаго уровня побужденій—я обратилъ ваше вниманіе на тотъ моментъ этихъ измѣненій, которымъ обозначается переходъ отъ объясненія предметовъ, удовлетворяющихъ элементарнѣйшимъ побужденіямъ, къ объясненію предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ побужденіямъ сравнительно высшимъ. Я указалъ при этомъ на соотвѣтствіе этого перехода измѣненію въ характерѣ олицетвореній, которыя также переживаютъ кризисъ и изъ непосредственныхъ олицетвореній ближайшихъ человѣку предметовъ становятся олицетвореніями продуктовъ мышленія—понятій. Вы не пропустили, конечно, безъ вниманія того, что вмѣстѣ съ олицетвореніемъ понятій и паденіемъ антропоморфизированія предметовъ и явленій, характеризующаго періодъ фетишизма, снята была съ этихъ предметовъ и явленій та грубая призрачность, которая дѣлала ихъ совершенно негодными для объективнаго разсматриванія, и совокупность представленій о нихъ обращала въ міръ призраковъ, недоступный никакому проблеску знанія. Отмѣтивъ освобожденіе окружающихъ человѣка предметовъ и явленій отъ фетишистской призрачности, вы замѣтили, конечно, еще и то, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этой призрачности возникъ несуществовавшій прежде вопросъ объ отношеніи антропоморфизированныхъ понятій къ предметамъ и явленіямъ, получившимъ впервые, такъ-сказать, заурядное значеніе. Вопросъ этотъ тѣмъ, главнымъ образомъ, и былъ новъ, что охватывалъ предметы зауряднаго значенія и стимулировалъ ознакомленіе съ ними; но разрѣшеніе его, само собою и разумѣется, не могло еще выйти на путь знанія

и шло, попрежнему, путемъ пониманія. Разрѣшеніе это осуществилось въ *космогоніяхъ;* космогоніи впервые свели существованіе и происхожденіе реальныхъ объектовъ и явленій къ причинамъ не антропоморфизированнымъ и, слѣдовательно, заключали въ себѣ первые зародыши того фазиса пониманія, которое впослѣдствіи стало широко и разнообразно пользоваться для своихъ цѣлей безличными началами и, совершенно отрѣшась отъ наивнаго пошиба первобытнаго мышленія, многоразлично систематизировалось въ ученія, обыкновенно называющіяся *метафизическими.*

Просматривая космогоніи разныхъ народовъ мы можемъ прослѣдить за различными степенями самостоятельности въ постановкѣ освобожденныхъ отъ антропоморфизма понятій. У египтянъ понятіе вещества сводится еще къ олицетвореннымъ началамъ, такъ какъ вещество считается продуктомъ дыханія Хнубиса; у вавилонянъ и финикіянъ вещество является уже первобытнымъ, оно составляетъ, по идеѣ космогоніи этихъ народовъ, содержаніе мірового яйца, которое только раздвояется Бэлемъ, образующимъ посредствомъ такого раздвоенія небо и землю. Въ Ведахъ безличный характеръ понятій, долженствующихъ *объяснить* существующее, выставленъ еще опредѣленнѣе: «Первоначально *ничего* не существовало—говорится въ одномъ изъ гимновъ—ни бытія, ни небытія, ни міра, ни воздуха, ни чего-либо поверхъ того; не было нигдѣ ничего въ блаженствѣ кого бы то ни было сокрытаго или блаженство это скрывающее. Смерть не существовала еще, не существовало тогда и безсмертія; не было и различія дня отъ ночи. Но все дышало безъ дуновенія съ однимъ только самоустановленіемъ, которое въ немъ содержалось. Кромѣ его не было ничего позднѣйшаго. Была тьма и все было покрыто мракомъ и неразличаемою водою. Кама (любовь) возникла въ духѣ его прежде всего и содѣлалась первымъ творящимъ сѣменемъ, которое мудрецы чрезъ размышленіе признали въ сердцѣ своемъ и въ небытіи прозрѣли основу бытія»[1]).

---

[1]) Приведенный отрывокъ взятъ мною у Лассена (*Chr. Lassen.* Indische Alterthumskunde. I B., S. 915). Ленорманъ же передаетъ его такъ: «Первоначально ничего не существовало, ни бытія, ни небытія, ни неба, ни небосклона. Что же покрывало все? Что было вмѣстилищемъ всего? Была ли то вода, глубокая бездна? Смерть не существовала тогда, какъ и безсмертіе. День не свѣтился въ ночи. Только единый воздыхалъ самъ въ себѣ безъ дуновенія, и ничего не существовало внѣ его. Тьма господ-

Очень близки къ этимъ усиліямъ найти разгадку бытія тѣ воззрѣнія, содержаніе которыхъ классическая древность приписывала Гезіоду: «Первоначально былъ хаосъ, потомъ родились изъ тьмы: земля съ обширными нѣдрами, неколебимое основаніе всѣхъ существъ, темный тартаръ въ глубинѣ ея бездна и Эросъ (любовь), прекраснѣйшій изъ всѣхъ боговъ безсмертныхъ» и т. д.

Очевидно, что идея первобытнаго мірового яйца, первоначальной тьмы, хаоса, неопредѣленнаго нѣчто, содержащаго въ себѣ основоначало всего и т. п., имѣетъ уже въ большей или меньшей мѣрѣ характеръ метафизическій и представляетъ первую ступень *пониманія* въ его новомъ фазисѣ—чистомъ умозрѣніи, освобожденномъ отъ антропоморфизма.

Вся исторія чистаго умозрѣнія или метафизики представляетъ подтвержденіе указываемой мною связи ея съ первобытнѣйшими фазисами обыденнаго мышленія. Связь эта ускользаетъ отъ насъ только тогда, когда мы, наблюдая высшія формы метафизическаго мышленія, не прослѣживаемъ постепеннаго развитія этихъ формъ и теряемъ изъ виду исходную точку этого развитія. Возстановивъ этотъ пробѣлъ, вамъ не трудно будетъ убѣдиться, что пониманіе, служащее основою указанной связи, тянется затѣмъ какъ основной принципъ всего дальнѣйшаго хода развитія метафизики. Въ «System der Kritischen Philosophie» К. Гёринга вы найдете общій очеркъ исторіи метафизики, вполнѣ соотвѣтственный только что высказанному взгляду. Теперь же, имѣя въ виду только общую характеристику метафизическаго мышленія, подтверждающую его правильность, я заимствую у Гёринга лишь такіе примѣры, которые не требуютъ длинныхъ разъясненій и потому не задержатъ насъ долго на исторической экскурсіи, а между тѣмъ, благодаря сравнительной простотѣ своей, будутъ служить къ достаточному уясненію разсматриваемаго тезиса.

Я останавливаюсь на греческой философіи и беру сперва изъ до-Сократовскаго періода ея тѣ два момента, которые отвѣчаютъ сосредоточенію умозрѣнія, во-первыхъ, на понятіи *бытія*,

---

ствовала первоначально, все покрывая мракомъ, подобно темному океану. Зародышъ, скрытый въ ея нѣдрахъ, вышелъ самъ собою одною силою теплоты. Желаніе (Кама) возникло прежде всего и стало первымъ сѣменемъ духа. Такова связь, которую мудрые, размышляя, въ сердцѣ своемъ признали существующею между бытіемъ и небытіемъ» (*F. Lenormant.* Manuel d'histoire ancienne. t. III. p. 618).

во-вторыхъ, на понятіи *происхожденія*. Сосредоточеніе умозрѣнія на понятіи бытія равнозначуще сосредоточенію его на разрѣшеніи вопроса «что это такое?», приложеннаго ко всей совокупности явленій, разсматриваемыхъ какъ единое цѣлое. Такъ какъ въ періодъ, предшествующій различенію пониманія отъ знанія, побужденіе къ пониманію слѣпо и требуетъ абсолютнаго удовлетворенія, и такъ какъ въ то же время существованіе вещей, представляющихся измѣнчивыми, конкретными единицами, не въ состояніи дать такого удовлетворенія, то и является одинъ только выходъ, а именно: утвержденіе, что бытіе отдѣльныхъ вещей преходяще, что оно исходитъ отъ вѣчнаго и постояннаго бытія, въ которое потомъ и возвращается, такъ что это послѣднее представляетъ собою такое состояніе, въ которомъ все приводится къ единству. Отсюда получаютъ начало ученія о первичной матеріи, изъ которой все получило начало и въ которой все опять растворится. Естественно, что идея этой первичной матеріи образуется изъ элементовъ, доставляемыхъ чувственнымъ опытомъ; иначе и выработаться она, само собою разумѣется, не можетъ. Имѣя идею эту въ своемъ распоряженіи, пониманіе получаетъ возможность не затрудняться ни передъ какою частностью: оно объясняетъ все. Постоянное же упражненіе надъ установленіемъ и приложеніемъ этой идеи ведетъ къ тому, что она становится для субъекта обыденною, и, какъ все обыденное, начинаетъ представляться извѣстною. Поэтому-то и господствуетъ неограниченно въ первомъ періодѣ развитія греческой философіи принципіальное объясненіе единичнаго посредствомъ всеобщаго или цѣлаго, всеединаго, и господствуетъ въ томъ наивномъ складѣ, по смыслу котораго единичное мыслится первоначально содержащимся во всеобщемъ, а затѣмъ уже представляется выдѣляющимся изъ него, исходящимъ изъ него. Процессъ *происхожденія* какъ таковой и понятіе *измѣненія* не становятся вообще предметомъ изслѣдованія. Это послѣднее понятіе выступаетъ на первый планъ только вмѣстѣ съ Гераклитомъ, представляющимъ своими воззрѣніями исходный пунктъ того направленія греческой философіи, которое сосредоточивалось на понятіи происхожденія и растворило непзмѣнно-пребывавшее *бытіе* перваго періода въ непрерывный потокъ измѣненій. Можно было бы ожидать, конечно, что воззрѣнія Гераклита вмѣстѣ съ установленіемъ новаго понятія проложатъ себѣ и пути новые; но однако же и этотъ философъ остается

при прежнемъ способѣ объясненія; сдѣланный имъ шагъ впередъ заключается лишь въ томъ, что онъ установляетъ принципъ не для одного бытія, какъ его предшественники, но для бытія и происхожденія. И у Гераклита также характеръ философіи опредѣляется вполнѣ пониманіемъ, т.-е. онъ остается всецѣло метафизическимъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ метафизическихъ понятій Платона и Аристотеля, которыя имѣли наибольшее вліяніе на новѣйшую философію, и которыя поэтому заслуживаютъ въ особенности нашего вниманія. Остановимся прежде всего на увѣренности, съ которою Платонъ опредѣляетъ сущность опыта и знанія ранѣе всякаго опыта и всякаго знанія. Онъ разсматриваетъ тѣ требованія, которыя произвольно предъявлялъ знанію, какъ факты, которые должны заключаться въ знаніи, и по нимъ *строитъ* понятіе знанія, вмѣсто того, чтобы, испытавъ фактическое знаніе въ его составныхъ частяхъ, *установить*, такимъ образомъ, на твердомъ основаніи понятіе знанія. Такъ какъ ему, какъ догматику, объективность всякаго знанія представлялась предустановленною, то онъ и строилъ на фундаментѣ своего мнимаго знанія идеальное бытіе, которое и должно стать объектомъ этого знанія. Разсматривая построенное имъ знаніе какъ единственное, онъ и возведенное на немъ, какъ на основаніи, бытіе въ силу послѣдовательности считаетъ единственнымъ бытіемъ, бытіемъ въ строгомъ смыслѣ. Имѣя же въ виду, что относительное бытіе, бытіе наблюдаемое въ непосредственномъ опытѣ, такъ же какъ и отвѣчающее ему знаніе, должно было получить какое-нибудь *объясненіе* (должно было какъ-нибудь быть *понято*), Платонъ свелъ его къ абсолютному бытію, къ абсолютному знанію. А такъ какъ средства познаванія, которыми охватывается относительное бытіе, по его мысли, не достигаютъ знанія, то средства эти и считаются имъ недостаточными для такой цѣли и даже разсматриваются какъ препятствія къ ея достиженію. Чтобы достичь знанія остается, такимъ образомъ, измыслить новыя средства познаванія, и поэтому теорія познаванія строится, такъ сказать, обратнымъ порядкомъ: она основывается на идеѣ абсолютнаго бытія и развивается по направленію, противоположному тому, которое опредѣляется ходомъ познаванія, опирающагося на опытъ.

Этотъ основной метафизическій тезисъ неизбѣжно влечетъ

вслѣдъ за собою цѣлый рядъ отдѣльныхъ, вытекающихъ изъ него, другихъ метафизическихъ тезисовъ. Построенное Платономъ бытіе надѣляется имъ такими опредѣленіями, которыя несвойственны бытію непосредственно познаваемому: всеобщностью, вѣчностью, неизмѣняемостью. Потребность пониманія приводитъ оба понятія бытія въ связь и, вслѣдствіе этого, построяется такое понятіе причинности, которое становится источникомъ безчисленныхъ заблужденій. Причина является у Платона какъ реальность въ собственномъ смыслѣ (Ursache als Ur-Sache), какъ чистое бытіе, существовавшее ранѣе бытія, открывающагося въ явленіяхъ и разсматриваемаго какъ его дѣйствіе, и, очевидно, вполнѣ отъ бытія этого независимое. Отсюда изрѣстные постулаты знанія, отсюда и ученіе объ идеяхъ.

Перейдемъ теперь къ Аристотелю. Обратите вниманіе на то, что посредство, которое старался установить этотъ мыслитель между двумя взаимно противопоставленными частями Платоновой системы, было весьма недостаточно; возстановивъ реальность міра явленій, онъ не могъ однако-же перенести центръ тяжести своей философіи на изслѣдованіе бытія какъ такового, т.-е. на знаніе, и не могъ потому, что всецѣло принялъ трансцендентную теорію познаванія Платона. Отодвинувъ познаваніе на второй планъ, Аристотель сосредоточилъ свое вниманіе опять-таки на пониманіи, т.-е. на происхожденіи бытія. Оставаясь въ зависимости отъ Платона, онъ, несмотря на противорѣчіе ему по отношенію къ ученію объ идеяхъ, могъ только перенести идеи со всѣми ихъ трансцендентными свойствами изъ того міра въ этотъ, превративъ ихъ въ сверхчувственные элементы, изъ которыхъ, по его мысли, состоитъ бытіе, познаваемое въ явленіяхъ. Такимъ образомъ, онъ, съ одной стороны, отнималъ у идей ихъ трансцендентную реальность, съ другой—не давалъ имъ реальности чувственной, и поэтому поставилъ ихъ посредствующимъ звеномъ между бытіемъ и не-бытіемъ, превратилъ ихъ въ «возможности», въ «потенціи», которыя согласно природѣ вещей опять превращались въ дѣйствительное, хотя и второстепенное по значенію бытіе.

Такъ какъ у Аристотеля дѣло шло главнымъ образомъ объ объясненіи бытія (о пониманіи его), и онъ хотѣлъ установить это объясненіе посредствомъ сведенія сложныхъ субстанцій къ составнымъ ихъ элементамъ или причинамъ, то понятіе причины и выступило у него на первый планъ и неизбѣжно связалось со

всѣми тѣми особенностями, которыми Платонъ надѣлилъ свои «идеи». Подобно идеямъ у Платона, «причины» у Аристотеля представлялись основами знанія; и такъ какъ онѣ служили къ объясненію относительнаго бытія (явленій), то знаніе причины получило у Аристотеля, сравнительно съ знаніемъ фактовъ, значеніе знанія достовѣрнѣйшаго, т.-е., переводя мысль эту на языкъ научной философіи, служащія къ объясненію явленій *гипотезы* получили у Аристотеля, сравнительно съ знаніемъ подлежащихъ объясненію фактовъ, значеніе знанія достовѣрнѣйшаго, и, слѣдовательно, взаимное отношеніе между знаніемъ и пониманіемъ совершенно извратилось.

Вслѣдствіе только что указаннаго извращенія естественнаго отношенія между фактомъ и гипотезою былъ значительно потрясенъ дальнѣйшій успѣхъ развитія индуктивно-дедуктивнаго метода, значеніе котораго въ истинномъ свѣтѣ представлялось Сократу. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аристотель не умѣлъ цѣнить значенія основныхъ пунктовъ этого метода; такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ его положеніи, утверждающемъ, что можно знать извѣстное свойство угловъ всѣхъ треугольниковъ, не зная этого однако-же о каждомъ треугольникѣ, взятомъ отдѣльно, доказываетъ смѣшеніе опыта обыденнаго съ опытомъ научнымъ, такъ какъ только обыденное мышленіе употребляетъ терминъ всѣ и т. п. обозначающіе обобщенія термины, безъ всякаго вниманія къ ихъ дѣйствительному значенію.

У Аристотеля, пріемы индуктивно-дедуктивные отчасти вытѣсняются уже тѣмъ ложнымъ воззрѣніемъ, что возможно дѣлать *дедукціи* безъ всякой предварительной *индукціи*. Ошибочное это воззрѣніе пріобрѣло тѣмъ большую прочность въ умахъ, что оно кажется пригоднымъ для генетическаго объясненія, а между тѣмъ, вопреки истинному генетическому методу, оно способно только приводить туда, куда напередъ рѣшено попасть, такъ какъ предустановленный результатъ берется за послѣдній пунктъ «апріорной» дедукціи.

Указанное выше преобладаніе гипотезы надъ фактомъ и основанное на немъ пониманіе и послужило къ возвеличенію платоно-аристотелевской философіи въ средніе вѣка, всецѣло удовлетворявшейся однимъ пониманіемъ и очень слабо и медленно подвигавшейся по пути знанія. Сознательное отношеніе къ этому послѣднему начинаетъ появляться у философовъ только урывками; постепенное его вторженіе въ ихъ системы и посте-

пенное возрастаніе раздвоенія, вносимое имъ въ эти системы, могутъ быть прослѣжены только критической исторіей философіи, на задачу которой въ этомъ отношеніи я могу указать вамъ только попутно.

Если мнѣ удалось съ достаточною опредѣленностью и ясностью раскрыть передъ вами связь метафизическаго мышленія съ обыденнымъ и охарактеризовать основное свойство метафизики, то вы замѣтили, конечно, что я ставлю понятіе метафизики въ зависимость отъ метода философствованія. Хотя въ самомъ опредѣленіи характера метафизическаго метода я и не слѣдую Ог. Конту, такъ какъ, вмѣстѣ съ представителями научной философіи, ищу основаній для этого метода путемъ критики, и не полагаю ихъ догматически, но во взглядѣ на только что указанную зависимость понятія метафизики отъ извѣстнымъ образомъ опредѣленнаго метода я отдѣляюсь отъ ново-критической нѣмецкой школы и слѣдую Ог. Конту. Поступая такимъ образомъ, я надѣюсь избѣжать смѣшенія понятій, нерѣдко возникающаго вслѣдствіе приложенія названія метафизики къ той части философіи, которая занимается установленіемъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій. Позитивистамъ, отвергающимъ такую кульминаціонную точку философствованія, слѣдовало бы, очевидно, особенно твердо держаться въ настоящемъ случаѣ воззрѣнія Ог. Конта, такъ какъ въ ихъ системѣ терминъ «метафизика» вовсе и не можетъ имѣть никакого иного значенія, какъ только названія философіи извѣстнаго пошиба. «Научная» метафизика должна представляться ортодоксальному позитивисту безсмыслицей, путаницей понятій, которая можетъ возникнуть только изъ неразумѣнія основныхъ воззрѣній Ог. Конта. Льюисъ, отрекшись отъ этихъ воззрѣній, повелъ рѣчь о метафизикѣ въ томъ смыслѣ, допущеніе котораго отнимаетъ у позитивизма самый raison d'être и противъ котораго ортодоксальные позитивисты и не перестаютъ ополчаться. Нашлись, однако, нѣкоторые позитивисты, которые проглядѣли значеніе идеи Льюиса и года три тому назадъ прекомично отпраздновали нарожденіе научной метафизики. Многіе замѣчали тогда, что ликованіе позитивистовъ совершается только блаженнаго невѣдѣнія ради, и что ликованіе это скрываетъ собою безсознательное отпѣваніе позитивизма усердствующими не по разуму.

О позитивистахъ до другого раза, а теперь позвольте мнѣ еще поудержать нѣкоторое время вниманіе ваше на метафизи-

ческомъ характерѣ мышленія и указать на роль его при переходѣ отъ пониманія къ знанію въ частныхъ областяхъ положительнаго изслѣдованія. И здѣсь также пониманіе преобладаетъ надъ знаніемъ, т.-е. это послѣднее подчиняется первому и придаетъ наукѣ метафизическій характеръ до тѣхъ поръ, пока накопленные факты не становятся, наконецъ, въ явное противорѣчіе съ предустановленными понятіями и не подымается опредѣленно и прямо вопросъ объ образованіи новыхъ понятій изъ представленій, доставляемыхъ новымъ матеріаломъ. Такъ, во весь древній и средневѣковой періоды однообразность вращенія небесныхъ тѣлъ и круглая форма ихъ орбита сохраняется астрономіею, какъ руководящее понятіе. Невозможность точнаго различенія препятствовала признанію неравномѣрности вращенія, а затѣмъ, въ силу логической послѣдовательности, приходилось утверждать и тождество орбиты съ правильною окружностью. Самъ Коперникъ не могъ еще освободиться изъ-подъ гнета этихъ понятій, и Кеплеру, разрушившему, наконецъ, этотъ пагубный гнетъ, пришлось—какъ замѣчаетъ Біо—сдѣлать большое усиліе надъ самимъ собою, чтобы примирить добытое имъ знаніе съ потребностью пониманія, лишавшей его умъ покоя. Только благодаря счастливому приливу новыхъ знаній, источникомъ которыхъ были наблюденія Гильберта, сдѣланныя девятью годами ранѣе, возможно было привести всю совокупность новыхъ научныхъ понятій въ стройную связь и освободиться, наконецъ, окончательно отъ предвзятыхъ гипотезъ. «Гипотезы эти—говоритъ Біо—не могли болѣе удерживаться въ виду реальныхъ фактовъ; самый механизмъ движенія небесныхъ тѣлъ представлялся наглядно. Оставалось только изучать подробности» [1]). Такимъ образомъ, знаніе преодолѣло пониманіе въ области астрономіи и открыло наукѣ этой новые пути къ развитію. Съ этого времени возможно было коснѣть въ старыхъ астрономическихъ воззрѣніяхъ только подъ условіемъ той фанатической послѣдовательности въ приложеніи метафизическихъ понятій, которая сознательно отворачивается отъ фактовъ, отказывается признавать самое ихъ существованіе. Такую рѣдкую послѣдовательность въ предпочтеніи пониманія знанію обнаружилъ, напримѣръ, Кремонини, не желавшій смотрѣть въ теле-

[1]) *J. B. Biot.* Etudes sur l'astronomie indienne et chinoise. 1862, p. 58—60.

скопъ для того, чтобы не видѣть явленій, отвергавшихъ теорію Аристотеля [1]).

Исторія наукъ можетъ представить вамъ длинный рядъ фактовъ, служащихъ такимъ же подтвержденіемъ высказаннаго мною взгляда на роль пониманія въ наукѣ, какъ и только что приведенный фактъ изъ исторіи астрономіи. Вспомните, напримѣръ, что алхимики искали начала *металличности* и что даже самъ Лавуазье въ поискахъ своихъ имѣлъ въ виду открытіе начала *кислотности*. Обратите затѣмъ вниманіе на то, что явленіе теплоты, ранѣе сведенія его къ механическому эквиваленту (т.-е. до работъ Р. Майера и Джуля, 1842 и 43 гг.), принималось также за особое начало и даже, какъ бы въ параллель кислороду и водороду, носило названіе *теплорода*. «Теплородъ» этотъ до такой степени втемяшился въ нѣкоторыя головы, что даже *позитивистъ*, г. де-Роберти, въ своихъ «Пол.-экон. этюдахъ», обезсмертивъ себя открытіемъ навѣки прославившей его истины, что «бѣдность есть ни что иное, какъ скрытое богатство» запечатлѣлъ, это великое открытіе возведеніемъ бѣдности на степень «скрытаго теплорода экономическаго міра» (стр. 98). Теперь другому россійскому позитивисту, г. де-ла Сердѣ, только и осталось, что провозгласить невѣжество скрытымъ знаніемъ, а глупость скрытымъ умомъ и возвести затѣмъ невѣжество и глупость на степень скрытаго *теплорода* интеллектуальнаго міра.

Но возвратимся къ нашимъ примѣрамъ. Вспомните начало вулканизма, какъ его понималъ Гюттонъ, или начало нептунизма, какъ оно представлялось Вернеру, и вы увидите, что и геологія не обошлась безъ подчиненія себя метафизикѣ. Вспомните еще объ идеѣ тѣхъ, «нынѣ уже не-дѣйствующихъ силъ», которыя предполагались причиною переворотовъ, измѣнявшихъ весь характеръ жизни на землѣ; идея этихъ силъ, очевидно, вносила метафизическое начало не только въ геологію, но и въ палеонтологію, а черезъ нее и въ біологію. Приведите только себѣ на память значеніе заслугъ Ламарка, Ляйэлля, Дарвина и Гэккеля—и вамъ ясно представится метафизическій характеръ, царившій въ тѣхъ научныхъ областяхъ, въ которыя работы этихъ ученыхъ внесли рѣшительный переворотъ и полное обновленіе.

---

[1]) *E. Renan.* Averroès et l'averroisme. 1867, p. 325.

Но если метафизическія воззрѣнія вытѣснены, наконецъ, изъ большей части отдѣльныхъ наукъ, то въ наукѣ всеобщей, въ философіи, они продолжаютъ занимать еще, повидимому, крѣпкія позиціи. Задача научной философіи и заключается въ преодолѣніи сопротивленія, оказываемаго еще этими только наружно грозными крѣпостями и въ установленіи общихъ понятій такъ же незыблемо, какъ уже установлены понятія частныхъ наукъ. Какимъ образомъ разрѣшается эта задача научной философіи, о томъ и намѣренъ я говорить въ слѣдующихъ моихъ письмахъ, а потому мнѣ и предстоитъ теперь перейти къ характеристикѣ развитія научнаго мышленія или познаванія.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Итакъ, что такое познаваніе?

Отвѣтить на этотъ вопросъ одною всеисчерпывающею формулою, быть можетъ, и возможно, но цѣлямъ моимъ не соотвѣтствуетъ. Мой отвѣтъ будетъ длиненъ, пожалуй слишкомъ длиненъ; въ немъ я переберу одну за другою основныя черты, характеризующія познаваніе, буду постепенно переходить къ завершенію общаго опредѣленія этого понятія, но за то, если вы только будете имѣть терпѣніе слѣдовать за мной до конца, я надѣюсь разрѣшить поставленный выше вопросъ настолько удовлетворительно, насколько разрѣшаетъ его научная философія, одного изъ первыхъ представителей которой я избралъ въ настоящемъ случаѣ моимъ руководителемъ. Начну съ черты, которая съ перваго взгляда можетъ показаться вамъ банальной, но внимательное отношеніе къ которой не замедлитъ, какъ я думаю, раскрыть вамъ ея значеніе, а именно: я хочу обратить вниманіе ваше сначала на то, что *познаваніе* непремѣнно предполагаетъ что либо *познаваемое*. Это положеніе не можетъ быть оспариваемо ни скептицизмомъ, ни кантовскимъ критицизмомъ, ни идеализмомъ, потому что можно отвергать существованіе познаваемаго и вмѣстѣ съ нимъ и самый фактъ познанія, но нельзя отвергать высказаннаго выше положенія, утверждающаго только ихъ связь. Остается вполнѣ несомнѣннымъ, что высказанное выше положеніе предполагаетъ существованіе и объекта и субъекта; субъектъ познаетъ, т.-е. идеально овладѣваетъ объектомъ, дѣлаетъ внѣшній объектъ объектомъ своей мысли. Замѣтивъ это положеніе, обратите затѣмъ вниманіе, что фактъ познанія предполагаетъ еще и другой тезисъ, а именно: что объекты, идеально перешедшіе въ субъектъ, мыслятся всегда

въ точности соотвѣтственными объектамъ реальнымъ [1]). Самый фактъ познаванія, какъ я только что сказалъ, предполагаетъ эти положенія; и если фактъ этотъ долженъ осуществиться, если что-либо должно быть познано, то они никакъ не могутъ быть обойдены. Вытекая изъ самой природы познаванія, положенія эти суть положенія, основанныя на многократно повторенномъ опытѣ,—положенія, которыя будутъ подтверждаться тѣмъ же путемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано существованіе такого познанія, которое предшествуетъ *познаванію*, или такого *познавательнаго принципа*, который не предполагался бы свойствами, неотъемлемо-присущими самому *познаванію*.

Если познанные объекты должны въ точности соотвѣтствовать объектамъ реальнымъ, то познающій субъектъ долженъ прежде всего предостеречь себя отъ всякаго произвольнаго извращенія дѣйствительности, или, что то же, долженъ строго *подчиниться принудительной силѣ объективнаго порядка вещей и*, вслѣдствіе этого подчиненія, придать результату своей дѣятельности—познанію—характеръ общности (Allgemeinheit), который неизмѣнно присущъ всякому достовѣрному знанію.

Подъ общностью я разумѣю здѣсь не общепризнанность того или другого положенія, но то свойство этого положенія, которое является результатомъ методическаго его построенія,—свойство приложимости его ко всѣмъ вообще соотносящимся фактамъ и явленіямъ. Для бо́льшей ясности напомню вамъ, что вопросъ объ общности въ примитивной его формѣ въ средніе вѣка служилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій яблокомъ раздора для схоластическихъ партій. Тогда дѣло шло о томъ, существуютъ ли общія понятія (universalia) отдѣльно и независимо отъ вещей, какъ реальныя сущности, или они обрѣтаются только въ нашей мысли; и если существуютъ отдѣльно отъ вещей, то возникли ли они ранѣе вещей или послѣ нихъ? Тѣ, которые отстаивали отдѣльное и независимое отъ вещей реальное существованіе понятій, назывались *реалистами*; тѣ же, которые считали ихъ только именами вещей,—*номиналистами*. Споръ, какъ видите, шелъ собственно о томъ: *объективную* или *субъективную* общность слѣдуетъ считать истинною?

Я сказалъ выше, что объективная принудительность, или,

[1]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что соотвѣтствіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не предполагаетъ между представленіями и ихъ объектами никакаго сходства, допускаемаго однимъ только *наивнымъ* реализмомъ.

что то же, обусловливающая познаніе *необходимость* (Nothwendigkeit) и неразрывно связанная съ нею общность представляются такими чертами познаванія, которыя по самой природѣ его ему присущи. Нельзя не остановиться надъ ними поэтому нѣсколько дольше и сосредоточить на нихъ все наше вниманіе.

Обыденное мышленіе принимаетъ обыкновенно понятіе *необходимости* въ двухъ значеніяхъ—въ субъективномъ и объективномъ; первое указываетъ на необходимость извѣстныхъ средствъ для достиженія поставленныхъ субъектомъ цѣлей, второе—на независимое отъ субъекта и неизмѣнное сцѣпленіе явленій. Хотя *относительное* значеніе необходимости, обусловливаемой цѣлями субъекта, и очевидно, такъ какъ съ устраненіемъ этихъ цѣлей падаетъ и самое понятіе необходимости, но обыденное мышленіе тѣмъ не менѣе обыкновенно принимаетъ ее какъ необходимость *абсолютную* и усиливается подчинить ей, насколько можетъ, объективное теченіе событій. Усиліе это очень ярко обозначается въ мистическихъ міровоззрѣніяхъ пользованіемъ воображаемою силою призраковъ для пріобрѣтенія полной власти надъ природою. Въ этомъ практическомъ приложеніи понятія субъективной необходимости сказалось какъ нельзя ярче то пренебреженіе къ дѣйствительности, которое всегда было и есть присуще всѣмъ видамъ обыденнаго мышленія. Пренебреженіе это, вполнѣ раздѣляемое и метафизикою, выразилось въ стремленіи ея подчинить дѣйствительность мышленію. Такимъ образомъ, метафизики считали себя вправѣ извращать дѣйствительность, насколько считали то нужнымъ. Со времени же роковаго примѣра Канта, провозгласившаго, подобно новому Копернику философіи, подчиненіе объектовъ субъекту, метафизическое возведеніе субъекта на степень «законодателя, всего охватываемаго сознаніемъ», стало общимъ мѣстомъ метафизической теоріи познаванія, и значеніе субъективной необходимости въ метафизической философіи вполнѣ охарактеризовалось.

Объективная необходимость, или присущая объектамъ по отношенію къ субъекту принудительность, всегда обр.ѣталась не въ авантажѣ у обыденнаго мышленія и у метафизики. Вдохновляясь идеей самобытности разума, самополагающаго себя я и т. п., метафизики всегда стремились къ полному пожертвованію объективной необходимости въ пользу необходимости субъективной. Эта послѣдняя является однако-же въ сопоста-

вленіи съ объективною необходимостью произволомъ и подрываетъ самую возможность познаванія. Упорство въ ея удержаніи можетъ доказывать только присутствіе цѣлей, чуждыхъ познанію. Сталкиваясь съ такимъ упорствомъ, поборникъ знанія не въ состояніи найти возможность для какого бы то ни было пренія или спора, такъ какъ ему представляется прежде всего отсутствіе единства взгляда на первоосновные недоказуемые тезисы и, слѣдовательно, отсутствіе общей почвы. Желающій познать дѣйствительность обязанъ подчиниться той необходимости, которую она налагаетъ на всякаго нормально-организованнаго субъекта. Безъ этого условія *познаваніе* не можетъ осуществиться и цѣль его—*познаніе*—останется недостижимою.

Понятіе общности всегда связывалось съ понятіемъ необходимости; и, дѣйствительно, связь эта обусловлена объективно, но понятіе о ней было такъ извращено метафизикой, что и до сихъ поръ продолжаетъ еще путать очень многихъ.

Метафизики, продолжая придерживаться воззрѣнія Аристотеля на исключительное для науки значеніе общихъ понятій, присоединяютъ къ этому ложному воззрѣнію обычное смѣшеніе представленій и понятій, переносятъ понятіе общности изъ области мысли въ область дѣйствительности и по образу и подобію общихъ понятій измышляютъ *общіе* факты. Ошибка эта занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ исторіи философіи, и потому нельзя не обратить особеннаго вниманія на необходимость ея устраненія. Начиная съ крайней формулировки средневѣковаго «реализма», она встрѣчается въ разныхъ оттѣнкахъ до нашего времени. Даже основатель позитивизма не могъ вполнѣ избѣжать ея, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія критическаго обоснованія своей системы, онъ впалъ въ догматизмъ, вредное вліяніе котораго и указано уже мною въ моемъ «Опытѣ изслѣдованія основоначалъ позитивизма». Въ разсматриваемомъ теперь вопросѣ догматизмъ Ог. Конта обнаруживается въ допущеніи *общихъ фактовъ*, въ указаніи на подчиненіе естественныхъ явленій *законамъ*, въ употребленіи такихъ выраженій какъ *открытіе* закона и въ тому подобныхъ некритическихъ воззрѣніяхъ, безсознательно, тѣмъ не менѣе слишкомъ явно смѣшивающихъ міръ мысли и міръ объектовъ и неминуемо предполагающихъ метафизическую перестройку предметовъ по объектамъ, даваемымъ мышленіемъ.

Въ настоящее время указываютъ обыкновенно на матема-

тику, какъ на основу всеобщности въ объективномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщность математическихъ понятій остается внѣ всякихъ сомнѣній; всякая математическая фигура можетъ разсматриваться какъ платоновскій «архитипъ» своего рода. Но, замѣтить надо, особенности свойствъ математическаго познанія не дозволяютъ переносить добытыхъ въ области его результатовъ на другія отрасли знанія. Математика имѣетъ дѣло не съ предметами, дѣйствительно существующими, но съ комбинаціями творческой фантазіи. Ея объекты, хотя и образуются изъ элементовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, но не представляютъ собою объектовъ реальныхъ, а суть объекты, идеально построенные, и занимаютъ поэтому исключительное мѣсто среди объектовъ всѣхъ остальныхъ наукъ. Математика стоитъ на вполнѣ заслуженномъ ею почетномъ мѣстѣ въ ряду другихъ наукъ только благодаря въ высшей степени плодотворному приложенію ея къ другимъ наукамъ, только благодаря великому значенію ея при изслѣдованіи дѣйствительности. Она является, такимъ образомъ, только какъ средство познающей науки, и въ этомъ смыслѣ и оправдываетъ то, съ перваго раза кажущееся парадоксальнымъ, положеніе, которое отнимаетъ у нея значеніе науки въ томъ смыслѣ, въ которомъ терминъ этотъ прилагается къ изученію реальнаго міра.

Принимая во вниманіе, что математическимъ объектамъ свойственъ идеальный характеръ, выражающійся въ недоступности этихъ объектовъ для *представленія* и въ неизбѣжности мыслить ихъ только какъ *понятія*, нельзя не видѣть различія математики отъ другихъ наукъ и нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе тѣхъ, которыя видятъ въ ней образецъ для всѣхъ другихъ наукъ и считаютъ ее наукою по преимуществу. Понятіе общности, какимъ оно является въ математикѣ, не можетъ быть распространено, какъ видно изъ этого, на другія науки и, тѣмъ болѣе, не можетъ быть принимаемо какъ понятіе, обоснованное на всей совокупности научнаго знанія.

Для подтвержденія этого заключенія позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи Юма, который усматриваетъ превосходство математическихъ наукъ надъ науками нравственными въ томъ, что представленія первыхъ непосредственно связаны съ чувственными воспріятіями и обладаютъ поэтому ясностью и отчетливостью. Слова, по идеѣ Юма, въ математикѣ прочно связаны съ соотвѣтствующими имъ представленіями:

всякое слово всегда вызываетъ неизмѣнно то же представленіе, такъ какъ подстановка представленій на мѣсто словъ совершается безъ малѣйшаго усилія, сама собою. Въ мнѣніи этомъ вѣрно только то, что недисциплинированное наукою мышленіе обыкновенно вращается только среди представленій и комбинацій представленій и неспособно восходить выше ихъ уровня въ область отвлеченій. Понятія поэтому и могутъ имѣть для такого мышленія одно значеніе пустыхъ звуковъ. Такое значеніе дѣйствительно имѣютъ для обыденныхъ умовъ понятія такъ называемыхъ нравственныхъ наукъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что и математическія понятія имъ такъ же недоступны. Такъ, напримѣръ, математическое понятіе точки усвояется обыкновенно съ нѣкоторымъ усиліемъ; и помѣхой скорости и легкости усвоенія является только чувственное представленіе, всегда подвертывающееся вмѣсто понятія. Изъ этого видно, что примѣненіе наглядныхъ способовъ обученія, которымъ думаютъ иногда помочь усвоенію математическихъ понятій, не приближаетъ къ цѣли, а удаляетъ отъ нея обучающагося. Въ математикѣ слѣдуетъ поступать совершенно обратно, слѣдуетъ возводить наглядность объектовъ къ чистотѣ и строгости понятій, если только имѣется въ виду достиженіе знанія въ духѣ строго-математическомъ. Свойство математическихъ объектовъ и опредѣляетъ то высокое значеніе математики въ ряду наукъ, на которое было уже указано выше. Понятія всѣхъ остальныхъ наукъ являются необходимымъ и непзбѣжнымъ зломъ, потому что захватываютъ только одну часть объекта, игнорируя другую; математическія же понятія исчерпываютъ свои объекты въ той мѣрѣ, какая требуется для цѣлей математики. При этомъ, впрочемъ, остается нетронутою величина объектовъ, но остатокъ этотъ лишенъ всякаго значенія, такъ какъ математика занимается только отношеніями между величинами, а не отдѣльными величинами самими по себѣ. Чисто идеальный характеръ математики усматривается изъ этого вполнѣ ясно, и необходимость исключенія всякой аналогіи между нею и другими науками ставится внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, подтверждается еще разъ, что понятіе общности, какъ оно установлено въ математикѣ, не можетъ быть приложено ни къ какой другой наукѣ.

Отнявъ у математики значеніе опоры ложно опредѣляемаго понятія общности, я устранилъ тѣ сомнѣнія, которыя могли

возникнуть у васъ по поводу указаннаго выше смысла этого понятія, такъ часто переносимаго изъ области мысли и навязываемаго предметамъ. Теперь для васъ ясно, конечно, что *общихъ фактовъ не существуетъ, и что объективная общность* можетъ быть принимаема только какъ *обобщеніе частностей* и *индивидуальностей*. Такъ, если я говорю, что «Марсъ, Юпитеръ и т. д. движутся по эллиптическимъ орбитамъ», или «всѣ папы до Пія IX царствовали менѣе 25 лѣтъ», то это можетъ значить только то, что значило бы перечисленіе собственныхъ именъ съ присоединеніемъ къ каждому изъ нихъ высказанныхъ выше положеній. Словомъ, *общность* есть ни что иное, какъ постоянная *фактичность; всякій же фактъ самъ по себѣ индивидуаленъ*, и общность, если только она не призрачна, есть мысленное обобщеніе индивидуальностей. Въ этомъ смыслѣ и должна разсматриваться индивидуальность какъ основаніе общности, т.-е. точнѣе, какъ основаніе ея допущенія. Такимъ образомъ, общее должно являться въ мышленіи нашемъ *послѣ* единичнаго, и оно дѣйствительно является послѣ,—въ *наукѣ*; обыденное же мышленіе, образующее понятія безсознательно, обыкновенно возводитъ единичное на степень общаго и, нарушая такимъ образомъ правильный порядокъ въ образованіи общихъ понятій, вводитъ въ мышленіе еще одну путаницу, которую и слѣдуетъ присоединить къ числу тѣхъ, которыя были указаны выше. Вращаясь среди представленій, и не будучи способно подняться до дѣйствительныхъ обобщеній, обыденное мышленіе принимаетъ однако-же *представленія за понятія*, т.-е. *за обобщенія* и, встрѣчая новые единичные факты, подводитъ ихъ подъ эти мнимыя обобщенія. Для обыденнаго мышленія, какъ видно изъ этого, общее является какъ предшествующее единичному, и по обычному правилу обыденнаго мышленія—post hoc, ergo propter hoc—является вмѣстѣ съ тѣмъ его *причиной*, а единичное—*дѣйствіемъ* этой причины. Такъ какъ философія большею частью вырабатывалась независимо отъ научнаго знанія, то въ нее, какъ я не разъ уже указывалъ вамъ, проникло не мало положеній обыденнаго мышленія. Однимъ изъ такихъ положеній было и только что указанное *отношеніе общаго къ единичному*; разсматривать общее какъ основаніе единичнаго, считать науку знаніемъ общаго, считать истиннымъ знаніемъ знаніе причинъ и тому подобныя формулированія тезиса, упомянутаго выше, стало въ метафи-

зикѣ до того общимъ мѣстомъ, что ни одна метафизическая система не могла его избѣгнуть. Даже анти-метафизическій позитивизмъ преодолѣлъ этотъ метафизическій недугъ не принципіально, но путемъ регламентаціи, провозгласивъ невозможность познанія причины и устранивъ этотъ терминъ. Поэтому-то позитивизмъ никогда и не могъ вполнѣ избѣжать обвиненія въ произвольности ограниченія области познаванія и всегда обрѣтался въ нѣсколько наивномъ заблужденіи, что можно освободиться посредствомъ ампутаціи отъ такой метафизической язвы, которая коренится въ общихъ условіяхъ всего организма не-критическаго мышленія и отъ которой можно избавиться только радикальнымъ измѣненіемъ этихъ условій.

Итакъ, вы видите, конечно, что *объективная общность* есть метафизическая иллюзія, отъ которой научное знаніе непремѣнно должно освободиться, а также должно быть для васъ несомнѣнно и то, что одна только *субъективная общность* можетъ сдѣлаться цѣлью научнаго изслѣдованія. Такая общность предполагаетъ, конечно, существованіе *необходимости*, имѣющей для всѣхъ принудительное и обязательное значеніе и въ *этомъ смыслѣ* могущей назваться *абсолютною* въ противоположность *условной* необходимости, имѣющей, какъ мы уже видѣли, *субъективный* характеръ. *Абсолютною необходимостью*, такимъ образомъ принимаемою, можетъ быть только *объективная необходимость*, т.-е. *внѣшняя принудительность объектовъ*, обязательная для всѣхъ нормально организованныхъ субъектовъ и имѣющая поэтому *общее* значеніе.

Придавая научное значеніе только субъективной общности и объективной необходимости и ставя ихъ въ вышеуказанную связь, мы тѣмъ самымъ сводимъ внѣшнюю принудительность объектовъ на ощущенія. Теперь спрашивается: имѣютъ ли ощущенія характеръ необходимости, а слѣдовательно, и общности? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ мы уяснимъ себѣ одно изъ главнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ осуществленіе познанія и подвинемъ еще далѣе изслѣдованіе нашего вопроса.

Всѣ люди, и въ особенности тѣ, въ жизни которыхъ умственная дѣятельность занимаетъ болѣе или менѣе видное мѣсто, хорошо знаютъ, въ какой мѣрѣ работа мысли можетъ разстроиваться ощущеніями. Бываютъ минуты, когда хотѣлось бы не видѣть и не слышать, когда внѣшнія впечатлѣнія раздражаютъ. Хотѣнія наши и наше раздраженіе ни мало не измѣняютъ,

само собою разумѣется, дѣйствительнаго порядка вещей; ощущенія вторгаются въ сознаніе какъ тѣхъ, которые охотно воспринимаютъ внѣшнія вліянія, такъ и тѣхъ, которые раздражаются ими. Пока органы наши находятся въ нормальномъ состояніи, до тѣхъ поръ натискъ ощущеній остается совершенно для насъ неотразимымъ, и мы подчиняемся ему невольно.

Такъ какъ представленія суть воспроизведенія воспріятій, то принудительный характеръ ощущеній оказывается и въ возникновеніи представленій, и въ ихъ образованіи. Мысль о возможности господства надъ возникновеніемъ и образованіемъ представленій исчезаетъ, какъ иллюзія послѣ сколько-нибудь внимательнаго изслѣдованія этого процесса. Нисколько не пародоксально поэтому утверждать, что человѣкъ не можетъ мыслить то, что онъ хочетъ, но что и въ этомъ актѣ онъ подчиненъ вполнѣ принудительной силѣ условій, объективной необходимости. Фактъ этотъ былъ затемненъ метафизикою, но, разсматривая его безъ всякихъ предвзятій, не трудно, я думаю, убѣдиться въ совершенной его несомнѣнности.

Необходимость, связанная съ ощущеніями, какъ источникомъ представленій, и *общность* ея для всѣхъ нормально организованныхъ субъектовъ, составляютъ, очевидно, весьма прочное основаніе для осуществленія познанія, но еще не осуществляютъ его: всякому извѣстны необходимыя и всеобщія заблужденія,—заблужденія, неизбѣжно свойственныя всѣмъ людямъ и могущія быть устраненными не конкретно, но лишь абстрактно, при посредствѣ опыта и науки. Это наблюденіе сдѣлано было очень рано и повело сперва къ справедливому недовѣрію къ истинѣ чувственныхъ воспріятій, а потомъ, подъ вліяніемъ другихъ причинъ, къ полному устраненію чувствъ, какъ источника познанія. Вмѣстѣ съ устраненіемъ этимъ была потеряна объективная необходимость, а съ нею и тотъ коррективъ, который только и могъ обуздать произволъ фантастики. Только критическая проницательность Канта возвратила философіи научное основаніе, остававшееся чуждымъ ей—за рѣдкими исключеніями—въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Для Канта не было сомнѣнія въ томъ, что догматическая философія не въ состояніи была выработать знаніе, и онъ не разъ пользовался случаемъ для осмѣянія «всезнайства метафизиковъ, ощупью ищущихъ чего-то въ потемкахъ». Но кантовская реформа метафизики, какъ онъ и самъ это замѣчалъ, имѣла характеръ пере-

ворота, который снесъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что было достойно низверженія, и то, что имѣло право на существованіе. Если догматизмъ посредствомъ чистаго умозрѣнія и не достигъ знанія, то цѣль догматизма тѣмъ не менѣе была намѣчена правильно. Кантъ упустилъ изъ виду эту цѣль, возстановивъ метафизику въ формальномъ отношеніи (въ «Критикѣ чистаго разума») и обойдя содержаніе знанія, эту основную цѣль философіи. Его такъ называемое коперниковское открытіе было въ сущности возстановленіемъ догматическаго пріема, затѣмъ ложная психологія привела его и къ ложной теоріи познаванія, и великая задача, имъ поставленная, самимъ имъ была рѣшена ложно [1]). Научная философія нашего времени, воспользовав-

---

[1]) Основная ошибка Канта заключается въ томъ, что онъ разсматривалъ воспріятіе, представленіе и понятіе какъ одинаково элементарныя психическія функціи; вслѣдствіе такой ошибки онъ пришелъ къ ложному взгляду на происхожденіе мышленія и сужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что *мы* мыслимъ при посредствѣ понятій, подводя подлежащее подъ понятіе сказуемаго и такимъ образомъ установляемъ отношеніе понятія къ представленію. Но такъ мыслимъ *мы*, дисциплинировавшіе мышленіе наше посредствомъ науки: что же касается обыденнаго мышленія, то оно ассоціируетъ одни только представленія и никогда не возвышается до понятія въ логическомъ значеніи этого термина. Но такъ какъ естественное, обыденное мышленіе предшествуетъ мышленію логическому, то и сужденія свои оно строитъ безъ помощи понятій и вырабатываетъ безъ нихъ и *свои* знанія. Кантъ, упустивъ изъ виду различіе обыденнаго мышленія отъ научнаго, расчленилъ *логическое* сужденіе и, найдя содержавшееся въ немъ подведеніе подлежащаго подъ понятіе сказуемаго, заключилъ, что такъ какъ *опытъ* возможенъ только при помощи сужденія, то, слѣдовательно, основаніемъ ему могутъ служить только *понятія*. Въ продуктѣ же опыта, въ эмпирическомъ познаніи, открылъ онъ составныя части, которыя, по его мнѣнію, не могли быть произведены опытомъ; таковыми онъ призналъ формы познанія,—формы, предшествующія всякому опыту,—формы *апріорныя*. Такъ и совершилось открытіе *a priori*, открытіе, которому самъ онъ придавалъ значеніе «коперниковскаго открытія». «Доселѣ принималось—говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію «Критики чистаго разума»—что всѣ наши познанія должны быть соображаемы съ внѣшними предметами. Но такое предположеніе уничтожаетъ всѣ попытки сдѣлать что-нибудь по отношенію къ нимъ a priori, чѣмъ единственно могло бы быть расширено наше познаніе. Слѣдуетъ посему попытаться: не сдѣлаемъ ли чего-нибудь лучшаго для метафизическихъ задачъ, если мы допустимъ, что, наоборотъ, самые предметы должны направляться сообразно съ нашими познаніями. Предположеніе это подтверждаетъ возможность познаванія ихъ a priori, ибо задача послѣдняго и состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать нѣчто о

шись успѣхами вступившей въ новый фазисъ развитія психологіи, взялась вновь за задачу Канта и перерѣшила ее совершенно за-ново.

Слѣдя за разрѣшеніемъ основныхъ вопросовъ теоріи познаванія ново-критическимъ направленіемъ научной философіи, я представилъ вамъ общую характеристику условій, опредѣляющихъ осуществленіе познаванія; теперь я перейду къ разсмотрѣнію средствъ, служащихъ для достиженія этой цѣли.

Чувственныя воспріятія—за несуществованіемъ другого предмета въ дѣятельности психическаго механизма—разсматриваются нами какъ начальные элементы мышленія. Доставляемый ими матеріалъ сопряженъ съ наивысшею степенью субъек-

---

предметахъ прежде, нежели они даны будутъ намъ въ опытѣ. *Здѣсь повторяется нѣчто подобное мысли Коперника*: послѣ того, какъ гипотеза движенія свѣтилъ около земли оказалась неудобной для объясненія небесныхъ явленій, онъ пытался объяснить ихъ другимъ предположеніемъ—покоя самихъ свѣтилъ, но движенія самого наблюдателя. И въ метафизикѣ можно подобнымъ образомъ пытаться объяснить все касающееся чувственнаго усмотрѣнія предметовъ. Если послѣднее должно направляться сообразно съ свойствомъ предметовъ, то какъ же, спрашивается, можно знать о нихъ что-нибудь a priori; но если внѣшній предметъ (какъ предметъ чувствъ) направляется сообразно съ свойствомъ самой способности усмотрѣнія, то понятна возможность такого знанія. И такъ какъ я не могу довольствоваться чувственными представленіями, но, если хочу переработать въ познанія, долженъ относить ихъ, какъ представленія чего-то, къ какому-нибудь предмету и послѣдній опредѣлять первыми, то мнѣ остается предположить одно изъ двухъ: или понятія, посредствомъ которыхъ происходитъ это опредѣленіе, построяются сообразно съ внѣшнимъ предметомъ, тогда возникаетъ опять затрудненіе, какъ же можно знать о немъ что-нибудь a priori, или же предметы, иначе опытъ, изъ котораго единственно они (въ качествѣ данныхъ предметовъ) познаются, направляется сообразно съ понятіями; тогда все становится яснымъ. Самъ опытъ есть ни что иное, какъ родъ познаній, образуемый разсудкомъ по правиламъ, существующимъ во мнѣ прежде всякихъ внѣшнихъ предметовъ, слѣдовательно, a priori, и эти правила выражаются въ понятіяхъ a priori, которымъ необходимо должны подчиняться и сообразоваться всѣ предметы опыта. Что касается до тѣхъ сторонъ предметовъ, которыя необходимо мыслятся однимъ разумомъ и не могутъ быть даны въ опытѣ (по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ мыслитъ ихъ разумъ), то попытка мысленно углубиться въ нихъ должна дать намъ прекрасный случай провѣрить такой измѣненный методъ мышленія,—именно: что познавать a priori въ вещахъ можно только то, что мы сами влагаемъ въ нихъ». («Критика чистаго разума», перев. М. Владиславлева, стр. XVII—XVIII).

тивной достовѣрности и всегда разсматривается поэтому обыденнымъ мышленіемъ, какъ знаніе. Но если бы мы обладали только этимъ знаніемъ, то намъ пришлось бы итти рука объ руку съ обыденнымъ мышленіемъ, ибо и у насъ не могло бы явиться сознаніе ошибки, и мы также не имѣли бы никакого основанія для рѣшенія вопроса о правильности или неправильности того или другого представленія. Итакъ, не первичный моментъ знанія—знаніе непосредственное, но лишь вторичный моментъ—знаніе посредственное,—знаніе, слагающееся изъ методически выработанныхъ понятій, даетъ возможность различать истину отъ заблужденія.

Я имѣлъ уже случай обратить вниманіе ваше на значеніе понятій, и указалъ на нихъ какъ на средство, при помощи котораго мы до извѣстной степени можемъ переходить черезъ границы, налагаемыя нашему мышленію временемъ и пространствомъ. Одни понятія даютъ возможность существовать не только наукѣ, т.-е. системѣ единичныхъ знаній, но и самимъ этимъ единичнымъ знаніямъ. Идеалъ знанія могъ бы быть достигнутъ единичными знаніями, если бы возрастаніе единичныхъ представленій не встрѣчало необоримой преграды въ ограниченности мыслительной способности человѣка, и Кирхманъ (Kirchmann. Die Philosophie des Wissens. 1864) вполнѣ правъ, утверждая въ разрѣзъ воззрѣніямъ идеалистовъ, что высшія, идеальныя существа могли бы обладать вполнѣ конкретнымъ знаніемъ: они выражали бы мысли свои при помощи однихъ именъ собственныхъ и нимало не нуждались бы въ помощи понятій. Изъ этого видно, что понятія имѣютъ для насъ чисто относительное значеніе, и эту сторону ихъ характера слѣдуетъ прежде всего принять во вниманіе при разсмотрѣніи роли ихъ въ образованіи знанія.

Чувственныя воспріятія оставляютъ впечатлѣнія, которыя, повторяясь, рано или поздно возбуждаютъ сознаніе того, что воспріятіе имѣетъ мѣсто не въ первый разъ, и что, слѣдовательно, воспріятіе это относится къ одному и тому же объекту. Это сознаніе и есть такая психологическая функція, которая заходитъ за предѣлы непосредственности: она имѣетъ значеніе *заключенія*, такъ какъ изъ двухъ данныхъ представленій она извлекаетъ третье, не содержащееся ни въ одномъ изъ двухъ первыхъ.

Эта первобытная форма заключенія есть основаніе всякаго

сужденія и всякаго опытнаго знанія; она неизбѣжно должна существовать ранѣе, чѣмъ начнется образованіе понятій. Ранѣе, чѣмъ дитя при появленіи отца, произнесетъ слово «папа», необходимо, чтобы его чувственное воспріятіе въ данную минуту было тождественно съ опредѣленнымъ представленіемъ, сохраненнымъ его памятью. Только смѣшеніе обыденнаго и логическаго мышленія могло извратить этотъ порядокъ, могло пытаться придать понятіямъ значеніе источника знанія или, что то же, поставить непосредственное знаніе (представленія) въ зависимость отъ знанія посредственнаго (отъ понятій), и совершить мнимое «открытіе a priori».

Наивный реализмъ обыденнаго мышленія мнитъ себя непосредственнымъ обладателемъ внѣшнихъ объектовъ и на нихъ провѣряетъ вѣрность своихъ представленій. Провѣрка эта возможна однако-же только при посредствѣ опыта, т.-е. посредственнаго, основаннаго на понятіяхъ знанія. Наивный реализмъ считаетъ возможнымъ сравненіе представленій съ предметами, и потому опредѣляетъ истину какъ *сходство* представленія съ его предметомъ. Научная философія не допускаетъ такого сходства, такъ какъ предметы доступны только непосредственному сознанію, какъ впечатлѣнія органовъ чувствъ. Она дозволяетъ сравнивать не представленія съ предметами, но только представленія съ представленіями, и этимъ путемъ открываетъ возможность пользоваться опытомъ для выработки такого критерія, руководствуясь которымъ мы могли бы имѣть убѣжденіе въ безошибочномъ различеніи не-критическаго, обыденнаго мышленія отъ знанія и въ полной основательности признаванія нами объективности существованія представляемаго.

Опытъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что психологическая необходимость, ощущаемая нами въ тѣхъ случаяхъ, когда аффектируются наши органы чувствъ, никакъ не является достаточнымъ основаніемъ для увѣренности въ существованіи чувственно-воспринятаго: обманы чувствъ, галлюцинаціи, видѣнія, сопровождаются высочайшею степенью субъективной достовѣрности. Такимъ образомъ, для объективированія чувственнаго воспріятія вовсе не существуетъ *прямого* критерія: все, что утверждалось въ этомъ отношеніи въ древнія и новыя времена, оказывается несостоятельнымъ. Только тогда стало возможнымъ рѣшить достовѣрно, гдѣ источникъ впечатлѣній нашихъ органовъ чувствъ—внѣшній міръ или собственное наше

тѣло—когда было обращено вниманіе и на другіе моменты процесса познаванія. Познающій долженъ находиться въ томъ нормальномъ физическомъ и психическомъ состояніи, которое дѣлаетъ возможнымъ безпристрастное сужденіе о непосредственномъ сознаніи. Самое это сужденіе предполагаетъ въ свою очередь значительное накопленіе *результатовъ* опыта по отношенію къ указаннымъ выше обманамъ и ошибкамъ; только отвлеченное знаніе, слѣдовательно, и можетъ познать заблужденія въ образованіи конкретныхъ представленій и преодолѣть ихъ. Говоря словами Канта, невѣжда не вѣдаетъ и того, что онъ невѣжда. «Только противопоставляя невѣжество знанію и возможно представить себѣ свое собственное невѣжество, точно такъ же какъ слѣпой до тѣхъ поръ не можетъ представить себѣ темноты, пока не прозрѣетъ». Такимъ слѣпымъ и является обыденное мышленіе, считающее свои ошибки общеобязательнымъ знаніемъ.

Когда, такимъ образомъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы найти достаточное основаніе для допущенія объективности существованія представляемаго, то можно вообще сказать, что всякое чувственное воспріятіе опытнаго субъекта, находящагося въ нормальномъ состояніи, можетъ считаться такимъ достаточнымъ основаніемъ. Отсюда является возможность дѣлать заключеніе о правильности воспріятій другихъ лицъ: опытъ научаетъ опредѣлять случаи, въ которыхъ чувственныя воспріятія могутъ и должны разсматриваться, какъ благонадежныя.

Вслѣдъ за образованіемъ правильныхъ понятій выступаетъ въ процессѣ познаванія вопросъ о правильномъ комбинированіи ихъ. Только тогда, когда оба эти момента свободны отъ неправильностей, можетъ быть достигнута цѣль познаванія—*знаніе*.

Общія начала, руководящія при образованіи представленій и комбинированіи ихъ, вырабатываются, какъ это можно видѣть изъ всего предшествовавшаго изложенія, путемъ опыта, а именно: всякая возникающая наука экспериментируетъ сперва посредствомъ своихъ собственныхъ средствъ и пріемовъ, посредствомъ своего собственнаго метода, и заключаетъ потомъ о годности его по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя ею получаются. Затѣмъ, когда совершится установленіе нѣсколькихъ наукъ и, слѣдовательно, нѣсколькихъ методовъ, является возможность выработать путемъ отвлеченія и общій научный методъ. Един-

ственнымъ критеріемъ этого метода служитъ, такимъ образомъ, то, что при его посредствѣ произошли и установились науки; дальнѣйшее же приложеніе метода даетъ все бо́льшую и бо́льшую устойчивость его правильности и, наконецъ, сообщаетъ ту степень достовѣрности, какая только возможна при условіяхъ мышленія, охарактеризованныхъ выше.

Я сказалъ только что объ общемъ научномъ методѣ, что онъ вырабатывается *путемъ отвлеченія* послѣ того, какъ совершилось уже установленіе нѣсколькихъ наукъ. Вы можете видѣть изъ этого, что общимъ научнымъ методомъ я считаю совокупность положеній, общихъ для методовъ отдѣльныхъ наукъ, и нисколько не имѣю въ виду призрачнаго всеобщаго метода, такого метода, который можно съ одинаковымъ правомъ прилагать къ различнымъ отраслямъ знанія и имѣть основаніе разсчитывать на одинаково достовѣрные результаты. Такой методъ есть иллюзія, и о немъ рѣчи у насъ быть не можетъ.

Потребность въ методѣ является тогда, когда прекращается прямая принудительность непосредственнаго воспріятія и начинается посредственное или логическое мышленіе. Еще Аристотель считалъ чувственныя воспріятія легкими, а мышленіе труднымъ. Вторую половину этого утвержденія можно считать вѣрною только въ томъ случаѣ, когда подъ мышленіемъ мы разумѣемъ не безсознательное и произвольное связываніе представленій, но сознательное логическое мышленіе, обставленное условіями, указанными выше. Тутъ-то и нуженъ для науки методъ, который бы могъ предотвратить субъективное и произвольное связываніе представленій; онъ можетъ, какъ это вамъ, конечно, ясно, возникнуть не тогда, когда умственная дѣятельность обусловлена объективною необходимостью, какъ это имѣетъ мѣсто въ непосредственномъ званіи, а только тогда, когда имѣется въ виду возможность управлять дѣятельностью мысли и исправлять ея погрѣшности. Цѣль метода заключается, впрочемъ, не въ одной только формальной правильности мышленія, т.-е. не въ обезпеченіи вѣрности при установленіи соотношеній между представленіями, но еще и въ томъ, чтобы пріобрѣсти средство достигать истины независимо отъ непосредственнаго воспріятія. Приложеніе метода съ этою послѣднею цѣлью примѣняется прежде всего при формулированіи тѣхъ понятій, данныя для которыхъ доставляются свойствами предметовъ, воспринимаемыми нами непосредственно. Предметы эти из-

мѣняются и исчезаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и исчезаетъ и возможность непосредственнаго познаванія ихъ, что и давало не разъ поводъ отрицать всякое значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Между тѣмъ, на мѣсто предметовъ, которые оказывались изъятыми изъ числа воспринимаемыхъ непосредственно, возникали немедленно же или черезъ извѣстный промежутокъ времени другіе, обладающіе такими же свойствами, какъ и исчезнувшіе, и такимъ образомъ являлась возможность сравнивать эти новые предметы съ прежними и при посредствѣ памяти образовывать изъ общей совокупности пріобрѣтенныхъ *представленій* одно общее *понятіе*. Имѣя въ виду самые предметы, мы образуемъ родовыя и видовыя обобщенія; имѣя же въ виду только фактъ возникновенія этихъ предметовъ, мы вырабатываемъ такое обобщеніе, которое на языкѣ науки носитъ названіе *закона* [1]). *Образованіе понятій* и *законовъ* есть послѣдняя цѣль науки, насколько она держится въ предѣлахъ знанія и не переходитъ въ область объясненій. Вы знаете, однако-же, что и объясненіе можетъ имѣть научный характеръ, если оно не предшествуетъ знанію и основывается на немъ, и если выставляемыя имъ гипотезы не предполагаются въ области, недоступной познанію (трансцендентной), а строятся на той же почвѣ, какъ и это послѣднее, т.-е. на почвѣ опыта. Къ этому-то, отличающемуся отъ объясненія обыденнаго объясненію *научному* и приводитъ путь *метода*, на общее значеніе котораго я могу указать теперь только попутно и заняться которымъ я могу только въ другомъ рядѣ писемъ, пока мною еще только предполагаемомъ.

Ростъ и развѣтвленіе нашихъ понятій уподобляется, такимъ образомъ, скажу я вслѣдъ за Кастеляромъ, дереву, превращаю-

---

[1]) Ср. Гельмгольца, который въ статьѣ «О соотношеніи между общею совокупностью наукъ и естествознаніемъ» говоритъ: «Логическая обработка даннаго матеріала заключается прежде всего въ томъ, что мы соединяемъ сходственное и образуемъ общее понятіе, охватывающее все, что было нами соединено. Такое понятіе, какъ видно изъ этого, обнимаетъ собою множество единичныхъ предметовъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ нашемъ мышленіи. Когда понятіе охватываетъ совокупность существующихъ предметовъ, мы называемъ его родовымъ понятіемъ; когда же оно охватываетъ рядъ событій или происшествій, то мы даемъ ему названіе *закона*». (H. Helmholtz. Populäre wissenschaftliche Vorträge. I. Heft. 1865. S. 13).

щему въ цвѣты и ароматъ соки, получаемые корнями его изъ нѣдръ матери-земли [1]).

Все, только что сказанное мною, наводитъ меня еще разъ на вопросъ, о которомъ я сказалъ уже нѣсколько словъ въ моемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивизма», а именно, на вопросъ о той цѣнности, которую могутъ имѣть факты, разсматриваемые съ научной точки зрѣнія. Цѣнность эта, какъ вы могли видѣть, есть нѣчто совершенно относительное и если я предостерегаю васъ отъ метафизическаго *презрѣнія* къ фактамъ, то я не менѣе предостерегаю васъ и отъ буквоѣднаго *пристрастія* къ нимъ, отъ гелертеровскаго нагроможденія факта на фактъ и охраненія нагроможденной кучи отъ какихъ бы то ни было обобщеній. Ог. Контъ, Гельмгольцъ, Вундтъ, Дюрингъ, Гэккель, Гёрингъ и вся критическая школа единодушно протестуютъ противъ такого извращенія значенія науки. Вы видѣли уже изъ предшествовавшаго изложенія, что если наука и можетъ осуществиться только при томъ условіи, что основою ея будетъ непосредственное знаніе, то вы видѣли также, что наука осуществляется только путемъ образованія понятій. Воздѣйствіе понятій на представленія стало вамъ, конечно, очевиднымъ: значеніе представленій опредѣляется несомнѣнно только при помощи понятій и, слѣдовательно, ими же и опредѣляется цѣнность фактовъ. Очень ошибутся тѣ, которые вообразятъ себѣ, что наука и основывающаяся на ней философія могутъ считать фактъ крупнымъ или мелкимъ въ томъ же смыслѣ, въ которомъ дѣлаетъ это обыденное мышленіе. Не объемъ предмета, не пространственная мѣра явленія опредѣляетъ цѣнность факта для науки; цѣнность эта для нея опредѣляется тѣмъ вліяніемъ, которое можетъ имѣть фактъ на образованіе понятія или измѣненіе образованнаго ранѣе. Буквоѣды именно и не хотятъ понять того, что накопленіе фактовъ можетъ итти безъ конца, но что если накопленіе это не обусловлено цѣлями, ставимыми наукою, то толку изъ работы, посвященной накопленію, не выйдетъ никакого. Они не хотятъ понять, что труженикъ, безсмысленно накопляющій факты до избытка, можетъ, наконецъ, уподобиться крыловской обезьянѣ, до изнеможенія силъ таскающей по полю, въ подражаніе пахарю, не соху, а бревно.

---

[1]) *Em. Castelar.* Las transformaciones (Revista contemporanea. 1877. № 27, p. 41).

Очевидно, что какой-нибудь едва уловимый микроскопомъ признакъ, какое-нибудь истолкованіе одного слова въ памятникѣ старины, какая-нибудь мельчайшая черта нравовъ, обычаевъ, языка, можетъ производить цѣлые перевороты въ наукѣ и, слѣдовательно, можетъ имѣть для науки громадную цѣнность, тогда какъ описаніе цѣлаго музея ковчежцевъ и разной утвари, во всемъ однородныхъ тысячѣ уже описанныхъ и потому ровно ничего не вносящихъ въ образованное или образующееся понятіе объ этихъ предметахъ, есть плодъ бездѣльнаго недосуга, пустое дѣло, могущее занимать только людей очень ужъ обиженныхъ природою. Вы можете убѣдиться изъ всего этого, что мыслящему ученому, представителю живой науки часто приходится тщательно отмѣчать букашекъ и проходить мимо слоновъ, не боясь погрѣшить противъ требованій науки, и, напротивъ того, можно писать монографіи о слонахъ, не внося въ науку ровно ничего и только удивляя простодушныхъ выставкою пустого многознанія, которое и сходитъ часто за «ученость».

Но если значеніе и цѣнность фактовъ опредѣляется тѣмъ понятіемъ, образованію котораго они служатъ, и если безъ усвоенія этого понятія невозможно и говорить о цѣнности фактовъ, то ясно, до какой степени осторожно слѣдуетъ обходиться съ фактами, до какой степени обдуманно слѣдуетъ доводить ихъ до свѣдѣнія публики, такъ легко строющей на нихъ свои собственныя, ничего общаго съ наукой не имѣющія понятія. Пока факты не констатированы, пока они не сведены къ понятіямъ, пока они не объяснены научно, до тѣхъ поръ обыденное мышленіе можетъ легко пользоваться ими для произвольныхъ гипотезъ и для удовлетворенія вѣчно присущей ему склонности къ мистицизму. Объ этомъ забываютъ иногда ученые, съ неумѣренною ревностью повѣствующіе о такъ называемыхъ медіумическихъ явленіяхъ, и популяризующіе ихъ при помощи печати, да еще съ явно ненаучными гипотезами въ придачу. Не слѣдуетъ, я думаю, забывать, что въ свѣтѣ науки мы очень еще нуждаемся, но въ мистицизмѣ—всего менѣе.

Но возвратимся къ научному методу, о которомъ, или точнѣе, по поводу котораго я желаю еще сказать нѣсколько словъ въ заключеніе этого письма. Вы обратили вниманіе, конечно, на то, что научная философія принимаетъ достовѣрность знанія только условно. Условность эта представляетъ собою камень

преткновенія какъ для нисшей стадіи обыденнаго мышленія, такъ и для высшей: первая безсознательно, а вторая сознательно признаютъ только знаніе абсолютное. Обыденное мышленіе вообще и метафизика въ частности выставляютъ поэтому свои собственныя средства и пріемы, которыми, по ихъ мнѣнію, достигается это вождѣленное *абсолютное* знаніе, вполнѣ удовлетворяющее ихъ. Такъ какъ средства эти и пріемы своею не-критичностью и наивностью стоятъ въ яркой противоположности со средствами и пріемами научными, то послѣдовательные поборники обыденнаго мышленія и метафизики и отвергаютъ, во имя ихъ, самыя основанія научнаго метода и установляютъ исходную точку свою не въ опытѣ и доставляемыхъ имъ представленіяхъ, но въ яко-бы предшествующихъ опыту понятіяхъ, характеръ и значеніе которыхъ различными мистиками и метафизиками опредѣляется столь различно, что мистическая и метафизическая философія давно уже были уподобляемы гидрѣ, каждая изъ головъ которой говоритъ на своемъ особомъ языкѣ. Языкъ этотъ, очевидно, можетъ представлять только своего рода тарабарщину, построенную на основаніяхъ совершенно произвольныхъ, но развиваемую изъ этихъ основаній, какъ я только что замѣтилъ, съ опредѣленною послѣдовательностью. Послѣдовательность эта оказывала по временамъ на умы значительное обаяніе, но мистико-метафизической философіи не спасла, такъ какъ философія эта, подъ вліяніемъ неизбѣжнаго въ ней смѣшенія языковъ, пошла въ разбродъ и, шаря въ потемкахъ, все чего-то искала, пока наука, постепенно крѣпчая и ширясь, не отодвинула ее на задній планъ той сцены, на которой такъ долго идетъ борьба за обладаніе истиной. Успѣхъ науки не остался безъ вліянія и на самихъ представителей мистико-метафизическаго хаоса, и, какъ знаменіе времени, явились такіе мистики и метафизики, которые не въ силахъ уже были устоять на столь цѣнимой прежде послѣдовательности и, ударясь въ двойственность, сами изъ себя изобразили двуязычныхъ монстровъ, способныхъ производить не обаяніе, а развѣ недоумѣніе, изумленіе или сожалѣніе. Западная Европа довольно богата такими половинчатыми философами; нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже эфемерный успѣхъ; но ни одинъ изъ нихъ не представляетъ типа столь простого и элементарнаго, какъ нашъ г. В. Соловьевъ, который бредитъ о соединеніи данныхъ современной положительной науки съ созерцаніями древняго

Востока, или какъ г. Н. Страховъ, который «*первымъ* источникомъ своихъ взглядовъ считаетъ науку», а «*вторымъ*—методъ Гегеля», и самъ о томъ не безъ нѣкотораго самодовольствія объявляетъ [1]). Въ этихъ рѣчахъ такъ и слышится отзвукъ того мнѣнія, что хорошая, молъ, вещь локомотивъ, а все же, если къ поѣзду припречь тройку бойкихъ лошадокъ, куда бы лучше вышло. Еще бы! вѣдь и предки наши ѣздили на тройкахъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжали...

---

[1]) *В. Соловьевъ.* Кризисъ западной философіи. 1874. стр. 124.— *Н. Страховъ.* Міръ, какъ цѣлое. 1872. стр. V и VI.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Характеризуя въ предшествовавшемъ письмѣ познаваніе, я указалъ вамъ на различіе непосредственнаго знанія, доставляемаго представленіями, отъ посредственнаго, совершающагося при помощи понятій. Для упрощенія вопроса я предполагалъ до сихъ поръ, что понятія образуются прямо изъ представленій, иначе говоря, могутъ разлагаться на представленія, которыя были ассоціированы для ихъ образованія; но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Понятія, образованныя изъ представленій и разлагаемыя на представленія, сохраняютъ еще такъ много индивидуальныхъ чертъ представленій, что является возможность отбросить нѣкоторыя изъ нихъ, т.-е. отвлечь понятія отъ этихъ остатковъ конкретной дѣйствительности и, соединяя ихъ, образовать новыя, болѣе отвлеченныя понятія, которыя, въ свою очередь, могутъ быть подвергнуты такой же обработкѣ, и т. д. Такимъ образомъ, можетъ получиться цѣлая цѣпь понятій, одинъ конецъ которой соединяется посредствомъ представленій съ конкретною и индивидуальною дѣйствительностью, а другой является самымъ общимъ и отвлеченнымъ понятіемъ, какое только возможно было образовать, не обрывая связи съ реальною основою, къ которой прикрѣпляется начальный край цѣпи. Такъ, напримѣръ, я вижу траву, листья, рѣшетку сада и, отвлекая отъ нихъ все сходное, говорю, что всѣ они *зеленые;* это—первое отвлеченіе, образованное прямо изъ представленій. Затѣмъ я вижу другіе предметы синіе, красные, бѣлые и т. д., и, говоря, что все это *цвѣта*, перехожу къ высшему отвлеченію; отъ него я перехожу къ *свойствамъ* предметовъ, т.-е. еще къ высшему отвлеченію и т. д. Изъ этого видно, что отвлеченіе, подобно числу, имѣетъ свои степени, какъ весьма удачно замѣтилъ Рибо [1]), обратившій при

[1]) *Th. Ribot.* La psychologie anglaise contemporaine. 1875, p. 79.

этомъ вниманіе на ту пользу, которую могла бы извлечь философія изъ обозначенія этихъ степеней восходящаго отвлеченія. Рибо справедливо полагаетъ, что при помощи такихъ обозначеній высшія отвлеченія могли бы сводиться на нисшія и эти послѣднія на конкретности, и, такимъ образомъ, явилась бы возможность устранить многіе пустые вопросы и искусственныя трудности.

Изъ вышесказаннаго вы можете заключить, что познаванію приходится ориентироваться среди весьма сложныхъ условій. Избѣжавъ основной ошибки обыденнаго мышленія—смѣшенія представленій и понятій, познаваніе должно постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы нити, идущія отъ представленій къ понятіямъ нисшихъ степеней и отъ нихъ къ высшимъ, не спутались, чтобы всегда возможно было безпрепятственно восходить отъ представленій къ самымъ высшимъ отвлеченіямъ и отъ этихъ послѣднихъ нисходить къ представленіямъ. Въ процессѣ образованія отвлеченныхъ понятій необходимо, какъ видно изъ этого, различать нити, ведущія къ высшимъ понятіямъ, и никогда не обрывать связи ихъ съ реальною почвою, къ которой онѣ прикрѣплены. Не дѣлая такого различенія, мы *затемняемъ* понятія, дѣлаемъ ихъ *неопредѣленными;* утрачивая связь ихъ съ представленіями, мы оставляемъ ихъ безъ содержанія, превращаемъ въ *пустыя* понятія, въ фикціи, въ призраки.

Положимъ, намъ дано понятіе «*природа*» и, согласно вышесказанному, требуется обозначить тотъ процессъ образованія и тѣ основы, которые дѣлаютъ его опредѣленнымъ и содержательнымъ. Слѣдуя за Ст. Миллемъ, обстоятельно и подробно прослѣдившимъ рѣшеніе этой задачи [1]), постепенно нисходя отъ отвлеченія до представленій, мы замѣтимъ, что въ двухъ различныхъ значеніяхъ, обыкновенно придаваемымъ этому понятію, реальныя явленія и предметы хотя и образуютъ основу, съ которой начинаются отвлеченія, но берутся они для образованія понятія не всегда во всей ихъ совокупности, почему и понятія, изъ нихъ образованныя, различны между собою по своему характеру. Въ первомъ случаѣ, когда для образованія понятія берется вся совокупность предметовъ и явленій, понятіе природы не предполагаетъ возможности противопо-

---

[1]) *J. St. Mill.* Ueber Religion. Deutsch von Emil Lehmann. 1875. S. 2—55.

ставленія ему какого-либо другого однороднаго понятія, и понятія законовъ природы, слѣдующія за нимъ въ нисходящемъ порядкѣ отвлеченія, имѣютъ значеніе понятій всеобщихъ. Во второмъ же случаѣ, когда изъ общей совокупности предметовъ и явленій предварительно исключается человѣческая дѣятельность и ея результаты, и съ остающихся затѣмъ данныхъ снимаются представленія, изъ которыхъ строится понятіе природы, понятіе это въ этомъ случаѣ противопоставляется понятію искусства и, слѣдовательно, противорѣчіе и противоположность допускаются, чего въ первомъ случаѣ нѣтъ. Невниманіе къ этому различенію обращаетъ понятіе природы въ неопредѣленное или пустое и порождаетъ въ употребленіи его недоразумѣнія и несообразности, для ознакомленія съ которыми трактатъ Милля можетъ доставить вамъ всѣ необходимыя данныя.

Приведенный примѣръ показываетъ вамъ, что, слѣдя за ходомъ образованія понятія и не теряя изъ виду его исходной точки въ представленіяхъ, мы всегда можемъ сохранить научный характеръ этого понятія—содержательность и точность—какъ бы самое понятіе ни было обще и отвлеченно. Изъ этого видно, что цѣпь понятій, примыкающая однимъ краемъ къ представленіямъ и состоящая изъ все болѣе и болѣе восходящихъ отвлеченій, не можетъ быть оборвана произвольно, гдѣ попало, но должна тянуться до тѣхъ поръ, пока возможно восхожденіе при указанныхъ выше условіяхъ, т.-е. пока возможно удерживать связь съ реальною основою и всегда имѣть передъ глазами послѣдовательность и неразрывность восходящаго отвлеченія и обобщенія. Предметомъ такого восхожденія можетъ, слѣдовательно, быть то самое общее и отвлеченное понятіе, которое будетъ идеально соотвѣтствовать всецѣлой совокупности представленій, т.-е. понятіе о мірѣ, какъ о цѣломъ. Обыкновенно принято понятія нисшихъ степеней отвлеченія считать содержаніемъ отдѣльныхъ *наукъ*, а самое высшее и общее отвлеченіе—содержаніемъ *философіи*. Возражать противъ правильности этихъ терминовъ нѣтъ надобности, и мы ихъ оставимъ; замѣтимъ только, что при указанной постановкѣ вопроса не существуетъ и не можетъ существовать качественнаго различія между наукою и философіею, такъ какъ все различіе между ними исчерпывается различіемъ въ степени отвлеченности и общности. Содержаніе науки такъ же, какъ и содержаніе философіи, сла-

гается изъ понятій, т.-е. содержаніе это въ обоихъ случаяхъ имѣетъ общій и отвлеченный характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ философія и наука одинаково имѣютъ корни свои въ одной общей почвѣ—реальной дѣйствительности. Изъ этого видно, что весь строй научнаго знанія представляетъ нѣчто цѣлое, общее, единство котораго допускаетъ только относительное различіе философіи и науки и вовсе отвергаетъ противопоставленіе одной изъ нихъ другой. Такое противопоставленіе можетъ предполагаться только при полномъ невѣдѣніи смысла и значенія научной философіи и продолжаетъ грезиться только тѣмъ, которые не вполнѣ освободились еще отъ вліянія метафизики и никакъ не могутъ усвоить поэтому новаго, діаметрально противоположнаго ей понятія. Всякому, кто не желаетъ вести борьбу съ призраками своего воображенія, съ мельницами, принимаемыми за гигантовъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду, что научная философія не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ поэзіи или грезами мистика, но что она есть *наука* въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ другія науки—*не болѣе* и *не иначе*.

Lettor, tu vedi ben com' io innalzo
La mia materia,

приходится сказать мнѣ, подымаясь все выше отъ вопроса къ вопросу; я готовъ былъ бы, признаюсь, пожалѣть о своей дерзости и остановиться передъ продолженіемъ:

— e peró con piú arte
Non te maravigliar s'io la rincalzo,—

если бы я не видѣлъ возможности найти поддержку у людей болѣе меня компетентныхъ и искусныхъ. На этотъ разъ я найду эту поддержку у Авенаріуса.

Приступая къ изслѣдованію понятія о научной философіи, Авенаріусъ [1]) ставитъ вопросъ такъ: какимъ образомъ философія возможна, какъ наука? или иначе: какимъ образомъ возможна научная философія?

Для установленія всякой науки—говоритъ онъ—необходимы два условія:

Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, чтобы матеріалъ наукъ представлялся какъ въ цѣломъ, такъ и въ ча-

[1]) Vierteljahrsschrift etc. 1877.

стяхъ въ формѣ понятій. Случайныя и разсѣянныя свѣдѣнія могутъ заключать въ себѣ познанное нѣчто, т.-е. знаніе о чемъ-то, но установить науки они не могутъ. Наука не отмѣчаетъ всякій особенный признакъ каждаго отдѣльнаго предмета, но собираетъ только тѣ признаки, которые составляютъ общую принадлежность всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, которые, слѣдовательно, всеобщи и которые должны давать возможность опредѣлить, при новомъ появленіи предмета, тождество его съ разсматривавшимся прежде и, слѣдовательно, должны неизбѣжно сопровождать предметъ, т.-е. быть необходимыми для узнаванія его. Такъ, совокупность *всеобщихъ* и *необходимыхъ* признаковъ предмета и составляетъ *научное понятіе* о немъ, и только пріобрѣтеніе такого понятія о предметѣ даетъ научное знаніе этого предмета.

Охвативъ матеріалъ посредствомъ понятій, мы затѣмъ установляемъ разъясненіе этихъ понятій черезъ образованіе высшихъ понятій изъ нисшихъ. Организованная, такимъ образомъ, система понятій завершается высшимъ понятіемъ, которое и становится во главѣ всѣхъ нисшихъ понятій, расположенныхъ сообразно ихъ соотвѣтственнымъ степенямъ.

Недисциплинированное знаніе можетъ, такимъ образомъ, имѣть общее съ наукою содержаніе, его понятія могутъ даже совпадать съ понятіями науки, но послѣдняя всегда будетъ отличаться отъ него формально тѣмъ, что она располагаетъ содержаніе свое въ разъясненной системѣ родственныхъ, одно изъ другого выработанныхъ понятій.

Изъ такого образованія понятій и такой ихъ организаціи вытекаетъ для мышленія очень важная выгода: понятіе, содержащее все, что есть общаго въ отдѣльномъ предметѣ, является какъ единство этого отдѣльнаго предмета; все же общее въ мышленіи субъекта является какъ единство различныхъ мыслимыхъ объектовъ. Такимъ образомъ, наука, удовлетворяя стремленію человѣка къ знанію, удовлетворитъ и стремленію человѣческаго разума къ единству. Въ этомъ и заключается преимущество науки надъ простымъ знаніемъ, на этомъ же основывается и сознаніе наукою ея значенія. Понятно, что простое знаніе можетъ быть предпочтено наукѣ только чуждыми этой послѣдней индивидуальными и практическими интересами. Само собою разумѣется и то, что сознаніе собственнаго значенія въ наукѣ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяется ею по-

требность обобщенія знанія, потребность выработки высшихъ понятій и—въ послѣдней инстанціи—самого наивысшаго. Сознаніе собственнаго значенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно интенсивно по той причинѣ, что удовлетвореніе потребности разума въ единствѣ и происходящее отъ того удовольствіе достигаютъ наивысшаго своего развитія.

Изъ вышесказаннаго можно сдѣлать два заключенія. *Первое*, что всякой наукѣ, въ силу самыхъ условій ея установленія, должно быть присуще стремленіе къ полному объединенію охватываемаго ею знанія, т.-е. къ завершенію образованія входящихъ въ нее понятій *однимъ* высшимъ понятіемъ. Только оно одно завершаетъ установленіе науки. Стремленіе къ этому завершенію составляетъ для науки не только логическую, но и психологическую необходимость. *Второе* заключеніе относится къ тому основанію, на которое опирались въ прежнее время при оцѣнкѣ значенія умозрительной философіи. Основаніе это, заключающееся въ удовлетвореніи потребности разума въ единствѣ, есть, очевидно, основаніе формальной стороны философіи. Но такъ какъ эта сторона составляетъ только одно изъ условій установленія науки, то возможность установленія умозрительной философіи доказывала, слѣдовательно, только то, что философія—какъ *формальная* наука—возможна.

Обращаясь затѣмъ ко *второму условію*, необходимому для установленія науки, Авенаріусъ останавливается прежде всего на выясненіи вопроса о томъ, почему умозрительная философія, получивъ значеніе въ одномъ отношеніи, потеряла его въ другомъ? «Потому—отвѣчаетъ онъ—что *умозрительная философія была научною только по отношенію къ формѣ, а не по отношенію къ содержанію*». Предстоитъ доказать, что философія можетъ возвратить себѣ это значеніе, *ставъ наукою и по содержанію*, т.-е. такою философіею, которую мы называемъ *научною*. Надо начать, слѣдовательно, съ рѣшенія вопроса объ опредѣленіи тѣхъ условій, удовлетворить которымъ должно *содержаніе* понятій, для того чтобы изъ понятій этихъ возможно было строить науку.

Мысль эту очень удобно пояснить примѣрами отрицательнаго характера: для бо̀льшей ясности примѣры берутся рѣзкіе.—*Первый примѣръ*. Положимъ, что кто-нибудь принимаетъ свои галлюцинаціи за объективныя явленія дѣйствительнаго міра, какъ это и случалось при низкомъ уровнѣ общественнаго раз-

витія; положимъ далѣе, что нашъ галлюцинантъ есть личность даровитая, способная подвести мнимые объекты свои подъ отвлеченныя понятія и затѣмъ свести такія понятія въ систему. Система эта, конечно, не можетъ имѣть научнаго значенія, такъ какъ она удовлетворяетъ однимъ только формальнымъ условіямъ, требуемымъ наукою; условія же, опредѣляющія значеніе содержанія науки, были бы выполнены только въ такомъ случаѣ, если бы галлюцинаціи принимались не за внѣшнія явленія, а за явленія внутреннія, субъективныя, и въ этомъ смыслѣ служили матеріаломъ для образованія о нихъ понятій. *Второй примѣръ.* Положимъ, что грохотъ камней, набросанныхъ въ сосудъ, принимается за проявленіе мыслей фетиша, какъ то дѣйствительно и имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ племенъ въ Бразиліи; положимъ далѣе, что изреченія фетиша были собраны жрецами, сохранились въ ихъ потомствѣ и разработаны въ систему тогда уже, когда о чудѣ съ камнями не было и помину. Будетъ ли такая система научна? Формально—да; матеріально—нѣтъ, и опять-таки, потому что происхожденіе понятій, изъ которыхъ построена система, не можетъ быть дано никакимъ опытомъ.

Выражая въ *положительной формѣ* заключеніе, выводимое изъ двухъ приведенныхъ *отрицательныхъ примѣровъ*, можно сказать, что объекты, долженствующіе сдѣлаться содержаніемъ науки, могутъ быть даны однимъ только *опытомъ*. Безъ соблюденія этого условія, содержаніемъ для устанавливаемой науки явятся мнимые объекты, и сама наука становится *мнимою наукою*. Такую науку необходимо, однако-же, отличать отъ *науки о мнимомъ*, т.-е. о психическомъ фактѣ, несомнѣнно существующемъ и могущемъ дать содержаніе для науки. Всякая наука, такимъ образомъ, имѣетъ основаніемъ только опытъ; внѣ опыта науки также строятся, какъ воздушные замки, и если ихъ признаютъ иногда науками, то это случается вслѣдствіе увлеченія *формальною* ихъ стороною.

Столь употребительное выраженіе «*опытныя науки*» слѣдуетъ считать, какъ видно изъ этого, плеоназмомъ; но плеоназмъ этотъ находитъ себѣ оправданіе, пока смыслъ и значеніе понятія о наукѣ остается невыясненнымъ. Такимъ же плеоназмомъ слѣдуетъ считать и терминъ «научная философія», и въ томъ же обстоятельствѣ видѣть и его временное оправданіе.

Это послѣднее замѣчаніе прямо ведетъ къ поставленному выше вопросу: возможна ли такая философія, которая и по содержанію была бы научною?

Разрѣшеніе этого вопроса много зависитъ отъ того, какъ представляется сопоставленіе опытныхъ наукъ и философіи. Если бы философское знаніе и философскія задачи были чужды опыта, то между философіею и науками не могло бы быть ничего общаго, и философія неизбѣжно, по содержанію, существенно отличалась бы отъ наукъ. Но, въ дѣйствительности, факты показываютъ намъ, что науки, поднявшись надъ извѣстнымъ уровнемъ, непремѣнно стремятся къ завершенію своего развитія философскимъ понятіемъ, которое всегда неизбѣжно и всегда можетъ быть выработано, когда дѣло идетъ объ образованіи высшихъ научныхъ положеній. Основаніе къ такому стремленію очевидно. Опытныя науки суть спеціальныя науки, а для ихъ высшихъ конечныхъ понятій спеціальная точка зрѣнія не можетъ быть достаточна. Высшія понятія, по самой природѣ своей, не спеціальны, но общи, т.-е. они общи нѣсколькимъ спеціальнымъ областямъ, или иначе: предметъ спеціальныхъ наукъ можетъ быть изучаемъ въ различныхъ отношеніяхъ разными спеціальными науками. Всякая спеціальная наука поэтому, подходя къ выработкѣ своего высшаго понятія, должна войти въ соприкосновеніе съ другими науками, т.-е. въ этомъ отношеніи перестать быть спеціальною наукою. Такимъ образомъ, всѣ спеціальныя науки стремятся къ одному пункту, въ которомъ они сливаются въ одно общее понятіе, совершенно лишенное спеціальнаго характера.

Изъ этого видно, что опытныя науки противопоставляются философіи не съ точки зрѣнія опыта—общаго ихъ основанія, а только постольку, поскольку опытныя науки—науки *спеціальныя*, а философія—наука *всеобщая*,—наука, объединяющая понятія, выработанныя отдѣльными дисциплинами, и подводящая ихъ подъ высшее, общее понятіе.

Таковъ результатъ. Каковы же средства?

Такъ какъ всякая спеціальная наука вырабатываетъ только спеціальныя понятія, только тѣ понятія, которыя она можетъ выработать, не выходя изъ круга своей спеціальности, безъ вниманія къ нуждамъ другихъ спеціальныхъ наукъ, то задача выработки общихъ понятій изъ частныхъ понятій двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ должна представлять особен-

ности и трудности, чуждыя кругу спеціальной науки. Ни одинъ изъ спеціальныхъ методовъ не можетъ быть годенъ самъ по себѣ для преодолѣнія этихъ трудностей; но для разрѣшенія задачи потребуется отчасти подвергнуть болѣе строгой логической обработкѣ одностороннія спеціальныя понятія, отчасти провѣрить прикладные методы посредствомъ методологическаго анализа и въ то же время изслѣдовать физіологическую и (въ широкомъ смыслѣ) психологическую сторону вліянія субъекта. Понятно, что общая совокупность частныхъ понятій спеціальныхъ наукъ наложитъ на умственную работу особый отпечатокъ: мышленіе опредѣлится всестороннѣе, станетъ шире, отвлеченнѣе въ отношеніи логическомъ, глубже—въ психологическомъ. Тутъ-то поэтому и лежитъ та граница, которую собственно-спеціальное мышленіе не осмѣливается переступать, та область, въ которой инстинктъ спеціалиста безошибочно чуетъ философію и куда поэтому не вступаетъ, предпочитая предоставить изслѣдованіе ея философу. Спеціалисты и не подымаютъ, впрочемъ, науки до ея заключительныхъ понятій: это дѣло остается принадлежностью умовъ, предрасположенныхъ къ обобщеніямъ.

Теперь мы стоимъ на порогѣ философіи, именно той научной философіи, возможность которой начинаетъ для насъ просвѣчивать.

Припомнимъ, что система понятій, заключающая въ себѣ знаніе какихъ-бы то ни было (опытомъ данныхъ) объектовъ, требуетъ для завершенія своего въ формальномъ отношеніи выработки послѣдняго высшаго понятія, которое, завершая систему, образуетъ изъ нихъ замкнутое цѣлое—науку. Это высшее понятіе не есть уже понятіе спеціально-научное, но общее понятіе, принявшее въ себя всѣ частныя понятія, изъ которыхъ состоитъ система, или, иначе говоря, абстрактно представляющее всю совокупность данныхъ объектовъ. Пока оно не можетъ удовлетворять такому требованію общности и не охватываетъ ряда или группы объектовъ, до тѣхъ поръ можетъ быть мыслимо такое понятіе, объемъ котораго еще общѣе, и самое общее понятіе остается невыработаннымъ.

Такимъ образомъ, всякой спеціальной наукѣ предстоитъ или остаться незаконченною, страдать отсутствіемъ заключительной идеи, или завершиться общимъ, высшимъ понятіемъ. Само собою разумѣется, что, при образованіи этого общаго, высшаго

понятія всѣхъ спеціальныхъ наукъ, безотносительно къ ихъ сродству, представляется несравненно болѣе сложная работа, чѣмъ при образованіи общихъ понятій для двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ. Однако-же, именно то, въ чемъ сосредоточивается здѣсь трудность, является побужденіемъ къ преодолѣнію ея; и побужденіе это бывало такъ интенсивно, что заставляло пытаться достигнуть указанной выше цѣли, безсознательно или сознательно обходя находящіяся на пути опытныя науки; попытка, успѣхъ которой могъ, очевидно, всегда быть только кажущимся. Такимъ образомъ, потребность единства неудержимо влечетъ къ выработкѣ единства всѣхъ наукъ и объектовъ ихъ,—къ выработкѣ единства, которое было бы, если то возможно, истинно высшимъ и послѣднимъ единствомъ данныхъ опытомъ объектовъ.

Разсмотримъ нѣсколько ближе это единство объектовъ, такъ какъ, согласно замѣчанію, сдѣланному выше, требованіе его установленія дѣлаетъ ощутимыми сопряженныя съ такимъ дѣломъ трудности и въ то же время влечетъ къ преодолѣнію ихъ. Трудности, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются въ томъ, что требуемое высшее единство понятій должно быть свободно отъ противорѣчій, а между тѣмъ, при *историческомъ* развитіи спеціальныхъ наукъ, не можетъ не соединять въ себѣ такихъ противополагающихъ признаковъ, которые дѣлаютъ его дуалистическимъ. Такъ какъ дуализмъ этотъ, повидимому, принципіаленъ и включеніе его въ научное понятіе, долженствующее имѣть характеръ единства, неизбѣжно дѣлаетъ понятіе это противорѣчивымъ, то возможность устраненія можетъ явиться только какъ результатъ цѣлаго ряда попытокъ подвергнуть изслѣдованію, путемъ изученія принциповъ познаванія, самые крайніе послѣдніе корни противорѣчія какъ на почвѣ объекта, такъ и на почвѣ субъекта. Это изслѣдованіе должно освѣтить упомянутыя трудности установленія самаго общаго понятія, какъ высшаго единства, и обнаружить ту многосложность вопросовъ, которые могутъ повести къ установленію особыхъ спеціальныхъ наукъ, а также выяснить, что всѣ спеціальныя науки должны быть разсматриваемы какъ спеціальныя по отношенію къ результату самаго изслѣдованія, т.-е. по отношенію къ выработкѣ высшаго понятія. Это изслѣдованіе, наконецъ, приведетъ къ убѣжденію, что спеціально-научныя работы, какъ въ томъ случаѣ, когда онѣ сознательно задаются цѣлью выработки этого

конечнаго результата, такъ и въ томъ, когда онѣ стремятся доказать невозможность этой выработки, могутъ быть сами разсматриваемы какъ работы, относящіяся къ области отдѣльной, самостоятельной науки—философіи.

Опредѣляя такимъ образомъ философію, мы имѣемъ въ виду то широкое понятіе, которое, съ одной стороны, охватываетъ спеціальныя и сложныя изслѣдованія, не могущія быть отнесенными ни къ одной изъ спеціальныхъ наукъ и имѣющія цѣлью возвести понятія нисшихъ степеней обобщенія къ послѣднему, самому общему; съ другой стороны, философія обнимаетъ всю область спеціальныхъ наукъ, относящихся къ указанному выше изслѣдованію въ качествѣ наукъ вспомогательныхъ. Такимъ образомъ, всякая спеціальная наука, ведущая къ наивысшему общему (философскому) понятію, получаетъ значеніе *философской*, такъ какъ для завершенія своего она вводитъ свое относительно-общее понятіе въ связь съ такими же понятіями другихъ наукъ и сознательно служитъ, такимъ образомъ, выработкѣ наивысшаго понятія.

Чтобы по праву называться *наукой* и быть не только *массой накопленнаго знанія*, всякая наука должна необходимо завершиться послѣднимъ высшимъ понятіемъ. Удовлетвореніемъ этого требованія исполняется изложенное выше условіе формальной организаціи понятій. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая спеціальная наука, только благодаря философскому элементу, въ нее входящему, становится «*наукою*». По этой-то причинѣ всякая достигшая высшей степени развитія спеціальная наука и стремится сперва инстинктивно, а потомъ сознательно къ проникновенію философіи въ ея понятія.

Послѣ всего сказаннаго, формулированный выше вопросъ: какимъ образомъ возможна научная философія? ставится такъ: возможно ли существованіе науки безъ участія философіи?

Доведя разсужденіе до этого пункта, Авенаріусъ указываетъ на то, что онъ никогда не терялъ изъ виду того научно-философскаго понятія, которое должно выражать единство всѣхъ спеціально-научныхъ объектовъ. Этимъ понятіемъ спеціальныя науки завершаютъ выработку понятій о своихъ объектахъ и, какъ науки, завершаются сами. Такимъ образомъ, результатомъ выработки одного высшаго понятія объ объектахъ вообще является единство понятія обо всемъ, подлежащемъ научному изслѣдованію,—единство міроразумѣнія. Ни одна изъ

спеціальныхъ наукъ не можетъ считаться законченною, пока она не указала мѣста своего объекта въ мірѣ какъ цѣломъ; тѣ же науки, которыя указываютъ человѣческому разуму его мѣсто и стараются выработать о немъ самомъ научныя понятія, обыкновенно считаются философскими науками по преимуществу. Не останавливаясь долго надъ этою стороною вопроса, Авенаріусъ выставляетъ другую, главнѣйшую, заключающуюся въ томъ, что науки стремленіемъ своимъ стать философскими завершаются не только въ формальномъ отношеніи, но и по содержанію, даютъ онѣ своимъ работамъ законченность только тогда, когда провѣрятъ свои относительно-общія понятія высшимъ единымъ понятіемъ и, такимъ образомъ, окажутъ въ свою очередь содѣйствіе установленію единства міроразумѣнія. Такое проникнутое единствомъ міроразумѣніе и считаютъ обыкновенно задачею философіи, и считаютъ по праву, такъ какъ философія, въ послѣдней инстанціи, есть ни что иное, какъ результатъ *слитія* спеціальныхъ наукъ въ одно всеобщее понятіе.

Выяснивъ такое единство всѣхъ спеціальныхъ наукъ и философіи, можно сравнить это единство съ пирамидой, вершину которой занимаетъ философія, или съ окружностью, въ центрѣ которой стоитъ философія; такое сравненіе совершенно ясно выражаетъ идею значенія философіи, какъ науки. Относясь одинаково ко всѣмъ спеціальнымъ наукамъ, философія подымаетъ каждую изъ нихъ до значенія науки; въ то же время, давая всей совокупности ихъ единство, этому единству придаетъ значеніе науки.

Въ заключеніе, Авенаріусъ еще разъ видоизмѣняетъ постановку вопроса, и этимъ измѣненіемъ очень удачно даетъ своей мысли весьма характеристическую законченность. «Теперь—говоритъ онъ—вопросъ нашъ заключается не въ томъ, возможно ли существованіе науки безъ философіи, и не въ томъ, какимъ образомъ возможна философія, которая не была бы наукой, но въ томъ, какимъ образомъ возможна наука, которая не была бы философіей?»

Вы видѣли изъ предшествовавшаго, какимъ образомъ возможно, опираясь на теорію познаванія, достичь прочно установленнаго понятія философіи, какъ науки. Не суммированіе отдѣльныхъ наукъ, не классификація ихъ, не схема принимается здѣсь вмѣсто искомаго понятія, какъ это было въ первоначаль-

ной попыткѣ обоснованія научной философіи; вопросъ разрѣшается принципіально указаніемъ путей, которыми можетъ итти далѣе развитіе научныхъ понятій до завершенія своего въ самомъ высшемъ и отвлеченномъ, отвѣчающемъ какъ единству объекта, такъ и потребности единства для субъекта. Такъ устанавливается цѣльность всего нашего знанія и устраняется вмѣстѣ съ тѣмъ произвольное ограниченіе его, при чемъ удерживается, однако-же, его положительный характеръ и предотвращается всякая опасность извращенія его и порчи вліяніемъ спекулятивныхъ воззрѣній.

Разрѣшивъ вопросъ принципіально, Авенаріусъ ничего не сказалъ однако-же о нѣкоторыхъ сторонахъ его, такъ сказать, напрашивающихся на разсмотрѣніе. Поставивъ своею задачею ознакомленіе васъ съ современною научною философіею, я считаю себя обязаннымъ показать вамъ, что литература ея коснулась уже и этихъ сторонъ. Разсмотрѣніе ихъ тѣсно связано съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса и невольно становится теперь передъ вашею мыслью. При томъ же требованіе полноты этого рѣшенія не дозволяетъ мнѣ обойти и эти стороны дѣла. На основаніи этихъ соображеній я передамъ вамъ теперь содержаніе другой статьи «Vierteljahrsschrift'a», а именно статьи Паульсена, которая, въ связи съ вопросомъ основнымъ, разсматриваетъ и вопросы побочные. Выясненіе этихъ послѣднихъ тѣмъ болѣе важно, что они именно и даютъ очень часто поводъ къ недоразумѣніямъ и представляютъ поэтому на пути развитія научной философіи извѣстные камни преткновенія, которые необходимо устранить.

Паульсенъ поясняетъ въ началѣ своей статьи, что понятія, охватывающія содержаніе отдѣльныхъ наукъ, и всѣ вообще *научныя понятія* не должны быть смѣшиваемы съ *представленіями*, предметы которыхъ даны эмпирическою дѣйствительностью; научныя понятія суть *задачи*, разрѣшеніе которыхъ представляетъ безконечный или, по крайней мѣрѣ, еще не завершившійся процессъ. Научныя понятія соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, «идеямъ», по кантовскому словоупотребленію— «идеямъ, съ которыми не можетъ быть совмѣстимъ ни одинъ предметъ, данный чувствами». Это вѣрно по отношенію ко всѣмъ наукамъ: не существуетъ учебника химіи, геометріи или исторіи, который могъ бы указать на конкретный предметъ, адекватно представляющій химію, геометрію, исторію или какое-либо изъ

входящихъ въ науки эти *понятій*. Можетъ случиться, конечно, что въ томъ или другомъ изъ этихъ понятій воплощается все познанное въ настоящую минуту; но объемъ знанія даннаго времени не исчерпываетъ содержанія науки. Нѣтъ возможности также указать и человѣка, въ умѣ котораго, какъ въ умѣ обладателя или носителя науки, она имѣла бы значеніе эмпирической дѣйствительности. Изъ этого слѣдуетъ, что, по отношенію къ вопросу образованія и оцѣнки значенія научныхъ понятій, никогда не должно быть выставляемо требованія объ опредѣленіи соотвѣтствующаго имъ реальнаго объекта, такъ же какъ и не должно быть указываемаго иного пути къ нимъ отъ конкретной дѣйствительности, кромѣ пути абстракціи. Неустойчивость на этой точкѣ зрѣнія прямо ведетъ къ запутанности и превратности сужденія о наукѣ и философіи.

Пояснивъ, что съ древнѣйшихъ временъ понятіе о философіи соотвѣтствовало *единству всей совокупности знанія*, Паульсенъ обращаетъ особенное вниманіе на измѣненіе, внесенное въ это понятіе апріорными формами мышленія Канта. Уже прежде, Гёрингъ (System der kritischen Philosophie) и Авенаріусъ (Philosophie als Denken der Welt) показали, что апріорныя формы отнимаютъ у философіи Канта то научное значеніе, которое мыслитель этотъ имѣлъ въ виду установить, какъ основной принципъ своей системы, и я имѣлъ уже случай изложить съ нѣкоторою подробностью необходимость перерѣшенія кантовой задачи,—перерѣшенія, совершающагося въ настоящее время (см. «Опытъ критич. изслѣдов.»). Двойственность въ воззрѣніяхъ Канта выяснена теперь совершенно удовлетворительно, и невозможность для научной философіи руководствоваться его теоріею познаванія вполнѣ ясна, а потому врядъ ли можно спорить съ Паульсеномъ о томъ, что раздвоеніе, внесенное въ философію идеею апріорности и устраненное новою научно-философскою школою, представляетъ только эпизодъ въ общемъ ходѣ развитія понятія о философіи, вступившей въ наше время опять на путь единства. Извѣстно, однако-же, что роковое раздвоеніе знанія скоро дало свои монструозные плоды и что, вслѣдъ за принятіемъ апріорныхъ формъ Канта и забвеніемъ его критическихъ требованій, отношеніе отторгшагося отъ опыта умозрѣнія къ положительной наукѣ, развивавшейся на почвѣ опыта, стало до послѣдней степени безобразнымъ и достигло крайнихъ границъ безсмысленнѣйшаго вы-

сокомѣрія. Но именно тутъ-то и обнаружилось, что съ философіей случилось, какъ замѣчаетъ Паульсенъ, то же, что съ собакою въ баснѣ; она бросила опытное, научное знаніе и устремилась за какимъ-то знаніемъ высшимъ; когда же это высшее знаніе оказалось призракомъ, то философія осталась ни съ чѣмъ.

Съ этого времени идетъ начало такого же презрѣнія наукъ къ философіи, съ какимъ прежде философія относилась къ наукамъ. «Философія—не наука, стали говорить ученые въ одинъ голосъ; философское знаніе—призрачно; ея область есть область мнимая... За предѣлами эмпирическаго изслѣдованія точныхъ наукъ не существуетъ ничего болѣе. Не напрасно считаютъ метафизику ядромъ и главною частью философіи; самое названіе ея достопримѣчательно: она ищетъ того, что обрѣтается за физикой, за природой, за дѣйствительнымъ міромъ». Тѣ, которые выражали такое презрѣніе, допускали изрѣдка только, въ минуты благодушія, надежду на то, что безпорядочные скачки генія способны случайно привести къ такимъ воззрѣніямъ, которыя могутъ когда-нибудь позже возникнуть и у солиднаго изслѣдователя. Такимъ образомъ, философію допускали итти впереди науки только въ той роли, которую берутъ на себя на крайнемъ западѣ Америки разбойники и всякая презирающая порядокъ и трудъ сволочь, которые служатъ піонерами цивилизаціи и предшествуютъ земледѣльцамъ и основателямъ городовъ.

Какъ же, въ виду такихъ обвиненій, поступила философія? Ей предстояло, конечно, отречься отъ раздвоенія, внесеннаго въ нее ученіемъ объ апріорныхъ формахъ мышленія, и вновь возвратиться къ прежнему опредѣленію, разумѣвшему подъ философіею общую совокупность знанія. До настоящаго времени она не осмѣлилась еще сдѣлать этого по причинамъ, о которыхъ и предстоитъ сказать теперь нѣсколько словъ. Она исключила изъ своей области именно тѣ науки, которыя выработаны вполнѣ до научной точности, и сдѣлала затѣмъ попытку обозначить границы той области, которую собственно и считала своею. Границы этой области охватили, такимъ образомъ, науки не вполнѣ развившіяся, но и эти науки не выдѣлялись изъ философіи только до тѣхъ поръ, пока не достигли самостоятельности. Философія сдѣлалась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ питомника наукъ,—областью, къ которой относились всѣ науки, обрѣтавшіяся еще въ младенческомъ состояніи.

Понятіе о философіи, вытекающее изъ такого положенія вещей, опредѣляетъ философію, какъ науку основоначалъ (Wissenschaft von den Principien) или *науку о всеобщемъ* въ противоположность *частному отдѣльныхъ наукъ*, и затѣмъ приходилось считать частями этого цѣлаго тѣ науки, которыя, какъ это пояснено выше, включаются въ область философіи въ качествѣ наукъ, недостигшихъ самостоятельности. Метафизика, логика, эстетика, этика, психологія, становились при этомъ отдѣлами *всеобщей науки основоначалъ* и въ этомъ смыслѣ противополагались математикѣ, физикѣ, химіи и т. д. Логическая несостоятельность такого взгляда очевидна, и Паульсенъ полагаетъ, что такая несостоятельность явилась, какъ неизбѣжное слѣдствіе того обстоятельства, что отдѣлы философіи не были опредѣлены согласно съ основною идеею ея, но *даны* общею совокупностью тѣхъ наукъ, которыя *остались* еще принадлежностью философской каѳедры послѣ того, какъ другимъ наукамъ удалось завоевать себѣ каѳедры самостоятельныя.

Оставляя въ сторонѣ возникающія отъ внѣшнихъ причинъ трудности и разсматривая только одно опредѣленіе, мы замѣчаемъ, что понятіе общаго, основоначальнаго или принципіальнаго есть понятіе относительное и что, поэтому, нѣтъ возможности опредѣлить черту, отдѣляющую общее отъ частнаго. «Всѣ вороны черны»—представляетъ такую же общую истину, какъ и — «всѣмъ тѣламъ свойственна тяжесть», или—«всякое дѣйствіе имѣетъ причину». Всѣ ли эти положенія должны быть отнесены къ области философіи? Если мы дадимъ на вопросъ этотъ утвердительный отвѣтъ, то обозначимъ имъ возвращеніе къ прежнему понятію о философіи, какъ общей совокупности всего знанія. Отвергая такой отвѣтъ и его послѣдствія, слѣдуетъ отвергнуть и возможность опредѣленія границъ философіи.

Въ близкой степени родственно приведенному выше опредѣленію то, которое видитъ въ философіи *науку, объясняющую частнымъ наукамъ необъясненныя ими основныя понятія*. Понятія эти, согласно такому взгляду, остаются необъясненными потому, что объясненіе это возможно только при условіи общей связи основныхъ понятій всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ, утверждается необходимость соединенія всѣхъ наукъ въ одну, и философія опять становится общею совокупностью научнаго знанія.

Существуетъ мнѣніе, не допускающее возможности выработки

такой общей совокупности знанія, если только философія не будетъ поставлена, какъ отдѣльная наука, рядомъ съ другими отдѣльными науками. Мнѣніе это опирается на утвержденіи, что философское знаніе не однородно знанію остальныхъ наукъ и что методы, ведущіе къ тому и другому, различны: философія идетъ отъ цѣлаго къ единичному, остальныя науки идутъ путемъ обратнымъ, или философія пользуется дедукціею, науки—индукціею. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что такое утвержденіе было бы невозможно, если бы различіе дедукціи отъ индукціи представлялось ясно. Возможно ли достичь цѣлаго, не исходя отъ единичнаго? Дано ли цѣлое первоначально? Если нѣтъ, то не зиждется ли всякое научное изслѣдованіе на началахъ, которыми характеризуется индукція? Не есть ли путь отъ цѣлаго къ единичному только нисхожденіе послѣ сдѣланнаго уже восхожденія,—пріемъ, не увеличивающій ни достовѣрности, ни объема нашего знанія. Впрочемъ, ясно до очевидности, что дедуктивный методъ не можетъ сдѣлаться монополіею философіи. Дедуктивнымъ методомъ могутъ пользоваться и дѣйствительно пользуются всѣ науки, и одно пользованіе имъ не даетъ еще основанія для различенія философскихъ положеній отъ научныхъ и, такимъ образомъ, отнимаетъ у приведеннаго выше мнѣнія всякую устойчивость.

Паульсенъ полагаетъ, что упомянутая формулировка опредѣленія философіи, а именно, что философія объясняетъ необъясненныя частными науками основныя понятія, имѣетъ основаніемъ своимъ только тотъ фактъ, что эмпирическія науки считали обыкновенно, а иногда и теперь считаютъ, философскими вопросами тѣ вопросы, которые онѣ не въ состояніи изслѣдовать, какъ, напримѣръ, химія—понятіе матеріи, исторія—вопросъ о томъ, представляетъ ли развитіе человѣчества нѣчто связное, направленное къ извѣстной цѣли? и т. п. Но философія имѣетъ свои основанія относиться къ этимъ вопросамъ съ осторожностью. Если, по природѣ своей, она, въ самомъ дѣлѣ, есть только резервуаръ всѣхъ необслѣдованныхъ вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, ей слѣдуетъ требовать, чтобы въ резервуаръ этотъ направлены были и вопросы обслѣдованные. Но въ такомъ случаѣ, что предстоитъ ей съ ними дѣлать? Что же касается вопросовъ, необслѣдованныхъ отдѣльными науками, то и ихъ рѣшеніе философіею представляется безплоднымъ, такъ какъ ни одна наука не приметъ ея рѣшеній. И напрасно

бы мечтала философія, какъ отдѣльная наука, принести въ даръ, напримѣръ, химіи понятіе матеріи. Понятно, что химія ни на минуту не поколеблется отринуть даръ, преподносимый тѣми, ноги которыхъ никогда не переступали порога лабораторіи. Въ послѣднее время и психологія близится къ такому же отношенію къ философіи понимаемой въ смыслѣ отдѣльной науки: и она откажется принять метафизически выработанное понятіе о душѣ, напримѣръ, если таковое будетъ ей предложено.

Нѣкоторые ограничиваютъ область философіи и опредѣляютъ ее или какъ *психологію*, или какъ *теорію познаванія*. Но такое предназначеніе философіи къ одному опредѣленному предмету противорѣчитъ происхожденію какъ ея, такъ и тѣхъ наукъ, съ которыми ее смѣшиваютъ. Зачѣмъ придавать названіе философіи наукамъ, имѣющимъ свои опредѣленныя названія, если философія, по происхожденію своему, имѣетъ значеніе общей совокупности знанія? Желаютъ ли, такимъ образомъ, настаивать на мнѣніи, что психологія или теорія познаванія тождественны, по содержанію своему, съ философіей? Что касается психологіи, то отождествленіе ея съ философіей оправдываютъ указаніемъ на объемъ охватываемыхъ ею, въ качествѣ науки о духѣ человеческомъ, предметовъ, общая совокупность которыхъ необходимо тождественна съ общей совокупностью человѣческаго знанія. Въ *формальномъ отношеніи*, замѣчаніе это не можетъ быть опровергнуто, такъ какъ міръ данъ намъ лишь постольку, поскольку онъ входитъ въ область нашего сознанія. Но, въ формальномъ отношеніи, такое же значеніе можно придать и географіи, ибо при изученіи всякой страны берется во вниманіе духовное развитіе ея населенія; такимъ образомъ, можно и географію считать наукою, обнимающею всю совокупность знанія, т.-е. философіею. Таково послѣдствіе увлеченія внѣшнимъ принципомъ! Если же намъ скажутъ, что, сводя философію на психологію, мы ярче поставимъ на видъ ту великую истину, что знаніе, которымъ мы обладаемъ, есть знаніе не абсолютное, но субъективное,—знаніе, установленное съ точки зрѣнія человѣческаго духа, то мы можемъ возразить тогда, вмѣстѣ съ Лотце, что, хотя памятованіе этой истины и полезно, но тѣмъ не менѣе оно не можетъ оправдать измѣненія въ словоупотребленіи, выработанномъ въ полной отъ него независимости. Словоупотребленіе не препятствуетъ признаванію этой истины въ такой

же мѣрѣ, въ какой удержаніе выраженій обыденной рѣчи не препятствуетъ признаванію системы Коперника.

По отношенію къ отождествленію философіи съ теоріею познаванія, Паульсенъ замѣчаетъ, что теорія познаванія, изучая знаніе, какъ таковое, есть наука формальная, и что, слѣдовательно, если рядомъ съ нею мы допустимъ другую науку, которая будетъ имѣть въ виду знаніе, какъ по отношенію къ его формѣ, такъ и по отношенію къ его содержанію, то намъ только и останется, что удержать за этою наукою то названіе, которое она имѣла первоначально въ качествѣ *общей совокупности знанія*—названіе *философіи*.

Переходя затѣмъ къ причинамъ, задерживающимъ возвратъ къ прежнему понятію о философіи, какъ всеобщей совокупности знанія, Паульсенъ находитъ, что причины эти, главнымъ образомъ, находятся въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что опредѣленіе философіи установляется не съ точки зрѣнія знанія, но съ точки зрѣнія знающаго. Онъ утверждаетъ, что личное отношеніе къ познаваемой наукѣ всегда имѣетъ большое вліяніе на опредѣленіе границъ ея области. Внимательный наблюдатель можетъ указать на многіе примѣры этого рода въ исторіи наукъ. Понятно, что умственный кругозоръ, такъ же какъ и кругозоръ физическій, опредѣляется для всякаго его точкою зрѣнія, принимаемою за центръ. Историкъ считаетъ исторіей именно ту науку, которою онъ самъ обладаетъ и т. д.; точно также и философъ, и онъ опредѣляетъ свою науку такимъ образомъ, чтобы онъ, философъ, могъ остаться ея обладателемъ. При такомъ условіи теряется возможность пользоваться прежнимъ опредѣленіемъ философіи, ибо кто же дерзнетъ считать себя, въ такомъ случаѣ, философомъ? Очевидно, однако-же, что для установленія понятія какой-нибудь науки нѣтъ никакого основанія принимать къ руководству вопросъ о томъ, требуется ли задачею этой науки одна или нѣсколько головъ? Существуютъ ли философы въ смыслѣ обладателей философіи? Это вопросъ, нисколько не касающійся понятія философіи. Философія, какъ это и было уже выяснено, есть идея, сужденіе о годности которой не можетъ быть установлено путемъ сравненія этой идеи съ самою дѣйствительностью; опредѣленіе философіи, по этой причинѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что является въ дѣйствительности у извѣстнаго обладателя понятія, принимаемаго самимъ обладателемъ за понятіе философіи. Если же

хотятъ непремѣнно не покидать вопроса о мѣстѣ нахожденія философіи въ дѣйствительности, то гораздо правильнѣе обратиться за этимъ къ философскимъ факультетамъ, чѣмъ къ отдѣльнымъ цеховымъ философамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе, которое можно составить, при посредствѣ отвлеченія, изъ частей, на которыя подѣлилась первоначальная идея философіи въ факультетахъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ понятію философіи, чѣмъ то понятіе, которое можно заимствовать у «философовъ».

Итакъ, всякому, кто не признаетъ раздвоенія, внесеннаго въ знаніе апріорными формами мышленія, приходится возвратиться къ старому понятію философіи, какъ общей совокупности знанія. Если знаніе фактовъ однородно (одна только математика, какъ косвенно служащая къ пріобрѣтенію знанія фактовъ и не представляющая самого знанія ихъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе), если существуетъ единственный матеріалъ знанія дѣйствительности данныхъ явленій, если къ разработкѣ этого матеріала можетъ быть приложенъ только одинъ методъ, различаемый какъ индуктивный и дедуктивный, но не раздваиваемый этимъ различеніемъ, то слѣдуетъ заключить, что знаніе неудержимо стремится къ единству, всѣ разграниченія въ области котораго относительны или случайны. Какъ все дѣйствительное, связанное тысячами отношеній, образуетъ единство, единый міръ, такъ и знаніе представляетъ также единство—философію.

При возвращеніи къ прежнему понятію философіи, какъ общей совокупности всего знанія, подлежатъ устраненію два ошибочныя мнѣнія, порожденныя раздвоеніемъ науки и философіи, основывающейся на апріорности. Во-первыхъ, то мнѣніе, теперь уже устарѣвшее, что философія, независимо отъ науки, возможна, и, во-вторыхъ, то, что возможна наука, отрѣзанная отъ философіи. Послѣднее мнѣніе исходитъ, конечно, изъ весьма основательнаго убѣжденія въ негодности апріорической натурфилософіи, внесшей порчу во многіе добропорядочные умы и создавшей препятствіе къ развитію естественныхъ наукъ. Но если такое мнѣніе было основательно по отношенію къ апріорической философіи, навязывавшей наукамъ готовыя теоріи, то оно не можетъ быть признано таковымъ по отношенію къ той философіи, которая обосновывается на наукѣ. Такая философія далека отъ навязыванія наукѣ своихъ теорій и представляетъ

только высшія обобщенія, опирающіяся на факты, изслѣдованные научнымъ же методомъ. Теорія, отвергающая такія высшія обобщенія, перестаетъ быть научною и должна быть признана эмпирическою въ невыгодномъ значеніи этого слова. Когда знаніе перестаетъ стремиться къ такимъ высшимъ обобщеніямъ, когда оно не ставитъ наивысшаго изъ обобщеній цѣлью конечнаго единства, тогда оно теряетъ жизнь и гибнетъ. Можетъ случиться, конечно, что спеціальныя изслѣдованія будутъ еще продолжаться нѣкоторое время и послѣ того, какъ жизнь эта уже угаснетъ, подобно тому, какъ нѣкоторыя отдѣльныя функціи организма не прекращаютъ своей дѣятельности немедленно послѣ смерти самого организма. Но долго продолжаться такой порядокъ вещей не можетъ. Смерть философіи неизбѣжно влечетъ за собою и смерть науки. Средніе вѣка представляютъ для подтвержденія этой истины краснорѣчивѣйшія доказательства.

Умственное движеніе въ Германіи даетъ многочисленныя указанія на то, что оно идетъ къ выходу изъ такого состоянія. Представители науки разрабатываютъ ее весьма часто въ духѣ философскомъ, а философы считаютъ долгомъ быть знакомыми съ науками. Стѣна, раздѣлявшая обѣ эти области, разрушается, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, и въ настоящее время пограничная черта между философіею и наукою стала уже едва замѣтною. Можно питать увѣренность, что она никогда ужъ не превратится въ пропасть.

Пограничная черта между наукою и философіею должна исчезнуть окончательно по отношенію къ ихъ содержанію и можетъ остаться только по отношенію къ характеру пріемовъ изслѣдованія. Всякая наука, по содержанію своему, не различается отъ философіи; но разрабатывать ее можно или въ направленіи философскомъ, или въ направленіи эмпирическомъ. Философскимъ направленіемъ слѣдуетъ считать то, которое стремится къ конечному единству знанія; эмпирическимъ же— то, которое остается при отдѣльныхъ фактахъ, какъ послѣднихъ истинахъ. Философомъ, такимъ образомъ, называться можетъ тотъ, кто обладаетъ способностью приводить множественность и разнообразіе къ существенному и единому, и прилагаетъ эту способность къ дѣлу.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что нѣтъ никакого основанія различать *науку*, по отношенію къ содержанію, *на философскую* и *нефилософскую*, а потому такія работы, какъ ра-

боты по естествознанію Гёте, Ал. Гумбольдта или Дарвина, и въ области историко-филологической В. Гумбольдта, Бокля или Штейнталя, слѣдуетъ, конечно, признать философскими. Напротивъ того, труды какого-нибудь схоластика, изслѣдующаго формы сужденія, фигуры заключенія и т. п., такъ же какъ и разсужденія метафизика, разыскивающаго сущности и т. д., нельзя, само собою разумѣется, считать относящимися къ философіи. Философское значеніе науки очерчивается, такимъ образомъ, съ достаточною опредѣленностью.

Въ заключеніе своей статьи, Паульсенъ говоритъ о вопросахъ, обыкновенно входящихъ въ кругъ изслѣдованія присяжныхъ или цеховыхъ философовъ (Philosophen von Fach), и находитъ, что въ кругъ этотъ должны быть включены: теорія познаванія съ ученіемъ о методѣ и логикою, психологія и всѣ тѣ науки, которыя теперь имѣютъ значеніе наукъ философскихъ, т.-е., согласно тому, что объяснено было выше,—всѣ науки, выработавшія высшія обобщенія. Казалось бы съ перваго взгляда, что собственно философіи, *философіи въ тѣсномъ смыслѣ*, совсѣмъ не оказывается; но если мы припомнимъ выясненное выше стремленіе всѣхъ наукъ къ общему единству, то получимъ возможность подъ философіею въ тѣсномъ смыслѣ разумѣть *науку, формулирующую это единство, завершающую стремленія всѣхъ наукъ*. И если наука эта находится еще въ процессѣ образованія, то это нисколько не умаляетъ важнаго ея значенія, такъ какъ собственно ея задача остается задачею всего нашего знанія; законченность же ея зависитъ отъ успѣховъ всѣхъ остальныхъ наукъ. И если она только постоянно приближается къ такой законченности, не достигая ея, то это предрѣшаетъ вопросъ о законченности философіи. Стремясь къ законченности, философія развивается параллельно съ развитіемъ остальныхъ наукъ, никогда не упуская изъ виду, что она—какъ это пояснено было выше—выражаетъ идею, соотвѣтствующій предметъ которой не можетъ быть данъ чувствами.

Остается прибавить, что Паульсенъ придаетъ этой, такимъ образомъ опредѣляемой имъ философіи, т.-е. философіи въ тѣсномъ смыслѣ, названіе *метафизики*, изъ чего ошибочно было бы заключать, однако-же, что онъ отстаиваетъ метафизику въ смыслѣ умозрительной или спекулятивной философіи, т.-е. въ томъ смыслѣ, въ какомъ она отвергается позитивною школою и въ какомъ, обыкновенно, принимается въ нашей литературѣ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, что для васъ, конечно, и очевидно, Паульсенъ метафизику вполнѣ и рѣшительно отвергаетъ, и я полагаю поэтому, что недоразумѣніе, могущее возникнуть изъ-за одной только терминологіи, достаточно устраняется однимъ указаніемъ на смыслъ покрываемаго этимъ терминомъ понятія и что вообще вопросъ этотъ не требуетъ болѣе никакихъ разъясненій.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Охарактеризовавъ философію, какъ объединеніе общей совокупности знанія, я считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ принципахъ, которые должны руководить расчлененіемъ общей совокупности знанія на отдѣльныя или спеціальныя науки.

Хотя цѣпь понятій, представляемая общею совокупностью знанія, едина, но противоположные края ея—*представленія* въ исходной точкѣ и высшее отвлеченное *понятіе* въ конечной—по характеру своему, какъ это вамъ хорошо извѣстно, различны. Вырабатывая и установляя отдѣльныя звенья цѣпи отвлеченій, мы можемъ сосредоточивать наше вниманіе или на *представленіяхъ* отдѣльныхъ группъ явленій, или на *понятіи* всей совокупности ихъ. Въ первомъ случаѣ мы избираемъ какую-нибудь конкретную часть цѣлаго и, разсматривая ее всесторонне, образуемъ о ней группу понятій, сведеніе которыхъ къ единству обусловлено *объективно* единствомъ этой части; во второмъ—мы беремъ какую-нибудь сторону образа существованія цѣлаго и установляемъ о ней понятіе совершенно независимо и отвлеченно отъ какой бы то ни было отдѣльно взятой конкретной группы явленій. Дѣлая такое различіе въ расчлененіи общаго изученія цѣлаго, мы получаемъ или науки о конкретныхъ частяхъ его—солнечной системѣ, землѣ, земной атмосферѣ, земной флорѣ, фаунѣ и т. д., или науки объ общихъ свойствахъ цѣлаго—тяготѣніи, магнетизмѣ, электричествѣ, свѣтѣ, звукѣ и т. д. Первыя, какъ обусловленныя *конкретнымъ* единствомъ предмета, мы называемъ *конкретными* науками, вторыя, какъ основывающіяся на отвлеченномъ или *абстрактномъ* единствѣ понятія, охватывающаго ту массу явленій, которую мы разсматриваемъ какъ проявленіе изучаемаго свойства цѣлаго, *абстрактными* науками, хотя въ *строгомъ* значеніи этого слова всѣ науки

абстрактны. Изъ этого видно, что въ конкретныхъ наукахъ мы принимаемъ тѣ группы явленій, которыя находимъ сложившимися въ реальной дѣйствительности, въ наукахъ же абстрактныхъ мы беремъ изъ реальной дѣйствительности одни только явленія, группы же ихъ образуемъ сами путемъ отвлеченія. Такъ, напримѣръ, человѣческое тѣло (конкретная группа предметовъ и явленій, представляющаяся намъ въ дѣятельномъ и недѣятельномъ состояніи, т.-е. въ двухъ моментахъ своего существованія—динамическомъ и статическомъ) даетъ содержаніе двумъ конкретнымъ наукамъ—*физіологіи* человѣческаго тѣла и *анатоміи* его. Но если мы отвлечемъ отъ этой конкретной группы все то, что обусловливаетъ въ ней жизнедѣятельность, если затѣмъ мы сдѣлаемъ точно такое же отвлеченіе и по отношенію ко всѣмъ другимъ организмамъ и полученный такимъ образомъ матеріалъ мысленно соединимъ въ одну общую группу, т.-е. объединимъ и систематизируемъ, то у насъ получится содержаніе для науки абстрактной, *для біологіи*. Точно такъ же образуются и всѣ другія науки: *конкретная* астрономія, предметъ которой—доступная изученію конкретная группа тѣлъ, вращающихся и обращающихся въ пространствѣ; *абстрактная* астрономія, содержаніе которой составляетъ одинъ изъ образовъ существованія этой конкретной группы—тяготѣніе; *конкретная* химія (минералогія), предметъ которой—молекулярныя комбинаціи, осуществившіяся при образованіи доступныхъ изученію космическихъ массъ (земной коры, аэролитовъ), и *абстрактная* химія (химія въ тѣсномъ смыслѣ), содержаніе которой дается однимъ изъ образовъ существованія этихъ молекулярныхъ комбинацій, такъ-называемымъ химическимъ сродствомъ, полное изученіе котораго должно привести къ формулированію такого абстрактнаго понятія, которое охватывало бы извѣстную сторону *всѣхъ* молекулярныхъ соединеній, т.-е. какъ тѣхъ, которыя осуществились уже въ конкретныхъ аггрегатахъ, представляемыхъ минералогіею, такъ и тѣхъ, которыя могутъ быть произведены искусственно въ лабораторіяхъ, и т. д.

Чтобы сдѣлать еще очевиднѣе то различіе между двумя родами наукъ, о которыхъ я только что говорилъ, я приведу вамъ сравненіе, вполнѣ удовлетворяющее, по моему мнѣнію, этой цѣли.

Французскій астрономъ Лакайль, въ видахъ упрощенія теоріи астрономіи, представляетъ наблюдателя стоящимъ на

поверхности солнца. Чтобы мыслить себя въ этомъ пунктѣ, наблюдатель долженъ отвлечь всю конкретную сторону астрономическихъ явленій и перестроить ихъ согласно новой отвлеченной точкѣ зрѣнія. И какъ точка зрѣнія обыкновенныхъ астрономовъ отличается отъ точки зрѣнія, установленной Лакайлемъ, такъ точка зрѣнія наукъ конкретныхъ отличается отъ точки зрѣнія абстрактныхъ наукъ; какъ съ конкретной, такъ и съ абстрактной точки зрѣнія мы разсматриваемъ все тотъ же предметъ, но картины, видимыя въ обоихъ этихъ случаяхъ, вполнѣ различны. Астрономъ, помѣщенный на солнцѣ, увидитъ тѣ же звѣзды, но иныя созвѣздія, ту же луну, но безъ видоизмѣненій ея, представляемыхъ фазами, ту же землю, но уже едва отличимую отъ другихъ планетъ; иное, совсѣмъ не похожее на наше, будетъ зрѣлище неба, которое онъ увидитъ. Точно то же произойдетъ и съ міромъ нашего знанія: посмотримъ ли мы на него съ точки зрѣнія, помѣщающейся на периферіи этого міра—въ представленіяхъ, или въ центрѣ—въ кульминаціонномъ пунктѣ отвлеченія, объекты познанія останутся тѣ же, но понятія о нихъ совсѣмъ перестроятся; и перестройка эта обусловится не *методомъ*—методъ останется все тѣмъ же единымъ и неизмѣннымъ *научнымъ* методомъ,—но *точкою зрѣнія*, положеніе которой станетъ прямо противоположнымъ прежнему.

Абстрактныя науки, какъ видно изъ предшествующихъ разъясненій, и вырабатываютъ тѣ отвлеченныя понятія, изъ которыхъ систематически слагается и объединяется въ *высшей абстрактной наукѣ* наше понятіе о мірѣ, наше міроразумѣніе или философія. Здѣсь философія принимается въ широкомъ смыслѣ общей совокупности нашего знанія и сопоставляется съ высшею абстрактною наукою или философіею въ тѣсномъ смыслѣ, которой, какъ вы уже знаете, иногда придаютъ традиціонное и вовсе не идущее къ ней названіе метафизики. Съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно бы приложить къ ней старое названіе *первой философіи*,—терминъ, нѣсколько разъ попадающійся въ «Курсѣ позитивной философіи» Ог. Конта, но не получившій у него достаточно опредѣленнаго значенія и потому послѣ него совсѣмъ забытый.

Значеніе, въ которомъ употребляется терминъ «философія», не ограничивается, впрочемъ, двумя значеніями, только-что мною указанными, но имѣетъ еще и третье. Въ этомъ третьемъ значеніи терминъ «философія» употребляется въ томъ случаѣ,

когда конкретная наука, не покидая своего предмета—конкретной группы явленій, выходитъ за предѣлы простого описанія его и отвлекаетъ одну за другою различныя стороны образа существованія своего предмета, формируетъ о нихъ понятія, слагаетъ ихъ въ систему и объединяетъ въ одномъ высшемъ отвлеченномъ понятіи, отрозненномъ отъ конкретныхъ и индивидуальныхъ чертъ, присущихъ предмету. Въ этомъ случаѣ воздѣйствіе философіи на науку является столь рѣшительнымъ и яркимъ, что наука, оставаясь въ строгомъ смыслѣ конкретною, подымается до высоты науки абстрактной, проникается философіей, становится философіей того конкретнаго предмета, который даетъ ей содержаніе. Такимъ образомъ является философія геологіи, философія зоологіи, философія исторіи и т. п. Очевидно, однако-же, что конкретная наука возводится на высоту философіи только въ силу философской обработки своего предмета, и что—какъ я только-что и замѣтилъ—она остается конкретною, т.-е. точка зрѣнія ея не измѣняется. А изъ этого видно, что философія конкретной науки не можетъ копировать строя наукъ абстрактныхъ, не можетъ пытаться воспроизводить ихъ по своему масштабу, и должна найти свой законосообразный и цѣлесообразный принципъ и согласно съ нимъ сложиться и объединиться.

Этотъ принципъ не требуетъ, впрочемъ, никакихъ поисковъ, онъ данъ уже тѣмъ различіемъ *точекъ зрѣнія* абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, на которое указано было выше. Абстрактныя науки, какъ вы видѣли, изслѣдуютъ міръ какъ цѣлое и, слѣдовательно, отводятъ человѣку и планетѣ его—землѣ, только то мѣсто, которое тотъ и другая, дѣйствительно, занимаютъ въ мірѣ, т.-е., другими словами, точка зрѣнія абстрактныхъ наукъ по природѣ своей *объективна*. Въ противоположность этой объективной точкѣ зрѣнія абстрактныхъ наукъ устанавливается точка зрѣнія наукъ конкретныхъ: преслѣдуя цѣли частныя, она соподчиняетъ эти цѣли между собою и естественно даетъ первенство цѣлямъ человѣческимъ, цѣлямъ *субъективнымъ*. Она ищетъ не одной только истины, но и справедливости. Опираясь на объективныя положенія абстрактныхъ наукъ, науки конкретныя имѣютъ подъ собою незыблемую почву и обезпечены противъ искаженія *научности* своего метода и правильности своихъ положеній: и въ то же время, благодаря именно своей точкѣ зрѣнія, онѣ и составляютъ связующее звено

между высшими обобщеніями философіи и живою дѣйствительностью, къ которой они примыкаютъ непосредственно. Тутъ-то и возникаютъ тѣ «проклятые» вопросы, которые я разсматривалъ въ моемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія позитивизма» въ связи съ постановкою, данною имъ гг. П. Л. и Н. Михайловскимъ,—вопросы, великое значеніе которыхъ могутъ отрицать только ла-Серды.

Раздѣляя все познанное на двѣ части—абстрактную и конкретную—и, затѣмъ, подраздѣляя части эти на группы, дающія содержаніе отдѣльнымъ наукамъ, мы не должны упускать изъ виду того обстоятельства, что вся расчленяемая нами совокупность познаннаго не только содержитъ въ себѣ ту группу явленій, которая охватывается понятіемъ «познаванія», но еще предполагаетъ *самый фактъ познаванія* какъ необходимый прецедентъ, обусловливающій возможность существованія познаннаго. Это двойственное значеніе *познаванія* ставитъ его передъ нами не только какъ фактъ, долженствующій найти свое мѣсто въ *психологіи*, но еще и какъ фактъ, результаты изученія котораго должны руководить установленіемъ и разработкою *всякой науки*, не исключая и психологіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ «познаваніе» даетъ содержаніе *теоріи*, которая имѣетъ значеніе «*этики*» мышленія и заключаетъ въ себѣ правила, регулирующія мышленіе при достиженіи имъ познанія. Такимъ образомъ «*теорія познаванія*» (вмѣстѣ съ составною частью ея—*логикою*, дающею правила образованія и соединенія понятій) есть наука, не имѣющая никакого отношенія къ содержанію наукъ вообще, но излагающая только формы мысли, обязательныя для всякаго познаванія. Въ этомъ смыслѣ *теорія познаванія* есть наука *формальная* и стоитъ по отношенію къ другимъ наукамъ какъ общая ихъ *пропедевтика*.

Формальный характеръ теоріи познаванія и положеніе ея, какъ пропедевтики, въ общей системѣ знанія не согласуется, конечно, съ требованіями прямолинейной *классификаціи* наукъ, какова, напримѣръ, классификація наукъ Ог. Конта. Она нарушаетъ, очевидно, классификацію эту, насколько та, не довольствуясь значеніемъ условно-полезной схемы, стремится возвыситься до значенія философской системы, и приводитъ позитивистовъ въ немалое замѣшательство, вызывая у нихъ или ничего не значущіе проекты какой-то «*appendice*» позитивной системы или совсѣмъ глупыя рѣчи о «*сборной командѣ человѣ-*

ческаго знанія». Все это вызывается ложнымъ взглядомъ на значеніе классификаціи и легко можетъ быть оцѣнено по достоинству при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса. Такъ какъ послѣ всего высказаннаго мною вопросъ о той или иной *схемѣ*, въ которую возможно построить общую совокупность наукъ, потерялъ всякую важность, то я и довольствуюсь указаніемъ на изслѣдованіе его въ III главѣ моего «Опыта крит. изсл. основон. поз. фил.».

До сихъ поръ мы не выходили еще изъ области понятій: мы изучали ихъ соотношеніе и изыскивали цѣлесообразнѣйшіе способы ихъ систематизированія. Хотя мы никогда и не упускали изъ виду ихъ связи съ представленіями, а черезъ нихъ и съ реальнымъ міромъ дѣйствительности, но обращали вниманіе на эту связь лишь настолько, насколько она могла руководить насъ въ нашемъ изученіи и нашихъ изысканіяхъ, насколько она могла служить установленію между понятіями такихъ отношеній, которыя были бы чужды фантастики, и способствовать систематизированію ихъ, которое было бы лишено всѣхъ чертъ, отличавшихъ оторванныя отъ дѣйствительности и отлетѣвшія въ безпечальную область Wolkenkukusheim'a метафизическія системы. Теперь намъ предстоитъ взглянуть ближе на самую связь нашихъ понятій съ дѣйствительностью и въ этихъ видахъ обратить вниманіе на ту сторону ея, къ которой мы хотя и подошли уже очень близко, но о которой я не успѣлъ еще ничего сообщить вамъ.

Наука, какъ вы знаете, не есть куча случайно собранныхъ понятій, но систематизированное единство ихъ, установленное съ опредѣленною цѣлью, при помощи опредѣленныхъ средствъ. *Цѣль* науки заключается въ добытіи постоянной возможности узнавать явленія при всякомъ ихъ новомъ возникновеніи; *средства* ея даются ей ея методомъ. *Предвидѣніе* составляетъ, какъ видно изъ этого, одну изъ основныхъ чертъ характера науки; гдѣ есть наука, тамъ есть и предвидѣніе. Степень вѣрности и точности этого предвидѣнія зависитъ, какъ то само собою и разумѣется, отъ степени совершенства разработки науки: метеорологическія предвидѣнія, напримѣръ, далеко не такъ вѣрны и точны какъ астрономическія, но все же они стали возможны только съ тѣхъ поръ, какъ метеорологическія знанія сложились въ науку.

Итакъ, соотносительный моментъ *научнаго знанія* есть *пред-*

видѣніе. Про науку можно сказать, какъ видно изъ этого, что она бросаетъ свѣтъ впереди себя и даетъ возможность видѣть то, что скрыто отъ глазъ обыденнаго мышленія; и если говорятъ, что она просвѣщаетъ, то это значитъ, что она, выводя изъ дебрей мистико-метафизической фантастики, ставитъ насъ на путь открытый и вѣрный. Утвержденіе просвѣтительнаго ея значенія есть, слѣдовательно, не пустое возвеличеніе ея, но простое констатированіе вполнѣ достовѣрнаго факта. Умѣющій различить истинную науку отъ науки мнимой не усомнится, конечно, ни на одинъ мигъ въ правдивости такого взгляда.

Пользованіе предвидѣніемъ науки есть приложеніе научныхъ истинъ (теоріи) къ человѣческой дѣятельности (практикѣ). Человѣческая дѣятельность, съ одной стороны, составляетъ часть той дѣйствительности, которая доставляетъ представленія, служащія основаніемъ науки, и, съ другой, есть дополненіе той совокупности работы, на которую способенъ человѣкъ. Связь между теоріею и практикою, какъ видно изъ этого, двоякая: объективная, черезъ посредство которой практика даетъ *матеріалъ* для теоріи, и субъективная, при помощи которой практика можетъ дѣлаться *орудіемъ* теоріи. Нечего и говорить, что о связи этой можетъ итти рѣчь только тогда, когда есть возможность допустить существованіе теоріи, совершенно лишенной почвы при обыденномъ ходѣ умственной дѣятельности, не сознающей связи живой дѣйствительности въ понятіями черезъ представленія, и потому лишенной способовъ установить такую теорію, которая не имѣла бы значенія фикціи. Поэтому-то практика, руководимая обыденнымъ мышленіемъ, идетъ безъ всякаго предвидѣнія, слѣпо, а результаты ея, поставленные въ зависимость отъ случайностей, всегда шатки, пестры и измѣнчивы.

Изъ сказаннаго видно, что стремленіе знанія къ объединенію, основанное на единствѣ объекта и отвѣчающее потребности человѣческаго ума, имѣетъ не только *теоретическое* значеніе, на которое я и указалъ вамъ въ своемъ мѣстѣ, но и значеніе *практическое*. Это послѣднее, очевидно, такъ важно, что отрицать его можетъ только крайняя недальновидность. Мы знаемъ уже, что восхожденіе степеней отвлеченія совершенно соотвѣтствуетъ общности охватываемыхъ ими признаковъ явленій, поэтому ясно, что если восхожденіе это ограничивается произвольно, то предвидѣніе становится невозможнымъ, такъ какъ заключеніе по

однимъ частнымъ признакамъ при упущеніи изъ виду признаковъ общихъ не можетъ не оказаться ошибочнымъ. Воздѣйствіе общихъ понятій на предвидѣніе и черезъ него на дѣятельность здѣсь очень ярко. Такъ, напримѣръ, если бы мы стали опредѣлять высоту прилива одними только условіями даннаго мѣста безъ вниманія къ общему закону приливовъ, то предвидѣніе состояться не могло бы: мѣстныя условія могутъ быть очень сходственны въ двухъ различныхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, во Флоридѣ и въ Бретани, и однако-же высоты прилива въ каждомъ изъ нихъ, на противъ того, очень различны. Точно то же должны мы сказать и объ опредѣленіи снѣжной линіи въ той или другой цѣпи горъ, о возрастаніи населенія въ той или другой странѣ, о поднятіи уровня благосостоянія въ томъ или иномъ государствѣ и т. п. Сосредоточивая же вниманіе наше въ указываемомъ отношеніи собственно на практической дѣятельности человѣка, мы должны будемъ не только констатировать фактъ воздѣйствія высшихъ понятій на нисшія и зависимость предвидѣнія отъ этого факта, но отмѣтить еще и важное значеніе его какъ момента, опредѣляющаго тотъ или иной характеръ дѣятельности. Такъ, напримѣръ, никогда положеніе дѣлъ какого-нибудь общества не можетъ улучшиться отъ безукоризненнаго примѣненія основоположеній устава, если они нелѣпы; никогда каменщику не довести до конца постройки стѣны, какъ бы добросовѣстно ни исполнялъ онъ распоряженія архитектора, если проектъ постройки грѣшитъ противъ основныхъ законовъ механики. Безсознательная дѣятельность, т.-е. дѣятельность, чуждая мысли о воздѣйствіи высшихъ отвлеченій на нисшія, приведетъ, очевидно, прямо къ гибели самихъ дѣятелей: если члены общества не потребуютъ провѣрки основоположеній устава, если ни одинъ каменщикъ не возьметъ въ руки чертежей, чтобы убѣдиться, возможно ли исполнить проектъ, то общество неизбѣжно рухнетъ, а стѣна повалится, и члены общества и каменщикъ падутъ жертвами слѣпой добросовѣстности. Всякій легко замѣтитъ несоблюденіе того или другого положенія устава, тутъ или тамъ неправильно положенный камень; между тѣмъ ошибка въ высшихъ понятіяхъ замѣтна только дальнозоркимъ, она, какъ хроническая болѣзнь, долго развивается невидимо и зато поражаетъ безъ пощады. Брюжжаніе, нарушающее подчасъ наше свѣтлое настроеніе, является часто, какъ вы поймете, голосомъ любви и результатомъ сознанія тѣхъ

высшихъ принциповъ, которые остаются скрытыми для обыденныхъ дѣятелей.

Воздѣйствіе высшихъ обобщеній (составляющихъ содержаніе абстрактныхъ наукъ) на человѣческую дѣятельность не можетъ быть, какъ вамъ извѣстно, непосредственнымъ. Воздѣйствіе это, совершаясь путемъ нисхожденія по лѣстницѣ отвлеченій, встрѣчаетъ ранѣе самой дѣятельности тѣ понятія, которыя связаны непосредственно съ этою дѣятельностью, именно понятія конкретныхъ наукъ. Эти науки и являются, такимъ образомъ, прямымъ основаніемъ дѣятельности; онѣ—то послѣднее звено чистой теоріи, которая, опредѣляя предвидѣніе, дозволяетъ избирать тѣ или другія средства, сообразныя цѣли, ставимыя въ зависимость отъ даннаго предвидѣнія. Ими, слѣдовательно, опредѣляется характеръ дѣятельности. На этомъ пунктѣ прекращается чистая теорія, здѣсь—послѣднія по простотѣ понятія, входящія въ область науки. Далѣе идетъ уже *приложеніе* теоріи къ конкретнымъ и индивидуальнымъ условіямъ дѣятельности,—область, въ которой положенія теоріи принимаются какъ данныя, и гдѣ самая теорія является уже не какъ таковая, не какъ система отвлеченныхъ понятій, но какъ *система средствъ*, подчиненныхъ этимъ понятіямъ и ими провѣренныхъ. Дѣятельность, пользующаяся выработанными этимъ путемъ средствами, пріобрѣтаетъ неизбѣжно такія черты, которыя были бы совершенно чужды ей, если бы она совершалась въ сторонѣ отъ науки и руководилась разрозненными указаніями обыденнаго мышленія. Какъ организованная, какъ систематическая, она получаетъ значеніе *искусства* въ общемъ смыслѣ этого термина, со своимъ сводомъ правилъ и *своею теоріею*.

Если вы припомните теперь ту рѣшающую роль высшихъ обобщеній, на которую я только что указывалъ, то вамъ станетъ ясна та двойственность, на которую неизбѣжно обрекаются непосредственные руководители дѣятельности—конкретная наука и теорія искусства. Злу или добру станутъ служить онѣ, правдѣ или неправдѣ будутъ онѣ оказывать свою помощь, все это зависитъ отъ воздѣйствія на приложеніе ихъ тѣхъ высшихъ понятій, которыя заправляютъ общимъ ходомъ жизни. Если понятія эти не научны, то конкретныя науки и теорія искусства при всей ихъ научности обрекаются на служеніе и помощь обыденному мышленію, которое и извращаетъ ихъ по желанію. Очевидно теперь, почему такъ важны для насъ цѣльность и

единство знанія въ чисто практическомъ отношеніи, почему мы желаемъ свѣта науки не въ частномъ и узкомъ, но въ общемъ и широкомъ смыслѣ, и почему возбуждаетъ въ насъ негодованіе фальсификація не только такихъ научныхъ положеній, прямое приложеніе которыхъ къ жизни очевидно для всякаго, но и извращеніе или эскамотированіе такихъ, которыя, при недостаточномъ вдумываніи въ нихъ, могутъ показаться чуждыми жизни и витающими въ области будто бы безпечальнаго созерцанія.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Связь познаванія съ другими психическими функціями. Значеніе психологіи для теоріи познаванія. Характеристика научной психологіи.

Говоря объ абстрактныхъ наукахъ, я сказалъ, что науки эти отличаются отъ наукъ конкретныхъ или описательныхъ тѣмъ, что не останавливаются надъ образованіемъ понятій о конкретныхъ группахъ явленій, подобно послѣднимъ, а изучаютъ общія свойства группы, взятой какъ цѣлое, и изъ понятій объ этихъ свойствахъ строятъ самое общее и отвлеченное понятіе о самой группѣ, будь то міръ, т.-е. вся совокупность познаннаго, или часть его. Этотъ основной пріемъ абстрактныхъ наукъ ясно показываетъ вамъ, что первымъ послѣдствіемъ примѣненія его къ изученію сложной совокупности явленій должно явиться упрощеніе этого изученія, такъ какъ отдѣльныя свойства изучаемаго предмета разсматриваются послѣдовательно одно за другимъ и представляются поэтому простѣйшими и доступнѣйшими изслѣдованію ступенями, ведущими къ общему понятію цѣлаго. Образованіе общаго понятія идетъ постепенно, трудности, сопряженныя съ этимъ образованіемъ, побѣждаемыя порознь, поддаются намъ легче, и вся задача, потерявъ мало-по-малу характеръ неразрѣшимости, даетъ въ результатѣ знаніе полное и прочно установленное.

Изучая познаваніе мы изучали, очевидно, только одинъ изъ образовъ существованія такъ-называемой психической дѣятельности нашего организма, т.-е. разсматривали познаваніе въ отвлеченіи отъ другихъ сторонъ этой дѣятельности, брали его абстрактно. Устраняя всѣ усложняющія нашу задачу моменты, мы много упростили, конечно, первые шаги къ ея разрѣшенію, но затѣмъ намъ остается еще разсмотрѣть хоть въ общихъ чертахъ и другія стороны психической дѣятельности

для того, чтобы, введя потомъ въ связь съ нимъ актъ познаванія, получить возможность составить о немъ полное и всестороннее понятіе.

Вы видите изъ этого, что сила послѣдовательности развитія моей темы приводитъ меня къ постановкѣ общаго психологическаго вопроса, къ которому я и намѣренъ теперь приступить, попрежнему придерживаясь рѣшенія этого вопроса «научною философіею» и имѣя въ виду психологическую теорію К. Гёринга.

Но прежде, чѣмъ я это сдѣлаю, я попрошу у васъ позволенія свернуть немного въ сторону и столковаться съ вами, что̀ мы будемъ разумѣть подъ психологіей и какъ будемъ мы оріентироваться въ лабиринтѣ современныхъ психологическихъ теорій. Безъ этой предосторожности мы рискуемъ совсѣмъ запутаться: одно голое утвержденіе, что психологія, которую мы будемъ имѣть въ виду, есть наука, насъ не спасетъ, такъ какъ мало ли какая психологическая теорія не мнитъ себя научною, мало ли, какая, вступивъ даже на путь истинно-научный, не идетъ впередъ, а топчется на одномъ мѣстѣ, безплодно тратя силы. Необходимо разрѣшить этотъ предварительный вопросъ настолько опредѣленно, чтобы устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ.

Вотъ этимъ-то мы теперь и займемся.

Психологи-эмпирики и психологи-метафизики утверждаютъ въ одинъ голосъ, что психологія какъ наука еще не установилась, что изъ числа многихъ существующихъ «психологій» нѣтъ ни одной, которая съ достаточнымъ основаніемъ могла бы имѣть притязанія на общее признаніе.

Прежде, чѣмъ высказаться за̀ или противъ этого взгляда, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сформулировать его точнѣе, такъ какъ въ изложенной выше всѣми повторяемой формѣ онъ нисколько не характеризуетъ современнаго состоянія психологіи и имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что даетъ поводъ смѣшивать всѣ фазисы развитія, черезъ которые прошло изученіе такъ называемыхъ психическихъ явленій, и всѣхъ ихъ въ одинаковой мѣрѣ приводитъ къ нулю. Какъ метафизическія мечтанія, такъ и научныя изслѣдованія получаютъ, благодаря огульности такого взгляда на психологію, одинаковое значеніе, или, вѣрнѣе, одинаково теряютъ всякое значеніе. Такое широкое осужденіе психологическихъ теорій очень выгодно развѣ только

для метафизиковъ, которые рады были втянуть въ одно общее крушеніе со своими умозрѣніями и научныя работы. Къ счастью для науки, болѣе точная постановка вопроса возстановляетъ лежащую между наукою и метафизикою пропасть и не даетъ никакого основанія утверждать, что неизбѣжная участь «чистаго умозрѣнія» можетъ въ какомъ-либо отношеніи неблагопріятно вліять на успѣхи опытнаго знанія. Стушевываясь, стираясь, совсѣмъ исчезая, чистое умозрѣніе можетъ только очищать путь для поступательнаго движенія науки, а ужъ никакъ не подвергать ее тѣмъ опасностямъ, которыя свойственны исключительно только его положенію и его роли въ общемъ ходѣ умственнаго развитія.

Чтобы правильно поставить нашъ вопросъ и затѣмъ точно и полно отвѣтить на него, припомнимъ то, что было высказано выше объ образованіи научныхъ понятій и цѣлесообразной группировкѣ ихъ по отдѣльнымъ научнымъ областямъ.

Исходную точку знанія, какъ я сказалъ уже, даютъ представленія. Изъ нихъ мы образуемъ первое, непосредственное знаніе. Потомъ, подъ гнетомъ субъективныхъ условій, полагающихъ границы неопредѣленному накопленію представленій, начинаемъ мы вырабатывать понятія, общая совокупность которыхъ расчленяется на группы, соотвѣтствующія представленіямъ, снятымъ съ опредѣленной группы явленій. Затѣмъ расположивъ группы эти сообразно ихъ общности и отвлеченности, мы получаемъ во главѣ этого расположенія такую науку, для образованія понятій которой необходима была помощь и содѣйствіе всѣхъ остальныхъ группъ, которая охватываетъ все, что въ группахъ этихъ есть самаго общаго и отвлеченнаго, и которая поэтому является какъ наука о всей совокупности познаваемаго міра, какъ міроразумѣніе, и носитъ названіе философіи. При такомъ порядкѣ въ выработкѣ научныхъ понятій и при такихъ условіяхъ восхожденія къ философіи, частныя науки являются основаніемъ ея, какъ науки общей, и она—общимъ ихъ завершеніемъ, что, очевидно, ставитъ все содержаніе ея и характеръ въ полную зависимость отъ наукъ частныхъ, отъ ихъ метода и всего ихъ строя.

Мы знаемъ однакоже, что такъ строится только *научная* философія, а что философія метафизическая, напротивъ того, исходною точкою своею избираетъ какое-нибудь общее понятіе и, подчиняя всѣ отдѣльныя науки, разрабатываетъ ихъ

согласно съ требованіями, вытекающими изъ этого понятія. Научный методъ, въ силу этого основного пріема метафизики, совсѣмъ устраняется и, при помощи непровѣримыхъ гипотезъ и эффектныхъ аналогій, избранное понятіе проводится во всѣ научныя дисциплины и, соотвѣтственно степени своей ненаучности или противонаучности, извращаетъ ихъ.

Не трудно видѣть, что образъ дѣйствій метафизики отвѣчаетъ одной только потребности пониманія и никакъ не можетъ привести къ знанію. Общее понятіе, произвольно избираемое метафизикою, какъ рѣшеніе основоначальнаго вопроса философіи, и представляетъ ту гипотезу, которая должна объяснить все, дать возможность понять все. Натуральный процессъ обыденнаго мышленія не нуждается въ бо́льшемъ удовлетвореніи, а познаваніе, остающееся при этомъ съ результатомъ равнымъ нулю, эксплуатируется посредствомъ отождествленія его съ мышленіемъ. Гипотеза, по самому способу своего образованія, остается не доказанною и не доказуемою; все возникшее изъ нея построеніе лишается самомалѣйшей достовѣрности, и метафизическая система, изъ всего этого организованная, никогда не можетъ перейти отъ пониманія къ знанію и наполнить пустую форму реальнымъ содержаніемъ. Внѣшняя связность ея и проистекающая изъ нея готовность отвѣчать на всѣ вопросы можетъ производить обаяніе на людей, «не испорченныхъ» наукою, но не можетъ представить никакого сопротивленія требованіямъ научной критики и распадается поэтому при малѣйшемъ прикосновеніи этой послѣдней.

Таково соотношеніе между философіей и отдѣльными отраслями знанія при различныхъ условіяхъ ихъ построенія и таково, разумѣется, говоря вообще, и соотношеніе между философіею и психологіею, помимо тѣхъ особенностей, которыя обусловлены индивидуальностью этой науки и на которыя я укажу ниже.

Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ періодъ господства обыденнаго мышленія, какъ въ формѣ наивно-мистической, такъ и въ формѣ, осложненной метафизическими умозрѣніями, психологія совершенно чужда мысли о необходимости какихъ бы то ни было изслѣдованій. Все содержаніе этой науки выводится прямо изъ высшаго, руководящаго ея понятія, образованіе котораго, въ свою очередь, всецѣло обусловлено соотвѣтственнымъ міросозерцаніемъ, тою мистическою или метафизическою

системою, въ нѣдрахъ которой предстоитъ возникнуть и развиться искомому психологическому ученію. Такъ какъ понятія въ системахъ такого рода смѣшиваются съ представленіями и обыкновенно объективируются, то вмѣстѣ съ установленіемъ руководящаго понятія предполагается существованіе такого объекта, который служитъ къ *объясненію* всѣхъ безъ исключенія конкретныхъ явленій, даетъ возможность *понимать* все, что только можетъ быть доступнымъ обыденной наблюдательности. Психологія, содержаніе которой является, такимъ образомъ, вполнѣ обусловленнымъ руководящимъ метафизическимъ или мистическимъ понятіемъ, не даетъ и не можетъ дать ничего для содержанія философіи. Можно утверждать, конечно, что и для самой себя она даетъ не болѣе, такъ какъ, собственно говоря, это только мнимая психологія, одна формальная сторона ея. Альб. Ланге весьма вѣрно сравниваетъ представителя такой психологіи съ естествоиспытателемъ, который ранѣе всѣхъ изслѣдованій установилъ бы понятіе природы и затѣмъ считалъ бы только тѣ наблюденія цѣлесообразными, которыя находятся въ согласіи съ этимъ понятіемъ. Съ особенною ясностью, какъ замѣчаетъ онъ, обнаруживается несостоятельность такого порядка вещей въ частныхъ изслѣдованіяхъ: такъ, напримѣръ, что сталось бы съ изученіемъ электричества, магнетизма, и т. д., если бы всѣмъ сдѣланнымъ до сихъ поръ для изученія ихъ наблюденіямъ и опытамъ предшествовало установленіе понятія о томъ, что такое электричество, магнетизмъ и т. д. [1]).

Исторія философіи показываетъ намъ, что метафизическія системы всегда находились въ противорѣчіи между собою, и что, кромѣ того, въ нѣдрахъ ихъ самихъ заключалось также не мало совершенно несогласимыхъ и рѣзкихъ противорѣчій. Можно прослѣдить, какъ, подъ вліяніемъ стремленія къ устраненію этихъ противорѣчій, все болѣе и болѣе выдвигался впередъ вопросъ познаванія и какъ, подъ вліяніемъ возрастанія его значенія, постепенно сосредоточивалось вниманіе мыслителей на психологіи. Это обстоятельство вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ увеличеніемъ массы накопленныхъ наблюденій надъ психическими явленіями,—наблюденій, не всегда легко подчинявшихся принятой гипотезѣ, стало мало-по-малу придавать

[1]) *Alb. Lange.* Geschichte des Materialismus. 2 Aufl. II Buch. S. 376.

психологіи такое значеніе, которое явно указывало на близость освобожденія ея изъ-подъ гнета метафизики и вступленія на путь самостоятельный. Первые шаги психологіи на этомъ пути не могли, однако-же, не быть ошибочными: наука эта въ своемъ новомъ положеніи не сразу нашла соотвѣтственныя своей задачѣ средства, не сразу могла какъ должно оріентироваться и, подъ вліяніемъ сосредоточенія вниманія философовъ на познаваніи, легко могла извратить смыслъ своего отношенія къ философіи, замѣнивъ одну ложь другою. И мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что, сдѣлавшись самостоятельною, психологія не перестаетъ, однако, оставаться метафизичною, такъ какъ она продолжаетъ стремиться къ пониманію и попрежнему строитъ гипотезы, не заботясь объ утвержденіи ихъ на реальной почвѣ, и не ставитъ себѣ задачею переходъ пониманія въ знаніе. Кромѣ того, все болѣе и болѣе подымая значеніе свое, какъ науки о познающемъ субъектѣ, она все рѣшительнѣе и смѣлѣе стремится къ узурпированію первенства въ философіи и кончаетъ тѣмъ, что мнитъ себя дѣйствительною и единою вершиною знанія и пытается вывести изъ понятія субъекта, изъ самого себя пола гающаго «я»—все человѣческое знаніе. Реальное бытіе міра почитается мнимымъ; психологія, взявшая на себя первенствующую роль въ философіи, топитъ это бытіе въ творческой дѣятельности субъекта и низводитъ все сущее, кромѣ самого субъекта, до ничтожества, до грезы самобытнаго «я». Идеализмъ грезъ (Traumidealismus) является послѣдовательнымъ и крайнимъ выраженіемъ новаго положенія психологіи. Смѣлость полета метафизическаго творчества находитъ въ немъ свое высшее выраженіе, и онъ производитъ обаяніе до тѣхъ поръ, пока ясно не раскрывается грубая ошибка обыденнаго мышленія, служащая ему основаніемъ, и пока не переставшая развиваться наука не противопоставляетъ ему своихъ требованій, передъ которыми смѣшеніе мышленія и познаванія должно, очевидно, обнаружить если не для себя, то для всѣхъ прочно стоящихъ на научной точкѣ зрѣнія, свою полную несостоятельность.

Нельзя пройти молчаніемъ, однако-же, то обстоятельство, что узурпація мѣста философіи психологіею осталась не безъ нѣкотораго полезнаго результата; а именно, она окончательно подорвала значеніе «наивнаго реализма» и сдѣлала невозможнымъ возвращеніе къ дѣтски-первобытному смѣшенію представленій съ самыми явленіями. Вслѣдъ за идеализмомъ грезъ,

не хотѣвшимъ знать реальности этихъ явленій, возстановленіе ихъ могло вновь состояться уже только при новыхъ условіяхъ и дать совершенно новые результаты.

Возстановленіе значенія реальности явленій при новыхъ условіяхъ, о которыхъ я только-что упомянулъ, и совершается при посредствѣ опытной науки, которая, достигнувъ познанія посредствомъ опытнаго метода, указываетъ на этотъ методъ, какъ на вѣрное средство къ достиженію познанія и въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ методъ этотъ еще не былъ прилагаемъ. Опытный методъ, поддерживаемый добытымъ имъ фактическимъ предвидѣніемъ и опирающійся на различеніе мышленія отъ познаванія, выставляетъ съ самою яркою очевидностью пустоту и безплодность творчества субъекта и заставляетъ психологію или остаться при этой пустотѣ и этомъ безплодіи, или спуститься съ узурпированной ею вершины знанія и, занявъ ту частную область, которая можетъ быть ей отмежована, приступить къ опытному изученію этой области, къ выработкѣ положительнаго знанія, которымъ могла бы воспользоваться философія, какъ и всякимъ другимъ.

Сдѣлавъ указанный выше шагъ, психологія становится не только на путь къ самостоятельности, но и на путь къ научности. Будучи свободною отъ метафизическихъ иллюзій и руководствуясь тѣмъ же методомъ, что и всѣ опытныя науки, она перестаетъ довольствоваться пониманіемъ и должна завоевать дѣйствительное знаніе. Преслѣдуя эту задачу, она принуждена разъ навсегда отказаться отъ такого пониманія, которое не можетъ перейти въ знаніе, т.-е. отъ такихъ гипотезъ, область которыхъ лежитъ внѣ познаваемаго. Новыя гипотезы психологіи неизбѣжно переносятся въ область явленій, подлежащихъ наблюденію, связь которыхъ можетъ быть подведена рано или поздно подъ научную доказательность. Такими явленіями представляются, очевидно, явленія физіологическія и на нихъ и начинаетъ опираться новая психологія при разрѣшеніи всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые разрѣшались прежде одною силою метафизическаго творчества, т.-е. однимъ только мышленіемъ, что хотя и удовлетворяло пониманіе, но не давало знанія.

Становясь въ рядъ другихъ частныхъ наукъ, принимая ихъ методъ и добиваясь результатовъ, равнозначущихъ ихъ результатамъ, психологія хотя и становится къ философіи въ тѣ

же отношенія, что и другія частныя науки, т.-е. доставляетъ данныя для выработки понятія о мірѣ, сохраняетъ, однако-же, и свою индивидуальную особенность, заключающуся въ томъ, что изучаемая ею психическая дѣятельность, представляя частную область изученія, не теряетъ отъ того своего общаго значенія, такъ какъ всякое знаніе предполагаетъ мышленіе, предполагаетъ психическую дѣятельность. Психологія, въ силу этой исключительно ей свойственной индивидуальной черты, имѣетъ по отношенію къ философіи кромѣ общаго еще и особенное отношеніе, служа основаніемъ для теоріи познаванія.

Изъ этого видно, что психологія въ порядкѣ историческаго развитія наукъ является одною изъ позднѣйшихъ; но въ порядкѣ дидактическаго изложенія должна быть поставлена ранѣе другихъ, такъ какъ безъ помощи знаній, ею доставляемыхъ, не можетъ быть изложена теорія познаванія, знаніе которой, въ свою очередь, необходимо при изученіи всѣхъ наукъ. Только тѣ позитивисты, которые вѣруютъ въ универсальное значеніе своей схемы и кромѣ ея не знаютъ ровно ничего, могутъ найти расхожденіе дидактическаго и историческаго порядка несогласнымъ съ истиною, и они одни только изъ указаннаго выше дидактическаго порядка могутъ вывести заключеніе о тождествѣ такого построенія съ метафизическими системами, выводившими изъ «я» весь строй знанія. Послѣднее заключеніе и было уже сдѣлано однимъ изъ нихъ, къ чести позитивизма, впрочемъ, однимъ изъ «недалекихъ».

Теперь вопросъ о научномъ значеніи психологіи получаетъ постановку гораздо болѣе опредѣленную, чѣмъ та огульная, о которой я упомянулъ въ началѣ письма, а вслѣдъ затѣмъ и отвѣтъ нашъ долженъ дать нѣкоторыя дополненія къ голому «да», или такому же «нѣтъ». Мы можемъ сказать теперь, что психологія еще не установилась какъ наука, что она не имѣетъ еще значенія, равнаго значенію механики, астрономіи или физики, но за то психологія настоящаго времени не имѣетъ ничего общаго съ тою, которая такъ долго не могла найти выхода изъ ложнаго круга метафизики; современная психологія находится на вѣрномъ пути, именно на томъ пути, который ведетъ къ установленію ея на незыблемыхъ основаніяхъ научнаго метода и который приведетъ ее къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ онъ привелъ механику, астрономію, физику и другія положительныя науки. Сохранившіеся остатки старой психо-

логіи нисколько не вредятъ дѣлу новой, нисколько не мѣшаютъ ей приближаться болѣе и болѣе къ своей цѣли, такъ какъ остатки эти всѣмъ существомъ своимъ связаны съ прошедшимъ и, въ силу этой связи, будучи осуждены на повтореніе извѣстнаго и пережитаго, лишены всякой жизненности, всякаго задатка къ развитію. Затѣмъ, множество неспѣвшихся еще научныхъ направленій представляютъ собою то исканіе истины, которое предшествуетъ установленію науки; всѣ эти направленія имѣютъ значеніе болѣе или менѣе приближающихся къ идеалу этой науки попытокъ, и каждое изъ нихъ можетъ внести въ будущую науку свой болѣе или менѣе цѣнный вкладъ.

Несомнѣнно, что идеалъ научной психологіи у насъ уже есть и что мы можемъ уже говорить о психологіи, какъ наукѣ, и можемъ указать на такія психологическія теоріи, которыя имѣютъ всѣ права на противопоставленіе ихъ теоріямъ метафизическимъ, и въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ установившейся уже науки, могутъ называться научными.

Такъ какъ психологія, отрѣшившаяся отъ метафизики, ставитъ себѣ задачею выработку научнаго знанія и средствомъ для этого избираетъ общій всѣмъ опытнымъ наукамъ методъ, то ей предстоитъ сознать ясно свою противоположность старой психологіи и дѣйствительно начать свое дѣло заново. Прежде всего ей необходимо, какъ это весьма вѣрно замѣтилъ Альб. Ланге [1]), рѣшительно устранить всѣ школьныя понятія обыденной психологіи, всѣ умозрительныя положенія, запутывавшія и затемнявшія задачу науки. Удержаніе этихъ понятій и положеній, ничего общаго съ наукою не имѣющихъ, можетъ только погубить ее. И хотя никогда не ослабѣвающая живость интереса къ психологическимъ вопросамъ слишкомъ рано внѣдряетъ всякому готовыя рѣшенія ихъ, и хотя забыть эти рѣшенія, какъ и вообще все, разъ заученное, очень трудно, но преодолѣніе этой трудности составляетъ первое условіе жизни и успѣховъ новой научной психологіи. Нѣкоторые старые термины могутъ, конечно, остаться, какъ они остались и въ другихъ наукахъ, но, сохраняя ихъ, не слѣдуетъ допускать сбивчивости въ содержаніи означаемыхъ ими понятій; опасность, происходящая отъ такой сбивчивости, должна служить постоян-

---

[1]) Id. S. 325.

нымъ предостереженіемъ для тѣхъ, которые вмѣстѣ съ мѣхами старыми не желаютъ получить и вина стараго.

Освободясь отъ старыхъ понятій, новая психологія не должна дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя могутъ привести къ возстановленію этихъ понятій или къ выработкѣ такихъ, которыя были бы равны имъ по отношенію къ научному своему значенію. Цѣлью новой психологіи должно быть знаніе и потому она не должна, подобно психологіи метафизической, удовлетворяться однимъ пониманіемъ и успокаиваться какъ на лаврахъ, на гипотезахъ, объясняющихъ тѣ или другія изъ изучаемыхъ ею явленій. Гипостазированіе понятій и измышленіе сущностей, долженствующихъ исчерпать всякую загадочность, но въ дѣйствительности только создающихъ новыя трудности, должно быть, само собою разумѣется, оставлено окончательно. Объяснительныя гипотезы, какъ я и имѣлъ уже случай замѣтить, должны быть перенесены въ ту область, которая можетъ, подлежать наблюденію и доставить рано или поздно гипотезамъ этимъ возможность перехода въ полную научную достовѣрность. Мы знаемъ, что новая психологія и работаетъ именно въ этомъ направленіи, и работаетъ весьма успѣшно. Русская публика хорошо знакома съ характеромъ этихъ работъ по трудамъ г. Сѣченова, весьма вѣрно понимающаго свою задачу, заключающуюся, какъ онъ самъ говоритъ, въ установленіи гипотезы о способѣ происхожденія типическихъ формъ психическихъ процессовъ мысли и страсти, и совершенно правильно оцѣнивающаго значеніе результатовъ рѣшенія этой задачи, заключающихся, по его словамъ, въ *сведеніи способа происхожденія психическихъ явленій на физіологическія основы* [1]). Всѣ тѣ части «Этюдовъ» г. Сѣченова, которыя держатся въ предѣлахъ этой задачи, не переходя сознательно или безсознательно въ сопредѣльныя области, содержатъ много поучительнаго и достойнаго самаго серьезнаго вниманія всѣхъ, не безразлично относящихся къ успѣхамъ научной психологіи.

При сведеніи психическихъ явленій на ихъ физіологическія основы можетъ случиться, и уже случалось, что изслѣдованіе основъ разростается въ ущербъ изслѣдованію самаго явленія, идетъ рядомъ съ путанымъ изслѣдованіемъ характера и связи этихъ явленій, или же совсѣмъ вытѣсняетъ его какъ нѣчто из-

[1]) *И. Сьченовъ.* Психологическіе этюды. 1873, стр. 117.

лишнее. Такое поглощеніе психологіи физіологіею является у тѣхъ изслѣдователей, которые, упустивъ изъ виду различіе знанія отъ пониманія, считаютъ дѣло свое поконченнымъ разрѣшеніемъ вопроса о послѣднемъ. Пониманіе ихъ не имѣетъ, правда, ничего общаго съ пониманіемъ метафизиковъ, такъ какъ факты, избранные для объясненія происхожденія данныхъ явленій, подлежатъ наблюденію, и ихъ пониманіе, какъ я и имѣлъ уже случай замѣтить, можетъ перейти въ знаніе, когда гипотезы ихъ получатъ научную достовѣрность. Но не слѣдуетъ, однако-же, забывать, что это знаніе будетъ знаніемъ происхожденія явленій, а не знаніемъ самыхъ явленій, и удовлетворитъ стремленіе къ пониманію не вполнѣ, такъ какъ явленія, признанныя за основы данныхъ, могутъ имѣть свои основы, сведеніе къ которымъ и потребуется послѣдовательнымъ стремленіемъ къ пониманію. Такъ, физіологическія явленія, въ смыслѣ основы явленій психическихъ, могутъ быть сведены къ явленіямъ механическимъ, какъ на это и указываетъ Альб. Ланге, говоря о современной психологіи [1]). Сведеніе психическаго явленія къ его физіологическимъ основамъ устраняетъ только предполагавшееся единство содержанія этого явленія, устраняетъ ту метафизическую сущность, которою прежде объяснялось это явленіе, но не устраняетъ самаго явленія и оставляетъ вполнѣ обязательнымъ его изученіе. Самое явленіе должно остаться предметомъ изученія, разсматриваясь со стороны *единства формы*, т.-е. единства характера и образа существованія всѣхъ входящихъ въ составъ его основныхъ явленій, и наука поэтому не имѣетъ права не изучать его какъ комплексъ, представляющій такого рода единство. На самомъ дѣлѣ, если только не теряется изъ виду возможность сведенія всѣхъ психологическихъ явленій къ ихъ физіологическимъ основамъ, то изслѣдованіе второй части вопроса можетъ быть и обойдено и все вниманіе сосредоточено на первой, посвященной психологіи въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. изученію характера и соотношенію психическихъ явленій, взятыхъ со стороны формальнаго ихъ единства, указаннаго выше. Если бы при этомъ предъявленъ былъ упрекъ въ ненаучности такого пріема на томъ основаніи, что вопросъ объ основахъ явленій былъ обойденъ,

---

[1]) Geschichte des Materialismus. S. 394.

то вмѣстѣ съ Альбертомъ Ланге [1]) можно было бы возразить, что научная устойчивость положенія, говоря вообще, находится въ полной независимости отъ сведенія изучаемыхъ явленій къ ихъ основамъ. Если бы такое сведеніе было необходимо, то и законы физіологіи слѣдовало бы считать лишенными устойчивости по той причинѣ, что явленія физіологическія сводятся къ *механикѣ атомовъ*, въ которой лежатъ послѣднія основы всѣхъ естественныхъ явленій. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наука можетъ изучать опредѣленныя психическія явленія безъ необходимости сводить ихъ къ ихъ основамъ, но что она не должна только терять при этомъ изъ виду ихъ связь съ этими основами и характеръ явленій, этою связью обусловливаемый. Область наблюденія останется затѣмъ открытою для полнаго и всесторонняго приложенія научнаго метода, и изъ понятія о границахъ науки устранится путаница и неопредѣленность.

Чтобы придать болѣе ясности предшествовавшему взгляду на различіе вопроса о сведеніи однихъ явленій на другія, отъ вопроса о самыхъ явленіяхъ, я укажу вамъ на примѣры, ясно обрисовывающіе это различіе. Сопоставимъ, напримѣръ, состояніе организма во время сна съ состояніемъ его во время бодрствованія, или, иначе, безсознательную дѣятельность организма отъ сознательной, и намъ со всею очевидностью представятся всѣ характеристическія особенности той и другой: возникновеніе и смѣна представленій въ состояніи бодрствованія рѣзко отдѣлятся отъ возникновенія и смѣны ихъ во время сна и т. д. Но если содержаніе нашего сознанія въ одинъ изъ этихъ моментовъ такъ рѣзко противоположно содержанію въ другой моментъ, если взятое само по себѣ одно содержаніе относится къ другому какъ дѣйствительность къ фантасмагоріи, то сводя къ физіологическимъ основамъ, къ соотвѣтственнымъ біологическимъ процессамъ организма, и то, и другое содержаніе, напротивъ, совершенно уравниваются, сливаются въ одной общей дѣятельности психо-физическаго механизма и не даютъ ужъ болѣе никакого повода говорить о противоположности связнаго хода представленій спутанной и безпорядочной смѣнѣ ихъ. Возьмемъ новѣйшую гипотезу Прейэра, сводящаго сознательную психическую дѣятельность на поглощеніе кислорода клѣточ-

[1]) Id. S. 394.

ками мозга [1]); мы видимъ, что гипотеза эта, при всемъ значеніи ея для науки и при сокрушительности силы ея по отношенію къ мистическимъ теоріямъ, оставляетъ въ сторонѣ указанное выше противопоставленіе и вмѣстѣ съ объясненіемъ явленій не даетъ знанія ихъ. Еще осязательнѣе является различіе, о которомъ идетъ рѣчь, въ изученіи языка. Здѣсь сведеніе явленія на его физіологическія основы даетъ содержаніе отдѣльной наукѣ—наукѣ о языкѣ (Sprachwissenschaft, Science du langage) или *глотикѣ*, какъ назвалъ ее Шлейхеръ; изученіе же самаго явленія составляетъ матеріалъ *филологіи*. Возьмите лекціи Макса Мюллера, и вамъ представится различіе это во всей его разительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ вы увидите здѣсь и точки соприкосновенія обѣихъ наукъ. Болѣе сжатое изложеніе новѣйшихъ данныхъ по этому вопросу вы найдете у Бернгарда Юльга, а сопоставленіе изслѣдованія физіологическихъ основъ языка съ аномаліями, въ немъ встрѣчающимися, у Кусмауля [2]). Вдумываніе въ различеніе, о которомъ говорятъ эти сочиненія, приведетъ къ вполнѣ сознанному убѣжденію, что сведеніе психологическихъ явленій къ ихъ физіологическимъ основамъ не только не исчерпываетъ задачи психологіи, но даже и не прикасается къ ней, и составляетъ только подготовленіе къ ея рѣшенію или дополненіе, имѣющее тѣмъ большую важность, чѣмъ болѣе имѣемъ мы основаніе опасаться вторженія въ нашу науку метафизическихъ и мистическихъ теорій.

---

[1]) *W. Preyer.* Ueber die Ursache des Schlafes. 1877.

[2]) *Max Müller.* La science du langage. 1867.—Id. Nouvelles leçons sur la science du langage. 1868.—*Bernhard Jülg.* Ueber Wesen und Aufgabe der Sprachwissenschaft mit einem Ueberblick ueber die Hauptergebnisse derselben. 1868.—*A. Kussmaul.* Die Störungen der Sprache. Versuch einer pathologie der Sprache. 1877.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

СОДЕРЖАНІЕ ПИСЕМЪ X—XII.

Очеркъ психологической теоріи К. Гёринга. Изслѣдованіе понятія воли. Связь воли и чувства. Значеніе воли по отношенію къ познаванію и умственной дѣятельности вообще. Заключеніе.

Задача психологіи отличается отъ задачи другихъ наукъ прежде всего тѣмъ, что психологія имѣетъ цѣлью познать самого познающаго. Изъ этого видно, что воспріятія, служащія въ психологіи для образованія представленій, могутъ быть не только внѣшними, но и внутренними, т.-е. исходить не только изъ наблюденія, но и изъ самонаблюденія. Только посредствомъ самонаблюденія можемъ мы познавать функціи нашего организма въ томъ формальномъ единствѣ, о которомъ говорено было въ предшествовавшемъ письмѣ, и безъ котораго не существовало бы повода для установленія отдѣльной отъ физіологіи научной дисциплины. Физіологи могли бы потратить сколько угодно времени на изученіе дѣятельности нервной системы и и не въ состояніи были бы, по вѣрному замѣчанію Рибо [1]), опредѣлить, что такое пріятное или непріятное ощущеніе, если бы они не испытывали ихъ сами. Подобно людямъ, пробѣгающимъ улицы города по всѣмъ направленіямъ и не знающимъ, что дѣлается внутри домовъ, могутъ они слѣдить за дѣятельностью организма и не знать того, что именно и слѣдуетъ знать психологу. Самонаблюденіе, какъ видно изъ этого, ничѣмъ не замѣнимо, и отрицаніе его значенія, какъ это дѣлаетъ Ог. Контъ въ своей «Системѣ позитивной философіи», не можетъ ни въ чемъ найти себѣ оправданія и въ результатѣ даетъ ту первобытную и наивную психологію, которая даже и по мнѣнію

[1]) *Th. Ribot.* La psychologie anglaise contemporaine. 2-me édition. 1875. p. 26.

почитателей Конта, составляетъ одно изъ слабѣйшихъ мѣстъ его системы.

Но если отрицаніе всякаго значенія самонаблюденія губитъ дѣло психологіи, то и ограниченія области наблюденія однимъ самонаблюденіемъ является также не менѣе пагубнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ безконтрольно проникаютъ въ науку всевозможныя иллюзіи. Не надо забывать, что внѣшнее и внутреннее наблюденіе совсѣмъ и не распадаются въ дѣйствительности въ такой мѣрѣ, чтобы мы могли, не обманывая себя, принять къ руководству исключительно одно изъ нихъ, вполнѣ отбросивъ другое. Живая связь ихъ должна служить намъ неизмѣннымъ основаніемъ при всѣхъ психологическихъ наблюденіяхъ и, только опираясь на нее, можемъ мы надѣяться на вѣрныя и прочныя пріобрѣтенія. «Одинъ только индуктивный методъ—говоритъ Г. Гёрингъ—можетъ быть съ успѣхомъ приложимъ къ психологическимъ изслѣдованіямъ, что давно уже было подтверждаемо и философами. Еще во время процвѣтанія апріорныхъ построеній, Гербартъ, стоявшій тогда одиноко со своимъ требованіемъ научной обработки для психологіи, въ самомъ началѣ своей «Lehrbuch zur Psychologie», говоритъ такъ: «внутреннее воспріятіе, общеніе съ людьми различныхъ степеней образованности, наблюденіе воспитателя и государственнаго человѣка, описанія путешественниковъ, историковъ, поэтовъ и моралистовъ, наконецъ, опыты надъ помѣшанными, больными и животными, даютъ содержаніе психологіи». Бенеке также возлагалъ большія надежды на индуктивный методъ, но превосходство этого метода оказалось у него призрачнымъ именно потому, что онъ полагалъ возможнымъ исчерпать всѣ вопросы психологіи посредствомъ одного только самонаблюденія» [1]).

Навязываніе самонаблюденію *исключительнаго* значенія Гёрингъ справедливо считаетъ злоупотребленіемъ и указываетъ, въ подтвержденіе своего взгляда, на то смѣшеніе понятій, которое является у *образованныхъ* людей, когда они принимаютъ за общее для всѣхъ людей то, что находятъ въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ, идеальныя требованія мистическихъ ученій, морали, науки, могутъ представиться осуществленными самою природою, существующими ранѣе всякаго опыта, апріорными.

---

[1]) *K. Göring.* System etc. I. S. 43—44.

Такого рода ошибки особенно легко совершаются по отношенію къ законамъ мышленія, и рѣзко расходящіеся между собою пути мышленія—путь научный и путь обыденный—сливаются тогда во-едино въ апріорныхъ формахъ мышленія, равно присущихъ будто бы всякому человѣческому уму. «Наблюденіе надъ первымъ необразованнымъ человѣкомъ—говоритъ Гёрингъ—могло бы тотчасъ же привести къ противоположному результату». На этомъ основаніи Гёрингъ считаетъ наблюденія надъ людьми, обрѣтающимися еще въ естественномъ состояніи, тѣмъ *основнымъ* психологическимъ матеріаломъ, не изучивъ который мы не можемъ правильно судить ни о своихъ собственныхъ психическихъ явленіяхъ, ни о тѣхъ, которыя мы наблюдаемъ у образованныхъ людей вообще.

Наблюденія надъ новорожденными получаютъ, такимъ образомъ, въ высшей степени важное значеніе. К. Гёрингъ, къ ознакомленію съ психологической теоріей котораго я и намѣренъ теперь приступить, начинаетъ изложеніе этой теоріи резюмированіемъ наблюденій доктора Кусмауля [1]). До 1874 года, какъ говоритъ Гёрингъ, и какъ это подтверждаетъ А. Ланге, только и можно было указать на одни эти наблюденія. Да и до сихъ поръ о нихъ можно сказать почти тоже, такъ какъ появившіяся съ тѣхъ поръ статьи Дарвина и Тэна объ этомъ же предметѣ не прибавляютъ ничего новаго къ наблюденіямъ Кусмауля [2]), Дарвинъ даетъ однѣ лишь бѣглыя замѣтки, веденныя имъ изо дня въ день и впослѣдствіи не обработанныя. Тэнъ же имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, развитіе языка и очень мало говоритъ о томъ, что прямо не относится къ этому вопросу. Слѣдуетъ замѣтить однако-же, что наблюденія Дарвина и Тэна не только не противорѣчатъ наблюденіямъ Кусмауля, но во многихъ отношеніяхъ представляютъ прямое ихъ подтвержденіе.

Принимая во вниманіе важное значеніе наблюденій Кусмауля, краткость резюме его брошюры у Гёринга и полную неизвѣстность ея у насъ, я передамъ вамъ содержаніе этой брошюры съ нѣкоторою подробностью.

---

[1]) Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen. Von Dr. Adolf Kussmaul. 1859.

[2]) *Ch. Darwin.* Esquisse biographique d'un petit enfant. (Revue scientifique, 1877. № 2).—*H. Taine.* Acquisition du langage. (Revue philosophique, 1876. № 1).

Небольшая брошюрка Кусмауля начинается разграниченіемъ психическихъ явленій и явленій собственно органическихъ. «Я называю психическими явленіями—говоритъ Кусмауль—ощущеніе, представленіе, мышленіе и хотѣніе; что же касается питанія, роста и рожденія, то ихъ я отношу къ явленіямъ органическимъ. Движеніе я считаю явленіемъ психическимъ только тогда, когда оно исходитъ изъ ощущенія, представленія, мышленія или хотѣнія». Вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ на трудность опредѣленія психическихъ явленій другихъ существъ, такъ какъ явленія эти могутъ познаваться нами только чрезъ посредство движеній этихъ существъ, а не непосредственно чрезъ сознаніе, какъ наши собственныя. «Одно и то же движеніе можетъ быть обусловлено какъ психически, такъ и механически—говоритъ онъ—простое заключеніе *по сходству* формъ явленій недостаточно для утвержденія, что въ данномъ случаѣ психическая дѣятельность имѣетъ мѣсто. Слѣдуетъ, напротивъ того, доказать, что разсматриваемое движеніе или рядъ движеній не можетъ опредѣляться механическими условіями какъ по формѣ явленій, такъ и по взаимной связи между ними. Даже и въ томъ случаѣ, когда къ сходству формы мы можемъ присоединить еще сходство внѣшняго повода къ движенію, мы не можемъ еще пріобрѣсти полной увѣренности по отношенію къ значенію психическихъ условій въ этомъ случаѣ. Одинъ и тотъ же внѣшній поводъ можетъ приводить въ движеніе механическіе аппараты тѣла то непосредственно, то чрезъ посредство психическихъ элементовъ организма (ощущенія, хотѣнія, представленія и мышленія). Должно быть доказано еще, что внѣшній поводъ можетъ вообще или въ одномъ лишь данномъ случаѣ обусловить движеніе только психически. Наконецъ, и наружная цѣлесообразность движенія не можетъ еще считаться безусловнымъ признакомъ ея психическаго происхожденія. Аппараты движенія одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлъ могутъ быть очень многосложны, и устройство ихъ можетъ быть въ высшей степени цѣлесообразно и искусно и, смотря по обстоятельствамъ, приводимо въ движеніе какъ механическимъ, такъ и психическимъ двигателемъ съ одинаковою легкостью. Въ обоихъ случаяхъ движеніе можетъ казаться совершенно цѣлесообразнымъ. Чтобы предохранить себя отъ грубыхъ ошибокъ, необходимо доказать, что цѣлесообразность заключается не въ самыхъ механизмахъ аппаратовъ движе-

нія, какъ это было въ автоматахъ Дроза и Вокансона, но что механизмы эти только цѣлесообразно употребляются для произведенія задуманныхъ движеній. Ошибка при избраніи средства можетъ доказывать присутствіе психической дѣятельности болѣе, нежели кажущаяся цѣлесообразность, съ которою работаетъ машина искуснѣйшаго устройства». Вотъ причины, которыя, по мнѣнію Кусмауля, препятствуютъ точному опредѣленію психическаго происхожденія движеній и преодолѣніе которыхъ очень часто невозможно. Онѣ объясняютъ ту шаткость, которая замѣчается даже въ настоящее время у физіологовъ, всегда, когда приходится характеризовать дѣйствія не только нисшихъ животныхъ, но даже и человѣка, если только сознаніе его слабо или омрачено. Такимъ же образомъ объясняются и противорѣчія въ изслѣдованіяхъ даже извѣстнѣйшихъ испытателей по отношенію къ дѣйствіямъ животныхъ высшихъ. Метафизическія теоріи и предубѣжденія традиціи, такъ же какъ и слишкомъ поспѣшныя гипотезы, играютъ, конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ не послѣднюю роль. Имѣя въ виду всѣ эти трудности, Кусмауль вооружился всѣми возможными предосторожностями при производствѣ своихъ опытовъ и наблюденій. «Чѣмъ тверже установится индуктивный методъ въ области психологіи—говоритъ онъ—чѣмъ болѣе освѣтятся законы нервной дѣятельности, чѣмъ безпристрастнѣе и чѣмъ свободнѣе отъ предвзятыхъ мнѣній метафизики будутъ приступать умы къ изслѣдованію дѣйствительности, тѣмъ скорѣе исчезнетъ туманъ, скрывающій отъ насъ законы нашей высшей, психической дѣятельности».

Наблюденія Кусмауля были произведены надъ двадцатью слишкомъ новорожденными и дали въ общемъ слѣдующіе результаты. Вкусъ, осязаніе, обоняніе, ощущеніе тепла и холода найдены сравнительно сильно развитыми, свѣтъ ощущается уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія; при слабой степени свѣта онъ производитъ пріятное чувство, при сильной—непріятное. Сводить зрительныя оси на предметѣ и при такомъ положеніи осей передвигать глаза или вслѣдъ за движеніемъ предмета, или съ одной точки предмета на другую, *выучивается* ребенокъ гораздо позже,—какъ можно полагать, черезъ три недѣли и болѣе, иногда недѣль черезъ шесть. Изъ всѣхъ чувствъ долѣе другихъ не пробуждается слухъ: новорожденные не обнаруживаютъ долго никакихъ признаковъ вліянія на нихъ звуковъ, какъ бы звуки ни

были дисгармоничны. Наблюденіе это встрѣтило, однако, нѣсколько исключительныхъ случаевъ, когда дѣти обнаруживали присутствіе чувства слуха уже черезъ три дня послѣ рожденія. (Наблюденія Дарвина надъ его сыномъ и нѣсколькими другими дѣтьми также обнаружили довольно раннее развитіе слуха). Мускульное чувство имѣетъ мѣсто, по мнѣнію Кусмауля, еще до рожденія. Таковы положительные результаты наблюденія по отношенію къ ощущеніямъ и чувствамъ. Побужденія или хотѣнія новорожденныхъ ограничиваются голодомъ и жаждою, которыя обнаруживаются черезъ промежутокъ отъ 6 до 24 часовъ послѣ рожденія разными тѣлодвиженіями, явно указывающими на ихъ источникъ.

Обозрѣвая всѣ наблюдавшіяся движенія новорожденныхъ, Кусмауль замѣчаетъ, что психическое достоинство ихъ весьма различно. На самой низкой степени стоитъ, конечно, моргаиіе. Движеніе, это, какъ знаемъ мы по самонаблюденію, остается всегда изъятымъ изъ круга нашего непосредственнаго воспріятія и никогда не можетъ быть видоизмѣнено нами по произволу. Оно представляетъ намъ простѣйшій случай рефлекса, *чистый рефлексъ*, при которомъ возбужденіе чувствующаго нерва производитъ мускульное движеніе самымъ ближайшимъ путемъ. Кромѣ ощущенія свѣта или темноты, которое сопровождаетъ это возбужденіе и при которомъ самое слабое сознаніе едва лишь можетъ быть мыслимо, никакая психологическая дѣятельность не сочетается съ этимъ актомъ, и тѣмъ менѣе можетъ быть она предположена какъ промежуточный моментъ между ощущеніемъ и движеніемъ.

Инымъ, болѣе сложнымъ, представляется дѣло въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, рука хватаетъ предметъ, которымъ ее пощекотали, когда губы сосутъ палецъ или грудь, когда возникаютъ мимическія движенія вслѣдъ за ощущеніемъ вкуса хиннаго раствора или когда вѣки закрываются отъ яркаго свѣта. И въ этихъ случаяхъ также движеніе сводится на рефлексъ; но къ ощущенію, обусловливающему этотъ рефлексъ, присоединяется не только сознаніе ощущенія, но и сознаніе произведеннаго движенія и, кромѣ того, мускульныя чувства, чувства удовольствія и неудовольствія, соединенныя съ соотвѣтственными стремленіями, затѣмъ постепенно возникаютъ простѣйшія представленія и, наконецъ, воля научается обуздывать эти движенія, или, смотря по обстоятельствамъ, совсѣмъ подавлять

ихъ или же усиливать, словомъ—регулировать въ интересахъ индивида.

На высшей ступени стоятъ, по мысли Кусмауля, тѣ движенія, которыя осуществляются окольнымъ путемъ, черезъ посредство представленій и побужденій, возникшихъ изъ ощущеній. Такъ, когда голодное дитя ищетъ пищи и поворачиваетъ голову въ ту сторону, съ которой погладятъ его щеку пальцемъ, хватаетъ палецъ этотъ губами и сосетъ его, то такія движенія не могутъ уже быть выведены изъ рефлексовъ, и для объясненія ихъ требуется обратить вниманіе на посредствующую роль *представленій*. Источникъ этихъ движеній можетъ заключаться лишь въ умственной дѣятельности дитяти; онъ предполагаетъ извѣстный выборъ средствъ, которыми располагаетъ индивидъ для удовлетворенія своихъ побужденій.

Человѣкъ рождается съ весьма развитымъ чувствующимъ аппаратомъ, дающимъ ему возможность испытывать вліяніе всего того, что совершается какъ внѣ его, такъ и въ немъ самомъ; кромѣ того, онъ обладаетъ еще бо̀льшимъ числомъ превосходно устроенныхъ, весьма сложныхъ двигательныхъ аппаратовъ, приводить въ движеніе которые стоитъ ему только выучиться для того, чтобы пользоваться ими всегда, когда онъ находитъ въ томъ нужду; механизмы же устроены такъ, что, будучи приведены въ движеніе, они дѣйствуютъ сами совершенно цѣлесообразно, безъ всякаго посторонняго пособія. Новорожденный, впрочемъ, не только обладаетъ превосходнѣйшими орудіями и умѣньемъ ими управлять, но уже въ утробѣ матери пользуется частью этихъ средствъ и, несмотря на неблагопріятныя условія среды, накопляетъ уже нѣкоторый опытъ и пріобрѣтаетъ нѣкоторую снаровку. Нельзя сомнѣваться, утверждаетъ Кусмауль, что человѣкъ является на свѣтъ съ темнымъ представленіемъ внѣшняго «нѣчто», съ извѣстнымъ представленіемъ пространства, со способностью локализировать извѣстныя осязательныя ощущенія и съ извѣстною властью надъ своими движеніями. Только такимъ образомъ объясняется тотъ подтвержденный наблюденіемъ фактъ, что новорожденный ищетъ пищи ранѣе, чѣмъ ему всунутъ въ ротъ сосокъ, и обращается въ своихъ пеленкахъ именно въ ту сторону, съ которой осязательныя ощущенія будутъ сильнѣе. «Этотъ поразительный фактъ—говоритъ Кусмауль—можетъ быть объясненъ только при помощи предположенія, что новорожденный обладаетъ темнымъ представленіемъ

внѣшняго «нѣчто», способнаго устранить непріятное чувство голода или жажды при посредствѣ рта, и что онъ въ состояніи опредѣлить мѣсто, до котораго соприкасается постороннее тѣло, и, наконецъ, что онъ умѣетъ уже обращать голову произвольно то въ ту, то въ другую сторону».

Кусмауль нисколько не сомнѣвается въ возможности для новорожденнаго накопленія въ утробѣ матери опыта, съ которымъ новорожденный и является на свѣтъ. Кусмауль объясняетъ это осязательными и вкусовыми ощущеніями, которыя несомнѣнно имѣютъ мѣсто до рожденія. Но мы не должны, однако, воображать, что новорожденный способенъ обнаруживать сознательныя проявленія воли, опирающейся на сужденіе. Такую способность вырабатываетъ человѣкъ съ большимъ трудомъ и очень не скоро. Съ достовѣрностью можно утверждать, что у новорожденнаго проявляются только дѣйствія, вызываемыя побужденіями и ассоціаціей извѣстныхъ ощущеній съ простѣйшими представленіями, и что дѣйствія эти сопровождаются такою степенью сознанія, которая едва ли можетъ быть поставлена выше степени сознанія, свойственной въ зрѣломъ возрастѣ человѣку, дѣйствующему впросонкахъ. Въ данномъ случаѣ важна, впрочемъ, не эта сторона дѣла, а тотъ окончательный и вполнѣ вѣрный результатъ наблюденія, что представленія, какъ первый моментъ умственной дѣятельности, образуются постепенно: изъ ощущеній осязательныхъ и вкусовыхъ и изъ чувствъ голода и жажды—еще въ утробѣ матери, а изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ—уже послѣ рожденія. Представленія, такимъ образомъ, слѣдуютъ за ощущеніями и чувствами, и первыя проявленія умственной дѣятельности являются моментомъ *вторичнымъ*.

Въ новомъ сочиненіи своемъ, посвященномъ патологіи языка, Кусмауль подтверждаетъ и по отношенію къ этому важнѣйшему проявленію психической дѣятельности тотъ основный выводъ, на который я только-что указалъ. Онъ говоритъ, что дѣти выучиваются говорить, не давая себѣ отчета, почему и какъ это должно дѣлать, единственно только подъ вліяніемъ безсознательнаго стремленія, руководимаго внѣшними указаніями. На первой ступени своего развитія, называемой Кусмаулемъ подготовительной, языкъ является, по его взгляду, лишь совокупностью выраженій чувствъ, междометій въ ихъ первобытнѣйшей формѣ, и только впослѣдствіи переходитъ къ сравнительно-высшей сте-

пени развитія. Такимъ образомъ, и въ развитіи языка обнаруживаются проявленія ощущеній, чувствъ и побужденій, какъ первичнаго момента, представленій и мышленія вообще, какъ момента вторичнаго.

Наблюденія Тэна, о которыхъ я упомянулъ выше, также находятся въ полномъ согласіи съ выводомъ, даваемымъ всею совокупностью данныхъ Кусмауля; только у Тэна нѣтъ достаточной опредѣленности во взглядахъ, не видно вниманія къ тѣмъ сторонамъ явленія, которыя по отношенію къ первымъ шагамъ умственнаго развитія имѣютъ наибольшее значеніе. Тэнъ говоритъ, напримѣръ, что воспитанію принадлежитъ второстепенная роль при развитіи языка; воспитаніе, по словамъ Тэна, имѣетъ значеніе только направляющаго канала, «источникъ находится выше». Это неопредѣленное указаніе, по смыслу всѣхъ фактовъ, приводимыхъ Тэномъ, можетъ имѣть въ виду одни только побужденія, ощущенія и чувства; но Тэнъ, занятый, главнымъ образомъ, механизмомъ языка, проходитъ вскользь самый ранній періодъ развитія ребенка и слѣдитъ за нимъ вполнѣ обстоятельно только съ 12-мѣсячнаго возраста, когда представленія уже достаточно опредѣлились и мышленіе заняло весьма видное положеніе въ общей массѣ психическихъ явленій.

Дарвинъ своими наблюденіями еще гораздо рѣшительнѣе подтверждаетъ тѣ же выводы. Въ первые восемь дней своей внѣутробной жизни ребенокъ, по словамъ его, выполнялъ совершенно правильно всѣ рефлективныя движенія, каковы, напримѣръ, чиханіе, зѣвота, потягиваніе, сосаніе, крики. На восьмой день Дарвинъ пощекоталъ голую подошву его кусочкамъ бумаги. Ребенокъ сжалъ пальцы ноги и, такимъ образомъ, освободился отъ непріятнаго для него ощущенія. Подобное, повидимому, вполнѣ рефлективное движеніе показывало, по мнѣнію Дарвина, что причина несовершенства произвольныхъ движеній лежитъ не въ извѣстномъ состояніи мускуловъ или нервныхъ центровъ, а въ *самомъ съдалищѣ воли*. Всѣ вообще прищуриванія и вздрагиванія, которыя пришлось наблюдать въ теченіе первыхъ 124 дней жизни ребенка, не могутъ быть, по мнѣнію Дарвина, приписаны опыту, потому что ребенокъ все это время не былъ въ состояніи узнавать, откуда происходилъ пугавшій его шумъ, и поворачивать туда глаза. Такимъ образомъ, въ первые дни по рожденіи, кромѣ проявленій побужденій и чувствъ, не было замѣчаемо никакихъ намековъ на умственную

дѣятельность, первые признаки которой появились только послѣ ста слишкомъ дней по рожденію дитяти. За постепеннымъ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ намъ нѣтъ теперь никакой надобности слѣдить, а потому въ настоящемъ случаѣ я и ограничусь приведенными выше указаніями.

Противъ вѣрности наблюденій Кусмауля, какъ говоритъ К. Гёрингъ, не было представлено никакихъ возраженій, такъ что фактическая ихъ часть должна быть разсматриваема теперь какъ прочно установленная. Для того же, чтобы имѣть возможность слѣдить за тѣми заключеніями, которыя на основаніи этихъ фактовъ дѣлаетъ Гёрингъ, необходимо прежде всего ознакомиться съ установленнымъ имъ различеніемъ между ощущеніемъ, представленіемъ, мышленіемъ, чувствованіемъ и хотѣніемъ. Усвоеніе этого различенія необходимо потому, что наука не можетъ довольствоваться тѣми различеніями, которыя можетъ каждый установить непосредственно, и нуждается въ постоянствѣ и неизмѣнности значенія употребляемыхъ ею терминовъ. Научное различеніе тѣмъ еще болѣе необходимо, что опредѣленіе элементарныхъ психическихъ явленій по школьнымъ шаблонамъ осуществлено быть не можетъ, и описаніе ихъ должно преимущественно ограничиться отрицательными данными, доставляемыми ихъ различіемъ между собою.

Между терминами: *чувство* (Gefühl) и *ощущеніе* (Empfindung), употребляемыми нерѣдко какъ синонимы, Гёрингъ устанавливаетъ слѣдующее различіе. *Чувство* охватываетъ удовольствіе и неудовольствіе, радость и горе, пріятныя и непріятныя аффекты, во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ и во всей ширинѣ ихъ проявленій; что же такое удовольствіе, неудовольствіе и т. д., это не можетъ быть опредѣлено никакимъ описаніемъ и должно быть «почувствовано». Что касается *ощущенія*, то подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть всякое сознанное впечатлѣніе, производимое на тотъ или другой изъ нашихъ органовъ и не влекущее за собою ни удовольствія, ни неудовольствія, т.-е., какъ говорятъ обыкновенно, *безразличное* для субъекта.

Уже изъ прежнихъ моихъ писемъ вы знаете, что терминомъ *представленіе* (Vorstellung) обозначается воспроизведеніе ощущенія органовъ чувствъ (Sinnesorgane); теперь я обращу ваше вниманіе только на то, что, согласно опредѣленію этому, всякое удовольствіе, неудовольствіе и т. п. остается представленію совершенно чуждымъ. Вы знаете также, что терминъ *мышленіе*

(Denken) прилагался всегда къ операціи надъ элементарными психическими данными, такъ что *ложное* мышленіе такъ же охватывается имъ, какъ и правильное, не исключается, какъ это бо́льшею частью дѣлаютъ.

Наибольшія трудности представляетъ различеніе хотѣнія или воли (Begehren oder Wollen) отъ другихъ психическихъ явленій, а потому я и остановлюсь на немъ подолѣе.

Понятіе *воли* у психологовъ разныхъ школъ весьма часто смѣшивается съ понятіемъ *выбора* или *рѣшенія*. Смѣшеніе это нерѣдко стушовывается тѣмъ, что проявленіямъ воли въ различные моменты развитію индивида придаются различныя названія: инстинктивныя стремленія, желанія, хотѣнія, побужденія, и затѣмъ уже воля или даже свободная воля. Безъ точнаго опредѣленія всѣхъ этихъ терминовъ они могутъ показаться соотвѣтствующими реальностямъ и при отсутствіи критики надолго оставаться въ обращеніи, сохраняя смыслъ, неправильно имъ присвоенный. Не трудно видѣть однако же, что всѣ сознательныя и безсознательныя проявленія, которыя мы называемъ стремленіями, хотѣніями, побужденіями и т. п., ничѣмъ не различаются отъ тѣхъ проявленій, которыя мы считаемъ проявленіями воли, и всѣ имѣютъ тотъ общій характеристическій признакъ, что всѣ одинаково направлены *къ измѣненію настоящаго состоянія* и *устремлены къ будущему*. Мы обобщаемъ всѣхъ ихъ въ понятіе воли, которая и является, такимъ образомъ, сравнительно-простымъ—а безъ сведенія къ физіологическимъ основамъ—элементарно-простымъ фактомъ нашей психической жизни, тогда какъ фактъ рѣшенія или выбора заключаетъ въ себѣ различные составные элементы, и въ числѣ ихъ—и элементъ воли. Выборъ, или рѣшеніе, какъ видно изъ этого, такой простоты имѣть не можетъ. Смѣшеніе очевидно, и произвольность устраненія анализа явленія, совмѣщающаго въ себѣ нѣсколько элементовъ, каково рѣшеніе, сразу бросается въ глаза. Безъ устраненія этого смѣшенія развитіе той психологической теоріи, въ которое оно впуталось, невозможно. Для подкрѣпленія сказаннаго замѣчу еще, что большая часть рѣшеній, принимаемыхъ человѣкомъ, наступаетъ только тогда, когда первое естественное побужденіе, т.-е. проявленіе воли, уже подавлено, и нельзя не признать поэтому, что выборъ и рѣшеніе могутъ очень часто прямо противополагаться волѣ. Если въ этомъ случаѣ стараются сблизить актъ рѣшенія и актъ воли тѣмъ, что предполагаютъ въ

субъектѣ два противоположныя направленія воли, и перевѣсъ одного направленія надъ другимъ приписываютъ вмѣшательству рѣшающаго разсудка и, такимъ образомъ, вводятъ, по крайней мѣрѣ, волю въ рѣшеніе, то какимъ образомъ, спрашивается, можетъ быть ослаблена противоположность воли и выбора въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности ввести въ выборъ элементъ воли? Такъ, если, напримѣръ, преисполненному желанія жить человѣку, приходится попасть въ такое положеніе, въ которомъ ему остается выбирать тотъ или другой родъ смерти? Итакъ, *выбирать*, *рѣшать*, можно и противъ воли, или, другими словами, воля можетъ стоять въ прямой противоположности къ принимаемому рѣшенію или дѣлаемому выбору [1]).

Что же касается отрицанія приведенной выше характеристической черты воли, заключающейся въ томъ, что она всегда устремлена къ будущему, то отрицаніе это отчасти находится въ связи съ только-что указаннымъ смѣшеніемъ понятій, отчасти зависитъ отъ недостатка анализа взятыхъ для примѣра конкретныхъ случаевъ. Такъ, утверждали, что «обманчивое отношеніе къ будущему нисколько не необходимо волѣ; данное состояніе, изъ котораго мы не хотимъ выходить или въ которомъ мы предпочитаемъ оставаться, есть также постоянный *предметъ воли*, и мученикъ, претерпѣвающій страданіе, отъ котораго онъ могъ бы уклониться, противопоставляетъ всю силу своей воли страданію, уже испытываемому имъ и которое еще будетъ про-

---

[1]) Смѣшеніемъ понятій, на которыя я здѣсь указываю, грѣшитъ между прочимъ и Фрицъ Шульце, на сочиненіе котораго я указывалъ вамъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ. Ошибку Шульце не трудно исправить, обративъ вниманіе на то, что первобытный человѣкъ или дикарь, вслѣдствіе скудости представленій, которыми онъ обладаетъ, и низкой степени развитія мышленія, имѣетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможность осложнять принимаемыя имъ рѣшенія и дѣлаемые имъ выборы вмѣшательствомъ разсудка, а большею частью постановляетъ ихъ, соображаясь съ одними только хотѣніями, т.-е. переходитъ отъ этихъ послѣднихъ къ дѣйствію непосредственно. Итакъ, узость умственнаго горизонта и связанная съ ней непосредственность дѣятельности обусловливаетъ какъ простоту и элементарность удовлетворенія хотѣній дикаря, такъ и неумѣренность и необузданность этого удовлетворенія. Внесеніемъ указываемой мною поправки вполнѣ возстановляется согласованіе воззрѣній Шульце съ психологическою теоріею Гёринга, и прекрасное изслѣдованіе Шульце о фетишизмѣ пріобрѣтаетъ значеніе немаловажнаго подтвержденія этой теоріи.

должаться» (Lotze. Medicinische Psychologie. S. 300). Когда мы не стремимся выйти изъ какого-нибудь состоянія, возражаетъ на это замѣчаніе К. Гёрингъ, то оно можетъ быть для насъ безразлично, и въ такомъ случаѣ воля наша не имѣетъ къ нему никакого отношенія; когда же мы въ немъ удерживаемся, то тѣмъ самымъ заявляемъ, что продленіе его въ будущемъ было бы сообразно нашей волѣ. При этомъ, понятно, мы можемъ и не думать о будущемъ, такъ какъ продленіе возможно только въ будущемъ. Такъ называемое довольство настоящимъ положеніемъ, только повидимому устраняетъ дѣятельность воли, ибо такое довольство всегда предполагаетъ направленіе воли къ его продленію; если такого продленія затѣмъ не оказывается, то и наступаетъ *недовольство*. Въ примѣрѣ мученика, очевидно, смѣшивается *средство* удовлетворенія воли съ *предметомъ* воли; мученикъ ставитъ себѣ цѣлью, конечно, не *страданіе*, но *будущую* жизнь, для достиженія которой *средствомъ* ему служитъ *страданіе*. Итакъ, *желаетъ* онъ будущей жизни, согласно съ ученіемъ своей вѣры; но *избираетъ* онъ страданіе, которое выпало ему на долю условіями жизни и которое указано вѣроученіемъ его, какъ вѣрное средство для достиженія его цѣли.

Обращаясь снова къ наблюденіямъ Кусмауля, мы, вслѣдъ за Гёрингомъ, можемъ высказать убѣжденіе, что *ощущенія*, *чувства* и *хотѣнія* не могутъ не быть признаны несомнѣнными проявленіями психической жизни новорожденныхъ. Проявленія эти у новорожденныхъ до такой степени сходственны съ проявленіями того же рода у взрослыхъ, что едва ли возможно сомнѣваться въ одинаковости ихъ причинъ. Совсѣмъ иначе должны мы отнестись къ *представленіямъ*, насколько мы различили ихъ отъ ощущеній и чувствъ. Представленія, очевидно, возникаютъ изъ ощущеній и чувствъ постепенно; прежде другихъ являются чувственныя представленія и притомъ самыя простѣйшія.

Элементарными функціями ребенка въ первую пору его жизни слѣдуетъ считать, такимъ образомъ, ощущенія, чувства и хотѣнія, соотношеніе которыхъ между собою и предстоитъ изслѣдовать. Прямыя наблюденія въ этой области, какъ это показываетъ природа самаго предмета, должны быть пополнены выводами, сдѣланными изъ наблюденій надъ жизнью взрослыхъ по аналогіи. Простота лежащихъ въ основѣ психическихъ отношеній служитъ однако ручательствомъ того, что ложныя заклю-

ченія если и не могутъ всегда быть избѣгнуты, то легко могутъ быть замѣчены. Притомъ же всякій имѣетъ полную возможность провѣрить ихъ собственными наблюденіями, такъ какъ дѣло идетъ о фактахъ, повседневно повторяющихся въ жизни новорожденныхъ ребятъ.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Понятіе воли есть основное понятіе психологической теоріи Гёринга, оно придаетъ ей единство, и изъ него вытекаютъ всѣ ея характеристическія особенности. Теорія Гёринга, какъ видно изъ этого, отличается отъ мистико-метафизическихъ теорій своимъ монизмомъ, а отъ другихъ, подобно ей ищущихъ обосноваться на наукѣ, тѣмъ, что ея монизмъ сводитъ психическую жизнь не на жизнь чувствъ, но на жизнь побужденія или воли, подчиняя этому фактору и чувство, и мышленіе. Само собою разумѣется при этомъ, что подъ волею Гёрингъ не разумѣетъ никакой сущности, т.-е. предполагаетъ неизбѣжность сведенія воли къ ея физіологическимъ основамъ—процессамъ организма. По этой причинѣ ошибочно было бы видѣть въ теоріи Гёринга воспроизведеніе или обновленіе ученія Шопенгауэра, съ которымъ Гёрингъ расходится въ самыхъ краеугольныхъ принципахъ философіи. Между мыслителями этими существуетъ только нѣкоторая генетическая связь, заключающаяся въ преемствѣ тѣхъ изъ идей Шопенгауэра, которыя могутъ быть поддержаны опытною наукою и притомъ, разумѣется, съ тѣми измѣненіями и поправками, которыя являются необходимыми послѣдствіями провѣрки этихъ идей посредствомъ научнаго метода. Такъ, психологическій монизмъ у Гёринга обусловленъ, такъ же какъ у Шопенгауэра, волею; но кто сравнитъ понятіе воли у Гёринга и у Шопенгауэра, тотъ легко убѣдится въ рѣзкомъ ихъ различіи, а въ сочиненіяхъ Гёринга найдетъ такія сужденія о метафизической сторонѣ ученія Шопенгауэра, которыя разсѣютъ и послѣднія сомнѣнія, могущія еще оставаться въ этомъ отношеніи.

Устранивъ въ предшествовавшемъ письмѣ смѣшеніе понятій воли и выбора, я могу перейти теперь къ ближайшему разсмотрѣнію явленій, имѣющихъ связь съ тѣмъ моментомъ психиче-

ской жизни, который мы имѣемъ въ виду изучить. Хотѣніе, побужденіе, стремленіе и т. д., вообще все то, что подводится подъ одно общее понятіе *воли*, считается въ обыденной жизни слишкомъ хорошо извѣстнымъ непосредственно и потому не стоющимъ особеннаго вниманія. Замѣчая, что присутствіе какого бы то ни было побужденія или хотѣнія опредѣляется нами безъ посредства разсудка, мы легко упускаемъ изъ виду, что умѣнье опредѣлять присутствіе побужденія и его направленіе есть продуктъ опыта и что безъ этого послѣдняго мы не могли бы знать о присутствіи въ насъ того или другаго побужденія. Такъ, напримѣръ, намъ кажется, что желаніе ѣсть, голодъ, мы сознаемъ непосредственно, но, всматриваясь внимательнѣе, мы легко можемъ замѣтить, что непосредственно сознаемъ мы только одно непріятное чувство и ничего болѣе. Толкованіе, которое мы даемъ этому чувству, основывается на предшествующемъ опытѣ, въ чемъ вполнѣ можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что новорожденный ребенокъ испытываетъ точно такое же чувство, не сознавая однако-же, что въ основѣ его лежитъ хотѣніе, и именно хотѣніе ѣсть, голодъ. Поэтому-то ребенокъ, котораго бы предоставили его собственной судьбѣ, не сознавалъ бы ничего болѣе, кромѣ тягостнаго ощущенія и умеръ бы, не имѣя даже темнаго предчувствія о связи мучащаго его ощущенія съ побужденіемъ къ ѣдѣ. Только тогда, когда испытываемое чувство будетъ удовлетворяться при посредствѣ постороннеи помощи, научится ребенокъ знать связь между чувствомъ и волею, научится по чувствамъ *заключать* о волѣ.

То, чему научаетъ анализъ явленія голода, можетъ быть подтверждено и анализомъ всѣхъ другихъ побужденій: всегда и во всякомъ случаѣ мы можемъ убѣдиться, что чувство удовольствія или неудовольствія возникаетъ только тогда, когда существуетъ какое-нибудь побужденіе, все равно—сознано ли это послѣднее или нѣтъ. Убѣжденіе въ вѣрности такого взгляда встрѣчаетъ очень часто затрудненія и иногда затемняется по той причинѣ, что человѣкъ очень склоненъ не только объективировать все даваемое ему сознаніемъ, но еще и предполагать, что отсутствующее въ сознаніи вовсе не существуетъ. Въ дѣйствительности знаніе побужденія является только благодаря опыту, и только черезъ его посредство побужденіе *сознается*, т.-е. принимается субъектомъ какъ таковое. Это обстоятельство не имѣетъ однако-же ровно никакого значенія по отношенію къ *существова-*

нію этого побужденія; оно существуетъ объективно, хотя субъектомъ не сознается. Констатируя существованіе безсознательныхъ побужденій или безсознательной воли, слѣдуетъ еще замѣтить, что объективно сознательная воля ничѣмъ не отличается отъ безсознательной; различіе это существуетъ и имѣетъ значеніе не по отношенію къ волѣ, и исключительно для одного только субъекта.

Итакъ, можно утверждать, что всякое побужденіе, хотѣніе и т. д., что воля вообще сама по себѣ безсознательна, и можетъ быть сознана только *посредственно*, при помощи опыта. Шопенгауэръ, какъ замѣчаетъ и К. Гёрингъ, впервые установилъ ученіе о безсознательной волѣ и положилъ его въ основаніе метафизической системы, оспариваемой во многихъ отношеніяхъ; это ученіе, вслѣдствіе такой связи его съ системой, большею частью не подвергается отдѣльному испытанію, но отвергается вмѣстѣ съ системой. Въ новѣйшее время оно было возстановлено Гартманомъ и снова стало элементомъ метафизической системы, съ которою ему и пришлось бы дѣлить свою участь попрежнему, если бы Гёрингъ не выдѣлилъ его изъ области метафизики и не ввелъ въ психологію, которой оно дѣйствительно и принадлежитъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и далъ ему опоры научной доказательности, и въ этомъ смыслѣ и сдѣлалъ его однимъ изъ основныхъ положеній своей психологической теоріи. Такимъ образомъ, подъ понятіемъ безсознательной воли слѣдуетъ здѣсь разумѣть принципъ исключительно психологическій и не распространять его за предѣлы науки о психическихъ явленіяхъ, гдѣ, руководясь одною аналогіею, можно только строить такого рода гипотезы, которыя всегда будутъ давать въ результатѣ однѣ только фикціи.

Такъ какъ воля есть явленіе безсознательное, т.-е. такое, знать которое непосредственно мы не можемъ, а принуждены *заключать* о его присутствіи, то, очевидно, всегда представляется возможность дѣлать ошибочныя заключенія и слѣдовательно, ошибочно судить о своей собственной волѣ. Случаи эти такъ же хорошо извѣстны обыденному мышленію, какъ и непонятны для него. Если бы воля была сознаваема непосредственно, то ошибки по отношенію къ ней были бы невозможны, и тѣмъ болѣе, что субъективныя ея свойства совершенно не допускаютъ объективнаго корректива. Изъ этого видно, что о самой по себѣ истинной или ложной волѣ не можетъ быть и рѣчи, можно го-

ворить только о томъ или иномъ заключеніи о волѣ со стороны субъекта. Если бы возможно было имѣть о волѣ такія же непосредственныя воспріятія, какъ о чувствѣ или представленіи, то о ней такъ же невозможно было бы ошибаться, какъ и о нихъ. Слѣдовательно, чтобъ убѣдиться въ существованіи посредствующаго момента въ сознаніи воли, надо имѣть факты, доказывающіе возможность ошибочныхъ заключеній о своей собственной волѣ.

Факты такого рода даются намъ опытомъ и наблюденіемъ, и въ обыденной жизни да такой степени извѣстны, что никто, конечно, не станетъ и спорить, что мы очень часто сами не знаемъ, чего намъ собственно хочется; иногда даже кажется, что намъ хочется чего-нибудь совершенно противоположнаго дѣйствительному нашему хотѣнію, и только чувство удовольствія или неудовольствія можетъ навести насъ на вѣрное заключеніе о существующемъ въ насъ проявленіи воли. Какъ примѣръ ошибочнаго заключенія, Гёрингъ приводитъ, вслѣдъ за Гартманомъ, заблужденіе, легко возникающее у лицъ, получающихъ отъ умирающихъ родныхъ наслѣдство. Лица эти нерѣдко очень удивляются, замѣчая, что того душевнаго состоянія, которое они считали для себя непзбѣжнымъ вслѣдъ за смертью этихъ родныхъ, въ дѣйствительности вовсе не оказывается. Не менѣе ярко обнаруживается такая ошибка и въ сужденіи о самомъ сильномъ изъ хотѣній, о хотѣніи жить. Какъ бы ни страдалъ какой-нибудь больной, какъ бы ни ждалъ онъ смерти, видя въ ней единственнаго своего избавителя, какъ бы твердо ни рѣшился онъ спокойно встрѣтить свой смертный часъ, но когда часъ этотъ наступаетъ, онъ оказывается всегда преждевременнымъ и предполагавшееся желаніе умереть быстро превращается въ желаніе прямо ему противоположное. Наконецъ, можно указать еще на ошибки, происходящія отъ заключеній о будущемъ по одной аналогіи съ прошедшимъ; случается, напримѣръ, что предполагаемаго на основаніи аналогіи удовольствія не оказывается въ дѣйствительности, а его мѣсто занимаетъ безразличное состояніе или даже неудовольствіе: воля, очевидно, независимо отъ знанія субъекта, претерпѣла въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе коренное измѣненіе.

Только что сдѣланное замѣчаніе можетъ быть иллюстрировано примѣромъ, приводимымъ у Спенсера для иныхъ цѣлей, въ одномъ изъ лучшихъ его этюдовъ: «Обычаи и приличія» (Русск.

перев. соч. Спенсера, вып. II, стр. 399). Позвольте мнѣ привести этотъ отрывокъ, какъ наглядное подтвержденіе этого взгляда.

«Кто изъ насъ, перебирая тѣ случаи, когда онъ дѣйствительно наслаждался высшими общественными удовольствіями, говоритъ Спенсеръ, не убѣдится, что они были вполнѣ не формальны, являлись даже можетъ быть совсѣмъ невзначай. Какъ веселъ дружескій пикникъ, на которомъ забываются всѣ приличія, кромѣ тѣхъ, какія предписываются добродушіемъ! Какъ пріятны бываютъ небольшія, безцеремонныя чтенія и подобныя имъ сборища, или просто случайныя сходки немногихъ, хорошо знакомыхъ между собой людей! Въ этихъ случаяхъ мы можемъ видѣть, какъ человѣка оживляетъ внѣшность его друга. Щеки пылаютъ, глаза горятъ, остроуміе блещетъ, даже меланхолики возбуждаются къ веселымъ рѣчамъ. Является изобиліе предметовъ для разговора; и вѣрныя мысли, и соотвѣтственныя имъ вѣрныя слова приходятъ сами собой. Глубокомысліе смѣняется весельемъ: то идетъ серьезный разговоръ, то являются шутки, анекдоты и игривыя насмѣшки. Тутъ выказываются лучшія стороны каждаго изъ собесѣдниковъ; лучшія чувства каждаго изъ нихъ возбуждаются къ пріятной дѣятельности, и жизнь становится всѣмъ мила. Теперь ступайте одѣваться на обѣдъ къ половинѣ девятаго, или на вечеръ къ десяти часамъ; и не забудьте явиться туда въ безукоризненномъ нарядѣ, имѣя каждый волосокъ причесаннымъ въ совершенствѣ. Какъ велика разница! Удовольствіе представляется въ обратномъ отношеніи къ приготовленіямъ. Всѣ эти фигуры, разряженныя съ такой тщательностью и аккуратностью, кажутся едва живыми. Онѣ заморозили другъ друга своимъ превосходствомъ; и способности ваши чувствуютъ оцѣпеняющее дѣйствіе этой атмосферы, какъ только вы вошли въ залу. Мысли, столь живыя и легкія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, исчезли,—онѣ внезапно пріобрѣли сверхъестественную силу убѣгать отъ васъ. Если вы рискнете обратиться съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ къ вашему сосѣду, вы получите пошлый отвѣтъ, и тѣмъ дѣло кончится. На какой бы предметъ для разговора вы ни напали, онъ едва переживаетъ полдюжины фразъ. Что бы вамъ ни говорили, ничто не возбуждаетъ въ васъ живого интереса, и вы чувствуете, что все, что вы станете говорить, выслушается безучастно. Вещи, которыя обыкновенно доставляютъ удовольствіе, точно какимъ-то страннымъ чудомъ потеряли свою прелесть. Вы любите искусство.

Утомленные пустымъ разговоромъ, вы подходите къ столу, и находите, что книга съ гравюрами и портфель съ фотографіями столь же плоски, какъ и разговоръ. Вы любите музыку. Однако вы слушаете пѣніе, какъ бы хорошо оно ни было, съ полнымъ равнодушіемъ; и говорите «благодарю васъ», сознавая въ душѣ, что вы великій лицемѣръ. Какъ бы хорошо вы себя ни чувствовали, вы сознаете, что ваши симпатіи не допускаютъ полнаго удовлетворенія. Вы видите молодыхъ джентльменовъ, пробующихъ, хорошо ли завязанъ ихъ галстукъ, тупо озирающихся и размышляющихъ о томъ, что имъ дѣлать. Вы видите дамъ, тоскливо сидящихъ въ ожиданіи, чтобы кто-нибудь заговорилъ съ ними, и жалѣющихъ о томъ, что имъ нечѣмъ занять свои пальцы. Вы видите хозяйку, стоящую около дверей, съ постоянной, искусственной улыбкой на лицѣ, и терзающую мозгъ свой, чтобы найти необходимыя безсмыслицы для привѣтствія входящихъ гостей. Вы видите безчисленныя черты утомленія и неловкости, и если въ васъ есть хотя сколько-нибудь сочувствія, то онѣ не могутъ не произвести и въ васъ чувства унынія. Это—заразительная болѣзнь, дѣлайте что хотите, вы не устоите противъ всеобщей заразы. Вы боретесь съ ней; вы дѣлаете судорожныя усилія быть веселымъ; но ни одна изъ вашихъ остроумныхъ выходокъ или веселыхъ разсказовъ не въ состояніи вызвать что-нибудь, кромѣ тупой улыбки или принужденнаго смѣха; умъ и чувство равно задушены. И когда, наконецъ, уступая своему отвращенію, вы бѣжите вонъ, какое облегченіе вы чувствуете, выйдя на свѣжій воздухъ и видя звѣзды! Какъ искренно вы говорите: «слава Богу, кончено!» и рѣшаетесь избѣгать на будущее время всей этой скуки. Въ чемъ же, наконецъ, тайна этой постоянной неудачи и разочарованія? Не виноваты ли тутъ всѣ эти ненужные аксессуары, эти изысканные наряды, эти установленныя формы, эти приготовленія, сопряженныя съ такими издержками, эти различныя выдумки и устройства, предполагающія столько хлопотъ и возбуждающія столько ожиданій? Кто, проживъ лѣтъ тридцать, не знаетъ, что удовольствіе скромно и что его надо не преслѣдовать открыто, а поймать невзначай? Звуки уличной шарманки, раздающіеся во время вашей работы, часто бываютъ пріятнѣе, нежели избраннѣйшая музыка, исполненная въ концертѣ самыми искусными музыкантами. Одна хорошая картина въ окнѣ магазина можетъ доставить болѣе живое удовольствіе, нежели цѣлая выставка, кото-

рую вы осматриваете съ каталогомъ и карандашомъ въ рукѣ. Покуда мы приготовляемъ нашъ сложный снарядъ для пріобрѣтенія счастья,—счастіе уже улетѣло».

Все сказанное до сихъ поръ о проявленіяхъ воли можетъ убѣдить насъ несомнѣнно, что воля находится въ полной независимости отъ нашего мышленія, и что поэтому она не можетъ сдѣлаться предметомъ представленія, а мыслится непремѣнно какъ понятіе, всѣ же отличительные признаки ея невольно заимствуются или изъ области чувства, или изъ области мысли. Въ дѣйствительности, однако-же, воля при вступленіи въ область сознанія не претерпѣваетъ никакого измѣненія, какъ этому и научаетъ насъ опытъ. Сознаніе присутствія воли и не слѣдуетъ относить къ ея характеристическимъ чертамъ, такъ какъ сознаніе это—дѣло субъекта, а по отношенію къ волѣ оно лишено всякаго значенія и представляется моментомъ чисто случайнымъ. Отъ сознанія или несознанія воли зависитъ изысканіе средствъ удовлетворенія воли; но оба эти субъективныя состоянія не имѣютъ никакого вліянія на присутствіе или отсутствіе воли, или на степень интенсивности ея напряженія. Такъ, сознаніе голода можетъ привести къ отысканію средствъ питанія, но не можетъ устранить самый голодъ или же ослабить его. И самонаблюденіе, и наблюденіе надъ маленькими дѣтьми не оставляютъ по отношенію къ этому допросу никакого сомнѣнія.

Отвергая всякую связь между волею и сознаніемъ, Гёрингъ выставляетъ на видъ тѣсную связь между нею и чувствомъ,—связь, которую вы успѣли уже подмѣтить, конечно, изъ предшествовавшихъ указаній. Приступая къ характеристикѣ основныхъ чертъ этой связи, я прошу васъ возобновить въ вашей памяти наблюденія Кусмауля, о которыхъ говорено было въ предшествовавшемъ письмѣ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что маленькій ребенокъ *крикомъ* своимъ выражаетъ безпокоющее его непріятное *чувство*, и въ житейской практикѣ очень хорошо знаютъ о связи этого внѣшняго *проявленія* съ внутреннею его *причиною*. Знаніе этой связи не удовлетворяетъ однако-же ближайшихъ къ ребенку лицъ, и забота ихъ направляется обыкновенно къ открытію *причины* безпокоющаго дитя *чувства*, чтобы вмѣстѣ съ устраненіемъ этой *причины* устранить и ея *дѣйствіе*. Такъ какъ крики ребенка въ большей части случаевъ означаютъ присутствіе голода, и такъ какъ такое ихъ значеніе подтверждается послѣд-

ствіями утоленія голода—прекращеніемъ непріятнаго чувства и замѣною его чувствомъ удовольствія, то и выясняется, что *непріятное чувство*, обусловливавшее *крики*, само было обусловлено побужденіемъ къ пищѣ, *хотѣніемъ* ѣсть, голодомъ. Такимъ образомъ, *побужденіе* является какъ *причина*, а соотвѣтствующее *чувство* какъ дѣйствіе, именно: пріятное чувство, какъ дѣйствіе побужденія удовлетвореннаго, непріятное—какъ дѣйствіе побужденія неудовлетвореннаго.

Нерѣдко и здоровое дитя обнаруживаетъ признаки неудовольствія и послѣ удовлетворенія безпокоившаго его хотѣнія; тѣ изъ окружающихъ ребенка, которые имѣли уже случай наблюдать такія явленія, признаютъ ихъ за признаки *стремленія* къ удовлетворенію потребностей органовъ чувствъ. Стремленіе это, такъ легко поддающееся обыкновенной наблюдательности, признается и физіологами, и психологами, насколько они не закрываютъ отъ себя дѣйствительности метафизическими предвзятіями. Извѣстный физіологъ Рокитанскій опредѣляетъ эти стремленія, какъ первоначальныя стремленія чувствъ къ дѣятельности (Цит. у Гёринга: System, I S. 51). Г. Сѣченовъ, въ своихъ «Психологическихъ этюдахъ», называетъ ихъ «активными стремленіями къ внѣшнему міру». «Извѣстно изъ наблюденій надъ взрослымъ человѣкомъ, надъ ребенкомъ и надъ животными—говоритъ онъ—что первымъ условіемъ для поддержанія матеріальной цѣлости, слѣдовательно, и функцій всѣхъ нервовъ и мышцъ безъ исключенія, необходимо соотвѣтственное упражненіе этихъ органовъ; такъ, на зрительный нервъ долженъ дѣйствовать свѣтъ, движущій нервъ долженъ быть возбуждаемъ и его мышца должна сокращаться и пр. Съ другой стороны, знаютъ, что въ случаѣ насильственнаго прекращенія упражненій котораго бы то ни было изъ этихъ органовъ, въ человѣкѣ является *тягостное чувство*, заставляющее его искать недостающаго упражненія. Явно, слѣдовательно, что ребенокъ относится къ внѣшнимъ вліяніямъ *не пассивно*. При томъ нетрудно понять, что *стремленія его къ внѣшнему міру* суть явленія *инстинктивныя*, *невольныя* [1]), и *въ случаѣ если они удовлетворяются*, т.-е. *вызы-*

[1]) Этотъ терминъ г. Сѣченова по мысли своей вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Гёринга, хотя, повидимому, противорѣчитъ его терминологіи; ясно, что «невольный» въ настоящемъ случаѣ значитъ—необусловленный рѣшеніемъ, независимый отъ выбора.

ваютъ какое-нибудь движеніе въ ребенкѣ, носятъ вполнѣ характеръ рефлекса. Нѣтъ сомнѣнія, что полная зависимость ребенка отъ этихъ *инстинктивныхъ стремленій* и придаетъ дѣтству особенно подвижной характеръ...» (стр. 49—50). Бенеке въ «Neue Psychologie» (Цит. у Гёринга, тамъ же) говоритъ: «Наконецъ, достигаемъ мы духовно-чувственныхъ первоначальныхъ способностей, какъ элементарно-чувственной основы ощущеній. По существенной природѣ своей они обнаруживаются какъ *стремленія*. Человѣческая душа относится къ возбужденіямъ, приходящимъ извнѣ, не пассивно, но *стремится самостоятельно* имъ на встрѣчу—зрѣніе къ свѣту, слухъ къ звукамъ и т. д. Стремленія эти обнаруживаются въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ разсматривать ихъ какъ бы сквозь увеличительное стекло, а именно, когда они, оставаясь неудовлетворенными, накопляются въ большомъ количествѣ; безпокойство, возникающее при этомъ, можетъ достичь различныхъ степеней напряженія, можетъ довести даже до отчаянія, влекущаго къ самоубійству. Итакъ, душа обладаетъ первоосновными силами, вся состоитъ изъ силъ или изъ совокупности силъ, которыя опредѣляются какъ стремленія»[1]).

Приведенныя здѣсь указанія на характеръ и значеніе присущихъ организму «стремленій», какъ связанныхъ ближайшимъ образомъ съ нашими органами чувствъ, такъ и всѣхъ другихъ—стремленій къ питанію, движенію, сношенію съ себѣ подобными, и т. д. [2])—приводятъ насъ къ совершенно опредѣленному различенію формальнаго единства этихъ стремленій, представляющихся нашему сознанію, и объективной сложности ихъ, какъ физіологическихъ процессовъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи показываютъ не менѣе ложное различеніе первичнаго

---

[1]) Терминологія Бенеке, очевидно, не строго научна, но это нисколько не вредитъ вѣрности его наблюденій въ данномъ случаѣ.

[2]) Къ числу присущихъ человѣческой природѣ побужденій или стремленій относится также и побужденіе къ знанію, любознательность. Побужденіе это пріобрѣтаетъ самостоятельность только тогда, когда воспослѣдуетъ относительное удовлетвореніе другихъ побужденій. По основнымъ своимъ свойствамъ оно нисколько не отличается отъ другихъ побужденій и силою своею часто превосходитъ ихъ. Прежде всего побужденіе къ знанію ищетъ всеобщаго и абсолютнаго удовлетворенія и при посредствѣ мышленія изыскиваетъ для достиженія этой недоступной цѣли свои собственныя средства и создаетъ мистическія и метафизическія иллю-

явленія, опредѣляемаго какъ стремленіе, и вторичнаго—какъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе этого стремленія, перваго недостигающаго непосредственно сознанія, второго—сознательнаго. Сложность акта воли въ физіологическомъ отношеніи опредѣляется въ наукѣ какъ сплетеніе ассоціаторныхъ и рефлекторныхъ процессовъ (см. Kussmaul, Die Störungen der Sprache. S. 14); что же касается до психологическаго вопроса объ отношеніи воли къ чувству, то мы разсмотримъ его теперь, руководствуясь изслѣдованіями К. Гёринга.

Связь между побужденіемъ, хотѣніемъ, стремленіемъ, волею вообще и чувствомъ Гёрингъ опредѣляетъ какъ связь причинную, а это значитъ, что гдѣ имѣетъ мѣсто воля, тамъ есть и чувство, и наоборотъ—присутствіе чувства даетъ основаніе заключить о присутствіи воли. Разсматривая чувства, мы различаемъ пріятныя чувства отъ непріятныхъ и связываемъ ихъ съ удовлетворенною или неудовлетворенною волею, и находимъ подтвержденіе такого взгляда какъ въ фактахъ, доставляемыхъ жизнью маленькихъ дѣтей, такъ и въ фактахъ, которые мы можемъ наблюдать въ жизни первобытныхъ, непосредственныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, вся дѣятельность человѣка, пребывающаго еще въ естественномъ, первобытномъ состояніи, обращена всегда на поддержаніе пріятнаго чувства или удовольствія и на недопущеніе и устраненіе непріятнаго чувства или неудовольствія, что совершенно подтверждается опытомъ и служитъ достаточнымъ доказательствомъ тождества воли сознаваемой и воли несознаваемой. По этой причинѣ и слѣдуетъ подвести подъ одно понятіе воли всѣ оттѣнки ея, выражаемые словами: побужденіе, страсть, склонность, хотѣніе, стремленіе, вожделѣніе и т. п., всѣ они очевидно относятся все къ той же волѣ. Вмѣ-

---

зіи, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія. Иллюзіи эти возникаютъ и держатся тѣмъ легче, что въ области мысли мирно совмѣщаются самыя рѣзкія противорѣчія, не вытѣсняя одно другое, подобно объектамъ въ мірѣ дѣйствительномъ; свѣтъ преодолѣваетъ здѣсь тьму не легко и не скоро. Слѣпота побужденія къ знанію раскрывается только для критической мысли, и раскрывается въ размѣрахъ нежданныхъ и поразительныхъ. Она сказывается не только въ возможности удовлетворяться иллюзіями, но и въ принятіи наслажденія, доставляемаго удовлетвореніемъ побужденія, за достиженіе цѣли этого побужденія, какъ это видно изъ примѣра даже такого высокаго ума, какъ Лессингъ, который поиски за истиной предпочиталъ полному достиженію ея.

стѣ съ отверженіемъ различія сознательной воли отъ безсознательной, отвергается и различіе высшей воли, подъ которою обыкновенно разумѣютъ волю сознательную, и нисшей, подъ которой разумѣютъ волю безсознательную. Вмѣсто такого различія выступаетъ различіе воли и разсудка. Различіе это характеризуется прежде всего отношеніемъ воли и разсудка къ чувству: воля, какъ только что было замѣчено, тѣсно связана съ чувствомъ, характеръ котораго опредѣляется удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ ея; но характеръ чувства остается вполнѣ независимымъ отъ сознанія и остается неизмѣннымъ какъ до сознанія воли, такъ и послѣ сознанія ея; что же касается разсудка, то такого или подобнаго отношенія его къ чувствамъ вовсе не существуетъ.

Если воля и разсудокъ ничего общаго между собою не имѣютъ, то возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ возможно было придти въ утвержденію ихъ тѣсной связи, къ предположенію существованія разсуждающей воли и хотящаго разсудка или, наконецъ, даже къ полному отождествленію разсудка и воли. Объясненіе такого несообразнаго смѣшенія можно найти въ томъ, что разсудокъ и воля всегда были изслѣдуемы не по отношенію къ ихъ собственнымъ, внутреннимъ свойствамъ, а только по одному внѣшнему ихъ проявленію или дѣйствію, именно по *дѣятельности* человѣка, ими обусловливаемой.

Всякое хотѣніе, побужденіе и т. д. обращено всегда на измѣненіе настоящаго состоянія, какъ это и было уже объяснено выше; поэтому-то воля и является мотивомъ дѣятельности. Въ первобытно-естественномъ состояніи, такъ же какъ и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, человѣкъ не знаетъ никакихъ иныхъ побужденій къ дѣятельности—если исключить внѣшнее принужденіе—кромѣ однихъ естественныхъ, и вслѣдствіе этого единственнымъ источникомъ его дѣятельности является воля. Воспитаніе—въ томъ случаѣ, когда оно ведено правильно и когда оно ставитъ себѣ цѣлью подчиненіе естественныхъ побужденій господству разсудка — измѣняетъ такое положеніе вещей; развитіемъ разсудка человѣкъ достигаетъ сравнительной независимости по отношенію къ своимъ побужденіямъ и начинаетъ дѣйствовать не подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ, но на основаніи мотивовъ, доставленныхъ ему объективно - постановляемыми рѣшеніями разсудка. Мотивы дѣятельности у людей нравственныхъ поэтому двояки: они исходятъ или изъ естественныхъ

побужденій, или отъ разсудка. Обыденное мышленіе косвенно признаетъ эту двоякость, выставляя въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя указать ни на внутреннее побужденіе, ни на внѣшнее принужденіе, поводомъ къ дѣятельности необходимость, установленную разсудкомъ. Такъ, напримѣръ, оно указываетъ на цѣлесообразность дѣйствія и этою цѣлесообразностью объясняетъ необходимость рѣшенія на поступокъ, противорѣчащій волѣ; «я не хочу, но я долженъ поступить такъ», говорится въ этомъ случаѣ и придается поступку характеръ средства, служащаго къ достиженію позднѣйшей цѣли. Не можетъ быть спора, конечно, что и въ такихъ случаяхъ отдаленною причиною поступка можетъ быть воля; но такое ея вліяніе не должно быть принимаемо въ соображеніе въ настоящемъ разсужденіи, такъ какъ теперь дѣло идетъ о *непосредственныхъ* внутренно-побудительныхъ мотивахъ дѣятельности.

Это обыденное психологическое воззрѣніе держится исключительно потому, что въ случаяхъ, однородныхъ съ приведеннымъ выше, не наблюдается внѣшняго принужденія и человѣкъ предполагается дѣйствующимъ по свободной волѣ, т.-е. дѣйствующимъ согласно съ своею волею, *хотящимъ то, что онъ совершаетъ*. Это наблюденіе, касаясь одной стороны дѣятельности, и вѣрно только относительно ея; но оно не объясняетъ подтверждаемаго и наивнымъ воззрѣніемъ факта, именно, что дѣятельность въ сказанныхъ случаяхъ сопровождается ясно ощутимымъ отвращеніемъ къ ней, явнымъ нехотѣніемъ дѣйствовать. Только вслѣдствіе игнорированія этого факта психологія могла придти къ смѣшенію воли и выбора, на что было уже указано въ предшествовавшемъ письмѣ. На это смѣшеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на такую ошибку, которая легла въ основаніе большей части ложныхъ теорій воли. Въ противоположность этимъ теоріямъ должно быть поставлено и поддержано то воззрѣніе на различіе воли и выбора или рѣшенія, которое уже вамъ извѣстно и которое одно только и распутываетъ всѣ трудности этого вопроса.

Ложныя психологическія теоріи, смѣшивающія волю съ выборомъ или рѣшеніемъ, даютъ, взамѣнъ устраненія необходимаго ихъ различенія, другое различеніе, на ошибочность котораго было уже указано, именно, различеніе воли низшей отъ высшей. Въ этомъ искусственномъ различеніи проявилось столь часто встрѣчающееся въ метафизикѣ и обыденномъ мышленіи стре-

мленіе превращать идеальныя требованія въ естественныя склонности. Искусственность терминовъ заканчиваетъ путаницу въ такомъ рѣшеніи вопроса и упрочиваетъ ее надолго для некритической мысли, тогда какъ вѣрные взгляды остаются мало замѣченными или извращаются. Такъ, въ настоящемъ случаѣ правильное наблюденіе было сдѣлано еще Аристотелемъ, и однакоже и до сихъ поръ еще многими психологами поддерживается противопоставленіе высшей воли, или воли собственно, волѣ нисшей, или хотѣнію, вожделѣнію и т. п.

Дѣятельность мысли—назовемъ ли мы ее разсудкомъ или разумомъ—представляетъ собою, какъ сказано выше, источникъ мотивовъ дѣятельности для тѣхъ людей, которые видятъ необходимость подавленія своей воли и предоставляютъ руководительство своихъ дѣйствій рѣшеніямъ разума. Очень сомнительно, конечно, чтобы когда-либо удалось кому-нибудь до такой степени освободиться отъ вліянія своихъ естественныхъ склонностей и побужденій, чтобы имѣть возможность руководиться исключительно только разумомъ; во всякомъ случаѣ правильное воспитаніе ставитъ человѣка на тотъ путь, двигаясь по которому онъ все болѣе и болѣе приближается къ сказанной цѣли, все болѣе и болѣе одолѣваетъ свою волю и все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе идетъ за разумомъ. Такъ какъ воля—за исключеніемъ тѣхъ побужденій, удовлетвореніе которыхъ служитъ къ поддержанію жизни—подъ вліяніемъ неудовлетворенія ея постепенно слабѣетъ и можетъ, наконецъ, совершенно исчезнуть, то, слѣдовательно, постепенное паденіе силы непосредственныхъ побужденій у нравственнаго человѣка не можетъ не проявиться. И далѣе, такъ какъ при этомъ вырабатываются путемъ привычки новыя пути для направленія по нимъ воли, и такъ какъ слѣдованіе по этимъ путямъ въ силу повторяемости становится все болѣе и болѣе рѣшительнымъ и дѣлается способнымъ уравновѣшивать силу непосредственныхъ склонностей, то для самовоспитанія человѣка и создается идеалъ, къ осуществленію котораго должно стремиться. Какъ только «нравственная воля» достаточно укрѣпится, прежняя борьба съ непосредственными побужденіями мало-по-малу прекращается, напряженная наблюдательность стоявшаго на сторожѣ разума можетъ ослабѣть, и «нравственная воля» получаетъ возможность руководить дѣятельностью человѣка такъ же *безсознательно*, какъ прежде это дѣлалось не-

посредственными побужденіями [1]). Это фактическое преобразованіе воли, достигаемое посредствомъ воспитанія, и дало поводъ къ ошибочному различенію высшей воли отъ нисшей, не имѣющему, какъ вы, конечно, уже въ этомъ достаточно убѣдились, никакихъ основаній.

Изъ этого видно, что по отношенію ко всякой критически мыслящей личности слѣдовало бы различать, какъ на дѣлѣ, такъ и въ терминахъ, мотивы, проистекающіе изъ непосредственныхъ склонностей, отъ мотивовъ, опредѣляемыхъ рѣшеніями разума; но такъ какъ въ распоряженіи обыденнаго мышленія имѣлось одно только слово «воля», и такъ какъ вслѣдъ за мотивами, и того, и другого рода, совершаются дѣйствія, которыя обыкновенно разсматриваются въ повседневной жизни какъ дѣйствія воли, то оба рода мотивовъ и были ложно обозначены однимъ терминомъ *воля*, при чемъ нерѣдко второй родъ воли былъ отождествляемъ съ разумомъ. Не подлежитъ сомнѣнію однако-же, что всякій актъ воли, по устраненіи смѣшенія понятій, на которое было указано, не можетъ представляться результатомъ теоретическаго утвержденія или отрицанія; теорія, напротивъ того, неизбѣжно должна придти къ противоположному результату, т.-е. къ утвержденію, что акты воли возникаютъ совершенно независимо отъ того или иного отношенія къ нимъ разума.

---

[1]) Если вы расширите мысль Гёринга замѣною понятія воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ, понятіемъ болѣе широкимъ, а именно, будете имѣть въ виду вліяніе среды, то вы освѣтите взглядомъ Гёринга цѣлый рядъ фактовъ, представляющихъ немалыя трудности для метафизическихъ психологическихъ теорій. Вы увидите, напримѣръ, что среда, которая была бы лишена паразитизма, могла бы очень часто обязывать отдѣльную личность принимать такія рѣшенія, которыя онъ или вовсе не можетъ принять въ иной средѣ, или, если и принимаетъ по своему почину, вопреки вліянію среды, то дѣлаетъ это неизбѣжно съ большимъ или меньшимъ рискомъ и, слѣдовательно, является нравственнымъ судьей пагубнаго вліянія среды. Вдумавшись въ эту особенность вліянія среды, вы опредѣлите психологическое значеніе вліяній той среды, которую г. Михайловскій подводитъ подъ понятіе «высшаго типа», и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣните и вліяніе среды «нисшаго типа», въ которой вопросъ о средствахъ къ достиженію цѣлей осложненъ до чрезвычайности, но гдѣ цѣли, въ смыслѣ объектовъ принимаемыхъ рѣшеній, стоятъ на уровнѣ первобытной элементарности. При этомъ откроется и вся суть того «raffinement», которое производитъ обаяніе на недальновидныхъ, и тѣ чувства и мысли, которыя возникаютъ у способныхъ отличать фосфорическій блескъ отъ освѣщающихъ и грѣющихъ лучей солнца.

Самонаблюденіе можетъ убѣдить насъ, что мы очень часто констатируемъ въ себѣ побужденіе къ извѣстному дѣйствію, т.-е. утверждаемъ присутствіе акта воли въ данный моментъ и, однако-же, не слѣдуемъ ему, такъ какъ насъ отъ этого удерживаетъ разсудокъ. Точно также и наоборотъ: нерѣдко принимаются рѣшенія для совершенія того или иного дѣйствія, къ которому сознается явное отвращеніе. Такимъ образомъ, рядомъ съ волею стоитъ разумъ, отъ котораго и зависитъ принятіе рѣшенія; и въ этомъ и заключается все, что только есть общаго между волею и разсудкомъ. Но тутъ дѣло идетъ объ одномъ только ихъ взаимномъ вліяніи, о томъ, что всякій объектъ можетъ быть одновременно и объектомъ воли, и объектомъ рѣшенія разсудка, и что воля можетъ иногда возбуждаться черезъ посредство представленій, что скорѣе способствуетъ ихъ различенію, чѣмъ даетъ самомалѣйшій поводъ къ ихъ смѣшенію.

На основаніи фактовъ, на которые было указываемо выше и которые никогда прежде не входили въ изслѣдованіе психологовъ, многіе изъ новѣйшихъ философовъ и психологовъ высказываютъ взглядъ на соотношенія воли и чувствъ съ одной стороны, воли и разума съ другой, въ существенныхъ чертахъ тождественный взгляду Гёринга. Къ числу ихъ относятся два извѣстнѣйшихъ психолога, мнѣнія которыхъ могутъ имѣть въ настоящемъ случаѣ большое значеніе, именно Дж. Ст. Милль и Т. Рибо. Я приведу прежде мнѣніе Милля. «Дѣйствительно ли человѣкъ желаетъ только того, что доставляетъ ему удовольствіе или избавляетъ его отъ страданій?» спрашиваетъ Милль въ своей статьѣ объ «*утилитаризмѣ*» (стр. 346 изд. Ковалевскаго), и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Мы, очевидно, дошли до вопроса о фактѣ и опытѣ, который, какъ и всѣ ему подобные, зависитъ отъ очевидности. Его можно рѣшить только посредствомъ самосознанія и самонаблюденія и при помощи наблюдательности другихъ. Мнѣ кажется, что, обратившись безпристрастно къ этимъ источникамъ очевидности, мы убѣдимся, что желать вещь и находить ее пріятною, чувствовать къ ней отвращеніе и находить ее непріятною—совершенно неразлучныя явленія, или, лучше сказать, части одного и того же явленія, собственно говоря, два различныя названія для того же самаго психологическаго факта. Считать какой-нибудь предметъ желательнымъ (не ради его послѣдствій) и считать его пріятнымъ—одно

и то же, а желать чего-нибудь, что непріятно—физическая и метафизическая невозможность.

«Это кажется мнѣ до того очевиднымъ, что я не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ это оспаривать: мнѣ возразятъ на это, что можно желать чего-нибудь, кромѣ удовольствія и избавленія отъ страданія, но что воля и желаніе не одно и то же, что человѣкъ съ твердою добродѣтелью и установившимися убѣжденіями идетъ къ своей цѣли, не думая объ удовольствіи, которое она можетъ доставить ему, и продолжаетъ поступать такимъ образомъ даже когда это удовольствіе уменьшается вслѣдствіе перемѣнъ въ его характерѣ, притупленія его воспріимчивости, или пересиливается страданіями, сопряженными съ достиженіемъ цѣли. Все это я допускаю, я самъ энергически и рѣшительно утверждалъ это въ другомъ мѣстѣ. Воля—явленіе активное—не то, что желаніе—состояніе пассивной воспріимчивости; и хотя она и составляетъ отрасль желанія, но можетъ пустить корни и отдѣлиться отъ родного ствола, такъ что, преслѣдуя привычную цѣль, мы, вмѣсто того чтобъ хотѣть вещи потому, что желаемъ ее, часто желаемъ только потому, что хотимъ. Но это служитъ только доказательствомъ общеизвѣстнаго факта—силы привычки и не ограничивается одними добродѣтельными поступками. Многое безразличное, что люди дѣлаютъ сперва по какой-нибудь причинѣ, они продолжаютъ дѣлать по привычкѣ. Часто это случается безсознательно, и сознаніе приходитъ только послѣ поступка, иногда съ сознательнымъ хотѣніемъ, которое вошло въ привычку, и дѣйствуетъ въ силу этой привычки, можетъ быть, на перекоръ разумному убѣжденію, какъ часто случается съ людьми, привыкшими къ порочнымъ и вреднымъ слабостямъ. Наконецъ, въ третьихъ, бываетъ, что воля, дѣйствующая по привычкѣ, не противорѣчитъ общему направленію, преобладающему въ другое время, а идетъ согласно съ нимъ; такъ бываетъ у людей твердой добродѣтели, у всѣхъ, кто разумно и постоянно стремится къ опредѣленной цѣли. Различіе между волей и желаніемъ, понятое такимъ образомъ, составляетъ очевидный и въ высшей степени важный психологическій фактъ, который объясняется тѣмъ, что воля, какъ и другія наши способности, можетъ подчиниться привычкѣ и мы можемъ желать по привычкѣ того, чего не желаемъ ради его самого, или желаемъ только потому, что хотимъ этого. Тѣмъ не менѣе справедливо, что воля проистекаетъ первоначально изъ желанія, включая въ него и от-

талкивающее вліяніе страданія, и притягательную силу удовольствія. Возьмемъ теперь въ примѣръ не человѣка, у котораго тверда воля поступать хорошо, а человѣка, у котораго эта воля еще слаба, поддается искушенію и не совсѣмъ надежна; какимъ образомъ укрѣпить ее? Какимъ средствомъ можно укоренить или возбудить волю поступать хорошо тамъ, гдѣ она не довольно сильна? Только заставляя человѣка *желать* добродѣтели; выставляя ее ему въ самомъ пріятномъ, а отсутствіе ея въ самомъ черномъ свѣтѣ; только соединяя понятіе о хорошихъ поступкахъ съ понятіемъ объ удовольствіи, а понятіе о дурныхъ поступкахъ съ мыслью о страданіи; только запечатлѣвая въ умѣ человѣка и показывая ему на опытѣ наслажденіе, естественно заключающееся въ первомъ, и страданіе, соединенное со вторымъ, можно возбудить въ немъ ту волю быть добродѣтельнымъ, которая, окрѣпнувъ, дѣйствуетъ безъ малѣйшей мысли объ удовольствіи или страданіи. Воля есть дитя желанія и выходитъ изъ подъ власти родителя только для того, чтобы подчиниться власти привычки. Результатъ привычки не всегда хорошъ самъ по себѣ, и можно желать, чтобы стремленіе къ добродѣтели сдѣлалось независимымъ отъ удовольствія или страданія только потому, что вліяніе пріятнаго и непріятнаго, возбуждающее къ дѣятельности, очень ненадежно до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ поддержки въ привычкѣ. Одна только привычка придаетъ прочность и чувствамъ, и поступкамъ; и желаніе поступать хорошо должно быть развито въ силу привычки до полной независимости отъ всякихъ постороннихъ побужденій, потому что очень важно имѣть возможность безусловно полагаться на чувства и поступки какъ другихъ, такъ и самихъ себя. Другими словами, такое состояніе воли есть средство къ добру, но не самое добро, и не противорѣчитъ доктринѣ, что для человѣка хорошо только то, что пріятно само по себѣ или служитъ средствомъ къ достиженію удовольствія или устраненію страданія.»

Это толкованіе Милля Гёрингъ признаетъ существенно вѣрнымъ, насколько оно касается объективныхъ различеній. Одно противопоставленіе воли, какъ «активнаго явленія», и желанія, какъ «состоянія пассивной воспріимчивости», требуетъ, очевидно, поправки, такъ какъ желаніе не менѣе активно, чѣмъ воля; что же касается терминологіи, то вы сами могли замѣтить, что все еще употребляется терминъ «воля» вмѣсто «выборъ»

или «рѣшеніе». Ошибку эту не трудно, впрочемъ, исправить, замѣнивъ одинъ терминъ другимъ.

Перейдемъ теперь къ воззрѣнію Рибо, который высказывается о разсматриваемомъ вопросѣ гораздо рѣзче и рѣшительнѣе Милля (см. L'hérédité, 1873, p. 116).

«Спиноза, глубокомысленный авторъ «Этики», справедливо говоритъ, что послѣднее объясненіе всѣхъ чувственныхъ явленій заключается въ фактѣ желанія, такъ какъ «желаніе есть не что иное, какъ достигшее сознанія внутреннее побужденіе»; внутреннее же побужденіе и «есть самая сущность человѣка, поскольку этотъ послѣдній опредѣляется дѣятельностью, служащею къ его сохраненію». Желаніе обнимаетъ собою всю совокупность физическихъ и нравственныхъ свойствъ человѣка, выражаетъ собою усилія, дѣлаемыя человѣкомъ для того, чтобы поддержать свое существованіе и обезпечить свое развитіе. Послѣдній корень его обрѣтается въ области безсознательнаго, и мы не знаемъ, какимъ образомъ достигаетъ онъ сознанія въ той именно формѣ, которая его характеризуетъ. Желаніе есть одна изъ формъ непознаваемаго, точно такъ же, какъ и мысль. Это неизвѣстное—х, служащій намъ для объясненія всѣхъ нашихъ аффектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно свести все безконечное разнообразіе страстей, душевныхъ движеній и чувствъ къ двумъ самымъ общимъ состояніямъ—удовольствію и неудовольствію, но оба эти состоянія обусловливаются желаніемъ. Такъ какъ намъ свойственны побужденія, которыя могутъ быть удовлетворены или не удовлетворены, то мы и чувствуемъ либо удовольствіе, либо неудовольствіе. Въ дѣйствительности, когда мы ощущаемъ радость или горе, мы желаемъ сохранить первую и устранить второе; но это сознательное желаніе есть на самомъ дѣлѣ только продолженіе первичнаго, безсознательнаго желанія, и его напрасно принимали иногда за его дѣйствіе. Состояніе напряженія, называемое нами желаніемъ и длящееся всю жизнь, подвергается измѣненіямъ каждое мгновеніе и причиняетъ всѣ наши пріятныя и непріятныя чувства. Эти послѣднія и слѣдуетъ разсматривать поэтому какъ *моменты* непрерывнаго процесса; процессъ представляетъ собою канву, на которой случайности жизни вышиваютъ всѣ наши психическія состоянія».

Приведенныя цитаты изъ Милля и Рибо подтверждаютъ то, что не разъ было доказываемо Шопенгауэромъ, а именно, что *воля* и *эгоизмъ тождественны*, что *нѣтъ другой воли, кромѣ*

эгоистической, и нѣтъ другаго эгоизма, кромѣ того, который всецѣло основывается на волѣ. Нѣтъ иной воли, кромѣ эгоистической, потому что воля всегда направлена къ чувству удовольствія, а это послѣднее естественнымъ образомъ можетъ быть испытываемо исключительно только субъектомъ; нѣтъ другого эгоизма, кромѣ того, который основывается на волѣ, потому что всякое удовольствіе основывается въ послѣдней инстанціи исключительно на волѣ. Поэтому-то и «вся наша воспріимчивость направляется первоначально непосредственно на насъ самихъ, а позже и притомъ посредственно и на другихъ», какъ замѣчаетъ далѣе Рибо (стр. 117), гдѣ онъ цитируетъ мысли А. Бэна, «себялюбіе есть основаніе всякой страсти, высшій законъ воспріимчивости, природа которой исчерпывается стремленіемъ къ собственному своему благу».

Резюмируя главные результаты всего изложеннаго выше изслѣдованія понятія воли, мы можемъ сказать, что, разумѣя подъ волею общую совокупность органическихъ функцій извѣстнаго характера, мы изучаемъ ее въ смыслѣ элементарнаго психическаго явленія, по природѣ своей безсознательнаго и извѣстнаго намъ чрезъ посредство чувства. Чувство по отношенію къ волѣ разсматривается, слѣдовательно, какъ дѣйствіе по отношенію къ причинѣ. Что же касается разсудка, то всякое смѣшеніе его съ актомъ воли совершенно отвергается, и рѣшеніе его противопоставляется этому акту, какъ явленію, нисколько отъ нихъ не зависящему. Это различеніе воли и рѣшенія или выбора устраняетъ ложное различеніе высшей и нисшей воли и подводитъ подъ одно понятіе разнообразныя выраженія, которыми обозначалось рѣшеніе или выборъ, именно—побужденіе, стремленіе, хотѣніе, вожделѣніе и т. п.,—выраженія, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, лишено иного содержанія, кромѣ того, которое составляетъ и содержаніе понятія воли. Возможность для воли подчиняться рѣшеніямъ разсудка создается воспитаніемъ и завершается въ предѣлахъ, возможныхъ для человѣка, постояннымъ и неустаннымъ самовоспитаніемъ. Воспитаніе вноситъ въ дѣятельность воли измѣненія, выражающіяся въ характерѣ ея направленія, но не можетъ измѣнить основныхъ свойствъ самой воли, остающейся тѣмъ непрерывнымъ процессомъ, который тянется отъ рожденія человѣка до его смерти, и на который какъ на нить нанизываются особенности и случайности, обусловленныя ходомъ импровизаціи индивидуальной жизни.

Если эти воззрѣнія на основныя свойства воли вѣрны, то вы сами можете придти къ заключенію, что воля никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ источникъ знанія. Знаніе можетъ измѣнить направленіе воли, т.-е. можетъ руководить ею; затѣмъ постоянный элементъ, присущій чувству пріятнаго и непріятнаго можетъ самъ сдѣлаться объектомъ знанія, но, сами по себѣ, воля и чувство не имѣютъ съ актомъ познаванія ничего общаго, такъ какъ и воля, и чувство—состоянія чисто-субъективныя. Изъ всего этого можно вывести то заключеніе, что если воля и можетъ оказывать вліяніе на мышленіе, то вліяніе это можетъ быть только *вреднымъ*.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Послѣднимъ, доступнымъ изслѣдованію элементомъ психической жизни мы признали *волю*, которая, будучи сама по себѣ явленіемъ, нами *не сознаваемымъ*, достигаетъ сознанія при посредствѣ своего *дѣйствія*—чувства. Это послѣднее должно быть разсматриваемо, такимъ образомъ, какъ конечный *непосредственно-сознаваемый* психическій элементъ. Такой результатъ изслѣдованія психической жизни является въ теоріи Гёринга тезисомъ, который стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычнымъ воззрѣніемъ, согласно которому ощущенія и чувства считаются сами по себѣ безсознательными и доступными сознанію только въ силу самобытной дѣятельности этого послѣдняго, принимаемаго какъ нѣкая высшая психическая дѣятельность, какъ сила самостоятельная, отъ ощущеній и чувствъ независимая и, кромѣ того, апріорная. Если мы присмотримся ближе къ этому обычному воззрѣнію, то легко убѣдимся, что ошибочность его главнымъ образомъ зиждется на указанномъ въ предшествовавшемъ письмѣ вліяніи воли.

Въ обыденномъ словоупотребленіи термины *сознаніе* и *знаніе* часто имѣютъ значеніе синонимовъ и, кромѣ того, сознаніе ставится въ очень тѣсную связь съ мышленіемъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ сознанію приписываются свойства, которыя ему не присущи, и значеніе его распространяется на все интеллектуальное достояніе человѣка и на всю совокупность психическихъ процессовъ, вслѣдствіе чего смѣшиваются различныя психическія функціи, такъ же какъ и ихъ результаты, существенно между собою различные. Мы лучше всего разграничимъ сознаніе отъ знанія, когда первое ограничимъ только тѣмъ, что дается моментомъ настоящимъ, будь то внѣшній объектъ или внутреннее состояніе. Сознаніе, конечно, есть также знаніе, но область его далеко не такъ обширна какъ область знанія; эта послѣдняя

охватываетъ все непосредственно и посредственно познанное въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Поэтому-то возможно говорить о гипотетическомъ знаніи, но никакъ не о гипотетическомъ сознаніи: содержаніе сознанія, какъ данное непосредственно, лежитъ въ основѣ всякой гипотезы и всякаго умозаключенія.

Согласно опредѣленію мышленія, приведенному мною въ письмѣ X, мы можемъ сказать, что этотъ психическій актъ, какъ соединеніе, дробленіе и сопоставленіе воспріятій и представленій, есть дѣятельность надъ матеріаломъ, доставляемымъ какъ знаніемъ, такъ и сознаніемъ. Изъ этого видно, что мышленіе не можетъ существовать безъ сознанія, тогда какъ сознаніе можетъ существовать, нисколько не нуждаясь для того въ мышленіи. Когда прямое воспріятіе дано непосредственно, имѣетъ мѣсто сознаніе; мыслить же безъ помощи сознанія невозможно, такъ какъ оно доставляетъ для мышленія необходимые элементы. Здѣсь надо отмѣтить различіе, упущеніе котораго изъ виду производитъ всегда наибольшее замѣшательство: содержаніе всякаго мышленія коренится въ сознаніи, но изъ этого не слѣдуетъ однако-же, чтобы актъ мышленія совершался сознательно, какъ это предполагается большинствомъ психологовъ, отождествляющихъ мышленіе и сознаніе. Заблужденіе это получило начало въ дуализмѣ старинныхъ, традиціонныхъ психологическихъ теорій, который въ настоящемъ случаѣ выразился въ противопоставленіи *внѣшнихъ* чувствъ и *внутреннихъ* функцій сознанія и знанія. Удовлетворенная этимъ противопоставленіемъ, психологія, возрастая на почвѣ мистико-метафизической, не заботилась о дальнѣйшемъ анализѣ и теряла изъ виду противопоставленіе сознанія и знанія. Обыкновенно полагали и полагаютъ, что, если человѣкъ не лишенъ сознанія въ состояніи бдѣнія, то и мыслитъ онъ непремѣнно сознательно. При этомъ, разумѣется, согласно духу господствовавшаго дуализма, считали знаніе и сознаніе функціями, независимыми отъ внѣшнихъ чувствъ, и формировали изъ ихъ смѣси ту метафизическую сущность, которая должна была дать полное удовлетвореніе пониманію.

Я только что указалъ какъ на характеристическую ошибку мистико-метафизической психологіи на то, что она приписывала сознанію свойства мышленія и знанія, или, что то же, отождествляла сознаніе и знаніе. То направленіе новой психоло-

гіи, которое явилось подъ вліяніемъ реакціи стариннымъ воззрѣніямъ, впало въ противоположную крайность, доказавшую какъ нельзя нагляднѣе, что крайности сходятся; и это новое направленіе также отождествило сознаніе и знаніе, но прямо противоположнымъ образомъ, а именно низведя мышленіе и знаніе до уровня сознанія. Вы уже хорошо знаете, въ чемъ здѣсь заключается ошибка, такъ какъ переходъ отъ непосредственнаго знанія, доставляемаго представленіями, къ посредственному знанію, слагающемуся изъ понятій, былъ достаточно выясненъ въ предшествовавшихъ письмахъ. Вы знаете, слѣдовательно, что знаніе отличается отъ сознанія не степенью, не количественно, но качественно: сознаніе охватываетъ только данный объектъ или данное состояніе; мышленіе же, опираясь на знаніе того, что было и что есть, достигаетъ до приблизительно-достовѣрнаго познанія того, что будетъ.

Только что указанное мною вліяніе традиціоннаго и метафизическаго дуализма на психологію сказывается не только въ отождествленіи сознанія и знанія, но еще и въ преувеличеніи значенія *самосознанія* или *сознанія нашего* «я», которое разсматривается какъ апріорное знаніе, независимое отъ знанія внѣшнихъ объектовъ. Для васъ очевидна, конечно, связь дуалистическихъ теорій съ такимъ преувеличеніемъ значенія самосознанія, такъ какъ вы знаете, что извѣстною постановкою вопроса о нашемъ «я» спасаются отъ крушенія воззрѣнія, особенно дорогія не только мистикамъ, но и метафизикамъ извѣстнаго пошиба.

Результаты научнаго изслѣдованія психическихъ явленій оказываются однако-же неблагопріятными для ученія объ апріорномъ самосознаніи. Содержаніе этому ученію дается знаніемъ какого-то «я» или самосознаніемъ. Не слѣдуетъ забывать однакоже, что споръ о значеніи понятія, опредѣляемаго мѣстоименіемъ «я», еще Юмомъ былъ признанъ споромъ не философскимъ, а грамматическимъ. И въ самомъ дѣлѣ, для всякаго ясно, что содержаніе понятія, соотвѣтствующаго мышленію перваго лица, не переходитъ за предѣлы понятія, соотвѣтствующаго имени собственнаго, вмѣсто котораго оно подставляется, какъ это наглядно обнаруживается значеніемъ равнозначущихъ мѣстоименій «ты» и «онъ». Притомъ же, надо имѣть въ виду тотъ важный историческій фактъ, что личныя мѣстоименія образовались весьма поздно и между ними позднѣе всѣхъ—мѣстоименіе перваго лица. Въ такой же мѣрѣ, какъ этотъ фактъ, неблагопріятно для при-

нятія апріорности самосознанія и то, что воззрѣніе первобытнаго человѣка всегда охватываетъ словомъ «я» всю совокупность организма. Организмъ представляется ему какъ нѣчто единое; выраженіемъ же этого единства и служитъ мѣстоименіе «я». Нѣтъ спора однако-же, что значительная часть явленій, представляемыхъ организмомъ, можетъ стать достояніемъ нашего сознанія только тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ вообще внѣшніе предметы, и изъ этого видно, что непосредственное самосознаніе вырабатывается на почвѣ сознанія, а не строится a priori. Научное изслѣдованіе исправляетъ, конечно, это первобытное воззрѣніе, но исправленіе это нисколько не служитъ и не можетъ служить опорою мистико-метафизическимъ теоріямъ. Научное изслѣдованіе приводитъ къ тому убѣжденію, что организмъ можетъ служить основою для понятія нашего «я» лишь постольку, поскольку организмъ является носителемъ психическихъ функцій, такъ какъ безъ нихъ не могло бы существовать мышленія объ организмѣ, не могло бы существовать знанія его, не могло бы имѣть мѣсто ни сознаніе, ни самосознаніе. Наше «я», или наша личность, является, такимъ образомъ, какъ сумма ощущеній, чувствъ, представленій и побужденій; два эти момента нашего существованія, т.-е. наше «я» съ одной стороны и сумма ощущеній, чувствъ, представленій и побужденій—съ другой, могутъ, конечно, мыслиться отдѣльно одинъ отъ другого, но никакъ не могутъ раздвоиться въ самой дѣйствительности. Первый моментъ существуетъ, очевидно, въ такой тѣсной связи со вторымъ, что предполагать его реальную самобытность возможно съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ возможно утверждать реальную самобытность того, что мы видимъ, напримѣръ, въ зеркалѣ и т. п.

Теперь мы пришли къ вопросу о вліяніи воли на мышленіе,—вліяніи, какъ вы сейчасъ увидите, весьма неблагопріятно опредѣлявшемъ до сихъ поръ его рѣшеніе. Смѣшеніе сознанія и знанія являлось, какъ я показалъ выше, слѣдствіемъ стремленія поддержать дуалистическія теоріи, центръ тяжести которыхъ лежалъ въ настоящемъ случаѣ въ преувеличеніи значенія *самосознанія*. Преувеличеніе этого значенія, какъ и всѣ воззрѣнія, свободныя отъ подчиненія принудительной силѣ объективнаго порядка вещей, исходили и исходятъ изъ внушеній воли. И въ данномъ случаѣ преувеличеніе значенія самосознанія ведетъ къ тому, что человѣкъ и теоретически, и практически признаетъ

себя чѣмъ-то особымъ, существомъ sui generis. Эту обособленность онъ выражаетъ словомъ «я», противопоставляющимся тѣмъ словамъ, которыми означаются всѣ другія личности и маскируетъ иллюзію, заключающуюся въ томъ, что слово это означаетъ нисколько не болѣе, чѣмъ слова Иванъ, Петръ и т. д. Такимъ образомъ какъ бы санкціонируется непосредственное внушеніе воли, непосредственный, естественный эгоизмъ, и каждый человѣкъ противопоставляется всѣмъ остальнымъ, что, въ свою очередь, воздѣйствуетъ въ высшей степени неблагопріятно на практическіе или нравственные интересы каждой отдѣльно взятой личности по отношенію къ остальнымъ. Можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксальнымъ вытекающее отсюда заключеніе, но оно вѣрно: было бы лучше, если бы слово «я» вовсе не существовало.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что самосознаніе есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ сознанія, а поэтому нашему «я» не могутъ быть приписаны никакія функціи, независимыя отъ нашего мышленія.

Теперь намъ предстоитъ ближайшее разсмотрѣніе отношеній, существующихъ между волею и мышленіемъ, и болѣе полное и точное опредѣленіе характера вліянія первой на второе. Здѣсь нѣкоторыя воззрѣнія Шопенгауэра имѣютъ для насъ большое значеніе, такъ какъ представляютъ многія точки соприкосновенія съ теоріею, которую я теперь излагаю, а потому я и остановлюсь надъ воззрѣніями этими съ нѣкоторою подробностью. Если мы пройдемъ молчаніемъ отождествленіе Шопенгауэромъ понятій воли и силы и распространеніе имъ понятія воли на весь міръ («міръ есть воля») и ничего не скажемъ о той неизбѣжной послѣдовательности, которая этими метафизическими тезисами извратила шопенгауэровскую психологическую теорію, внесла въ нее мнѣнія, не подтверждаемыя научнымъ изслѣдованіемъ, и даже внутреннія противорѣчія, то всю умозрительную сторону ученія Шопенгауэра мы оставимъ внѣ нашего кругозора. Затѣмъ передъ нами возникнетъ несомнѣнная и великая заслуга его: утвержденіемъ первенства (примата) воли у человѣка, находящагося въ естественномъ состояніи, онъ далъ вѣрное разрѣшеніе вопросу объ отношеніи воли къ мышленію, что теперь признается даже и его противниками.

Я приведу съ нѣкоторою подробностью главные тезисы Шопенгауэра, относящіеся къ разсматриваемому вопросу, и

затѣмъ изложу тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ на нихъ К. Гёрингъ.

«Воля—говоритъ Шопенгауэръ въ своемъ основномъ сочиненіи (Die Welt als Wille und Vorstellung)—составляетъ въ человѣкѣ реальное и существенное, разумъ же—лишь вторичное, обусловленное, пріобрѣтенное. Вѣрность этого положенія видна между прочимъ и изъ того, что разумъ можетъ проявлять свою дѣятельность вполнѣ чисто и правильно только до тѣхъ поръ, пока молчитъ воля; но лишь только обнаруживается ея возбужденіе, функціи разума тотчасъ омрачаются, а при вмѣшательствѣ ея въ эти функціи извращается и результатъ ихъ». Затѣмъ, Шопенгауэръ разсматриваетъ отдѣльно различныя проявленія воли—въ страхѣ, гнѣвѣ, радости, испугѣ, надеждѣ, любви, злобѣ и т. д.—и находитъ, что всѣ эти примѣры служатъ подтвержденіемъ его теоріи. «При подачѣ совѣта—говоритъ онъ далѣе—самомалѣйшее недоброжелательство подающаго совѣтъ поглощаетъ все значеніе проницательности его, какъ бы далеко ни шла эта послѣдняя. Поэтому-то мы и вовсе не должны предполагать проявленія ея въ томъ случаѣ, когда допускаемъ присутствіе какого-либо недоброжелательства. До какой степени отъ самыхъ справедливѣйшихъ людей нельзя ожидать правильнаго сужденія въ томъ случаѣ, когда въ дѣло замѣшаны ихъ интересы, можно видѣть изъ того, что мы нерѣдко готовы солгать на самихъ себя, если только насъ подзадориваетъ надежда, или обезумливаетъ страхъ, или томитъ подозрѣніе, или обольщаетъ тщеславіе, или ослѣпляетъ гипотеза и т. д.». Еще далѣе: «Сильно дѣйствующій мотивъ, какъ, напримѣръ, страстное желаніе, настоятельная нужда и т. п., изощряетъ дѣятельность разума до такой высокой степени, до которой мы не считали его способнымъ. Затруднительныя обстоятельства, требующія отъ насъ проявленія извѣстнаго рода дѣятельности, обнаруживаютъ въ насъ совершенно новые таланты, вполнѣ намъ до того неизвѣстные и, какъ могло казаться, совсѣмъ намъ чуждые».—«Точно также изощряется вліяніемъ воли и память; даже въ томъ случаѣ, когда она слаба, она тщательно сохраняетъ то, что имѣетъ значеніе для преобладающей страсти».—«Если бы общепринятое мнѣніе, разсматривающее волю какъ результатъ или продуктъ разума, было вѣрно, то сила воли всегда являлась бы въ пропорціональномъ отношеніи къ силѣ разума. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: чаще всего встрѣчаемъ мы соединеніе сильной,

т.-е. рѣшительной, упорной, необоримой, своенравной и пылкой, воли съ разумомъ слабымъ и малоспособнымъ». Наконецъ, вліяніе воли, по мнѣнію Шопенгауэра, обнаруживается и при обмѣнѣ мыслей между двумя лицами, возбуждая между ними споръ или установляя согласіе. «Ничто не можетъ возбудить большей досады—говоритъ Шопенгауэръ—какъ открытіе, что человѣкъ, котораго мы изо всѣхъ силъ стараемся убѣдить въ чемъ-либо всякими толкованіями и доводами, *не хочетъ* понять насъ».—«Обратный результатъ такому противодѣйствію воли получается тогда, когда при изложеніи нашихъ доводовъ мы имѣемъ волю слушателей за себя; тогда все сказанное нами одинаково убѣдительно, тогда всѣ аргументы оказываются мѣткими и дѣло сразу становится яснымъ какъ день».

Разбирая приведенныя выше воззрѣнія Шопенгауэра, Гёрингъ, по вопросу о вліяніи возбужденнаго состоянія на мышленіе, находитъ вѣрнымъ только то, что возбужденный человѣкъ не въ состояніи охватить всей совокупности условій своего положенія въ данную минуту, такъ какъ ассоціація идей вноситъ съ неотвратимою силою въ его сознаніе и долгое время удерживаетъ тамъ только тѣ представленія и мысли, которыя вяжутся съ существующимъ въ то время возбужденіемъ. Воспроизведеніе всѣхъ важныхъ для субъекта представленій встрѣчаетъ, такимъ образомъ, помѣху, и возбужденный принимаетъ рѣшенія и совершаетъ дѣйствія, не согласующіяся съ его обычнымъ міровоззрѣніемъ, и поэтому, по миновеніи возбужденія, вызывающія раскаяніе. Что же касается вліянія интересовъ, то Гёрингъ утверждаетъ, что всѣ приводимые Шопенгауэромъ факты стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Каждодневно мы можемъ наблюдать, говоритъ онъ, какъ люди со скуднымъ образованіемъ всюду лѣзутъ со своими совѣтами и, чтобы представить ихъ пригодными, не перестаютъ увѣрять очень рьяно, что интересы ихъ нисколько не примѣшиваются къ данному обстоятельству, что оно для нихъ безразлично и т. п. Всѣ эти увѣренія были бы лишены всякаго смысла, если бы люди, близко стоящіе къ естественной непосредственности, не усматривали въ подчиненіи своихъ мнѣній личнымъ своимъ интересамъ или волѣ нѣчто само собою разумѣющееся, и потому не полагали бы, что они могутъ подавать безпристрастные совѣты только въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты эти не находятся въ противорѣчіи съ ихъ собственною пользою. Такое вліяніе воли на сужденія разсматривается обык-

новенно въ судебной практикѣ, напримѣръ, какъ нѣчто естественное и общечеловѣческое; по этой причинѣ свидѣтельское показаніе признается годнымъ только тогда, когда можно быть увѣреннымъ въ независимости этого показанія отъ личныхъ интересовъ. Сплошь и рядомъ можемъ мы слышать, какъ мнѣніе о согласованіи словъ каждаго съ его личными интересами высказывается въ смыслѣ основного положенія житейскаго кодекса нравственности, и всякій считаетъ долгомъ выразить удивленіе, узнавъ, что кто-либо придерживается такихъ воззрѣній, которыя влекутъ за собою ущербъ его интересамъ. Въ лучшемъ случаѣ такого человѣка считаютъ «непрактичнымъ»; большею же частью стараются выискать въ поведеніи его и обстоятельствахъ скрытые мотивы, чтобы хоть какъ-нибудь объяснить себѣ тѣ основанія, которыми руководствуется «непрактичный» человѣкъ, не имѣющій съ точки зрѣнія толпы никакого права считаться представителемъ высшей нравственности и быть въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ общаго правила. По отношенію къ вопросу о вліяніи воли на изощреніе нашихъ способностей, Гёрингъ вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Шопенгауэра, указывая на возможность поддержать ихъ множествомъ примѣровъ и вообще считать ихъ доказанными. Что же касается до объясненія изощренія памяти, то оно, по мнѣнію Гёринга, очень просто: частое повтореніе представленій, вступившихъ въ область сознанія одновременно съ проявленіемъ воли, держитъ ихъ постоянно какъ бы у порога сознанія и даетъ возможность переступить его при каждомъ представляющемся для того поводѣ. Наконецъ, по вопросу объ отношеніи между силою разума и силою воли, Гёрингъ вполнѣ согласенъ съ Шопенгауэромъ, точно такъ же, какъ и относительно вліянія воли, обнаруживающейся при обмѣнѣ мыслей.

Всѣ эти наблюденія, число которыхъ всякій легко можетъ значительно пріумножить, ясно показываютъ, что для обыденной житейской практики подчиненіе разума волѣ представляется обычнымъ и вполнѣ понятнымъ. При такой общераспространенности признанія этого факта онъ не могъ остаться безъ вліянія на ходъ умственнаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ завоеванія науки, какъ замѣчаетъ Альб. Ланге, могли стать общественнымъ достояніемъ только при томъ условіи, что первоначально они были принимаемы въ смѣшеніи съ современными имъ заблужденіями, отвѣчающими господствующимъ направленіямъ хотѣній,

побужденій, воли вообще. Чистая наука, находясь въ вѣчной и непрестанной борьбѣ съ этими заблужденіями, постепенно подрываетъ ихъ и, наконецъ, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе любимыхъ предразсудковъ. Вскорѣ однако-же изыскивается какой-нибудь modus vivendi, при помощи котораго обѣ стороны, повидимому, находятъ себѣ удовлетвореніе; на самомъ же дѣлѣ, при этомъ возрождается весь сонмъ старыхъ заблужденій, облеченныхъ только въ новыя формы. Въ концѣ концовъ очень часто торжествуетъ воля, и изъ торжества ея выростаетъ въ такомъ случаѣ сознаніе о какой-то разумной волѣ, о такой волѣ, о такихъ хотѣніяхъ и побужденіяхъ, которыя представляютъ по отношенію къ наукѣ нѣчто необоримое. Наше время не совсѣмъ свободно отъ этого позора, и всякій, сколько-нибудь способный оріентироваться среди тѣхъ гнусностей, бокъ-о-бокъ съ которыми мы осуждены жить, знаетъ это слишкомъ твердо и не попадетъ, конечно, въ западню, какими бы уловками его ни заманивали.

Какъ неблизорукій наблюдатель того, что вокругъ васъ совершается, вы, читая эти строки, конечно, обратитесь мысленно къ тѣмъ мистико-ташкентскимъ элюкубраціямъ и культурно-ханжескимъ явленіямъ, которыми неизбѣжно такъ богата жизнь хотя и пріобрѣвшаго внѣшній лоскъ, но на дѣлѣ полудикаго общества. Здѣсь широкій натискъ волнующихся хотѣній и вожделѣній далеко не можетъ удовлетвориться однѣми наивностями лекцій о мистицизмѣ и бездѣлками спиритическихъ сеансовъ съ ихъ дѣтскимъ лепетомъ простодушныхъ медіумовъ. Здѣсь удовлетвореніе воли необходимо принимается широко, и борьба противъ обуздывающаго ее истиннаго просвѣщенія провозглашается рѣшительно, какъ принципъ, руководящій всею жизнью. При извѣстной долѣ откровенности, здѣсь прямо заявляются воззрѣнія, въ которыхъ соединеніе логики западно-европейскаго прилавка съ этикою русскаго холопства находитъ свое полное и блистательное выраженіе, и которыя для извѣстной общественной среды представляются послѣднимъ словомъ новѣйшей культуры [1]).

[1]) Упоминая о спиритизмѣ вскользь, я имѣю въ виду только его *относительное* значеніе и нисколько не считаю правильнымъ игнорированіе его и полное исключеніе изъ числа проявленій зла, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться. Спиритизмъ, какъ новая форма мистицизма, необходимо долженъ быть преслѣдуемъ независимымъ изслѣдованіемъ и разоб-

Всего до сихъ поръ сказаннаго, достаточно, конечно, чтобы убѣдить васъ въ несомнѣнности вреднаго вліянія воли на мышленіе; теперь предстоитъ разсмотрѣть ближе этотъ психологическій фактъ, изслѣдовать его генезисъ и различныя формы развитія.

Въ пору ранняго дѣтства, побужденія, возникая часто, требуютъ для поддержанія организма правильнаго удовлетворенія; интенсивность ихъ вслѣдствіе этого постоянно возростаетъ, и скоро наступаетъ время, когда они совсѣмъ овладѣваютъ всею областью представленій ребенка. Изъ внѣшнихъ объектовъ чаще всего воспринимаются тѣ, которые находятся въ связи съ удовлетвореніемъ воли; они легко входятъ въ такую ассоціацію, посредствомъ которой удерживаются въ сознаніи, такъ какъ вмѣстѣ съ возникающими побужденіями воспроизводятся въ представленіи тѣ объекты и лица, которые служатъ удовлетво-

---

лачаемъ научною критикою. Его лицемѣрное заигрываніе съ наукою должно быть непремѣнно раскрыто и его никакъ не должна миновать та нелицепріятная оцѣнка, которая обнаружитъ въ немъ тенденцію вѣковѣчнаго обскурантизма, принципіально отвергающаго все значеніе науки и весь смыслъ ея многострадальной исторіи. Къ счастью для нашего, далеко еще не оперившагося просвѣщенія, есть у насъ люди, голосъ которыхъ имѣетъ значеніе и въ европейской наукѣ и которыя по отношенію къ спиритизму стоятъ именно на указанной выше точкѣ зрѣнія. Проф. Менделѣевъ еще въ 1875 г. заявилъ мнѣніе, что пришло время обратить вниманіе на распространеніе занятій такъ-называемыми спиритическими или медіумическими явленіями, какъ въ семейныхъ кружкахъ, такъ и въ средѣ нѣкоторыхъ ученыхъ. Занятія столоверченіемъ, разговоромъ съ невидимыми существами при помощи стуковъ, опытами уменьшенія вѣса тѣлъ и вызовомъ человѣческихъ фигуръ—грозятъ распространеніемъ мистицизма, могущаго оторвать многихъ отъ здраваго взгляда на предметы и усилить суевѣріе. Въ этихъ видахъ г. Менделѣевъ предложилъ физическому обществу образовать комиссію для разсмотрѣнія явленій, называемыхъ медіумическими, и въ 1876 году издалъ томъ «Матеріаловъ для сужденія о спиритизмѣ», заключающій въ себѣ протоколы помянутой комиссіи, два публичныхъ чтенія о спиритизмѣ самого г. Менделѣева и нѣсколько статей разныхъ лицъ, какъ матеріалъ для выясненія этого вопроса. Все это было въ высшей степени поучительно, конечно; но только, разумѣется, не для тѣхъ, для которыхъ самый вопросъ не былъ открытымъ вопросомъ разума, а представлялся предрѣшеннымъ мистическими побужденіями. Имѣя дѣло, какъ членъ комиссіи, и съ людьми этой послѣдней категоріи г. Менделѣевъ поневолѣ принялъ во вниманіе ихъ толки и, оканчивая свою книгу, присоединилъ къ ней примѣчаніе, въ которомъ выражаетъ между прочимъ, сожалѣніе о томъ, что

ренію этихъ побужденій. Напротивъ того, тѣ воспріятія, которыя не могутъ служить для удовлетворенія побужденій, день ото дня все слабѣютъ, такъ какъ нѣтъ такихъ представленій, съ которыми бы они легко и прочно ассоціпровались. Возможность удовлетворять проявленіямъ воли вскорѣ становится единственнымъ масштабомъ, по которому дѣлается оцѣнка значенія объектовъ. Такимъ образомъ, развивающееся мышленіе мало-по-малу подпадаетъ подъ господство воли и остается у многихъ въ этомъ подчиненіи на всю жизнь.

До какой степени обыденная житейская практика подчиняетъ интересы ума интересамъ чувственности, хорошо знаетъ всякій. Озираясь кругомъ, мы невольно вспоминаемъ жгучія разоблаченія нашего вѣковаго сенсуалистическаго склада умственныхъ способностей, такъ прекрасно и послѣдовательно проведенныя Щаповымъ въ его «Соціально-педагогическихъ условіяхъ умственнаго развитія русскаго народа». Все это «преобладаніе

поднялъ медіумическій вопросъ: «думалось—говоритъ онъ—что имѣешь дѣло съ научнымъ вопросомъ, оказалось—что вопросъ какой-то совсѣмъ другой, а только ужъ никакъ не научный. Оттого и жаль, что вмѣшался. Печалюсь и грущу—прибавляетъ онъ къ этому—потому что вижу, какъ правду хочетъ осѣдлать кривда, не мытьемъ хочетъ взять такъ катаньемъ». Пріемы кривды и ея шансы на побѣду глубоко досадны, конечно, но слѣдуетъ помнить, я думаю, что и пріемы эти, и ихъ послѣдствія представляютъ только результатъ разности горизонтовъ разума и побужденій извѣстнаго рода въ данномъ обществѣ, и что разность эта не можетъ измѣниться однимъ только непосредственнымъ вліяніемъ на результатъ ея. Здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ болѣе широкомъ, о вліяніи научной критики на общій ходъ воспитанія общества, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Матеріалы» г. Менделѣева, конечно, не лишены значенія; но такъ какъ вопросъ общественнаго воспитанія чрезвычайно сложенъ и разрѣшеніе его сплетается изъ вліяній противоположныхъ, то результаты частныхъ усилій, отдѣльно взятыхъ, и остаются мало замѣтными. Едва ли правъ былъ, однако-же, г. Менделѣевъ, совсѣмъ упустивъ изъ виду это обстоятельство и не вслушавшись въ голосъ благодарности людей, которые съ полною независимостью могли оцѣнить его самоотверженную заслугу. Люди эти понимали то усиліе надъ собою, которое долженъ былъ сдѣлать серьезный ученый для того, чтобы ниспуститься— къ кому же —къ медіумамъ, къ ихъ поклонникамъ! Честь и слава ему за это памятованіе связи науки и жизни. О такихъ дѣлахъ не жалѣютъ.— Кромѣ «Матеріаловъ» г. *Менделѣева*, для установленія научнаго взгляда на спиритизмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на статью г. *Петрушевскаго* въ 3-й кн. «Отеч. Зап.» за 1872 г. и на недавно вышедшую книгу *В. Карпентера* «Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ».

поверхностной сенсуальной воспріимчивости надъ теоретическою глубокомысленностью», все это «непосредственно-чувственное верхоглядство», всю эту «неспособность къ естественно-научнымъ теоріямъ и обобщеніямъ», —весь этотъ пошибъ жизни, выражаемый однимъ мѣткимъ щедринскимъ словомъ «жрать», и невольно переносящій насъ къ мысли о дикаряхъ, о которыхъ гдѣ-то разказываетъ Бастіанъ, что они вѣруютъ, будто тѣла ихъ истлѣваютъ, а однѣ утробы только возносятся на небо. И не у насъ однихъ, вездѣ обыденная житейская практика тянется только къ удовлетворенію своихъ побужденій, отталкивая съ негодованіемъ все то, что представляется ей препятствіемъ къ такому удовлетворенію. Къ тому же погрязающій въ тинѣ житейской практики дѣлаетъ свое дѣло всегда съ такою глубокою серьезностью, которая для человѣка, способнаго безпристрастно судить объ объектахъ своихъ побужденій, не можетъ не являться въ высшей степени комичною, и которая внушила Шопенгауэру мысль назвать человѣка серьезнымъ звѣремъ. Дѣйствіе такого пошиба жизни на мышленіе очевидно: самостоятельность мышленія падаетъ такъ низко, какъ только возможно, теоретическая сторона его вовсе забрасывается, и человѣкъ отъ одного удовлетворенія воли переходитъ къ другому, тратя на это всю свою жизнь.

Такъ-называемая высшая умственная дѣятельность получаетъ начало, вырабатывается и крѣпнетъ подъ гнетомъ естественныхъ побужденій; вліяніе ихъ на ходъ ея развитія тѣмъ значительнѣе, что только немногіе сознаютъ его и никто не можетъ освободиться отъ него вполнѣ. Если правдива мысль, что природа, изгоняемая въ дверь, влетаетъ въ окно, то правдивость ея нигдѣ такъ не разительна, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Вы видите изъ этого, какъ глубоко лежатъ въ природѣ человѣка корни вліянія воли на мышленіе, и сколько работы надъ собою, сколько самокритики требуется для того, чтобы преодолѣть это вліяніе хоть настолько, насколько это допускается нашими силами, способностями, условіями жизни, воздѣйствіемъ общественной среды и т. д., и выйти на путь, пролегающій къ тому просвѣтленному міроразумѣнію и проясненному самосознанію, за одинъ мигъ полнаго осуществленія которыхъ можно, не колеблясь, отдать жизнь, зная, что она не стоитъ этого мига.

Я снова прихожу, такимъ образомъ, къ тому, съ чего началъ, къ вопросу о ненаучномъ, обыденномъ мышленіи, съ тою

разницею, впрочемъ, что теперь я имѣю въ виду не проявленія его, а психологическую его подкладку, его генезисъ. Нѣсколькими заключительными замѣчаніями объ этой сторонѣ вопроса я и окончу настоящее письмо.

Ранѣе, чѣмъ ребенокъ начнетъ говорить, онъ произноситъ звуки, которые соединяются у него съ представленіями, имѣющимися въ накопленномъ имъ запасѣ. По аналогіи съ психическою дѣятельностью позднѣйшаго возраста мы должны допустить, что всякій изъ произносимыхъ ребенкомъ звуковъ ассоціируется съ соотвѣтственными представленіями и что они вызываются одно другимъ въ сознаніи, при чемъ, естественно, скудное число звуковъ неизбѣжно влечетъ ассоціацію каждаго изъ нихъ съ нѣсколькими представленіями. Это отношеніе между звуками и представленіями остается существенно неизмѣннымъ и тогда, когда звуки замѣняются опредѣленными словами. При слабой способности различенія, множество объектовъ необходимо представляются ребенку тождественными и означаются, несмотря на ихъ дѣйствительное различіе, одними и тѣми же словами, такъ, напримѣръ, всѣ мужчины именуются дядями, всѣ женщины тетями и т. п. Это дѣтское свойство остается и у первобытныхъ людей, дикарей и т. д., языки которыхъ очень бѣдны коренными словами и которые довольствуются обозначеніемъ однимъ и тѣмъ же словомъ самыхъ разнообразныхъ понятій.

Къ результатамъ первобытной неразборчивости присоединяется еще и та путаница, которая возникаетъ неизбѣжно въ силу присущаго языку свойства выражать только общее, только понятія, и въ обыденное мышленіе вносится полнѣйшее замѣшательство. Свойства однихъ конкретныхъ и индивидуальныхъ объектовъ переносятся на объекты съ другими свойствами, если только объекты эти обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ; строятся аналогіи, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ основаній; дѣлаются обобщенія, источникомъ которыхъ являются одни только словесныя обозначенія объектовъ и т. д.,—словомъ, получается хаосъ, вполнѣ годный для подтвержденія того взгляда, что косность мысли есть основной порокъ человѣка.

Все вышесказанное приводитъ васъ, какъ я имѣю основаніе надѣяться, къ убѣжденію, что первобытное естественное отношеніе между волею и разумомъ представляетъ нѣчто прямо противоположное тому, что должно быть поставлено цѣлью всякаго воспитанія, цѣлью просвѣщенія вообще—дисциплиниро-

ванію воли разумомъ. Въ первобытномъ, естественномъ состояніи умственная дѣятельность находится въ почти неограниченной власти воли, и власть эта проявляется въ двухъ направленіяхъ: во-1-хъ, воля опредѣляетъ заранѣе объектъ мышленія и, во-2-хъ, она вліяетъ на самое содержаніе этого мышленія. Практикъ жизни то прилѣпляется мыслью къ тому, что можетъ удовлетворять его побужденія и хотѣнія, то «вѣритъ охотно, когда ему скажутъ, чего самъ онъ хочетъ», то отвергаетъ все то, что не согласуется съ его желаніями, надеждами и ожиданіями. Его мысли тамъ, гдѣ интересы, гдѣ нажива, гдѣ удовлетвореніе, и его мысли таковы, каковы интересы, каковы средства наживы, каковы способы удовлетворенія; вліяніе воли на мышленіе сказывается здѣсь элементарно, рѣзко и ясно. Зная эти факты, не трудно прослѣдить въ тысячѣ степеняхъ и оттѣнкахъ развитіе человѣческаго типа, начиная отъ «ташкентцевъ» и «культурныхъ людей», продолжая людьми «средними» и оканчивая рѣдкими личностями, способными приносить свою волю, свои хотѣнія въ жертву рѣшеніямъ, основаннымъ на просвѣтленномъ наукою разумѣ. Такія личности преодолѣли гнетъ непосредственности и выработали себѣ «вторую натуру»,—натуру, которая можетъ проявлять такую же силу воли, какъ и натуры первобытныя, но силу воли не необузданной, не хищнической, но вполнѣ самоопредѣлившейся долгою работою самокритики. Въ такихъ личностяхъ исчезаетъ вполнѣ «ветхій человѣкъ» съ его страстями и похотями, и въ нихъ мы привѣтствуемъ человѣка новаго, сѣятеля истины, глашатая справедливости, благовѣстника лучшаго будущаго, бодраго и рѣшительнаго дѣятеля.

«Ничто такъ не унижаетъ человѣка, какъ обычай руководиться чужимъ умомъ и подчинять авторитету то, что долженъ рѣшать только собственный разумъ», говорилъ еще въ XVI вѣкѣ испанскій мыслитель Вивесъ [1]). Эта автономія разума и созидается наукою и высшимъ выраженіемъ ея «научною философіей», которыя и являются, такимъ образомъ, совокупностью принциповъ, не только управляющихъ разработкою вопросовъ отвлеченныхъ, но черезъ ихъ посредство необходимо воздѣйствующихъ и на всю дѣятельность практическую. Если значеніе науки и научной философіи опредѣлено вѣрно, то попытаемся вступить

---

[1]) Цит. у *José del Perojo*. «La ciencia espanola bajo la inquisicion». (Revista contemporanea. 1877. № 33).

на путь, который они намъ указываютъ, и твердо рѣшимся работать надъ освобожденіемъ себя и другихъ отъ всякой лжи, надъ низверженіемъ призраковъ обыденнаго мышленія и иллюзій метафизики, надъ серьознымъ изученіемъ дѣйствительности, надъ установленіемъ полной и независимой истины, надъ распространеніемъ свѣта неизвращенной науки и надъ выработкою такихъ руководящихъ дѣятельностью нашей убѣжденій, которыя въ состояніи были бы поднять насъ на высшую степень умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Пересмотръ вопроса объ отношеніи позитивизма къ современной научной философіи. Возраженія на рѣшеніе авторомъ этого вопроса въ «Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи». Отвѣты на эти возраженія.

Научная философія представлена мною въ предшествовавшемъ письмѣ въ томъ общемъ очеркѣ, для разработки котораго исходною точкою приняты мною основоначала новой критической школы. Задачу мою я исполнилъ, какъ могъ, и считаю ее теперь оконченною. Затѣмъ, принимаясь за это дополнительное письмо, я долженъ прежде всего объяснить тѣ причины, которыя дѣлаютъ его для настоящаго моего труда необходимымъ.

Научную философію отождествляли обыкновенно до самаго послѣдняго времени съ позитивизмомъ. Основатель позитивной школы и полагалъ въ самомъ дѣлѣ, что ему удалось обосновать такое философское ученіе, принципы котораго не могутъ уже болѣе подлежать измѣненіямъ и которое при дальнѣйшемъ своемъ развитіи будетъ подвергаться однимъ только измѣненіямъ чисто частнаго характера, нисколько не могущаго притязать на принципіальное значеніе. Въ такомъ догматизмѣ Ог. Конта лежалъ уже явно зачатокъ косности, который и получилъ впослѣдствіи полное свое развитіе въ «Позитивной политикѣ», представляющей своеобразное воспроизведеніе католическо-клерикальной системы и явно свидѣтельствующей о томъ патологическомъ состояніи, при которомъ она выработалась. Но рядомъ съ зародышемъ позитивнаго мистицизма въ системѣ Ог. Конта, невѣдомо для него самого, содержался и зародышъ *критицизма*, неизбѣжно присущаго всякому научному знанію,—критицизма, какъ принципа противополагающаго научное мышленіе обыденному и опредѣляющаго значеніе и условія развитія того психи-

ческаго акта, который мы отличаемъ отъ непосредственнаго комбинированія представленій и называемъ *познаваніемъ*. Если бы философскія знанія и обусловленное ими философское развитіе стояли у Ог. Конта на высотѣ его природныхъ дарованій и могли бы служить опорою производительной силы его генія, тогда, конечно, необходимость постановки критическаго начала въ его системѣ, явившейся черезъ полъ-вѣка послѣ «Критики чистаго разума», предстала бы передъ нимъ во всей своей ясности, и мы получили бы въ ней именно то, что самъ онъ и его поклонники мнили и мнятъ въ ней видѣть; но такъ какъ, къ несчастью, философскія знанія Ог. Конта были скудны и философское его развитіе поэтому стояло на уровнѣ невысокомъ, то въ результатѣ и оказалось, что, кинувъ безсознательно двѣ-три бѣглыхъ критическихъ замѣтки, онъ всѣ свои силы потратилъ сперва на построеніе схемы, долженствовавшей при развитіи критическаго начала отойти на второй планъ, а потомъ и совсѣмъ сбился на безплодную работу реабилитаціи мистицизма,— работу, въ которой только по временамъ можно наблюдать проблески его генія, сгубившаго себя ложнымъ направленіемъ, принятымъ съ первыхъ же шаговъ вступленія на путь философствованія, не освѣщенный свѣтомъ критики.

Отсутствіе философской критики въ системѣ Ог. Конта прежде всего бросается въ глаза тѣмъ явнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ, что позитивная система, необходимо обязанная своимъ возникновеніемъ и развитіемъ возмужалой порѣ человѣческаго разума, производитъ однако-же впечатлѣніе ученія, какъ бы задавшагося мыслью принизить значеніе разума, ограничить его силы, не дать хода его развитію. Впечатлѣніе это естественно возникаетъ изъ того обстоятельства, что, такъ какъ въ системѣ Конта не существуетъ критическаго изслѣдованія условій познаванія, то въ ней нѣтъ и критики понятій, а поэтому и не выяснено: соотвѣтствуютъ ли *понятіямъ* реальные объекты или нѣтъ; если соотвѣтствуютъ, то какимъ образомъ—посредственно или непосредственно, и, наконецъ, соотвѣтствуютъ ли всѣмъ понятіямъ или только нѣкоторымъ, и какимъ именно. Если бы всѣ эти вопросы Ог. Контомъ были рѣшены, то ему не пришлось бы устанавливать догматически какіе-то шлагбаумы, окружающіе со всѣхъ сторонъ область знанія, и возвѣщать разуму: вотъ границы, ихъ же не прейдеши. И безъ этой такъ непріятно дѣйствующей на философскіе умы регламентаціи,

въ силу одного только освѣщенія поля знанія философской критикой, было бы видно все, доступное изслѣдованію, и всѣ пути, ведущіе къ достовѣрному и прочному рѣшенію вопросовъ; а главное, безъ этого не пришлось бы принимать декораціи городовъ за самые города, не пришлось бы горевать о томъ, что намъ нельзя поселиться въ этихъ городахъ: все это стало бы совершенно излишнимъ и въ послѣдней степени наивнымъ. Наконецъ, при вліяніи философской критики, даже и самые бездарные позитивисты не могли бы договориться до необходимости «воздержанія» отъ рѣшенія нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ, и, слѣдовательно, не случилось бы того скандальнаго провозглашенія рѣшающаго значенія личныхъ побужденій, которымъ обогатилась позитивная литература въ новѣйшее время.

Такимъ образомъ и стало ясно, что Ог. Контъ, при всей своей геніальности, потерпѣлъ неудачу. Онъ хоть и угадалъ, что впредь философія должна строиться на научныхъ основахъ, но, взявшись за дѣло, съ перваго же шагу пошелъ по старой тропѣ догматизма и вмѣсто системы научной философіи далъ намъ схему наукъ, въ которую едва-едва вкраплены намеки на философскій критицизмъ и которая слишкомъ часто перегибается въ наивный реализмъ, лишающій ее значительной доли того философскаго значенія, какое она могла бы получить въ рукахъ мастера, соединяющаго въ себѣ съ природною силою достодолжную философскую подготовку.

У Ог. Конта есть два рода продолжателей: одни разрабатываютъ всю его мистико-догматическую систему, какъ Лафитъ во Франціи и Конгревъ въ Англіи; другіе же, отвергнувъ мистическую часть системы, остановились надъ продолженіемъ работы Конта исключительно въ области «системы позитивной философіи». Послѣдніе, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный ученый Эмиль Литтрé, составляютъ небольшую группу, состоящую изъ французовъ и двухъ-трехъ иностранцевъ. Группа эта успѣла воздѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ на наслѣдіе «учителя» и придать позитивизму нѣкоторый оттѣнокъ, отличающій новый позитивизмъ отъ позитивизма собственно контовскаго. Послѣдователи ея получили въ послѣднее время названіе *литтреистовъ*. Названіе это дано имъ впервые однимъ одинокостоящимъ самобытнымъ и горячимъ послѣдователемъ Ог. Конта—американцемъ Андре Поэйемъ, работающимъ въ настоящее время надъ обширною энциклопедіею позитивизма, обѣ-

щающею быть замѣчательнымъ вкладомъ въ позитивную литературу [1]).

Проходя молчаніемъ позитивистовъ-мистиковъ, такъ же какъ и Поэйя, я остановлюсь только надъ позитивистами группы Литтрé и укажу на главный результатъ ихъ вліянія какъ на самое ученіе Ог. Конта, такъ и на распространеніе его за предѣлы тѣснаго кружка мѣстныхъ почитателей этого философа.

Я начну, разумѣется, съ главы группы, Литтрé. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что, отвергнувъ мистическую часть системы Конта, Литтрé обнаружилъ проницательность философскаго взгляда и избралъ вѣрный путь для дальнѣйшаго развитія позитивной философіи; при ближайшемъ же разсмотрѣніи того, что сдѣлалъ Литтрé, обнаруживается половинчатость, неопредѣленность и наслѣдственное у позитивистовъ невѣдѣніе критической философіи. Литтрé поступилъ, конечно, правильно, отвергнувъ мистическую часть контовой системы,—онъ доказалъ такимъ образомъ, что онъ не мистикъ; но шагъ этотъ стимулировался только отвращеніемъ къ мистикѣ и не имѣлъ болѣе глубокихъ корней, именно такихъ, которые, уходя далеко въ философскую почву, всасывали бы критическіе ея элементы, обходя элементы догматическіе и доставляя, такимъ образомъ, системѣ такое питаніе, которое все болѣе и болѣе развивало бы въ ней часть критическую на счетъ части догматической и неудержимо влекло бы позитивизмъ къ новому, болѣе зрѣлому фазису. Ни на что подобное у Литтрé нѣтъ и намека. У него только и хватило силъ на сверженіе гнета мистицизма, но о гнетѣ догматизма онъ никогда и не думалъ. Мало того, что онъ о немъ не думалъ, но онъ даже проглядѣлъ и тѣ зачатки критицизма, которые безсознательно были брошены Контомъ въ двухъ первыхъ и трехъ послѣднихъ лекціяхъ его «Курса». Чуждый критической философіи, какъ и Контъ, Литтрé, кромѣ того, не обладаетъ его геніемъ, и имѣя на плечахъ колоссальную и кропотливую ученую работу, неизбѣжно болѣе чѣмъ его учитель

---

[1]) Задуманная Поэйемъ «Bibliothèque positiviste» должна будетъ заключать около 40 томовъ, посвященныхъ популяризаціи позитивизма, его исторіи и библіографіи. Первый томъ, «le Positivisme par *André Poëy*» вышелъ въ 1876 году. Теперь готовится къ печати «Bibliographie positiviste», которая, какъ пишетъ мнѣ Поэй, будетъ заключать въ себѣ до 1,300 заглавій сочиненій о позитивизмѣ, появившихся гдѣ бы то ни было до настоящаго времени.

пригвожденъ къ частностямъ, отъ которыхъ ему не особенно легко подыматься до обобщеній. Въ силу такихъ условій, Литтрé какъ-то особенно цѣпко ухватился за контовскую схему, провозгласилъ ее полною, довлѣющею себѣ философской системой, увидѣлъ въ ней и готовое ученіе, и готовый методъ, словомъ, альфу и омегу всей философіи. Онъ, такимъ образомъ, свелъ къ нулю свое же собственное мнѣніе о томъ, что Ог. Контъ поставилъ позитивистовъ лишь на порогѣ философіи и что все предстоитъ передѣлать за-ново. Когда на самомъ дѣлѣ доходило до передѣлки, то Литтрé ограничивался частностями и мелочами, не имѣвшими ровно никакого философскаго значенія или приводившими къ страннымъ несообразностямъ, въ родѣ «appendice de la philosophie positive», о которой я упоминалъ въ моемъ II письмѣ, и т. п.

Литтрé, какъ умъ нисколько не философскій, и какъ ученый, совершенно погруженный въ свои любимыя занятія, незамѣтно перенесъ центръ тяжести позитивизма на изслѣдованіе частныхъ научныхъ областей, въ которыхъ самъ и являетъ едва ли досягаемый для другихъ позитивистовъ образецъ. Литтрé глубокій старикъ, и позитивисты очень хорошо знаютъ, «qu'il faut être très fort pour remplacer m-r Littré»; но кто же его замѣнитъ? Ужели сотоварищъ его по редакціи «Revue», соотечественникъ нашъ г. Вырубовъ, дѣятельность котораго въ продолженіе десятилѣтняго существованія «Revue» вполнѣ обозначилась какъ имѣющая для позитивизма отрицательное значеніе, какъ несомнѣнно подрывающая его философское достоинство. Достаточно указать его сведеніе понятія *абсолютнаго* на понятіе *достовѣрнаго* и понятія *относительнаго* на понятіе *вѣроятнаго*, такъ же какъ и смѣшеніе идеи *абстрактныхъ* наукъ съ идеею наукъ *конкретныхъ* въ его никуда не годной классификаціи геологіи, чтобы сразу выставить во всей яркости антифилософскій характеръ этого будто бы кандидата на главенство въ позитивной школѣ.

Ясно какъ день, что лица, стоящія во главѣ французской группы позитивистовъ, не внесли въ наслѣдіе, оставленное имъ Ог. Контомъ, ничего такого, что могло бы повести далѣе развитіе позитивно-философской системы, но зато внесли не мало такихъ элементовъ, которые сильно повредили этому развитію: атрофировали зачатки критицизма, непомѣрно преувеличили значеніе схемы, затемнили различеніе нѣкоторыхъ основныхъ понятій и,

въ концѣ-концовъ, низвели позитивизмъ на уровень голой энциклопедической схемы наукъ, представляющей—при сохраняющемся упорствѣ въ именованіи себя философіей—своего рода философскій заморышъ, судьба котораго вполнѣ способна возбудить, у небезучастнаго зрителя искреннее сожалѣніе.

Философія Ог. Конта, долго остававшаяся достояніемъ тѣснаго круга его почитателей, по словамъ Ст. Милля, «какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи» тогда, когда жажда научно-философскаго знанія была тѣмъ болѣе интенсивна, чѣмъ менѣе находила удовлетворенія въ ходячихъ философскихъ системахъ. Во всѣхъ большихъ центрахъ умственной дѣятельности явились почитатели и комментаторы Ог. Конта; къ числу ихъ принадлежали такіе люди какъ Брюстеръ, Ст. Милль, Твестенъ. «Курсъ позитивной философіи» вышелъ вторымъ и, вскорѣ затѣмъ, третьимъ изданіемъ; литература позитивизма насчитывала къ 1876 г., по счету Поэйя, до 900 сочиненій,—словомъ, своевременность удовлетворенія потребности въ научной философіи была очевидна. Одновременно съ распространеніемъ позитивизма въ ширь, нельзя было не замѣтить, однако-же, что мало-по-малу начинаетъ обнаруживаться недовольство имъ, и недовольство, исходящее не изъ нѣдръ метафизики, но—въ этомъ и заключалась вся его важность—изъ сознанія неполноты, недоразвитости, недодѣланности его. Стало выясняться, что вопросы, которые до тѣхъ поръ были рѣшаемы *метафизически*, не были перерѣшены позитивизмомъ *научно*, а просто-на-просто были обойдены, устранены, упразднены, при чемъ оставалось неизвѣстнымъ, изъ какихъ именно началъ исходило такое произвольное урѣзываніе философской задачи. Получалось впечатлѣніе какого-то декретированія, и въ умахъ произошло нѣкоторое безпокойство. Знали, что вопросъ о значеніи теоріи познаванія былъ поставленъ, что важность философской критики была признана, такъ же, какъ знали и то, что вопросы эти не были еще рѣшены, что научной теоріи познаванія еще не существовало, что научно-философская критика витала еще въ области благочестивыхъ желаній. Что же? Даетъ ли ихъ позитивизмъ, устраняетъ ли онъ съ пути преграду, которая мѣшала до сихъ поръ подвигаться впередъ и только раздражала философскую пытливость, жаждущую разрѣшенія мучившихъ ее вопросовъ и, за неимѣніемъ научнаго рѣшенія ихъ, уносившуюся въ заоблачныя сферы метафизики.

Позитивизмъ не давалъ этого научнаго рѣшенія, не открывалъ простора для движенія впередъ, а ограничивался приглашеніемъ остановиться и заняться схематизированіемъ приготовленнаго для рѣшенія основныхъ философскихъ вопросовъ матеріала, точно какъ будто бы матеріалъ этотъ для того и былъ запасенъ, чтобы представлять изъ себя энциклопедію наукъ, во всемъ подобную всякой другой энциклопедіи и отличающуюся только тѣмъ, что въ ней число наукъ было ограничено и науки расположены въ порядкѣ убывающей общности и возрастающей сложности, что, хотя и представляло удобства для ихъ изученія, но нисколько не облегчало возможности найти, наконецъ, научное рѣшеніе для вопроса собственно-философскаго. Неудивительно поэтому, если позитивизмъ не могъ удовлетворить умы: заговорили о восполненіи его недостатковъ, подняли вопросъ о «позитивной метафизикѣ», пытались обосновать новую «позитивную философію», не только вполнѣ независимую отъ контовской, но даже ни единымъ словомъ не намекающую на существованіе послѣдней.

Попытка послѣдняго рода, принадлежащая мантуанскому профессору Ардиго [1]), ошибочна, какъ я полагаю, уже потому, что предполагаетъ отрицаніе преемственности въ развитіи научной философіи,—преемственности, несомнѣнно существующей и не лишенной значенія. Не отвергая этой преемственной связи и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду переработку основоначалъ научной философіи, достаточно было бы взглянуть на позитивизмъ съ точки зрѣнія строго научной и вполнѣ независимой, и, затѣмъ, отвлекая отъ него всѣ его чисто-индивидуальныя, контовскія особенности, оцѣнить въ немъ одно только самое общее его значеніе, значеніе сознаннаго стремленія обосновать философію на наукѣ, значеніе ясно поставленнаго вопроса о томъ, какъ осуществить идею научной философіи. При такомъ отношеніи къ позитивизму изъ него бралось съ увѣренностью только то, что было въ немъ несомнѣнно прочнаго и устойчиваго, и затѣмъ перерѣшеніе его задачи совершалось уже не отрозненно отъ тѣхъ элементовъ, которые были подготовлены, но остались неизвѣстными основателю позитивизма, а въ связи съ ними. Такой пріемъ подавалъ надежду на возможность одновременнаго спасенія новой философіи и отъ метафизической заоблач-

[1]) *R. Ardigo.* La psicologia come scienza positiva. 1870.

ности, и отъ позитивнаго скопчества, т.-е. другими словами, являлась мысль о возможности повести образованія общихъ понятій при посредствѣ научнаго метода, не стѣсняясь при этомъ предустановленными рамками схемы. При успѣхѣ такой работы долженъ былъ получиться выходъ къ научной философіи, которая и получала значеніе *достигшаго зрѣлости позитивизма*. Она была явленіемъ того же *типа*, что и позитивизмъ, но различалась отъ него *степенью развитія*.

Теперь и вы видите, почему, покончивъ съ характеристикою научной философіи, я счелъ нужнымъ приняться еще за дополнительное письмо: я имѣлъ въ виду показать вамъ внутреннюю связь этой научной философіи съ позитивизмомъ и выяснить, почему за позитивизмомъ нельзя теперь признавать того значенія, которое онъ имѣлъ въ сравнительно недавнее время.

Ставя на мѣсто позитивизма «научную философію», я не хочу тѣмъ сказать, что философія эта представляетъ собою какой-то идеалъ совершенства, нѣчто готовое и законченное, какое-то завершеніе всѣхъ научныхъ и философскихъ вопросовъ. Отъ такой мысли, какъ отъ некритической, я крайне далекъ; я очень хорошо знаю, что научная философія есть философія едва начинающаяся и что громадная работа ея еще впереди. Я имѣю въ виду только ту несомнѣнную для меня истину, что теперь нѣтъ уже никакой надобности принимать руководящими началами научно-философскаго изслѣдованія догматическое урѣзываніе общей совокупности философскихъ вопросовъ, что теперь философская критика, показавъ путаницу въ работѣ позитивныхъ ножницъ, которыя то смыкались въ пустомъ пространствѣ, то кромсали подлежавшее сохраненію, сдѣлали ненужнымъ ихъ безполезное брязганье, и что, наконецъ, теперь дѣло идетъ не о раскладываніи кусковъ, изъ которыхъ состоитъ позитивная схема, но о томъ, чтобы продолжать самую ткань, продолжать до тѣхъ поръ, пока имѣется основа и пока работа машины идетъ все съ тою же неизмѣнною правильностью.

Чтобы еще лучше пояснить вамъ мою мысль объ указанной выше связи научной философіи съ позитивизмомъ, я обращусь къ помощи совершенно новой точки зрѣнія, съ которой Ф. Паульсенъ опредѣляетъ различеніе тѣхъ категорій, подъ которыя можно подвести всѣ философскія міровоззрѣнія. Разсматривая воззрѣнія теоріи познаванія сообразно двумъ основоначальнымъ вопросамъ этой теоріи, Паульсенъ устанавливаетъ новыя кате-

горіи, которыя онъ называетъ *идеографическими* и которымъ онъ имѣетъ въ виду дать право гражданства въ философской литературѣ на ряду съ категоріями, до сихъ поръ употребляющимися, какъ *хронографическими* (догматизмъ, критицизмъ), такъ и *топографическими* (пантеизмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ и т. д.). На вопросъ, что̀ такое знаніе или какъ относится знаніе къ остальному дѣйствительному міру, существуетъ, говоритъ Паульсенъ, два отвѣта. *Первый* изъ нихъ утверждаетъ, что знаніе есть идеальное воспроизведеніе дѣйствительности, отраженіе ея мыслью, и что представленія, если только они образованы правильно, подобны вещамъ и могутъ быть съ ними сравниваемы. *Второй* отвѣтъ утверждаетъ, что знаніе не есть идеальное воспроизведеніе вещей, а нѣчто отъ нихъ отличное и съ ними несравнимое. Первымъ изъ этихъ отвѣтовъ опредѣляется то воззрѣніе, которое называютъ обыкновенно наивнымъ реализмомъ; воззрѣніе же, которое опредѣляется вторымъ изъ этихъ отвѣтовъ, правильнѣе всего назвать *феноменализмомъ*. Можно возразить, конечно, что второе рѣшеніе вопроса, представляя только отрицаніе перваго, страдаетъ неопредѣленностью, и, притомъ же, основываясь не на естественномъ, присущемъ вещамъ, моментѣ, беретъ точкою опоры ложное мнѣніе обыденнаго мышленія (наивнаго реализма). Это возраженіе правильно, но оно не можетъ быть принято къ руководству ранѣе, чѣмъ наивный реализмъ не потеряетъ всякое значеніе и не перестанетъ облекаться въ форму философскихъ системъ; да и тогда онъ все-жъ-таки останется въ качествѣ основной черты характера той теоріи познаванія, которая предполагается обыденнымъ мышленіемъ. Въ настоящее же время, когда обыденное мышленіе играетъ еще въ философіи видную роль, противуположность наивнаго реализма и феноменализма не можетъ еще быть устранена, и понятіе, даваемое ею объ этихъ противуположныхъ воззрѣніяхъ, вполнѣ удовлетворяетъ имѣющіяся въ виду цѣли.

На вопросъ о происхожденіи знанія существуетъ также два отвѣта, которые въ первоначальномъ своемъ видѣ противопоставляютъ два источника знанія: чувство и разумъ. Ученія, развивающіяся изъ этого противупоставленія, носятъ названіе *сенсуализма и раціонализма*. Замѣняя терминъ сенсуализмъ, потерявшій опредѣленность вслѣдствіе обычной примѣси къ нему этико-метафизическихъ понятій, терминомъ, яснѣе выражающимъ основную мысль ученія, а именно терминомъ «*эмпиризмъ*», Пауль-

сенъ опредѣляетъ тѣ элементы, изъ которыхъ должны выработаться его идеографическія категоріи путемъ соединенія этихъ элементовъ попарно. Въ результатѣ получается слѣдующая схема идеографическихъ характеристикъ философскихъ міровоззрѣній.

1) Эмпирически-реалистическое (наивный реализмъ обыденнаго мышленія),

2) эмпирически-феноменалистическое (Локкъ, Юмъ),

3) раціоналистически-реалистическое (Декартъ и его послѣдователи),

4) раціоналистически-феноменалистическое (Кантъ).

Вникая въ смыслъ противупоставленія феноменализма и реализма, нельзя не замѣтить, что противупоставленіе это сведено у Паульсена на противупоставленіе *наивнаго реализма* обыденнаго мышленія *критическому реализму* науки, такъ что строго послѣдовательный или крайній идеализмъ, собственно идеализмъ грёзъ (Traumidealismus), исключенъ изъ приведенныхъ выше категорій, и схема можетъ поэтому показаться неполною. Но исключеніе крайняго идеализма Паульсенъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что право на существованіе такого идеализма представляется еще сомнительнымъ, пока возможность поглощенія мышленіемъ всякой дѣйствительности остается недоказанною. Исключенъ также изъ паульсеновской схемы и скептицизмъ, по той причинѣ, что послѣдовательное проведеніе основной его идеи—неразличенія знанія отъ незнанія—потеряло въ наше время всякое основаніе и не имѣетъ представителей въ европейской философской литературѣ.

Идеографическія категоріи Паульсена, не вытѣсняя хронографическихъ и топографическихъ, какъ это имѣетъ въ виду и самъ Паульсенъ, съ поразительною очевидностью обнаруживаютъ сродство такихъ міровоззрѣній, которыя, вслѣдствіе различія ихъ топографическихъ и хронографическихъ свойствъ и наименованій, могли казаться и часто казались коренным образомъ различными, такъ что не бросающееся въ глаза сродство ихъ должно было явиться только результатомъ анализа и болѣе или менѣе сложныхъ доказательствъ. Категоріи Паульсена очень упрощаютъ этотъ вопросъ: онѣ сразу показываютъ, что, напримѣръ, позитивизмъ и научная философія одинаково относятся къ категоріи эмпирическаго феноменализма и что только упрежденіе въ развитіи послѣдняго надъ первою полагаетъ между ними хро-

нографическое различіе и возводитъ научную философію на высоту совершенно самоопредѣлившагося *критическаго* реализма, тогда какъ неопредѣлившійся еще характеръ позитивизма допускаетъ возможность смѣшенія его съ совершенно чуждою ему категоріей—*эмпирическимъ* реализмомъ.

Только что очерченная мною внутренняя связь между научною философіею и позитивизмомъ, вытекающія изъ нея отношеніе между ними и необходимость замѣщенія послѣдняго первою и были предметами, изслѣдованіе которыхъ входило, между прочимъ, въ мой «Опытъ критики основоначалъ позитивизма». Такъ какъ главною темою книги были эти основоначала, то на нихъ, само собою разумѣется, и сосредоточивалось мое вниманіе, а о научной философіи, въ ея современномъ критическомъ фазисѣ, я говорилъ лишь столько, сколько необходимо было для общаго уясненія моей точки зрѣнія на позитивизмъ (см. стр. 296—305, 312—327 и 335—351). Теперь, имѣя въ виду главнымъ образомъ современное состояніе научной философіи, я, въ свою очередь, только попутно говорилъ о позитивизмѣ; но какъ тогда, такъ и теперь, я не могъ пройти молчаніемъ связи, существующей между двумя этими фазисами научнаго міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, хотя планы обѣихъ моихъ книгъ и различны, такъ же какъ и ихъ цѣли, но общее той и другой заключается въ томъ, что и тамъ, и здѣсь я говорю о научной философіи, о позитивизмѣ и объ отношеніи между ними.

Нѣкоторые изъ рецензентовъ моего «Опыта» сдѣлали по поводу этихъ, общихъ обѣимъ моимъ работамъ, вопросовъ замѣчанія, которыя я и принялъ во вниманіе при обработкѣ для печати этихъ писемъ; я надѣюсь, что тѣ изъ замѣчаній (каковы, напримѣръ, нѣкоторыя замѣчанія г. Козлова въ «Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ» 1877 и г. Кавелина въ «Недѣлѣ» 1877), которыя были обусловлены недостатками или неполнотою изложенія соотвѣтствующихъ мѣстъ «Опыта», устранены теперь новымъ, тщательнымъ пересмотромъ ихъ въ настоящихъ письмахъ. На другія (какъ, напримѣръ, на вопросъ о значеніи сознанія, поднятый г. Кавелинымъ, и на упрекъ J. N...n, рецензента «Revue philosophique», въ томъ, что я не выбросилъ за бортъ остатковъ мистическаго багажа Ог. Конта, а сохранилъ ихъ, стараясь ввести въ связь съ критическою философіею) я отвѣчалъ тѣмъ, что разсмотрѣлъ въ своемъ мѣстѣ значеніе сознанія и болѣе точно обозначилъ мои заимствованія у Ог. Конта, подтвердивъ

полное отверженіе всего, что только имѣло у этого мыслителя сколько-нибудь мистическій характеръ.

Затѣмъ, мнѣ оставалось бы только поблагодарить гг. рецензентовъ за то доброжелательство, съ которымъ они отнеслись къ моей работѣ, и за ту поддержку, которую доставило мнѣ одобреніе ими главной цѣли моего труда—ознакомленія русскихъ читателей съ современной научной философіей, и закончить это послѣднее письмо.

Но есть обстоятельство, заставляющее меня попросить у васъ еще немного вниманія и... терпѣнія.

Мнѣ необходимо обратиться теперь еще къ двумъ рецензентамъ моего «Опыта», обвиняющимъ меня въ попыткѣ извратить позитивизмъ метафизическими тенденціями.

Роль охранителя позитивизма отъ вліяній метафизики сама собою выпадаетъ у насъ на долю единственнаго во всей русской литературѣ позитивиста—г. де-Роберти. Обстоятельство это заранѣе отнимало у полемики, которой можно было бы ожидать по этому поводу, всякій интересъ по той причинѣ, что г. де-Роберти достаточно уже заявилъ себя какъ писатель, которому никакое серьезное дѣло не подъ силу [1]). Г. де-Роберти на защиту пози-

[1]) Не желая быть голословнымъ, я считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности г. де-Роберти въ подтвержденіе высказаннаго мною о немъ мнѣнія. Общій характеръ всего, до сихъ поръ написаннаго г. де-Роберти, можетъ быть опредѣленъ очень кратко и точно. Онъ обыкновенно даетъ пересказъ или резюме сочиненія или статьи какого-нибудь автора и къ этому пересказу или резюме приклеиваетъ какую-нибудь собственную свою мысль. Каковы бываютъ эти мысли, можно судить изъ слѣдующаго перечня. Въ «Политико-эконом. этюдахъ», послѣ пересказа идей Кёри, онъ, между прочимъ, говоритъ: «бѣдность есть не что иное какъ скрытое богатство, и скорѣе наговорена на рабочіе классы, чѣмъ дѣйствительно существуетъ». Въ рецензіи «Вопросовъ о жизни и духѣ» Льюиса (Знаніе, 1875 г.), резюмировавъ содержаніе этого сочиненія, онъ опредѣляетъ теорію познаванія какъ «сборную команду человѣческаго знанія» и приписываетъ установленіе «предѣльнаго понятія» (Grenzbegriff) не Канту, какъ это слѣдовало бы, а г. Вырубову. Въ статьѣ «Міровоззрѣнія крайняго Востока» (Знаніе, 1874 г.) рядомъ съ компиляціей статьи г. Вырубова «les Civilisations de l'extrême Orient» (Revue 1873 г. № 6) онъ заявляетъ, что г. Вырубовъ въ статьѣ этой пользовался «самыми лучшими и новѣйшими источниками»,—«пролилъ яркій свѣтъ на рѣшеніе вопроса»,—«представилъ образецъ критики, беременной важными и подъ-часъ вовсе не предвидѣнными результатами» и т. п., тогда какъ на самомъ дѣлѣ статейка г. Вырубова отличается такимъ изумительнымъ невѣдѣніемъ источниковъ по избран-

тивизма однакоже не явился и, вмѣсто него, мнѣ приходится теперь имѣть дѣло съ г. Алеко («Современный сборникъ» г. Богушевича, 1877 г., кн. 4) и г. ла-Сердой («Знаніе», 1877 г., кн. 4; «Слово», 1878 г., кн. 3).

Начну съ г. Алеко.

Г. Алеко выставилъ въ защиту позитивизма ту мысль, что предпочтеніе, отдаваемое мною ново-критической школѣ передъ позитивною, есть, собственно говоря, предпочтеніе метафизики позитивизму. «Сравнивая философію Конта, говоритъ г. Алеко, *со всѣми* (?) другими философіями, предшествовавшими ей, г. Л. весьма справедливо находитъ, что у всѣхъ тѣхъ былъ всегда внутренно-побудительный моментъ (чего?), а у этой нѣтъ его; что у всѣхъ тѣхъ было какое-нибудь наиболѣе общее понятіе, а у этой нѣтъ никакого (?), что у *всѣхъ* (??) тѣхъ исходная точка была всегда устанавливаема не догматически, а критически,—а у этой же совсѣмъ наоборотъ. Итакъ, заключаетъ онъ, это совсѣмъ не философія, и она не будетъ философіей до тѣхъ поръ,

---

ному имъ предмету, что изъ всей богатой нѣмецкой литературы онъ знаетъ одну только компиляцію Кейфера (*R. Kaeuffer*, Geschichte von Ost-Asien. 1859 г.), и, слѣдовательно, никакими результатами «беременной» быть не можетъ и никакого свѣта проливать не въ состояніи. Самъ же г. де-Роберти, попавъ невзначай въ этотъ невѣдомый ему міръ, является въ глубоко-комичномъ положеніи. Приходится, напримѣръ, характеризовать индійскую философію, и онъ характеризуетъ ее въ первый разъ—«какъ не имѣющую ничего общаго съ обычными теченіями европейской мысли», и во второй—какъ такую, въ которой «мы находимъ зародыши чуть ли не всѣхъ метафизическихъ системъ, и то и дѣло попадаемъ на цѣлыя страницы *чистѣйшаго* Гегеля, Шопенгауэра и т. п.». Но и это еще не все; мимоходомъ онъ обнаруживаетъ даже отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній: встрѣтивъ у г. Вырубова выраженіе «religions aryanes» (вм. âryennes—вѣроятно просто опечатка), г. де-Роберти становится совсѣмъ въ тупикъ и, не зная какъ согласить Веды и аріанство, довольствуется постановкою вопросительнаго знака послѣ словъ «филологія аріанская» «религіи *аріанскія*»... Я не говорю, наконецъ, о такихъ ошибкахъ, какъ отождествленіе Индры и Ваю, какъ ложная группировка Агни, Ваю и Суріи, какъ незнаніе значенія слова Сакіа и т. п., ими кишитъ вся статья,—статья, имѣющая цѣлью вырвать изученіе религій Востока у спеціалистовъ и отдать въ руки соціологовъ-позитивистовъ! Быть можетъ, г. де-Роберти что-нибудь и знаетъ; быть можетъ, онъ и можетъ мыслить логически,—это тайна, которой онъ еще не выдалъ; достовѣрно только одно, именно, что онъ можетъ развязно говорить о томъ, чего не знаетъ и не понимаетъ, и способенъ противорѣчить самому себѣ, нисколько того не замѣчая.

пока не продѣлаетъ *всего* (?) того, что продѣлывали тѣ. Но авторъ забываетъ, что тѣ были философіи метафизическія, а эта позитивная; что то были системы знанія поэтическія, а это система научная, и что условія первыхъ переноситъ на послѣднюю значитъ только *запутаться въ представленіи о нихъ* (?). Позитивная философія потому и позитивна, что она отрицаетъ всѣ характеристическія черты метафизической философіи; а тутъ эти привычныя черты возводятъ въ характеристику философіи вообще, и затѣмъ прикладываютъ и къ той, которая на отрицаніи ихъ вся и построена. Словомъ, авторъ сбился въ мѣркѣ своей, и ту, какая была у него готовою, приложилъ туда, гдѣ нужна совсѣмъ новая. Такимъ образомъ и вышло, что тамъ, гдѣ величайшее достоинство системы, онъ нашелъ существеннѣйшій недостатокъ и пробѣлъ ея, восполненіемъ котораго и принужденъ былъ заниматься» (стр. 126).

Мнѣ нѣтъ надобности, конечно, объяснять, въ чемъ здѣсь недоразумѣніе со стороны защитника позитивизма. Но если онъ такъ рѣшительно отвергаетъ значеніе критическаго начала для философіи, если онъ непремѣнно желаетъ остаться при *наивномъ реализмѣ*, то это дѣло его вкуса, о которомъ здѣсь нѣтъ спора. Для уясненія вопроса важно только то, что сужденіе автора, при всей его сбивчивости, идетъ къ цѣли смѣло и рѣшительно и не оставляетъ никакихъ сомнѣній и колебаній. Наконецъ, авторъ несомнѣнно читалъ то, о чемъ взялся говорить, не припутываетъ къ дѣлу ничего посторонняго, не говоритъ ничего такого, что обличало бы въ немъ отсутствіе самоуваженія, словомъ, нисколько не напоминаетъ пріемами своими второго моего оппонента—г. ла-Серду, повторяющаго только основную мысль г. Алеко, но преподносящаго ее съ литературнымъ гарниромъ своего собственнаго приготовленія.

Мы живемъ въ такое время, когда пропасть между литераторомъ и литераторомъ можетъ быть и шире, и глубже, чѣмъ между литераторомъ и биржевымъ игрокомъ, между литераторомъ и субъектомъ, способнымъ вымогать себѣ синекуру, между литераторомъ и кулакомъ. Нужно много самообладанія, поэтому, въ томъ случаѣ, когда способы борьбы противника указываютъ на существованіе между нами большей или меньшей, но, во всякомъ случаѣ, незаполнимой пропасти. Я не знаю г. ла-Серды, но литературные пріемы его таковы, что я не могу не видѣть ясно раздѣляющей насъ пропасти. Я затрудняюсь, какъ говорить

съ нимъ, и болѣе того: говорить ли? Предмета моего онъ не знаетъ: для него нѣмецкая философія—загадка, которой онъ разрѣшить не въ силахъ; ново-кантіанская школа, сохраняющая a priori, ничѣмъ не различается для него отъ ново-критической, отвергающей a priori; о критической философіи онъ можетъ говорить только несообразности, путая имена и термины; затѣмъ далѣе, книги моей или не читалъ, или намѣренно извращаетъ ея содержаніе: не говоря о томъ, что онъ не можетъ опредѣлить, сколько лекцій «Курса» Конта у меня резюмировано и какія именно, онъ утверждаетъ, что я обхожу молчаніемъ вопросы критической философіи, увѣряетъ, что я комментирую всего только одну фразу Ог. Конта, что я ссылаюсь на какого-то неизвѣстнаго мнѣ Лиліенфельда, что я называю Литтрé кретиномъ, что я говорю о какомъ-то перетираніи позитивизма въ порошокъ, что я намѣренно унижаю французскихъ философовъ и пытаюсь поставить ихъ на одну доску съ бердичевскими жидами (?!) и т. п., и, наконецъ, ко всей этой лжи онъ присоединяетъ разныя, не идущія къ дѣлу догадки, толкованія и сплетни, едва ли имѣющія прецеденты даже и въ нашей литературѣ. Все это говоритъ само за себя и не требуетъ никакого отвѣта.

Общій тонъ статьи г. ла-Серды также не достоинъ серьезной и уважающей себя литературы. Г. Михайловскій, говоря въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1877, № 12) о статьѣ г. ла-Серды, помѣщенной въ «Знаніи», замѣчаетъ, что она «есть произведеніе чисто-шутовское, отъ первой до послѣдней страницы». Разоблачая затѣмъ невѣжество и лживость автора статьи, г. Михайловскій даетъ ему такое поученіе, которое должно было бы образумить всякаго, не потерявшаго способность краснѣть и исправляться; но г. ла-Серда поученія этого не уразумѣлъ и счелъ нужнымъ повторить свои «ошибки», присоединивъ къ нимъ новыя, въ журналѣ «Слово». Послѣдствія этого подвига извѣстны всякому, читающему наши газеты и журналы, и говорить о нихъ было бы излишне.

При всемъ желаніи моемъ подвергнуть мои взгляды критикѣ и при всей готовности отвѣчать на замѣчанія моихъ рецензентовъ, что же могу отвѣтить я г. ла-Сердѣ? У него кромѣ единственной мысли, заимствованной у г. Алеко, на которую я далъ уже отвѣтъ, все остальное или представляетъ «словесное наводненіе въ пустынѣ мысли», или уходитъ далеко за предѣлы изслѣдованія теоретическихъ вопросовъ, въ такую область, проник-

новеніе въ которую не входитъ въ мои планы, такъ, что для отвѣта г. ла-Сердѣ я не нахожу никакого повода; пусть истолковываетъ онъ мое нежеланіе говорить съ нимъ какъ хочетъ, говорить я все-же-таки не буду.

Затѣмъ оканчиваю это послѣднее письмо съ пріятной увѣренностью, что могу считать его только на этотъ разъ послѣднимъ и что мнѣ придется вновь бесѣдовать съ вами съ большею полнотою и досказанностью, чѣмъ теперь, и остаюсь вашимъ преданнымъ и неизмѣннымъ другомъ.

1878.

Издано отдѣльной книгой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Философія исторіи на научной почвѣ 10
Позитивизмъ послѣ Конта 46
Новѣйшая литература позитивизма 86
Первые провозвѣстники позитивизма 135
Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи:

Вступленіе 194
I. Общій очеркъ основоначалъ позитивной философіи по Конту 201
II. Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы какъ цѣлаго . . 265
III. Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы 357

Письма о научной философіи:

Вступленіе 457
Письмо I 469
Письмо II 481
Письмо III 490
Письмо IV 496
Письмо V 506
Письмо VI 517
Письмо VII 537
Письмо VIII 560
Письмо IX 570
Письмо X 583
Письмо XI 597
Письмо XII 617
Письмо XIII 632

В. В. ЛЕСЕВИЧЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

т. I и II—СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ ФИЛОСОФІИ.

т. III—СТАТЬИ ОБЩЕ-НАУЧНАГО ХАРАКТЕРА.

т. IV—ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ.

т. V—СТАТЬИ ПО ФОЛЬКЛОРУ И ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ РЕЛИГІОЗНЫХЪ УЧЕНІЙ.

Къ пятому тому будутъ приложены: біографія автора и его портреты, а также статья академика С. Ф. Ольденбурга, посвященная фольклорнымъ работамъ В. В. Лесевича.

Все изданіе будетъ закончено въ 1915 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА.

Подписная цѣна на всѣ пять томовъ 12 руб. съ пересылкой.

Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 3 р. безъ пересылки.

Подписка принимается ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ конторѣ „Книгоиздательства Писателей“—Москва, Никитскій бул., д. 10, кв. 5.

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ".

Москва, Никитскій бульв., домъ 10, кв. 5.

Литературно-Художественные сборники „СЛОВО".

Сборникъ I. В. Вересаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. **Ив. Шмелевъ.** Розстани. Изъ Рабиндраната **Тагора**, перев. съ англ., съ предисл. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки. **Ив. Бунинъ.** При дорогѣ. **Б. Зайцевъ.** Студентъ Бенедиктовъ. **Н. Телешовъ.** Ночлегъ. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ II. Неизданн. беллетрист. и драм. произведенія А. П. Чехова. Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ Записной книжки. Письма къ Чехову Д. Григоровича, Н. Михайловскаго, А. Плещеева и др. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ III. Гр. Ал. Н. Толстой. Большія непріятности. **Н. Телешовъ.** Мама. **Л. Авилова.** Осеннее. **Ив. Шмелевъ.** Поѣздка. **Ив. Бунинъ.** Братья. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ. **Б. Зайцевъ.** Мать и Катя. **К. Треневъ.** Мокрая балка. **Г. Яблочковъ.** Въ плѣну. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Четыре вѣка. **И. Сургучевъ.** Пѣсни о любви. **В. Вересаевъ.** Марья Петровна.

Матеріалы для исторіи русской журналистики: Письма Гл. Ив. Успенскаго, В. Короленко, Н. Михайловскаго, П. Якубовича и др. В. А. Гольцеву. Ц. 1 р. 50 к.

Въ спорахъ о театрѣ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина, Д. Овсянико-Куликовскаго и друг. Ц. 1 р.

Л. Авилова. Образъ человѣческій. Разсказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 75 к.

Ив. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разсказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Перевалъ. Разсказы 1892—1902 гг., изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Золотое дно. Разсказы. 1903—1907 гг. Ц. 1 р. 25 к.

А. Бѣлорусовъ. Парижъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Франція. Ц. 1 р. 50 к.
В. Вересаевъ. Разсказы, т. I, II, III, V по 1 р.
— Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.
— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
— Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій.) Ц. 1 р. 25 к.
} Изданіе автора.
— Живая жизнь, ч. II. (О Ницше.) Ц. 1 р. 25 к.
Вв. Вольновъ. Юность. (Печатается.)
И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разсказы. Ц. 80 к.
М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.
Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
То же, ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
С. Елпатьевскій. Разсказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Разсказы, т. II, изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы, т. III, готовится къ печати.
— За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
— Близкія тѣни. (Воспоминанія.) Ц. 75 к.
} Изданіе автора.
— Крымскіе очерки, съ иллюстр. Ц. 1 р.
М. Коцюбинскій. Разсказы, т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ѳ. Крюковъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критическія статьи. Ц. 1 р. 25 к.
Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. Ц. 1 р.
Иванъ Новиковъ. Разсказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.
А. Новиковъ-Прибой. Морскіе разсказы. (Печатается.)
А. Серафимовичъ. Снѣжная пустыня. (Разсказы, т. I.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Со звѣрями. (Разсказы, т. V.) Ц. 1 р. 25 к.
— Сухое море. (Разсказы, т. VIII.) Ц. 1 р. 25 к.
С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:
— Т. I. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 1 р. 25 к.
Рабиндранатъ Тагоръ Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев. А. Пушешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
Н. Телешовъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р.
— Черною ночью. Разсказы, т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Золотая осень. Разсказы, т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
— Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Корни жизни, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VIII. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IX. Золотой боръ. Ц. 1 р. 50 к.
К. Треневъ. Владыка. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:
— Т. I. Заволжье, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Разсказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.
— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
— Т. V. Хромой баринъ, ром. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. На войнѣ. Ц. 1 р.
А. П. Чеховъ. Письма, т. I (1876—1887 гг.). Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 60 к. Изд. 2-е.
— Письма, т. II (1888—1889 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к.
— Письма, т. III (1890—1891 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 25 к.
— Письма, т. IV (1892—1896 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
— Письма, т. V (1897—1899 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
Ив. Шмелевъ. Разсказы, т. I. (Распадъ.) Ц. 1 р.
— Разсказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. V. (Волчій перекатъ. Виноградъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.
Г. Яблочковъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
— Слѣпая душа. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Крембъ. Германія и Англія, пер. съ англ. Ц. 75 к.
Д-ръ Чарльзъ Сароли. Англо-германская проблема, перев. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.
Война и Польша. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. Ц. 75 к.

Народно-школьныя изданія.

Ив. Бунинъ. Избранные разсказы. Содержаніе: Сонъ Обломова-внука. — Антоновскія яблоки. — Весна. — Скитъ. — Сверчекъ. — На край свѣта. — На чужой сторонѣ. — Танька. — Кастрюкъ.—Велга. М. 1914 г. Ц. 65 к., въ папкѣ 90 к.

Н. Златовратскій. Избранные разсказы для юныхъ читателей, съ портретомъ автора, изд. 2-е. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р. 5 к.

Уч. Ком. Мин. Н. Пр. внесена въ списокъ книгъ для ученич. библ. среднихъ учебн. завед., допущена въ ученич. библ. городскихъ по Полож. 1872 г. училищъ и включена въ списокъ сочин., заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатн. народн. читаленъ и библ.

А. Серафимовичъ. Морской волкъ и др. разсказы. Содержаніе: Морской волкъ.—Лѣсная жизнь.—Три друга.—Сережа.—Бѣгство.—Медвѣдь.—М. 1914 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.

Н. Телешовъ. Вѣрный другъ и др. разсказы. Содержаніе: Вѣрный другъ. — Бѣлая цапля. — Косцы. — Старый хозяинъ. — Домой. — Елка Митрича. — Уха. — Пѣвецъ Богоматери.—Пѣснь о трехъ юношахъ. М. 1915 г. Ц. 50 к.

Готовятся къ печати: избранные разсказы В. Вересаева, А. Эртель, Э. Ожешко, С. Елпатьевскаго, М. Горькаго и др.

Коммунистическая академия